

Р. МАКДОНАЛЬД

4

Библиотека приключений

ДЕТЕКТИВЫ ДЕТЕКТИВЫ

РОСС
МАКДОНАЛЬД

ДЕТЕКТИВНЫЕ
РОМАНЫ

ДЕТЕКТИВЫ
ДЕТЕКТИВЫ

РОСС МАКДОНАЛЬД

ТОМ 4

Баку
Концерн «Олимп»
1993

Ответственный за выпуск
Р. Ю. ДАМИРОВ

Концерн «ОЛИМП» выпускает серии:

«Библиотека приключений» — «БП»
«Волшебная полочка сказок» — «ВПС»
«Super present» — «SP»
«Галактика фантастов» — «ГФ»

*Мы будем счастливы, если книги этих СЕРИЙ украсят
полки вашей библиотеки.*

М 4703040100—138 без объявл.
93

ISBN 5-87860-004-8

© Художественное оформление
Концерн «Олимп», 1993

ДРОЖЬ

Сквозь неплотно закрытые красные шторы в зал суда проникало солнце. Желтые лучи струились внутрь, затеняя свет электрических ламп и наугад выхватывая самые неожиданные детали — массивный кондиционер у стены напротив скамьи присяжных, длинные с ярко-красными ногтями пальцы стенографистки, порхающие над пишущей машинкой, немигающий взгляд миссис Перрин, устремленный на меня через стол защиты.

Шел второй, заключительный день суда над ней. Я был последним свидетелем со стороны защиты. Адвокат задал мне свой последний вопрос. Помощник окружного прокурора отказался от перекрестного допроса, и несколько присяжных посмотрели на него с выражением недоумения и неодобрения. Судья отпустил меня.

Со своего места для дачи свидетельских показаний я невольно обратил внимание на сидящего в первом ряду молодого человека, который отличался от остальной публики — домохозяек и пенсионеров, пришедших сюда, чтобы скоротать свободное утро, глаза на чужое горе. У молодого человека было свое горе, и, судя по тому, как пристально он смотрел в мою сторону, он был намерен поделиться им со мной. Он поднялся и направился мне наперерез. Мы столкнулись у самого выхода.

— Мистер Арчер, могу я с вами поговорить?

— Конечно.

Бейлиф¹ открыл перед нами дверь и поторопил:

¹ Бейлиф — помощник шерифа, полицейское лицо при судебных органах.

— Выходите, джентльмены. Заседание суда продолжается.

Мы вышли в коридор. Молодой человек сердито оглянулся на захлопнувшуюся дверь.

— Терпеть не могу, когда меня выпихивают.

— По-моему, нас никто не выпихивал. У вас какие-то неприятности?

Мне не следовало спрашивать его об этом. Мне нужно было сесть в машину и вернуться в Лос-Анджелес. Но у него было такое открытое лицо и беззащитный, полный душевной боли взгляд.

— Меня только что вышвырнули из офиса шерифа, — признался он. — А перед этим еще пару раз указали на дверь. Я не привык к такому обращению.

— Дело не в вас, там просто не умеют вести себя по-другому.

Он пожал плечами и вздохнул.

— Из ваших показаний я понял, что вы — опытный детектив. Вы здорово помогли миссис Перрин. Я уверен, что присяжные ее оправдают.

— Посмотрим. Гадать, что решат присяжные, — занятие неблагоприятное. — Я не принял комплимента, решив, что он хочет польстить мне и заслужить мое расположение. Судебный процесс над миссис Перрин завершал длинное, порядком наскучившее мне дело, и я собирался отметить это событие поездкой на рыбалку в Ла-Пас. — Это все, что вы хотели мне рассказать?

— Я многое могу вам рассказать, если вы согласитесь меня выслушать. Дело касается моей жены... Она ушла от меня.

— Я не берусь за дела с разводами, если вы об этом хотели меня попросить.

— Развод? — Он беззвучно расхохотался. — Я был женат всего один день — даже меньше. Все, в том числе мой отец, твердят мне, чтобы я аннулировал брак. Но я не хочу ни аннулировать его, ни разводиться. Я хочу вернуть свою жену.

— Где сейчас ваша жена?

— Не знаю. — Дрожащими руками он закурил сигарету. — Долли ушла на второй день после свадьбы. Возможно, она попала в беду...

— А может быть, просто решила, что семейная жизнь не для нее, или не пожелала видеть вас своим мужем. Такое нередко случается.

— То же самое мне сказали в полиции. Нередко!..

Мне-то от этого не легче. И потом, я точно знаю, что причина ее ухода в другом. Долли любила меня, и я любил... люблю ее.

Он говорил страстно и убежденно. Я видел его первый раз, но после этих слов у меня не осталось сомнений в силе и искренности его чувства.

— Вы не назвали мне ваше имя.

— Простите. Моя фамилия Кинкейд. Алекс Кинкейд.

— Где вы работаете?

— После того как Долли... как все это случилось, я еще не работал. А вообще я служу в корпорации Чэннел Ойл. Мой отец возглавляет отделение в Лонг Бич. Вы, может быть, слышали о нем? Фредерик Кинкейд?

Я отрицательно покачал головой. Опять распахнулась дверь, но на этот раз бейлиф придержал ее. Судья и присяжные проследовали на обеденный перерыв. Их движения были неторопливы и торжественны — часть хорошо продуманного судебного ритуала. Алекс Кинкейд проводил их растерянным взглядом.

— Нам не удастся здесь поговорить, — сказал он. — Позвольте мне пригласить вас на ленч.

— Идемте, — кивнул я. — Только платить будем поровну. — Мне не хотелось быть ему чем-то обязанным, по крайней мере до тех пор, пока я не узнаю его историю.

Мы направились в небольшой ресторанчик, расположенный на противоположной стороне улицы. В главном зале было шумно и сильно накурено. Свободных мест не было. За столиком в основном сидели судебные секретари, адвокаты, люди из службы шерифа и охранники. Хотя Пасифик Пойнт был милях в пятидесяти к югу от моего участка, я увидел в зале много знакомых лиц.

Мы с Алексом прошли в бар и устроились в дальнем углу. Он заказал двойное виски, я тоже. Выпив рюмку одним глотком, как лекарство, он хотел сразу же повторить заказ.

— Не слишком ли резво начинаете? — остановил я его. — Сбавьте скорость.

— Уж не собираетесь ли вы меня учить? — в голосе моего спутника прозвучала угроза.

— Я собираюсь выслушать ваш рассказ. И хочу, чтобы вы были в состоянии говорить.

— Вы что, решили, что я алкоголик?

— Вы просто очень взвинчены. В таком состоянии алкоголь вреден. И перестаньте задирааться, иначе кому-нибудь захочется дать вам сдачи.

Несколько мгновений он сидел молча, низко опустив голову. Его лицо было смертельно бледным, руки и губы слегка дрожали.

— Извините. Я плохо владею собой. Я даже представить себе не мог, что окажусь в подобной ситуации.

— Мне кажется, самое время рассказать, что с вами все-таки случилось. Давайте с самого начала.

— Вы имеете в виду с того дня, когда она ушла из отеля?

— Можно и так. Начните с отеля.

— Мы остановились в «Сэрф Хаус»,— медленно произнес он.— Это здесь, в Пасифик Пойнт. Честно говоря, этот отель мне не по средствам, но Долли очень хотелось пожить в нем, она ни разу в жизни там не бывала, и я решил, что три дня меня не разорят. Это было в выходные накануне Дня труда. Поскольку я уже использовал свой отпуск, мы решили пожениться в субботу, чтобы потом можно было на три дня отправиться в свадебное путешествие.

— Где проходило бракосочетание?

— В Лонг Бич, в здании суда.

— Похоже, вы спешили?

— Отчасти... Мы были знакомы не слишком долго. Это Долли настаивала, чтобы пожениться как можно скорее. Не подумайте, что я этого не хотел. Просто мои родители считали, что следует подождать, пока мы купим дом, обстановку и все такое... Они хотели, чтобы нас обвенчали в церкви, но Долли предпочла, чтобы брак зарегистрировал судья.

— А ее родители?

— Они умерли. У нее нет родственников.— Алекс с заметным усилием повернул голову и, встретившись со мной взглядом, покраснел.— Во всяком случае, так она говорила.

— Вы, кажется, в этом сомневаетесь?

— Нет, просто она очень разволновалась, когда я спросил ее о родителях. Я хотел с ними познакомиться, но она восприняла это так, словно я вмешиваюсь в ее личную жизнь. В конце концов она сказала мне, что ее отец с матерью погибли в автомобильной катастрофе.

— Где?

— Я не знаю где. Честно говоря, я вообще мало что знаю о своей жене. Только то, что она необыкновенная девушка,— с нежностью добавил он, и глаза его увлажнились.— Она красива и умна, и добродетельна, и я знаю, что

она любит меня.— Он произнес это как заклинание, словно хотел силой своего чувства вернуть потерянное счастье.

— Как ее звали до замужества?

— Долли Макги. Ее полное имя Дороти. Она работала в университетской библиотеке, а я как раз посещал летние курсы по...

— Вы познакомились этим летом?

— Да.— Он судорожно сглотнул, и на мальчишеской шее дернулся кадык.— Мы были знакомы всего шесть недель перед тем, как поженились. Точнее, шесть с половиной. Но почти все это время мы провели вместе.

— Что вы делали?

— Какое это имеет значение?

— Большое. Меня интересуют ее привычки и...

— Если вас интересует, были ли у нее *дурные* привычки, могу вам точно сказать, что не было. Она даже мне не разрешала пить, когда мы вместе заходили в кафе или в ресторан. Она не любила бывать в барах, даже в кино мы ходили редко. Она... она была очень серьезной девушкой. Большую часть времени мы разговаривали... Мы могли говорить часами. Знаете, мы исходили вдвоем весь Лос-Анджелес...

— О чем вы говорили?

— О смысле жизни,— просто, как о чем-то само собой разумеющемся, ответил он.— Мы пытались планировать нашу будущую совместную жизнь, мечтали о том, как станем воспитывать детей. Для Долли главным были дети. Ей очень хотелось, чтобы они стали настоящими людьми. Она ставила честность и порядочность выше материального благополучия. Вам, наверное, все это кажется скучным?

— Нет. Вы думаете, она была с вами искренна?

— Абсолютно. Я в этом уверен. Она даже считала, что я должен бросить работу и вернуться в университет, чтобы получить степень магистра. А чтобы в это время мне не пришлось брать денег у отца, она собиралась сама продолжать работать и помогать мне. Но когда мы решили пожениться, то отложили этот план.

— Ваш брак не был вынужденным?

Он бросил на меня взгляд, полный холодного презрения.

— Ничего такого между нами не было. Если хотите знать, мы даже не были... я даже не коснулся ее в первую брачную ночь. Шикарный отель и незнакомая обстановка действовали ей на нервы, хотя она сама предложила сюда

поехать. Поэтому мы решили не спешить. Так поступают многие пары.

— А как вообще Долли относится к сексу?

— Нормально. Мы говорили об этом очень откровенно. Если вы думаете, что она ушла потому, что страшилась физической близости, то заблуждаетесь. Она очень ласковая девушка.

— Так почему же все-таки она оставила вас, Алекс?

Глаза его потемнели от боли.

— Я не могу найти объяснения этому. Мне совершенно ясно только одно — причина не в нас с Долли. Должно быть, здесь замешан тот человек с бородой...

— Какой человек?

— Он приезжал в отель как раз в день исчезновения Долли. Я был внизу на пляже: сначала искупался, потом лег позагорать и заснул. Я отсутствовал около двух часов, а когда вернулся, она уже исчезла, забрав все свои вещи. Портье сказал мне, что незадолго до ее отъезда у нее был гость — мужчина с короткой седой бородой. Он пробыл в номере почти час.

— Его имя вам не сообщили?

— Нет.

— Он и ваша жена уехали вместе?

— Портье сказал, что сначала вышел мужчина, а некоторое время спустя — Долли.

На автобусной остановке она села в такси, но мне не удалось выяснить, куда она отправилась потом. Она не покупала билет ни на поезд, ни на самолет. Машины у нее не было. Поэтому я решил, что она осталась в Пасифик Пойнт. Не могла же она уйти отсюда пешком.

— Она могла уехать на попутных машинах.

— Только не Долли!

— Где она жила до того, как вы поженились?

— В Вествуде, в меблированных комнатах. Она съехала оттуда в субботу утром, накануне бракосочетания. Мы перенесли ее пишущую машинку и все остальные вещи ко мне. Они и сейчас там... Если честно, мне не дает покоя одна мысль... Я перерыл все ее вещи, чтобы найти хоть какой-то след, но там совершенно нет ничего личного.

— Вы думаете, она выходила замуж, планируя сразу оставить вас?

— Нет. Зачем ей было это делать?

— Причины могут быть разные. У вас большая страховка?

— Достаточно большая. Отец застраховал меня сразу после рождения. Но документ составлен в его пользу.

— А ваша семья богата?

— Я бы не сказал. Отец, конечно, получает прилично, но и работает он очень много. И вообще то, на что вы намекаете, совершенно исключено. Долли — честная девушка, ей не нужны чужие деньги.

— А что ей нужно?

— Мне казалось, что ей нужен я, — пробормотал он, опустив голову. — Мне и сейчас так кажется. Должно быть, с ней что-то случилось... Может быть, у нее помутился рассудок...

— Она что, психически неуравновешенна?

Он подумал, прежде чем ответить.

— Кажется, нет. Конечно, у нее есть свои странности, но у кого их нет. Я просто высказал предположение.

— Что ж, иногда оправдываются самые невероятные предположения. Вы разыскивали ее?

— Да, где только мог. Но что я могу сделать один, без помощи полиции? А там аккуратно записали мой рассказ на маленьких листочках и, сочувственно посмотрев на меня, положили их в ящик. Они, кажется, решили, что в первую брачную ночь Долли узнала обо мне что-то постыдное и поэтому ушла.

— Может быть, это действительно так?

— Да нет же! Мы обожали друг друга. Я пытался объяснить это шерифу сегодня утром. Он выслушал меня и с хитрой ухмылкой заявил, что не может начать расследование, если нет свидетельств нарушения общественного порядка. Я спросил: разве исчезнувшая женщина — не достаточное свидетельство? Он ответил, что нет. Она — свободный человек, ей двадцать один год, она ушла по своей воле, и по закону я не имею права принуждать ее вернуться. Он посоветовал мне аннулировать брак, я послал его с этим советом подальше, и он приказал своим людям вышвырнуть меня вон. Я разыскал в суде помощника окружного прокурора и ожидал его, чтобы подать жалобу, когда услышал, как вы даете показания.

— Так, значит, вас никто ко мне не посылал?

— Нет, но если вам нужны рекомендации, то мой отец...

— Вы уже говорили мне об отце. Он тоже считает, что нужно аннулировать брак?

Алекс горестно кивнул.

— Отец считает, что я трачу время на девушку, которая меня не достойна.

— Может быть, он прав.

— Он не может быть прав! Долли — единственная девушка на свете, которую я люблю. Мне никто кроме нее не нужен. Если вы не поможете мне, я найму кого-нибудь другого!

Мне нравилось его упрямство.

— Мои услуги недешевы. Сто долларов в день плюс расходы.

— У меня хватит денег, чтобы заплатить вам по меньшей мере за неделю.— Он вытащил бумажник и с силой хлопнул им по столу, так что бармен подозрительно посмотрел в нашу сторону.— Хотите аванс наличными?

— Я не спешу,— усмехнулся я.— У вас есть фотография Долли?

Он достал из бумажника аккуратно сложенную газетную вырезку и неохотно протянул ее мне. Это была репродукция фотографии, которую много раз разворачивали и снова складывали. Надпись под ней гласила: «Счастливые молодожены в «Сэрф Хаусе». Миссис и мистер Алекс Кинкейд проводят свой медовый месяц». С фотографии улыбались Алекс и его жена. У нее было своеобразное, приятное лицо с большими тревожными темными глазами и грустно-скорбной улыбкой.

— Когда сделана эта фотография?

— Три недели назад, в субботу, когда мы прибыли в «Сэрф Хаус». Они часто снимают гостей. Фото появилось в утренних газетах, я вырезал его и очень рад, так как это единственная фотография Долли, которая у меня есть.

— Вы могли попросить сделать вам копию.

— Кого?

— Фотографа, который снимал вас.

— Об этом я не подумал. Я непременно разыщу его. Как вы считаете, сколько снимков я должен ему заказать?

— Штук двадцать или тридцать, не меньше. Лучше пусть будут лишние.

— Это влетит мне в копеечку.

— Я тоже задаром работать не собираюсь.

— Вы, кажется, не хотите браться за мое дело?

— Дел мне хватает, я даже не прочь немного отдохнуть.

— Тогда убирайтесь к черту! — Он дернул у меня из рук фотографию, и она разорвалась посередине. Мы сидели друг против друга как враги, зажав в руках газетные

обрывки, с которых сиротливо взирали разлученные новобрачные.

Алекс разрыдался.

За ленчем я дал согласие помочь ему в поисках жены. Мое решение и пирог с курятиной немного успокоили его. Он, видимо, давно не ел и с жадностью поглощал пищу.

Мы отправились в «Сэрф Хаус» каждый в своем автомобиле. Отель был расположен в другом конце города. Вокруг него до самого океана раскинулся парк с множеством небольших коттеджей по сто долларов в сутки. От основного здания вниз к воде тянулась гигантская лестница зеленых террас. Мягко покачивались в слипах яхты и катера. А чуть дальше, за мысом, виднелись белые силуэты парусных судов.

Портье в форменной одежде был очень вежлив. Оказалось, что в интересующее нас воскресенье работала не его смена и ему ничего неизвестно о бородатом мужчине, который приходил к миссис Кинкейд. Дежуривший в тот день молодой человек, студент колледжа, работал здесь временно, замещая ушедшего в отпуск постоянного работника.

— Я хотел бы побеседовать с вашим фотографом. Он сегодня здесь?

— Да, сэр. Он, вероятно, пошел к бассейну.

Мы спустились вниз и почти сразу увидели худого подвижного человечка, на шее которого болтался на ремне массивный фотоаппарат. На фоне ярких одежд и цветных купальников фотограф в своем темном деловом костюме был больше похож на владельца похоронного бюро. Перед ним в напряженной позе застыла немолодая женщина в бикини. Ее пуп смотрел прямо в объектив, как пустая глазница. Сделав несколько снимков и попрощавшись с клиенткой, фотограф повернулся к нам и с улыбкой обратился к Алексу:

— Привет. Как поживает супруга?

— Я давно ее не видел, — угрюмо буркнул Алекс.

— Разве не вы были здесь пару недель назад? Кажется, я делал вашу фотографию...

Алекс не ответил. Он озирался вокруг совсем как привидение, пытающееся вспомнить, что значит быть живым. Я кашлянул.

— Мы бы хотели получить несколько копий того сним-

ка. Миссис Кинкейд исчезла, а я — частный детектив. Моя фамилия Арчер.

— Фарго. Симми Фарго. — Пожимая протянутую руку, он окинул меня быстрым взглядом, словно щелкнул затвором фотоаппарата.

— Куда исчезла?

— Мы не знаем. Она уехала отсюда на такси, это было днем второго сентября. С тех пор Кинкейд не может ее найти.

— Плохи дела, — произнес Фарго. — Так вы хотите, чтобы я размножил эту фотографию? Сколько вам нужно копий?

— Скажем, десятка три?

Он присвистнул и хлопнул себя по узкому морщинистому лбу.

— У меня в выходные много работы. Собственно, она уже началась — сегодня пятница. Я мог бы выполнить ваш заказ к понедельнику, но вам ведь снимки нужны срочно?

Я кивнул.

— Увы! — Он с сожалением всплеснул руками.

— Это очень важно, Фарго. Может быть, сумеете сделать штук десять часа через два?

— Я бы очень хотел помочь вам, но у меня работа. — Он медленно повернулся и посмотрел на Алекса. — Знаете, что мы сделаем? Я вызову жену, и она отпечатает вам фотокарточки. Только не подведите меня, как тот, другой...

— Какой другой? — спросил я.

— Крупный мужчина с бородой. Он заказал мне отпечаток с того самого снимка, но так и не пришел за ним. Если хотите, я могу отдать его вам.

Эти слова сразу вывели Алекса из транса. Он схватил Фарго за плечи и с силой встряхнул.

— Так вы его видели? Кто он такой?

— Я думал, вы его знаете. — Освободившись из объятий Алекса, Фарго инстинктивно отступил назад. — Хотя, по правде сказать, мне кажется, что и я его знаю. Могу поклясться, что однажды снимал его, только не вспомню где. Лицо его мне знакомо, но передо мной мелькают сотни разных лиц.

— Он не называл своего имени?

— Должно быть, назвал. Я не принимаю заказы без имени. Я посмотрю, наверное, у меня сохранилась квитанция.

Мы последовали за ним в отель и, миновав лабиринт узких коридоров, очутились в маленькой комнате без окон,

которая служила хозяину фотолабораторией. Он позвонил жене, затем подошел к нам, держа в руке конверт. В конверте между двух листов гофрированной бумаги лежал глянцевый снимок новобрачных. На лицевой стороне конверта было написано карандашом: «Чак Бегли. Винный Погреб».

— Теперь я вспомнил,— сказал он.— Этот парень работал в «Винном Погребе». Это магазин, расположенный неподалеку. Когда Бегли не пришел за фотографиями, я позвонил туда, и мне сообщили, что он больше там не работает.— Фарго перевел взгляд с Алекса на меня.— Имя Бегли вам ничего не говорит?

Мы оба ответили, что нет.

— Вы не могли бы описать его, мистер Фарго?

— Могу описать ту часть лица, которая не заросла водорослями,— я имею в виду его бороду. У него седые волосы, борода тоже седая, очень густая и курчавая. Седые брови, глаза серые, нос обычный, прямой. Я заметил, что нос у него шелушится от загара. Он хорошо выглядит для своего возраста, только зубы плохие. Похоже, жизнь его крепко потрепала, хотя лично я ни за что не стал бы с ним связываться. Он очень внушительных размеров, и вид у него не слишком приветливый.

— Какого он роста?

— Дюйма на три-четыре выше меня, наверное, около шести с лишним футов. На нем была спортивная рубашка с короткими рукавами, и я заметил внушительные мускулы на руках.

— А как он говорит?

— Обыкновенно. Не выпускник Гарварда, конечно, но и не примитив.

— Он объяснил вам, зачем ему понадобилась фотография?

— Сказал что-то сентиментальное: что будто бы увидел снимок в газете и он ему кого-то напомнил. Я тогда еще удивился, что он так быстро примчался. Газета с фотографией, вышла в субботу утром, а он явился сразу после полудня.

— И, должно быть, сразу после этого отправился к вашей жене,— сказал я Алексу и повернулся к Фарго: — А почему именно этот снимок попал в газету?

— Его выбрали из пачки, которую я послал в редакцию. «Пресс» часто печатает мои снимки: я одно время работал там. А почему они выбрали из всех именно этот кадр, не знаю...— Он еще раз внимательно посмотрел на фотогра-

фию и передал ее мне.— Снимок действительно удался. Мистер Кинкейд и его жена — прекрасная пара.

— Благодарю вас,— с горькой усмешкой поклонился Алекс.

— Я хотел сделать вам приятное...

— Я так и понял.

Забрав у Фарго снимок, я поскорее вытолкал Алекса из тесной комнатухи, боясь, что он снова сорвется. Он плохо владел собой: кипевшее в его душе отчаяние перехлестывало через край, превращаясь в гнев. Его терзала не только мысль о пропавшей жене, ему не давало покоя сознание собственной слабости и беспомощности.

Я не мог осуждать его за эту слабость, но в таком состоянии он был мне плохим помощником, поэтому, когда мы разыскали в двух кварталах от отеля интересующий нас винный магазин, я пошел туда один, оставив Алекса в его красной спортивной машине.

В магазине было прохладно. Я оказался единственным покупателем, и стоявший за прилавком мужчина в клетчатом жилете поприветствовал меня широкой улыбкой:

— Чем могу быть полезен, сэр?

У него было красное лицо и мутноватые глаза, а язык слегка заплетался, как у человека, который пьет не переставая со вчерашнего вечера.

— Мне нужен Чак Бегли.

Он поморщился и с обидой произнес:

— Мне пришлось уволить Чака. Я нанял его, чтобы развозить заказы покупателям, но далеко не весь товар доходил до места назначения.

— Давно вы его уволили?

— Недели две назад. Он проработал здесь недолго, меньше месяца. Такая работа не для него, я ему сколько раз говорил, что он способен на большее. Вы ведь знаете, Чак Бегли горы свернет, если пожелает.

— Не знаю.

— Я думал, вы его знакомый...

Я показал ему свое удостоверение.

Он шумно выдохнул, и до меня донесся запах мяты.

— Выходит, Бегли в бегах?

— Может быть. Почему вы спросили?

— Когда он первый раз пришел сюда, я еще удивился, зачем это вдруг такому человеку, как он, понадобилось работать неполный рабочий день на доставке... А за что его ищут?

— Этого я не знаю. Вы можете дать его адрес?

— Думаю, да.— Мужчина потер переносицу и, глядя на меня сквозь пальцы, попросил: — Только не говорите Бегли, что это я вас навел. Я не хочу, чтобы он заявился сюда выяснять отношения.

— Хорошо.

— Он частенько засиживается у одной из моих клиентов. Можно сказать, живет постояльцем, только денег не платит. Мне, конечно, не хочется доставлять ей неприятности, но...— Он пожал плечами.— Если Бегли в бегах, то я окажу ей большую услугу тем, что помогу от него избавиться. Ведь так?

— Так. Где она живет?

— На Шерватер Бич. Дом номер семнадцать. Ее зовут Мадж Герхарди. Поезжайте по южному шоссе, там мили через две будет поворот на Шерватер Бич. Только не говорите, что это я вас послал. О'кэй?

— О'кэй.

Я вышел, оставив его наедине со своими бутылками.

Мы остановились у начала подъездной дорожки, и я убедил Алекса посидеть в машине, подальше от любопытных глаз. Шерватер Бич оказался небольшим прибрежным поселком из нескольких десятков вытянутых в одну линию старых коттеджей. В узких промежутках между ними сверкало голубизной море; над островерхими крышами кружила крачка, высматривая в воде добычу.

Дом номер семнадцать был ветхим и давно не крашенным, он опирался на высокие сваи, как инвалид на костыли. Я постучал в облупившуюся серую дверь. С той стороны послышались ленивые шаркающие шаги, словно по ступенькам тащили тяжелое тело. Щелкнул замок, и на пороге показался бородатый мужчина.

На вид ему было около пятидесяти. На нем была черная рубашка с открытым воротом, из которого точно каменная глыба выступала крупная голова. Он сощурился от яркого света, и в глазах его сверкнул огонек враждебности. Ногти на пальцах, которыми он придерживал дверь, были обгрызены. Проследив мой взгляд, он сжал пальцы в кулак.

— Я ищу пропавшую девушку, мистер Бегли.— Я решил не ходить вокруг да около, а сразу перейти к делу.— Возможно, с ней что-то случилось, а если так, вы, вероятно, были одним из последних, кто видел ее живой.

Бегли потер кулаком щеку. У него был вид человека, много испытавшего в жизни. Кожу у глаз избороздили

частые морщины, на виске виднелся тонкий шрам, пересеченный ровными отметинами швов, отчего он напоминал миниатюрную линейку. Судьба явно не баловала этого человека; жизнь обходилась с ним жестоко, и, судя по всему, он не питал надежд на спокойную старость.

— Вы с ума сошли,— хрипло проговорил он.— Я знать не знаю никаких девушек.

— Но ты знаешь меня,— раздался за его спиной игривый женский голос.

В дверях показалась женщина и, оглядев меня с головы до ног, прислонилась к его плечу. Она была примерно того же возраста, что и Бегли, может быть, даже немного старше. На ней был купальник и шорты. Сожженные осветляющей краской волосы торчали в разные стороны, точно желтый парик ведьмы. Глаза, полуприкрытые веками с толстым слоем темно-синих теней, казались бесцветными.

— Боюсь, что вы ошиблись,— учтиво начала она, но быстро сбилась на более привычный язык.— Могу побожиться, что у Чака нет никаких девушек. Ему хватает хлопот со мной, старушкой.— Она с игривой улыбкой взглянула на Бегли и положила ему на плечо свою белую пухлую руку.— Так ведь, дорогой?

Зажатый между обнявшей его женщиной и мной, Бегли не мог двинуться с места. Я протянул ему глянцевого фотоснимок новобрачных, сделанный Фарго.

— Вам ведь знакома эта девушка, не так ли? Ее зовут Долли... После замужества ее фамилия стала Кинкейд.

— Никогда в жизни о ней не слышал.

— Свидетели говорят другое. Они говорят, что три недели назад вы приходили повидать ее в «Сэрф Хаус». Вы увидели эту фотографию в газете и заказали копию у фотографа, который работает в «Сэрф Хаусе».

Женщина, мельком взглянув на фотографию, еще сильнее вцепилась в шею Бегли; ее объятие скорее напоминало мертвую хватку борца, чем ласку любовницы.

— Кто она, Чак?

— Представления не имею,— бросил он. И пробормотал себе под нос: — Значит, все началось сначала.

— Что началось сначала? — требовательно спросила женщина.

Она начинала мешать нашему разговору.

— Позвольте мне поговорить с мистером Бегли наедине,— попросил я.

— У него нет от меня секретов,— гордо заявила она

и повернулась к Бегли, ожидая подтверждения. — Так ведь, дорогой? Мы ведь собираемся пожениться, правда?

— Перестань, пожалуйста, называть меня «дорогой». И помолчи хоть пять минут...

Она отшатнулась от него, едва не разрыдавшись. Опустившиеся углы ярко-красного рта делали ее лицо похожим на печальную клоунскую маску.

— Пожалуйста, зайди в дом, — попросил он. — Дай мне поговорить с человеком.

— Это мой дом, и я имею право знать, что в нем происходит.

— Разумеется, Мадж. Но у меня могут быть свои дела. Иди и выпей кофе.

— У тебя неприятности?

— Нет. Конечно, нет, — примирительно сказал он. — Иди. Будь умницей.

Его последние слова смягчили ее. Нехотя повернувшись, она скрылась в темном коридоре. Бегли закрыл дверь и прислонился к ней спиной.

— Теперь вы можете сказать мне правду, — сказал я.

— Ну хорошо, я действительно ходил повидать ее в отель. Это был просто глупый сентиментальный порыв. Он еще не доказывает, что я убийца.

— А никто, кроме вас, не произносил этого слова.

— Я решил вас предупредить, — усмехнулся он и раскинул в стороны руки, совсем как на распятии. — Вы, вероятно, из полиции?

— Мы работаем вместе, — невозмутимо солгал я. — Моя фамилия Арчер. Вы не объяснили, зачем приходили к миссис Кинкейд. Вы с ней близко знакомы?

— Я ее не знаю. — Он резко опустил руки. Нижнюю половину его лица закрывала борода, а по глазам ничего нельзя было прочесть. — Я думал, что знаю ее, но оказалось, что ошибся.

— Что вы имеете в виду?

— Я принял ее за свою дочь. На фотографии она очень похожа на нее, не то что в жизни... Когда я вошел в номер, то сразу понял, что обознался. Моя ошибка вполне объяснима: я очень давно не видел свою дочь.

— Как ее звали?

Он помедлил.

— Мэри. Мэри Бегли. Мы не встречались с ней больше десяти лет. Я был далеко отсюда, на другом конце света... — Он произнес это так, словно провел десять лет на другой планете.

— Ваша дочь, вероятно, была еще совсем маленькой, когда вы уехали?

— Да. Ей было десять или одиннадцать лет.

— И вы, должно быть, очень любили ее, если заказали эту фотографию только потому, что снятая на ней девушка напоминала вам вашу дочь?

— Да, я любил ее...

— Почему же вы не пришли за фотографией?

Он ничего не ответил. Я молча смотрел на него. В нем было что-то напоминающее стареющего дикого зверя.

— Я побоялся, что Мадж будет ревновать, — наконец признался он. — Я ведь живу у Мадж и многим ей обязан...

Мне показалось, что этой откровенностью он рассчитывал увести разговор в сторону. Впрочем, возможно, это и не входило в его планы. Есть люди, которые всю жизнь не живут, а только тем и занимаются, что ищут способ наказать себя за то, что появились на свет. Мой собеседник был явно не из их числа: он не искал беды, беда сама следовала за ним по пятам.

— А что, по-вашему, случилось с миссис Кинкейд? — осведомился он, стараясь говорить спокойно и равнодушно, словно ответ на этот вопрос совсем не интересовал его.

— Я полагал, что смогу узнать об этом у вас. Вот уже три недели от нее нет никаких известий. Это настораживает. Конечно, молодые девушки довольно часто уходят из дома, но не во время медового месяца и не от любимого мужа.

— А она его любила?

— Он так считает. Как она вела себя во время вашей встречи? Она не казалась подавленной?

— Я бы не сказал... Она очень удивилась, увидев меня.

— Потому что вы давно не встречались?

Он ухмыльнулся в курчавую бороду.

— Не пытайтесь меня подловить. Я же сказал, что она не моя дочь. Она меня знать не знает.

— О чем же вы с ней беседовали?

— Мы не беседовали. — Он помедлил. — Ну, может быть, я задал ей несколько вопросов.

— Каких, например?

— Кто был ее отец. Кто была ее мать. Откуда она родом. Она сказала, что родилась в Лос-Анджелесе. Ее зовут Долли, девичью фамилию я забыл. Она сказала, что ее родители умерли. Вот и все.

— Долго же вам пришлось выяснять у нее это.

— Я пробыл в номере минут пять или десять. Ну, может быть, пятнадцать.

— Портье сказал, что вы были там около часа.

— Портье ошибся.

— А, может быть, это вы ошиблись, мистер Бегли? Иногда время летит быстро.

Он весь напрягся от моего недвусмысленного намека.

— Возможно, я в самом деле чуть-чуть задержался. Теперь я вспомнил, что она предложила немного подождать и познакомиться с ее мужем.— Бегли смотрел мне прямо в лицо, но по его глазам было видно, что он лжет.— Но муж все не шел и не шел, поэтому я попрощался и уехал.

— Вы не предложили ей встретиться еще раз?

— Нет. Ее не настолько заинтересовала моя история.

— А вы рассказали ей свою историю?

— Я рассказал ей о своей дочери.

— Я кое-что не понял. Вы сказали, что провели около десяти лет за пределами страны. Где именно?

— В Новой Каледонии. Мы добывали там хром. Прошлой весной шахту закрыли, а всех нас отправили домой.

— И теперь вы ищете свою дочь?

— Конечно. Я хочу ее повидать.

— Чтобы попросить быть подружкой невесты на вашей свадьбе? — Я намеренно уколол его, рассчитывая посмотреть, какова будет реакция. Он молча стерпел мою грубость.— А что случилось с вашей женой? — задал я следующий вопрос.

— Она умерла.— Он глубоко вздохнул.— Послушайте, неужели вам обязательно надо копаться в моем прошлом? Потеря близких — всегда большое горе, зачем же беречь старые раны?

Я не смог понять, говорит он искренне или притворяется. Когда человек начинает жалеть себя вслух, то всегда создается впечатление, что он слегка преувеличивает.

— Конечно, потеря семьи — тяжелая утрата,— согласился я.— Но на что вы рассчитывали, уезжая из страны на целых десять лет?

— Я сделал это не по своей воле. Меня увезли насильно, и я не имел возможности вернуться назад.

— Так это и есть ваша история? Звучит не слишком правдоподобно.

— Моя история действительно не совсем обычная, но я не собираюсь вам ее рассказывать. Вы все равно не поверите. Никто не верит.

— А, может быть, попробуем?

— Это займет целый день. Вам и без меня есть чем заняться.

— Чем, например?

— Вы сказали, что исчезла молодая девушка. Вот и ищите ее.

— Я надеялся, что вы поможете мне в этом. И все еще надеюсь, мистер Бегли.

Он опустил голову, разглядывая свои башмаки.

— Я рассказал вам все, что знаю. Конечно, мне не следовало ходить в этот отель. Ну ладно, пусть я допустил ошибку, но нельзя же отправлять человека на виселицу только за то, что он обознался.

— Вы один раз уже сказали «убийство», и вот теперь «виселица». Почему?

— Просто у меня такая манера разговаривать. — Однако уверенность быстро покидала его, просачиваясь в дырки от моих вопросов-уколов. Теряя контроль над собой, он повысил голос. — Вы считаете, что это я убил ее?

— Нет. Я так не считаю. Просто то, что произошло между вами, или то, о чем вы говорили, может помочь выяснить причину ее неожиданного отъезда. Подумайте, может быть, вам удастся что-либо вспомнить?

Он медленно поднял голову и посмотрел вверх на солнце. Под всклокоченной бородой показалась так не вязавшаяся с его обликом бледная тощая шея. Впечатление было такое, будто глухая маска, наподобие тех, что носили когда-то греческие актеры, надежно скрывает его истинное лицо от чужих глаз.

— Нет, — наконец сказал он. — Ничего такого не было.

— Вы не поссорились?

— Нет.

— А почему она разрешила вам войти в номер?

— Наверное, ее заинтересовали мои слова. Я позвонил ей по внутреннему телефону и сказал, что она похожа на мою дочь... Поддался первому порыву... Глупая сентиментальность! Как только я увидел ее, то сразу понял, что ошибся.

— Вы не договаривались с ней о следующей встрече?

— Нет. Конечно, нет.

— А вы не ждали ее потом на автобусной остановке?

— Нет. Чего вы добиваетесь? Что вам от меня нужно?

— Только правды. Меня не совсем удовлетворяет то, что вы мне сообщили.

Он вскипел от ярости и со злостью воскликнул:

— Вы уже узнали столько, что...— Быстро овладев собой, он проглотил конец фразы и закусил губу.

Потом развернулся и решительно шагнул в дом, захлопнув за собой дверь. Я подождал немного, затем двинулся по песчаной подъездной дорожке туда, где стояли наши с Алексом машины.

В красном «порше» рядом с Алексом сидела Мадж Герхарди. Она подняла на меня сияющие глаза.

— Миссис Герхарди видела ее...— с волнением сообщил мне Алекс.— Она видела Долли.

— Вместе с Бегли?

— Нет, не с ним.— Мадж Герхарди открыла дверцу и вылезла из машины.— Это было в гараже, где ремонтируют автомобили иностранных марок. Я заехала туда сменить масло. Та девушка была с какой-то пожилой женщиной. Они уехали вместе в коричневом «роллс-ройсе». Девушка села за руль.

— Вы уверены, что не ошиблись? — Я протянул ей фотографию.

Она утвердительно кивнула.

— Это она, если, конечно, у нее нет сестры-двойняшки. Я не могла не заметить такую красивую девушку.

— А кто была та пожилая женщина?

— Не знаю. Но механик из гаража, наверное, сможет вам помочь.— Она назвала адрес гаража и заторопилась.— Мне пора. Я пробралась сюда вдоль берега. Чак, наверное, уже ищет меня.

Механик, лежавший лицом вверх на старом коврике, выбрался из-под приподнятой передней части потрепанного «ягуара» и поднялся на ноги. Он оказался тучным итальянцем. На груди его рабочего комбинезона было вышито имя «Марио». В ответ на мой вопрос о «роллс-ройсе» и старой леди он оживленно закивал:

— Да, да, это миссис Брэдшоу. Я вожусь с ее «ройсом» уже двенадцать лет, с тех самых пор, как она его купила.— Он с нескрываемым удовлетворением, точно хирург, который провел серию удачных операций, посмотрел на свои перепачканные машинным маслом руки.— Многие из тех девушек, которых нанимают возить ее, ничего не смыслят в автомобилях.

— А вы знаете, кто сейчас ее возит?

— Имени не знаю. Миссис Брэдшоу слишком часто их меняет, чтобы я мог запомнить. Обычно она находит их

в колледже. Ее сын работает там деканом. Он не хочет, чтобы старая леди сама водила машину. У нее сильный артрит, и, кажется, однажды она уже попадала в аварию.

Я остановил словоохотливого механика и показал ему фотографию.

— Вот эта девушка?

— Да. Позавчера с миссис Брэдшоу была она. Это новенькая. Я уже говорил, что миссис Брэдшоу их постоянно меняет. Она привыкла, чтобы ей все подчинялись, а эти студентки не очень-то любят, когда ими распоряжаются. Лично я...

— Где она живет? — нетерпеливо перебил его Алекс, и это нетерпение насторожило Марио.

— А что вам от нее нужно?

— От нее ничего, а эта девушка — моя жена.

— Вы что, разошлись?

— Не знаю. Мне нужно с ней поговорить.

Марио поднял голову, в задумчивости посмотрел на рифленую железную крышу.

— А со мной жена развелась два года назад. С тех пор я начал полнеть... Мужчине труднее, когда он остается один.

— Где живет миссис Брэдшоу? — спросил я.

— На Футхилл Драйв, недалеко отсюда. На первом же перекрестке повернете направо и попадете прямо туда. Номер дома можете посмотреть в телефонном справочнике, вон там на столе. Дом записан на имя ее сына — Роя Брэдшоу.

Я поблагодарил его. Он снова улегся на коврик и скрылся под «ягуаром». Справочник лежал под телефоном на старом столике в углу гаража. Я быстро отыскал нужный адрес: Рой Брэдшоу, Футхилл Драйв, 331.

— Может, быть, позвоним прямо отсюда? — предложил Алекс.

— Лучше поговорить лично.

Среди многочисленных кварталов новых жилых домов и корпусов строящихся современных предприятий Пасифик Пойнт сумел сохранить свое лицо. На Футхилл Драйв за последние несколько десятков лет мало что изменилось. Все так же неторопливо и размеренно текла жизнь местных старожилов за этими толстыми стенами, выдержавшими не одно землетрясение, и за причудливыми зелеными изгородями, пережившими не одно поколение садоводов.

Дом 331 скрывали стволы высоких кипарисов. Я въехал в открытые железные ворота. Алекс на своей машине

последовал за мной. Мы миновали сторожку с зеленой дверью и ставнями и сбавили скорость. Вскоре за поворотом показался старинный белый особняк. Прямо перед ним был разбит цветник. Пожилая женщина в широкополой шляпе стояла на коленях перед клумбой с цветами. В руках она держала садовые ножницы. Они звонко щелкнули в тишине, когда мы заглушили свои моторы.

Женщина тяжело поднялась на ноги и направилась к нам, на ходу поправляя выбившиеся из-под шляпы седые волосы. Это была просто старая леди в грязных спортивных тапочках, но в том, как она гордо несла свое тело, едва различимое под складками широкого синего рабочего халата, угадывались бывшая сила и красота. Рисунок ее лица размыло временем, но темные глаза все еще сохраняли юношескую живость и смотрели на нас настороженно, как смотрит лесная птица на приближающихся к ее гнезду незваных гостей.

— Миссис Брэдшоу? — с волнением спросил Алекс.

— Да, я миссис Брэдшоу. Что вам угодно, джентльмены? Сейчас я очень занята. — Она щелкнула ножницами как бы в подтверждение своих слов. — Я никогда и никому не доверяю подрезать мои розы. И все равно они гибнут, бедняжки. — Женщина горько вздохнула.

— По-моему, у вас просто прекрасные розы, — возразил я, желая сделать ей приятное. — Мистер Кинкейд и я очень сожалеем, что помешали вам. Но у него исчезла жена, а нам сообщили, что она работает у вас.

— У меня? У меня работает только чета испанцев, муж и жена... Мой сын, — с нажимом добавила она, — контролирует мой бюджет.

— А девушка, которая водит вашу машину?

Старая леди широко улыбнулась.

— Ах, эта! Про нее я совсем забыла. Она ведь работает неполный день... Как же ее зовут? Молли? Долли? Я всегда забываю их имена.

— Долли, — подсказал я и протянул ей фотографию. — Это она?

Миссис Брэдшоу сняла рабочие перчатки и взяла снимок. Суставы пальцев на ее руках были сильно утолщены.

— Да, это она. Но она не говорила мне о том, что у нее есть муж. Иначе я не наняла бы ее. Замужняя женщина не принадлежит себе, а я привыкла выезжать точно по расписанию.

— Где сейчас Долли? — перебил ее Алекс.

— Не знаю. Сегодня я уже отпустила ее. Может быть,

она пошла в колледж или сидит в домике сторожа. Я разрешаю своим девушкам пользоваться им. Некоторые, правда, злоупотребляют моим доверием, но она, кажется, нет.— Старая леди подозрительно взглянула на Алекса.— Надеюсь, что этого не будет и в будущем.

— Не думаю, что она станет...

Я оборвал его на полуслове, приказав:

— Сходите посмотреть, нет ли Долли в сторожке.— Затем я снова повернулся к миссис Брэдшоу.— Как давно она у вас работает?

— Около двух недель. Семестр начался две недели назад.

— Разве она учится в колледже?

— Да. Всех своих девушек я находила там, кроме сиделки, которую мне нанимали прошлым летом, когда сын уезжал за границу. Я не хотела бы расставаться с Долли, она гораздо умнее тех, которые служили у меня раньше. Но если она решит уйти, что ж... всегда найдутся другие. Когда вы поживете с мое, то убедитесь, что молодые всегда предают стариков.— Она повернулась к своим розам, ярко пылающим красно-желтым цветом в солнечных лучах. Казалось, она ищет подходящие слова, чтобы продолжить начатую мысль, но эти слова никак не приходят. Я прервал затянувшуюся паузу:

— Под какой фамилией она у вас служит?

— Боюсь, что не вспомню. Я всегда зову их по именам. Мой сын может помочь вам.

— Он дома?

— Рой в колледже. Он работает там деканом.

— Это далеко отсюда?

— Нет, его видно с того места, где вы сейчас стоите.— Она ухватила меня за локоть негнущимися пальцами и повернула лицом к деревьям. Через просвет между стволами я разглядел металлический купол небольшой обсерватории. Старая леди прошептала мне в ухо тоном заговорщицы:

— А что произошло между этим молодым человеком и его женой?

— Они проводили здесь медовый месяц, и она сбежала от него. Он пытается выяснить почему.

Она с осуждением покачала головой.

— Что за странный поступок. Я бы не смогла так себя вести во время медового месяца, я слишком уважала своего мужа. Но нынешние девушки совсем другие, правда? Вер-

ность и преданность для них ничего не значат. Вы женаты, молодой человек?

— Был.

— Понимаю... Мальчик — ваш сын?

— Нет. Моя фамилия Арчер. Я — частный детектив.

— Да? И что вы обо всем этом думаете? — Она сделала неопределенный жест рукой, в которой все еще сжимала садовые ножницы.

— Пока ничего. Ее уход мог быть просто девичьим капризом. А возможно, она заранее его планировала. Все, что я могу сделать, это спросить ее самое о мотивах этого поступка. Кстати, миссис Брэдшоу, при вас она никогда не упоминала имени Бегли?

— Бегли?

— Да, это крупный мужчина с короткой седой бородой. Он приезжал к ней в «Сэрф Хаус» в тот день, когда она ушла от мужа. Не исключено, что это ее отец.

Женщина облизала морщинистые губы кончиком языка.

— Она мне ничего о нем не говорила. Я не люблю, когда мне начинают изливать душу, и не поощряю своих девушек к особой откровенности. Может быть, я не права...

— Какое настроение было у Долли последние дни?

— Трудно сказать. Она всегда одинаково спокойна. Думает о чем-то своем...

Из-за поворота показался Алекс. Он был возбужден и почти бежал.

— Это она! Точно. Я нашел в шкафу ее вещи.

— Вам никто не разрешал входить внутрь, — сказала миссис Брэдшоу.

— Но ведь это ее дом, не так ли?

— Он прежде всего мой.

— Но вы разрешили ей в нем жить.

— Ей, а не вам.

Я вовсе не хотел, чтобы они поссорились, поэтому сделал шаг вперед, взял Алекса за плечи и отвел в сторону, к нашим автомобилям.

— Исчезните, — коротко приказал я. — Вы мне мешаете.

— Но я должен увидеть ее!

— Вы ее увидите. Поезжайте и снимите номер в мотеле «Маринерз Рест». Для нас обоих. Это по пути в «Сэрф Хаус», на...

— Я знаю, где это. Но как же Долли?

— Я пойду в колледж и поговорю с ней. Если она пожелает, я привезу ее с собой.

— Но почему я сам не могу пойти в колледж? — упрямылся он, как капризный ребенок.

— Потому что я этого не хочу. У Долли своя жизнь. Нравится вам это или нет, но вы не имеете права решать за нее. Встретимся в мотеле.

Он сердито хлопнул дверцей машины и резко тронул с места, обдав меня пылью из-под колес.

Миссис Брэдшоу вернулась к своим розам. Я вежливо попросил у нее разрешения осмотреть вещи Долли. Она так же вежливо отказала мне, сказав, что не может решать за Долли.

Территория колледжа казалась зеленым оазисом на темном фоне предгорья. Здания были в основном новыми и очень современными. Их окружали зеленые лужайки, многочисленные клумбы с цветами и полутропическими растениями. Босоногий юноша, расположившийся под придорожной пальмой, оторвался от книги Сэлинджера и показал мне, как проехать к административному корпусу.

Я поставил свою машину во дворе, в конце длинной вереницы автомобилей, среди которых мрачно возвышался большой черный «сандерберд». Была пятница — начало длинного университетского уик-энда. Стеклянная будка справочного в вестибюле была пуста, в коридоре первого этажа тоже никого не было.

Кабинет декана Брэдшоу я нашел без особого труда. Вдоль стен приемной стояло несколько датских кресел. За столом перед пишущей машинкой сидела белокурая секретарша, бдительно охранявшая закрытую внутреннюю дверь. У нее было худое бледное лицо, усталые голубые глаза, которые говорили о том, что ей приходилось слишком много работать при искусственном освещении, и несколько деланный голос:

— Что вам угодно, сэр?

— Я хотел бы повидать декана.

— Декан Брэдшоу очень занят. Может быть, я вам смогу помочь? — заученно осведомилась она.

— Может быть. Я разыскиваю одну из ваших студентов. Ее зовут Долли Макги или Долли Кинкейд.

— Так все же Макги или Кинкейд? — уточнила она.

— Ее девичья фамилия Макги, а по мужу она Кинкейд. Я не знаю, под какой фамилией она поступала сюда.

— Вы ее отец? — осторожно спросила секретарша.

— Нет, я ей не отец. Но мне очень нужно ее видеть.

Девушка метнула на меня подозрительный взгляд.

— У нас не принято давать информацию о студентах никому, кроме их родителей.

— А как насчет мужей?

— Вы ее муж?

— Я прибыл по его поручению. Позвольте мне поговорить с деканом.

— Это невозможно, — решительно заявила она. — Декан Брэдшоу проводит совещание с заведующими кафедрами. Зачем вы хотели видеть мисс Макги?

— Это сугубо личный вопрос.

— Понимаю...

Наступила пауза. Я попытался разрядить напряжение шуткой.

— У нас не принято разглашать секретную информацию. — Шутка получилась неуклюжей. Девушка обиженно закусил губу и отвернулась к своей машинке. Я стоял и ждал. Голоса за дверью то становились громче, то затихали. Чаще всего слышалось слово «бюджет». Немного погодя секретарша сказала:

— Вы можете обратиться к Лоре Сатерлэнд. Она — декан женского отделения. Ее кабинет напротив по коридору.

Дверь в кабинет декана Сатерлэнд была распахнута настежь. Возраст его хозяйки не поддавался определению: ей можно было дать около тридцати и далеко за сорок. Ее каштановые гладко зачесанные назад волосы были стянуты в тугий узел. Единственным ярким пятном на лице казалась прямая линия губ, подчеркнутая розовой помадой.

Но все же, глядя на это тонкое с точеными чертами лицо, я поймал себя на мысли, что эта женщина очень красива. Ее высокая грудь в строгой белой блузке, точно наполненный ветром парус, круто вздымалась над поверхностью рабочего стола.

— Входите, — произнесла она с суровостью, к которой я начал уже привыкать. — Чего вы ждете?

У нее были удивительные глаза, которые на несколько мгновений буквально загнипотизировали меня. В них словно отражалась сердцевина огромного айсберга — прозрачно-зеленоватый лед и ослепительно холодное сияние.

— Садитесь, — пригласила она. — Вы по какому вопросу?

Я представился и сообщил ей о цели своего визита.

— В нашем колледже нет студентки по фамилии Макги или Кинкейд.

— Возможно, она здесь под какой-то другой фамилией. Я точно знаю, что она учится у вас. Она водит машину матери декана Брэдшоу.

Я показал ей фотографию.

— Но это же Дороти Смит. Чего ради она назвалась вымышленным именем?

— Ее муж тоже хотел бы это выяснить.

— Это он на фотографии рядом с ней?

— Да.

— Он производит приятное впечатление.

— Видимо, она так не считает.

— Интересно, почему?..— Она смотрела сквозь меня, точно я был пустым местом.

— И потом я не пойму, как ей удалось зарегистрироваться под чужим именем? Выходит, у нее поддельные документы...— Она резко встала.— Подождите минутку, мистер Арчер.

Она вышла в соседнюю комнату, где вероятно, хранились личные дела студенток, и вернулась, держа в руках тонкую папку. Сев за стол, положила папку перед собой и раскрыла ее.

— Понятно,— пробормотала она и подняла глаза.— Ее приняли условно. Здесь есть пометка, что ее документы будут представлены позднее.

— В какой срок она должна была их представить?

— До конца сентября. Значит...— декан перевела взгляд на настольный календарь,— значит, осталось девять дней. Но теперь ей придется поторопиться. В наших стенах мы не потерпим обмана.— Декан Сатерленд оскорбленно поджала губы.— А мне она показалась прямой и честной девушкой.

— Вы с ней лично знакомы?

— Я всегда знакомлюсь с вновь поступившими и стараюсь им чем-то помочь. Для мисс или миссис Кинкейд я сделала все, что могла. Я даже подыскала ей работу в библиотеке.

— И у миссис Брэдшоу?

Она кивнула.

— Долли услышала, что у леди Брэдшоу освободилось место, и я порекомендовала ее.— Она взглянула на свои часы.— Должно быть, она сейчас там.

— Ее там нет. Я только что был у миссис Брэдшоу.

Кстати, у вашего декана роскошный дом. Мне казалось, что в университетах платят немного.

— Вы правы. Но декан Брэдшоу — из богатой и знатной семьи. Какова была реакция его матери на... на то, что вы ей сообщили?

— Она восприняла все очень спокойно, как и подобает мудрой женщине.

— Я рада, что у вас сложилось о ней хорошее мнение, — сказала она так, словно сама не разделяла его. — Пожалуй, я пойду посмотрю, нет ли миссис Смит — Кинкейд в библиотеке.

— Можно мне пойти с вами?

— Нет. Сначала я сама поговорю с ней и выясню причины, побудившие ее пойти на обман.

— Я бы не хотел, чтобы из-за меня у девушки были неприятности.

— Понимаю... Вы тут ни при чем. Мы сами во всем разберемся. Я благодарна вам за то, что вы поставили нас в известность.

— А не могли бы вы в знак благодарности, — осторожно начал я, — позволить мне первому поговорить с ней?

— Боюсь, что нет.

— У меня большой опыт общения с людьми.

Мне не следовало этого говорить. Она снова обиженно поджала губы, и блузка на ее груди возмущенно всколыхнулась.

— У меня тоже есть опыт — опыт многолетней работы, и, кроме того, я — дипломированный педагог. Будьте добры, подождите в коридоре, а я позвоню в библиотеку. — Она замолчала и, когда я выходил из комнаты, добавила: — Пожалуйста, не пытайтесь перехватить ее по дороге сюда.

— Что вы, мисс Сатерлэнд!

— Декан Сатерлэнд.

Я вышел и остановился у доски объявлений. Пробежав глазами длинный список планируемых мероприятий — приглашения на вечеринки, сообщения о заседаниях клубов и кружков, я загрустил, отчасти потому, что мое собственное студенчество оказалось недолгим, отчасти из-за того, что мое вмешательство несомненно осложнит студенческую жизнь Долли.

С улицы в здание вошла девушка в роговых очках и высокий парень в спортивной куртке. Они остановились неподалеку от меня. Девушка, оживленно жестикулируя, что-то объясняла своему спутнику. Речь шла об Ахилле

и черепахе. Ахилл преследует черепаху, но, по Зенону, ему никогда не удастся поймать ее, так как расстояние между ними состоит из бесконечного множества частей. Значит, Ахиллу понадобится бесконечно большое количество времени, чтобы преодолеть его. И в каждый момент времени черепаха будет в другой частице пространства. Молодой человек кивнул.

— Здесь все понятно...

— Но это же неверно! — воскликнула девушка. — Бесконечная делимость пространства возможна чисто теоретически, и она никак не связана с реальным перемещением в нем.

— Как это, Нейди?

— А вот как! Представь себе на футбольном поле. Ты стоишь у штрафной линии, а черепаха ползет от тебя к центру...

Я перестал слушать. С улицы к стеклянным дверям приближалась Долли — темноволосая девушка в клетчатой юбке и шерстяной кофте. Она не спеша поднялась по ступенькам и чуть налегла на дверь, прежде чем открыть ее. Она сильно изменилась с тех пор, как Фарго сделал ее фотографию. Кожа лица имела болезненный желтоватый оттенок, волосы растрепались. Скользнув по мне безразличным взглядом, она прошла мимо и остановилась у дверей кабинета декана Сатерлэнд, однако, секунду помедлив, вдруг развернулась и направилась к выходу, но на полпути опять остановилась и застыла, словно размышляя, как поступить. Меня поразила мрачноватая красота ее лица, особенно темные глаза, затуманенные сомнением. Она еще раз повернулась и решительно двинулась по коридору навстречу своей судьбе.

Когда за ней закрылась дверь кабинета, я несколько раз прошел мимо, напряженно вслушиваясь в доносившиеся изнутри женские голоса. Однако говорили слишком тихо, чтобы можно было что-либо разобрать. Из кабинета декана Брэдшоу вышла группа мужчин. Несмотря на озабоченный вид, сутулые плечи и очки, все они чем-то напоминали мне стайку школьников, которых строгий учитель отпустил на перемену.

В конце коридора показалась молодая женщина с короткой стрижкой, и все взгляды тотчас устремились к ней. У нее были ослепительно-белые волосы и загорелая кожа. Она направилась прямо к человеку, одиноко стоявшему в дверях кабинета.

Казалось, мужчина проявляет к ней меньше интереса,

чем она к нему. У него было приятное, нежное меланхолическое лицо. Такие лица часто будят в женщинах материнские чувства. Темные волосы уже начинали седеть на висках, но все же он был похож на мальчика-студента, который, оторвавшись от своих книг, лет через двадцать после окончания университета вдруг понял, что далеко не молод.

Декан Сатерлэнд открыла дверь своего кабинета и окликнула его.

— Вы не могли бы зайти ко мне на минуту? Это очень важно.

Она была бледна и встревожена.

Извинившись перед присутствующими, он прошел в кабинет, где его коллега только что беседовала с Долли. Блондинка с короткой стрижкой, нахмурившись, посмотрела на закрытую дверь, затем оценивающе взглянула на меня, словно прикидывая, не смогу ли я заменить Брэдшоу. У нее был чувственный рот, красивые ноги и легкая походка. Одетая она была модно, даже экстравагантно.

— Вы кого-нибудь ищете? — осведомилась она.

— Просто жду одного человека.

— Кто он Лефти¹ или Годо? Тут есть разница.

— Лефти Годо. Маленький беглец.

— А вы — во ржи ловец?

— Предпочитаю пшеничное виски².

— Я тоже. — Она усмехнулась. — Похоже, вы не интеллектуал, мистер...

— Арчер. Разве я не выдержал экзамен?

— Все зависит от того, кто будет ставить оценку.

— А я уж было собрался снова стать студентом. Ведь учиться никогда не поздно, и, кроме того, я всегда чувствую себя неловко, когда мои образованные друзья начинают говорить о какой-нибудь литературной знаменитости, чьих книг я не читал. Нет, правда, если бы я решил поступать в ваш колледж, вы бы одобрили мой выбор?

Она снова бросила на меня оценивающий взгляд.

— Пожалуй, нет, мистер Арчер. По-моему, вам больше подошел бы университет в большом городе — где-нибудь в Беркли или в Чикаго. Я сама училась в Чикаго. А здесь все по-другому.

¹ Лефти (англ. Lefty) — левша.

² В диалоге обыгрывается название повести Д. Сэлинджера «Ловец во ржи» (в русском переводе — «Над пропастью во ржи») и многозначное слово гье — 1. «рожь»; 2. амер. разг. — «хлебная водка».

— Что все?

— Все. Качество подготовки, программы, уровень преподавателей. Когда-то тут был сектантский колледж, и представления о морали у них такие же, как во времена королевы Виктории.— Она пренебрежительно поморщилась, словно отрещивалась от этих старомодных взглядов.— Мне рассказывали, что когда Дилан Томас приезжал сюда... Хотя наверное, не стоит об этом. *De mortuis nil nisi bonum*¹.

— Вы преподаете латынь?

— Нет, я плохо знаю латынь и еще хуже греческий. Я пытаюсь преподавать современные языки. Кстати, меня зовут Элен Хаггерти. Так о чем я говорила?.. Ах, да! Я бы не стала рекомендовать вам Пасифик Пойнт. Конечно, положение постепенно меняется к лучшему, но здесь по-прежнему много балласта. Смотрите сами.

Она слегка кивнула в сторону главного входа, где пять или шесть ее коллег обсуждали итоги совещания у декана.

— Мужчина, с которым вы только что беседовали,— декан Брэдшоу?

— Да. Это его вы хотите видеть?

— И его тоже.

— Пусть вас не вводит в заблуждение его внешность. Он — прекрасный ученый, единственный выпускник Гарварда на факультете, и он мог бы вам посоветовать лучше, чем я. Только скажите откровенно, вы в самом деле хотите продолжить образование? Или вы меня разыгрываете?

— Ну если только самую малость,— улыбнулся я.

— Мы могли бы продолжить разговор, если вы предложите мне что-нибудь выпить. Я не откажусь от рюмочки виски.

— Прекрасная идея.— «И очень неожиданная»,— подумал я про себя.— Только дайте мне небольшую отсрочку. Я должен дожидаться Лефти Годо.

Мой отказ ее явно обидел. Мы расстались, обменявшись холодными улыбками.

Наконец заветная дверь, с которой я не сводил глаз, отворилась. Долли, пятась и часто кланяясь, благодарила двух деканов. Когда она развернулась и зашагала к выходу, я заметил, что лицо ее было бледным и очень решительным.

Я последовал за ней, чувствуя себя немного неловко. Ситуация напомнила мне историю из моей юности, когда

¹ О мертвых либо ничего, либо хорошо (лат.).

я провожал из школы девочку, вот так же следуя за ней на приличном расстоянии и не решаясь подойти и взять ее портфель. Долли показала мне той недоступной девочкой, имя которой я уже давно забыл.

Она торопливо шла по аллее, ведущей от административного корпуса к зданию библиотеки. Я догнал ее у самого входа.

— Миссис Кинкейд?

Она остановилась как вкопанная. Я непроизвольно взял ее за руку. Она вырвала руку и открыла рот, словно собиралась звать на помощь, но не проронила ни звука. Студенты, проходившие мимо, за веселой болтовней не обращали на нас никакого внимания.

— Мне нужно поговорить с вами, миссис Кинкейд.

Она с силой отвела назад волосы и задержала руки на висках так, что глаза ее сузились на восточный манер.

— Кто вы?

— Друг вашего мужа. С тех пор как вы исчезли, он не находит себе места.

— Да?.. — полувопросительно промолвила она, словно эта мысль впервые пришла ей в голову.

— Эти три недели и для вас были нелегкими, если, конечно, он вам не совсем безразличен. Ведь так?

— Что так? — В ее глазах мелькнуло недоумение.

— Вы любите Алекса?

— Не знаю... У меня не было времени подумать об этом, и я не собираюсь это ни с кем обсуждать. Вы в самом деле его друг?

— Я желаю ему добра. Он не понимает мотивов вашего поступка. Он огорчен и подавлен...

— Не удивлюсь, если он подхватил это от меня. Я приношу несчастье.

— Но так не должно быть. Почему бы вам не попытаться начать все сначала? Алекс любит вас. Он сейчас ждет вас в городе.

— И делает это зря. Я не вернусь к нему.

Выражение ее юного лица стало твердым, почти жестким. В широко распахнутых глазах появилось что-то отталкивающее. Они были сухими и безжизненными — глаза, которые разучились плакать.

— Алекс чем-то обидел вас?

— Он мухи не обидит. Если вы его друг, то должны это знать. Он хороший кроткий мальчик, и я не желаю ему зла, — сказала она и с вымученной улыбкой добавила: — Поздравьте его со счастливым избавлением.

— И больше вы ничего не хотите передать вашему мужу?

— Он мне не муж. Скажите ему, что он может аннулировать брак. Скажите, что я не готова к семейной жизни, что я хочу закончить образование.

Она произнесла это так, словно сообщала о том, что собирается лететь на Луну и никогда не возвращаться на Землю.

Я повернулся и зашагал назад к административному зданию. Я шел по вымощенной камнем аллее с таким чувством, будто иду по пустыне, утопая по колено в песке.

Дверь в кабинет декана Сатерлэнд была закрыта, и я постучал. После небольшой паузы послышалось приглушенное «войдите».

Декан Брэдшоу все еще был здесь. Сейчас он еще больше напоминал мне студента, которому мороз посеребрил виски.

Лицо его коллеги порозовело, глаза сияли изумрудным светом.

— Это мистер Арчер, Брэд, детектив, о котором я вам рассказывала.

Он крепко пожал мне руку.

— Рад познакомиться с вами, сэр.— Он попытался улыбнуться.— Хотя, конечно, причина вашего визита к нам далеко не радостная.

— Согласен, но кто-то должен же был все выяснить,— пожал я плечами.— Миссис Кинкейд сбежала от своего мужа, и он имеет право узнать, почему она это сделала. Она вам как-то объяснила свой поступок?

Декан Сатерлэнд решительно заявила:

— Она не вернется к мужу. В первую же брачную ночь она узнала о нем такое, что...

Брэдшоу поднял руку.

— Подождите минуту, Лора. Девушка доверилась вам, и, я полагаю, не следует разглашать факты, которые она сообщила в личной беседе. Мы вовсе не заинтересованы в том, чтобы о вашем разговоре узнал ее муж. Бедная девушка и без того очень боится...

— Боится своего мужа? В это трудно поверить,— возразил я.

— Но вы же ничего не знаете! — воскликнула Лора Сатерлэнд.— Как вы думаете, почему девочка назвалась чужим именем? Она до смерти боялась, что муж отыщет ее и...

— Не преувеличивайте, Лора,— снисходительно произ-

нес Брэдшоу.— Мальчик не может быть настолько испорченным.

— Но вы же не слышали ее рассказа, Брэд. Как женщина женщине она мне такие вещи сообщила... что я... я даже передать не могу вам всего, что услышала. И не хочу.

— Она могла солгать,— предположил я.

— Она не лгала. Я в состоянии отличить правду от лжи. И мой вам совет: поезжайте к ее мужу и скажите ему, что вам не удалось найти Долли. Если вы это сделаете, она будет чувствовать себя в безопасности, станет спокойнее, счастливее и...

— Ей и сейчас ничего не угрожает. Но это не сделало ее счастливее. Я только что говорил с ней.

Брэдшоу повернул ко мне голову.

— И что она сказала?

— Ничего сенсационного. Она ни в чем не обвиняла Кинкейда. В разрыве она винила себя и заявила, что хочет закончить образование.

— Прекрасно.

— Вы разрешите ей остаться здесь?

Брэдшоу кивнул.

— Мы решили закрыть глаза на ее маленький обман. Мы считаем, что молодым людям можно простить проступки, которые не ущемляют прав других, и поэтому позволили ей остаться, по крайней мере, на ближайшее время. Если она захочет, то сможет сохранить свой псевдоним.— Он сухо улыбнулся.— В конце концов, суть ведь не в имени.

— Она обещала как можно скорее представить нам свои документы,— добавила декан Сатерлэнд.— Оказывается, она окончила двухгодичный колледж и проучилась один семестр в университете.

— Что она собирается изучать у вас?

— Долли займется психологией. По мнению профессора Хаггерти, у нее есть определенные склонности к этой науке.

— А как об этом узнала профессор Хаггерти?

— Она ее куратор. Долли особенно интересуется криминология и психопатология.

Передо мной вдруг возникло лицо Чака Бегли, и я спросил:

— Когда вы беседовали с Долли, она ничего не говорила о человеке по фамилии Бегли?

— Бегли? — Оба обменялись взглядами и снова повер-

нулись ко мне.— Кто такой Бегли? — спросила Лора Сатерлэнд.

— Возможно, это ее отец. Как бы то ни было, вполне вероятно, что он имеет прямое отношение к ее побегу. Кстати, я не верю в азиатскую извращенность ее мужа. Не знаю, в каких пороках она его обвиняла, но, по-моему, он очень порядочный молодой человек и относится к ней с уважением.

— Вы имеете право на собственное мнение,— сухо сказала декан.— Я только прошу вас воздержаться от опрометчивых шагов. Долли — легкоранимая девушка, и происшедшее сильно потрясло ее. По-моему, для них обоих будет лучше, если они не станут больше встречаться.

— Я тоже так думаю,— важно кивнул Брэдшоу.

— Беда в том, что мне платят как раз за то, чтобы их встреча состоялась. Но я подумаю над вашим предложением и обсужу его с Алексом.

На автомобильной стоянке я увидел профессора Элен Хагтерти, сидевшую за рулем нового черного «сандербэрда». Она словно специально поставила его рядом с моей машиной, чтобы подчеркнуть разницу. Солнце светило ей в глаза, белым золотом поблескивало в волосах.

— Еще раз привет,— улыбнулась она, показав красивые зубы.

— Привет,— кивнул я.— Вы не меня ждете?

— Если вы левша, то вас.

— Я одинаково хорошо владею обеими руками.

— Я так и подумала. Вы немного разочаровали меня несколько минут назад.

— Неужели?

— Я знаю, кто вы.— Она кивнула в сторону раскрытой газеты, лежавшей на кожаном сиденье. Написанный крупными буквами заголовок сообщал: «Миссис Перрин оправдана». Элен Хагтерти усмехнулась.— Сюжет достаточно интригующий. Газеты вам приписывают заслугу ее освобождения. Мне только не совсем ясно, как вам удалось это сделать.

— Я просто сказал правду, и, очевидно, присяжные поверили мне. Дело в том, что в то время, когда в Пасифик Пойнт была совершена кража, в которой обвинили миссис Перрин, она находилась в Окленде. Я следил за ней.

— Зачем вы за ней следили?

— Этого я не могу вам сказать.

Она состроила обиженную гримаску, которая очень ей шла.

— Все интересное почему-то всегда окружено тайной. Но от меня можно не держать секретов: мой отец работает в полиции. Ну, не тяните, расскажите же мне, почему вы следили за миссис Перрин.

— Не могу.

— Тогда у меня к вам другое предложение, — неожиданно сказала она и улыбнулась своей театральной улыбкой. — Почему бы нам не поехать ко мне выпить?

— Сожалею, но у меня работа.

— Опять за кем-то охотитесь?

— Можно и так сказать, если хотите.

— Не упрямитесь, — настаивала она и открыла дверцу. — Работа — не волк, в лес не убежит. Не заставляйте меня чувствовать себя отвергнутой. Кроме того, нам нужно кое-что обсудить.

— Дело миссис Перрин закончено. Оно меня больше не интересует.

— Я имела в виду дело Дороти Смит. Вы ведь из-за нее приехали сюда?

— Как вы об этом узнали?

— Через систему тайного оповещения. В колледжах прекрасно отработанные системы оповещения, уступающие разве что тюремным.

— А вы знакомы с тюремным укладом?

— Не слишком хорошо. Но я не солгала вам, сказав, что мой отец — полицейский. — Она слегка нахмурилась, но почти сразу же улыбнулась. — Нам в самом деле есть о чем поговорить. Отчего вы не хотите заехать ко мне?

— Хорошо. Я поеду за вами. Так будет удобнее: вам не придется отвозить меня назад.

Она ехала быстро, не соблюдая правил уличного движения. Машину резко бросало на поворотах. К счастью, на территории колледжа почти не было людей и автомобилей. На фоне гор коттеджи выглядели миниатюрными декорациями на съемках фильма о лилипутах.

Элен жила недалеко от Футхилл Драйв на склоне холма в доме из алюминия, стекла и черной эмалированной стали. Крыша ближайшего строения виднелась среди вершин молодых дубов в четверти мили ниже по склону. Стоя в гостиной у камина, можно было через одно окно любоваться голубыми вершинами гор, а через другое — смотреть на раскинувшийся внизу океан. С берега вверх медленно поднимался серый туман.

— Вам нравится мой маленький замок?

— Очень.

— Правда, он еще не совсем мой. Пока я снимаю его, но надеюсь со временем выкупить. Садитесь. Что будете пить? Я — тоник.

— Я тоже.

В огромной комнате не было мебели. Я прошелся по блестящему мозаичному полу и остановился у стеклянной стены, выходящей во внутренний дворик. Там лежал дикий голубь со сломанной шеей. Чуть выше уровня моих глаз на пыльном стекле остался след от столкновения: не заметив прозрачной преграды, птица на лету ударилась в нее и погибла.

Я опустился в плетеное кресло, вероятно, прежде стоявшее во внутреннем дворике. Элен Хагтерти принесла стаканы и устроилась на раскладушке у окна, вытянув длинные загорелые ноги. Солнце отливало золотом в ее крашенных волосах.

— Как видите, живу по-походному, — сказала она, с улыбкой окинув взглядом комнату. — Я еще не посылала за своей мебелью, потому что не решила, нужна ли она мне здесь. Может быть, стоит сдать ее на хранение, купить что-нибудь новенькое — и к черту прошлое. Как вы думаете, скрытный Лефти Лью?

— Называйте меня как хотите, я не возражаю. Но сначала расскажите мне о прошлом.

— Ха! Как бы не так! — Она угрюмо посмотрела на меня и сделала маленький глоток из своего стакана. — Вы тоже можете называть меня Элен.

— Хорошо, Элен.

— Вы произнесли это так официально. Я не люблю официальностей, и вы, по-моему, тоже. Зачем нам эти условности?

Я улыбнулся.

— Во-первых, вы живете в доме из стекла. И, кажется, не слишком давно?

— Месяц. Даже меньше месяца. Но у меня такое чувство, что уже намного дольше. Вы — первый интересный человек, повстречавшийся мне за это время.

Я сделал вид, что не заметил комплимента.

— Где вы жили раньше?

— То тут, то там. То там, то тут... Люди моей профессии часто ведут кочевой образ жизни. Мне это не подходит. Я предпочла бы осесть здесь прочно. Я стала стара для переездов.

— Я бы этого не сказал.

— Вы мне льстите. У женщин свои возрастные мерки. У мужчин все, разумеется, иначе. Мужчины никогда не стареют.

Теперь, когда она добила своего и заполучила меня к себе, она немного ослабила свой напор, хотя я все же продолжал ощущать некоторое давление.

Я предпочел бы более естественное общение, потому что она мне нравилась и мне было приятно говорить с ней. Я допил свой тоник, и она подала мне второй стакан с быстротой и сноровкой профессиональной официантки. Я не мог избавиться от неприятного чувства, что мы оба здесь, чтобы использовать друг друга каждый в своих целях.

После второго тоника она позволила мне заглянуть за вырез своего платья. Насколько я мог видеть, кожа ее была гладкой и загорелой. Она уселась поудобнее, закинула ногу на ногу и, облокотившись на левую руку, грациозно выставила правое бедро. Солнце залило комнату слепящим предзакатным светом.

— Может быть, задернуть шторы? — предложила она.

— Не стоит. Оно скоро зайдет. Вы собирались рассказать мне о Долли Кинкейд — Смит.

— Разве?

— Вы сами назвали ее имя. Мне сказали, что вы ее куратор.

— И только поэтому вы заинтересовались мной?

— Я заинтересовался вами еще до того, как узнал о ваших отношениях с Долли.

— В самом деле?

— Да. Поэтому я здесь.

— Вы здесь потому, что я соблазнила вас магическим именем Дороти Смит. Что она вообще делает в нашем колледже? — в голосе Элен прорезались раздраженные нотки ревности.

— Я надеялся, что услышу ответ от вас.

— Вот как?

— Долли рассказывает противоречивые вещи, возможно, что это плоды ее романтического воображения...

— Не думаю, — пожала плечами Элен Хаггерти. — Конечно она очень эмоциональна — одна из тех романтических идеалисток, у которых чувства всегда на пару шагов опережают разум. Мне это знакомо, я сама в юности была такой же. Но мне кажется, что с ней действительно случилась какая-то беда, беда не вымышленная, а настоящая.

— Она рассказала вам свою историю?

— Это не история. Это жестокая правда. Мы вернемся к ней позже, если вы будете себя примерно вести.— Она шевельнулась, точно одалиска в меркнущих лучах заходящего солнца, опустила обе ноги на пол, потом снова скрестила их.— Вы храбрый человек, мистер Арчер?

— Мужчине не пристало говорить о своей храбрости.

— Вы просто учебник прописных истин,— едко заметила она и добавила: — Я спрашиваю серьезно.

— Можете испытать меня.

— Пожалуй, я воспользуюсь вашим предложением. У меня есть для вас работа. Точнее так: мне нужен мужчина.

— Это объяснение в любви, деловое предложение или что-то еще?

— Вы тот человек, который мне нужен. Как бы вы отреагировали, если бы я сказала вам, что в этот уик-энд меня могут убить?

— Посоветовал бы вам уехать куда-нибудь на уик-энд.

Она резко наклонилась ко мне, так что ее грудь всколыхнулась.

— Вы возьмете меня с собой?

— К сожалению, я связан определенными обязательствами.

— Если вы имеете в виду юного мистера Кинкейда, то я могу заплатить вам намного больше, чем он. Не считая дополнительных услуг,— добавила она, не сводя с меня глаз.

— Видно, ваша система оповещения и в самом деле работает без срывов. Может быть, это Долли поставляет вам информацию?

— И она тоже. Я могла бы рассказать об этой девушке такие вещи, что у вас волосы встали бы дыбом.

— Начинайте. Я всегда мечтал иметь пышные волосы.

— Зачем мне это делать? Вы же не хотите оказать мне услугу. Вы даже не принимаете меня всерьез. Да будет вам известно, я не привыкла к тому, что мной пренебрегают.

— Я не хотел вас обидеть. Наверное, я просто слишком большой флегматик. В любом случае, вы прекрасно обойдетесь и без меня. Отсюда есть дороги на Мехико, в пустыню, в Лос-Анджелес — выбирайте любую. У вас отличная быстрая машина и...

— У меня нервы не в порядке, я не могу садиться за руль.

— Так сильно боитесь?

Она кивнула.

— По вашей внешности этого не скажешь.

— Внешность — все, что у меня есть.

Ее лицо помрачнело. Возможно, это только казалось мне, так как солнце померкло и за окном начали сгущаться сумерки. Только ее белые волосы еще продолжали сиять. За силуэтом ее тела я видел темнеющие вершины гор.

— Кто хочет убить вас, Элен?

— Я точно не знаю. Мне постоянно угрожают.

— Как?

— Звонят по телефону. Я не смогла узнать голос, даже не могу сказать, кто это — мужчина, или женщина, или что-нибудь среднее. — Она содрогнулась.

— Зачем кому-то угрожать вам?

— Не знаю, — повторила она, избегая моих глаз.

— Многим учителям время от времени угрожают. Но обычно за этим не стоит ничего серьезного. У вас не было конфликта с каким-нибудь местным сумасшедшим?

— Я даже не знаю никого из местных жителей. За исключением, конечно, тех, кто работает в колледже.

— В вашем классе может учиться какой-нибудь психоневротик или...

Она покачала головой.

— Это не то. Здесь все серьезнее.

— Откуда вы знаете?

— Я кое о чем догадываюсь.

— Это связано с Долли Кинкейд?

— Возможно. Точно не могу сказать. Ситуация слишком запутанная.

— Расскажите мне, в чем дело.

— Это началось очень давно. Еще в Бриджтоне.

— В Бриджтоне?

— Это город, где я родилась и выросла. В нем все и случилось. Я сбежала оттуда, но куда убежишь от детских воспоминаний? Мне по-прежнему снятся кошмары на улицах Бриджтона. Когда я слышала по телефону голос, угрожавший мне, то поняла, что все вернулось. Это Бриджтон говорил со мной из прошлого.

Она была очень взволнована, будто перед ее расширенными от ужаса глазами вставали страшные картины. И все же мне отчего-то казалось, что она говорит неискренне. Я по-прежнему не мог решить, насколько серьезно относиться к ее словам.

— Вы уверены, что не преувеличиваете опасности?

— Я не лгу,— коротко сказала она.— В конце концов Бриджтон убьет меня. Я твердо это знаю.

— Города не убивают людей.

— Вы не знаете гордого города моей юности. Он преуспел по этой части.

— Где он находится?

— В штате Иллинойс, южнее Чикаго.

— Вы сказали, что все случилось там. Что вы имели в виду?

— Все... Но это «все» кончилось еще до того, как я успела понять что к чему. Я не хочу говорить об этом.

— Но как же тогда я смогу помочь вам?

— По-моему, у вас нет ни малейшего намерения помогать мне. Вы просто вытягиваете из меня информацию.

Это было правдой. Ей не удалось возбудить во мне сострадания. Я даже не до конца поверил ей. Мне почему-то казалось, что в этом красивом теле живут два совершенно разных человека: один чуткий и искренний, другой — скрытный и равнодушный.

Она поднялась, подошла к стеклянной стене, через которую открывался прекрасный вид на причудливо расцвеченные горы. Они были цвета лаванды и сливы с темно-синими, как ночное небо, пятнами расщелин. Все вокруг — горы, и небо, и город — было залито голубым светом сумерек.

— Час голубых теней,— тихо произнесла она.— Когда-то я любила его. А сейчас жду с содроганием.

Я тоже поднялся и приблизился к ней.

— Сейчас вы сами себя терзаете.

— Вы полагаете, что знаете меня лучше, чем я сама?

— Я знаю, что вы умная женщина. Вот и ведите себя разумно. Если вас что-то пугает, то уезжайте или оставайтесь, но позаботьтесь о своей безопасности. Попросите помощи у полиции.

— Легко давать советы, когда тебя это не касается. Я обратилась в полицию на следующий день после телефонного звонка с угрозами. Шериф прислал сюда своего человека. Тот сказал, что такие звонки — дело вполне обычное. Как правило, этим занимаются подростки.

— Может быть, это и в самом деле какой-нибудь подросток?

— Не думаю. Хотя полицейский сказал, что часто они изменяют голоса. Он посоветовал мне не волноваться, но я не в силах... Я боюсь, Лью! Оставайтесь со мной.

Она повернулась и прильнула ко мне всем телом. Мне

стало жаль ее. Было ясно, что она отчаянно пытается удержать меня.

— Мне пора ехать,— как можно решительнее сказал я.— Я ведь с самого начала сказал вам, что занят. Но я заеду к вам на обратном пути.

— Большое спасибо!

Она отпрянула так резко, что ударилась спиной о стеклянную стену, точно птица о прутья клетки.

Сгущались сумерки. Я гнал машину вниз к мотелю «Маринерз Рест», на разные лады убеждая себя, что поступил правильно. Беда, однако, заключалась в том, что из ситуации, в которой я оказался, не было правильного выхода. Любое мое решение было кому-то в ущерб.

Портье, одетый в морскую форму с блестящими галунами, сообщил мне, что Алекс Кинкейд снял номер и снова ушел. Я отправился в «Сэрф Хаус» ужинать. Яркое освещенный фасад огромного отеля напомнил мне о Фарго и ставших бесполезными фотографиях, которые я заказал ему утром.

Фарго был в темной комнате, примыкающей к его лаборатории. Когда он вышел, на нем были квадратные светозащитные очки. Я не видел его глаз, но по тому, как в усмешке скривились его губы, понял, что он сердит. Он взял со стола толстый черный конверт и сунул его мне.

— Мне казалось, что эти снимки нужны вам срочно.

— Да, но положение изменилось. Мы нашли ее.

— Так вы от них отказываетесь? Моя жена полдня провела в этой душегубке, печатая их.

— Я заберу снимки. Не я, так Кинкейд найдет им применение. Сколько?

— За все — двадцать пять долларов, точнее двадцать четыре доллара девяносто шесть центов.

Я отсчитал ему пять пятидолларовых банкнот, и выражение его лица смягчилось.

— Она вернется к нему?

— Пока не знаю.

— Где вы ее нашли?

— В местном колледже. Она устроилась на временную работу — возила одну леди, миссис Брэдшоу.

— Ту, у которой «ройс»?

— Да. Вы с ней знакомы?

— Нет, просто по воскресеньям она и ее сын приходят обедать к нам в ресторан. Она крутая женщина. Однажды

я сфотографировал их вместе в очень интересный момент. Я рассчитывал, что они закажут несколько снимков, вместо этого она пригрозила разбить мой фотоаппарат своей тростью. В ответ я чуть было не сказал ей, что, если она сделает это, я разобью ее куриную башку...

— Но не сказали?

— Я не могу себе позволить такой роскоши.— Он развел руками.— Она местная знаменитость. Одно ее слово — и меня уволят.

— Насколько я понял, она богата?

— Дело не только в этом. Ее сын — достаточно влиятельное лицо в университетских кругах. Он вроде бы неплохой парень, несмотря на свой гарвардский лоск. Кстати, это он утихомирил ее тогда. Странно только, что в его возрасте и с его внешностью он все еще держится за материнскую юбку.

— Это случается даже в самых благополучных семьях.

— Вот именно, что в благополучных. Сколько я повидал бедолаг, которые годами ждут своего наследства, а когда получают его, то оказывается, что и жить-то уже некогда! У Брэдшоу по крайней мере хватило ума уехать учиться и сделать себе карьеру.— Фарго посмотрел на часы.— Кстати, о карьере... Я уже оттрубил двенадцать часов, а у меня работы еще часа на два. Так что до свидания.

Я направился в бар. Фарго догнал меня по пути. В огромных квадратных очках он был похож на робота.

— Чуть не забыл спросить у вас...— сказал он, задыхнувшись от бега.— Вам удалось что-нибудь выяснить об этом Бегли?

— Я говорил с ним. Но от него мало что удалось узнать. Он живет с одной женщиной на Шерватер Бич.

— Кто же эта счастливица? — спросил Фарго.

— Ее зовут Мадж Герхарди. Вы ее знаете?

— Нет, но кажется, я знаю, кто он. Если бы мне еще раз взглянуть на него...

— Давайте подъедем туда сейчас.

— Не могу. Я скажу вам кто, по моим подозрениям, скрывается под этой бородой. Только обещайте не ссылаться на меня. Может статься, что он просто похож на того человека, и я не хочу попасть под суд за клевету.

— Обещаю, что не буду называть вашего имени.

— Смотрите.— Он глубоко вздохнул, словно ныряльщик перед прыжком в воду.— Я думаю, что это Томас Макги, который убил свою жену в Индиан Спрингс около

десяти лет назад. Я был тогда начинающим репортером и сделал несколько его снимков для газеты. Но их не напечатали.

— Вы уверены, что он убил свою жену?

— Да. Это был открытый процесс. У меня сейчас нет времени рассказывать подробно, но, по мнению большинства присутствовавших, ему следовало дать первую степень. Гилу Стивенсу удалось убедить присяжных дать ему вторую, поэтому он так быстро и освободился.

Я вспомнил слова Бегли о десяти годах, проведенных на другом конце света, и подумал, что это не такой уж маленький срок.

На Шерватер Бич опустился густой туман. Должно быть, прилив был высоким: я слышал внизу шум прибоя и плеск разбивавшихся о сваи коттеджей волн. В прохладном воздухе ощущался запах йода.

Мадж Герхарди открыла дверь и как-то странно взглянула на меня. Тени на веках не могли скрыть того, что она плакала.

— Вы детектив, да?

— Можно мне войти?

— Входите, если хотите. Теперь уже все равно. Он уехал.

Я уже понял это по ее сиротскому виду. Я последовал за ней через пахнущий плесенью коридор в гостиную с высоким потолком и поперечными балками, в углах которых пауки сплели такую густую паутину, что казалось, будто туда тоже просочился туман. Ротанговая мебель разваливалась. Стаканы, пустые и полупустые бутылки, стоявшие на столе и на полу, свидетельствовали о том, что здесь веселились не один день.

Женщина со злостью пнула пустую бутылку, попавшую ей на пути, и грузно села на проваленную кушетку.

— Это вы виноваты в том, что он уехал,— пожаловалась она.— Он начал собираться сразу после вашего ухода.

Я опустился на стул напротив нее.

— Бегли сказал, куда едет?

— Нет. Он только сказал, чтобы я его не ждала. Зачем вы испугали его? Чак никогда и никому не делал зла.

— Легко же его напугать.

— Чак очень ранимый. У него в жизни было много горя. Он столько раз говорил мне, что все, что ему нужно,— это тихий уголок, где бы он мог написать о своей

судьбе. Он пишет автобиографический роман о том, что ему пришлось пережить.

— В Новой Каледонии?

Она удивленно подняла брови.

— Я не думала, что Чак хоть раз бывал в Новой Каледонии. Эту историю с хромовой шахтой он вычитал в каком-то журнале. Скорее всего, он совсем не выезжал из страны.

— Где же он был?

— В тюрьме, — просто сказала она. — Вы сами об этом знаете, иначе не пришли бы за ним. Это возмутительно, когда человек, уплативший свой долг обществу, доказавший, что может реабилитировать себя... — Мадж Герхарди явно повторяла слова Бегли и выражала его гнев, но, видимо, не до конца вошла в роль или просто забыла конец цитаты.

Она нахмурилась и обвела мутным взглядом обшарпанные стены комнаты, словно заподозрив вдруг, что реабилитация была неполной.

— Он рассказывал вам, за что его посадили, миссис Герхарди?

— Очень немного. Он прочитал мне отрывок из своей книги вчера вечером. Там главный герой сидит в тюрьме и думает о своем прошлом, о том, как попал сюда по ложному обвинению в убийстве, которого не совершал. Я спросила его, не о нем ли самом этот рассказ. Он не ответил, замолчал и глубоко задумался.

Она тоже замолчала.

Я чувствовал, как пол вибрирует у меня под ногами. Внизу дышал океан.

— Чак сидел в тюрьме за убийство? — наконец тихо спросила женщина.

— Вчера вечером мне сообщили, что десять лет назад он убил свою жену. Я еще не имел возможности это проверить.

Она медленно покачала головой.

— Должно быть, это ошибка, — словно через силу вымолвила она.

— Будем надеяться. Еще мне сказали, что его настоящее имя Томас Макги. Он никогда не упоминал его при вас?

— Нет.

— Это совпадает еще с одним фактом, — сказал я, размышляя вслух. — Девушка, которую он приходил навещать в «Сэрф Хаус», до замужества тоже носила фамилию

Макги. Я думаю, она его дочь. Он никогда не говорил о ней?

— Никогда.

— И не приводил ее сюда?

— Нет. Если она его дочь, он ни за что не привел бы ее сюда.

Она потянулась за опрокинутой бутылкой, поставила ее на доннышко и снова, будто обессилив, развалилась на кушетке.

— Как долго Бегли или Макги жил у вас?

— Две недели. Мы собирались пожениться. Здесь одиноко без мужчины.

— Наверное...

Она уловила сочувствие в моем голосе.

— Они почему-то не остаются со мной. Я стараюсь им во всем угодить, но они все равно уходят. Мне не нужно было бросать своего первого мужа.— Ее глаза затуманили давние воспоминания.— Он обращался со мной как с королевой, а я была молодая и глупая. Я не нашла ничего лучше, как уйти от него.

Она прислушалась к шуму прибоя.

— Вы думаете, что Чак уехал с той девушкой, которую вы называете его дочерью?

— Сомневаюсь,— покачал головой я.— На чем он уехал от вас, миссис Герхарди? На машине?

— Нет, он не разрешал мне подвезти его. Сказал, что пойдет на угол ловить автобус на Лос-Анджелес. Он останавливается на углу, если посигналить. Чак взял чемодан и пошел вверх по дороге. Я смотрела ему вслед, пока он не скрылся из виду.— В голосе ее звучали разочарование и грусть.

— В какое время он ушел?

— Около трех часов.

— У него были деньги?

— На билет, наверное, были. Ну, может, еще немного... Я иногда давала ему денег, но он брал только то, что тратил на меня. Про остальное говорил, что это долг, который он вернет, как только издадут его книгу. Только мне все равно, пусть не возвращает. С ним было так хорошо...

— В самом деле?

— Да. Чак очень добрый. Мне все равно, что он когда-то совершил. Люди ведь могут меняться к лучшему. Он ни разу не обидел меня.— Она помолчала и нехотя призналась: — Это я не давала ему покоя. Если я начну

пить, то не могу остановиться. А он пил, только чтобы составить мне компанию.— Она моргнула своими бесцветными глазами.— Может, хотите стаканчик?

— Нет, спасибо. Мне пора.

Я поднялся.

— Вы уверены, что он не говорил вам, куда поедет?

— Знаю только, что сначала он собирался в Лос-Анджелес. Больше мне ничего не известно. Он обещал, что даст о себе знать, но я на это не надеюсь. Все кончено.

— Если он напишет или позвонит, вы известите меня?

Она кивнула. Я дал ей свою визитную карточку и сказал, где остановился.

Когда я вышел, туман уже поднялся к подножию гор.

По дороге на Футхилл Драйв я снова заехал в мотель. Портье сказал, что Алекс еще не возвращался, поэтому я не слишком удивился, увидев его красный «порше» у обочины неподалеку от особняка Брэдшоу. Я остановил машину и вышел.

Над деревьями медленно плыла луна. Мои мысли поплыли следом за ней. Я представил, что Алекс встретил свою невесту и они уединились в сторожке, чтобы поведать друг другу о своих несчастьях. Звук женских рыданий вернул меня к реальности, разрушив призрачную надежду на счастливый исход. Голос был громким и резким, почти нечеловеческим и напоминал завывания буксующей машины. Дверь в домик была приоткрыта. Изнутри лился ярко-желтый свет.

— Уходите отсюда,— сказал Алекс, увидев меня. Они сидели на диване. Он обнимал ее за плечи, но это не было похоже на семейную сцену. Казалось, будто девушка борется с ним, стараясь вырваться из его рук. Картина скорее напоминала палату психиатрической лечебницы, где санитары часами удерживают своих буйных пациентов, надевая на них смирительной рубашки.

Легкая блузка Долли была разорвана на груди. Девушка резко повернула ко мне растрепанную голову, и я увидел ее лицо — серое, с остановившимися от ужаса глазами.

— Убирайтесь! — закричала она.

— Пожалуй, лучше я останусь,— сказал я, глядя на них обоих.

Я закрыл дверь и прошел через всю комнату к окну. Она продолжала всхлипывать, глядя на меня сухими немигаю-

щими глазами. Потом резко отвернулась и уткнулась в рубашку мужа.

Он был смертельно бледен.

— Что случилось, Алекс?

— Я сам еще не знаю. Я ждал ее здесь, и несколько минут назад она появилась. Я не могу от нее ничего добиться. Она чем-то страшно взволнована.

— У нее шок,— сказал я и подумал, что Алекс и сам близок к нервному срыву.— С ней произошел несчастный случай?

— Что-то вроде этого.

Голос его дрожал, а взгляд был такой, будто он разглядывал себя изнутри, пытаясь там найти ответ, как вести себя дальше.

— Она ранена, Алекс?

— Кажется, нет. Она бежала по дороге откуда-то сверху, потом увидела меня и попыталась снова скрыться. Она сильно сопротивлялась, когда я стал ее останавливать.

Словно желая продемонстрировать, как это было, девушка взмахнула руками и замолотила по его груди. На ее ладонях и пальцах была кровь. У ворота его рубашки я тоже увидел кровавые следы.

— Пустите меня,— вдруг взмолилась она.— Я хочу умереть. Я заслужила смерть.

— У нее кровь, Алекс.

Он покачал головой.

— Это не ее кровь. Убили ее подругу.

— И в этом виновата я,— бессильно вымолвила она.

Он взял ее за запястья и легонько встряхнул. Меня поразило, что лицо его сразу стало как-то тверже и взрослее.

— Успокойся, Долли. Ты говоришь чепуху.

— Чепуху? Она лежала в луже крови, и это я ее туда толкнула!

— О ком она говорит? — спросил я у Алекса.

— О ком-то по имени Элен. Я ничего не знаю о ней.

Зато я знал.

Долли заговорила хриплым полупшепотом, так быстро и несвязно, что я едва успевал за ходом ее мысли. Она была дьяволом, как и ее отец и как отец Элен, и всех их связывала нить убийства, которое сделало их с Элен сестрами по крови, и вот она предала свою сестру и погубила ее.

— Каким образом вы могли погубить Элен?

— Я не должна была появляться рядом. Они все умирают, когда я нахожусь рядом.

— Что за ерунда,— мягко произнес Алекс.— Ты никогда и никому не причинила зла.

— Ах, что ты знаешь обо мне?!

— Все, что мне нужно. Я люблю тебя.

— Не говори так. Когда ты так говоришь, мне еще больше хочется умереть.

Сидя прямо и неподвижно в кольце его рук, она опустила глаза на свои окровавленные пальцы и снова издала тот же странный звук, который я услышал, подходя к дому,— то ли вой, то ли стон.

Алекс смотрел на меня потемневшими от горя глазами.

— Вы что-нибудь понимаете?

— Не много.

— Но вы же не думаете, что она в самом деле убила какую-то Элен?

Мы говорили, не обращая никакого внимания на Долли, словно она была глухая или умалишенная. Она смирилась со своим положением.

— Мы с вами не знаем ни о каком убийстве,— сказал я.— Ваша жена чувствует себя виноватой, но, может быть, она здесь совершенно ни при чем. Сегодня вечером я кое-что выяснил о ее прошлом, во всяком случае многое стало теперь ясно.— Я опустился рядом с ними на старый диван и обратился к Долли: — Как звали вашего отца?

Она, казалось, не слышит меня.

— Томас Макги?

Она резко кивнула, словно ее ударили сзади по голове.

— Он лживое чудовище. Он и меня сделал чудовищем.

— Как он это сделал?

Она молчала, бессильно свесив голову набок. Потом подняла на меня глаза и сказала:

— Он застрелил ее и оставил лежать в луже собственной крови, но я позвала тетю Алису и полицейских и его судили. А теперь он сделал это опять.

— Застрелил Элен?

— Да, но виновата в этом я. Все произошло из-за меня.

Ей будто доставляло удовольствие снова и снова говорить о своей вине. Ее изнуренный вид, рыдания без слез, сбивчивая речь и неожиданно долгие паузы были признаками приближающегося кризиса.

— Лучше не задавать ей больше вопросов,— сказал я.— Я думаю, сейчас она сама точно не знает, что правда, а что вымысел.

— Не знаю? — со злостью повторила она. — Все, что я помню, — все это чистая правда! А я помню все с тех пор, когда мне исполнился год, — ссоры, драки... А потом он убил ее, и было много крови...

Я перебил ее:

— Замолчите, Долли. Или смените пластинку. Вам нужен доктор. Вы знаете кого-нибудь здесь, в городе?

— Нет. Мне не нужен никакой доктор. Позовите полицию. Я хочу сделать заявление.

Она словно разыгрывала странный спектакль, судорожно цепляясь за ускользающую реальность и из последних сил балансируя на краю пропасти, страшась упасть в темную бездну.

— Хотите, заявить, что вы чудовище? — спросил я.

Моя попытка отрезвить ее не удалась. Она повторила, как робот:

— Да, я чудовище.

Самое ужасное было в том, что мы почти физически ощущали происходившую в ней перемену. Под давлением неведомых страшных сил лицо ее исказилось, нижняя челюсть опустилась, рот слегка приоткрылся. Она тупо уставилась на меня из-под упавших на лицо спутанных волос. Сейчас в ней трудно было узнать ту девушку, с которой я беседовал сегодня днем у входа в библиотеку.

Я посмотрел на Алекса.

— Вы знаете каких-нибудь врачей здесь в городе?

Он отрицательно покачал головой. Его короткие волосы стояли дыбом, словно от контакта с женой по нему шел электрический ток. Однако он продолжал держать ее в своих объятиях.

— Я могу позвонить папе в Лонг Бич.

— Лучше сделать это потом.

— А нельзя отвезти ее в больницу?

— Только после того, как найдем частного доктора, который сможет ее защитить.

— От кого?

— От полиции, от принудительного лечения... Я не хочу, чтобы она отвечала на чьи-либо вопросы, пока я не проверю, что случилось с Элен.

Девушка захныкала:

— Я не хочу в лечебницу. Когда-то у меня был здесь доктор, еще давным-давно...

Она была достаточно нормальна, чтобы испугаться, испугаться настолько, чтобы пойти на сотрудничество.

— Как его зовут?

— Доктор Годвин. Джеймс Годвин. Он психиатр. Меня возили к нему, когда я была маленькой девочкой.

— У вас здесь есть телефон?

— Миссис Брэдшоу разрешает мне пользоваться ее телефоном.

Я оставил их и направился по подъездной дорожке к особняку Брэдшоу. Туман сгустился даже здесь. Он опускался с гор, тесня луну, и наступал с моря.

В большом белом доме было тихо, но в окнах горел свет. Я нажал на кнопку звонка. За массивной дверью нежно звякнул колокольчик. Мне открыла высокая смуглая женщина в ситцевом платье. У нее было простое и открытое лицо, красоту которого не портили грубоватые черты и шрамы от угрей на лбу и высоких скулах. Я еще не успел открыть рот, как она сообщила мне, что мистера Брэдшоу нет дома, а миссис Брэдшоу собралась ложиться спать.

— Я просто хотел воспользоваться вашим телефоном. Я друг молодой леди, которая живет у вас в домике сторожа.

Она оглядела меня подозрительным взглядом. Должно быть, ужас, пережитый несколько минут назад при виде странной перемены, которая происходила с Долли, все еще отражался на моем лице.

— Это очень важно,— настаивал я.— Она нуждается в медицинской помощи.

— Разве она заболела?

— Да, очень сильно.

— Тогда вам не следовало оставлять ее одну.

— Она не одна. С ней ее муж.

— Она не замужем.

— Не будем сейчас спорить об этом. Вы разрешите мне позвонить доктору?

Она нехотя впустила меня и провела мимо лестницы, ведущей на второй этаж, в небольшой заставленный книжными шкафами кабинет, где на столе тускло горела настольная лампа, похожая на ночник. Женщина молча указала на стоявший рядом с лампой телефон и, скрестив на груди руки, встала у двери.

Я повернулся к ней.

— Не могли бы вы оставить меня одного? Я ничего не сломаю и не украду. Можете даже обыскать меня на выходе.

Она фыркнула и шагнула в коридор. Я хотел было сначала позвонить Элен, но ее фамилии в справочнике не значилось. К счастью, имя доктора Годвина я отыскал

довольно быстро и набрал его номер. Голос, ответивший на другом конце провода, был таким спокойным и безразличным, что я не сразу понял, кто говорит — мужчина или женщина.

— Могу я поговорить с доктором Годвином?

— Доктор Годвин — это я, — устало ответили мне.

— Меня зовут Лью Арчер. Я только что беседовал с девушкой, которая утверждает, что была когда-то вашей пациенткой. Ее девичья фамилия Макги, Долли Макги. Она сейчас в тяжелом состоянии.

— Долли? Я не видел ее лет десять или двенадцать. Что с ней случилось?

— Вы врач, и, я полагаю, будет лучше, если вы сами поставите диагноз. У нее истерика... Пожалуй, это даже мягко сказано. Она постоянно твердит о каком-то убийстве.

Он застонал. Другим ухом я услышал хриплый голос миссис Брэдшоу, которая недовольно спросила откуда-то сверху:

— Что там происходит, Мария?

— Он говорит, что девушка Долли заболела.

— Кто он?

— Не знаю. Какой-то мужчина.

— Почему вы не сообщили мне, что она больна?

— Я только что вам об этом сообщила.

Доктор Годвин продолжал тихим, загробным голосом:

— Меня это не удивляет. В их семье произошла большая трагедия. Мать девочки была жестоко убита почти у нее на глазах. Долли тогда находилась в переходном возрасте, кроме того, у нее весьма неустойчивая психика и...

У меня не было времени выслушивать все эти медицинские подробности, и я спросил:

— Мать Долли убил ее отец?

— Да. — Ответ был похож на вздох. — Бедная девочка первой обнаружила тело. Потом ее заставили давать показания на суде. Мы позволяем себе творить такие жестокости...

Он резко оборвал себя и спросил уже совсем другим тоном:

— Откуда вы звоните?

— Из дома Роя Брэдшоу. Долли сейчас в сторожке вместе со своим мужем. Это на Футхилл Драйв, дом номер...

— Я знаю адрес. Кстати, я только что был на приеме

вместе с деканом Брэдшоу. Сейчас мне нужно навестить еще одного больного, а после этого я к вашим услугам.

Повесив трубку, я несколько мгновений сидел во вращающемся кресле не двигаясь. Высокие шкафы со старыми книгами вселяли умиротворение и покой. Я даже на какое-то мгновение почувствовал отрешенность от забот и несчастий сегодняшнего дня.

В коридоре меня ждала миссис Брэдшоу. Марии с нею не было.

Старая леди тяжело дышала, словно волнение теснило ей грудь. Одной рукой она придерживала полы розового махрового халата.

— Что с девушкой?

— У нее нервный срыв.

— Наверное, она поссорилась со своим мужем? Он так горяч. Ее трудно винить.

— Нет, дело намного серьезнее. Я только что звонил доктору Годвину, психиатру. Когда-то она была его пациенткой.

— Вы хотите сказать, что девочка?.. — Миссис Брэдшоу выразительно постучала скрюченным указательным пальцем по виску с выпуклыми венами.

Я не успел ответить. Во дворе послышался шум подъезжающей машины. В холл вошел Рой Брэдшоу. От влажного воздуха его волнистые волосы завились в мелкие колечки. Выражение его лица было необычайно открытым и приветливым. Однако, увидев нас стоящими рядом у лестницы, он сразу же насторожился и сделался серьезным.

— Что-то ты поздно сегодня, — осуждающим тоном произнесла его мать. — Ездишь с друзьями в клуб на обеды, а я вынуждена со всем справляться сама. Где ты был?

— На банкете у Алумни. Ты разве забыла? Ужасно нудная вещь официальные приемы. Боюсь, что мое выступление только усугубило общую скуку. — Он помедлил, видимо, почувствовав, что за упреком матери стоит не просто недовольство его поздним возвращением, перевел взгляд с нее на меня и обратно и спросил: — Что случилось, мама?

— Этот человек сказал мне, что Долли — девушка, которая живет в домике сторожа, — сошла с ума. Почему ты послал психически больную водить мою машину?

— Я не посылал ее.

— Тогда кто ее послал?

Я попытался вмешаться в эту бессмысленную перепалку, но на меня не обращали ни малейшего внимания и продолжали обмениваться колкостями. Это было похоже

на игру в пинг-понг. Должно быть, в эту игру они играли много лет, с тех пор, когда Рой Брэдшоу был еще мальчиком.

— Это сделала Лора Сатерлэнд либо Элен Хаггерти, ее академический куратор. Возможно, она рекомендовала ее.

— Кто бы это ни был, я хочу, чтобы ты предупредил их, чтобы в следующий раз они были осмотрительнее. Разумеется, если моя безопасность тебя не волнует...

— Меня волнует твоя безопасность. Очень волнует.— Его голос звенел туго натянутой струной, в нем слышались то покорность, то гнев.— Я представления не имел о том, что девушка нездорова.

— Возможно, когда она устраивалась на работу, все было в порядке,— сумел вставить я,— но сегодня вечером она испытала нервное потрясение. Я только что вызвал ей доктора. Доктора Годвина...

Брэдшоу медленно повернулся ко мне. У него было странное выражение лица — мягкое и безмятежное, точно у спящего младенца.

— Я знаю доктора Годвина,— удивленно произнес он.— А что за потрясение она испытала?

— Это мне еще не совсем ясно. Могу я поговорить с вами наедине?

— Это мой дом, молодой человек,— возвысив голос, заявила миссис Брэдшоу.

Ее слова были обращены не только ко мне, но и к сыну. Она словно легонько стегнула его невидимым кнутом, напоминая о своем старшинстве и его зависимости. Он почувствовал этот укол, но решил не сдаваться.

— Я тоже живу здесь. У меня есть определенные обязанности по отношению к тебе, и я стараюсь выполнять их. Но кроме того, у меня есть обязанности по отношению к моим студентам.

— Ох уж эти твои драгоценные студенты!

В ее темных глазах сверкнул огонек презрения и ревности.

— Прекрасно. Оставайтесь наедине. Я уйду.

Она демонстративно двинулась к двери, плотнее запахивая халат, словно ее выгоняли на улицу, где бушевало ненастье. Брэдшоу шагнул за ней. Последовавшая за этим сцена состояла из взаимных упреков, отталкиваний и объятий; в конце концов все завершилось сыновним поцелуем и пожеланием спокойной ночи. Брэдшоу помог матери подняться наверх и вернулся ко мне.

— Не судите маму строго,— сказал он.— Она стареет

и не хочет мириться с этим. На самом деле у нее доброе сердце и отзывчивая душа, уж я-то знаю, поверьте.

Я не стал с ним спорить. Он действительно знал ее лучше, чем я.

— Может быть, пройдем в мой кабинет? — предложил он.

— Давайте лучше поговорим по пути. Так мы сэкономим время.

— По пути?

— Я хочу, чтобы вы проводили меня к Элен Хаггерти, если, конечно, вы знаете, где она живет. Я не уверен, что найду дорогу в темноте.

— Зачем? Неужели вы подумали, что мама упрекала ее серьезно? Она говорила просто, чтобы что-то сказать и...

— Я знаю. Но Долли тоже кое-что говорила. Она заявила, что Элен Хаггерти убита. У нее на руках кровь, и это уже серьезнее, чем просто слова. Я полагаю, нам лучше поехать и выяснить, откуда взялась эта кровь.

Он судорожно сглотнул.

— Да. Конечно... Это недалеко отсюда, всего несколько минут пешком по тропинке. Но ночью мы, наверное, быстрее доберемся на моей машине.

Мы вышли на улицу и направились к машине. Я попросил его остановиться у домика сторожа и заглянул внутрь.

Долли лежала на диване, отвернувшись к стене. Алекс укрыл ее одеялом и неподвижно стоял рядом, бессильно опустив руки.

— Доктор Гудвин скоро приедет, — прошептал ему я. — Задержите его здесь до тех пор, пока я не вернусь, хорошо?

Он машинально кивнул. Казалось, он не видит меня. Его взгляд был по-прежнему устремлен в себя, в глубинные уголки своей души, о существовании которых он, по всей вероятности, не подозревал до сегодняшнего дня.

В машине Брэдшоу сиденья имели ремни безопасности, и, прежде чем мы тронулись с места, он заставил меня пристегнуться. По дороге я коротко рассказал ему то, что считал нужным, о признаниях Долли.

Его лицо выражало сочувствие. По моему совету он оставил машину у почтового ящика, там, где начиналась подъездная дорожка к дому Элен. Когда мы вышли из машины, с моря доносились глухие, похожие на сдавлен-

ные стоны гудки судов, обозначавших свое местоположение в тумане.

Неподалеку с потушенными огнями стоял еще один автомобиль, чей силуэт я с трудом различал сквозь густую серую пелену. Мне следовало бы обыскать его, но, подгоняемый сознанием своей вины, я торопился проверить, жива ли Элен.

Ее дом светился размытым пятном где-то высоко над головой, за плотной стеной деревьев. Мы двинулись вперед по извилистой, посыпанной гравием дорожке. Лесная сова метнулась низко над нами, словно серый сгусток тумана. Она села где-то совсем рядом и позвала самца. Ей ответили. Две невидимые птицы словно смеялись над нами, глухо ухая в темноте.

Наверху захрустел гравий, слышались приближающиеся шаги. Я тронул Брэдшоу за рукав, и мы оба остановились. Впереди замаячила мужская фигура. На незнакомце было пальто с поднятым воротником и широкополая шляпа. Лицо его мне не удалось разглядеть.

— Привет.

Он не ответил. Должно быть, он был молод и силен. Он ринулся прямо на нас, ударил меня плечом и оттолкнул Брэдшоу так, что тот полетел в кусты. Я попытался задержать его, но ему удалось вырваться.

Я бросился вниз, к дороге, откуда слышались удаляющиеся шаги. Но было уже поздно. Я лишь увидел, как он быстро сел в машину. Взревел мотор, зажглись габаритные огни, и машина рванулась с места. Все, что мне удалось разглядеть, это номер штата Невада, точнее четыре первых знака. Я подошел к машине Брэдшоу и записал их в свой блокнот: FT37.

Когда я поднялся вверх по дорожке к дому, Брэдшоу уже побывал там. Из открытой входной двери лился яркий свет, отбрасывая на брусчатку горбатую неровную тень моего спутника, сидевшего на ступенях с посеревшим лицом.

— Она мертва, мистер Арчер.

Я заглянул в дом. Элен лежала на боку недалеко от двери. Из круглой пулевой раны на лбу вытекала кровь, образуя на кафельном полу темно-красную лужу. По краям этой лужи кровь уже начала свертываться. Я дотронулся до печального лица Элен. Оно уже холодело. На моих часах было 21.17.

Между дверью и лужей крови я обнаружил нечеткий коричневатый отпечаток чьей-то ладони. Кровь засохла, но

след был еще липким. Судя по размеру и форме, отпечаток принадлежал Долли. Возможно, она оставила его, когда нечаянно споткнулась и упала, но меня не оставляла мысль, что она сознательно делала все так, чтобы ее судили за убийство. Впрочем, это еще не значило, что она невиновна.

В дверях появился Брэдшоу и бессильно прислонился к косяку.

— Бедная Элен. Это ужасно... Вы полагаете, что человек, который напал на нас...

— Мм... Вероятно, она мертва уже более двух часов. Конечно, он мог вернуться, чтобы уничтожить следы или забрать револьвер. Он вел себя так, словно виновен.

— Да.

— Элен Хаггерти никогда не говорила вам о Неваде? Он удивленно поднял брови.

— Нет. Почему вы спросили?

— Парень скрылся на машине с номером штата Невада.

— Понятно. Наверное, нам следует позвонить в полицию?

— Да. И побыстрее.

— Может быть, это сделаете вы? Я что-то неважно себя чувствую.

— Лучше это сделать вам, Брэдшоу. Она работала в колледже, возможно, вам удастся замять скандал.

— Скандал? Об этом я не подумал.

Он с трудом заставил себя пройти мимо тела к телефону, находившемуся в дальнем конце гостиной. Я быстро обошел другие комнаты. В спальне не было ничего кроме табуретки и кухонного стола, за которым Элен, вероятно, работала. На столе лежала стопка контрольных работ на спряжение неправильных французских глаголов. Вокруг были разбросаны книги, французские и немецкие словари, учебники по грамматике, сборники стихов и прозы. Я открыл один из них. На титульном листе стояла лиловая печать: Профессор Элен Хаггерти, колледж «Мапл Парк», штат Иллинойс.

Вторая спальня была обставлена с несколько вычурной элегантностью. Мебель в старинном французском стиле, ковры из овечьей шерсти на мозаичном полу. Огромное окно закрывали тяжелые мягкие шторы, сотканые вручную. В шкафу висели платья и юбки с этикетками фирм Магнин и Буллок, под ними в ряд стояли подходящие по цвету туфли.

Ящики были забиты свитерами, футболками и более интимными предметами женского туалета, но ничего личного там не было. Ни писем, ни фотографий.

Пол в ванной комнате от стены до стены был застелен ковром. Возле небольшой ванны-бассейна стоял шкафчик с множеством кремов и лосьонов, здесь же я увидел и таблетки снотворного. На упаковке было указано, что лекарство выписано доктором Отто Шранком и изготовлено в аптеке Томпсона в Бриджтоне 17 июня этого года.

Я перевернул корзину для бумаг на ковер. Под смятыми листками бумаги я обнаружил письмо в конверте со штемпелем «Бриджтон. Штат Иллинойс». Письмо было написано неделю назад и адресовано миссис Элен Хаггерти. В конверте лежало два листа. Под письмом стояла подпись «Мама», обратного адреса не было.

«Дорогая Элен! Мне было приятно получить твою открытку из солнечной Калифорнии. Я очень люблю этот штат, хотя не бывала там уже много лет. Папа давно обещает свозить меня, но всякий раз случается что-то непредвиденное и поездка откладывается. Сейчас давление у него немного нормализовалось, и мы вздохнули с облегчением. Я рада, что у тебя все хорошо. Сожалею о твоём разводе и думаю, что это был поспешный шаг, но сделанного не вернешь. Жаль, что вы с Бертом не смогли поладить. По-моему, он все-таки неплохой человек. Хотя, конечно, со стороны судить всегда легче.

Твой папа по-прежнему в ярости. Он даже не позволяет мне произносить твоё имя. Он все ещё не может простить тебе — и, думаю, себе тоже — твой уход из дома. И всё же ты его дочь и тебе не следовало так разговаривать с ним. Я не обвиняю тебя, я надеюсь, что в конце концов вы помиритесь. Ведь он уже стар, Элен, и я тоже не молода. Ты умная образованная девочка. Ты могла бы, если бы захотела, написать ему письмо и попытаться всё объяснить. Ведь ты его единственная дочь, и из твоих уст прозвучало обвинение, которое полицейскому нелегко выслушать даже от постороннего. Прошло уже больше двадцати лет, но это брошенное тобой слово — «налетчик» — всё ещё ранит его. Пожалуйста, напиши».

Я бросил письмо назад в корзину, вымыл руки и возвратился в гостиную. Брэдшоу сидел в плетённом кресле. Даже находясь в одиночестве, он держался очень официально.

Я спросил его, приходилось ли ему раньше иметь дело

с убийствами. Мне приходилось не раз, но эта смерть меня особенно задела. Я мог предотвратить ее.

Туман на улице продолжал сгущаться. Он плыл за стеклянными стенами, и у меня возникло странное чувство, будто мы оторвались от земли и парим в открытом космосе — непохожие близнецы в одной стеклянной капсуле с мертвой женщиной.

— Что вы сказали полиции?

— Я говорил лично с шерифом. Он скоро будет здесь. Я сообщил ему обо всем в двух словах. Я не знал, нужно ли было рассказывать о миссис Кинкейд.

— Мы должны объяснить, каким образом обнаружили тело. Но вы можете не пересказывать все ее слова, в конце концов ведь сами вы с ней не говорили.

— Вы серьезно думаете, что на нее может пасть подозрение?

— Пока не знаю. Подождем, что скажет доктор Годвин о ее психическом состоянии. Я надеюсь, он хороший специалист в своей области?

— Лучший в городе. Я видел его сегодня вечером на банкете. Мы сидели за одним столом, пока его куда-то не позвали.

— Он говорил о том, что обедал с вами.

— Да. Мы с Джеймсом Годвином старые друзья.

Я обвел взглядом комнату, желая куда-нибудь присесть. Но в ней стояла только раскладушка Элен. Я опустился на корточки. Самым загадочным для меня в этом доме было сочетание богатства и даже роскоши с бедностью. Казалось, две разные женщины по очереди обставляли его. Принцесса и нищая.

Я поделился этим наблюдением с Брэдшоу. Он кивнул.

— Меня это тоже поразило, когда я был здесь несколько дней назад. Я подумал, что она совершенно не умеет тратить деньги.

— Кстати, а откуда у нее были деньги?

— Она дала понять, что имеет какой-то дополнительный доход. Она вряд ли смогла бы так одеваться лишь на профессорское жалованье.

— Вы хорошо знали профессора Хаггерти?

— Нет. Мы были вместе на одном или двух приемах и на симфоническом концерте по поводу открытия театрального сезона. Оказалось, мы оба любим Хиндемита. — Он скрестил на груди руки. — Элен... э... очень эффектная женщина. Но мы не были близки, она не поощряла этого...

Я удивленно поднял брови, и Брэдшоу вспыхнул.

— Я не имел в виду сексуальную близость. Видит Бог, она совсем не в моем вкусе. Я только хотел сказать, что она почти ничего не рассказывала о себе.

— Откуда она приехала к вам?

— Из какого-то маленького колледжа на востоке, кажется, «Мапл Парк». Она уже уехала оттуда и обосновалась здесь, когда у нас появилась вакансия. На факультете современных языков тяжело заболел преподаватель — доктор Фэрранд. К счастью, поблизости оказалась Элен. Я просто не знаю, как нам удастся обойтись без нее сейчас, когда семестр начался.

В его голосе мне послышалось легкое недовольство. Хотя я понимал, что по должности он обязан думать о студентах и учебном процессе, но его тон не понравился мне, и я довольно резко сказал:

— Боюсь, что и вы и колледж столкнетесь с более серьезной проблемой, чем поиски нового преподавателя.

— Что вы имеете в виду?

— То, что это не совсем обычное убийство. Я беседовал с Элен сегодня днем, и в разговоре она сообщила мне, что ей угрожали смертью.

— Какой ужас! — прошептал он, словно абстрактная угроза убийства была чем-то более страшным, чем сам факт убийства. — Но кто же?

— Она не знала, и я тоже. Я думал, что, может быть, вам это известно. В колледже у нее были враги?

— Я не знаю ни одного. Но я уже говорил, что не был с ней близко знаком и...

— Я общался с ней несколько часов и все же успел ее понять. Я понял, в частности, что свой жизненный опыт она приобретала не только на семинарских занятиях и факультетских чаепитиях. Вы не пытались навести справки, когда принимали ее на работу?

— Не думаю... Как я уже говорил, нужно было срочно закрыть вакансию. В любом случае это не входило в мои обязанности. На доктора Гейсмана, заведующего той кафедрой, где профессору Хагтерти предстояло работать, она произвела благоприятное впечатление, и ее приняли. — Было очевидно, что Брэдшоу делает все, чтобы самому остаться в тени. Я записал имя доктора Гейсмана в блокнот.

— А между тем следовало поинтересоваться ее прошлым, — продолжил я. — Кажется, она была замужем и недавно развелась. Я бы, кроме того, хотел побольше узнать о ее отношениях с Долли. Очевидно, они были близки.

— Вы полагаете, они были лесбиянками? Мы бы никогда не... — Он не закончил предложения.

— Я ничего не полагаю. Я просто собираю информацию. Как профессор Хаггерти стала куратором Долли?

— Думаю, обычным путем.

— Что это за обычный путь?

— В каждом конкретном случае возможны свои нюансы. Миссис Кинкейд — старшекурсница, а старшекурсникам мы, как правило, разрешаем самим выбирать себе наставника, разумеется, если это позволяет его или ее учебная нагрузка.

— Значит, возможно, Долли сама выбрала профессора Хаггерти и завела с ней дружбу?

— Вполне. Хотя все могло получиться совершенно случайно.

Словно получив какой-то сигнал по общей волне, мы оба повернулись и посмотрели на тело Элен Хаггерти, распростертое на полу в дальнем конце комнаты. Она казалась маленькой и одинокой. Наш совместный космический полет затягивался. Я взглянул на часы. Было 21.31, с момента нашего приезда прошло всего четырнадцать минут. Казалось, время замедляло ход, делясь на бесчисленное множество мельчайших отрезков, как у Зенона.

С видимым усилием Брэдшоу отвернулся от тела. Его взгляд больше не казался мальчишеским. Он наклонился ко мне и, не сводя лихорадочно блестящих глаз с моего лица, спросил:

— Я все-таки не понял, что сказала вам миссис Кинкейд. Из ваших слов следует, что она обвинила... признала себя виновной в этом убийстве?

— Полицейский или следователь сочли бы, что так оно и есть. К счастью, ни один из них там не присутствовал. Мне довелось слышать много признаний — и лживых и подлинных. Я не думаю, что ее признание подлинное.

— А откуда же кровь?

— Она могла споткнуться и упасть.

— Значит, вы считаете, что мы не должны рассказывать об этом шерифу?

— Если вы не возражаете.

По его лицу было видно, что он возражал, но после недолгих колебаний он все-таки уступил:

— Хорошо, пусть это останется между нами, по крайней мере пока. Она ведь была нашей студенткой, хотя и недолго.

Меня неприятно кольнуло то, что он сказал об этом

в прошедшем времени. Мы оба почувствовали облегчение, когда услышали за окном шум подъезжающей машины шерифа. Вместе с ним к дому подкатила передвижная лаборатория. Через несколько минут в доме уже работали полицейский эксперт, помощник coronera¹ и фотограф.

Гостиная Элен сразу преобразилась. Исчезла атмосфера загадочности, делавшая ее похожей на межпланетный корабль. Теперь это была просто пустая комната, в которой только что произошло убийство. Казалось, мужчины в полицейской форме пришли сюда, чтобы закончить начатое убийцей дело. На наших глазах еще недавно живое и элегантное тело Элен превращалось в материал для судебно-медицинской экспертизы и вещественных доказательств в суде. От неожиданности я даже вздрогнул, когда угол, где она лежала, осветили вспышки фотоаппарата.

Шериф Герман Крэйн, внушительного вида мужчина средних лет, был одет в костюм из желтовато-коричневого габардина. Единственным форменным предметом в его туалете была шляпа с широкими полями и плетеной кожаной лентой. Голос и манеры выдавали в нем человека, привыкшего действовать методом кнута и пряника. Он обращался к Брэдшоу с нарочитым почтением, словно тот был экзотическим растением, возможно, не уникальным, но представляющим определенную ценность для науки.

Ко мне он отнесся так же, как относились все полицейские, — с подозрительной настороженностью. Все они почему-то считали, что я веду двойную игру. Мне не удалось убедить шерифа Крэйна послать патрульную машину за незнакомцем, уехавшим в автомобиле с номером штата Невада. Он пожаловался на то, что в управлении не укомплектованы штаты, и заявил, что в сложившейся ситуации в блокировании дорог, по его мнению, нет необходимости. Выслушав его, я решил, что в таком случае мне вряд ли стоит с ним сотрудничать.

Мы с шерифом сели, а помощник coronera стоя стенографировал нашу беседу. Я сказал, что Долли Кинкейд, жена моего клиента, обнаружила труп своего академического куратора профессора Элен Хагтерти и сообщила об этом мне. Девушка перенесла сильное нервное потрясение и сейчас находится под наблюдением врача.

Чтобы предупредить возможные вопросы о подробностях, при которых был обнаружен труп, я быстро сменил

¹ Коронер — следователь, производящий дознание в случаях насильственной или скоропостижной смерти.

тему и рассказал шерифу то, что накануне сообщила мне Элен об угрозах, которые она получала. Я напомнил ему о том, что она обращалась за помощью в его управление, и он воспринял мои слова как упрек.

— Я уже говорил, что у меня нет людей. Я не могу удержать хороших работников. Их сманивает Лос-Анджелес, обещая баснословные деньги и райские условия. — Он знал, что я из Лос-Анджелеса, и говорил так, точно во всех его бедах виноват лично я. — Если я буду ставить телохранителей у каждой двери по первому требованию, то управление опустеет.

— Я все понимаю.

— Я рад, что вы все понимаете. Что касается меня, то я не совсем понял, отчего между вами и покойной состоялась такая доверительная беседа.

— Профессор Хаггерти сама подошла ко мне и попросила поехать с ней.

— В какое время это было?

— Не могу вам сказать точно. Незадолго до заката. Я пробыл здесь около часа.

— Что ей было от вас нужно?

— Она хотела, чтобы я остался в доме и защищал ее. Я сожалею, что не сделал этого.

— То есть она хотела нанять вас в качестве телохранителя?

— Да, именно этого она добивалась. — Я не стал подробно рассказывать, как она этого добивалась.

— А почему она решила, что вы можете быть телохранителем?

— Она случайно прочла в газете о том, что я частный детектив.

— Да-да, — кивнул он. — Вы давали показания по делу Перрин сегодня утром. Мне, наверное, следует поздравить вас, ведь Перрин оправдали.

— Не утруждайте себя.

— Я и не собираюсь. Перрин виновна, вам это известно не хуже, чем мне.

— Присяжные сочли иначе, — мягко возразил я.

— Присяжных можно ввести в заблуждение, а свидетелей подкупить. Вам не кажется, что вы слишком активно подключились к решению наших местных проблем, мистер Арчер? — В его словах звучала открытая угроза. Он резко махнул рукой в сторону трупа. — Эта женщина, профессор Хаггерти... Вы были с ней дружны?

— Можно сказать, что до определенной степени мы стали с ней друзьями.

— За час?

— Это не так уж мало. И кроме того сегодня днем у нас с ней была предварительная беседа в колледже.

— А до сегодняшнего дня у вас с ней ничего не было?

Брэдшоу, который бесцельно слонялся вокруг нас, решил вмешаться:

— Могу поклясться, что нет, шериф. Не тратьте зря времени.

Шериф Крэйн поблагодарил его и снова повернулся ко мне.

— Так, значит, ваши с ней отношения были исключительно деловыми?

— Да, могли бы быть, если бы меня заинтересовало ее предложение.

— Но оно вас не заинтересовало. Почему?

— У меня уже было другое дело.

— Какое?

— Миссис Кинкейд ушла от своего мужа. Он нанял меня, чтобы я установил ее местонахождение.

— Я что-то слышал об этом сегодня утром. Вы выяснили, почему она от него ушла?

— Нет. Мне поручили найти ее. Я сделал это.

— Где вы ее нашли?

Я бросил вопросительный взгляд на Брэдшоу. Он нехотя кивнул.

— Она учится в колледже.

— Вы сказали, сейчас она находится под опекой врача. Какого врача?

— Доктора Годвина.

— Психиатр? — Шериф удивленно поднял брови и слегка наклонился в мою сторону. — Зачем ей понадобился психиатр? Она что, тронутая?

— У нее была истерика. Поэтому пригласили психиатра.

— Где она сейчас?

Я снова посмотрел на Брэдшоу. Он ответил:

— В моем доме. Она работает шофером у моей матери.

Шериф решительно поднялся.

— Едем туда и поговорим с ней.

— Боюсь, что это невозможно, — сказал Брэдшоу.

— Кто так считает?

— Я, и, думаю, доктор меня поддержит.

— Конечно, Годвин скажет то, что требуют от него

пациенты, если ему хорошо заплатят. У меня уже были с ним неприятности.

— Я знаю.— Брэдшоу побледнел, но говорил по-прежнему спокойно.— Вы не врач, шериф. Боюсь, вам даже не понять, что такое врачебная этика.

Крэйн покраснел и оскорбленно запыхтел. Он не нашелся что ответить. Брэдшоу продолжал:

— Я считаю, что при данных обстоятельствах миссис Кинкейд нельзя и не нужно ни о чем расспрашивать. Да и какой в этом смысл? Если ей есть что скрывать, то зачем бы она стала бросаться к первому попавшемуся детективу со своим страшным известием. Я уверен, что нам не следует подвергать девушку такому жестокому наказанию за то, что она выполнила свой долг.

— О чем вы говорите? Какое жестокое наказание? Я что, собрался сажать ее в тюрьму?

— Я надеюсь, что вы не станете тревожить ее сегодня, шериф. Это было бы неоправданной жестокостью по отношению к ней. Я уверен, что выражаю не только свое личное, но и общественное мнение.

Крэйн открыл было рот, но, видимо, понял, что бесполезно тягаться в красноречии с Брэдшоу, и промолчал. Брэдшоу и я вышли из дома вдвоем. Когда мы отошли на приличное расстояние, я не удержался, чтобы не высказать своего одобрения:

— Здорово вы отшили шерифа.

— Я никогда не любил этого пустозвона. К счастью, у него есть уязвимое место. На прошлых выборах он потерял много голосов. Очень многие люди в округе, в том числе я и доктор Годвин, хотели бы видеть на посту шерифа человека более грамотного и современного. Надеюсь, нам удастся этого добиться.

Вдомике сторожа мало что изменилось. Долли по-прежнему лежала на диване лицом к стене. Брэдшоу и я в нерешительности остановились у двери. Алекс подошел к нам и, глядя в пол, сказал:

— Доктор Годвин ушел звонить. Он считает, что ее следует временно поместить в лечебницу.

Из угла послышался безразличный голос Долли:

— Я знаю, о чем вы говорите... Можете не шептаться... Вы хотите увезти меня.

— Молчи, дорогая.

Девушка замолчала. Она лежала не двигаясь. Алекс жестом предложил нам выйти на улицу и шагнул следом,

оставив дверь открытой, чтобы можно было наблюдать за тем, что происходит внутри. Он тихо сказал:

— Доктор Годвин опасается самоубийства.

— А что, возможно и это?

— Я так не думаю. И доктор Годвин вряд ли рассматривает эту возможность всерьез. Но он говорит, что лучше подстраховаться. Я пытался заверить его, что мог бы последить за ней, но он считает, что мне не следует этого делать самому.

— Он прав,— подтвердил Брэдшоу.— Иначе до завтра вы совсем выбьетесь из сил.

— Завтра,— невесело хмыкнул Алекс. Он пнул ногой жесткий половой коврик, лежавший на нижней ступеньке.— Пожалуй, я позвоню отцу. Завтра суббота. Наверное, он сможет приехать.

Со стороны особняка Брэдшоу слышались быстро приближающиеся шаги. Из тумана показалась фигура крупного мужчины в кожаном пальто. На его лысой голове отражался свет, падающий из открытой двери. Он тепло поприветствовал Брэдшоу.

— Привет, Рой. Я восхищен вашей речью, во всяком случае той ее частью, которую мне удалось услышать. К сожалению, потом меня вызвали к пациентке. Она решила со мной посоветоваться, можно ли ей одной пойти на кинокартину по Тенесси Уильямсу. Ей очень хотелось, чтобы я отправился с ней и отгонял дурные мысли.— Он повернулся ко мне.— Мистер Арчер? Я — доктор Годвин.

Мы пожали друг другу руки. Он окинул меня долгим и пристальным взглядом, словно собирался по памяти рисовать мой портрет. У Годвина было тяжелое мрачноватое лицо с глазами, которые то вспыхивали, то темнели, словно внутри то зажигали, то гасили электрические лампы.

— Я рад, что вы позвонили мне. Мисс Макги — миссис Кинкейд — была действительно очень возбуждена.— Он заглянул в комнату.— Думаю, сейчас ей лучше.

— Она совсем успокоилась,— сказал Алекс.— Может быть, мы останемся здесь до утра?

Годвин бросил на него сочувственный взгляд. Его подвижный, как у актера, рот растянулся в скептической усмешке.

— Это неразумно, мистер Кинкейд,— медленно произнес он.— Я договорился о месте в своей клинике. Нам не следует рисковать.

— Но зачем ей лишать себя жизни?

— Бедняжке слишком много пришлось пережить. Трудно сказать, что сейчас у нее на уме. Я всегда очень серьезно отношусь к угрозам самоубийства, даже к малейшим намекам на него.

— Вам удалось у нее что-нибудь выяснить? — спросил Брэдшоу.

— Она очень устала и говорила мало. Лучше отложить расспросы до завтра.

— Я тоже так решил, — сказал Брэдшоу. — Шериф хотел задать ей несколько вопросов об убийстве, но я настоял, чтобы он не делал этого.

Лицо Годвина потемнело.

— Так, значит, убийство действительно было? Еще одно?

— Сегодня вечером в собственном доме застрелили нашего нового профессора Элен Хаггерти. Видимо, миссис Кинкейд споткнулась о ее труп.

— Девушку словно преследует рок. — Годвин поднял глаза к небу. — Иногда мне кажется, что к некоторым людям боги повернулись спиной.

Я попросил его объяснить, что он имеет в виду. Он отрицательно покачал головой.

— Я слишком устал, чтобы рассказывать кровавую сагу семейства Макги. Почему бы вам не поинтересоваться подробностями у полиции?

— В данной ситуации это вряд ли целесообразно.

— Вы так считаете? Но вы же видите, как я устал. К тому времени, когда мне удастся благополучно уложить всех своих пациентов, у меня остаются силы только на то, чтобы добраться до дома и рухнуть в постель.

— И все же нам нужно поговорить, доктор.

— О чем?

Мне не хотелось вести разговор в присутствии Алекса, но я переборол себя и, глядя ему прямо в глаза, произнес:

— О возможности того, что это второе убийство совершила она, или, точнее, о том, что ее могут обвинить в совершении этого убийства. По-моему, она сама к этому стремится.

Алекс горячо возразил:

— Но она же была не в себе! Вы не имеете права использовать ее слова...

Годвин положил руку на его плечо.

— Успокойтесь, мистер Кинкейд. Сейчас мы все равно ничего не решим. Нам всем нужно хорошенько выспаться — особенно вашей жене. Я хочу, чтобы вы поехали со

мной в лечебницу. Возможно, мне потребуется ваша помощь. А вы, — он повернулся ко мне, — можете поехать за нами в своей машине, чтобы потом забрать его. Вам все равно нужно будет узнать, где расположена лечебница, так как завтра я буду ждать вас там около восьми часов утра, после того как побеседую с миссис Кинкейд. Договорились?

— Да. Завтра в восемь утра.

Он кивнул и повернулся к Брэдшоу:

— Рой, на вашем месте я бы пошел проверить, как чувствует себя ваша матушка. Я дал ей успокоительного. Она была очень возбуждена, ей повсюду мерещатся маньяки-убийцы. Вам удастся быстрее уговорить ее, чем мне.

Годвин производил впечатление человека мудрого и предусмотрительного. Как бы то ни было, все мы безоговорочно подчинились его распоряжениям: его голос, манеры, весь его облик действовали на окружающих убеждающе.

Подчинилась ему и Долли. Поддерживаемая с одной стороны Алексом, с другой Годвином, она вышла из домика к машине. Она не сопротивлялась и не плакала. Но у нее был такой вид, словно ее вели на эшафот.

Спустя примерно час я сидел на своей кровати в мотеле. Сегодня мне больше нечего было делать, разве что обратиться за кое-какими разъяснениями к местным властям, но я отбросил эту мысль, понимая, что мое обращение могло повлечь за собой только новые неприятности. И все же в голове продолжали крутиться картины возможных действий — то я пускался в погоню за Бегли — Макги, то ловил таинственного человека из Невады.

Усилием воли я вытеснил их из своего сознания и попытался думать о Зеноне, который сказал, что Ахилл никогда не догонит черепаху. Эта мысль успокаивала, особенно если представить себя черепахой. Но я был Ахиллом.

В моем портфеле лежала бутылка виски. Я как раз открыл портфель, чтобы вынуть ее, когда вдруг вспомнил об Арни Уолтерсе, моем коллеге из Рино, с которым мы распили не одну такую бутылку. Я позвонил в его офис, который был расположен в передней комнате его квартиры. Арни оказался дома.

— Сыскное агентство Уолтерса, — ответил он недовольным голосом человека, которого разбудили среди ночи.

— Это Лью Арчер.

— Рад тебя слышать. Ты прав, я еще не ложился, просто решил примерить пижаму.

— Мне не до шуток, тем более что остряк из тебя никудышный. Я хотел попросить тебя о небольшой услуге, за которую отплачу при первой же возможности. Готов записывать?

Я услышал в трубке щелчок — это Арни включил записывающее устройство — и принялся рассказывать ему о смерти Элен.

— Часа через два после выстрелов из дома, где произошло убийство, вышел интересующий меня человек. Он уехал в черном или темно-синем автомобиле с откидывающимся верхом. Вероятно, это был «форд» последней модели с номерным знаком штата Невада. Кажется, первые четыре знака...

— Кажется?

— Здесь туман, к тому же было темно. Так вот, номер начинается с FT37, но я не уверен на все сто. Этот человек молод, атлетически сложен, рост пять футов одиннадцать дюймов. Одет был в темное пальто и темную шляпу с широкими полями. Лица я не разглядел.

— Когда ты последний раз был у окулиста?

— Не смешно, Арни. Придумай что-нибудь поостроумней.

— Я слышал, что пожилым людям бесплатно диагностируют глаукому.

Арни был старше меня, но очень не любил, когда я ему об этом напоминал.

— Ну хватит. Что ты цепляешься? Может быть, с женой поругался?

— Да нет,— бодро ответил он.— Она ждет меня в постели.

— Поцелуй за меня Филлис.

— Лучше я ее за себя поцелую. Если мне удастся что-нибудь выяснить — хотя я очень сомневаюсь в этом,— уж слишком общие сведения ты дал — но все же, если что-то получится, то как тебя найти?

— Я сейчас в Пасифик Пойнт, мотель «Маринерз Рест», но лучше звони в справочную моего агентства в Голливуде.

Он пообещал. Не успел я положить трубку, как услышал тихий стук в дверь. Я открыл ее и увидел Алекса. Он был в брюках, которые натянул поверх пижамы.

— Я услышал, как вы с кем-то разговариваете...

— Я говорил по телефону.

— Мне не хотелось бы вам мешать.

— Я уже закончил, входите. Хотите выпить?

Он осторожно вошел в комнату, словно боясь попасть в ловушку. За последние несколько часов он очень изменился: от прежней резкости и агрессивности не осталось и следа. Он бесшумно ступал босыми ступнями по ковру.

В шкафчике в ванной комнате оказалось два стакана, завернутых в вощеную бумагу. Я развернул их и налил виски. Мы сели на кровать и не чокаясь выпили. Несколько мгновений мы смотрели друг на друга, словно в невидимое зеркало. По сравнению со мной Алекс был слишком молод и неопытен. Он находился в том нежном юношеском возрасте, когда малейшая неудача воспринимается как трагедия.

— Я хотел позвонить отцу,— сказал он.— А теперь не знаю, стоит ли...

Снова наступила пауза.

— Он, наверняка, скажет: «Говорил ведь тебе!»... А если не скажет, то подумает... Дуракам закон не писан.

— Полагаю, что справедливо и обратное: законы пишутся не для дураков. Тем более что те их не знают.

Он обдумывал мои слова.

— Так вы не считаете, что я вел себя глупо?

— Вы вели себя как настоящий мужчина.

— Спасибо,— сухо поблагодарил он.— Даже если в действительности вы так не думаете.

— Я говорю искренне.

Виски и мое участие расположили его к разговору.

— Хуже всего было, когда я оставлял ее в лечебнице,— признался он.— У меня было такое чувство, словно мы расстаемся навеки. Там, прямо как у Данте, люди стонут, рыдают... Долли очень эмоциональная девушка. Не знаю, как она вынесет это.

— Возможно, для нее это будет лучше, чем метаться по нашему сложному миру.

— Вы думаете, она сумасшедшая?

— То, что я думаю, не имеет никакого значения. Завтра станет известно заключение врачей, хотя уже сейчас ясно, что она не в себе. Я знаю примеры, когда у людей наступало временное помутнение рассудка, но потом они выздоравливали.

— Вы полагаете, она выздоровеет?

Он хватался за мои слова как утопающий за соломинку. Но я не считал возможным поддерживать в нем надежду.

— Я с большей уверенностью могу говорить о правовой стороне дела, нежели о медицинской.

— Но вы же не можете всерьез считать, что это она убила Элен? Да, да! Я знаю, что она сама так говорила, но ведь этого просто не может быть. Уж я-то знаю Долли. Она совсем не агрессивна. Она любит людей и жизнь. Такой человек, как она, мухи не обидит.

— Все может быть, Алекс. Нужно было, чтобы Годвин знал обо всем с самого начала. Здоровье вашей жены в его руках.

— Моей жены...— удивленно повторил он.

— По закону она ваша жена, хотя, разумеется, вы ей ничем не обязаны. Вы имеете полное право оставить ее, и вас никто за это не осудит.

Его рука со стаканом дернулась. Мне показалось, что он с трудом удержался от того, чтобы не выплеснуть виски мне в лицо.

— Я не собираюсь бросать ее,— резко сказал он.— И если вы хотите мне это посоветовать, то можете убираться к черту.

После таких слов я стал испытывать к нему еще большее уважение и симпатию.

— Кто-то должен был сказать вам об этой возможности. Многие на вашем месте именно так бы и поступили.

— Я — не многие.

— Я понял.

— Отец, вероятно, назовет меня дураком, но мне все равно. Даже если она виновна в убийстве, я ее не оставлю.

— Вам потребуется много денег.

— Вы хотите, чтобы я вам заплатил? Вы это имели в виду?

— Я могу подождать, и Годвин тоже. Сейчас я имел в виду другое. Возможно, что уже завтра вам понадобится адвокат.

— Зачем? — Он был неглупым малым, но соображал не слишком быстро.

— С сегодняшнего вечера ваша главная проблема заключается в том, чтобы Долли не говорила лишнего и не навлекла таким образом на себя беду. Ей нужно подыскать спокойное безопасное место подальше от полиции, где за ней будут присматривать и ухаживать. Хороший адвокат мог бы это устроить, но если дело связано с убийством, адвокаты, как правило, требуют плату вперед.

— Вы в самом деле считаете, что положение так серьезно и что Долли могут начать преследовать по закону?

Или вы просто, что называется, не даете мне расслабляться?

— Я сегодня беседовал с шерифом, и мне не понравилось выражение его глаз, когда мы заговорили о Долли. Шериф Крэйн далеко не глуп. Он понял, что я пытаюсь сдерживать его. Он займется Долли сразу, как только узнает о семейных наклонностях.

— Семейных наклонностях?

— О том, что ее отец убил ее мать.— С моей стороны было жестоко наносить ему помимо прочих еще и этот удар. Но все же для него было лучше услышать эту новость от меня, чем от кого-либо другого.— Очевидно, его дело рассматривалось в местном суде. Возможно, шериф Крэйн даже собирал улики для обвинения.

— Похоже, все повторяется,— волнуясь сказал Алекс.— Кажется, вы говорили, что Чак Бегли, ну, этот человек с бородой, ее отец?

— Видимо, да.

— Это он во всем виноват,— сказал он, больше пытаясь убедить в этом себя, чем меня.— Все началось после того, как он побывал в отеле в то воскресенье, когда она исчезла. Как вы думаете, что могло произойти между ними? Отчего она решилась на такой отчаянный шаг?

— Не знаю, Алекс. Может быть, он накричал на нее за то, что она давала против него показания... Скорее всего речь шла о прошлом, а ей было слишком тяжело связать его с настоящим, со своим замужеством, с вами. Она не смогла этого вынести и ушла от вас.

— И все-таки я не понимаю...— сказал он.— Как у Долли может быть такой отец?

— Я не генетик. Однако уверен, что большинство убийц-непрофессионалов не являются преступниками по своей природе. Я собираюсь побольше узнать о Бегли — Макги и его преступлении... Долли вам никогда не рассказывала об этом?

— Нет, она никогда ничего не рассказывала о своих родителях. Сказала только, что они умерли. Теперь я понимаю, почему, и нисколько не виню ее за то, что она говорила неправду...— Он помолчал и пояснил: — Я имею в виду за то, что она не рассказывала об убийстве.

— Зато сегодня вечером ее прорвало.

— Да... Вечер был ужасный...— Он несколько раз кивнул головой, словно снова и снова вспоминал подробности их разговора.— Скажите мне правду, Арчер, вы верите в то,

что она говорила о своей вине в смерти этой женщины и своей матери?

— Я почти не слушал ее.

— Это не ответ.

— Может быть, завтра мы получим ответы на все вопросы. Мир, окружающий нас, очень сложен, а человеческий мозг, пожалуй, самая сложная его частица.

— От вас сочувствия не дождешься.

— Это не входит в мои обязанности.

Допив виски, он поморщился то ли от крепости спиртного, то ли от моих слов и медленно поднялся.

— Я пойду. Вы, наверное, хотите спать, а мне еще надо позвонить. Спасибо за виски.— Но уже взявшись за ручку двери, он обернулся и добавил: — И за беседу спасибо.

— Захочется поговорить, приходите в любое время. Вы собираетесь позвонить отцу?

— Нет. Я передумал.

Я почувствовал удовлетворение. По возрасту он годился мне в сыновья, и, поскольку своих детей у меня не было, я начал испытывать к нему что-то вроде отцовского чувства.

— А кому вы хотите позвонить, если, конечно, не секрет?

— Долли просила меня связаться с ее теткой Алисой. Я все откладывал этот звонок, так как не знаю, что ей сказать. Я даже не знал до сегодняшнего дня, что у нее есть тетка.

— Кажется, она упоминала о ней. Когда Долли просила вас об этом?

— Уже в лечебнице, в самый последний момент. Долли хочет, чтобы тетка навестила ее. А я никак не могу решить, хорошо это будет или плохо.

— Все зависит от тетки. Она живет здесь, в городе?

— В долине, в Индиан Спрингс. Долли сказала, что она работает в директорате округа. Ее зовут мисс Алиса Дженкс.

— Давайте позвоним.

Я нашел в справочнике ее фамилию и номер телефона, набрал междугородный код и дал трубку Алексу. Он снова сел на кровать и уставился на телефон так, будто видел его впервые.

— Что мне ей сказать?

— Действуйте по обстановке. Когда закончите, передайте мне трубку, я тоже поговорю.

Из трубки донесся резкий голос:

— Алло? Кто это?

— Меня зовут Алекс Кинкейд. Вы — мисс Дженкс?.. Мы с вами не знакомы, мисс Дженкс. Я — муж вашей племянницы Долли Макги. Мы поженились с ней несколько недель назад. Она серьезно заболела... Нет, это связано с нервами. Она хочет видеть вас. Сейчас она в лечебнице Уитмор в Пасифик Пойнт. Ее лечением занимается доктор Годвин.

Он замолчал, слушая, что говорили на том конце провода, и на лбу у него появились капельки пота.

— Она говорит, что не сможет приехать завтра, — повернувшись ко мне, сообщил он, а в трубку сказал: — Тогда, может быть, сумеете выбраться в воскресенье?.. Вот и отлично. Вы всегда сможете найти меня в мотеле «Маринерз Рест» или... Алекс Кинкейд. Надеюсь, что скоро встречу с вами.

— Дайте я поговорю с ней, — напомнил я.

— Одну минуту, мисс Дженкс. Со мной рядом находится один человек, его зовут мистер Арчер, он хочет что-то сказать вам. — Он передал мне трубку.

— Здравствуйте, мисс Дженкс.

— Здравствуйте, мистер Арчер. Позвольте сразу узнать, кто вы и какая необходимость вынудила вас звонить мне в час ночи?

Вопрос был резонный, и на него было не так-то просто ответить. Голос ее звучал раздраженно и требовательно.

— Я частный детектив. Извините за поздний звонок, но дело касается не только самочувствия вашей племянницы. Убита женщина.

Она шумно вздохнула, но ничего не сказала.

— Ваша племянница — свидетель убийства, возможно, даже не просто свидетель. Как бы то ни было, она нуждается в поддержке. Насколько мне известно, вы ее единственная родственница, если, конечно, не считать отца...

— Ее отца можно не считать. Он отрезанный ломоть. Долли не видела от него ничего хорошего, — сказала она ровным скрипучим голосом. — Кого убили?

— Друга и наставника вашей племянницы, профессора Элен Хаггерти.

— Никогда не слышала этого имени, — быстро и с облегчением сказала она.

— Если вам безразлична судьба Доли, то у меня есть что сообщить вам. Какие между вами отношения? Близкие?

— Были, пока девочка не выросла и не отдалилась от

меня. После смерти ее матери я воспитывала ее.— Она совсем успокоилась и говорила теперь подчеркнуто сухо.— Том Макги как-то связан с этим убийством?

— Возможно. Он сейчас здесь в городе, если еще не уехал.

— Так я и знала! — вырвался у нее торжествующий возглас.— Они не должны были его выпускать. Его следовало отправить в газовую камеру за то, что он сделал с моей сестрой.

Она задыхнулась от волнения. Я подождал, рассчитывая, что она продолжит, но мисс Дженкс молчала.

— Мне бы хотелось обсудить с вами подробности этого убийства, но не по телефону,— сказал тогда я.— Было бы очень хорошо, если бы вы приехали сюда завтра.

— Я не могу, и настаивать бесполезно. Завтра у меня назначена очень важная встреча. К нам приедут несколько официальных лиц штата из Сакраменто. Вероятно, прием затянется до самого вечера.

— Тогда, может быть, встретимся утром?

— Утром я должна буду готовиться к встрече. Мы разрабатываем проект новой программы для нашего округа, которая является частью программы штата. Если я не приму участия в обсуждении проекта, то могу лишиться своего поста.

— Нам этого вовсе не хочется, мисс Дженкс. Сколько от вас до Пасифик Пойнт?

— Семьдесят миль, но я же сказала вам, что не смогу приехать.

— Я сам приеду, если вы сможете уделить мне час времени утром, скажем, около одиннадцати.

Она немного помедлила и согласилась.

— Хорошо, если это так важно. Я встану на час раньше, чтобы успеть подготовить документы. Я буду дома в одиннадцать. Вы знаете мой адрес? Я живу рядом с главной улицей Индиан Спрингс.

Я поблагодарил ее, проводил Алекса из своего номера и, приказав себе проснуться в шесть тридцать, уснул.

Алекс еще спал, когда я собрался уходить. Я не стал будить его, решив, что так будет лучше для меня, да и для него тоже. Ему нужно было хорошенько отоспаться.

На улице был густой туман. Густая влажная пелена окутала город, словно он опустился на морское дно. Выехав из мотеля, я влился в плотный поток шедших по шоссе

с зажженными фарами автомобилей, которые напоминали глубоководных рыб. Доехав до стоянки большегрузных машин, я остановился. Незаметно для себя проехал весь город и очутился на его восточной окраине.

За последние два дня я порядком устал от разговоров и расспросов, поэтому мне было приятно сидеть за стойкой небольшого пригородного ресторанчика, посетители которого говорили только тогда, когда делали заказ или пытались заигрывать с официанткой. Я тоже попробовал пошутить с ней. Ее звали Стеллой. Она работала так быстро и споро, что с успехом могла заменить любого робота. Мило улыбнувшись мне, она заявила, что именно к этому и стремится.

Сначала я заехал в лечебницу, которая располагалась недалеко от шоссе на оживленной улице, застроенной в основном новыми многоквартирными жилыми домами. Их блеклая окраска и облезлые пальмы вокруг создавали впечатление унылости и запустения.

Лечебница находилась в длинном одноэтажном оштукатуренном здании, покрашенном в бежевый цвет. Я позвонил точно в восемь. Дверь сразу открыли, словно доктор Годвин стоял за ней, поджидая меня.

— Вы пунктуальны, мистер Арчер.

Его глаза-хамелеоны были сейчас серыми, под цвет туманного утра. Когда он закрывал дверь, я заметил, что у него сутулые плечи. На нем был свежий белый халат.

— Присядем? Пожалуй, лучше всего поговорить здесь.

Мы были в небольшой приемной. Я опустилсЯ в одно из потертых кресел, расставленных полукругом возле стоявшего в углу телевизора. Откуда-то из глубины здания доносилось звяканье посуды и звонкие голоса медсестер, начинавших свой рабочий день.

— Эта клиника принадлежит вам, доктор?

— Нет, но часть средств моя, как и большинство пациентов. Я только что проводил сеанс шоковой терапии с теми, кто в этом нуждается.— Он разгладил складки на груди халата.— Я занимаюсь медициной уже много лет, но иногда чувствую себя простым знахарем. Я, например, не могу объяснить, почему люди, находящиеся в угнетенном состоянии, начинают чувствовать себя лучше после воздействия на них электрическим током. Как видите, наша наука все еще находится на эмпирической стадии... Но люди выздоравливают,— добавил он с мимолетной усмешкой, настолько быстрой, что она почти не изменила настороженно-выжидательного выражения его глаз.

— А Долли?

— Мне кажется, ей тоже стало лучше. Думаю, ее следует оставить здесь по крайней мере на неделю, чтобы я мог наблюдать за ней.

— Она может отвечать на вопросы?

— Я не хочу, чтобы вы или кто-нибудь другой из мира... преступления и наказания задавали ей вопросы.

Чтобы как-то сгладить резкость своего отказа, он с деланной непринужденностью плюхнулся в ближайшее кресло, попросил у меня сигарету и прикурил.

— Почему?

— Я не согласен с тем, что наши примитивные законы разрешают допрашивать больных людей, которые по причине своей болезни часто говорят такое, за что их потом судят, и судят как совершенно здоровых. Я не могу смириться с таким положением дел.

Он откинул на спинку кресла массивную лысую голову и выпустил в потолок облако дыма.

— Из ваших слов следует, что Долли может грозить опасность со стороны закона?

— Я говорил о больных вообще.

— Да, и о Долли в частности. Доктор, давайте не будем играть в прятки. Я так же, как и вы, сочувствую девушке и не считаю ее в чем-то виноватой. Однако я уверен, что она знает нечто такое, что может помочь мне в расследовании убийства.

— А что, если она виновна? — спросил он, по-прежнему пристально глядя на меня.

— Тогда мы будем вместе искать смягчающие обстоятельства и постараемся сделать все, чтобы суд вынес ей не слишком строгий приговор. Не забывайте, что я работаю для ее мужа. Вы считаете, что она виновна?

— Не знаю.

— Вы говорили с ней сегодня утром?

— Говорила больше она, я только слушал. Я задал ей всего несколько вопросов. Иногда так можно узнать больше, нужно лишь проявить терпение.— Он многозначительно посмотрел на меня, словно давая ценный совет.

Я промолчал. Неожиданно в дверях показалась пухлая женщина с распущенными длинными черными волосами и протянула руки к доктору.

Он поднял руку в усталом приветствии.

— Доброе утро, Нелл.

Она одарила его страдальческой улыбкой и бесшумно скрылась, точно видение.

— Не могли бы вы все же рассказать мне, что говорила Долли сегодня утром.

— Я должен быть полностью уверен, что это не повредит Долли,— сказал Годвин и смял сигарету в голубой керамической пепельнице.— Что ни говорите, а между вами и мной есть существенная разница. То, что мне сообщают пациенты, является моей профессиональной тайной. Вы же ничем не связаны. Если в ходе судебного процесса вы откажетесь дать какую-то информацию, вас обвинят в оскорблении суда и привлекут к ответственности. Теоретически меня тоже могут посадить, а в действительности вряд ли.

— Меня уже не раз пытались обвинить в неуважении к суду. Полиции не удастся выудить из меня больше того, что я сам решу рассказать им. Это я вам твердо обещаю.

— Ну хорошо,— Годвин кивнул.— Меня беспокоит состояние Долли, и я попытаюсь объяснить вам все по порядку без профессиональных тонкостей и специальных терминов. Попробуйте воссоздать объективную картину событий и фактов, пока я буду излагать вам свои субъективные ощущения.

— Доктор, вы обещали без профессиональных тонкостей.

— Извините. Сначала о ее семье. Ее мать, Констанция Макги, привезла девушку ко мне по рекомендации своей сестры Алисы, с которой мы были немного знакомы. Долли было тогда десять лет. Она была грустным и молчаливым ребенком, и близкие опасались, что она совсем уйдет в себя. Надо сказать, для таких опасений были довольно веские основания. Ее отец, Томас Макги, человек несерьезный и вспыльчивый, плохо влиял на ребенка. Он вел себя по отношению к ней очень неровно: то любил, то наказывал, то баловал, то унижал. Мать девочки он попросту бил и в конце концов ушел от нее, или она от него ушла, это не имеет значения. Я предпочел бы, чтобы моим пациентом был он, а не Долли, поскольку именно он источник всех семейных несчастий. Но к нему было не подобраться.

— Вы встречались с ним?

— Нет, он даже не пришел поговорить со мной,— с горечью произнес Годвин.— Если бы мне удалось встретиться с ним, то, возможно, я смог бы предотвратить убийство. А может быть, и нет. Из того, что мне удалось о нем узнать, я понял, что он давно и серьезно болен и нуждался в лечении, но не получил его. Надеюсь, теперь вам понятна моя неудовлетворенность той непреодолимой

пропастью, которая лежит между психиатрией и уголовным правом. Люди типа Макги могут разгуливать на свободе без соответствующего наблюдения до тех пор, пока не совершат преступления. После этого их, естественно, судят и изолируют от общества лет этак на десять-двадцать. Но помещают не в больницу, а в тюрьму.

— Макги выпустили. Он сейчас здесь в городе. Вы знали об этом?

— Долли сказала мне сегодня утром. Сознание того, что он рядом, очень ее угнетает... Можете себе представить, что должен чувствовать эмоциональный ребенок, который растет в атмосфере насилия и ненависти. Его начинают мучить страх и постоянное чувство вины, усугубляемое тем, что с каждым днем он все больше отдаляется от своих родителей. Его толкает на это элементарный инстинкт самосохранения. Психиатр-клиницист, вместе с которым я работал тогда, нашел удачный способ, чтобы помочь Долли выразить свои чувства: она лепила фигурки из глины и играла в куклы. Сам я мало чем мог ей помочь. У нас не разработаны методики изучения детского мозга, и такие исследования почти нигде не ведутся. Но я пытался играть роль спокойного и терпеливого отца, чтобы дать девочке возможность почувствовать себя увереннее. Ее состояние улучшалось, и вдруг это несчастье.

— Вы имеете в виду убийство?

Он кивнул и, покачивая головой, словно в такт своим невеселым мыслям, сказал:

— Однажды ночью в порыве ревности Макги довел себя до иступления, явился в дом тетки Долли в Индиан Спрингс, где они тогда жили, и выстрелил Констанции прямо в сердце. Долли была в это время дома, с матерью. Она услышала выстрел и увидела выходящего из дома Макги. Потом она обнаружила труп матери.

Он продолжал мерно покачивать своей большой лысой головой, которая напоминала сейчас молчащий колокол.

— Какова была ее первая реакция? — спросил я.

— Не знаю. Одной из особенностей нашей профессии является то, что эта общественно полезная деятельность носит сугубо частный характер. Я не могу тащить к себе пациентов на аркане. Долли у меня больше не появлялась. У нее не стало матери, чтобы возить ее сюда из долины, а мисс Дженкс, ее тетка, — очень занятой человек.

— Вы, кажется, говорили, что именно она посоветовала начать лечение Долли?

— Да, и сама платила за него. Возможно, после смерти

сестры у нее появились новые заботы, и она решила, что ей не по средствам и дальше оплачивать лечение племянницы. Как бы то ни было я больше не встречался с Долли до вчерашнего вечера, если не считать того, что я видел ее в суде, когда она давала показания против Макги. Я тогда прорвался в кабинет судьи, рассказал ему все и просил не допускать этого, но мои уговоры оказались напрасными. Она была главным свидетелем, у них имелось разрешение ее тетки, поэтому ей пришлось пройти через это испытание. Она вела себя как маленький робот, потерявшийся во враждебном мире взрослых людей.

Доктор, разволновавшись, шарил руками под халатом в поисках сигарет.

Я предложил ему свои, сам тоже взял одну, и мы закурили.

— И что же она говорила в суде?

— Ей задали только два вопроса. Уверен, что ее ответы были заранее отрепетированы. Она сказала, что услышала выстрел, выглянула из окна спальни на улицу и увидела отца, бегущего от их дома с револьвером в руке. Второй вопрос касался того, не угрожал ли Макги своей жене физической расправой. Девочка ответила утвердительно. Вот, собственно, и все.

— Вы уверены, что ничего не упустили?

— Нет. Я ведь не просто вспоминаю. Я отыскал записи, которые сделал тогда, и просмотрел их сегодня утром.

— Зачем?

— Это был очень важный момент в ее жизни. Может быть, даже критический.

Он выпустил облако дыма и пристально посмотрел на меня сквозь него.

— А что она рассказывает сейчас?

По его лицу было видно, что он решает, говорить мне об этом или нет. Я понимал, что он очень взволнован этой встречей — Долли была для него дочерью, которую он потерял и нашел десять лет спустя.

— Она говорит странные вещи, — наконец произнес он. — Я не могу верить ей, и даже больше того, считаю, что она сама не верит тому, что говорит. Она не настолько больна.

Он замолчал и снова затянулся сигаретой, пытаясь успокоиться.

Я ждал, когда он продолжит.

— Она утверждает, что не видела Макги той ночью и что на самом деле он не имеет никакого отношения

к убийству ее матери. Она заявляет, что в суде сказала неправду, потому что этого хотели от нее очень многие взрослые.

— Зачем ей понадобилось вспоминать об этом сейчас?

— Я не знаю. Между нами нет прежнего взаимопонимания. Прошло десять лет, и это вполне естественно. К тому же, она не простила мне предательства — того, что меня не оказалось рядом, когда ей было трудно. Но что я мог поделать? Не мог же я поехать в Индиан Спрингс и выкрасть ее из дома тетки?

— Вас очень волнует судьба ваших пациентов, доктор.

— Вы правы. И я ужасно устаю от этого. — Он погасил сигарету о керамическую пепельницу. — Кстати, эту пепельницу сделала Нелл. Не так уж плохо для первого раза.

Я что-то пробормотал в ответ, соглашаясь с ним. Перекрывая звон тарелок, кто-то в глубине здания стал жаловаться скрипучим старческим голосом.

— Возможно, ее рассказ не слишком далек от истины, — заметил я. — Во всяком случае, он объясняет то, что Макги навестил ее на второй день после свадьбы и сообщил ей нечто такое, что сразу выбило ее из колеи.

— Вам не откажешь в проникательности, Арчер. Именно так все и было. Он долго распространялся перед ней о том, что не виновен. Нельзя забывать, что, несмотря ни на что, она любила отца. Ему удалось убедить ее, что у нее был провал памяти, что в смерти матери виновен не он, а она. Детские воспоминания зачастую живут в человеке в форме цветных картинок...

— Виновна в лжесвидетельстве, вы это имели в виду?

— Нет. В убийстве. — Он ближе придвинулся ко мне. — Сегодня утром она сказала мне, что это она убила свою мать.

— Из револьвера?

— Нет. Она говорит, что виной всему ее язык. Она утверждает, что убила свою мать, свою подругу Элен, посадила в тюрьму отца, и все это сделала своим злым языком.

— Она не пояснила, что имела в виду?

— Пока нет. Возможно, что ее чувство вины лишь косвенно связано с этими двумя убийствами.

— Вы хотите сказать, что она берет на себя вину за эти убийства потому, что чувствует себя виноватой в чем-то другом?

— Да, почти так. Это довольно распространенное явление. Однако мне точно известно, что она не убивала свою

мать и не лгала об отце. Я не сомневаюсь, что Макги осудили правильно.

— Суд может ошибаться, и даже если дело кажется ясным...

— Я знаю об этом деле больше, чем любой суд,— уверенно заявил он.

— От Долли?

— От разных людей:

— Я буду вам очень признателен, если вы поделитесь со мной тем, что знаете.

Взгляд его глаз стал непроницаемым.

— Я не могу этого сделать. Я не имею права рассказывать кому-либо о том, что говорят мои пациенты. Поверьте мне на слово, Макги сам убил свою жену.

— Тогда в чем Долли чувствует себя виноватой?

— Думаю, скоро мы узнаем и это, всему свое время. Вероятно, это как-то связано с ее обидой на родителей. Вполне естественно, что она хотела наказать их за то, что они разошлись. Возможно, она желала матери смерти, а отцу заключения в тюрьму еще до того, как это произошло на самом деле. И когда вдруг ее тайные мысли о мести осуществились, она стала винить в происшедшем себя. Своим визитом Макги разбередил ее старую рану, а тут еще этот вчерашний случай...

Он не договорил и в бессилии всплеснул руками.

— Убийство Хаггерти — не случайность, доктор. Возьмите хотя бы то, что на месте преступления не обнаружено оружия.

— Я понимаю. Я имел в виду другое — то, что по воле рокового случая Долли снова наткнулась на труп.

— Если это произошло случайно, то почему она винит в смерти Элен себя? По-моему, вряд ли все можно объяснить только детскими обидами и переживаниями.

— Я ничего не собираюсь объяснять,— не скрывая раздражения, ответил он и сухо добавил: — Вам нет нужды вникать в психологические аспекты этого дела. Вы оперируйте фактами, а мир эмоций оставьте мне.— Немного смягчившись, он задумчиво сказал: — Конечно, трудно провести грань между объективным и субъективным, между жизнью человека и его внутренним миром. Представьте себе две параллельные линии, которые соприкасаются в какой-то точке, расположенной в бесконечности...

— Давайте все-таки придерживаться фактов. Долли сказала, что причиной смерти Элен Хаггерти является ее злой язык. Больше она ничего не говорила?

— Говорила, и причем очень много такого, во что трудно поверить. Например, она заявила, что ее дружба с мисс Хаггерти послужила причиной убийства последней.

— Они были дружны?

— Да, пожалуй, хотя между ними двадцать лет разницы. У Долли от нее не было тайн, она доверяла ей все, что было на душе, и та отвечала взаимностью. Похоже, у мисс Хаггерти тоже были непростые взаимоотношения с отцом, поэтому она прекрасно понимала Долли. Они, что называется, нашли друг друга. Для Долли это была плохая компания.

— Она что-нибудь рассказывала об отце мисс Хаггерти?

— По словам Долли, он бесчестный полицейский, замешанный в убийстве, но скорее всего это плод ее воображения, во многом навеянный образом собственного отца.

— Нет, это не так. Отец Элен — действительно полицейский, и сама Элен считала, что он нечист на руку.

— Помилуйте, откуда вам это известно?

— Я читал письмо ее матери, где как раз говорилось об этом. Надеюсь, что мне удастся поговорить с родителями Элен.

— Почему вы этого до сих пор не сделали?

— Они живут в Бриджтоне, штат Иллинойс.

В моем мозгу мелькнуло невероятное предположение. Мне уже приходилось сталкиваться с делами, которые начинались вроде бы с пустяка, но, по мере того как раскрывались факты из прошлого, становились все серьезнее, словно овраг, берущий начало с маленькой лощины, которая постепенно углубляется и растет вширь. Возможно, убийство Элен как-то связано с полузабытым убийством более чем двадцатилетней давности, которое произошло в Иллинойсе еще до рождения Долли?

Я не стал делиться своей догадкой с доктором Годвином.

— Сожалею, но больше я ничем не смогу вам помочь, — сказал он. — Мне нужно идти выполнять свои обязанности, я и так уже сильно задержался.

С улицы донесся шум подъехавшей машины. Хлопнула дверца, и послышались приближающиеся шаги. Несмотря на свои внушительные размеры, Годвин легко поднялся, стремительно подошел к двери и открыл ее еще до того, как с той стороны успели позвонить.

Мне не было видно тех, кто приехал, но я сразу понял,

что этим гостям здесь не рады. Годвин сдержанно поклонился и холодно произнес:

— Доброе утро, шериф.

— Утро сегодня неважное,— заметил шериф, словно разговаривал со старым приятелем.— А еще говорят, что сентябрь — лучший месяц в наших краях. Туман-то вон какой, даже аэропорт закрыли.

— Я полагаю, вы приехали сюда не за тем, чтобы сетовать на погоду.

— Вы правы, не за этим. Мне стало известно, что вы укрываете беглеца от правосудия.

— Кто вам об этом сказал?

— У меня есть надежные источники информации.

— Вы напрасно им так доверяете, шериф. Вас ввели в заблуждение.

— А, может быть, вы сами пытаетесь это сделать, доктор? Вы, стало быть, отрицаете, что миссис Долли Кинкейд, урожденная Макги, находится в этом здании?

Годвин медлил, обдумывая ответ. Наконец он угрюмо произнес:

— Да, она здесь.

— Минуту назад вы сказали, что ее здесь нет. Зачем вам это нужно, доктор?

— Скажите лучше, что вам нужно? Миссис Кинкейд — не беглянка. Она серьезно больна и поэтому находится в лечебнице.

— Позвольте спросить, от чего это она заболела? Уж не от того ли, что не выносит вида крови?

Годвин сжал губы. Казалось, он с трудом сдерживается, чтобы не послать к черту своего собеседника. С того места, где я сидел, мне не было видно шерифа, и я не хотел обнаруживать себя.

— Доктор, день сегодня неважный не только из-за погоды, есть кое-что и похуже. Вчера вечером в городе совершено тяжкое преступление — убийство. Думаю, вы слышали о нем. Возможно, миссис Кинкейд рассказала вам об этом:

— Вы обвиняете ее в убийстве? — спросил Годвин.

— Пока нет, но...

— Тогда нам не о чем говорить.

— Не много ли вы себе позволяете?

Годвин напрягся и запыхтел как паровоз.

— Вы обвинили меня в присутствии свидетелей в том, что я укрываю человека, преступившего закон. Я могу

предъявить вам иск за клевету, и, клянусь, я сделаю это, если вы не оставите в покое меня и моих пациентов.

— Зачем же так? — сказал Крэйн уже более миролюбиво. — Я ведь имею право допросить свидетеля.

— Может быть, позже вы и сделаете это, но сейчас миссис Кинкейд нужен полный покой. И я никому не позволю задавать ей вопросы раньше, чем через неделю.

— Через неделю?

— А может быть, дольше. Я предупреждаю, что если вы попытаетесь добиться своего, то я встречусь с судьей и заявлю, что в настоящее время допрос поставит под угрозу не только ее здоровье, но и жизнь.

— Я вам не верю.

— Мне абсолютно все равно, верите вы мне или нет.

После этих слов Годвин резко захлопнул дверь и прислонился к ней, словно бегун, преодолевший длинную дистанцию. Из двери, ведущей во внутренние покои лечебницы, выглядывали две любопытные медсестры в белых халатах с таким видом, будто у них есть какое-то дело. Он жестом попросил их удалиться.

Не скрывая своего восхищения, я спросил:

— Вы в самом деле собираетесь биться за нее до конца?

— Они достаточно причинили ей зла, когда она была еще ребенком. Больше я этого не позволю.

— Как они узнали, что она у вас?

— Понятия не имею. Я полностью доверяю персоналу своей клиники. Здесь никто никогда не страдал болтливостью. — Он вопросительно взглянул на меня. — А вы никому не говорили?

— Нет, по крайней мере, никому из тех, кто связан с законом. Алекс сообщил Алисе Дженкс о том, что Долли находится здесь.

— Пожалуй, ему не стоило этого делать. Мисс Дженкс работает в округе уже давно. Она и Крэйн хорошо знают друг друга.

— Вряд ли она стала бы выдавать собственную племянницу, как вы считаете?

— Откуда мне знать, как она может поступить, — Годвин снял халат и бросил его на спинку того кресла, в котором сидел я. — Вас проводить?

В руке его звякнула связка ключей, как у тюремного надзирателя.

Дорога шла вверх. Где-то на полпути наконец показалось солнце. Туман остался внизу. На перевале я остановился на минуту, чтобы оглядеться. Впереди отроги гор тянулись до самого горизонта, позади они были плотно укутаны молочной пеленой тумана.

В широкой долине по ту сторону перевала было солнечно. Между вековых дубов безмятежно паслись коровы. Выводок перепелок перебежал дорогу прямо перед моей машиной. Откуда-то донесся приятный запах свежескошенного сена, и я ощутил себя сельским жителем, живущим на лоне дикой природы, где мало что изменилось за сотни лет.

Даже въехав в городок Индиан Спрингс, я полностью не избавился от этого ощущения, несмотря на явные признаки наступавшей цивилизации — заправочные станции с ресторанчиками для автомобилистов, предлагающие гамбургеры и напитки. В городке сохранилась атмосфера времен освоения Запада, и бедность была по-прежнему видна на каждом шагу. Преждевременно состарившиеся женщины все так же стояли в дверях своих разваливающихся жилищ, прижимая к себе загорелых ребятишек. Большинство прохожих в широкополых шляпах на главной улице явно были индейцами. Над их головами были развешаны афиши, возвещавшие о родео, которые проводились здесь еще с тех далеких времен.

Алиса Дженкс жила в одном из лучших домов на самой престижной улице. Дом был двухэтажный, с белым фасадом, верандой на первом и балконом на втором этаже. От дороги его отделяла большая аккуратно подстриженная лужайка. Я прошел по ней к перечному дереву, оперся о него спиной и стал обмахиваться шляпой. Я приехал на пять минут раньше.

На веранде показалась представительная женщина в синем платье. Она подозрительно оглядела меня, словно я был грабителем, который вознамерился забраться к ней в дом в одиннадцать часов утра, затем спустилась по ступенькам и направилась по дорожке ко мне. Ее очки блестели на солнце, как линзы полевого бинокля.

Вблизи она не производила такого сильного впечатления. В ее карих глазах угадывалось беспокойство. Волосы тронула седина. Не соответствующий ее строгому облику большой и чувственный рот был зажат, словно пугливый зверек, двумя жесткими морщинами, идущими вниз от основания носа. Старомодное синее платье из толстой

материи обтягивало высокую грудь, как броня. Под жаркими лучами южного солнца кожа ее потемнела и огрубела.

— Мистер Арчер?

— Да, это я. Здравствуйте. Как поживаете, мисс Дженкс?

— Не жалуюсь,— рукопожатие было крепким, почти мужским.— Давайте поднимемся на веранду и там поговорим.

Ее слова и движения были резкими. Казалось, она очень нервничает, но хорошо владеет собой. Она указала мне на брезентовое кресло-качалку, а сама села напротив на стул из тростника, повернувшись спиной к улице, по которой на старом велосипеде, рискуя в любую секунду свалиться, катили три мексиканских мальчишки.

— Не знаю, чем я могу быть вам полезна, мистер Арчер. Положение моей племянницы весьма серьезно. Сегодня утром я разговаривала с одним из представителей властей, моим хорошим другом...

— С шерифом?

— Да. Он считает, что Долли от него прячется.

— Вы говорили шерифу Крэйну, где она находится?

— Да. А что, мне не нужно было этого делать?

— После вашего разговора он сразу же бросился туда допрашивать ее. Однако доктор Годвин не позволил ему этого сделать.

— Доктор Годвин слишком много на себя берет. Я считаю, что нужно уметь отвечать за свои поступки. Это я отношу ко всем людям, и члены моей семьи не являются исключением. В нашей семье всегда уважали закон, и если Долли что-то скрывает, то ее долг честно во всем признаться. Правда дороже всего.

Она говорила так, словно произносила речь перед публикой. Видимо, она продолжала свой давний спор с доктором Годвином, который не хотел, чтобы Долли давала показания в суде.

— Правда может оказаться очень горькой, особенно когда это касается близких тебе людей.

Она пристально посмотрела на меня и поджала губы, словно я обвинил ее в слабости.

— Близких мне людей?..

Мне следовало торопиться. У меня был всего лишь час на то, чтобы подобрать к ней ключ.

— Я полагал, что вы любите Долли?

— Мы с ней не виделись последнее время. Мне казалось, что она настроена против меня, хотя я всегда любила

ее. Однако это не означает,— выражение ее лица стало суровым, и в уголках рта отчетливее проявились жесткие складки,— что я буду покрывать ее проступки. Мое общественное положение...

— Кстати, какую должность вы занимаете?

— Я возглавляю местный отдел социального обеспечения,— объявила она и с беспокойством оглянулась на улицу, словно опасаясь, что там сейчас покажется толпа, которая сметет ее с этого поста.

— Любое благополучие начинается с дома.

— Вы хотите посоветовать, как мне лучше строить свою личную жизнь? — И не давая мне возможности ответить, продолжила: — Не трудитесь. Лучше послушайте меня. Кто приютил ребенка, когда брак распался? Я. Я их обеих взяла к себе. А когда убили сестру, я воспитывала племянницу как родную дочь. Я кормила и одевала ее, благодаря мне она получила хорошее образование. Когда она захотела стать независимой, я не стала ей в этом препятствовать. Я дала ей денег, чтобы она могла учиться в Лос-Анджелесе. Скажите, разве я мало для нее сделала?

— Сейчас вы можете дать ей повод усомниться в вашей доброте. Я не знаю, что сказал вам шериф, но догадываюсь, что он был неправ.

Она нахмурила брови.

— Шериф Крэйи никогда не ошибается.

Я поймал себя на том, что веду разговор как бы в двух плоскостях. Мы говорили о том, какое отношение к убийству Хаггерти имеет Долли, а с другой стороны, хотя имя Макги ни разу не было упомянуто, мы словно спорили, убивал он или нет.

— Полицейские тоже не гарантированы от ошибок,— сказал я.— Людям вообще свойственно ошибаться. Возможно, что и вы, и шериф Крэйи, и судья, и двенадцать присяжных, и все, кто присутствовал тогда на суде, ошиблись, сочтя Томаса Макги виновным, и осудили невинного.

Она рассмеялась мне в лицо.

— Вы бы не стали так говорить, если бы были знакомы с Томом Макги. Он способен на все. Спросите любого в этом городе. Он имел обыкновение напиваться, затем приходил домой и избивал ее. Сколько раз мне приходилось отбивать у него ребенка, когда в руках у него было оружие. Сколько раз, уже после того как Констанция ушла от него, он заявлялся сюда и стучал в дверь, угрожая вытащить ее из дома за волосы. Но я не впускала его.

Она с силой тряхнула головой от расправившего ее

негодования, и на щеку упала серо-стальная прядь волос, похожая на скрученную проволоку.

— Что ему было от нее нужно?

— Повиновения. Ему хотелось, чтобы на него молились, чтобы она ему во всем подчинялась, хотя сам он гроша ломаного не стоит. Наша семья — одна из самых уважаемых в городе. Макги живут за рекой. Они, как говорится, из босяков, и многие из них до сих пор живут на пособие. Он был, пожалуй, худшим представителем своей фамилии, но мою сестру, видимо, ослепила его белая матросская форма, когда он пришел к ней свататься. Он женился на ней, хотя наш отец был против этого брака. Кроме двенадцати лет ада совместной жизни, он ничего ей не дал и в конце концов убил ее. Не говорите мне, что он невиновен. Вы ничего о нем не знаете.

Потревоженная ее громким хриплым голосом, на ближайшем дереве защебетала сойка, словно тоже жалуясь на что-то.

— Зачем ему понадобилось убивать вашу сестру? — спросил я.

— Когда он распалится, то способен на все. Поняв, что не сможет удержать ее, он решил на убийство. Все очень просто. И то, что у нее якобы был другой мужчина, — чистой воды ложь. Она была верна ему до самой смерти. Даже тогда, когда они уже жили порознь, сестра ничего такого себе не позволяла.

— А кто сказал, что у нее был другой мужчина?

Она внимательно посмотрела на меня. Немного успокоившись, она уже не казалась такой категоричной и неуступчивой, как в первые минуты нашей встречи.

— Об этом ходили слухи, — тихо промолвила она. — Низкие, грязные сплетни. Они появляются тогда, когда нет согласия между мужем и женой. Возможно, Том Макги сам пустил этот слухок. Его адвокат все время навязывал суду мысль о существовании любовника. И нам пришлось выслушать все это. Он пытался бросить тень на мою сестру уже после того, когда его убийца-клиент лишил ее жизни. Но судья Гэхаган дал ясно понять присяжным, что его утверждения — ложь, не имеющая под собой никакого основания.

— Кто был адвокатом Макги?

— Этого старого лиса зовут Джил Стивенс. Те, кто невиновен, к нему не обращаются, а для виновных он делает все, чтобы спасти их от наказания.

— Однако ему не удалось спасти Макги.

— Почему не удалось? Десять лет — ничтожно малый срок за то, что он совершил. Его должны были признать виновным в убийстве первой степени тяжести. Его должны были казнить.

Она была неумолима. Твердым движением руки она убрала со щеки выбившуюся прядь волос. Ее седеющая мелко завитая голова напоминала предштормовое море с барашками волн. Я мог думать, что либо ее убежденность опирается на неоспоримые факты, либо она просто боится допустить, что могла ошибаться. Я не стал ей говорить, что Долли призналась в том, что сказала в суде неправду и таким образом помогла упрятать отца в тюрьму. Я собирался сообщить об этом в конце нашего разговора.

— Мне нужно знать подробности убийства. Я понимаю, сколь тяжелы для вас эти воспоминания...

— Я не из слабонервных. Что вас интересует?

— Как это произошло?

— Меня тогда не было в доме. Я была на собрании коренных жителей края. В том году я выполняла обязанности председателя местного отделения нашей ассоциации.

Воспоминания об этой стороне своей деятельности помогли ей окончательно успокоиться.

— Я уверен, что вы знаете о происшедшем больше других.

— Разумеется, за исключением Тома Макги,— уточнила она.

— И, вероятно, Долли.

— Да. Она была в доме вместе с Констанцией. Они жили у меня уже несколько месяцев... Было начало десятого. Долли уже легла. Констанция шила ей платье внизу. Моя сестра была прекрасной портнихой. Почти все наряды Долли она сшила сама. Вот и в тот вечер она занималась очередным платьем, потом его представили в суде как вещественное доказательство, поскольку оно было забрызгано кровью.

Мисс Дженкс словно снова почувствовала себя в зале суда. Взгляд у нее стал отсутствующим, видимо, в памяти ее проплывали одна за другой сцены того давнего процесса.

— И все-таки расскажите, как все было?

— Все было очень просто. Он подошел к двери и уговорил сестру открыть ему.

— Странно, что ему удалось это сделать.

Выразительным жестом руки она отмела мои сомнения.

— Когда он хотел, то мог уговорить кого угодно. Как бы то ни было, они поссорились. Наверное, он требо-

вал, чтобы она вернулась к нему, как это не раз бывало, но она не захотела. Долли слышала, что они разговаривали на повышенных тонах.

— А где она находилась в это время?

— Наверху, в одной из спален. Они спали в одной комнате с Констанцией. — Мисс Дженкс указала пальцем на потолок в то место, где располагалась спальня, о которой шла речь, — Долли проснулась от их крика, а вскоре прозвучал выстрел. Она подбежала к окну и увидела отца, бегущего по улице с револьвером в руке. Долли бросилась вниз и обнаружила мать, лежащую в луже крови.

— Она была еще жива?

— Нет. Она умерла мгновенно — пуля попала в сердце.

— Из какого оружия стреляли?

— Шериф сказал, что выстрел был произведен из револьвера среднего калибра. Само оружие так и не нашли. Вероятно, Макги забросил его в океан. Его арестовали в Пасифик Пойнт на следующий день.

— На основании того, что рассказала Долли?

— Она была единственным свидетелем, бедный ребенок.

Словно по молчаливому согласию мы говорили только о Долли — девочке из далекого прошлого, старательно избегая любых упоминаний о том, в каком сложном положении она находилась сейчас. Обоюдное стремление не касаться острых углов немного сблизило нас, я решил воспользоваться этим и попросил разрешения осмотреть дом.

— Не понимаю, что вам это даст.

— Вы мне подробно описали картину убийства, и я хотел бы соотнести ее с реальной обстановкой.

Она помедлила.

— Боюсь, что у меня нет времени и, если честно, то я не в силах больше говорить об этом. Я очень любила сестру.

— Я знаю.

— Что вы хотите доказать?

— Ничего. Я просто хочу точно знать, что произошло. Это моя работа.

Мое упоминание о работе и связанных с ней обязанностях сразу возымело действие. Без лишних слов она поднялась, открыла входную дверь, провела меня внутрь дома и показала место, где лежал труп ее сестры. Естественно, ни в комнате, ни на старом ковре не было никаких следов того давнего убийства. Только в памяти Долли оно оста-

лось кровавым пятном и еще, может быть, в памяти ее тетки.

Меня насторожило то, что и мать Долли, и Элен были убиты у себя в доме рядом с входной дверью из оружия одного и того же калибра. Возможно даже, что оно принадлежало одному и тому же человеку. Я не стал говорить об этом мисс Дженкс. Это бы вызвало у нее очередной взрыв негодования и лишь усилило ее ненависть к мужу покойной сестры.

— Хотите чаю? — неожиданно предложила она.

— Нет. Спасибо.

— Кофе? Я пью быстрорастворимый. Это не займет много времени.

— Ну хорошо, спасибо.

Она вышла, оставив меня одного. Из гостиной дверь вела в смежную с ней столовую. В обеих комнатах стояла потемневшая от времени, но еще крепкая мебель девятнадцатого века. Вместо картин стены украшали девизы и цитаты. Одна из них напомнила мне собственное детство: тогда я впервые прочел ее в доме моей бабушки в Мартинез. Она гласила: «Он молчаливый слушатель при каждом разговоре». Бабушка вышила эти слова на холсте и повесила у себя в спальне. Она часто шепотом повторяла их.

В углу гостиной стояло старое пианино. Я попытался открыть крышку, но она оказалась закрытой на ключ. Мое внимание привлекла фотография, на которой были запечатлены две женщины и ребенок, в одной из женщин я узнал мисс Дженкс. На снимке она была моложе, но такая же представительная и строгая, как сейчас. Вторая женщина была еще моложе и гораздо красивее. У нее было томное выражение лица и немного наивная улыбка провинциальной красавицы. Ребенок, которого женщины держали за руки, была Долли. Тогда ей было лет десять.

В дверях с кофейным подносом в руках показалась мисс Дженкс.

— На этой фотографии мы троим, — сказала она, словно две женщины и ребенок составляли полнокровную семью. — А это — пианино моей сестры. Она замечательно играла. Сама я так и не смогла научиться играть.

Она поставила поднос и зачем-то принялась протирать чашки. Она делала это то ли механически, под воздействием нахлынувших воспоминаний, то ли оттого, что чашки запотели от пара, идущего из кофейника. За этим занятием она успела рассказать о многочисленных дарованиях своей младшей сестры. Констанция получила приз за игру на

фортепиано и еще один за пение. Она прекрасно успевала в школе, особенно по французскому, и все думали, что она продолжит образование в колледже, как и ее сестра Алиса, и вдруг появился этот краснобай Том Макги...

Я не допил свой кофе и вышел в коридор. Здесь пахло плесенью, как и во всех старых домах. Мое собственное отражение в помутневшем старинном зеркале рядом с вешалкой для шляп из рогов оленя взглянуло на меня, как привидение, пришедшее сюда воскресить кровавые события прошлого. Казалось, что и хозяйка этого дома тоже была бесплотной, а ее крупное тело — лишь раковина, которую покинул моллюск. Я поймал себя на мысли, что это от нее исходит запах плесени.

В дальнем конце коридора располагалась лестница, ведущая на второй этаж. Направляясь к ней, я на ходу спросил:

— Вы не будете возражать, если я осмотрю комнату Долли?

Она не стала меня останавливать, и мы начали подниматься по ступенькам.

— Сейчас в этой комнате сплю я.

— Я ничего не буду трогать.

Окна были закрыты шторами. Она щелкнула выключателем, и комнату заполнил мягкий розовый свет, который шел от лампы с розовым абажуром. На полу лежал толстый мягкий палас тоже розового цвета. Двухспальная кровать была накрыта розовой же накидкой. Изящный туалетный столик с трехстворчатым зеркалом и стоящий перед ним стул с высокой спинкой были отделаны розовым шелковым воланом.

У окна стояло кресло с наброшенным розовым пикейным покрывалом, на сиденье лежал открытый журнал. Мисс Дженкс взяла его, свернув в трубку так, чтобы я не мог разглядеть названия, но я узнал обложку «Тру Романс»¹.

Я подошел к окну и немного раздвинул шторы. Через перила балкона было видно перечное дерево, возле которого я останавливался передохнуть, и мою машину. По улице по-прежнему катались на велосипеде три мексиканских мальчишки: сейчас один сидел на руле, второй — на сиденье, третий — на раме. За ними бегала рыжая дворняга.

— Так нельзя кататься, — сказала мисс Дженкс. Она

¹ Популярный иллюстрированный американский журнал.

подошла ко мне вплотную.— Пожалуй, я сообщу о них помощнику шерифа. И бродячей собаке тут не место.

— Она никому не мешает.

— Да, но два года назад у нас был случай бешенства.

— Меня больше интересует, что произошло десять лет назад. Какого роста была тогда ваша племянница?

— Она была довольно высокой для своих лет, около четырех с половиной футов. Почему вы об этом спросили?

Я опустилсЯ на колени. Из этого положения мне были видны тонкие ветви переченого дерева и проглядывавший сквозь листву силуэт моей машины. Пространство от дома до дерева не просматривалось. Вряд ли можно было увидеть человека, вышедшего из дома, пока он не минует дерево, которое находилось футах в сорока от парадного. А револьвер в руке можно было бы разглядеть только тогда, когда человек вышел бы на дорогу. Это неожиданное открытие усилило мои сомнения.

Я поднялся с колен.

— В тот вечер было темно?

Она поняла, какой вечер я имел в виду.

— Да, очень темно.

— На вашей улице нет фонарей.

— К сожалению, наш город беден, мистер Арчер.

— Может быть, в тот вечер светила луна?

— Кажется, нет. Но должна вам заметить, что у моей племянницы отличное зрение. Она легко различает окраску птиц и...

— В темноте?

— Ну, всегда есть какой-нибудь свет... Во всяком случае она узнала бы родного отца,— сказав это, мисс Дженкс поправилаСь: — Она узнала своего отца.

— Она сама сообщила вам об этом?

— Да. Мне первой.

— Вы не расспрашивали ее о подробностях?

— Нет. Ей и без того было плохо, и я пожалела ее.

— Но вы не возражали против того, чтобы она давала свидетельские показания в суде, а это для ребенка не просто.

— Совершенно верно, но нужно же было установить истину и наказать мерзавца. И это не причинило ей никакого вреда.

— Доктор Годвин считает как раз наоборот. По его мнению, участие в судебном процессе нанесло огромный вред ее здоровью, и то напряжение, которому она подверглась, способствовало развитию ее болезни.

— У доктора Годвина свое мнение на этот счет, у меня — свое. Я скажу вам даже больше, он опасный человек, бунтарь. У него нет никакого почтения к закону и властям. И я не питаю ни малейшего уважения к таким, как он.

— Вероятно, вы не всегда относились к нему так, как сейчас. Ведь именно вы посоветовали отправить Долли к нему на лечение.

— Сейчас я лучше его знаю, чем тогда.

— Скажите, а зачем ей вообще понадобилось лечиться?

— Пожалуйста.— Она все еще пыталась оставаться дружелюбной, хотя мы оба сознавали, что стоим на разных позициях.— Долли плохо училась в школе. Она была замкнутой и мрачной, что не удивительно при таких родителях. Я имею в виду ее отца, который разбил собственную семью.

— Мы живем не в пустыне,— сказала она так, словно сама себя убеждала в этом,— и я решила, что попробую ей чем-нибудь помочь. Даже живущие на пособие оказывают помощь своим родственникам, когда это нужно, и я убедила сестру отвезти Долли в Пасифик Пойнт к доктору Годвину. Тогда он был лучшим врачом здесь. Констанция возила к нему дочь каждую субботу в течение года. Состояние девочки улучшилось, и в этом несомненно была заслуга доктора Годвина, надо отдать ему должное. Перемены к лучшему произошли и в самой Констанции. Она стала веселее, жизнерадостнее, увереннее в себе.

— Она тоже проходила курс лечения?

— Думаю, что да. Кроме того, ей доставляло удовольствие ездить в город каждую субботу. Она хотела переехать туда насовсем, но для этого не было денег. Она ушла от Макги и поселилась у меня. Здесь она снова обрела покой, а это выводило его из себя. Он не хотел примириться с тем, что она опять независима. Его душила ревность, и он убил ее.

Даже спустя десять лет она не могла говорить об этом спокойно.

— Почему вы не продолжили лечения Долли? Наверное, после смерти матери она нуждалась в нем больше, чем когда-либо.

— Я работаю по утрам в субботу. Мне очень часто приходится брать домой бумаги и...— Она сбилась и замолчала, как это бывает с честными людьми, когда они пытаются хитрить.

— К тому же вы поссорились с Годвином из-за того, что разрешили племяннице давать показания в суде.

— И я не стыжусь этого. Мало ли что он там говорит. Нет ничего плохого в том, что она свидетельствовала против отца, может быть, даже, наоборот, это пошло ей на пользу. Ей нужно было выговориться, чтобы забыть обо всем.

— Она ничего не смогла забыть, и это ее мучает.— «Так же, как и вас, мисс Дженкс»,— подумал я.— Но сейчас она говорит совсем другое.

— Другое?!

— Она говорит, что не видела отца в ту ночь. Она утверждает, что он не имеет никакого отношения к убийству.

— Кто вам это сказал?

— Годвин. Он беседовал с ней. Она заявила ему, что солгала тогда в суде, потому что ее просили об этом взрослые.— Мне очень хотелось сказать ей больше, но я удержался, помня о том, что это бросит тень на ее приятеля шерифа.

Она посмотрела на меня так, словно я ставил под сомнение то, во что она свято верила.

— Я уверена, что он умышленно искажает ее слова. Он хочет использовать ее, чтобы доказать, что был прав. Но это не так.

— Думаю, что вы ошибаетесь, мисс Дженкс. Годвин сам не верит ее рассказу.

— Вот видите! Она либо действительно сошла с ума, либо для чего-то лжет. Не забывайте, что в ее жилах течет кровь Макги.— Испугавшись непроизвольно сорвавшихся с языка слов, она отвела глаза и растерянно обвела взглядом стены своей розовой спальни, будто прося их подтвердить невинность ее мыслей и намерений.— Я не это хотела сказать,— пытаюсь загладить неловкость, произнесла она.— Я люблю свою племянницу. Просто... ворошить прошлое оказалось немного больше, чем я думала.

— Извините меня. Я не сомневаюсь в том, что вы любите свою племянницу, и поэтому не думаю, что вы могли склонить ее к даче ложных показаний в суде.

— А кто говорит, что я сделала это?

— Никто. Я лишь констатирую, что вы не могли этого сделать. Вы не из тех, кто способен, презрев нормы морали, вынуждать лгать двенадцатилетних.

— Что касается обвинений Долли в адрес отца, то я тут абсолютно ни при чем. Она сама мне все рассказала спустя

каких-нибудь полчаса после того, как все произошло. И я никогда не ставила под сомнение достоверность ее слов. Я всегда считала, что она говорила правду.

И все-таки я был убежден, что она что-то скрывает. Она говорила осторожно и очень тихо, должно быть, для того, чтобы изречению, висевшему на стене в гостиной, не было слышно ее слов. Она по-прежнему избегала смотреть мне в глаза. Краска стыда медленно заливала ее лицо, поднимаясь откуда-то снизу, с короткой шеи.

— Весьма сомнительно, что она смогла бы разглядеть кого-нибудь с такого расстояния в темноте, пусть даже собственного отца. Я уж не говорю о дымящемся револьвере в руках.

— Но полиция поверила ей. Шериф Крэйн, окружной прокурор — все они поверили.

— Полиция и обвинение всегда готовы принять на веру факты или псевдофакты, которые подтверждают их версию.

— Но Том Макги виновен. Он виновен.

— Очень может быть.

— Тогда зачем вы пытаетесь убедить меня в обратном? — Лицо ее полыхало уже не от стыда, а от гнева. — Я не хочу вас больше слушать!

— И все-таки выслушайте. Вы ничего не теряете. Я стараюсь докопаться до истины в этом старом деле потому, что оно связано через Долли с убийством Хагтерти.

— Вы полагаете, что это Долли убила мисс Хагтерти?

— Нет, а вы?

— Шериф Крэйн подозревает ее.

— Он сам вам сказал об этом, мисс Дженкс?

— Почти что да. Он хотел знать, как я отнесусь к тому, если он вызовет ее на допрос.

— И что вы ему ответили?

— Не помню, я была так взволнована. Я давно не видела Долли. Она даже успела выйти замуж, не посоветовавшись со мной. Она всегда была хорошей девушкой, но, может быть, теперь изменилась.

У меня возникло странное чувство, что мисс Дженкс говорит о себе: «Она всегда была хорошей, но, может быть, изменилась...»

— Почему бы вам не позвонить Крэйну и не попросить его воздержаться пока от каких-либо действий? Вашей племяннице сейчас нужен покой.

— Вы не верите, что она совершила это убийство?

— Я уже говорил, что нет. Посоветуйте ему ничего

пока не предпринимать, скажите, что иначе он проиграет на ближайших выборах.

— Я не могу этого сделать. Он выше меня по служебному положению. — Однако было заметно, что она обдумывает такую возможность. Наконец она тряхнула головой, словно отгоняя от себя эту мысль. — Простите, у меня больше нет времени. Наверное, уже половина двенадцатого.

Я собирался уезжать. Наш разговор затянулся. Она проводила меня вниз на веранду. Мы попрощались, но я догадывался, что она хочет сказать что-то еще. Выражение ее лица ясно говорило об этом, но она так и не решилась.

Вдоль побережья туман немного рассеялся, но солнце все еще не пробило плотную пелену. На том месте, где оно должно было быть, сияло ослепительно-яркое белое пятно, на которое было больно смотреть. Портье в «Маринерз Рест» сказал мне, что Алекс уехал с каким-то пожилым человеком в новом «крайслере». Его красная спортивная машина стояла на своем прежнем месте.

В ресторанчике на одной из заправочных я купил сэндвич и съел его у себя в комнате. Затем сделал два неудачных звонка. Дежурившая в здании суда женщина сообщила, что сегодня нет никакой возможности получить стенограмму интересующего меня судебного заседания, поскольку все закрыто до понедельника. После этого я попробовал дозвониться до офиса Джилла Стивенса, адвоката, который защищал Тома Макги. Мне сказали, что он сейчас в Бальбоа и с ним невозможно связаться, так как сегодня и завтра он участвует в гонках на собственной яхте.

Я решил заехать к Джерри Марксу, молодому адвокату, представлявшему в суде интересы миссис Перрин. Его контора находилась в новом торговом центре неподалеку от улицы, где располагался мой мотель. Джерри был еще холост, честолюбив, и я полагал, что он мог задержаться на работе, несмотря на субботний день.

Входная дверь была открыта, и я прошел в приемную, обставленную мебелью из клена с ситцевой обивкой. Место секретаря слева за стеклянной перегородкой пустовало, но сам Джерри Маркс был на месте.

— Как дела, Джерри?

— Нормально.

Он посмотрел на меня поверх толстой книги, которую

читал, — «Порядок снятия показаний». У Джерри еще не было достаточного опыта судебной практики, но он был эрудированным специалистом и честным человеком. Его простое и приветливое лицо оживляли большие карие глаза.

— Как поживает миссис Перрин? — спросил я.

— Я не видел ее после освобождения и вряд ли увижу. Я редко встречаюсь со своими бывшими клиентами. Вероятно, мой вид вызывает у них неприятные воспоминания.

— Думаю, мои бывшие клиенты избегают меня из тех же соображений. У вас новое дело?

— Нет, я собираюсь отдохнуть. Я дал себе слово, что в эти выходные займусь самообразованием, пусть там будет хоть два убийства сразу, мне все равно.

— Значит, вы слышали об убийстве Хаттерти?

— Разумеется. В городе только о нем и говорят.

— Что вам известно?

— Немного. Кто-то из судебных делопроизводителей сообщил моей секретарше, что эту женщину-профессора из колледжа застрелила ее студентка. Не помню ее имени.

— Долли Кинкейд. Ее муж — мой клиент. Сама она находится в лечебнице под наблюдением врача.

— Она что, психопатка?

— Все зависит от того, какой смысл вы вкладываете в это слово. Все не так просто, Джерри. Честно говоря, я сомневаюсь, что по тесту Макнэгтена ее можно признать невменяемой. И вообще я не верю, что это она стреляла.

— По-моему, вы стараетесь заинтересовать меня этим делом. — Он бросил на меня подозрительный взгляд.

— Нет, я не собираюсь вас тревожить, — успокоил его я. — Я пришел по другому поводу. Мне хотелось узнать ваше мнение о Джиле Стивенсе.

— Его здесь ценят. Можете смело к нему обращаться.

— Сейчас его нет в городе. И все-таки, он хороший адвокат?

— Стивенс — один из самых преуспевающих адвокатов в округе. У него не бывает провалов. Он отлично знает уголовное право и хорошо разбирается в психологии присяжных. Иногда, правда, использует старомодные адвокатские приемы защиты, к которым я никогда бы не прибегнул. Пожалуй, я не вспомню ни одного случая, когда он проиграл важное дело.

— Я знаю такое дело. Около десяти лет назад он защищал человека по имени Макги, которого обвинили в убийстве жены.

— Это еще было до того, как я начал заниматься практикой.

— Долли Кинкейд — дочь Макги. Кроме того, она была основным свидетелем по делу отца.

Джерри присвистнул.

— Кажется, я понимаю, что вы имеете в виду под непростым делом. — Он немного помолчал и спросил: — Кто ее лечит?

— Годвин.

Он оттопырил губы.

— С ним я бы действовал осторожно.

— Что вы этим хотите сказать?

— Я уверен, что он хороший психиатр, но для судебных дел, наверное, не самый лучший. Он одаренный человек и знает себе цену, хотя иногда склонен переоценивать свои возможности, а это не нравится некоторым людям, особенно таким, как Гэхаган, который занимает пост верховного судьи. Поэтому на Годвина не стоит ссылаться слишком часто.

— Это от меня не зависит.

— Да, но вы можете предупредить ее адвоката...

— Было бы проще, если бы вы были ее адвокатом. Я сегодня не имел возможности переговорить с ее мужем, но надеюсь, он прислушается к моему совету. Кстати, его семья не из бедных.

— В данном случае я не имел в виду деньги, — сухо заметил Джерри. — Просто я дал себе слово, что проведу этот выходной за книгами.

— Убийце Элен Хатгерти следовало выбрать какой-нибудь другой выходной.

Мои слова прозвучали резче, чем я хотел. Сознание того, что я сам ничего не смог сделать для Элен, сильно меня угнетало.

Джерри вопросительно посмотрел на меня.

— Это дело много для вас значит?

— Пожалуй, да.

— Ну хорошо, — сказал он. — Что требуется от меня?

— Будьте наготове.

— Я буду в конторе до самого вечера, потом меня можно разыскать через дежурного.

Я поблагодарил его и вернулся в мотель. Алекса все еще не было.

Я позвонил в мое агентство в Голливуде и узнал от дежурного, что звонил Арни Уолтерс — он просил меня связаться с ним в Рино.

Самого Арни в офисе не оказалось. На звонок ответила его жена и деловой партнер Филлис. Своим красивым грудным голосом она сказала:

— Лью, почему ты не показываешься у нас? В лучшем случае можно лишь услышать твой голос по телефону. Мне иногда кажется, что тебя больше нет, а то, что я слышу,— это лишь магнитофонные записи, которые ты сделал много лет назад, и время от времени кто-то их мне прокручивает.

— А как ты объяснишь то, что я отвечаю на твои вопросы?

— Электроника. Все, чего я не понимаю, я отношу на ее счет и не ломаю над этим голову. Так когда я увижу тебя?

— В это воскресенье, если Арни удастся узнать, кто водитель той машины со съёмным верхом.

— Он кое-что уже узнал. Машина принадлежит миссис Салли Бурк. Она живет здесь же в Рино. Она утверждает, что ее машину угнали два дня назад. Арни ей не верит.

— Почему?

— Интуиция. К тому же она не заявила о пропаже. И у нее очень много подозрительных дружков. Арни сейчас как раз занимается ими.

— Хорошо.

— Дело, видимо, очень серьезное? — спросила Филлис.

— В нем переплелись сразу два убийства, а может быть, даже три. Мой клиент — молодая девушка с неустойчивой психикой. Ее со дня на день могут арестовать за то, чего она не совершала.

— Судя по голосу, ты очень озабочен.

— Эта история меня задела за живое. Я не знаю, с какого конца за нее браться.

— В первый раз слышу от тебя такое, Лью. Перед твоим звонком я подумала, что, пожалуй, могла бы ближе познакомиться с миссис Салли Бурк. Как ты думаешь, стоит?

— Отличная мысль.— Миловидная Филлис скорее напоминала артистку кордебалета, чем детектива.— Только будь осторожна с этой компанией. Возможно, они убили женщину вчера вечером.

— Только не ту, с которой ты разговариваешь. Мне пока есть чем заняться в жизни.— Она имела в виду Арни.

Мы обменялись еще несколькими фразами, когда я услышал, что в номер Алекса вошли.

Прощавшись с Филлис, я подошел к стене и прислушался. Алекс громко спорил с кем-то, и мне не нужно было

никакого подслушивающего устройства, чтобы понять, о чем шла речь. Незнакомец хотел, чтобы Алекс все бросил и вернулся домой.

Я постучал к ним в номер.

— Я сам поговорю с ними,— сказал незнакомец, словно ожидал увидеть полицию.

Он вышел в коридор. Это был мужчина моего возраста, довольно приятной наружности, с седеющими волосами. У него было худое лицо, узкие светлые глаза и квадратный подбородок. В его облике сквозила высокомерная снисходительность преуспевающего бизнесмена.

Было заметно, что он очень взволнован. Даже не поинтересовавшись, кто я такой, он решительно заявил:

— Я — Фредерик Кинкейд. Прекратите преследовать моего сына. Он не имеет никакого отношения к этой девушке и ее преступлениям. Она женила его на себе обманом. Они даже суток не были мужем и женой. Мой сын — порядочный молодой человек и...

Подошел Алекс, смущенно потянул отца за рукав.

— Давай зайдем в номер, папа. Это мистер Арчер.

— Арчер? Насколько я понимаю, вы втянули моего сына в эту историю...

— Напротив, это он нанял меня.

— Я отказываюсь от ваших услуг.— Он произнес эту фразу так, будто повторял ее очень часто.

— Давайте все спокойно обсудим,— предложил я.

Мы стояли в дверях. Кинкейд-старший явно не хотел меня впускать. Напряжение росло, и в любую секунду могла вспыхнуть ссора.

Я протиснулся между ними в комнату и сел в кресло спиной к стене.

— Что произошло, Алекс?

— Папа услышал, как по радио упомянули мое имя в связи с этим делом. Он позвонил шерифу и выяснил, где я нахожусь. Шериф вызывал нас туда. Мы только что вернулись. Они нашли револьвер, из которого ее застрелили.

— Где?

Алекс медлил с ответом, будто боялся произнести его вслух. За него ответил отец:

— Там, где она спрятала его: под матрасом кровати в той крохотной хибаре, в которой жила.

— Это не хибара, а домик сторожа,— возразил ему Алекс.

— Не перечь мне, Алекс.

— Вы видели револьвер? — спросил я.

— Да. Шериф показывал его Алексу, чтобы он опознал оружие. Однако Алекс, разумеется, не смог этого сделать. Он даже не подозревал, что у нее есть оружие.

— Что это за револьвер?

— Смит-энд-Вессон 38 калибра с рукояткой из орехового дерева. Револьвер старый, но в очень хорошем состоянии. Наверное, она купила его в ломбарде.

— Так считают полицейские?

— Шериф говорил о такой возможности.

— Откуда он знает, что это ее револьвер?

— Но ведь его нашли под ее матрасом.— Кинкейд говорил как судебный обвинитель, вероятно, стремясь таким образом образумить Алекса и убедить его выйти из игры.— Кто, кроме нее, мог его там спрятать?

— Кто угодно. Домик ведь был открыт вчера вечером, Алекс?

— Да, когда я пришел, он был открыт.

— Позволь, Алекс, говорить буду я,— снова вступил в разговор отец.— У меня больше опыта в такого рода делах.

— Пока он вам не помог. Ваш сын — свидетель. Мне нужно знать факты.

Он стоял надо мной, kloкоча от гнева.

— Еще раз говорю, мой сын не имеет никакого отношения к этому делу.

— Не обманывайтесь на сей счет. Он женат на этой девушке.

— Этот брак ничего не значит — детский порыв, который не продолжался и одного дня. Я аннулирую его.

— Вы не можете его аннулировать.

— Я попрошу вас не указывать мне.

— Я все-таки рискну. И вы и ваш сын формально можете самоустраниться, но брак — это не только сексуальные отношения или наличие соответствующего документа. Их брак действителен, потому что так считает Алекс.

— Он так уже не считает.

— Я вам не верю.

— Ведь это правда, Алекс? Ты же хочешь вернуться со мной домой к маме? Она очень тревожится за тебя. У нее снова заболело сердце.— Кинкейд использовал все свои козыри.

Алекс презел взгляд с отца на меня.

— Я не знаю. Я не знаю, как правильнее поступить...

Кинкейд снова начал говорить что-то о доме и о матери, но я перебил его:

— Тогда скажите, Алекс, у Долли был с собой револьвер, когда она прибежала вчера к себе домой?

— Я не видел.

— Она могла его спрятать под одеждой,— заметил Кинкейд.

— Замолчите, Кинкейд,— спокойно сказал я ему со своего места.— Я вижу, что вы законченный негодяй, с этим уж, видно, ничего не поделаешь, но зачем вы из Алекса пытаетесь сделать себе подобного? Дайте ему по крайней мере возможность выбора.

Фыркнув от злости, Кинкейд отошел от меня. Не глядя на нас, Алекс тихо сказал:

— Не говорите так с моим отцом, мистер Арчер.

— Хорошо, не буду. Кроме кофты, блузки и юбки на ней было еще что-нибудь?

— Нет.

— Может быть, у нее была сумочка?

— Не помню.

— Постарайтесь вспомнить.

— Нет, не было.

— В таком случае ей негде было спрятать револьвер 38 калибра. Вы видели, как она положила его под матрас?

— Нет.

— Вы находились с ней все время с момента ее возвращения домой и до отъезда в лечебницу?

— Да, я был с ней все это время.

— Тогда совершенно определенно можно утверждать, что этот револьвер принадлежит не Долли или, по крайней мере, что это не она спрятала его под матрас. Как вы считаете, кто это мог сделать?

— Не знаю.

— Вы сказали, что смертельный выстрел произведен из этого оружия. На основании чего они утверждают это? Ведь у них не было времени для того, чтобы провести баллистические тесты.

Кинкейд подал голос из дальнего угла комнаты:

— Калибр пули соответствует входному отверстию на теле убитой. Из револьвера недавно был произведен один выстрел. Все факты указывают на то, что она стреляла именно из этого револьвера.

— Вы верите в это, Алекс?

— Не знаю.

— Они допрашивали ее?

— Нет, но собирались это сделать. Шериф говорил о том, что они подождут до понедельника, когда станут известны результаты баллистической экспертизы.

Судя по словам Алекса, я получил передышку. Напряжение прошедшей ночи, утренний разговор с шерифом и переживания последних трех недель сломили его. Он едва держался на ногах.

— По-моему, нам не следует торопиться с выводами, — сказал я. — Даже если допустить, что ваша жена виновна, в чем я очень сильно сомневаюсь, вы должны оказать ей всяческую поддержку.

— Он ей ничего не должен, — снова вмешался Кинкейд. — Ничего. Она женила его на себе обманом. Она все время лгала ему.

Не обращая внимания на его раздраженный тон, я спокойно продолжил:

— Сейчас необходимо, чтобы за ней наблюдал врач, кроме того, ей нужен адвокат. Я знаю в городе хорошего адвоката, который готов заняться этим делом, но я не могу нанять его сам.

— Не слишком ли много вы на себя берете?

— Кто-то же должен брать на себя ответственность. Вам не удастся устранить от всего этого. Девушка попала в беду. Нравится вам это или нет, но она — член вашей семьи.

Алекс молча слушал нас, но я не мог поручиться за то, что до него доходит смысл моих слов. Его отец отрицательно покачал узкой седой головой.

— Она мне — никто. Запомните, ей не удастся втянуть моего сына в эту грязную историю, и вам тоже. — Он повернулся к Алексу: — Сколько ты уже заплатил этому человеку?

— Двести долларов.

— Вам хорошо заплатили. Этого больше чем достаточно. Повторяю, вы нам больше не нужны. Это наш номер, и если вы сейчас не уйдете, я обращусь за помощью к администрации. Если и они не смогут выдворить вас отсюда, я позвоню в полицию.

Алекс посмотрел на меня и беспомощно развел руками. Отец обнял его за плечи.

— Я желаю тебе добра, сынок. У тебя нет ничего общего с этими людьми. Сейчас мы поедem домой и успокоим маму. Ты ведь не хочешь загнать ее в могилу?

Это был решающий довод. Алекс больше не смотрел

в мою сторону. Я вернулся к себе, позвонил Джерри Марксу и сообщил ему, что мы потеряли клиента. Мне показалось, что эта новость огорчила Джерри.

Почти сразу после моего ухода Алекс с отцом уехали. Я не выходил на улицу и не выглядывал в окно, но в моем номере было слышно, как они завели свои машины и тронулись с места. Вскоре звук растаял в тумане, и снова стало тихо.

Я сел и стал корить себя за то, что не сумел удержать их. Мне нужно было действовать по-другому. Кинкейд был труслив и пекся о собственной репутации так, как первые поселенцы о спасении души.

Я поехал в Футхилл к Брэдшоу. Его тоже трудно было назвать храбрецом, но у него были деньги и он сочувствовал Долли. Действовать на свой страх и риск мне не хотелось, поэтому нужно было найти заинтересованное лицо, желательно, чтобы им был человек, имеющий вес в округе. Алиса Дженкс подходила на эту роль, но не устраивала меня как клиент.

У домика сторожа стоял полицейский и следил за тем, чтобы туда никто не входил. Я не стал просить его разрешить мне осмотреть жилище Долли, зная наперед, что получу отказ, поэтому сразу прошел к дому Брэдшоу. Дверь открыла испанка Мария.

— Доктор Брэдшоу дома?

— Нет, сэр.

— Где его можно найти?

Она пожала плечами.

— Не знаю. Кажется, миссис Брэдшоу говорила, что он уехал куда-то на выходные.

— Странно. Можно мне поговорить с миссис Брэдшоу.

— Сейчас узнаю.

Я без приглашения вошел в прихожую и сел на стул с позолоченными гнутыми ножками. Мария поднялась вверх. Вскоре она вернулась и сообщила, что миссис Брэдшоу сейчас выйдет.

Прошло не менее получаса, прежде чем она наконец, прихрамывая, спустилась по лестнице. Ее седые волосы были тщательно уложены, щеки нарумянены. Она была одета в платье с кружевным воротником, на груди поблескивала бриллиантовая брошь. Я почувствовал себя неловко, когда она протянула мне руку. Я подумал, что, возможно, она так нарядилась специально для меня.

Старая леди, казалось, была рада моему приходу.

— Здравствуйте, мистер... мистер Арчер, я не ошиблась? Я так хотела, чтобы кто-нибудь заглянул к нам. Из-за этого тумана я чувствую себя отрезанной от остального мира. А тут еще мой шофер...— Поймав себя на том, что начинает жаловаться, миссис Брэдшоу замолчала.— Как у нее дела? — неожиданно спросила она.

— Долли в лечебнице у доктора Годвина. Он считает, что по сравнению со вчерашним вечером ее состояние улучшилось.

— Прекрасно. Думаю, вас обрадует,— насмешливо поглядывая на меня, сказала она,— что мне сегодня тоже лучше, чем было вчера. Сын сказал мне утром, что ночью я разыграла грандиозный спектакль, он так это называет. Честно говоря, я была очень расстроена. Ночь для меня — не лучшее время суток.

— Эта ночь была беспокойной для многих.

— Признайтесь, вы считаете меня старой эгоисткой?

— По-моему, с возрастом люди мало меняются.

— Ваши слова можно рассматривать как оскорбление,— игриво улыбнулась она.— Вы намекаете на то, что я всегда была такой?

— Вам это лучше известно.

Она громко рассмеялась. Видимо, ей пришлось по душе мои ответы.

— Вы смелый молодой человек и, кажется, не глупый. Мне нравятся умные молодые люди. Пройдемте в кабинет, я налью вам чего-нибудь выпить.

— Спасибо, я не могу...

— Тогда я сяду здесь.— Она осторожно присела на позолоченный стул.— Возможно, с годами характер у меня и не стал хуже, а вот здоровье подводит. С моим артритом туман противопоказан.— Едва заметно кивнув головой, она добавила: — Мне нельзя жаловаться. Я обещала сыну, что в наказание за прошедшую ночь ни разу за день не пожалуюсь.

— И получается?

— Не очень,— вздохнула она, слегка усмехнувшись.— Когда человек все время один, как я, трудно удержаться от соблазна немного схитрить. Вы так не думаете?

— Я не играю в эти игры.

— И ничего не теряете, но мне так легче коротать дни. Ладно, больше не буду отнимать у вас время. Вы ведь наверняка пришли по делу?

— Мне очень нужно поговорить с доктором Брэдшоу. Где я могу найти его?

— Рой улетел сегодня в Рино.

— В Рино?

— Успокойтесь, он не собирается играть там в азартные игры. У него нет ни капли азарта. Мне иногда даже кажется, что он чересчур осторожен. Он производит впечатление маменькина сына, да? — Она как-то странно на меня посмотрела, словно испытывая неловкость за сына.

— Я несколько удивлен тем, что он уехал, когда дело об убийстве еще не раскрыто.

— Я тоже. Но его не удержишь. Впрочем, не думайте, что он просто так взял и сбежал. У них там проводится какая-то конференция для деканов небольших колледжей при университете штата Невада. Она была запланирована несколько месяцев назад, и Рой — один из основных докладчиков. Он считал своим долгом поехать туда, и вообще мне кажется, что ему очень хотелось этого. Понимаете, он любит быть в центре внимания — он всегда был немного актером — хотя, разумеется, такое положение требует от него определенных усилий.

Я был приятно поражен тем, как она здраво рассуждает. Очевидно, ей нравилось беседовать со мной. Любое общество лучше одиночества.

Миссис Брэдшоу, крихтя, поднялась и оперлась на мою руку.

— Почему вы не хотите пройти в кабинет? Здесь сквозняк. Вы мне понравились, молодой человек.

Я не знал, радоваться этому или огорчаться. Она подняла на меня глаза и снова усмехнулась, словно догадавшись, о чем я думаю.

— Не бойтесь, я вас не съем. — Она сделала ударение на слове «вас», будто давала понять, что своего сына уже съела на завтрак.

Мы перешли в кабинет и устроились в кожаных креслах с высокими спинками. Она позвала Марию и попросила принести мне виски с содовой и льдом. Затем уселась поудобнее и обвела взглядом книжные полки. Корешки книг словно напомнили ей о том положении, которое занимал ее сын.

— Не поймите меня превратно. Я очень люблю сына и горжусь им. Он красив и умен. Он окончил с отличием Гарвардский университет, продолжил учебу и получил степень доктора. Скоро ему должны предложить место ректо-

ра крупного университета или какого-нибудь другого учебного заведения.

— Кто из вас честолюбив, он или вы?

— Когда-то я мечтала о его успехах и карьере. Со временем все изменилось. Чем более честолюбивым становился Рой, тем меньше честолюбия оставалось у меня. В жизни есть более интересные занятия, чем бесконечное карабкание вверх по служебной лестнице. Я еще не оставила надежду на то, что он когда-нибудь женится...— Она подмигнула мне.— Ему ведь нравятся женщины.

— Так и должно быть.

— Я начала было убеждать себя в том, что он равнодушен к Хаггерти. Никакой другой женщине он не уделял столько внимания.— Она замолчала, будто ожидала распросов.

— Он говорил мне, что они несколько раз бывали вместе на вечерах и в театре, но при этом заметил, что между ними ничего не было. То, как он воспринял известие о ее смерти, подтверждает его слова.

— А как он его воспринял?

Мне самому частенько приходится вытягивать у свидетелей информацию, и я сразу чувствую, когда это пытаются проделать со мной.

— Я имею в виду его отношение к убийству. Он бы не улетел сегодня в Рино, если бы был действительно равнодушен к Элен Хаггерти. Он остался бы здесь, в Пасифик Пойнт, и постарался бы найти убийцу.

— По-моему, его отъезд вас очень огорчает.

— Да, я рассчитывал на его помощь. Он, кажется, искренне сочувствует Долли Кинкейд.

— Да, и я тоже. Кстати, за завтраком Рой попросил меня помочь ей.— Она развела руками.— Но что я могу сделать?

В комнату вошла Мария. На подносе она несла бокал виски, о стенки которого звонко бились льдинки. Она молча подала его мне и спросила у хозяйки, не будет ли еще каких-либо распоряжений. Миссис Брэдшоу поблагодарила и отпустила ее. Я сделал глоток и, глядя на миссис Брэдшоу, попытался решить, подойдет ли она мне в качестве клиента. Я, правда, не был уверен в том, что миссис Брэдшоу согласится стать моим клиентом. Она, безусловно, богата. Тех бриллиантов, которые поблескивали у нее на груди, хватило бы на то, чтобы оплатить мою работу на много лет вперед.

— Вы можете нанять меня,— сказал я.

— Нанять вас?

— Да, если вы хотите помочь Долли не на словах, а на деле. Как вы думаете, мы сумеем поладить?

— Мистер Арчер, я умела ладить с мужчинами, когда вас еще в люльке качали. Или, может быть, вы намекаете на мой плохой характер?

— Скорее, на свой. Алекс Кинкейд только что уволил меня, правда, не без сильного нажима со стороны своего папаша. В решающий момент они испугались и теперь слышать не хотят о Долли и ее проблемах.

Ее глаза потемнели от гнева.

— Я раскусила этого мальчишку с первого взгляда. Он просто тряпка.

— Я не располагаю средствами, чтобы заняться этим делом от своего имени. К тому же это просто не принято. Нужно, чтобы меня кто-то нанял, лучше, если это будет кто-нибудь из местных старожилов, человек с достойной репутацией и — я буду с вами откровенен — с солидным счетом в банке.

— Сколько это будет мне стоить?

— Все зависит от того, как долго продлится расследование и будут ли какие-нибудь осложнения. Обычно мне платят сто долларов в день плюс расходы, связанные с расследованием. Кроме того, со мной работает группа детективов. Они сейчас проверяют одну версию в Рино. Если она подтвердится, то дело может получить широкую огласку.

— В Рино?

— Все началось здесь, вчера вечером.

Я сообщил ей о человеке, уехавшем на машине, принадлежащей миссис Салли Бурк, а также о том, что у этой женщины много подозрительных знакомых. Заинтересованная моим рассказом миссис Брэдшоу подалась вперед в своем кресле.

— А почему этим не занимается полиция?

— Может быть, и занимается, мне об этом ничего не известно. Хотя, похоже, их устраивает другая версия. По их мнению, Долли виновна, а значит, все остальное несущественно. Им так удобнее.

— Вы не согласны с тем, что она виновна?

— Нет.

— Несмотря на то что они нашли в ее постели револьвер?

— Так вы знаете об этом?

— Шериф Крэйн показывал его мне сегодня утром. Он

хотел узнать, не видела ли я раньше этот револьвер. Разумеется, я его не видела. Я ненавижу оружие. Я никогда не разрешала Рою держать его.

— И вы не знаете, чей это револьвер?

— Нет, но шериф не сомневается, что он принадлежит Долли и что она виновна в убийстве.

— У нас нет оснований считать, что это ее револьвер. Она не настолько глупа, чтобы прятать его под матрас. К тому же ее муж, который находился с ней все время после того, как она вернулась домой, говорит, что вообще не видел никакого револьвера. Кроме того, еще не известно, является ли этот револьвер оружием убийства.

— Вот как?

— Да. Они собираются провести баллистическую экспертизу, и результаты будут известны не раньше понедельника. Если мне повезет, то я надеюсь к этому времени прояснить ситуацию.

— У вас есть своя версия?

— Это дело уходит корнями в прошлое. Долли тогда еще не было на свете. И конечно, не Долли угрожала мисс Хаггерти. Та узнала бы ее голос, они были друзьями. Думаю, что Долли зашла к ней посоветоваться, стоит ли возвращаться к своему мужу. Она споткнулась о труп и запаниковала. Она до сих пор не может прийти в себя.

— Почему?

— На этот вопрос я пока не готов ответить. Мне нужно больше узнать о ее жизни, а также о прошлом мисс Хаггерти.

— Вероятно, это будет интересно, — сказала она так, словно решала, стоит ли идти на нашушевшую кинокартину. — Так во сколько мне обойдется все это?

— Я постараюсь, чтобы сумма была как можно меньше. Однако она может составить несколько тысяч — две или три, возможно, даже четыре.

— Довольно дорогое наказание.

— Наказание?

— За мой эгоизм, прошлый, настоящий и будущий. Хорошо, я подумаю, мистер Арчер.

— Долго вы будете думать?

— Позвоните вечером. Рой будет звонить мне после ужина — он всегда звонит, когда уезжает из дома. До этого я не смогу дать вам твердый ответ. Мне нужно обсудить это с сыном. В нашем распоряжении более скромные средства, чем вы предполагаете, — честно призналась она, нервно подергивая бриллиантовую брошь.

Я остановил машину под деревьями у дома Элен Хаггерти. У входной двери крутились двое полицейских, которым было приказано никого не впускать и не отвечать ни на чьи вопросы. День явно складывался неудачно.

Я проехал на территорию колледжа и направился к административному корпусу. Я надеялся встретить Лору Сатерлэнд, декана женского факультета, но ее кабинет оказался закрыт. В здании вообще все было закрыто, в коридорах — пустынно, один седоголовый старик в синих джинсах тер шваброй пол. Он был похож на хранителя времени, и я с ужасом подумал, что он стирает последние следы, которые оставила здесь Элен.

Я механически достал записную книжку и отыскал в ней имя заведующего кафедрой современных языков доктора Гейсмана. Старик подсказал мне, как найти его кабинет.

— Идите вон по той дорожке. Это в здании филологического факультета. Хотя я очень сомневаюсь, что вы застанете его в субботу, да еще вечером.

Однако старик ошибся. Гейсман сидел в своем кабинете на первом этаже. В одной руке он держал телефонную трубку, в другой — карандаш. Я уже видел его вчера, когда он выходил из кабинета Брэдшоу после собрания заведующих кафедрами. Гейсман был грузным мужчиной средних лет. Толстые стекла очков не скрывали беспокойного взгляда его маленьких серых глаз.

— Одну минуту, — кивнул он мне и сказал в телефонную трубку: — Очень жаль, что вы не сможете нам помочь, миссис Басс. Разумеется, я понимаю, у вас семья, да и оплата невелика для преподавателя вашего уровня.

Он говорил как иностранец, хотя и без акцента, словно английский был для него не родным языком.

— Я — доктор Гейсман, — положив трубку, представился он и вычеркнул чью-то фамилию из лежавшего на столе списка. — Вы доктор де Фалла?

— Нет. Моя фамилия Арчер.

— У вас есть ученая степень? Какая у вас специальность?

— Бить покрепче.

Он никак не прореагировал на мою шутку.

— Вы, вероятно, знаете, у нас на факультете скончалась коллега, и мне приходится жертвовать субботой, чтобы найти ей замену. Если вы хотите, чтобы я рассматривал ваше заявление всерьез...

— Доктор, мне ничего от вас не нужно, кроме неболь-

шой справки. Я — частный детектив и занимаюсь расследованием убийства профессора Хаггерти. Меня интересует, когда и как она появилась у вас.

— У меня нет времени снова рассказывать обо всем этом. Уже в понедельник кому-то нужно вести ее занятия, и если доктор де Фалла не придет или откажется, то я просто не знаю, что делать. — Он посмотрел на свои часы. — В шесть тридцать я должен быть в аэропорту в Лос-Анджелесе.

— Уделите мне пять минут, они ничего не решают.

— Хорошо, только пять минут, — согласился он, постукав пальцем по циферблату. — Так вы хотите знать, как мисс Хаггерти появилась на кафедре? Однажды она зашла ко мне в кабинет и попросила дать ей место. Пришла она, видимо, потому, что узнала о сердечном приступе у профессора Фэрранда. В этом месяце у нас уже второй несчастный случай.

— А от кого она узнала о сердечном приступе у профессора?

— Не знаю. Возможно, ей сказала об этом декан Сатерлэнд. Может быть, мисс Хаггерти обращалась к ней за помощью. Хотя о болезни Фэрранда знали многие, об этом даже была заметка в университетской газете.

— Значит, она поселилась в городе до того, как обратилась к вам?

— Кажется, да. Точно, теперь я вспомнил, она говорила, что у нее уже есть жилье. Ей здесь понравилось, и она приняла решение остаться. Она очень хотела получить это место, хотя, если честно, у меня были сомнения на ее счет. Она окончила университет в Чикаго и получила степень магистра, но ее квалификация не совсем соответствует нашему уровню. Мапл Парк, где она раньше преподавала, — двухгодичный колледж, и там другие программы. Меня убедила взять ее декан Сатерлэнд, и вот как все обернулось.

— Она была хорошо обеспечена материально?

Он поджал губы и отрицательно покачал головой.

— Состоятельные женщины не согласятся вести по четыре группы французского и немецкого плюс консультации и получать за все пятьсот долларов. Возможно, она рассчитывала на алименты. Она говорила мне, что муж еще не установил ей содержания. — Он поднял голову и пристально взглянул на меня. — Вам ведь известно, что она недавно развелась?

— Да, я слышал об этом. А вы не знаете, где живет ее бывший муж?

— Нет. Я ведь с ней почти не разговаривал. Вы подозреваете его?

— У меня нет для этого оснований. Но обычно, когда убивают женщину, следует искать мужчину, у которого были причины для ее убийства. Правда, местная полиция полагает иначе.

— Вы с ними не согласны?

— Я просто стараюсь быть объективным, доктор.

— Понятно. Они сказали мне, что подозревают одну из наших студенток.

— Да. Вы знаете эту девушку?

— Нет. К счастью, она не записалась ни на одну из наших дисциплин.

— Почему к счастью?

— По словам полицейских, она психически неуравновешенна. — Сквозь толстые линзы очков его близорукие глаза напоминали раскрытые раковины устриц. — Если бы администрация надлежащим образом относилась к отбору студентов, то нам не пришлось бы опасаться за наши жизни. Но, увы, в этом направлении не предпринимается никаких шагов. — Он красноречиво постучал по циферблату. — Пять минут истекли.

— Разрешите еще один вопрос, доктор? Вы сообщили семье Элен Хаггерти о случившемся?

— Да. Сегодня утром я говорил по телефону с ее матерью. Декан Брэдшоу попросил меня позвонить ей, хотя я считаю, что он должен был сам это сделать. Ее мать, миссис Хоффман, вылетела сюда, и мне нужно ее встретить в аэропорту Лос-Анджелеса.

— В шесть тридцать?

Он уныло кивнул.

— Кроме меня, больше никому. Ни того, ни другого декана нет сейчас в городе...

— Декана Сатерлэнд тоже нет?

— И ее тоже. Они уехали, взвалив все на мои плечи. — В его взгляде мелькнула жалость к себе, он снял очки и принялся протирать их. — На дороге туман, а при моем слабом зрении вести машину в тумане опасно. Без очков я не отличу вас от господ бога.

— Между нами не такая уж большая разница.

Он надел очки и, поняв, что это была шутка, выдал из себя короткий смешок.

— Каким самолетом прилетает миссис Хоффман, доктор?

— Самолетом компании «Юнайтед» из Чикаго. Я обещал встретить ее у пункта выдачи багажа.

— Позвольте мне ее встретить?

— Вы серьезно?

— Вполне. В таком случае я смог бы поговорить с ней по дороге. Куда вы хотите, чтобы я ее привез?

— Я забронировал ей номер в гостинице «Пасифик». Давайте встретимся там часов в восемь.

— Вот и отлично.

Он встал, вышел из-за стола и крепко пожал мне руку. Когда я выходил из здания, навстречу из тумана внезапно выплыл пожилой человек небольшого роста в черной шляпе и темном плаще. У него были очень черные, будто крашенные, усы, быстрые черные глаза. На впалых щеках горел нездоровый румянец.

— Доктор де Фалла?

Он кивнул. Я придержал перед ним дверь. Он снял шляпу и поклонился.

— *Mersi beaucoup.*

Он двигался бесшумно, как паук, и я вдруг похолодел от странного ощущения, будто только что встретился с доктором Смертью.

Я медленно ехал вдоль побережья. Перед аэропортом туман немного рассеялся, но начало темнеть. Я поставил машину на стоянку у аэровокзала компании «Юнайтед». Было шесть двадцать пять — это время стояло на карточке, которую выдала мне девушка-контролер. Перейдя через дорогу, я вошел в большое сверкающее огнями здание аэровокзала и направился к багажному транспортеру, вокруг которого толпились пассажиры.

Немного в стороне стояла женщина, точная копия Элен, только старше и суше. На ней было черное пальто с поношенным меховым воротником, под ним — черное платье, на голове — черная шляпка, в руках — черные перчатки.

Только ее огненно-рыжие волосы выбивались из траурного ансамбля. Ее глаза опухли от слез. И вид у нее был такой, будто она плохо понимала, как и зачем очутилась здесь.

— Миссис Хоффман?

— Да. Я миссис Эрл Хоффман.

— Моя фамилия Арчер. Заведующий кафедрой, на которой работала ваша дочь, доктор Гейсман, попросил меня встретить вас.

— Спасибо. Он очень внимателен,— сказала она с едва заметной улыбкой.— И вам спасибо.

Я взял ее небольшой чемодан. Он оказался совсем легким.

— Вы не хотите перекусить или, может быть, что-нибудь выпить? Здесь неплохой ресторан.

— Нет, спасибо. Я поела в самолете. Мясо по-швейцарски. Лететь было очень интересно. Я еще не летала в самолетах, и, тем не менее, мне совсем не было страшно.

Она не знала, о чем говорить, и беспомощно озиралась вокруг. По ее лицу было видно, что она вот-вот заплачет. Я крепко взял ее под руку и быстро повел на улицу, к машине. Мы выехали со стоянки и свернули к шоссе.

— Раньше здесь ничего этого не было. Еще раз спасибо за то, что встретили меня. Одна я потерялась бы,— сказала она тихим безжизненным голосом.

— Когда вы были здесь в последний раз?

— Почти двадцать лет назад. Еще когда Хоффман служил в военно-морских силах. Он был мичманом на корабле береговой охраны. Их отправили в Сан-Диего, Элен тогда уже не было... она уехала из дома, и я тоже решила отважиться на путешествие. Мы прожили в Сан-Диего около года, все было прекрасно.— Она тяжело задыхалась, видимо, сдерживая рыдания, потом осторожно спросила:

— Кажется, Пасифик Пойнт недалеко от Сан-Диего?

— Пятьдесят миль.

— Неужели так много? — и, помолчав, поинтересовалась: — Вы работаете в колледже?

— Я — детектив.

— Вот как? Мой муж — тоже детектив. Он работает в Бриджтоне вот уже тридцать четыре года. В будущем году он выйдет на пенсию. Мы собирались поселиться в Калифорнии, но теперь он, наверное, не согласится. Он делает вид, что ему все равно, но это, конечно, не так. Он переживает так же, как и я.— Она говорила тихо и отрешенно, словно беседовала сама с собой.

— Жаль, что он не смог прилететь вместе с вами.

— Если бы он захотел, то смог бы. Он смог бы отпроситься. Мне кажется, он просто испугался, что не сможет этого вынести. И потом у него высокое давление.— Она снова помолчала.— Вы расследуете убийство моей дочери?

— Да.

— Доктор Гейсман сказал мне по телефону, что подозревают какую-то девушку. Не понимаю, зачем студентке стрелять в своего преподавателя? Я никогда ни о чем таком не слышала.

— Я не думаю, что стреляла эта девушка, миссис Хоффман.

— Но доктор Гейсман говорил, что ее вина почти доказана.— В голосе миссис Хоффман звучала жажда возмездия.

— Возможно,— сказал я, не собираясь вступать с ней в спор, чтобы не потерять важного свидетеля.— Я занимаюсь проверкой всех версий, и вы можете помочь мне.

— Как?

— Вашей дочери кто-то угрожал. Она сама сообщила мне об этом незадолго до своей смерти. Кто-то звонил ей по телефону. Голоса она не узнала, но сказала довольно странную вещь. Она сказала, что это был голос из Бриджтона.

— Бриджтона? Мы живем в этом городе.

— Я знаю, миссис Хоффман. Элен тогда заявила мне, что Бриджтон и здесь до нее дотянулся. Вы не могли бы объяснить, что она имела в виду?

— Элен ненавидела Бриджтон. Еще со школы она начала во всех своих бедах винить Бриджтон. Она хотела как можно скорее уехать оттуда.

— Если я правильно понял, она ушла из дома?

— Я бы не стала так говорить,— нехотя промолвила миссис Хоффман.— Она исчезла на одно лето, но все это время работала. Она устроилась в редакции одной из газет в Чикаго. Потом поступила в университет и сообщила мне об этом. Если бы не отец...— Она не договорила.— Я помогала ей как могла, посылала деньги — из тех, что муж давал мне на хозяйство. Так было до тех пор, пока мы не переехали на военно-морскую базу.

— А почему она поссорилась с отцом?

— Из-за его работы. По крайней мере последняя ссора была из-за этого...

— Когда она его обозвала налетчиком?

Она резко повернулась на сиденье и уставилась на меня.

— Вам это Элен сказала, да? Вы... вы были ее другом или, может быть...

— Мы были друзьями,— я старался говорить как можно убедительнее,— хотя вместе мы провели всего один час.

Ее смерть открыла мне глаза, и сейчас мне было горько сознавать, что тогда я многого не понял.

Она ближе придвинулась ко мне.

— Что еще она вам сказала?

— Что поссорилась с отцом из-за какого-то убийства.

— Это ложь. Я не хочу сказать, что Элен говорила неправду, просто она ошибалась. Смерть Делони была чистой случайностью. Если Элен считала, что она знает об этом деле больше отца, то была глубоко права.

Это было обвинение в адрес покойной. Спохватившись, что сказала лишнее, мать Элен закрыла рот рукой и замолчала, словно затаившийся сверчок.

— Расскажите мне об убийстве Делони, миссис Хоффман.

— Не понимаю, зачем вам это нужно знать. Я никогда не говорю о делах мужа. Ему это не нравится.

— Его же нет здесь.

— А у меня такое чувство, будто он рядом. Все-таки мы прожили вместе целую жизнь. К тому же та история давно уже в прошлом.

— Прошное всегда связано с настоящим. Тот случай может иметь отношение к смерти Элен.

— Какое? Это было двадцать лет тому назад, даже больше. Никто не придавал ему никакого значения. Да и саму Элен этот случай так взволновал только потому, что все произошло в многоквартирном доме, где мы жили. Мистер Делони чистил револьвер, а он возьми да выстрели... Вот и вся история.

— В самом деле?

— Мне так сказал Хоффман, а Хоффман не лжет.— Она произнесла это как истину, которую нельзя было подвергать сомнению.

— Почему тогда Элен считала, что он говорит неправду?

— Это только ее воображение, и ничего больше. Она заявила, что разговаривала со свидетелем, который видел, как кто-то застрелил мистера Делони, но я уверена, что она все попросту выдумала. Свидетель так и не объявился. По словам Хоффмана, его и не могло быть, поскольку мистер Делони был один в квартире, когда это случилось. Он стал чистить заряженное оружие и выстрелил себе в лицо. Элен, должно быть, все придумала. Мистер Делони ей нравился. Он был красивым мужчиной, а вы сами знаете, как легко увлекаются молодые девушки.

— Сколько ей тогда было?

— Девятнадцать. Как раз тем летом она уехала из дома.

Стало совсем темно. Справа вдали, как затухающие искры памяти, светились огни Лонг-Бич — здесь прошли нелегкие годы моей собственной юности.

— А кем был мистер Делони?

— Льюк Делони был одним из самых удачливых бизнесменов Бриджтона, да, пожалуй, и всего штата. Дела у него шли хорошо. Ему принадлежал наш дом и многие другие жилые дома в городе. Теперь они принадлежат миссис Делони. И стоят они сейчас намного больше, чем тогда, хотя и в то время его состояние оценивалось под миллион.

— Значит, вдова до сих пор жива?

— Да, но прошу вас не делать поспешных заключений. Когда это случилось, она была совершенно в другом месте, в их основном доме. Разумеется, в городе ходили слухи на ее счет, но она невинна как младенец. Она из очень известной и уважаемой в городе семьи — одна из сестер Осборн.

— Чем же они так прославились?

— Их отец был сенатором. Я помню, что, когда я ходила в школу, это было еще до первой мировой войны, они часто выезжали на охоту верхом на лошадях, с собаками. Но они никогда не задирали нос.

— Это делает им честь, — сказал я и попытался вернуть ее к разговору о Делони: — Так говорите, Делони застрелили в доме, где вы жили?

— Да. Наша квартира была на первом этаже. Нам она очень дешево обходилась, потому что мы собирали для Делони квартирную плату с жильцов. Сам он занимал квартиру на последнем этаже и использовал ее как офис, а также устраивал в ней приемы для важных персон из других городов штата. Кого только не было среди его знакомых. Мы видели, как они то и дело приезжали и уезжали, — сказала она с оттенком гордости.

— И в один прекрасный день он взял и застрелился в собственном доме?

— Нет. Произошел несчастный случай, — поправила она.

— Что за человек был Делони?

— Он выбился из низов. Делони был из той же части города, откуда и мы с Хоффманом. Поэтому он и доверил нам собирать плату за жилье — помог устоять в годы депрессии. Его самого депрессия не задела. Он занял денег,

чтобы открыть свое дело, и быстро пошел в гору исключительно за счет своих способностей и предприимчивости. Он женился на старшей дочери сенатора Осборна. Сейчас трудно сказать, каких еще высот он мог бы достичь, если бы не умер. Ведь ему было тогда всего лишь сорок лет, совсем еще молодой...

— Вы сказали, Элен была увлечена им?

— Не думаю, что она питала к нему серьезное чувство. Сомневаюсь, что они вообще перемолвились хотя бы парой фраз. Но девушки всегда мечтают о поклонниках, которые старше их по возрасту. К тому же он был самым преуспевающим мужчиной в округе, а Элен — очень честолюбива. Вам может показаться смешным, но она сердилась на отца, потому что в ее глазах он был неудачником. Хотя я так не считаю. Но вот когда пришло время ей самой выходить замуж, она выбрала Берта Хаггерти, который действительно был неудачником, каких поискать.

Она немного успокоилась и говорила теперь более свободно, хотя постоянно перескакивала с одного на другое. В ее состоянии это было естественно: смерть дочери словно заставила ее заново прожить жизнь.

— Предположим,— обратился к ней я,— что убийство Элен и смерть Делони связаны между собой. Вам не приходит в голову, что могло за этим стоять?

— Нет. Я же сказала вам, она все придумала. У Элен всегда была богатая фантазия.

— Но ведь она говорила, что знает свидетеля, который видел, как кто-то застрелил Делони.

— Она сказала глупость.

— Но зачем?

— Вы хотите знать, зачем ей понадобилось наговаривать на отца? Чтобы досадить ему. С тех пор как Хоффман впервые наказал ее, между ними не было мира. А когда они начинали спорить, она уже не думала о том, что говорит.

— Она не назвала имени свидетеля?

— Разумеется, нет, ведь никакого свидетеля не было. Отец тоже добивался, чтобы она назвала его имя, и в конце концов Элен призналась, что сказала неправду.

— Она созналась в этом?

— Ей пришлось это сделать под нажимом Хоффмана, но она так и не извинилась перед ним за те жестокие слова, которые бросила ему в лицо.

— А не могла сама Элен оказаться этим свидетелем?

— Ну что вы такое говорите! Как она могла быть

свидетелем того, чего не было, — возмутилась миссис Хоффман, но в ее голосе не было твердой уверенности.

— Не забывайте, что Делони мертв, Элен тоже убили, и ее смерть подтверждает то, что она рассказывала незадолго до своей гибели.

— Вы имеете в виду то, что она говорила о Бриджтоне?

— Да.

Она опять замолчала. Миновав район порта, мы въехали в полосу тумана, и я сбавил скорость. Миссис Хоффман по-прежнему оглядывалась назад, словно Бриджтон гнался за ней.

— Надеюсь, Хоффман не напился, — после паузы с робкой надеждой сказала она. — У него давление, ему нельзя пить. Если с ним что-нибудь случится, я буду винить себя.

— Кто-то из вас должен был приехать сюда.

— Да, конечно. Вообще-то с ним сейчас Берт, он за ним последит. Берт не пьет.

— Бывший муж Элен сейчас находится с мистером Хоффманом?

— Да. Он приехал утром из Мапл Парк и отвез меня в аэропорт. Берт — неплохой мальчик, хотя какой он мальчик... Ему уже за сорок, он — зрелый мужчина, правда, выглядит моложе своих лет.

— Он преподает в Мапл Парк?

— Да. Он так и не получил ученую степень, хотя потратил на это несколько лет. Он преподает журналистику и английский. Кроме того, еще помогает выпускать школьную газету. Он работал журналистом, когда они встретились с Элен.

— Когда ей было девятнадцать?

— У вас хорошая память. Вы нашли бы общий язык с Хоффманом. У Хоффмана отличная память. Перед войной он мог рассказать о любом строении Бриджтона: будь то завод, склад или жилой дом. Он мог сообщить, кто построил или кому принадлежит тот или иной дом, знал, кто жил в этом доме раньше и кто живет сейчас, сколько у них детей и какой у них доход, — словом, все, что только можно. Я несколько не преувеличиваю, можете спросить у его коллег. Ему предсказывали большое будущее, но он так и не поднялся выше лейтенанта.

Я не стал ее спрашивать, что же помешало этим блестящим прогнозам сбыться. Помолчав, она сама дала ответ на мой немой вопрос, однако я подозревал, что в ее словах было больше вымысла, чем правды.

— У Элен память в отца. Они вообще во многом похожи, хотя и не хотели себе признаться в этом. Они очень любили друг друга, несмотря на то что постоянно не ладили. Отец сильно переживал, когда Элен уехала из дома и даже ни разу не написала. Сам он никогда не спрашивал о ней, но очень скучал. После ее отъезда он очень сильно изменился.

— Она сразу вышла замуж за Берта Хагтерти?

— Нет. Она заставила его помучиться еще лет пять или шесть. Ему даже пришлось послужить немного в армии. Во время войны дела у Берта пошли хорошо — у многих во время войны дела шли лучше, чем до или после нее. Тогда Берт поверил в себя. Он собирался написать книгу, издавать собственную газету, провести с Элен медовый месяц в Европе. Они действительно слетали в Европу по его бесплатному воинскому билету — я дала им часть денег на это путешествие — но больше ничего из его планов не осуществилось. Когда они вернулись из Европы, он все никак не мог подыскать себе подходящего дела, а когда наконец нашел, то было уже слишком поздно. Прошлой весной они расстались. Я не одобрила их решения, но осуждать ее тоже не могу. Они слишком разные люди. В отличие от Берта Элен была удачлива, умна и красива...

— Согласен.

— Но, может, все-таки было бы лучше, если бы она осталась с Бертом... Кто знает? Тогда, возможно, этого не случилось бы. Иногда мне кажется, что с мужчиной, каким бы он ни был, все же жить лучше, чем совсем одной.

Уже потом, когда мы въезжали в Пасифик Пойнт, она сказала:

— Странно, что Элен так и не смогла найти себе подходящего мужа. Очень странно. У нее было все: ум, привлекательная внешность, манеры, но почему-то достойные мужчины обходили ее своим вниманием.

Взгляд ее вопрошающих глаз красноречиво говорил о том, как тяжело она переживает несложившуюся судьбу дочери.

Отель «Пасифик» располагался на углу, сразу за тем экономическим экватором, который делил проспект на две части: преуспевающую и не столь преуспевающую. В этот субботний вечер холл был почти пуст. Четыре джентльмена играли в бридж при свете торшера. В холле кроме них

единственным человеком — если только он подходил под это понятие — был доктор Гейсман.

Он встал с выдавшего вида кресла из зеленого пластика и официально пожал руку миссис Хоффман.

— Я вижу, вы добрались благополучно. Как вы себя чувствуете?

— Хорошо, благодарю вас.

— Неожиданная кончина вашей дочери явилась для нас большим ударом.

— Да, и для меня тоже.

— Фактически весь сегодняшний день ушел у меня на то, чтобы найти ей замену. И я ни на шаг не продвинулся в своих поисках. Надо же так случиться, именно в это время года найти кого-нибудь из обучающего персонала невероятно трудно.

— Мне очень жаль.

Я оставил их за попытками оживить этот мертворожденный разговор и направился в бар. Единственная в этот час посетительница изливала у стойки свои горести толстому бармену с печальным лицом. Ее крашенные волосы цвета воронова крыла отливали зеленым, как это бывает у некоторых видов уток.

Я узнал женщину — миссис Перрин я бы узнал и за тысячу ярдов — и попытался незаметно исчезнуть. Но она невовремя повернулась и увидела меня.

— Как славно, что я вас здесь встретила. — Она сделала широкий приглашающий жест рукой, едва не опрокинув стоявший перед ней пустой бокал, и обратилась к бармену: — Это мой друг мистер Арчер. Налейте моему другу.

— Что будете пить?

— Бурбон. Заплачу я сам. Что пьет дама?

— Плантаторский пунш, — ответила она. — И спасибо за «даму». Вообще, спасибо за все. А я вот праздную, целый день сижу тут и праздную.

Я пожалел про себя, что та гранитная твердость, с которой она держалась во время процесса, дала трещину и в бреши проглядывало сознание загубленной жизни. Хотя мне и не были известны все секреты миссис Перрин, я ознакомился с полицейскими отчетами, составленными по ее поводу в двадцати городах. К данному конкретному случаю она не имела отношения, но при этом продолжала оставаться мошенницей, работавшей на побережье от Акапулько до Сиэтла и от Монреаля до Ки-Уэст.

Бармен хромая отправился готовить заказанные напитки, а я сел у стойки рядом с ней.

— Вам следовало бы выбрать для празднования другой город.

— Знаю. Это не город, а церковное кладбище. Пока на горизонте не появились вы, я казалась себе его единственной обитательницей.

— Я не об этом, миссис Перрин.

— Черт, зовите меня Бриджит. Вы мой друг, вы заслужили это право.

— О'кей, Бриджит. Полиция восприняла ваше оправдание без особого энтузиазма, и это вполне понятно. Так что к вам будут цепляться по малейшему поводу.

— Но я ничего не сделала. У меня есть собственные деньги.

— Я думаю о том, чем закончится этот ваш праздник, если вы будете продолжать в том же духе. Вы не можете позволить себе гулять по этому городу без оглядки.

Она задумалась над моими словами, сосредоточенно наморщив лоб. Каждое движение ее мысли сопровождалось живой мимикой.

— Здесь вы правы. Я уже подумывала утром отправиться в Вегас. Есть у меня в Вегасе один приятель.

Бармен принес наши бокалы. Миссис Перрин отхлебнула из своего и скривила личико, словно эта штука разом ей опротивела. Ее блуждающий взгляд задержался на зеркале позади стойки.

— Силы небесные,— выговорила она,— неужели это я? Да я страшна, как гнев Господен.

— Примите ванну и постарайтесь выспаться.

— Легко вам говорить, выспаться. Я по ночам скучаю.— Она по привычке окинула меня томным взглядом.

Крошка была не в моем вкусе. Я допил свой бурбон и выложил на стойку два доллара.

— Спокойной ночи, Бриджит. Не обижайся. Мне нужно позвонить.

— Ну конечно, позвонить. Увидимся в Эпуорт Лиг.

Выходя, я заметил, как бармен, все так же прихрамывая, направился к ней. Миссис Хоффман и доктора Гейсмана в холле уже не было. Я нашел телефоны-автоматы в закутке позади стойки администратора и набрал номер Брэдшоу.

Трубку сняли после первого же звонка, и дрожащий старческий голос заговорил:

— Рой? Это ты, Рой?

— Это Арчер.

— Я так надеялась, что это окажется Рой. Он всегда

звонит в это время. Как вы думаете, с ним ничего не могло случиться?

— Думаю, что нет.

— Вы читали газету?

— Нет.

— Там есть заметка, что на конференцию в Рино он поехал вместе с Лорой Сатерлэнд. Рой мне об этом ничего не говорил. Вы считаете, он ею увлечен?

— Ничего не могу вам сказать.

— Она очень милая молодая женщина, вам не кажется?

Я мысленно спросил себя, с чего это миссис Брэдшоу так поглупела, уж не пила ли она за обедом.

— У меня нет своего мнения на этот счет, миссис Брэдшоу. Я позвонил, чтобы спросить, что вы решили по поводу нашего сегодняшнего разговора.

— Боюсь, что я ничего не смогу сделать без согласия Роя. Видите ли, деньгами в семье распоряжается он. А теперь, если у вас есть другие дела, мистер Арчер, говорите, пожалуйста, побыстрее, Рой может позвонить в любую минуту. Нет?

Она бесцеремонно повесила трубку. Похоже, я перестал неотразимо действовать на старушек. Пройдя в туалет, я взглянул на себя в длинное зеркало над ровным рядом белых раковин. Кто-то написал на стене карандашом: «Поддерживайте Программу медицинской помощи душевнобольным, а то поубиваю всех».

В туалет вошел разносчик газет и застал меня улыбающимся собственному отражению. Я притворился, будто рассматриваю зубы. Этому чернокожему мальчишке было на вид лет десять, но вел он себя как маленький мужчина.

— Читайте все про убийство, — предложил он.

Я купил у него местную газету. На первой странице красовался заголовок «Убийство преподавательницы из колледжа Пасифик Пойнт», ниже шрифтом помельче было напечатано: «В ожидании разговора с таинственной студенткой». Статья, по сути, являлась судом над Долли, судом, вынесшим ей обвинительный приговор. Она «зарегистрировалась обманным путем, использовав чужую фамилию». Ее дружба с Элен именовалась «отношениями весьма необычного свойства». Смит-и-Вессон тридцать восьмого калибра, найденный в ее кровати, был назван «орудием убийства». «Ее прошлое хранило мрачную тайну» — убийство Макги — и «она всячески уклонялась от беседы с полицией».

Другие подозреваемые не упоминались. Человек из Рио в статье не фигурировал.

Вместо того чтобы распорядиться газетой с известным толком, я порвал ее в клочки и выбросил обрывки в урну. Затем я вернулся к телефонам-автоматам. Секретарша доктора Годвина пожелала узнать, насколько неотложно мое дело.

— Все это очень срочно,— заверил я ее.— Речь идет о пациенте доктора Годвина.

— Вы являетесь этим пациентом, сэр?

— Да,— соврал я, соображая, означает ли это, что мне нужна срочная помощь.

Голос секретарши смягчился:

— Последний раз доктор звонил сюда из дома.

Она сообщила мне номер, но я им не воспользовался. Я хотел поговорить с Годвином лично. Отыскав его адрес в телефонной книге, я поехал к нему домой на другой конец города.

Дом Годвина оказался одним из внушительных строений, расположившихся по краю плоской вершины утеса, нависающего над бухтой и городом. Окутанный в этот вечер туманом, утес выглядел как остров.

За фасадом из аризонского булыжника тенор и сопрано исполняли разрывающий сердце дуэт из «Богемы».

Дверь открыла красивая женщина в красном парчовом халате и с полупрофессиональной улыбкой, которую приобретают со временем жены врачей. Я представился, мое имя, видимо, было ей знакомо.

— Мне очень жаль, мистер Арчер. Муж уехал буквально несколько минут назад. Мы решили для разнообразия послушать музыку, но тут позвонил один молодой человек — муж одной из наших пациенток,— и он согласился встретиться с ним в лечебнице.

— Это, случайно, был не Алекс Кинкейд?

— По-моему, именно он, мистер Арчер.— Она шагнула за порог мне навстречу, красный халат подчеркивал ее великолепную фигуру.— Муж говорил при мне о вас. Насколько я понимаю, вы расследуете это преступление, в котором он оказался замешанным.

— Да.

Она коснулась моей руки.

— Я беспокоюсь за него. Он принимает все это слишком близко к сердцу. Мне кажется, он считает, что подвел девушку в ту пору, когда она была его пациенткой, и поэтому ответствен за все, что произошло.— Ее чистые,

удлиненной формы глаза взглянули мне в лицо, ища поддержки.

— Он ни в чем не виноват,— произнес я.

— Пожалуйста, постарайтесь убедить его в этом. Меня он не слушает. Немного найдется людей, чье мнение для него что-то значит. Но к вам он, кажется, испытывает уважение, мистер Арчер.

— Это чувство взаимно. Хотя я сомневаюсь, что он захочет выслушать мое мнение о степени его ответственности в этом деле. Он очень сильный и темпераментный человек, быстро теряет терпение.

— Можете мне этого не говорить. Наверное, я не имела никакого права просить вас повлиять на него. Но то, как он бездумно растрчивает свою жизнь на всех этих пациентов...— ее рука описала широкий полукруг от груди.

— Похоже, это доставляет ему удовольствие.

— Мне — нет.— Она поморщилась.— Жена врача, врачуй себя сама, да?

— Во всяком случае, выглядите вы восхитительно,— сказал я.— И у вас, кстати, очень красивый халат.

— Спасибо. Джим купил его для меня в Париже этим летом.

Когда я уходил, ее улыбка была уже менее профессиональной. Прибыв в лечебницу, я увидел красный «порше» Алекса у обочины перед большим гладко оштукатуренным зданием. Сердце гулко застучало у меня в ушах. Из этого дела еще вполне могло получиться что-нибудь путное.

Помощница медсестры, латиноамериканка в белой с голубым униформе, открыла мне дверь и проводила в холл, где я должен был ожидать доктора Годвина. Нелл и еще несколько больных в купальных халатах смотрели по телевизору пьесу про двух адвокатов: отца и сына. На меня они не обратили внимания. Я был всего лишь настоящим, не из кино, детективом, к тому же безработным. Но, как я надеялся, ненадолго.

Я присел на свободный стул сбоку. Пьеса была хорошо поставлена, и актеры играли неплохо, но сосредоточиться на сюжете я не смог. Меня больше заинтересовали четыре человека, сидевшие вокруг телевизора. Нелл, сомнамбула, чьи черные волосы струились по спине, как ручейки слез, сжимала в руках голубую керамическую пепельницу, которую сама вылепила. Молодой человек с неухоженной бородой и бунтарским взглядом выглядел, как яростный ниспровергатель всего на свете. Третий — мужчина с жидкими волосами, дрожавший от возбуждения,— так и продолжал

дрожать на протяжении всей пьесы. Пожилая женщина сидела с полупрозрачным лицом, позволявшим видеть, как внутри чадающей свечой догорает ее жизнь. Стоило отступить на шаг, и вполне можно было вообразить, что перед тобой три поколения одной семьи — бабушка, родители и сын, — собравшиеся дома у телевизора субботним вечером.

В проеме внутренней двери появился доктор Годвин. Он поманил меня пальцем. Я проследовал за ним по коридору, чувствуя постепенно сгущающийся больничный запах, и попал в маленький тесный кабинет. Доктор включил лампу, висевшую над столом, и сел на свое рабочее место. Я опустился на единственный оставшийся стул.

— Алекс Кинкейд сейчас у своей жены?

— Да. Он позвонил мне домой и, как мне показалось, очень хотел ее увидеть, хотя его не было целый день. Он также хотел поговорить со мной.

— Он говорил что-нибудь о том, что собирается сбежать от нее?

— Нет.

— Надеюсь, он передумал.

Я рассказал Годвину о моей встрече с Кинкейдом-старшим и об отъезде Алекса вместе с отцом.

— Нельзя безоглядно винить его в том, что он на какое-то мгновение отступил от правильного пути. Он молод, и ему очень тяжело. — Изменчивые глаза Годвина загорелись. — Самое важное и для него, и для Долли заключается в том, что он решил вернуться.

— Как она?

— Думаю, она понемногу успокаивается. Правда, сегодня она еще не захотела говорить, по крайней мере, со мной.

— А вы дадите мне попробовать?

— Нет.

— Я почти жалею о том, что привлек вас к этому делу, доктор, — сказал я с улыбкой.

— Мне доводилось слышать такое и раньше, и в гораздо менее сдержанных выражениях, — ответил он тоже с улыбкой и добавил упрямо: — Но раз уж я этим занялся, то это моя работа, и я буду поступать так, как сочту наилучшим для больной.

— Не сомневаюсь в вашей непреклонности, доктор. Вы читали вечернюю газету?

— Читал.

— Долли в курсе того, что происходит за стенами лечебницы? Например, ей известно про револьвер?

— Нет.

— Как вы думаете, следует ей об этом рассказать?

Он развел руки на исцарапанной поверхности стола.

— Я пытаюсь упростить ее проблемы, а не усложнить их. Ей слишком многое пришлось пережить прошлой ночью, на нее давило и прошлое и настоящее, ее психика могла не выдержать такого напряжения. Долли балансировала на краю пропасти. Не дай Бог, чтобы она в нее упала.

— А вы сможете оградить ее от бесед с полицией?

— Не до бесконечности. Наилучшей защитой для нее будет раскрытие этого преступления и снятие с нее всех подозрений.

— Я работаю над этим. Сегодня утром я поговорил с мисс Дженкс и осмотрел место убийства Макги. Я почти убежден, что, даже если Макги действительно убил свою жену, в чем я сомневаюсь, Долли просто не могла узнать его, когда он выходил из дома. Другими словами, ее показания в суде выдуманы.

— Алиса Дженкс убедила вас в этом?

— Нет, меня убедил в этом осмотр места преступления. Мисс Дженкс приложила все усилия, чтобы убедить меня в обратном. Я не удивлюсь, если окажется, что она являлась основной движущей силой в деле против Макги.

— Он был виновен.

— Вы это уже говорили. Как бы я хотел, чтобы вы поделились со мной причинами, заставляющими вас так думать.

— Боюсь, что это невозможно. Дело касается конфиденциальных бесед врача с пациентом.

— Констанцией Макги?

— Констанция Макги не являлась пациентом в строгом смысле этого слова. Но вы не можете лечить ребенка, не лечя одновременно и его родителей.

— Значит, она поверяла вам свои секреты?

— Разумеется, не все. Большей частью мы говорили о ее семейных проблемах. — Годвин подбирал слова с осторожностью. Его лицо ничего не выражало. Лысая голова поблескивала под лампой, как металлический купол в лунном свете.

— Ее сестра Алиса сделала в разговоре со мной одно интересное замечание. Она сказала, что в жизни Констанции никогда не было другого мужчины. Я ее ни о чем не спрашивал. Она сама заговорила об этом.

— Занятно.

— Я тоже так подумал. Ко времени, когда произошло убийство, Констанция была влюблена в другого?

Годвин едва заметно кивнул.

— Кто это был?

— Я не собираюсь называть вам его имя. Он достаточно страдал.— Тень этих страданий пробежала по его собственному лицу.— Я сообщил вам все это потому, что хочу, чтобы вы поняли: у Макги был мотив, и он, вне всякого сомнения, виновен.

— Я думаю, его подставили. Точно так же, как сейчас пытаются подставить Долли.

— Мы согласились в последнем. Почему бы нам не остановиться на этом?

— Потому что произошли три убийства, и все они связаны друг с другом. Они, как вы выражаетесь, субъективно связаны в сознании Долли. Я считаю, что они связаны и объективно тоже. Все три могли быть совершены одним человеком.

Годвин не спросил меня — кем. И слава Богу. Я сам еще не очень четко представлял себе, о чем говорю, и не смог бы назвать никого конкретно.

— О каком третьем убийстве вы говорите?

— Я говорю о смерти Люка Делони, человека, о котором я впервые услышал сегодня вечером. В аэропорту Лос-Анджелеса я встретился с матерью Элен Хаггерти, и мы побеседовали в машине по дороге сюда. Если верить ей, Делони случайно выстрелил в себя, когда чистил пистолет. Но Элен утверждала, что он был убит и что она могла назвать свидетеля этого убийства. Этим свидетелем, возможно, была она сама. Во всяком случае, именно из-за смерти Делони она поссорилась с отцом — он, кажется, был назначен для расследования этого дела — и убежала из дома. Все это произошло больше двадцати лет назад.

— Вы серьезно полагаете, что это может быть связано с нынешним убийством?

— Так считала Элен. Ее смерть придает ее мнению большой вес в этом вопросе.

— Что вы намерены делать дальше?

— Я бы хотел слетать в Иллинойс и поговорить с отцом Элен. Но я не могу себе позволить платить за это из своего кармана.

— Вы могли бы просто позвонить ему.

— Мог бы. Но я чувствую, что в данной ситуации это

принесло бы больше вреда, чем пользы. Старик, скорее всего, окажется крепким орешком.

— Я, возможно, соглашусь оплатить ваши расходы, — сказал Годвин после минутного раздумья.

— Вы щедрый человек.

— Скорее любопытный, — поправил он. — Не забывайте, я связан с этим делом уже более десяти лет и многое бы дал, чтобы посмотреть, чем оно закончится.

— Позвольте мне сначала поговорить с Алексом и выяснить, как он относится к тому, чтобы выложить еще некоторую сумму.

Годвин наклонил голову и, не поднимая ее, встал из-за стола. Поклон не был адресован мне, он получился, скорее, общим и казался привычным для этого человека, словно Годвин испрашивал у далеких звезд, вершащих судьбы людей, позволения принять на себя часть их вселенских забот.

— Я его сейчас выпровожу. Он уже пробыл здесь достаточно.

Годвин скрылся в конце коридора. И через несколько минут вышел Алекс. Он был один. У него была походка человека,двигающегося вслепую по подземному тоннелю, но такого спокойствия на лице я у него еще не видел.

Он остановился в дверях кабинета.

— Доктор Годвин сказал, что вы здесь.

— Я удивлен, что вижу вас.

Боль и смущение отразились в его глазах, тенью легли на лоб. Он нетерпеливо смахнул их с лица ладонью. Потом вошел в кабинет, захлопнул за собой дверь и оперся на нее спиной.

— Я сегодня свалил дурака. Попробовал удрать, как трус.

— Что ж, признать это тоже требует мужества.

— Не надо наводить на меня глANCE, — резко заметил он. — Я поступил гнусно и понимаю это. Знаете, забавно: когда папа расстраивается, его состояние отражается на мне совершенно особым образом. Это как симпатические вибрации: он разваливается на куски, и я разваливаюсь на куски. Только не подумайте, что я виню его.

— А вот я как раз его и виню.

— Пожалуйста, не надо. У вас нет на это никакого права. — Его брови нахмурились. — Руководство компании поговаривает о приобретении компьютеров, которые будут выполнять большую часть работы в офисе. Папа боится,

что уже не сможет перестроиться, и, по-моему, это заставляет его вообще всего бояться.

— Я вижу, вы всерьез над этим размышляли.

— Пришлось. Когда вы сказали о низведении себя до нуля, у меня внутри что-то открылось. Это чувство не оставляло меня всю дорогу, пока я ехал с отцом домой, — словно я перестал быть человеком. — Он оторвал спину от двери и теперь нетвердо стоял на ногах, руки чуть заметно покачивались по бокам. — Это просто удивительно. Оказывается, действительно можно принимать решения внутри себя. Ты сам можешь решать, кем тебе быть — тем или другим.

Единственная проблема заключалась в том, что такие решения приходится принимать ежечасно. Но в этом он должен будет убедиться сам.

— Как ваша жена?

— Она по-настоящему была рада меня видеть. Вы разговаривали с ней?

— Доктор Годвин запретил мне.

— Меня он тоже не хотел пускать, пока я не пообещал, что не задам ей ни одного вопроса. Я сдержал слово, но разговор о револьвере все-таки состоялся. Она слышала, как две помощницы обсуждали статью в какой-то газете.

— Газета местная. Что Долли сказала по поводу револьвера?

— Это не ее револьвер. Кто-то, должно быть, спрятал его под ее матрацем. Она попросила меня описать его и сказала, что по описанию похоже на револьвер тети Алисы. Тетушка имела привычку класть его на ночь на прикроватный столик. Долли, когда она была маленькая, это всегда приводило в благоговейный трепет. — Он глубоко вздохнул. — Насколько я могу судить, она видела, как тетя угрожала этим револьвером ее отцу. Я не хотел, чтобы она вспоминала все это, но подделать ничего не мог. Через некоторое время она опять успокоилась.

— По крайней мере, она перестала винить себя в смерти Элен Хаггерти.

— Знаете, нет. Она по-прежнему считает, что это ее вина. Вообще все — ее вина.

— Почему так?

— Она не говорила об этом. Я не хотел, чтобы она говорила.

— Правильнее сказать, доктор Годвин не хотел, чтобы вы заводили с ней этот разговор?

— Именно. Здесь он хозяин. Мне кажется, он знает о ней больше, чем мне когда-либо суждено узнать.

— Как я понимаю, вы не расторгаете вашего брака? — спросил я.

— У нас нет другого выбора. Я понял это сегодня. Не могут двое просто повернуться и разойтись в разные стороны, когда попадают в такую беду. По-моему, Долли это тоже понимает. Она не стала прогонять меня или вытворять еще что-нибудь в этом духе.

— О чем вы еще говорили?

— Так, ни о чем особенном. В основном о других больных. Там у них есть старушка со сломанным бедром, которая никак не желает лежать в постели. Долли как бы присматривает за ней.— Это казалось ему важным.— Сама она не может быть серьезно больна.— А здесь содержался скрытый вопрос.

— Об этом вам нужно бы спросить у доктора.

— От него немногого добьешься. Он хочет завтра провести с ней какие-то психологические тесты. Я дал ему зеленый свет.

— А мне вы тоже дадите зеленый свет?

— Естественно. Я надеялся, что это для вас само собой разумеется. Я хочу, чтобы вы сделали все возможное для окончательного разрешения этой проблемы. Я составлю письменный контракт.

— Это не обязательно. Но расследование будет стоить денег.

— Много денег?

— Пару тысяч. Возможно, гораздо больше.

Я рассказал ему о версии с Рино, которую разрабатывали Арни и Филлис Уолтерс, и о ситуации в Бриджтоне, которой я хотел заняться лично. Я также посоветовал ему завтра с утра первым делом встретиться с Джерри Марксом.

— А к мистеру Марксу можно попасть в воскресенье?

— Да. Я уже договорился, он будет вас ждать у себя.

— У меня есть кое-какие сбережения,— задумчиво произнес он,— и я могу получить ссуду под свою страховку. А тем временем я продам «порше». Деньги за машину полностью выплачены, и мне уже предлагали за нее две с половиной тысячи. Гонки на спортивных автомобилях и тому подобная чепуха начали мне порядком надоедать. Это все забавы для детей.

Зазвенел звонок входной двери. Кто-то из персонала торопливо прошел мимо нашего кабинета, намереваясь выяснить, в чем дело. Для посетителей было уже поздно, поэтому я вышел в коридор следом за медсестрой. Четверо больных по-прежнему не отрывались от телевизора, словно он был окном в большой мир.

А тем временем в дверь уже ожесточенно барабанили кулаками.

— Минуточку, — попросила медсестра через дверь. Она вставила свой ключ в замок и немного ее приоткрыла. — Кто вы? Кого вы хотите видеть?

Это была Алиса Дженкс. Она попыталась безо всяких объяснений протиснуться внутрь, но сестра подперла дверь ногой и не впустила ее.

— Я желаю навестить свою племянницу, Долли Макги.

— Больной под таким именем у нас нет.

— Она теперь называет себя Долли Кинкейд.

— Я ни к кому не могу допустить вас без разрешения доктора.

— Годвин здесь?

— Да, кажется.

— Пригласите его, — высокомерно потребовала мисс Дженкс.

Горячий латиноамериканский темперамент тут же дал себя знать.

— А вы мне не указывайте, — свистящим шепотом произнесла девушка. — И говорите тише. У нас здесь больные, которым нужен покой.

— Пригласите доктора Годвина.

— Не волнуйтесь, приглашу. Но вам придется подождать снаружи. — Я встал между ними, прежде чем сестра закрыла дверь, и обратился к мисс Дженкс:

— Можно мне с вами поговорить минуту?

Она прищурилась на меня сквозь запотевшие очки.

— А, так вы тоже здесь?

— Да, я тоже здесь.

Я шагнул за порог на освещенное крыльцо и услышал за собой звук захлопнувшейся двери. После тепличной атмосферы лечебницы воздух снаружи показался мне ледяным. Мисс Дженкс была в пальто из толстого драпа с меховым воротником, которое в сумерках делало ее фигуру очень массивной. Капельки дождя блестели на воротнике и в седеющих волосах.

— Зачем вам понадобилась Долли?

— Вас это не касается. Она моя плоть и кровь, не ваша.

— У Долли есть муж. Я представляю его интересы.

— Можете отправляться куда-нибудь подальше и там представлять, сколько вам угодно. Ни вы, ни ее муж нисколько меня не интересуют.

— Но вас вдруг заинтересовала Долли. Не связано ли это каким-то образом со статьей в сегодняшней газете?

— Может быть, связано, а может, и нет.— На ее языке это означало «да». Она добавила с вызовом: — Я заботилась о Долли с самого ее рождения. И я лучше, чем всякие посторонние люди, знаю, что для нее хорошо, а что плохо.

— Доктор Годвин не посторонний.

— Нет, не посторонний. И очень жаль, что нет.

— Я надеюсь, вы не собираетесь забирать ее отсюда?

— Может быть, собираюсь, а может быть, и нет.— Она вытащила из сумочки бумажную салфетку и протерла очки. Я успел заметить в сумочке сложенную во много раз газету.

— Мисс Дженкс, вы прочли описание револьвера, обнаруженного в кровати Долли?

Она быстрым жестом надела очки, словно пряча за ними растерянное выражение глаз.

— Естественно, прочла.

— Оно вам ни о чем не напомнило?

— Напомнило. По описанию револьвер похож на тот, что когда-то был у меня, поэтому я отправилась в здание городского Суда, чтобы взглянуть на него. Он в самом деле похож на мой.

— Вы признаете это?

— А почему я не должна этого признавать? Я его не видела уже больше десяти лет.

— Вы можете это доказать?

— Конечно, я могу это доказать. Его украли из моего дома до того, как была застрелена Констанция. У шерифа Крэйна в то время даже была версия, что Макги мог воспользоваться для убийства жены именно им. Он, кстати, до сих пор так считает. Макги не составило бы никакого труда украсть его. Он знал, в каком месте я хранила револьвер в своей спальне.

— Вы ни словом не упомянули об этом сегодня утром.

— Просто не пришло в голову. В конце концов, это была всего лишь версия. А вас интересовали факты.

— Меня интересует и то и другое, мисс Дженкс. Какой версии придерживается полиция теперь? Что Макги убил мисс Хаггерти и попытался подставить свою дочь?

— Я бы этому не удивилась. Человек, способный сделать то, что он сделал со своей женой...— слова замерли у нее на губах.

— И они хотят использовать его дочь, чтобы опять засадить Макги за решетку?

Она не ответила. Внутри зажегся свет, послышались приближающиеся шаги, и доктор Годвин открыл дверь. Он позвенел ключами, свирепо при этом ухмыляясь.

— Заходите, мисс Дженкс.

Она решительно поднялась по бетонным ступеням. Годвин прогнал из холла всех, за исключением Алекса, который сидел на стуле у стены. Я незаметно встал в углу рядом с онемевшим телевизором.

Алиса Дженкс стояла прямо перед доктором Годвином. Почти такая же высокая на своих каблуках, почти такая же широкая в своем пальто и почти такая же упрямая в своем высокомерии.

— Я не одобряю ваших действий, доктор Годвин.

— Что же я такого наделал?

Он сел на подлокотник кресла и закинул ногу на ногу.

— Вы знаете, о чем я говорю. Моя племянница. Вы держите ее здесь взаперти вопреки требованиям законных властей.

— Я делаю это совсем не для того, чтобы им досадить. Я выполняю свой долг, шериф выполняет свой. Иногда между нами возникает конфликт. Это не обязательно означает, что шериф Крэйн прав, а я нет.

— Для меня означает.

— Вы меня не удивили. У нас с вами уже были разногласия по такому же поводу. В тот раз вы и ваш друг шериф настояли на своем, к несчастью для вашей племянницы.

— Ей не стало хуже от того, что она дала показания. Правда есть правда.

— А травма есть травма. Это принесло ей огромный вред, она до сих пор страдает от того, что сделала.

— Я бы хотела сама в этом убедиться.

— Чтобы затем представить шерифу полный отчет?

— Добропорядочные граждане стоят на стороне закона и помогают ему,— назидательно изрекла она.— Но я здесь не по поручению шерифа. Я пришла сюда, чтобы помочь своей племяннице.

— И как же вы предполагаете ей помочь?

— Я забираю ее домой.

Годвин поднялся на ноги, качая головой.

— Вам не удастся помешать мне, — продолжала она. — Я являюсь ее опекуном со времени смерти ее матери. Закон будет на моей стороне.

— Думаю, что нет, — холодно ответил Годвин. — Долли совершеннолетняя и находится здесь по собственной воле.

— Я бы хотела лично задать ей этот вопрос.

— Вы не будете задавать ей никаких вопросов.

Женщина шагнула к нему, злобно вытянув голову на тонкой шее — совсем как гусыня:

— Вы, наверное, мните себя таким оловянным божком, который управляет делами моей семьи? Я вам говорю, вы не имеете права насильно удерживать ее здесь, выставя всех нас в невыгодном свете. В этом графстве у меня есть репутация, о которой я должна заботиться. Сегодня я целый день провела в кругу некоторых весьма высокопоставленных лиц из Сакраменто.

— Боюсь, я не вполне улавливаю вашу логику. Но, пожалуйста, говорите тише. — Сам Годвин говорил с ней низким, скучным, монотонным голосом, который я уже слышал по телефону сутки назад. — И позвольте мне еще раз заверить вас: ваша племянница находится здесь по собственной воле.

— Это действительно так. — Алекс вышел на передовую линию разворачивающейся баталии. — Мне кажется, мы с вами не знакомы. Я Алекс Кинкейд, муж Долли.

Она проигнорировала его протянутую руку.

— Я полагаю, для нее важно остаться здесь, — твердо сказал он. — Я доверяю этому врачу, и он пользуется полным доверием моей жены.

— Что ж, тогда мне вас очень жаль. В свое время он и мне тоже сумел надолго заморочить голову, пока я не выяснила, что происходит за дверью его кабинета.

Алекс вопросительно посмотрел на Годвина. Доктор вытянул руки ладонями вверх, как это обычно делают, когда проверяют, нет ли дождя.

— Если не ошибаюсь, вы изучали социологию? — спросил он у мисс Дженкс.

— А если и так?

— Я ожидал встретить более профессиональное отношение к методам психотерапии от женщины с вашим образованием и воспитанием.

— Я и не имею в виду психотерапевтическую практику. Я говорю о практике совсем другого рода.

— Какой именно?

— У меня язык не повернется ответить на ваш вопрос.

Но, пожалуйста, не думайте, что я не знала свою сестру и не была в курсе того, что происходит в ее жизни. Я еще помню кое-что: например, как она наряжалась и прихорашивалась по утрам каждую субботу, прежде чем отправиться в город. А затем с нетерпением шла сюда, чтобы быть поближе...

— Поближе ко мне?

— Так она мне сказала.

Годвин побледнел, словно его темные глаза вобрали в себя все краски его лица.

— Вы глупая женщина, мисс Дженкс, и я достаточно вас наслушался. А теперь попрошу вас покинуть лечебницу.

— Я останусь здесь, пока не увижусь с племянницей. Я хочу знать, что вы практикуете с ней.

— Это причинит ей вред. В вашем теперешнем настроении вы никому не способны принести ничего, кроме вреда. — Доктор обогнул мисс Дженкс и распахнул дверь. — Доброй ночи.

Мисс Дженкс даже не взглянула на него. Опустив голову, она стояла, ослепленная бушевавшим в ней гневом.

— Вы ждете, чтобы вас выдворили силой?

— Попробуйте. Будете отвечать перед судом.

Но на ее лице уже не было прежней самоуверенности. Рот ее кривился и дергался. Она явно жалела, что была так несдержанна.

Когда я взял ее под руку со словами: «Пойдемте, мисс Дженкс», она безропотно позволила отвести себя к выходу. Годвин закрыл за ней дверь.

— У меня никогда не хватало терпения на дураков, — проговорил он.

— Тем не менее найдите немного терпения для меня, доктор, прошу вас.

— Я попробую, Арчер. — Он сделал глубокий вдох, потом медленно с натугой выдохнул. — Вы хотите знать, есть ли хоть толика правды в ее болтовне?

— Вы облегчаете мне задачу.

— Почему бы нет? Я люблю правду. Вся моя жизнь — это поиск истины.

— О'кей, была ли Констанция Макги влюблена в вас?

— Думаю, да, по-своему. Пациентки традиционно влюбляются в своих врачей, особенно в моей области. В ее случае влюбленность не была долгой.

— Возможно, следующий вопрос поразит вас своей глупостью, но скажите, любили ли вы ее?

— Я дам вам столь же глупый ответ, мистер Арчер. Конечно, я любил ее. Я любил ее так, как врач любит своих пациентов, если он вообще на что-нибудь годен как врач. В такой любви больше не эротического, а отеческого чувства.— Он положил свои большие руки на грудь, словно желая показать, что говорит от чистого сердца.— Я хотел служить ей. У меня не слишком хорошо получилось.

Мне больше нечего было сказать.

— А теперь, джентльмены, с вашего позволения, я покину вас, мне еще предстоит утренний обход.— Он покачал связкой ключей на пальце.

Едва мы вышли на улицу, Алекс спросил:

— Вы ему верите?

— До той поры, пока не получу доказательств, что он лжет. Он не сказал всего, что знает, но люди вообще редко бывают откровенными до конца, особенно врачи. Во всяком случае, ему я верю больше, чем Алисе Дженкс.

Он уже поставил ногу в машину, но вдруг повернулся ко мне и указал рукой в направлении лечебницы. Ее гладкий прямоугольный фасад маячил в тумане, как какой-нибудь блокгауз, видимая часть огромной подземной крепости.

— Как вы думаете, мистер Арчер, она здесь в безопасности?

— В большей безопасности, чем на улице, или в тюрьме, или в палате для умалишенных под наблюдением полицейского психиатра, засыпающего ее вопросами.

— Или в доме своей тетушки?

— Или в доме своей тетушки. Мисс Дженкс являет собой тот тип праведных женщин, у которых правая рука не ведает, что творит левая. Она суцая тигрица.

Его глаза по-прежнему не отрываясь смотрели на фасад лечебницы.

Откуда-то из глубины здания донесся безумный старческий вой, который я слышал еще утром. Он замер, как крик пролетевшей чайки, подхваченный ветром.

— Как бы я хотел остаться с Долли и заботиться о ней,— сказал Алекс.

«Все-таки он славный парень»,— подумал я.

Я заговорил с ним о деньгах. Он отдал мне почти все, что у него было в бумажнике. Этого хватало на билет до Чикаго и обратно. Я успевал на поздний рейс из аэропорта «Интернэшнл».

Я свернул с частной дороги, огибавшей Бриджтон, и погнал взятую напрокат машину через жилые кварталы городского предместья. Впереди виднелись плоские, словно отпиленные, верхушки тесно стоящих небоскребов деловой части города, а левее, по ту сторону всей его южной части, — заводы. В это воскресное утро только одна из многочисленных труб дымила в бездонную голубизну неба.

Я остановился у станции техобслуживания, чтобы заправить машину, и разыскал адрес Эрла Хоффмана в телефонной книге. Когда я спросил техника, как проехать на Черри Стрит, где жил Хоффман, тот неопределенно махнул рукой в сторону заводов.

Черри Стрит оказалась улицей для людей со средним достатком. Дома здесь стояли солидные, двухэтажные. Волна запустения, катящаяся от центра любого города к окраинам, коснулась ее, но не захлестнула целиком. Дом Хоффмана, как и все другие, был сложен из некогда белого кирпича, в который теперь навсегда въелась уличная пыль и копоть; правда, крыльцо показалось мне покрашенным еще на памяти кого-то из его нынешних обитателей. Старый «шевроле»-купе стоял у обочины напротив дома.

Дверной звонок не работал. Я постучал по железной решетке, преграждавшей вход. Старообразного вида молодой человек с огромным носом и крошечным подбородком открыл дверь и печально посмотрел на меня сквозь металлические прутья.

— Мистер Хаггерти?

— Да.

Я назвал ему свое имя, род занятий и откуда я приехал.

— Я виделся с вашей женой — вашей бывшей женой — незадолго до того, как ее убили.

— Это ужасно.

Он с отрешенным взглядом стоял в дверях, забыв пригласить меня в дом. Вид у него был неприбранный и такой измученный, словно он не ложился всю ночь. Хотя в волосах я седины не заметил, в его однодневной щетине поблескивали белые волоски. Маленькие глаза горели тем внутренним светом, какой бывает у людей, когда они глубоко и мучительно страдают.

— Могу я войти, мистер Хаггерти?

— Думаю, эта идея не самая удачная для данного момента. Эрл чувствует себя совсем разбитым.

— Я полагал, он и его дочь уже давно жили порознь.

— Так и было. Теперь ему от этого только хуже, как мне кажется. Если вы сердитесь на человека, которого

любите, в глубине души вы всегда ждете, что когда-нибудь настанет день примирения. Но после того, что произошло, уже никогда ничего не изменится.

Он говорил о своем тесте, но при этом, конечно же, имел в виду и себя. Его руки бесцельно двигались вдоль туловища. На пальцах правой были видны темно-желтые пятна от никотина.

— Мне очень жаль, — сказал я, — что мистер Хоффман плохо себя чувствует. Но, боюсь, я должен поговорить с ним даже в этом случае. Для простой автомобильной прогулки отсюда до Калифорнии далековато.

— Да-да, разумеется. А о чем вы хотите с ним побеседовать?

— Об убийстве его дочери. Он может помочь мне понять его.

— Я полагал, дело уже раскрыто.

— Еще нет.

— Значит, с той студентки сняли все подозрения?

— Все к этому идет, — сказал я с нарочитой небрежностью. — Мы с вами можем попозже поговорить на эту тему. А сейчас я бы очень хотел увидеться с мистером Хоффманом.

— Ну, если вы настаиваете. Только я сомневаюсь, что вам удастся извлечь из его слов какой-либо толк.

Я понял, что он имел в виду, когда он провел меня через весь дом в комнату, которую называл «берлогой Эрла». Из мебели в «берлоге» имелись: шведское бюро с откидывающейся крышкой, кресло и тахта. Сквозь завесу табачного дыма, пропитавшегося парами виски, я разглядел на тахте крупного старика в оранжевой пижамной паре; он развалился там, положив под голову валик. Сильный свет лампы для чтения падал на его застывшее лицо. Глаза, казалось, немного косили, тем не менее в руке он держал журнал в оранжевой обложке — обложка была почти того же цвета, что и пижама. Стену над тахтой украшали ружья, карабины и пистолеты.

— «Как помяну в сердце весну — катятся слезы», — хрипло произнес он.

Старые полицейские так не говорят, и Эрл Хоффман с виду не должен был составлять исключения. Его массивное тело вполне могло принадлежать профессиональному футболисту¹ или борцу, удалившемуся на покой. Нос его когда-то, видимо еще в молодости, сломали. Седые волосы

¹ Имеется в виду американский футбол.

были коротко подстрижены, рот напоминал изогнутую железку.

— Это прекрасные стихи, Берт,— выговорил железный рот.

— Наверное, так и есть.

— Кто этот твой друг, Берт?

— Мистер Арчер, из Калифорнии.

— Из Калифорнии, стало быть? Как раз в Калифорнии мою бедную маленькую Элен и подстрелили.

Он всхлипнул — или икнул. Затем, качнувшись, сел на край тахты, и его голые ноги тяжело упали на пол.

— Вы знаете... вы знали мою дочурку, мою Элен?

— Я знал ее.

— Ну разве это не замечательно! — Он поднялся, все так же покачиваясь, и обеими руками уцепился за мои руки, чтобы я не дал ему упасть.— Элен была замечательной девушкой. Я как раз читал одно из ее стихотворений. Она написала его еще подростком, еще когда ходила в городской колледж. Вот я вам сейчас покажу.

Он добросовестно занялся поисками оранжевого журнала, который лежал на полу на самом виду, там, где он его уронил, вставая. Журнал назывался «Бриджтонский Блейзер» и по виду напоминал школьное издание.

Хаггерти поднял его и протянул Хоффману со словами:

— Пожалуйста, не беспокойтесь так из-за этого, Эрл. Все равно это не Элен его написала.

— Не Элен написала? Конечно, это она его написала, тут и говорить нечего. Вот здесь стоят ее инициалы.— Хоффман зашелестел страницами.— Видишь?

— Но она просто переводила из Верлена.

— Никогда о таком не слышал.— Хоффман повернулся ко мне, сунув журнал мне в руки.— Вот, читайте здесь. Увидите, какой удивительный дар был у моей маленькой бедной Элен.

Я прочел:

Издадека
Льется тоска
Скрипки осенней —
И, не дыша,
Стынет душа
В оцепененьи.

Час прозвенит —
И леденит
Отзвук угрозы,
А помяну

В сердце весну —
Катятся слезы.

И до утра —
Злые ветра
В жалобном вое
Кружат меня,
Словно гоня
С палой листвою¹. — Э. Х.

Хоффман обратился на меня один из своих косящих глаз.

— Разве это не прекрасное стихотворение, мистер Артур?

— Прекрасное.

— Жаль только, я его не понимаю. Вы его понимаете?

— Думаю, что да.

— Тогда возьмите его себе. Храните его в память о бедной маленькой Элен.

— Я не могу этого сделать.

— Можете, можете. Берите. — Он выхватил журнал у меня из рук, свернул его в трубку и сунул в карман моего пиджака, дыша мне в лицо перегаром.

— Возьмите, — шепнул из-за плеча Хаггерти. — Нельзя его сердить.

— Слышали, что он сказал? Нельзя меня сердить.

Хоффман пьяно ухмыльнулся. Потом сжал левый кулак, внимательно осмотрел его, будто оценивая, и воспользовался им, чтобы ударить себя в грудь. Широко ставя ноги, он прошел к бюро и откинул крышку. Внутри оказались бутылки и один-единственный захватанный грязными пальцами стакан. Он наполнил его до половины бурбоном из бутылки и одним глотком проглотил почти всю порцию. Его зять что-то пробормотал себе под нос, но даже не пошевелился, чтобы остановить его.

От выпитого у Хоффмана на лице заблестели капельки пота. Впечатление было такое, что он немного протрезвел. Его глаза наконец поймали меня в фокус.

— Хотите выпить?

— Да. Если можно, мне с водой и льдом, пожалуйста. — Обычно я не пью по утрам, но это был необычный случай.

— Принеси лед и второй бокал, Берт. Мистер Артур желает выпить. Если ты строишь из себя черт те что, отказываясь выпить со мной, то мистер Артур не таков.

— Мое имя Арчер.

¹ Перевод А. Гелескул.

— Принеси два бокала,— распорядился он с глупой ухмылкой.— Мистер Арчер тоже выпьет. Садитесь,— обратился он ко мне.— Пусть ваши ноги отдохнут немного. Расскажите мне про бедную маленькую Элен.

Мы сели на тахту. Я быстро посвятил его в обстоятельства убийства, включая угрозу, которая ему предшествовала, и предчувствие Элен, что Бриджтон вот-вот ее настигнет.

— Что она хотела этим сказать? — Подобие улыбки по-прежнему сохранялось на его лице, напоминая клоунский грим, но сам рот вдруг превратился просто в дыру и так и застыл.

— Я проделал длинный путь, чтобы узнать, не поможете ли вы мне ответить на этот вопрос.

— Я? Зачем было ехать ко мне? Я никогда не знал, что происходит у нее в голове, она не пускала меня туда. Она была слишком умна для меня.— Настроение у него изменилось, теперь его обуревала пьяная жалость к себе.— Я выматывался и из кожи лез, чтобы дать ей образование, какого у меня никогда не было, но она и денька не хотела выкроить для своего несчастного отца.

— Насколько я понимаю, между вами произошла крупная ссора, и она ушла из дому.

— Стало быть, она вам рассказала?

Я кивнул, решив не упоминать здесь имени миссис Хоффман. Эрл принадлежал к тому типу людей, которые не терпят, чтобы жена хоть в чем-то оказывалась впереди них.

— Она говорила, как она называла меня тогда? Лжецом и нацистом. А ведь я только выполнял свои прямые обязанности. Вы сами полицейский, вы понимаете, что это значит, когда тебя предает твоя родная семья.— Он искоса взглянул на меня.— Вы ведь полицейский, не так ли?

— Я был им.

— Чем же вы теперь занимаетесь?

— Частным сыском.

— Кто вас сейчас нанял?

— Человек по имени Кинкейд, вы его не знаете. Я был немного знаком с вашей дочерью, и я лично заинтересован в том, чтобы найти ее убийцу. Мне кажется, разгадка может быть скрыта здесь, в Бриджтоне.

— Не вижу, каким образом. Элен двадцать лет не показывалась в этом городе, до прошлой весны. Тогда она приезжала домой, чтобы сказать матери, что разводится.

С ним. — Он махнул рукой в глубь дома, откуда доносился треск: Хаггерти колот лед.

— А с вами она совсем не разговаривала?

— Я и видел-то ее лишь раз. Она бросила мимоходом «привет-как-здоровье», и на этом все кончилось. Матери она сообщила, что с Бертом она жить больше не может, и та не смогла ее отговорить. Берт даже поехал за ней в Рино, чтобы постараться вернуть ее, да только все напрасно. Не настолько он мужик, чтобы удержать женщину.

Хоффман допил свой бокал и поставил его на пол. С минуту он так и сидел, наклонившись вперед, и я уже начал опасаться, что его стошнит или что он отключится. Но он вернулся в исходное положение и пробормотал неразборчиво, что, конечно же, хотел бы мне помочь.

— Прекрасно. Кто такой Люк Делони?

— Мой приятель. До войны был в городе большим человеком. Она вам и о нем рассказала, да?

— Вы бы могли дополнить ее рассказ, лейтенант. Я слышал, у вас память, как у слона.

— Это Элен так сказала?

— Да, — солгал я, не моргнув глазом. Совесть даже не шелохнулась.

— По крайней мере, кое-какое уважение к своему старику у нее оставалось, а?

— И немалое.

Он вздохнул с огромным облегчением. Потом это чувство исчезнет, как исчезает все, когда человек крепко пьет, чтобы заглушить свой внутренний голос. Но сейчас он был счастлив. Он поверил, что дочь уступила очко в их неприимимой борьбе длиною в жизнь.

— Люк родился в тысяча девятьсот третьем на Спринг Стрит, — размеренно начал он, — в квартале две тысячи сто, ближе к южной окраине, за два квартала от дома, где жил я, когда был мальчишкой. Я знал его по школе. Он был из тех детей, которые разносят газеты, чтобы на заработанные деньги купить каждому однокласснику подарок ко дню Святого Валентина. Вы не поверите, он действительно так и делал. Директор водил его по разным местам, чтобы показать, как этот парень считает в уме. Голова у него на плечах была что надо, это я вам точно говорю. Подавал большие надежды.

Старик Делони был отделочником, работал с цементом, а после мировой войны цемент в строительстве встал на первое место. Люк на накопленные деньги купил себе

мешалку и сам вошел в дело. В двадцатые годы он набрал силу. Было время, когда в разных концах штата на него работало до пяти тысяч человек. Даже Великая депрессия его не сломала. Он ведь был не простым строителем, голова у него здорово варила на предмет всяких махинаций. В те дни заработать можно было только на государственных подрядах, поэтому он все силы бросил на то, чтобы заключить контракты с федеральными властями и с властями штата. Женился он на дочке сенатора Осборна, что ему тоже не повредило.

— Я слышал, миссис Делони еще жива.

— Жива, это я вам точно говорю. Она сейчас живет в доме, который сенатор построил в квартале тысяча девятьсот один на Гленвью Авеню в северной части города. Номер сто три, если не ошибаюсь.— Он очень старался оправдать свою репутацию ходячей энциклопедии.

Я отметил в уме улицу и номер дома. Предшествуемый легким позвякиванием, в комнате появился Берт Хаггерти: он нес на оловянном подносе лед, содовую и бокалы. Я освободил место на крышке бюро, и он поставил туда свою ношу. Поднос когда-то принадлежал гостинице «Бриджтон Инн».

— Что-то ты задержался,— проворчал Хоффман.

Хаггерти сразу напрягся. Его глаза перегруппировались и расположились поближе к носу.

— Не говорите со мной так, Эрл. Я не слуга.

— Если тебе не нравится, как с тобой разговаривают, ты знаешь, что можешь сделать.—

— Я понимаю, что вы пьяны, но есть же предел...

— Кто пьян? Я не пьян.

— Вы пьете уже сутки напролет.

— Ну и что? Человек имеет право залить свое горе вином. Но голова у меня ясная, как хрустальный колокольчик. Спроси хотя бы мистера Артура. Мистер Арчер!..

Хаггерти невесело рассмеялся. Смех получился высокий, очень неприятный, и я постарался заглушить его, радостно сообщив:

— Лейтенант повествует мне о делах давно минувших дней. Память у него, как у слона.

Но добродушное настроение Хоффмана исчезло безвозвратно. Он неуклюже поднялся и двинулся на нас. Его левый глаз смотрел на меня, а правый — на Хаггерти. Я почувствовал себя в одной клетке с больным медведем и его хранителем.

— Что тебя так развеселило, Берт? Мое горе кажется

тебе смешным, так, что ли? Ее бы не убили, если бы ты оказался мужчиной и сумел удержать ее дома. Почему ты не привез ее обратно, когда вернулся из Рино?

— Нельзя во всем винить меня одного, — боязливо огрызнулся Хаггерти. — Я уживался с ней лучше, чем вы. Если бы она не страдала навязчивой идеей, что ее отец...

— Не надо пудрить мне мозги, ты, вшивый интеллигент. Интеллигент-импотент. Импотентный интеллигент. Не думай, что ты один знаешь слова подлиннее трех букв. И прекрати называть меня Эрл. Мы не родственники. Моя бы воля, мы бы никогда ими и не были. Так вот, мы даже не родственники, а ты приходишь в мой дом, шпионишь за мной, за моими привычками. Что ты, как старая сводня, вьешься тут?

Хаггерти онемел. Он в растерянности смотрел на меня.

— Я тебе шею сверну, — пообещал ему тесть.

Я вклинился между ними.

— Давайте обойдемся без грубостей, лейтенант. Это будет скверно выглядеть в полицейском протоколе.

— Эта мелочь посмела обвинить меня. Он сказал, что я пьян. Скажи ему, что он ошибается. Заставь его извиниться.

Я повернулся к Хаггерти, подмигнув ему.

— Лейтенант Хоффман трезв, Берт. Он сам управится с подносом. А вам лучше убраться отсюда, пока чего не вышло.

Хаггерти с радостью подчинился. Я вышел за ним в холл.

— Это с ним уже в третий или четвертый раз, — сообщил он мне, понизив голос. — Я не хотел заводить его.

— Пусть немного поостынет. Я посижу с ним. Но потом мне бы хотелось поговорить с вами.

— Я подожду в машине.

Я вернулся в медвежью клетку. Хоффман сидел на краю тахты, подперев голову руками.

— Все медленной скоростью пошло к черту, — проговорил он. — Эта баба Берт Хаггерти действует мне на нервы. Ума не приложу, что он тут все вынюхивает. — Эрл опять подобрел. — Вы меня, однако, не покинули. Наливайте себе, не стесняйтесь.

Я смешал себе легкий хайболл и отнес его к тахте. Хоффману я ничего не предложил. Возможно, в вине и кроется истина, но в виски, в том его количестве, которое поглощал Хоффман, могла скрываться только армия крыс, готовых — после очередного глотка — ринуться на вас.

— Вы рассказывали мне о Люке Делони и о том, как он рос.

Старый полицейский неприязненно покосился на меня.

— Не знаю, с чего это вы так интересуетесь Дюком. Он умер двадцать два года назад. Двадцать два года и три месяца. Он застрелился, но, я так понимаю, вам это известно, а? — На мгновение его глаза трезво и цепко посмотрели мне в лицо.

Глядя прямо на них, я спросил:

— Между Элен и Делони было что-нибудь?

— Нет, он ее не интересовал. Она втюрилась в мальчишку-лифтера Джорджа. Я должен был сразу догадаться: это она заставила меня устроить его на эту работу. Я в то время, как бы это сказать, приглядывал за домом Делони. Люк Делони и я, мы с ним жили вот так.

Он попытался скрестить средний палец с указательным. Но тот упорно соскальзывал. Наконец ему удалось удерживать их вместе, прибегнув к помощи другой руки. Пальцы были толстые и все в крапинах, как сырые колбаски к завтраку.

— Делони был не прочь приволокнуться за хорошенькой юбкой, — снисходительно проговорил он, — но он не путался с дочерьми своих друзей. Да он и внимания не обращал на молодых девчонок. Его жена была старше его лет на десять. И уж мою-то дочь он бы не тронул. Он знал, что тогда я убью его.

— И вы убили?

— Это паршивый вопрос, мистер. Если бы вы мне не так понравились, я вышиб бы из вас дух.

— Я не хотел вас обидеть.

— Я ничего не имел против Люка Делони. Он обходился со мной честно и по справедливости. Да и к тому же я говорил вам, он застрелился.

— Самоубийство?

— Не-ет. С чего ему было кончать жизнь самоубийством? Он имел все: деньги, женщин, охотничий домик в Висконсине. Я сам не раз гостил там по его личному приглашению. Нет, тот выстрел был несчастным случаем. Так тогда записали во время дознания — так это и осталось до сих пор.

— Как это произошло, лейтенант?

— Он чистил свой пистолет тридцать второго калибра. У него было разрешение на ношение оружия — я сам помог ему получить его, потому что ему приходилось иметь дело с крупными суммами денег. Обойму он тогда вынул,

но, должно быть, забыл про патрон, что остался в стволе. Пуля угодила ему прямо в лицо.

— В каком месте...

— В правый глаз.

— Я имел в виду, где это произошло?

— В спальне. Он оставил за собой пентхауз¹ на одном из построенных им многоквартирных домов. Мы там час-тенко выпивали вместе. «Грин Ривер» довоенного розлива, сынок. — Он хлопнул меня по колену и обнаружил, что бокал в моей руке еще полон. — Пей смелее.

Я залпом выпил примерно полбокала. Его содержимое не было похоже на «Грин Ривер» довоенного розлива.

— Делони был пьян, когда это случилось?

— Да, думаю, был. В оружии он разбирался. Будь он трезв, он вряд ли допустил бы такую оплошность.

— С ним был кто-нибудь в тот момент?

— Нет.

— Вы можете быть в этом уверены?

— Я могу быть в этом уверен. Я руководил расследованием.

— У него в квартире жил кто-нибудь в то время?

— Нет. По крайней мере, постоянно. Люк Делони встречался тогда с несколькими женщинами. Я проверил их всех: когда это произошло, ни одна не была к его дому ближе, чем на милю.

— А что за женщины?

— Самые разные, от уличных девок до респектабельных замужних леди. Их имена тогда не фигурировали в деле, не появятся они там и сейчас.

В его голосе послышалась угроза. Я не стал дальше развивать эту тему. Не то чтобы я в самом деле боялся Хоффмана, я был моложе по меньшей мере лет на пятнадцать и не так накачан алкоголем, но если бы он бросился на меня, мне, возможно, пришлось бы сильно его ударить, а мне этого не хотелось.

— А как насчет миссис Делони? — спросил я.

— А что насчет нее?

— Где находилась она?

— Дома, на Гленвью. Они жили, так сказать, отдельно. Миссис Делони была против развода.

— Если ее не устраивал развод, то, могло стать, устраивало убийство?

Хоффман воинственно повел плечами:

¹ Жилое помещение, как правило, роскошное, на крыше дома.

— Вы намекаете, что я замаял убийство?
— Я ни в чем вас не обвиняю, лейтенант.
— Лучше и не пробуйте. Запомните, я полицейский — это во-первых, во-вторых и в-последних. — Он поднял кулак и покрутил им у себя перед глазами, разглядывая, как какой-то неизвестный предмет. — Всю свою жизнь я был хорошим полицейским. В расцвете лет, черт возьми, я был лучшим полицейским, какого когда-либо видел этот городишко. За это надо выпить. — Он поднял свой бокал. — Присоединитесь ко мне?

Я ответил, что присоединюсь непременно. Мы словно в крошечной тьме двигались к неизбежному столкновению. Алкоголь мог его смягчить. Я допил свой коктейль и протянул ему бокал. Он до самых краев наполнил его неразбавленным виски. Потом налил себе. Сев на тахту, он устоялся на коричневую жидкость в стакане, словно это был колодец, в котором сгинула его жизнь.

— Пьем до дна, — произнес он.

— Может быть, не стоит, лейтенант? Вы же убьете себя. — Уже произнося эти слова, я вдруг понял, что, возможно, именно этого он и добивается.

— Вы кто, еще одна баба в штанах? До дна.

Он залпом осушил бокал, и его всего передернуло. Я по-прежнему держал свой в руке. Через некоторое время он это заметил.

— Ты не выпил свой бокал. Ты чего добиваешься? Пытаешься меня надуть? Оскорбить мое ость... гостепр-р-р... — Его губы плохо повиновались ему. Он так и не смог выговорить этого слова и замолчал.

— Я не хочу вас обидеть, лейтенант, но я приехал сюда не на хмельную вечерушку. У меня есть серьезное намерение разыскать убийцу вашей дочери. Если предположить, что Делони убили...

— Никто его не убивал.

— Но если предположить, что его убили, то тот же самый человек мог убить и Элен. После всего, что я слышал от нее и от других людей, это кажется мне вполне вероятным. А вам?

Его сознание сейчас, должно быть, разделилось на три части: опьяневшую плаксиво-сентиментальную, столь же пьяную жестокую и, наконец, трезвую разумную, скрытую в самой глубине. Я старался подчинить себе все три.

— Смерть Делони была несчастным случаем, — сказал он упрямо и твердо.

— Элен так не думала. Она утверждала, что его убили и что ей хорошо известен свидетель этого убийства.

— Она лгала и пыталась облить меня грязью. Ей ничего на свете так не хотелось, как облить своего старого отца грязью.

Его голос поднялся до крика. Слова, будто мячики, запрыгали по комнате. Он уронил пустой стакан на коврик и сжал кулак, который, видимо, служил ему главным инструментом для выражения своих чувств. Я приготовился парировать удар, но он предназначался не мне.

Хоффман несколько раз тяжело ударил себя в лицо: по глазам, по щеке, по губам и снизу в челюсть. Кулак оставил на землистой коже красные отметины, нижняя губа оказалась разбита.

Глотая кровь, Хоффман проговорил:

— Я избил мою бедную маленькую дочурку. Выжил ее из дому. Она ушла, ушла навсегда.

Огромные слезы, прозрачные, как чистый спирт или как неподдельная скорбь, покатались из припухших глаз по избитому лицу. Хоффман боком повалился на тахту. Он не умер. Здоровое сердце продолжало размеренно биться. Я закинул на тахту его ноги — они оказались тяжелыми, как мешки с песком, — и сунул валик ему под голову. Уставившись открытыми, ничего не видящими глазами прямо на свет, он сразу захрапел.

Я подошел к бюро, опустил крышку. Ключ торчал в замке. Повернув его, я запер спиртное, погасил свет и унес ключ с собой.

Берт Хаггерти с усталым видом сидел в своем «шевроле». Я уселся рядом и протянул ему ключ.

— Что это?

— Ключ от бюро с виски. Пусть он побудет у вас. Хоффман уже дошел до точки.

— Он вас вышвырнул?

— Нет. Он отключился, когда изо всей силы колотил себя по лицу.

Хаггерти вскинул в мою сторону свой длинный чувствительный нос.

— С чего бы это Эрлу вытворять такое?

— Похоже, он наказывает себя за то, что как-то раз, много лет назад, он ударил свою дочь.

— Элен рассказывала мне про тот случай. Эрл обра-

щался с ней по-скотски, пока она не уехала. Этого я ему не могу простить.

— Он сам себе не может этого простить. А Элен не говорила, из-за чего они так ссорились?

— Говорила, но как-то очень неопределенно. Кажется, это было связано с каким-то убийством здесь, в Бриджтоне. Элен считала — или притворялась, что считала, — будто ее отец нарочно отпустил убийцу.

— Почему вы говорите «притворялась»?

— Моя дорогая покойная жена, — сказал он, морщась от этих слов, — искренне увлекалась театром, особенно в юные годы.

— Вы знали ее до того, как она уехала из Бриджтона?

— Несколько месяцев. Я познакомился с ней в Чикаго на вечере в Гайд-парке. Когда она ушла из дома, я помог ей устроиться начинающим репортером. Я тогда работал в Бюро городских новостей. Но, как я уже говорил, Элен скучала без головокружительных поворотов в судьбе; и если в ее жизни не происходило ничего, что удовлетворяло бы ее страсть к драматическим эффектам, она сама вызывала такие события или притворялась, что они произошли. Ее любимым персонажем была Мата Хари, — сказал он со смешком, который звучал как всхлипывание.

— Значит, вы думаете, что она сочинила для себя это убийство?

— В то время, пожалуй, я так и думал, поскольку совершенно не принял ее слов всерьез. Теперь у меня нет определенного мнения на этот счет. А это важно?

— Может оказаться очень важным. Элен когда-нибудь говорила с вами о Люке Делони?

— О ком?

— О Люке Делони. Так звали человека, который погиб здесь. Он был владельцем дома, где жил Эрл со своей семьей, и сам занимал дом на крыше.

Перед тем как ответить, Хаггерти закурил сигарету. Его первые слова появились вполне зримыми, в виде клубочков табачного дыма.

— Такого имени я не припомню. Если она и говорила о нем, то это, очевидно, не произвело на меня особого впечатления.

— Ее мать полагает, что Элен была влюблена в Делони.

— Миссис Хоффман очень хорошая женщина, и я люблю ее как мать, но иногда ей в голову приходят самые нелепые идеи.

— Откуда вы можете знать, что эта идея действительно нелепая? Элен любила вас в то время?

Он глубоко затянулся сигаретой, как грудной младенец, сосущий пустую бутылку. Огненное колечко быстро добежало до желтых пальцев. С неожиданным раздражением он швырнул окурок на улицу.

— В меня она никогда не была влюблена. Одно время я был ей полезен. Позже стал ее последним шансом. Верным спутником. Последней заправкой горючим перед долгим путешествием через пустыню.

— Пустыню?

— Пустыню любви. Пустыню нелюбви... Однако я не собираюсь углубляться в долгую и скучную историю моего брака с Элен. Он не был счастливым ни для нее, ни для меня. Я любил ее, насколько я вообще способен любить, но она меня не любила. Пруст пишет, что это всегда так. Этой осенью я буду читать Пруста своей группе второкурсников, — если только отыщу в себе силы вернуться на преподавательскую работу.

— Кого любила Элен?

— Это зависит от того, какой год вас интересует. Какой месяц какого года. — Он сидел неподвижно, но при этом истязал себя не менее яростно, чем Эрл: он наотмашь бил себя по лицу горькими, злыми словами.

— Я говорю о самом начале, перед отъездом из Бриджтона.

— Не знаю, можно ли назвать это любовью, но она была глубоко привязана к одному сокурснику из городского колледжа. Отношения у них складывались чисто платонические, как это часто бывает у талантливых молодых людей, по крайней мере, раньше бывало. Большая часть времени, проведенного вместе, уходила у них на чтение друг другу своих и чужих произведений. Если верить Элен, до постели у них дело не дошло. Я вполне уверен, что она была еще девственницей, когда мы познакомились.

— Как его звали?

— Боюсь, что уже не вспомню. Типичный случай подавления по Фрейд.

— Вы можете его описать?

— Я никогда его не видел. В моей жизни это мифический персонаж. Но он определенно не тот неуловимый убийца, которого вы разыскиваете. Элен была бы счастлива, если бы ее отец отпустил его. — Хаггерти ушел от болезненных воспоминаний, и тон его был теперь почти легкомысленным, словно он рассказывал о героях какой-то

пьесы или смотрел фильм на потолке в кабинете дантиста. — Кстати, об убийстве, — кажется, именно с этого начался наш разговор — вы собирались посвятить меня в обстоятельства смерти моей бывшей жены. Она теперь совсем бывшая, не так ли? Даже, можно сказать, бывшая...

Я оборвал эту печальную ахинею и рассказал ему обо всем довольно подробно, упомянув о человеке из Рино, скрывшемся в тумане, и о моих попытках установить его личность.

— Эрл сказал мне, что прошлым летом вы ездили в Рино, чтобы повидать свою жену. Вы там встречались с кем-нибудь из ее знакомых?

— Неужели нет! Элен даже сыграла со мной шутку, использовав парочку из них. Она, видимо, задалась тогда целью исключить для меня всякую возможность поговорить с ней наедине. Мы провели вместе один-единственный вечер, и она настояла, чтобы нас все равно было четверо, пригласив эту Салли, забыл ее фамилию, и ее так называемого брата.

— Салли Бурк?

— Да, кажется, да. Самое ужасное заключалось вот в чем: Элен устроила так, что я оказался кавалером этой самой Бурк. Не скажу, чтобы она была непривлекательной женщиной, но у нас с ней не нашлось ничего общего, да и в любом случае я хотел поговорить не с кем-то, а с Элен. Но Элен провела весь вечер резвясь и танцуя с братом. Я всегда с подозрением относился к людям, которые слишком хорошо умеют танцевать.

— Расскажите мне поподробнее об этом брате. Он может оказаться тем, кого мы ищем.

— Что ж, он с первого взгляда показался мне гнусным типом, законченным прощельгой. Допускаю, что это могла быть спроецированная зависть. Он был моложе меня, здоровее и симпатичнее. Кроме того, Элен, казалось, с восхищением слушала его болтовню, которую я считал совершенно пустой: машины, лошади, скачки, азартные игры. Как столь образованная женщина, какой являлась Элен, могла найти что-то интересное в таком... — ему наскучило это предложение, и он не стал его договаривать.

— Они были любовниками?

— Откуда мне знать? Она передо мной не исповедовалась.

— Но вы, конечно, и без этого хорошо знали свою жену.

Он закурил еще одну сигарету и выкурил сразу половину.

— Я бы сказал, что они не были любовниками. Так, весело проводили время. Ну и, конечно, она использовала его, чтобы посильнее досадить мне.

— За что?

— За то, что я ее муж. Был ее мужем. Мы с Элен плохо расстались. В Рино я попытался восстановить наш брак, но это даже отдаленно не заинтересовало ее.

— Из-за чего ваш брак распался?

— В нем с самого начала была глубокая трещина. — Он взглянул мимо меня на дом, где остался лежать без чувств Эрл Хоффман, раздавленный тяжестью прошлого. — И дальше было только хуже. Виноваты мы оба. Я не мог перестать цепляться к ней, а она не могла перестать... делать то, что делала.

Я сидел, и ждал, и слушал. В разных концах города зазвонили церковные колокола.

— Она была шлюхой, — сказал Хаггерти. — Шлюхой из студенческого городка. Она встала на эту дорожку, когда я отвел ее за руку в рощу Гайд-парка — ей тогда было всего девятнадцать. Дальше она пошла уже без моей помощи. Кончилось тем, что она стала брать за это деньги.

— От кого?

— От тех, у кого они были, естественно. Моя жена была продажной женщиной, мистер Арчер. Я сам отчасти сделал ее такой, поэтому не имею права судить ее. — В его глазах стояла боль, которая пришла к нему вместе с прозрением.

Мне стало жаль этого человека. Но жалость не помешала мне спросить:

— Где вы были в пятницу вечером?

— Дома на Мапл Парк, в нашей... в моей квартире, проверял студенческие работы.

— Вы можете это доказать?

— Для доказательства у меня есть проверенные сочинения. Они были переданы мне в пятницу, и отметка датирована вечером того же дня. Надеюсь, вы не вообразили себе, что я совершил нечто столь фантастическое, как перелет в Калифорнию и обратно?

— Когда убивают женщину, ее разведенному мужу всегда зададут вопрос, где он находился в момент убийства. *Cherchez la femme*¹ наоборот.

¹ Ищите женщину (франц.).

— Что ж, вы слышали мой ответ. Можете проверить его, если хотите. Но вы сэкономите силы и время, поверив мне на слово. Я был с вами откровенен — даже необычно откровенен.

— Я ценю это.

— И однако вы поворачиваете на сто восемьдесят градусов и обвиняете меня в убийстве...

— Вопрос — это еще не обвинение, мистер Хаггерти.

— Он содержит намек на него, — сказал он огорченно и немного обиженно. — Я думал, вы подозреваете человека из Рино.

— Он один из нескольких подозреваемых.

— А другой — это я?

— Давайте оставим этот разговор, идет?

— Вы сами его начали.

— А теперь я его закрываю. Возвращаясь к человеку из Рино, вы не вспомните его имени?

— Меня с ним, конечно, познакомили, но фамилию я не запомнил. Та женщина называла его Джад. Я не уверен, было это имя или прозвище.

— Почему вы говорили о нем как о ненастоящем брате миссис Бурк?

— Мне сразу бросилось в глаза, что они не похожи на брата и сестру. Они вели себя по отношению друг к другу... м-м... ну, как близкие друзья, которые с удовольствием помогают Элен проверить ее шутку. Я, например, перехватил один-два заговорщицких взгляда.

— Вы не могли бы подробнее описать внешность мужчины?

— Попробую. Зрительная память у меня не очень хорошая. Хорошо я запоминаю только слова.

Но, спрашивая и переспрашивая, я помог ему создать нужный образ: возраст тридцать два — тридцать три года, рост сто восемьдесят с небольшим, вес около восьмидесяти килограммов, мускулистый и подвижный, красивый, но на вполне обычный манер, редющие черные волосы, карие глаза, шрамов нет. На нем был легкий серый костюм из шелка или искусственного шелка и низкие остроконечные туфли, какие носят итальянцы. Хаггерти вспомнил, что этот Джад работал в некоем неопределенном качестве в одном из игорных клубов где-то между Рино и Тахо.

Пора было отправляться в Рино. Я взглянул на часы — почти одиннадцать — и подумал, что, летя на запад, я выиграю несколько часов. Я еще мог успеть поговорить

с вдовой Люка Делони, если она окажется на месте, и попасть в Рино в назначенное время.

Я вернулся в дом вместе с Хаггерти, позвонил в аэропорт «О'Хэйр» и заказал билет на завтра, на рейс во второй половине дня ближе к вечеру. Затем я позвонил миссис Делони. Она была дома и согласилась встретиться со мной.

Берт Хаггерти предложил отвезти меня к ней, но я рассудил, что ему лучше остаться с тестем. Храп Хоффмана, похожий на сдвоенные рыдания, разносился по всему дому, но Эрл в любой момент мог проснуться и опять впасть в буйство.

Гленвью Авеню протянулась вдоль самой северной окраины престижной северной части города, там, где поместья были такими обширными, что казалось, будто город уже кончился и началась сельская местность. Дорогу обрамляли деревья, в некоторых местах смыкавшиеся над нею большими кронами. Солнечный свет, падавший сквозь их желтеющую листву на огромные газоны, приобретал цвет высокопробного золота.

Я повернул, проехал между кирпичными колоннами ворот с номером 103 и вскоре увидел величественный старый особняк из красного кирпича. Подъездная дорожка вела правее, к *porte cochère*¹, тоже с красными кирпичными колоннами. Я едва успел выйти из машины, как негритянка-горничная в накрахмаленном фартучке открыла дверь.

— Мистер Арчер?

— Да.

— Миссис Делони ожидает вас, она в нижней гостиной.

Вдова сидела у окна, глядя на сельский пейзаж, где кусты сумаха ярко пламенели среди других, более скромных растений. Ее седые волосы были коротко подстрижены. Голубой шелковый костюм делал ее похожей на Лили Даше. Лицо покрывала густая сеть морщин, но его тонкие черты еще в полной мере сохраняли свое изящество. Она была красива, насколько может быть красива античная статуя, когда вы не обращаете внимания на щербинки и трещины в мраморе. Она, видимо, была глубоко погружена в мысли о прошлом, потому что не замечала нас до тех пор, пока горничная не проговорила:

— Пришел мистер Арчер, миссис Делони.

¹ Въездные ворота для кареты или коляски (франц.).

Она поднялась очень живо для своих лет и отложила книгу, которую держала на коленях не читая. Потом протянула мне руку, сопроводив этот жест долгим внимательным взглядом. Глаза у нее оказались того же голубого цвета, что и костюм, они ничуть не поблекли с годами и светились умом.

— Значит, вы проделали столь длинный путь из Калифорнии, чтобы повидать меня. Вы должны чувствовать себя обманутым в своих ожиданиях.

— Что вы, совсем наоборот.

— Не старайтесь мне польстить. Когда мне было двадцать, я была похожа на любую другую смазливую девчонку. Теперь, когда мне за семьдесят, я наконец-то стала похожа на самое себя. Это приносит известное удовлетворение. Однако присаживайтесь. Вот это кресло самое удобное. Мой отец, сенатор Осборн, неизменно предпочитал его всем другим.

Она указала на кресло, обтянутое красной кожей, лоснящейся и потемневшей от долгого пользования. Кресло напротив, в которое села она сама, представляло из себя качалку с решетчатой спинкой, устланную потертыми подушечками. Остальная мебель в комнате тоже выглядела старой и непретенциозной, и я спросил себя, не пытается ли она таким образом остановить время и навсегда удержать прошлое.

— Вы устали с дороги, — напомнила она себе. — Могу я предложить вам что-нибудь закусить или выпить?

— Нет, благодарю вас.

Она отпустила горничную.

— Боюсь, вас ожидает двойное разочарование. Я могу лишь очень немного добавить к официальному отчету о самоубийстве моего мужа. За некоторое время до этого мы с Люком отдалились друг от друга.

— Вы уже добавили нечто существенное, — заметил я. — Согласно официальному отчету, это был несчастный случай, а не самоубийство.

— Верно, верно. Я почти забыла. Было решено, что не стоит упоминать о самоубийстве в бумагах, которые станут достоянием гласности.

— Кто же принял такое решение?

— Я, в числе прочих. Учитывая то положение, которое занимал мой муж в нашем штате, его самоубийство не могло не вызвать волнения в деловых и политических кругах. Не говоря уже об уродстве этого поступка с моральной точки зрения.

— Некоторые сочли бы более уродливым поступком извращение фактов, касающихся смерти человека.

— Нашлись бы и такие, — кивнула она с величественным видом светской дамы. — Немногие из них решились бы сказать это в моем присутствии. В любом случае, сам факт остался фактом, изменен был только отчет. Мне так и пришлось доживать свой век с сознанием того, что мой муж покончил с собой.

— Вы абсолютно уверены, что это было самоубийство?

— Абсолютно.

— Я только что разговаривал с лейтенантом Хоффманом, человеком, который занимался расследованием этого дела. Он утверждает, что ваш муж выстрелил в себя случайно, когда чистил пистолет.

— Да, на этой версии мы тогда и остановились. Лейтенант Хоффман, естественно, придерживается ее до сих пор. Я не вижу смысла в ваших попытках изменить что-то по прошествии стольких лет.

— Если только мистер Делони не был убит. Тогда смысл сразу появится, и вполне определенный.

— Вне всякого сомнения. Но он не был убит. — Она посмотрела мне в лицо. В ее глазах ничего не изменилось, разве что их взгляд показался мне чуть более жестким.

— А до меня дошли слухи, что был, докатились, как видите, даже до Калифорнии.

— И от кого же вы слышали подобную чепуху?

— От дочери лейтенанта Хоффмана Элен. Она заявила, что знает свидетеля убийства. Этим свидетелем могла быть она сама.

Тревога, промелькнувшая на ее лице, сменилась холодной злобой:

— У нее нет никакого права распространять подобные бредни. Я заставлю ее замолчать.

— Она уже замолчала, — ответил я. — В пятницу вечером кто-то заткнул ей рот пистолетным выстрелом. Поэтому-то я и здесь.

— Понятно. А в каком городе Калифорнии она была убита?

— Пасифик Пойнт. Это на побережье, южнее Лос-Анджелеса.

Ее ресницы едва заметно дрогнули.

— Боюсь, я никогда не слышала о таком. Я, конечно, очень сожалею, что девушка умерла, хотя и не была с ней знакома. Но могу вас уверить, что ее смерть никак не

связана с Люком. Вы идете по ложному следу, мистер Арчер.

— Не знаю, не знаю.

— Можете не сомневаться. Перед тем как застрелиться, муж написал мне записку, которая не оставляет сомнений в его намерениях. Детектив Хоффман лично передал ее мне. Никто, кроме его начальства, не знал о ее существовании. Я не хотела говорить вам о ней.

— Почему?

— Потому что он написал там много всяких гадостей. В итоге в том, что он собирается сделать, он обвинил меня и мою семью. Люк оказался в трудном финансовом положении, играя на бирже и в других местах. Дело его слишком разрослось, он уже не мог полностью контролировать его. Мы отказались помочь ему по причинам как личным, так и деловым. Его самоубийство было попыткой отомстить нам. Ему это удалось, хотя мы и извратили факты, как вы выразились.— Она коснулась плоской груди.— Он сделал мне больно, как и хотел.

— Сенатор Осборн был жив в то время?

— Должна заметить, что вы не знаете истории своей страны,— упрекнула она меня с едва заметной улыбкой.— Мой отец умер 4 декабря 1936 года, за три с половиной года до смерти мужа. По крайней мере, ему не пришлось пережить этого унижения.

— Но вы говорили о семье.

— Я имела в виду мою сестру Тиш и ныне покойного дядю Скотта, тогдашнего главу опекунского совета нашего треста. Он и я несли ответственность за прекращение финансовой поддержки Люка. На таком решении настояла в первую очередь я. Наш брак к тому времени исчерпал себя.

— Почему?

— Причины самые обычные, я полагаю. Я не собираюсь их обсуждать с вами.— Она встала, отошла к окну и осталась там стоять, прямая, как часовой на смотровой вышке.— Тысяча девятьсот сороковой год принес мне сразу несколько потерь. Распавшийся брак, смерть мужа, вслед за нею смерть сестры. Тиш скончалась летом того же года, и я проплакала по ней всю осень. И вот теперь снова осень.— Она вздохнула.— Осенью мы обычно ездили кататься верхом. Я научила ее сидеть в седле, когда ей было пять лет, а мне десять. Это было еще в прошлом веке.

Ее мысли обратились к более далеким и менее болезненным воспоминаниям.

— Простите, что я вновь затрагиваю эту тему, миссис Делони, но я должен спросить у вас, сохранилось ли предсмертное послание вашего мужа.

Она повернулась ко мне, пытаясь прогнать следы горя со своего лица. Но они упрямо не покидали его.

— Конечно, нет. Я сожгла записку. Вам придется поверить мне на слово в том, что касается ее содержания.

— Меня не это беспокоит в первую очередь. Вы совершенно убеждены, что записка была написана рукой вашего мужа?

— Да. Его почерк я всегда узнаю.

— Хорошая подделка может ввести в заблуждение практически любого.

— Это абсурд. Вы уже совсем заговорили языком мелодрамы.

— Мы сталкиваемся с этим каждый день, миссис Делони.

— Но кому придет в голову подделывать записку о самоубийстве?

— Так не раз поступали многие убийцы.

Она откинула седую голову и посмотрела на меня сверху вниз, вдоль изящно изогнутого носа. Сейчас она очень напоминала птицу, даже голосом.

— Моего мужа никто не убивал.

— Мне кажется, в своем мнении вы слишком полагаетесь на одну-единственную записку, которую без труда можно было подделать.

— Записка была подлинной. Я знаю об этом по ее содержанию. В ней упоминались вещи, известные только мне и Люку.

— Какие, например?

— Я не стану рассказывать этого ни вам, ни кому-либо еще. Кроме того, Люк еще за несколько месяцев до рокового дня начал говорить о самоубийстве. Особенно когда выпивал лишнего.

— Вы же сказали, что в это время вы практически не встречались с ним.

— Нет, не встречались. Но мне сообщали об этом некоторые общие друзья.

— Хоффман был одним из этих друзей?

— Едва ли. Я никогда не смотрела на него как на друга.

— Тем не менее ради вас он замял историю с самоубийством вашего мужа.

— Он просто получил соответствующее распоряжение. У него не было выбора.

— И кто же отдал такое распоряжение?

— Очевидно, комиссар полиции. Он действительно был моим другом и другом Люка.

— И этого для него оказалось достаточно, чтобы отдать приказ о фальсификации материалов расследования?

— В этой стране такие вещи делаются каждый день и в каждом городе. Избавьте меня от ваших нравоучений, мистер Арчер. Комиссар Робертсон давно умер. Само дело уже давно мертво.

— Может быть, оно умерло для вас. Хоффман теперь думает иначе. Смерть дочери воскресила для него это дело.

— Мне очень жаль их обоих, но я вряд ли могу изменить прошлое, чтобы подогнать его под одну из ваших теорий. Что вы всем этим стараетесь доказать, мистер Арчер?

— Ничего конкретного. Я пытаюсь выяснить, что имела в виду убитая женщина, когда сказала, что Бриджтон дотянулся до нее и в Калифорнии.

— Она, без сомнения, имела в виду что-нибудь очень личное. У женщин обычно всегда так. Но, как я уже говорила, я никогда не была знакома с Элен Хоффман.

— Ваш муж был с ней близок?

— Нет. Не был. И, пожалуйста, не спрашивайте меня, почему я так в этом уверена. Мы уже достаточно ворошим могилу Люка, вам не кажется? Она не скрывает ничего, кроме печального самоубийства. Я отчасти приложила к этому руку.

— Перекрыв фонды?

— Именно. А вы уже подумали, что я сделала признание в убийстве.

— Нет,— ответил я.— А вам бы хотелось?

Ее лицо исказила какая-то дикая ухмылка.

— Очень хорошо. Я застрелила его. Что вы предполагаете теперь делать?

— Ничего. Я вам не верю.

— Зачем бы я стала выдумывать такое? — Она играла в некую фантастическую детскую игру, к которым иногда обращаются пожилые женщины.

— Возможно, у вас было желание убить своего мужа. Я лично не сомневаюсь, что вам этого хотелось. Но если бы вы на самом деле убили его, вы не стали бы признаваться в содеянном.

— Почему же нет? Мне трудно представить, что вы

смогли бы сделать в этом случае. Здесь у меня много хороших друзей: и среди тех, кто занимает высокие посты, и среди тех, кто держится в тени. Им, кстати, очень бы не понравилось, узнай они, как упорно вы ворошите прошлое.

— Должен ли я понимать ваши слова как угрозу?

— Нет, мистер Арчер, — сказала она, натянуто улыбаясь. — Я совсем ничего не имею против вас, кроме того, что вы фанатик своего ремесла — или вы называете это профессией? Неужели действительно так важно знать, как умирают люди? Они мертвы, как будем мертвы все мы рано или поздно. Кто-то из нас раньше других. А теперь — я чувствую, что уделила вам достаточно времени из оставшегося мне на этой земле.

Она позвонила горничной.

У меня оставалось время, чтобы попробовать еще раз побеседовать с Хоффманом. Я поехал назад к его дому по центральным улицам, пустым по причине субботы. Вопросы, которые миссис Делони подняла или оставила без ответа, засели в моем мозгу, как рыболовные крючки с обрывками лески, уходящими в далекое прошлое.

Я был почти уверен, что Делони не стрелял в себя ни намеренно, ни случайно. Я был почти уверен, что стрелял в него кто-то другой и миссис Делони знала об этом. Что же касается записки, в которой Люк Делони писал о самоубийстве, она могла быть подделана, выдуманна, неправильно понята или основательно забыта — Хоффман, вероятно, мог бы сказать, что это было такое.

Поворачивая на Черри Стрит, я увидел за квартал впереди мужчину, шагавшего по улице в том же направлении. Он был одет в синий костюм, и в его движениях угадывалась тяжелая мощь старого полицейского; нравда, время от времени он спотыкался и долго потом покачивался, восстанавливая равновесие. Подъехав ближе, я убедился, что это Хоффман. Оранжевые манжеты его пижамных штанов виднелись из-под синих брюк.

Я не стал его обгонять, и мы двинулись через городские трущобы, выглядевшие все более и более убогими по мере того, как мы продвигались на юг. Вскоре мы очутились в кварталах, где жили негры. Взрослые мужчины и женщины, попадавшиеся навстречу Хоффману, торопливо сторонились. Его вид сулил неприятности любому, кто был не очень расторопен.

На ногах Эрл держался не очень уверенно. У забора,

увенчанного редкими зубьями, он споткнулся и упал на четвереньки. Какие-то дети выбежали из-за забора и увязались за ним, дразня его и улюлюкая, пока он не повернулся к ним с поднятыми кулаками. Затем он опять неуклюже продолжил свой путь.

Мы миновали негритянское гетто и попали в район, застроенный трехэтажными каркасными домами, превращенными в деловые здания и меблированные комнаты. Среди них выделялись несколько многоквартирных домов поновее; конечным пунктом предпринятой Хоффманом прогулки стал один из них.

Это было шестиэтажное здание из бетона, имевшее довольно запущенный вид: ряды потрескавшихся и пожелтевших ставен на окнах, коричневые пятна сырости под ними. Хоффман вошел в парадное. На бетонной арке над дверью я разобрал надпись: «Делони Апартаментс, 1928». Поставив машину, я последовал за Хоффманом внутрь.

Он явно сел в лифт: потускневший латунный указатель над дверью лифта медленно поворачивался по часовой стрелке, пока не остановился на цифре семь. После нескольких безрезультатных нажатий на кнопку — Хоффман, видимо, не захлопнул за собой дверь — я разыскал пожарную лестницу и, изрядно запыхавшись, добрался до железной двери, которая вела на крышу.

Я осторожно приоткрыл ее. Тишину снаружи нарушало только воркование голубей, рассеявшихся на соседней крыше. Несколько кустов в кадучках и солнцезащитный экран, отходивший под прямым углом от стены пентхауса, превращали угол крыши в террасу.

На террасе загорали двое: мужчина и женщина. Женщина лежала лицом вниз на надувном матрасе, расстегнув лифчик своего бикини. Блондинка, и неплохо сложена. Мужчина сидел в шезлонге, рядом с ним на столике стояла наполовину пустая бутылка кока-колы. Он был широк в кости и черноволос, грудь и плечи поросли жесткой черной шерстью. На левом мизинце он носил кольцо с бриллиантом и говорил с акцентом, по которому легко угадывался грек.

— Значит, ты считаешь, что иметь ресторан — это бизнес низкого пошиба? Говоря так, ты кусаешь руку, которая тебя кормит. Норка-то у тебя на плечах появилась именно благодаря ресторану.

— Я и не говорила ничего такого. Я только сказала, что страховой бизнес — прекрасное, чистое занятие для мужчины.

— А рестораны, стало быть,— грязное? Но только не мои рестораны. У меня даже ультрафиолетовые излучатели есть в туалетах...

— Перестань употреблять мерзкие слова,— перебила она.

— «Туалет» не мерзкое слово.

— В моей семье — мерзкое.

— Меня тошнит, когда я слышу про твою семью. Меня тошнит, когда я слышу про твоего никчемного брата Тео.

— Никчемного?! — Она села, сверкнув перламутровой кожей груди, прежде чем застегнуть вместительное бикини.— Тео в прошлом году подписал страховок на миллион долларов.

— А кто заплатил за полис, позволивший ему достичь этой цифры? Я. И вообще, кто устроил его в страховое агентство? Я.

— Ну конечно, мистер Господь Вседержитель.— Ее лицо являло собой красивую бесстрастную маску. Его выражение не изменилось, когда она сказала: — Кто это там ходит по дому? Роза я отослала сразу после завтрака.

— Может быть, она вернулась?

— Для Розы шаги слишком тяжелые. Так ходят мужчины.

— Наверное, Тео пришел предложить мне рекордный страховой полис этого года.

— Мне не смешно.

— А по-моему, это очень смешно.

Он тут же рассмеялся, чтобы доказать это. Смех замер на его губах, когда из-за зеленого плексигласа появился Эрл Хоффман. Яркое солнце отчетливо высвечивало каждый синяк, каждую ссадину на его лице. Штанины оранжевой пижамы напозли на ботинки.

Брюнет вылез из шезлонга и толкнул руками воздух в направлении Хоффмана.

— Убирайтесь отсюда. Эта крыша — частное владение.

— Не могу,— с озабоченным видом ответил ему Хоффман.— Мы получили сообщение, что здесь обнаружен труп. Где он?

— Внизу, в подвале.— Грек обернулся и подмигнул женщине.— Там вы его и найдете.

— Подвал? Нам сказали, в доме на крыше.— Разбитый рот Хоффмана раскрывался и закрывался, как у заводной куклы, будто само прошлое чревовещало его посредством.— Вы, значит, перенесли его? Вы нарушили закон, коснувшись тела до прибытия властей?

— Перенеслись бы вы сами отсюда.— Мужчина сделал знак женщине, прикрывшейся желтым махровым халатом.— Зайди в дом и позвони сама знаешь кому.

— Я и есть сам-знаешь-кто,— проговорил Хоффман.— Женщина останется здесь. Мне нужно задать ей несколько вопросов. Как вас зовут?

— Не ваше дело,— огрызнулась она.

— Здесь все — мое дело.— Хоффман широко повел рукой, едва не упав при этом.— Я детектив, расследующий убийство.

— Хорошо бы взглянуть на ваш значок, детектив.

Человек вытянул руку, но к Хоффману приближаться не стал. Тот тоже не двинулся с места. Женщина сидела на коленях, глядя на Хоффмана снизу вверх огромными испуганными глазами.

Эрл пошарил в карманах, извлек полдоллара, разочарованно посмотрел на монету и ногтем большого пальца подбросил ее. Монета перелетела через паранет. Я услышал, как она звякнула о тротуар, пролетев шесть этажей.

— Должно быть, дома забыл,— беззлобно проговорил он.

Женщина собралась с духом и бросилась к двери в дом. Двигаясь неуклюже, но очень быстро, Хоффман поймал ее за талию. Она не сопротивлялась, стоя смиренно, с побледневшим лицом, сжатая железным кольцом его руки.

— Ну-ну, не так быстро, крошка. Сначала я задам тебе пару вопросов. Ты и есть та шлюха, которая спит с Делони?

— Ты что, позволишь ему говорить со мной в таком тоне? — обратилась женщина к брюнету.— Скажи ему, чтобы он убрал свои руки.

— Уберите руки от моей жены,— потребовал мужчина не очень уверенно.

— Тогда пусть она сядет и помогает работать.

— Садись и помогай работать,— приказал брюнет жене.

— Ты с ума сошел? От него разит как из бочки. Он напился до бесчувствия.

— Я это знаю.

— Тогда *сделай* что-нибудь.

— Я уже делаю кое-что. Его нужно задобрить.

Хоффман улыбнулся ему, как улыбается любое выборное лицо, желая показать, что привыкло безропотно сносить самую несправедливую и незаслуженную критику. Его разбитые губы и сумасшедший вид делали улыбку уродли-

вой. Женщина попыталась вырваться. Он только крепче сжал ее, потираясь животом о ее бок.

— Ты немного похожа на мою дочурку Элен. Ты знаешь мою Элен?

Женщина отчаянно замотала головой; несколько локонов выбились из ее прически.

— Она говорит, что есть свидетель убийства. Ты была здесь, когда это случилось, крошка?

— Я даже не знаю, о чем вы говорите.

— Ну, полно. Конечно же, ты знаешь. Люк Делони. Кто-то продырявил ему глаз и постарался, чтобы это выглядело как самоубийство.

— Я помню Делони,— заговорил вдруг мужчина.— Пару раз я прислуживал ему в бутербродной отца. Он умер перед войной.

— Перед войной?

— Да, так я и сказал. Где вы были последние двадцать лет, детектив?

Хоффман не помнил. Он растерянно озирался на крыши домов родного города, словно видел его впервые. Женщина закричала:

— Отпусти меня, толстяк!

Ее слова долго доходили до его сознания.

— Тебе нужно быть повежливее со своим старым отцом.

— Если бы ты был моим отцом, я бы удавилась.

— Закрой рот. Я выслушал от тебя достаточно оскорблений. Хватит. Ты слышишь меня?

— Да, я тебя слышу. Ты, выживший из ума старик, убери от меня свои грязные лапы.

Она вцепилась ему в лицо, и ее ногти оставили на его щеке три багровых полосы. Он ударил ее ладонью. Удар был не сильным, но женщина осела на покрытую гравием крышу. Ее муж схватил со стола бутылку с кока-колой. Коричневое содержимое вылилось ему в рукав, когда он поднял ее и двинулся на Хоффмана.

Тот сунул руку под пиджак и вытащил из-за спины торчавший за ремнем револьвер. Он выстрелил поверх головы своего противника. Выстрел спугнул голубей с соседней крыши, и они широкими кругами стали набирать высоту. Несчастный грек выронил бутылку и замер с поднятыми руками. Всхлипывания женщины сразу прекратились.

Хоффман устремил взгляд в бездонную сверкающую синеву. Голуби поднялись уже высоко, превратившись в

едва различимые точки. Он опустил голову и посмотрел на револьвер, который держал в руке. Не сводя глаз с того же предмета, я вышел на солнечный свет.

— Вам помочь с этими свидетелями, Эрл?

— Нет, сам управлюсь. Все под контролем.— Он прищурился.— Еще раз, как вас зовут? Артур?

— Арчер.— Я пошел к нему, толкая перед собой свою приземистую тень по неровной поверхности гравия.— Это создаст вам классную рекламу, Эрл. Подумать только, в одиночку распутать убийство Делони.

— Ага. Конечно.— Выражение его лица было глубоко озадаченным. Он понимал, что я несу несусветную чушь. Точно так же, как понимал глупость собственного поведения. Но признаться в этом не мог даже себе.— Они спрятали тело в подвале.

— Это означает, что нам, вероятнее всего, придется копать.

— Вы что, оба сумасшедшие? — спросил мужчина, поглядывая на нас сквозь поднятые руки.

— Ну-ка тише вы там,— прикрикнул я на него.— Вам лучше вызвать подкрепление, Эрл. Я пока подержу на мушке эту парочку.

Невыносимо долгое мгновение он раздумывал, как поступить. Затем протянул мне револьвер и вошел в дом, тяжело ударившись плечом о косяк.

— Кто вы такой? — спросил человек с поднятыми руками.

— Я за ним присматриваю. Расслабьтесь.

— Он сбежал из сумасшедшего дома?

— Нет еще.

Глаза человека напоминали изюмины, глубоко вдавленные в тесто. Он помог жене подняться, неловко отряхивая сзади ее халат. В следующее мгновение она уже рыдала в его объятиях, а он похлопывал ее по спине рукой с бриллиантовым кольцом и что-то экспансивно говорил по-гречески.

Через открытую дверь я слышал голос Хоффмана:

— Шесть человек с лопатами и отбойным молотком для бетона. Его тело в подвале, под полом. Люди нужны мне здесь через десять минут, или кому-то непоздоровится.

Трубка с треском упала на место, но он продолжал разговаривать. Его голос поднимался и падал, как порывы ветра; разрозненные эпизоды прошлого путались и мешались в чудовищной неразберихе его сознания.

— Он ее пальцем не тронул. Не мог он так поступить

с дочерью друга. К тому же она была хорошей девочкой, маленькой папиной дочуркой, такой чистой. Помню, когда она была совсем крошкой, я часто купал ее в ванне. Она была мягонькая, как кролик. Я держал ее на руках, и она говорила мне «па». — Голос замер.

— Что случилось? — спросил я.

Ответа не последовало. Потом он закричал. Я слышал, как он рухнул на пол: от удара задрожал весь дом. Войдя внутрь, я увидел, что он сидит, прислонившись спиной к кухонной плите, и пытается снять с себя брюки. Он махнул мне рукой.

— Не приближайтесь. На мне пауки.

— Я не вижу никаких пауков.

— Они под одеждой. Черные вдовы. Убийца пытается отравить меня с помощью пауков.

— Кто убийца, Эрл?

Его лицо находилось в постоянном движении.

— Я так и не выяснил, кто отправил Делони на тот свет. Сверху шепнули: сворачивай дело. Что может человек... — Из его горла вырвался еще один вопль. — Боже мой, их сотни, сотни, и они ползают по мне.

Он начал рвать на себе одежду. Когда прибыла полицейская машина, его костюм и пижама превратились в сине-оранжевые лохмотья и на линолеуме корчилось голое тело старого борца-тяжеловеса.

Оба патрульных знали Эрла Хоффмана, так что мне ничего не пришлось объяснять.

Красный диск солнца вдруг исчез: самолет вошел в тень гор. Я телеграфировал расчетное время прибытия в агентство Уолтерса, и Филлис ждала меня в аэропорту.

Она взяла меня за руку и подставила щеку. Ее кожа цвета персикового сока со сливками чуть-чуть пострадала от солнца, зато матовые смеющиеся глаза отливали темно-синей глубиной.

— У тебя очень усталый вид, Лью. Но ты все-таки живой.

— А, брось. От этого я только чувствую себя еще более усталым. Зато ты выглядишь великолепно.

— С годами на это уходит все больше времени. Правда, с другими вещами проще. — Она не сказала, с какими. В неожиданно сгустившихся сумерках мы подошли к ее машине. — Кстати, а каким ветром тебя занесло в Илли-

нойс? Я полагала, ты работаешь над делом в Пасифик Пойнт.

— Оно касается обоих городов. Я натолкнулся на одно еще довоенное убийство в Бриджтоне, которое, судя по всему, связано с последним здесь у нас. Не спрашивай пока, каким образом. Объяснять придется всю ночь, а у нас есть дела поважнее.

— У тебя, во всяком случае, действительно есть. Сегодня в восемь тридцать ты обедаешь с миссис Салли Бурк. Ты мой старинный приятель из Лос-Анджелеса, род твоих занятий не указан. От этого и будешь танцевать.

— Как тебе удалось это устроить?

— Это оказалось совсем не трудно. Салли обожает бесплатные обеды и холостых мужчин. Она опять хочет выйти замуж.

— Но как ты с ней познакомилась?

— Я как бы случайно встретила с ней в баре, где она обычно проводит время, и вчера вечером мы с ней вместе напились. Во всяком случае, одна из нас точно была пьяна. Она немного рассказала о своем брате Джадсоне, который может оказаться тем человеком, которого мы ищем.

— Это он и есть. Где он живет?

— Где-то на южном побережье. Как тебе известно, там легко потеряться. Арни сейчас там, пытается его найти.

— Веди меня к сестре.

— Ты говоришь как ягненок, который просит отвести его на заклание. На самом деле, она очень симпатичная девочка, — сказала Филлис, движимая чувством женской солидарности. — Звезд с неба не хватает, но сердце у нее есть. Она очень любит своего брата.

— То же самое можно было сказать и о Лукреции Борджиа.

Филлис захлопнула дверцу автомобиля, и мы покатали в Рино, город, в котором со мной еще ни разу не произошло ничего хорошего — но я все еще продолжал надеяться на что-то.

Миссис Салли Бурк жила неподалеку, на Райли Стрит, занимая верхний этаж старого двухэтажного дома. Филлис доставила меня к его парадному подъезду в восемь двадцать девять, вытянув из меня обещание вернуться и переночевать у них с Арни. Миссис Бурк ожидала меня на верхней площадке в полном боевом облачении: узкое черное платье, лисы, жемчуга и серьги, десятисантиметровый каблук. Золотистые волосы переплелись с коричневыми, словно отражая сложность ее натуры. Карие глаза оцени-

вающе посмотрели на меня, когда я поднялся к ней — так, наверное, богатый плантатор осматривал на аукционе раба, — здоров ли? — прежде чем купить его.

Пахло от нее, во всяком случае, приятно, и заготовленная для меня улыбка была мягкой и дружеской. Мы обменялись приветствиями и именами. Мне тут же было предложено звать ее просто Салли.

— Боюсь, что я не смогу пригласить вас к себе: в квартире такой беспорядок. Похоже, по воскресеньям у меня как нарочно все валится из рук. Помните старую песню «Мрачное воскресенье»? Это началось после развода. Филлис говорит, что вы тоже разведены.

— Филлис говорит правду.

— Мужчине легче пережить все это, — произнесла она с легкой досадой. — Но я вижу, вам не помешало бы иметь рядом женщину, которая сможет о вас заботиться.

Времени она, как видно, даром не теряла и сразу перешла в наступление, из чего я заключил, что стратег она никудышный. Мое сердце провалилось куда-то в ботинки. Она посмотрела на них и на костюм, в котором я спал в самолете. С другой стороны, я был как будто здоров: по лестнице я взобрался без посторонней помощи.

— Куда мы отправимся обедать? — спросила она. — «Риверсайд», например, очень милое место.

«Риверсайд» действительно оказался очень милым местом. И дорогим. Однако после второго бокала я перестал терзаться по поводу растрачиваемых мною денег Алекса. Меня по-своему начал увлекать разговор с Салли Бурк. Ее бывший муж, если верить ее словам, сочетал в одном лице Дракулу, Гитлера и Урию Гиппа. Он зарабатывал по меньшей мере двадцать пять тысяч в год, работая коммивояжером на северо-западе, но ей уже не раз приходилось арестовывать его месячную зарплату, чтобы получить свои несчастные шестьсот долларов алиментов. Ей с огромным трудом удавалось сводить концы с концами, особенно теперь, когда ее дорогой брат потерял работу в клубе.

Я заказал для нее еще один коктейль и изобразил на лице вежливое сочувствие.

— Джад — хороший мальчик, — заявила она, словно кто-то только что высказался о нем в ином смысле. — Он играл в футбольной команде Государственной школы штата Вашингтон и был в ней лучшим игроком. Многие в Спокане тогда говорили, что Джад дошел бы и до национального чемпионата, играй он за школу познани-тее. Но он никогда не получал заслуженного признания,

никогда. С тренерской работы его выжили, просто взяли и выжили. Обвинения, которые ему предъявили, были все сплошь высосаны из пальца, он сам мне говорил.

— Какие обвинения?

— Да никакие. Сплошные выдумки, я же вам говорю.— Она допила четвертый martini и с простодушной хитростью посмотрела на меня поверх пустого бокала.— Я что-то не припомню, чтобы вы сказали мне, в каком бизнесе работаете, Лью?

— А я, кажется, и не говорил еще. У меня небольшое агентство в Голливуде.

— Как интересно. Джад всегда чувствовал в себе склонность к актерскому ремеслу. Актером он, правда, никогда не был, но все считают, что он очень красивый мальчик. На прошлой неделе он как раз ездил в Голливуд.

— Подыскивал актерскую работу?

— Вообще что-нибудь. Он очень хочет работать, но беда в том, что он ничего не умеет, ни на кого не выучился, я имею в виду после того, как его лишили права работать с детьми. А потом и танцевальная студия закрылась. Как вы думаете, вы могли бы найти для него какую-нибудь работу в Голливуде?

— Я определенно хотел бы поговорить с ним,— честно признался я.

Она была навеселе и полна надежд, поэтому ее не удивило то, что я вот так сразу проявил интерес к ее брату.

— Это легко устроить,— сказала она.— Видите ли, в данный момент он находится в моей квартире. Я могла бы позвонить ему и пригласить сюда.

— Давайте сначала пообедаем.

— За обед для Джада я бы заплатила сама.— Она поняла, что совершила тактическую ошибку, и быстро сыграла отбой.— Хотя, как говорят, там, где трое, третий лишний, а? То есть я хотела сказать, там, где двое.

За обедом она столько говорила о брате, что у меня возникло ощущение, будто он так и сидит рядом. Она пересказала мне по памяти все его футбольные достижения, поведала о его успехах у женщин, переживая эти победы, как свои. Она выложила мне одну за другой все гениальные идеи, которые он вынашивал. Больше других мне понравился проект издания сокращенного варианта Библии,— с удалением всех аморальных мест,— для семейного чтения.

Салли не умела пить. К концу обеда ее окончательно развезло. Она настаивала на том, чтобы мы забрали ее

брата и все вместе отправились куролесить по клубам, но у меня сердце к этому не лежало. Я отвез ее домой. В такси она уснула на моем плече. Меня это вполне устраивало.

Я разбудил ее на Райли Стрит, вошел с нею в дом и поднялся по лестнице. Она показалась мне очень крупной и как-то непрочно соединенной, к тому же ее лисы все время соскальзывали на пол. Чувство у меня было такое, что весь уик-энд я только и делал, что нянчился с пьяницами.

Дверь в квартиру открыл мужчина в рубашке без пиджака и в тесных брюках. Поддерживая одной рукой Салли, я окинул его быстрым взглядом. В этом человеке всего было наполовину: полукрасив, полузапущен, полуиспорчен, полухитер, полуопасен. Носки его острых итальянских туфель поистерлись.

— Помощь нужна? — спросил он меня.

— Не смеши людей, — проговорила Салли. — Я прекрасно владею собой. Мистер Арчер, познакомьтесь с моим братом Джадом, Джадсоном Фоули.

— Привет, — сказал он. — Вам не следовало позволять ей пить. Она моментально пьянеет. Так, давайте-ка ее мне.

С усталой сноровкой он перекинул ее руку через свое плечо, ухватил за талию, прошел через гостиную в освещенную спальню, аккуратно положил ее на голливудскую кровать и погасил свет.

Он, казалось, был неприятно удивлен, обнаружив, что я все еще в гостиной.

— Доброй ночи, мистер Арчер, или как вас там зовут. Мы закрываемся на ночь.

— Вы, я вижу, не очень гостеприимны.

— Нет. Из нас двоих гостеприимна моя сестра. — Он недовольно оглядел маленькую комнату: переполненные пепельницы, стаканы в жирных пятнах, разбросанные газеты. — Я никогда не видел вас раньше и не увижу впредь. Почему я должен быть гостеприимным?

— Вы уверены, что мы с вами не встречались? Подумайте, постарайтесь вспомнить.

Его карие глаза изучили мое лицо, потом фигуру. Он нервно почесал лоб у начала редеющих волос и покачал головой:

— Если я вас и видел раньше, то, очевидно, был пьян в тот момент. Салли не приводила вас сюда, когда я был пьян?

— Нет. А вы пили в прошлую пятницу вечером?

— Так, давайте посмотрим, что это был за вечер. Кажется, меня не было в городе. Ага. Вернулся я только в субботу утром.— Он старался, чтобы его голос звучал небрежно, а взгляд оставался спокойным.— Должно быть, я раздвоился.

— Я так не думаю, Джад. Я натолкнулся на вас — или вы на меня — часов в девять вечера в пятницу, и это случилось в Пасифик Пойнт.

Кровь отхлынула от его лица, оно стало голубовато-бледным, словно высвеченное вспышкой молнии.

— Кто вы такой?

— Я гнался за вами по дорожке дома Элен Хаггерти, помните? Вы тогда оказались слишком проворны для меня. Мне потребовалось два дня, чтобы догнать вас.

Он дышал так, будто только что финишировал после того забега.

— Вы из полиции?

— Я частный детектив.

Он сел в датское кресло, стиснув тонкие подлокотники так, что едва не сломал их. Фыркнул. Получилось очень похоже на всхлипывание.

— Это все идея Брэдшоу, не так ли?

Я не стал отвечать ему. Убрав газеты со стула, я тоже сел.

— Брэдшоу сказал, что мой рассказ его удовлетворил. Теперь он выслал против меня вас.— Его глаза превратились в щелки.— Я так полагаю, вы постарались выкачать из сестры все, что она знает обо мне.

— Мне не пришлось даже просить ее об этом.

Повернувшись в кресле, он бросил злобный взгляд в направлении спальни.

— Как бы я хотел, чтобы она отучилась трепать языком на мой счет.

— Не валите на нее вину за то, что сделали сами.

— Да в том-то и дело, черт возьми, что я ничего не сделал. Я сказал Брэдшоу то же самое, и он поверил мне, по крайней мере дал понять, что поверил.

— Вы говорите о Рое Брэдшоу?

— О ком же еще? Он опознал меня в тот вечер или ему показалось, что опознал. Я понятия не имел, на кого я тогда наскочил в темноте. Мне просто хотелось быть подальше от того места.

— Почему?

Он поднял тяжелые плечи и остался сидеть, опустив между ними голову.

— Не хотел связываться с полицией.

— Что вы делали у Элен?

— Она *попросила* меня прийти. Дьявольщина, я и поперся туда, тоже мне, добрый самаритянин. Она позвонила мне в мотель в Санта-Моника и буквально умоляла приехать и переночевать у нее. И дело было не в моих прекрасных голубых глазах. Она была напугана, и ей была нужна компания.

— В какое время она вам позвонила?

— Часов в семь, может быть, в половине восьмого. Я как раз только что вернулся в мотель, ходил перекусить.— Плечи опустились.— Послушайте, все это вы и так знаете. Брэдшоу ведь рассказал вам, верно? Чего вы добищаетесь, пытаетесь поймать меня на слове?

— Что ж, это идея. Но что именно вы имели в виду?

Он покачал головой и, продолжая качать ею, сказал:

— Ничего я не имел в виду. Я не могу позволить себе делать ошибки, поймите.

— Вы уже сделали одну, и очень большую, когда убежали.

— Знаю. Я запаниковал.— Он покачал головой еще немного.— Поставьте себя на мое место: вот лежит она с продырявленной головой, и вот я — готовый кандидат в козлы отпущения. Я услышал ваши, ребята, шаги и запаниковал. Вы должны мне поверить.

Это их неизменная фраза.

— Почему я должен вам верить?

— Потому что я говорю правду. Я безвинен, как младенец.

— Да, кто-кто, а младенцы безвинны, здесь с вами не поспоришь.

— Я не говорю в общем, я говорю об этом конкретном случае. Конечно, я отошел от своих привычек, когда решил выручить Элен. Помогать кому-то мне не свойственно. Но то, что я поехал к ней и убил ее — совершенная бессмыслица. Она *нравилась* мне. У нас было много общего.

Я не знал, можно ли было считать его последние слова комплиментом кому-либо из них. Берт Хаггерти, говоря о своей бывшей жене, употребил слово «продажная». Человек, сидевший сейчас передо мной, был фигурой, по меньшей мере, двойственной. За маской красивой внешности угадывалась ущербность, словно он больно ударился, когда катился вниз по социальной лестнице, и затаил злобу на весь свет. Несмотря на это, я наполовину поверил его

рассказу. Любому его слову я не поверил бы больше чем наполовину.

— Что же общего было у вас с Элен?

Он кинул на меня быстрый взгляд из-под нахмуренных бровей. Вопрос прозвучал неожиданно, он не вписывался в традиционную модель полицейского разговора. Фоули обдумывал ответ.

— Спорт. Танцы. Игры и развлечения. Несколько раз мы просто замечательно проводили время, честное слово. Я чуть не умер в тот вечер, когда увидел ее мертвой.

— Как вы познакомились?

— Вы же знаете все это, — нетерпеливо проговорил он. — Вы ведь на Брэдшоу работаете, так?

— Скажем, Брэдшоу и я работаем в этом деле на одной стороне. — Мне уже хотелось знать, почему Рой Брэдшоу занимает так много места в голове Фоули, но другие вопросы были пока важнее. — Так что почему бы вам не пойти мне навстречу и не рассказать еще раз, как вы познакомились с Элен.

— Все очень просто. — Он ткнул большим пальцем вниз, как римский император эпохи упадка, осуждающий побежденного на смерть. — Подыскивая себе жилье на шесть недель, которые она собиралась провести здесь летом, Элен сняла квартиру на первом этаже этого дома. Она познакомилась с моей сестрой, и они быстро нашли общий язык. Со временем я к ним присоединился. Обычно мы вместе разъезжали по барам и клубам.

— В машине Салли?

— Тогда у меня была своя машина, «гэлэкси пятьсот», модель шестьдесят второго года, — сказал он, оживившись. — Это было еще в августе, до того, как я потерял работу и не смог больше платить за нее.

— А как случилось, что вы лишились работы?

— Вам это будет неинтересно. К Элен Хаггерти это не имеет никакого отношения, абсолютно никакого.

То, как он настаивал на этом, показалось мне подозрительным.

— У кого вы работали?

— Я же сказал, вам будет неинтересно.

— Мне ведь нетрудно выяснить, где вы работали. Так что могли бы и сами сказать.

— Я работал кассиром в «Солитере» в Стейтлайне, — проговорил он, опустив глаза. — Кажется, я обсчитался на один раз больше, чем следовало.

— Поэтому вы стали искать работу в Лос-Анджелесе?

— Верно.— Он явно почувствовал себя увереннее, оставив разговор о своей бывшей работе и о том, почему он ее потерял.— В тот раз у меня ничего не вышло, но отсюда мне в любом случае надо выбираться.

— Почему?

Он почесал голову.

— Я не могу и дальше жить за счет сестры. Болтаюсь тут, как привязанный. Очень это, знаете ли, бьет по самолюбию. Поеду в Лос-Анджелес еще раз, посмотрю, может быть, все-таки удастся подыскать что-нибудь.

— Давайте вернемся к вашей первой поездке туда. Вы говорите, в пятницу вечером Элен позвонила вам в мотель. Откуда она знала, где вы остановились?

— Я звонил ей раньше, на неделе.

— Зачем?

— Просто так. Зачем обычно звонят. Я думал, она захочет встретиться, повеселиться.— Он постоянно говорил о веселье, но выглядел так, словно не пробовал, что это такое, вот уже много лет.— В тот вечер, это было в среду, Элен оказалась занята. Кстати, у нее было свидание с Брэдшоу. Они собирались пойти на какой-то концерт. Она сказала мне, что позвонит как-нибудь, и позвонила в пятницу вечером.

— Что она сказала вам по телефону?

— Что кто-то пригрозил убить ее и что ей страшно. Я никогда не слышал ее такой перепуганной и взволнованной. Она сказала, что кроме меня ей не к кому обратиться. А я приехал туда слишком поздно.— Мне показалось, я уловил в его словах искреннее огорчение, но даже оно было двусмысленно, словно он считал, что, умерев, Элен обманула его ожидания.

— Элен и Брэдшоу были близки?

— Нет, не думаю,— осторожно ответил он.— Мне всегда казалось, что судьба случайно свела их прошлым летом, как это получилось у Элен со мной. Во всяком случае, в пятницу вечером он был занят. Он должен был произносить речь на каком-то большом званом обеде. По крайней мере, так он мне сказал сегодня утром.

— Он не солгал вам. Элен и Брэдшоу встретились здесь, в Рино?

— Где же еще?

— Я полагал, Брэдшоу провел лето в Европе.

— Вы ошибались. Он пробыл здесь как минимум весь август.

— А что он здесь делал?

— Мне он однажды сказал, что занимается какими-то исследованиями в университете Невады. Что за исследования, не говорил. Да я, собственно, был с ним едва знаком. Мы встречались раз или два, когда Элен приглашала меня провести с ней вечер, и только. А с тех пор я и вовсе его не видел до сегодняшнего дня.

— И вы говорите, он узнал вас тогда, в пятницу вечером, и приехал сюда, чтобы допросить вас?

— Да, именно так все и было. Сегодня утром он приехал ко мне и основательно поджарил со всех сторон. Но он поверил, что я не совершал этого убийства. Не понимаю, почему вы не хотите мне поверить.

— Прежде чем я приду к какому-нибудь выводу, мне нужно будет поговорить с Брэдшоу. Вы знаете, где он сейчас?

— Он сказал, что остановился в «Лейквью Инн» на северном берегу. Там он еще или нет, я не знаю.

Я встал и открыл дверь.

— Надо съездить посмотреть.

Я посоветовал Джаду никуда не исчезать, потому что повторная попытка скрыться предельно осложнит его положение. Он кивнул. Однако тут нервы у него сдали, и долго сдерживаемые чувства прорвались наружу: он бросился на меня. Тяжелое плечо ударило меня под ребра. Хватая ртом воздух, я врезался спиной в дверной косяк.

Следующий удар был направлен в лицо. Я отклонил голову, и огромный кулак с треском впечатался в штукатурку. Он вскрикнул от боли и ударил меня левой в низ живота. Я стал медленно сползать на пол. Скользящий удар коленом в челюсть подбросил меня вверх.

Он опять бросился на меня, наклонив вперед голову. Я отпрыгнул в сторону и коротко рубанул его по шее ребром ладони. Деревянно переставляя ноги, он по инерции проковылял в дверь, пересек лестничную площадку и нырнул вниз. Скатившись по лестнице, он замер на полу у первой ступеньки.

Когда прибыла полиция, он уже пришел в себя. Я прокатился вместе с ними в участок: мне нужна была гарантия, что они его не отпустят. Не прошло и пяти минут, как в участке появился Арни. Никто на свете не умел так быстро договариваться с полицейскими. Фоули задержали за нападение и еще целую кучу связанных с этим правонарушений и обещали продержат сколько потребуется.

Арни отвез меня в «Лейквью Инн». Отель оказалсясыпающейся каменной грудой с очертаниями в стиле калифорнийской готики, его история, очевидно, восходила к началу нашего столетия. Поколения отпускников и туристов прошли через этот холл, начисто вытоптав тот старосветский шарм, которым когда-то, возможно, и славились эти стены. Сейчас «Лейквью Инн» не производил впечатления такого отеля, где стал бы останавливаться Рой Брэдшоу.

Но Брэдшоу оказался в своем номере, как сообщил мне престарелый ночной портье. Старик извлек из жилетного кармана железнодорожные часы и посмотрел на циферблат.

— Однако уже поздновато, — заметил он. — Они могли уже лечь.

— Они?

— Мистер Брэдшоу и его жена. Я могу подняться наверх и пригласить его сюда, если хотите. Все никак не соберемся поставить телефоны в номера.

— Я сам поднимусь к нему. Я друг доктора Брэдшоу.

— А я и не знал, что он доктор.

— Доктор философии, — объяснил я. — Номер его комнаты?

— Тридцать один, это на самом верху. — Портье был явно доволен, что ему не придется тащиться туда самому.

Я оставил с ним Арни и поднялся на третий этаж. Окошко над дверью тридцать первого номера было освещено, и оттуда доносился неясный шум разговора. Я постучал. Голоса тут же стихли, зато послышались шаркающие шаги.

— Кто там? — спросил из-за двери Рой Брэдшоу.

— Арчер.

Последовало нерешительное молчание. Спящий в комнате напротив, видимо, потревоженный нашими голосами, захрапел.

— Что вы здесь делаете? — спросил Брэдшоу.

— Мне нужно поговорить с вами.

— А до утра это не может подождать? — В голосе были слышны нотки нетерпения, смешавшийся декан на время позабыл о своем гарвардском произношении.

— Нет. Не может. Мне нужен ваш совет, что делать с Джадсоном Фоули.

— Хорошо. Я сейчас оденусь.

Я подождал его в тускло освещенном коридоре. Здесь стоял немного едкий запах, типичный для старых зданий,

которые словно впитывают его в себя, пропуская ночь за ночью десятки людей через свои комнаты. Храп из номера напротив стал перемежаться ужасающими стонами, женский голос посоветовал мужчине повернуться на бок, он подчинился и затих.

Из номера Брэдшоу тем временем доносились быстро сменяющие друг друга голоса. Женский голос как будто требовал чего-то, на что голос Брэдшоу отвечал отказом. Мне показалось, я узнал женщину, но полной уверенности не было.

Уверенность пришла, когда Брэдшоу наконец открыл дверь. Он постарался выскользнуть так, чтобы я не смог заглянуть в комнату, но я успел заметить за его спиной Лору Сатерлэнд. Она сидела выпрямившись на краю незаправленной кровати в цветном халатике, безжалостно укороченном снизу. Волосы рассыпались по плечам, порозовевшее лицо ее было прекрасно.

Брэдшоу торопливо захлопнул дверь.

— Ну вот, теперь вы знаете.

Он был в спортивных брюках и свитере с воротником под горло, который делал его еще больше похожим на студента. Несмотря на внутреннюю напряженность — я ее почувствовал, — выглядел он совершенно счастливым.

— Я не знаю, что я знаю, — ответил я.

— Это не случайная связь, поверьте мне. Мы с Лорой недавно поженились. Пока что мы держим наш брак в секрете. Я хочу просить вас считаться с этим.

Я не ответил, буду я с этим считаться или нет.

— А к чему такая таинственность?

— У нас есть на то свои причины. Например, по уставу колледжа Лора должна будет оставить занимаемую должность. Разумеется, она и собирается это сделать, но не сразу. И кроме того, есть еще мама. Даже не знаю, как я смогу сказать ей обо всем.

— Просто возьмите и скажите. Она переживет эту новость.

— Вам легко говорить. Нет, это невозможно.

И невозможно это, подумал я, в первую очередь из-за маминых денег. Привычка всегда иметь под рукой любую сумму и мечтать о еще большем наследстве была не из тех, с которыми люди в его возрасте легко расстаются. Но в глубине души я начинал восхищаться Брэдшоу. В нем оказалось больше жизни, чем я подозревал.

Мы спустились вниз и прошли через холл, где Арни играл с портье в пьяницу. Бар представлял из себя мрачную

пещеру с оленьими рогами на стенах вместо сталактитов и посетителями вместо сталагмитов. Один из посетителей — мужчина в кепке и ветровке, явно из местных завсегдатаев, — уже изрядно нагрузившись, пожелал угостить выпивкой меня и Брэдшоу. На это бармен посоветовал ему идти домой. К моему удивлению, человек безропотно подчинился, большинство остальных тоже ушли.

Мы сели у стойки. Брэдшоу заказал двойной бурбон и настоял, чтобы я выпил то же самое, хотя пить мне не хотелось. В его настойчивости было нечто агрессивное. Он не простил мне ни того, что я раскрыл его тайну, ни того, что вытащил из теплой постели жены.

— Ну, — сказал он, — что там с Джадсоном Фоули?

— Он говорит, что в ту пятницу вечером вы узнали его.

— Интуиция подсказала мне, что это был он. — К Брэдшоу вернулся его гарвардский акцент, он пользовался им так же, как другие пользуются маской.

— Почему вы мне сразу этого не сказали? Вы сэкономили бы мне кучу времени, сил и денег.

Он значительно посмотрел на меня поверх бокала.

— Я не мог этого сделать, не будучи окончательно в этом уверенным, а такой уверенности у меня как раз и не было. Я не мог обвинить человека и пустить полицию по его следу, не выяснив наверное, что это был он.

— Значит, для выяснения этого обстоятельства вы сюда и приехали?

— Да, так получилось, что в этот приезд я смог решить сразу несколько проблем. Бывают в жизни человека периоды, когда все у него получается, вы не замечали? — В его серьезных глазах на мгновение заплескали радостные искорки. — Лора и я давно собирались провести здесь уик-энд тайком ото всех, и конференция дала нам такую возможность. Фоули стоял на втором месте, но, конечно, встреча с ним не потеряла от этого своей важности. Я виделся с ним сегодня утром и подробно обо всем расспросил. По-моему, он абсолютно непричастен.

— Непричастен к чему?

— К убийству Элен. Фоули отправился к ней, чтобы защитить ее, но, когда он туда приехал, ей уже не нужна была ничья защита. У него не выдержали нервы, и он сбежал.

— Чего же он испугался?

— Ложного обвинения. Того, что называют «подставкой». В прошлом у него были кое-какие нелады с законом.

Это, видимо, было связано с «подстрижкой», как выражаются знатоки, счета в футбольных матчах.

— Откуда вы знаете все это?

— Он сам мне рассказал. Есть во мне, — произнес он с тщеславным смешком, — что-то такое, что внушает доверие этим... э... отщепенцам. Человек был со мной предельно откровенен, и, по зрелому размышлению, я пришел к выводу, что он невиновен в убийстве Элен.

— Вероятно, вы правы. И тем не менее я хотел бы узнать о нем побольше.

— Я мало чем могу вам помочь. Он был приятелем Элен, один-два раза я видел ее в его компании.

— В Рино?

— Да. Часть лета я провел в Неваде. Это еще один факт моей биографии, о котором я предпочитаю не распространяться. В конце концов, имеет же человек право на личную жизнь, — добавил он как-то не очень уверенно.

— Вы хотите сказать, что были здесь с Лорой?

— Она была со мной, но не все время, — ответил он, опуская глаза. — Тогда у нас ничего еще не было решено окончательно. Что и говорить, решение оказалось не из простых. Ведь этот брак означал конец ее карьеры и конец моей... жизни с мамой, — закончил он, совсем смешавшись.

— Я понимаю, почему вы стремитесь сохранить все это в тайне. И все же очень жаль, что вы не сказали мне, что встречали Элен и Фоули в Рино в прошлом месяце.

— Да, конечно, я должен был сказать. Я приношу свои извинения. Видите ли, я так привык скрывать ото всех эту нашу тайну. — Уже другим, взволнованным голосом он добавил: — Я очень люблю Лору. И ревную ко всему, что может нарушить нашу идиллию. — Слова прозвучали официально и старомодно, но за ними, как мне показалось, скрывалось подлинное чувство.

— В каких отношениях находились Элен и Фоули?

— По-моему, они были друзьями, и ничего больше. Откровенно говоря, меня удивило то, что она выбрала себе в спутники такого человека. Но он был моложе ее, и это, я полагаю, ее в нем привлекало. Представительное сопровождение, знаете ли, имеет в Рино для женщины огромное значение. Мне и самому пришлось довольно туго, отражая многочисленные покушения хищно настроенных дам на мое свободное время.

— Элен входила в их число?

— Да, наверное, да. — Несмотря на царивший в баре полумрак, мне показалось, что его щеки слегка порозове-

ли. — Разумеется, она не знала о моей... моих отношениях с Лорой. Я держал это в секрете ото всех без исключения.

— Именно поэтому вы и не хотите, чтобы Фоули вызвали для повторного допроса?

— Я этого не говорил.

— Я спрашиваю вас.

— Наверное, да. Отчасти. — Последовало долгое молчание. — Но если вы считаете, что это необходимо, я не буду спорить. По сути, мне и Лоре нечего скрывать.

— Допивайте, джентльмены, — обратился к нам бармен. — Мы закрываемся.

Мы допили. В холле Брэдшоу торопливо и как-то нервно пожал мне руку, пробормотав что-то насчет заждавшейся жены. По лестнице он взлетел, шагая через две ступеньки.

Я подождал, пока Арни закончит партию. Одним из качеств, делавших его первоклассным детективом, была его способность вписываться в любую компанию, найти свое место в любой ситуации и с ходу завести разговор с любым человеком на любую тему. Перед тем как расстаться, он и ночной портье пожали друг другу руки.

— Женщина, с которой зарегистрировался в отеле твой друг, — сообщил он мне в машине, — симпатичная брюнетка с аппетитной фигурой, разговаривает по-книжному.

— Она его жена.

— Ты не говорил мне, что Брэдшоу женат, — довольно сердито произнес он.

— Я сам об этом только что узнал. Их брак пока *sub rosa*¹. За спиной бедняги маячит матушка с крутым характером. Пожалуй, она даже на переднем плане. У старой леди есть деньги, и, по-моему, он боится их потерять.

— Лучший для него выход — рассказать ей все как есть, а там будь что будет.

— Я посоветовал ему то же самое.

Арни включил скорость и покатил сначала на запад, потом на юг вдоль берега озера. В дороге он завел долгий рассказ про одну клиентку, делами которой занимался, работая до войны на агентство Пинкертона в Сан-Франциско. Это была богатая вдова шестидесяти лет, она жила в Хиллсборо вместе с сыном, которому уже перевалило за тридцать. Сын всегда возвращался домой к полуночи, но редко раньше этого часа, и ей захотелось узнать, как он проводит вечера. Выяснилось, что ее сын уже пять лет как

¹ *Sub rosa* (лат.) — под розой, древний символ секретности.

женат на бывшей официантке из ресторана, он содержал ее вместе с тремя малолетними детьми, сняв для них квартиру в южной части города.

На этом месте Арни, похоже, решил, что рассказывать больше нечего.

— Что с ними случилось? — спросил я.

— Старушка пришла в восторг от своих внучат и ради них примирилась с невесткой. После этого они все зажили счастливо под одной крышей, на ее деньги.

— Жаль, что Брэдшоу женился недавно и не успел завести детей.

Некоторое время мы ехали молча. Дорога свернула в сторону от берега, и теперь нас с обеих сторон окружали деревья, похожие на густые, сладко пахнущие зеленые сумерки. Я постоянно думал о Брэдшоу и этом его неожиданно проявившемся мужском начале.

— Арни, я бы хотел, чтобы ты проверил кое-что, касающееся Брэдшоу.

— Этот брак перевел его в разряд подозреваемых?

— Не для меня. По крайней мере, пока. Но он действительно утаил тот факт, что встречался с Элен Хаггерти в Рино прошедшим летом. Я хочу иметь точную информацию, что он делал здесь в августе. Джадсону Фоули он сказал, что занимался исследовательской работой в университете Невады, но это маловероятно.

— Почему ты так думаешь?

— Он получил докторскую степень в Гарварде и исследования обычно проводит там, в Беркли или в Стэнфорде. Хочу попросить тебя заняться и Фоули тоже. Посмотри, не удастся ли тебе докопаться до причины, по которой его уволили из клуба «Солитер».

— Ну, это должно быть не очень сложно. Охраной клуба заведует мой старый приятель. — Он посмотрел на часы, поднеся руку к приборной доске. — Мы могли бы заехать туда прямо сейчас, но сегодня воскресенье, боюсь, его уже не будет на дежурстве так поздно ночью.

— Ничего, это может подождать и до завтра.

Филлис ожидала нас за накрытым столом. Мы засиделись в ее кухне допоздна, что было неразумно. Пили пиво, делились воспоминаниями. В конце концов разговор, совершив полный круг, вернулся к Элен Хаггерти и ее смерти. В три часа утра, уже несколько навеселе, я читал им вслух ее перевод стихотворения из «Бриджтонского блейзера» про осеннюю скрипку и злые ветра.

— Это звучит ужасно грустно, — сказала Филлис. —

Она, должно быть, была замечательной девушкой, пусть даже это всего лишь перевод.

— Вот и отец сказал про нее то же самое — замечательная. Он, кстати, тоже необычный человек в своем роде.

Я попробовал рассказать им о старом пьянице полицейском с разбитым сердцем, который дал жизнь Элен. Как-то вдруг оказалось, что уже половина четвертого. Филлис уснула, ее голова покоилась на столе меж бутылок, напоминающая огромный взъерошенный георгин. Арни начал убирать посуду, стараясь не звенеть, чтобы не потревожить ее сон.

Когда я остался один в их комнате для гостей, меня ни с того ни с сего посетило предчувствие, как иногда бывает, если вы очень устали и при этом чем-то возбуждены. У меня вдруг появилась уверенность, что Хоффман дал мне этот журнал неспроста. В нем было что-то, что я, по его мнению, должен был знать.

Я сел в пижаме на край приоткрытой свежей постели и стал читать маленький журнальчик, пока глаза не отказались служить мне окончательно. Я узнал много всего о студенческой жизни Бриджтона, но не нашел ничего, что имело бы очевидное отношение к моему делу.

Правда, я наткнулся еще на одно стихотворение, которое мне понравилось. Оно было подписано инициалами Дж. Р. Б.

Будь черен свет,
А тьма бела,
Будь круг луны,
Как дно котла,

Будь ворон бел,
Как майский сад,
Моя любовь —
Черней, чем ад.

Я прочитал его вслух за завтраком. Филлис сказала, что завидует женщине, для которой оно было написано. Арни пожаловался, что его яичница-болтушка пережарена. Он был старше Филлис и болезненно реагировал на некоторые вещи.

После завтрака было решено, что Джадсону Фоули пока придется посидеть. Если Долли Кинкейд арестуют и предъявят ей обвинение, Фоули окажется чудесным сюрпризом для всех в качестве свидетеля защиты. Арни отвез меня в аэропорт, где я успел на рейс авиакомпании «Пасифик» до Лос-Анджелеса.

В аэропорту «Интернэшнл» я приобрел лос-анджелес-

скую газету и на одной из внутренних полос в разделе «Новости Юго-Запада» прочел короткую заметку об убийстве Хаггерти. Газета проинформировала меня, что для дачи показаний разыскивается женоубийца Томас Макги, выпущенный недавно из тюрьмы Сен-Квентин. Имя Долли Кинкейд не упоминалось.

Около полудня я вошел в сверкающий, как витрина магазина, офис Джерри Маркса. Его секретарь сообщила мне, что по понедельникам зачитывают список назначенных к слушанию дел, и Джерри провел утро в суде. Сейчас он, скорее всего, обедает где-нибудь неподалеку от здания суда. Да, мистер Кинкейд встречался с мистером Марксом в воскресенье, и они обо всем договорились.

Я нашел их обоих в том самом ресторанчике, где мы с Алексом обедали, когда началась вся эта история. Алекс подвинулся, освобождая на скамье место рядом с собой, он сидел лицом к входной двери. Время было обеденное, и у двери образовалась небольшая очередь.

— Я очень рад, что вы нашли общий язык, — сказал я.

— И я тоже, — ответил Алекс, улыбнувшись одной из своих редких улыбок. — Мистер Маркс просто удивительный человек.

Джерри, сморщившись, замахал рукой.

— Полно, полно. По сути, я еще и приступить-то не успел к вашему делу, поскольку сегодня утром должен был закончить еще одно. Я, правда, попытался просветить мозги Джила Стивенса, но он посоветовал мне изучить стенограмму судебного заседания. Миссис Кинкейд, — заметил он, искоса взглянув на Алекса, — оказалась столь же неразговорчивой, как и мистер Стивенс.

— Значит, вы разговаривали с Долли?

— Я попытался вчера, — сказал он, понизив голос. — Нам нужно уяснить для себя положение вещей, прежде чем до нее доберется полиция.

— А это обязательно должно произойти?

Джерри посмотрел вокруг себя на толпу служащих и завсегдатаев суда и заговорил еще тише.

— Если верить слухам, они собирались это сделать сегодня, после завершения баллистической экспертизы. Но что-то их задерживает. Шериф и приглашенные им эксперты все еще внизу в тире под зданием суда.

— Пуля могла разлететься на осколки. Такое часто случается при выстреле в голову. Или они могли переключо-

читься на другого подозреваемого. Я вижу, в газетах поместили объявление о розыске Томаса Макги.

— Да, розыск был объявлен вчера. Теперь этот парень, наверное, уже пересек мексиканскую границу.

— Ты считаешь, он действительно заслуживает внимания, Джерри?

— Чтобы ответить на твой вопрос, я сначала должен ознакомиться с материалами судебного заседания по его делу. А сам ты что думаешь?

Его вопрос тоже был не из легких. Но мне не пришлось ничего отвечать. Мое внимание привлекли две пожилые леди, одна в практичном черном, другая в модном зеленом. Они заглянули внутрь ресторана через стеклянную дверь, увидели ожидающую очередь и отвернулись. Женщина в черном была миссис Хоффман, мать Элен; в зеленом — вдова Люка Делони.

Я извинился, торопливо вышел на улицу и отправился вслед за ними. Они перешли на другую сторону и не спеша двигались в направлении центра города, их фигуры то оказывались ярко освещены солнцем, то почти исчезали в тени гигантских юкк, обрамлявших территорию Суда. Несмотря на то что между ними, судя по всему, шел непрекращающийся разговор, они производили впечатление совершенно чужих друг другу людей: их шаг не совпадал, и ни одна, видимо, не испытывала желания подстроиться к другой. Миссис Делони была гораздо старше, но ее походка была легкой уверенной походкой наездницы. Миссис Хоффман неуклюже переставляла натруженные ноги.

Я не стал переходить улицу и следовал за ними на расстоянии. Сердце колотилось у меня в груди. Приезд миссис Делони в Калифорнию подтверждал мое предположение, что убийство ее мужа и убийство Элен связаны между собой и что она знала об этом.

Женщины прошли два квартала до проспекта и вошли в первый попавшийся ресторан — ловушку для туристов с пустыми столиками, которые можно было видеть сквозь панорамные окна. На моей стороне наискосок от ресторана имелся табачный магазинчик с поднятыми жалюзи на витрине. Я ознакомился с его подборкой книг в мягкой обложке, купил пачку сигарет и выкурил три-четыре штуки, прикуривая их от старомодной газовой зажигалки. Кончилось тем, что я купил еще книгу по древнегреческой философии; там была глава о Зеноне, и я прочел ее стоя. Мои пожилые леди явно не торопились за столом.

— Арчеру нипочем не поймать старых леди,— произнес я вслух.

Человек за прилавком приложил ладонь к уху:

— Что-что?

— Ничего, я просто подумал вслух.

— У нас свободная страна. Я сам люблю с собою поговорить, когда не на работе. Здесь, в магазине, это выглядело бы не очень... соответствующе — произнося это слово, он улыбнулся, и его золотые зубы засверкали, как дамское украшение.

Старые леди вышли из ресторана и тут же, у дверей, расстались. Миссис Хоффман, прихрамывая, зашагала в южном направлении к своему отелю, а миссис Делони направилась в противоположную сторону. Теперь, когда рядом не было неуклюжей спутницы, она двигалась очень быстро. Издалека ее можно было принять за молодую женщину, по каким-то своим причинам выкрасившую волосы в седой цвет.

Она свернула с проспекта в направлении Суда и, пройдя полквартала, исчезла в современном здании из стекла и бетона. Бронзовая табличка рядом со входом гласила «Адвокатская контора Стивенса и Огилви». Я прошел вперед до угла здания, сел на лавочку на автобусной остановке и прочитал в своей новой книге про Гераклита. Все вещи текут, как река, писал он, ничто не стоит на месте. Параменид, напротив, утверждал, будто ничто в мире не изменяется само, а только кажется нам изменяющимся. Я внутренне согласился с обеими точками зрения.

Ко входу в контору Стивенса и Огилви подъехало такси. Миссис Делони вышла и села в машину. Прежде чем войти в здание, я записал ее номер.

Контора была большая, и никто не сидел без дела. Вдоль задней стены приемной в ряду крошечных закутков без перерыва трещали печатные машинки. Очень младший поверенный во фланелевом костюме горячо убеждал машинистку, сидевшую за первым столом, в том, как ему необходимо получить отпечатанную справку.

Бедняга ушел ни с чем. Ее стальной взгляд встретился с моим, и мы улыбнулись друг другу.

— Я печатала справки, когда он был еще только радостным блеском в глазах своего папочки. Чем я могу вам помочь?

— Мне крайне необходимо увидеть мистера Джила Стивенса. Моя фамилия Арчер.

Она заглянула в книгу предварительной записи, потом посмотрела на часы.

— Мистер Стивенс уходит на обед через десять минут. В контору он сегодня уже не вернется. Очень сожалею.

— Я пришел по делу об убийстве.

— Понятно. Я могу попробовать пропихнуть вас минут на пять, если от этого будет какой-то толк.

— Пяти минут может оказаться достаточно.

Она переговорила со Стивенсом по телефону и махнула мне рукой вдоль закуточков, указывая в конец зала, где размещался его кабинет. Кабинет был просторный и богато обставленный. Стивенс сидел на натуральной коже за столом из красного дерева, по бокам стеклянные шкафчики с призами, добытыми в парусных регатах. Лицом Стивенс напоминал льва. У него был большой властный рот, высокий лоб, над которым двумя упавшими крыльями нависали желтовато-белые волосы. Его бледно-голубые глаза, уже повидавшие все на свете как минимум однажды, теперь взирали на мир безо всякого удивления. Он был одет в твидовый костюм с ярким галстуком-бабочкой.

— Прикройте за собой дверь, мистер Арчер, и садитесь.

Я расположился на кожаном диванчике и начал объяснять, чем вызван мой визит. Тяжелый низкий голос прервал меня:

— В моем распоряжении лишь несколько минут. Я знаю, кто вы, сэр, и, полагаю, знаю, что у вас на уме. Вы хотите обсудить со мной дело Макги.

Я добавил:

— И дело Делони.

Его брови взметнулись вверх, сразу избороздив лоб множеством морщин. Иногда приходится рисковать, делясь своей информацией в надежде получить другую. Я рассказал ему, что случилось с Люком Делони.

Он подался вперед в своем кресле.

— Вы говорите, это каким-то образом связано с убийством Хаггерти?

— Такая связь должна существовать. Элен Хаггерти жила в доме, принадлежавшем Делони. Она заявляла, что знает свидетеля его убийства.

— Странно, что она об этом не упомянула. — Он говорил сейчас не со мной. Он говорил сам с собой о миссис Делони. И вдруг спросил, вспомнив о моем присутствии: — Почему же вы пришли с этим ко мне?

— Я полагал, вас это интересует, поскольку миссис Делони ваш клиент.

— Мой клиент?

— Да, я так понял.

— Вы можете понимать все, что вам угодно. Вы, судя по всему, следили за ней?

— Я случайно увидел, как она входила сюда. Но независимо от этого я уже два дня добиваюсь встречи с вами.

— Зачем?

— Вы защищали Тома Макги. Смерть его жены была второй в серии из трех связанных между собой убийств. Это началось с Люка Делони и закончилось Элен Хаггерти. Теперь они попытаются повесить убийство Хаггерти на Макги, или его дочь, или на них обоих. Я верю, что Макги невиновен и был невиновен с самого начала.

— Двенадцать его сограждан судили иначе.

— Почему, мистер Стивенс?

— Мне не доставляет удовольствия обсуждение прошлых ошибок.

— Они могут иметь значение для настоящего. Дочь Макги признает, что солгала в тот раз перед судом. Она говорит, что эта ложь стоила ее отцу свободы.

— Вот как она заговорила? Что ж, признание несколько запоздало. Мне следовало насесть на нее тогда во время перекрестного допроса, но Макги был против этого. Я совершил ошибку, посчитавшись с его желаниями.

— Какой мотив мог у него быть для этого?

— Кто может сказать? Родительская любовь, возможно, или его уверенность, что ребенок и так достаточно страдал. Десять лет тюрьмы — большая цена, чтобы заплатить за душевную чуткость.

— Вы убеждены, что Макги был невиновен?

— О, конечно. Признание его дочери в лжесвидетельстве устраняет всякие сомнения на этот счет. — Стивенс достал из стеклянной трубочки зеленую пупырчатую сигару, обрезал кончик и закурил. — Насколько я понимаю, эта информация строго конфиденциальна.

— Напротив. Я бы хотел увидеть ее в газетах. Это могло бы помочь вернуть сюда Макги. Он сейчас в бегах, как вам, вероятно, известно.

Стивенс не стал ни признавать, ни отрицать этого. Он сидел, похожий на гору, окутанную облаками сизого дыма.

— Я бы хотел задать ему несколько вопросов.

— О чем? — поинтересовался он.

— Ну, например, о втором мужчине — о том, в кого влюбилась Констанция Макги. Я так понимаю, он должен был играть какую-то роль в вашей защите.

— Он был гипотетической альтернативой Макги.— Лицо Стивенса сморщилось в горькой улыбке.— Но судья не разрешал упоминать о нем, кроме как в заключительной речи, если я не допущу Макги к перекрестному допросу. А последнее, по моему мнению, было неразумно. Тот, другой человек был обоюдоострым оружием. Он был не только вторым подозреваемым, его существование давало Макги мотив убийства. Я сделал ошибку, решив добиваться полного оправдания.

— Я не вполне понимаю.

— Это не важно. Все это уже история.— Он помахал рукой, и дым задвигался вокруг него, как пласты времени в памяти старого человека.

— А кто был тот, другой?

— Полноте, мистер Арчер, не надеетесь же вы в самом деле, забежав на минутку прямо с улицы, выжать меня досуха. Я как-никак уже сорок лет практикую в суде.

— Почему вы взялись за дело Макги?

— Том выполнял кое-какую работу на моих яхтах. Он мне нравился.

— Вы не хотели бы снять с него обвинение?

— За счет другого ни в чем не повинного человека, нет.

— Вы знаете, кто был этот другой?

— Знаю, если Тому можно верить.— По-прежнему плотно сидя в кресле, он растворялся, как чародей в исчезающих зеркалах.— Я не разглашаю секреты, которые мне доверяют. Я храню их, сэр. Поэтому люди и обращаются ко мне.

— Гнусная получится вещь, если Тома засадят в Сен-Квентин до конца жизни или отправят в газовую камеру.

— Безусловно. Но я подозреваю, что вы пытаетесь вовлечь меня в свое дело, а не в дело Тома.

— Нам бы вы, конечно, оченьгодились.

— Кому это «нам»?

— Дочери Макги Долли, ее мужу Алексу Кинкейду, Джерри Марксу и мне.

— А в чем заключается ваше дело?

— В раскрытии всех трех убийств.

— Как легко и просто это у вас получается на словах. Но в жизни все иначе. В жизни всегда остаются непривязанные концы, и иногда лучше всего такими их и оставить, пусть болтаются.

— Этого и добивается миссис Делони?

— Я говорил не от ее имени. И не собираюсь говорить от ее имени впредь.— Он очень энергично поработал губа-

ми, произнося все это, и табачная крошка попала ему на кончик языка. Он сплюнул.

— Она обратилась к вам за информацией по делу Макги?

— Без комментариев.

— Это, вероятно, означает «да». Вот вам еще одно подтверждение того, что дело Макги и убийство Делони взаимосвязаны.

— Мы не будем обсуждать этот вопрос, — коротко сказал он. — Что же касается вашего предложения объединить усилия, Джерри Маркс сегодня утром уже высказывался в этом плане. Как я сказал ему, я подумаю. Тем временем я хочу, чтобы вы и Джерри тоже поразмыслили кое о чем. Том Макги и его дочь могут оказаться по противоположные стороны в этом деле. Так определенно было десять лет назад.

— Тогда она была ребенком, которым манипулировали взрослые.

— Я это знаю. — Он поднялся на ноги, огромный в своем светлом твидовом костюме. — Мне было приятно поговорить с вами, но меня уже ждут к обеду. — Он прошел мимо меня к двери, махнув мне сигарой. — Прощу вас.

Я прошел по проспекту до отеля «Пасифик» и спросил там миссис Хоффман. Оказалось, что она только что выехала, не оставив адреса. Носильщик, помогавший ей вынести чемодан, сказал, что она уехала на такси с другой пожилой леди в зеленом плаще. Я дал ему пять долларов и адрес моего мотеля, пообещав еще пятерку, если он узнает, куда они поехали.

Шел третий час пополудни, и мой инстинкт подсказывал мне, что этот день станет решающим. А я был полностью оторванным от того, что происходило в кулуарах здания Суда, в тире и лаборатории, где сейчас проводилась баллистическая экспертиза, за закрытыми дверями лечебницы. Время ускользало, текло мимо меня, как гераклитова река, пока я разбирался с причудами престарелых леди.

Я вернулся к телефонным будкам с обратной стороны холла и набрал номер кабинета Годвина. Доктор находился у пациента и должен был освободиться не раньше десяти минут третьего. Я позвонил Джерри Марксу, секретарь ответила, что его еще нет на месте.

Для очистки совести я позвонил в агентство Уолтерса в Рио. Трубку снял Арни:

— Самое время для звонка, Лью. Я только что получил кое-какую информацию о нашем парне.

— О котором? Брэдшоу или Фоули?

— Некоторым образом это касается их обоих. Ты хотел знать, почему Фоули потерял свое место в клубе «Солитер». Ответ таков: он использовал свое положение кассира, чтобы выяснить, сколько стоит Брэдшоу.

— Как он это проделал?

— Ты знаешь, как клуб проверяет своих членов, когда они открывают счет. Администрация посылает запрос в банк клиента, получает приблизительные данные о его балансе и соответственно этому устанавливает сумму кредита. «Малая тройка» означает трехзначную цифру самого низкого показателя банковского баланса, скажем, пару сотен долларов. «Большая четверка» тянет на семь-восемь тысяч, а «малая пятерка» тысяч на двадцать-тридцать. Что, кстати, и составляет вилку финансового положения Брэдшоу.

— Он играет?

— Нет. В этом-то все и дело. Он никогда не открывал счета в «Солитере» или в каком-либо другом из известных мне игорных клубов. Но Фоули все равно послал на него запрос. Администрация клуба узнала об этом, вычислила Фоули и живенько от него избавилась.

— Тут пахнет возможностью шантажа, Арни.

— Больше чем возможностью. Фоули признался кое в чем на этот счет.

— Он признался еще в чем-нибудь?

— Пока нет. Он утверждает, что добывал эту информацию для друга.

— Элен Хаггерти?

— Фоули не называет имени. Он придерживает информацию в надежде договориться.

— Бросай все и договаривайся с ним. Ему досталось больше, чем мне. Я готов забрать назад свое обвинение.

— Может быть, не стоит, Лью.

— Договорись с ним. Если речь идет о шантаже, в чем я почти уверен, меня интересует, чем можно было шантажировать Брэдшоу.

— Это мог быть развод, — тут же произнес Арни. — Ты спрашивал, что Брэдшоу делал в Рино между серединой июля и концом августа. Так вот, ответ нашелся в адвокат-

ском реестре. Он оформлялся на жительство для развода с женщиной по имени Летиция О. Макреди¹.

— Летиция как?

— Макреди.— Он продиктовал фамилию по буквам.— Никакой информации об этой женщине собрать не удалось. По словам адвоката, занимавшегося оформлением развода, Брэдшоу не знал, где она проживает в настоящее время. Ее последний известный ему адрес был где-то в Бостоне. Официальное уведомление о расторжении брака вернулось оттуда с пометкой «адресат выехал в неизвестном направлении».

— Брэдшоу все еще на Тахо?

— Он и его новая жена выписались из отеля сегодня утром. Они отправились назад в Пасифик Пойнт. Так что теперь твоя очередь присматривать за малышом.

— «Малыш» не совсем подходящее слово для Брэдшоу. Интересно, мать знает о первом браке своего сына?

— Ты всегда можешь спросить ее об этом.

Я решил сначала попытаться поговорить с Брэдшоу. Вырулив со стоянки перед зданием Суда, я поехал в колледж. У всех студентов, встретившихся мне в аллее и в коридорах, особенно у девушек, был сумрачный, удрученный вид. На студенческий кампус легла тень грозного знака Смерти и Суда. И я отчасти ощущал себя его носителем.

Светленькая секретарша в приемной кабинета декана встретила меня напряженным, колючим взглядом, будто одна лишь ее воля не давала всему этому заведению развалиться на части.

— Декана Брэдшоу нет в кабинете.

— Еще не вернулся с уик-энда?

— Разумеется, вернулся. Сегодня утром декан Брэдшоу пробыл здесь больше часа,— добавила она с вызовом.

— А где он сейчас?

— Не знаю. Наверное, поехал домой.

— Вы как будто беспокоитесь за него.

Она ответила мне пулеметной очередью своей печатной машинки. Я ретировался, пройдя через холл к кабинету Лоры Сатерлэнд. Ее секретарша сказала мне, что мисс Сатерлэнд сегодня не появлялась. Утром она позвонила и сообщила, что, судя по всему, заболела и в колледж не

¹ Согласно законам штата Невада, любому гражданину США достаточно соответствующим образом оформить временное проживание в Рино, чтобы затем по первому требованию получить официальный брачный развод.

приедет. Я понадеялся в душе, что ее состояние не столь безнадежное, чтобы думать о Смерти и Страшном Суде.

Вернувшись на Футхилл, я поехал вдоль него к дому Брэдшоу. Ветер шумел в листве деревьев. Туман растаял, и полуденное небо сверкало слепящей голубизной. В прозрачном воздухе была видна каждая трещина, каждая складка поднимающихся ввысь гор.

Сейчас я острее, чем обычно, воспринимал все детали, и вместе с тем они существовали как бы в другом мире, я не чувствовал их реальности. Должно быть, в глубине души я радовался за Роя Брэдшоу и его молодую жену и боялся, что радость эта будет омрачена. Я проехал мимо его ворот, не заметив их,—пришлось разворачиваться и возвращаться назад. Узнав от испанки Марии, что Брэдшоу дома нет и не было весь день, я испытал почти облегчение.

Миссис Брэдшоу окликнула меня с лестницы тревожным, срывающимся голосом:

— Это вы, мистер Арчер? Я хочу поговорить с вами.

Она спустилась вниз. На ней был стеганый халат и полотняные тапочки. Этот уик-энд явно дался ей нелегко. Она выглядела совсем старой и больной.

— Мой сын не был дома три дня,—пожаловалась она мне.—И ни разу не позвонил за это время. Как вы считаете, что с ним случилось?

— Я как раз хотел бы обсудить с вами этот вопрос наедине.

Мария, слушавшая наш разговор всем телом, ушла, уязвленно раскачивая бедрами. Миссис Брэдшоу провела меня в комнату, где я никогда раньше не был,—небольшую гостиную, выходящую на патио¹ сбоку от дома. Мебель здесь была просторная и старомодная, напомнив мне этим комнату, где я беседовал с миссис Делони.

Царила в этой комнате огромная, написанная маслом картина, висевшая над камином. Это был портрет в полный рост и почти в натуральную величину красивого джентльмена с роскошными белыми усами и в визитке. Его черные глаза проследили за мной от двери до кресла, на которое указала мне миссис Брэдшоу. Сама она села в мягкое кресло-качалку на платформе, поставив ноги в тапочках на маленький пуфик.

— Я вела себя как себялюбивая старая женщина,—неожиданно заговорила она.—Я все обдумала и в конце

¹ Маленький дворик.

концов решила оплатить ваши расходы. Мне не нравится, что они делают с девочкой.

— Об этом вы, наверное, знаете больше меня.

— Наверное. В этом городе у меня есть несколько хороших друзей.

— Я благодарен вам за ваше предложение, но о деньгах уже позаботились. Муж Долли вернулся.

— В самом деле? Я так рада. — Она постаралась потеплеть душой при этой мысли, но у нее это плохо получилось. — Меня очень тревожит Рой.

— И меня тоже, миссис Брэдшоу. — Я решил рассказать ей часть того, что узнал. Ей так или иначе вскоре станет известно о его браке, вернее, браках. — Вы можете не опасаться за его здоровье. Вчера вечером я видел его в Рино, и он был в прекрасной форме. Сегодня утром он появлялся в колледже.

— Значит, его секретарша обманула меня. Даже не представляю, что они там пытаются сделать со мной или чего на самом деле хочет мой сын. Что ему понадобилось в Рино?

— Он приехал туда на конференцию, как он мне сказал. Кроме того, он встретился там с одним из подозреваемых в убийстве Элен Хаггерти.

— Получается, что он все-таки был очень к ней привязан, раз до сих пор всем этим занимается.

— Его действительно связывало кое-что с мисс Хаггерти. Но, я полагаю, связь эта не была романтической.

— А какой же тогда?

— Финансовой. Мне кажется, он платил ей деньги и со временем, действуя через Лору Сатерлэнд, нашел ей работу в колледже. Грубо говоря, Хаггерти шантажировала вашего сына. Сама она, возможно, называла это как-то иначе. Но она прибегла к помощи своего друга из Рино — человека сомнительной репутации — чтобы еще до приезда сюда детально выяснить, какими деньгами располагал ваш сын. К нему Рой и ездил в Рино.

Вопреки моим опасениям, припадка с миссис Брэдшоу не случилось. Мрачным тоном она спросила:

— Это факты, мистер Арчер, или вы упражняете свое воображение?

— Мне очень жаль, но воображение здесь ни при чем.

— Но каким образом можно было шантажировать Роя? Он вел безупречный образ жизни. Я его мать, он всегда был мне предан. Я бы непременно знала.

— Да, обычно мать бывает в курсе. Но это правило

имеет свои исключения. Подающий надежды руководитель колледжа обязан иметь безукоризненную репутацию. Неудачный брак, например, может поставить под вопрос его шансы на президентское кресло в Университете, о котором мы говорили.

— Неудачный брак? Но Рой никогда не был женат.

— Боюсь, что был,— сказал я.— Имя Летиции Макреди говорит вам о чем-нибудь?

— Нет.

Она солгала. При звуке этого имени ее лицо покрылось сеткой морщин, глаза уменьшились до двух горящих черных точек, а рот превратился в кожаный кошелек с затянутой тесьмой. Это имя было ей знакомо и ненавистно, подумал я, возможно, она даже боялась этой Летиции Макреди.

— Это имя должно что-то для вас значить, миссис Брэдшоу. Макреди была вашей невесткой.

— Вы, очевидно, сошли с ума. Мой сын никогда не был женат.

Она повторила эти слова с такой силой и убежденностью, что я на мгновение засомневался. Было маловероятно, что Арни ошибся,— с ним это случалось очень редко,— но оставалась возможность, что существуют два Роя Брэдшоу. Нет, Арни разговаривал с адвокатом Брэдшоу в Рино, он обязательно удостоверился бы в личности человека, о котором шла речь.

— Чтобы получить развод, нужно сначала жениться. А Рой получил в Рино развод две недели назад. Он находился в Неваде с середины июля до конца августа, оформив там проживание именно с этой целью.

— Теперь я точно знаю, что вы сошли с ума. Все это время он был в Европе, и я могу доказать это.— Она встала и на непослушных негнущихся ногах прошла к секретеру восемнадцатого века, стоявшему у стены. Когда она вернулась, в ее дрожащих руках я увидел кипу писем и почтовых открыток.

— Вот это все он мне прислал. Можете сами убедиться, что он был в Европе.

Я просмотрел открытки. Их оказалось штук пятнадцать, разложенных по порядку: Лондонский Тауэр (отправлено из Лондона, 18 июля); Бодлеанская библиотека (Оксфорд, 21 июля); собор в Йорке (Йорк, 25 июля); Эдинбургский замок (Эдинбург, 29 июля); Мостовая Веллкана (Лондондерри, 3 августа); театр Эбби (Дублин, 6 августа); Край Света (Сент-Ив, 8 августа); Триумфальная

Арка (Париж, 12 августа) и так далее через Швейцарию, Италию и Германию. Я прочел послание на открытке из Мюнхена (вид на Английские сады, отправлена 25 августа):

Дорогая Мамочка,

Вчера я побывал в замке Гитлера в Берхтесгадене — очень красивый вид, но ассоциации с этим именем придают ему мрачный характер, — а сегодня, для контраста, поехал на автобусе в Оберамергау, где исполняют Страсти Господни. Меня поразила почти библейская простота деревенских жителей. Вся эта часть сельской Баварии буквально заставлена поразительной красоты церквушками. Как жаль, что ты не можешь на них полюбоваться вместе со мной! Я огорчился, узнав, что твоя компаньонка на это лето ведет себя порой так колюче. Что ж, лето скоро закончится, и я по крайней мере буду счастлив повернуться спиной к красоте Европы и возвратиться домой.

С любовью
Рой»

Я поднял глаза на миссис Брэдшоу:

— Это почерк вашего сына?

— Да. Его ни с чем не спутаешь. Я знаю, что это он писал эти открытки и вот эти письма тоже.

Она помахала пачкой писем у меня перед носом. Я взглянул на почтовые штемпели: Лондон, 19 июля; Дублин, 7 августа; Женева, 15 августа; Рим, 20 августа; Берлин, 27 августа; Амстердам, 30 августа. Я начал было читать последнее («Дорогая Мамочка, пишу эту записку второпях, возможно, приеду раньше нее. Хочу сказать тебе, в каком я восторге от твоего письма про дроздов...»), но миссис Брэдшоу выхватила его у меня из рук.

— Пожалуйста, *не читайте* письма. Мы с сыном доверяем друг другу самое сокровенное, и он не хотел бы, чтобы я показывала его письма посторонним. — Она собрала все письма и открытки и заперла их в секретер. — Полагаю, я достаточно убедительно доказала, что Рой не мог быть в Неваде в то время, о котором вы говорили.

Несмотря на всю ее внешнюю уверенность, я уловил в ее голосе вопросительные интонации.

— А вы писали ему письма, пока он отсутствовал?

— Да. То есть я диктовала их этой мисс-как-ее-там, за исключением одного-двух, когда артрит все-таки позволил мне писать самой. Все лето я провела с компаньонкой. Ее

звали мисс Уодли. Она была одной из тех молодых женщин, которые мнят себя...

— Вы посылали ему письмо о дроздах?

— Да. В прошлом месяце они нас буквально заплотонили. Пожалуй, это было не письмо, а скорее, причудливая сказочка; там шла речь о дроздах, запеченных в пироге.

— Куда? Кажется, в Рим, в представительство «Америкэн Экспресс» в Риме. Прежде чем уехать, Рой оставил мне подробный план поездки.

— Он должен был быть в Риме двадцатого августа. Ответ на письмо о черных дроздах отправлен тридцатого августа из Амстердама.

— У вас поразительная память, мистер Арчер, но, боюсь, я не понимаю, к чему вы клоните.

— А вот к чему. Между получением и ответом на письмо прошло по меньшей мере десять дней — достаточный срок, чтобы некий сообщник мог получить его в Риме, отправить авиапочтой Рою в Рино, получить авиапочтой же ответ в Амстердаме и переслать его сюда.

— Я в это не верю. — Однако по всему было видно, что наполовину она все-таки поверила. — Зачем ему все эти сложности? Чтобы обмануть свою мать?

— Он стыдился того, что делал, — я говорю о разводе с Макреди в Рино — и не хотел, чтобы вы — или кто-либо еще — знали об этом. Он когда-нибудь раньше бывал в Европе?

— Конечно. Я возила его туда вскоре после войны, когда он заканчивал учебу в Гарварде.

— А многие из тех же самых мест вы тогда посетили?

— Да. Пожалуй. В Германии мы, правда, не были, но в большинстве других мест побывали.

— Следовательно, ему было бы не трудно написать письма заранее. Что касается открыток, его сообщник, скорее всего, покупал их в Европе и отсылал ему.

— Мне не нравится, что вы употребляете слово «сообщник» в связи с моим сыном. В конце концов, нет ничего преступного в этом... в этом обмане. Это дело чисто личное.

— Надеюсь, что это так, миссис Брэдшоу.

Она, должно быть, поняла, что я имел в виду. Ее лицо задвигалось, когда она постаралась скрыть свою боль. Повернувшись ко мне спиной, она отошла к окну. Несколько белоглазых дроздов бродили по плиткам патио, но она, как мне показалось, не замечала их. Одной рукой она грубо взъерошила волосы, еще и еще, пока они не растрепались, сделавшись похожими на пух отцветшего чертополоха.

Когда она наконец обернулась ко мне, глаза ее были полуприкрыты, словно дневной свет стал для нее невыносимой пыткой.

— Я хочу просить вас сохранить все это в тайне, мистер Арчер.

Рой Брэдшоу, говоря вчера вечером о браке с Лорой, выразился очень похоже.

— Я попробую,— ответил я.

— Пожалуйста, постарайтесь. Было бы трагично, если бы карьера Роя оказалась загубленной из-за юношеского неблагоразумия. Дело в том, что все это было именно юношеским неблагоразумием. Подобного никогда бы не случилось, если бы отец дожил до тех дней, чтобы направить его родительской рукой.— Она показала на портрет над камином.

— Под «этим» вы подразумеваете Макреди?

— Да.

— Стало быть, вы ее знаете.

Словно это признание отняло у нее последние силы, она безвольно опустилась в кресло-качалку, откинув голову на высокую мягкую спинку. Ее открытое морщинистое горло выглядело жалким и беззащитным.

— Мисс Макреди приезжала однажды повидаться со мной,— произнесла она.— Это было во время войны, до того как мы уехали из Бостона. Ей понадобились деньги.

— Она шантажировала вас?

— Так выходило, по сути. Она попросила у меня денег на оформление развода в Неваде. С Роем она познакомилась на Сколлей Сквер и заставила мальчика жениться на себе. Она могла разрушить его будущее. Я дала ей две тысячи долларов. Судя по всему, она потратила их на себя, наплевав на развод.— Миссис Брэдшоу вздохнула.— Бедный Рой.

— Он знал, что вам известно о его браке?

— Я никогда ему этого не говорила. Я полагала, что устранила все угрозы, заплатив деньги. Я хотела покончить со всем этим и как можно скорее забыть, без всяких разбирательств между мной и моим сыном. Но, очевидно, она продолжала преследовать его все эти годы.

— Преследовать во плоти или только как ночной кошмар?

— Кто знает? Я думала, что понимаю своего сына, знаю обо всех сторонах его жизни. Выходит, я ошибалась.

— Что это за женщина, вы не могли бы сейчас ее описать?

— Я видела ее лишь однажды, когда она появилась в моем доме в Белмонте. Впечатление сложилось самое неблагоприятное. Она заявила, что она актриса, временно без работы, но ее одежда и манера говорить выдавали в ней принадлежность к более древней профессии. — Миссис Брэдшоу саркастически усмехнулась. — Полагаю, я должна буду признать, что эта рыжая шлюшка была красива — грубой красотой, конечно. Но она совершенно не подходила Роя, и, без сомнения, сама это прекрасно понимала. Он был скромным мальчиком, которому едва минуло двадцать. Она же явно была женщиной с большим опытом.

— Сколько ей было лет?

— Лет тридцать, по крайней мере. Она была гораздо старше Роя.

— Значит, теперь ей за пятьдесят.

— Как минимум.

— Вы когда-нибудь встречали ее в Калифорнии?

Она так энергично замотала головой, что безжалостно обозначилась дряблость ее щек, по-стариковски провисших и подрагивающих.

— А Рой?

— Он никогда при мне не упоминал о ней. Мы всегда жили так, словно никакой Макреди вообще не существовало. И, умоляю вас, не говорите ему о том, что вы узнали от меня. Это навсегда подорвет наше доверие друг к другу.

— Могут возникнуть более важные соображения, чем это, миссис Брэдшоу.

— Что же может быть важнее этого?

— Его шея.

Она сидела, скрестив толстые щиколотки вытянутых ног. Мои слова настолько поразили ее, что со стороны могло показаться, будто она выслушала их совершенно бесстрастно. Крупное бесполое тело делало ее похожей на старого Будду.

— Что вы, не можете же вы серьезно подозревать моего сына в убийстве? — спросила она наконец, понизив голос.

Я произнес в ответ что-то невнятно-успокаивающее. Человек на портрете проводил меня глазами до двери. Я даже обрадовался, что отец Роя умер, когда подумал о том, что мне, возможно, придется сделать с его сыном.

Я с утра ничего не ел и по дороге в город остановился в ресторанчике, обслуживающем автоводителей. В ожидании своего бутерброда я вышел из машины и еще раз позвонил Арни Уолтерсу.

Арни уже договорился с Джадсоном Фоули. Сведения о финансовом положении Брэдшоу понадобились Элен Хаггерти. Фоули не мог или не захотел утверждать, что она задумала шантаж. Но вскоре после того, как он продал ей эту информацию, она неожиданно разбогатела, по меркам Фоули.

— Сколько она ему заплатила?

— Фоули говорит, пятьдесят долларов. Теперь он чувствует себя обманутым.

— Это чувство останется с ним пожизненно,— заметил я.— Она не говорила Фоули, что у нее есть на Брэдшоу?

— Нет. Наоборот, она очень тщательно это скрывала. Правда, есть одно, так сказать, негативное свидетельство: она ни словом не обмолвилась Фоули, что Брэдшоу был женат или пытался развестись. Это, вероятно, указывает на ценность такой информации для нее.

— Вполне возможно.

— всплыл еще один факт, Лью: эта Хаггерти знала Брэдшоу задолго до того, как они повстречались в Рино.

— Где и как они познакомились?

— Фоули говорит, что не знает, и я ему верю. Я предложил ему деньги за любую достоверную информацию. У него чуть сердце не разорвалось, когда он ничем не смог быть нам полезен.

Я нашел Джерри Маркса в юридической библиотеке на третьем этаже здания Суда. На столе перед ним высилась гора переплетенных в тома машинописных листов. Руки у него были в пыли, нос испачкан с одного боку.

— Ну как, раскопал что-нибудь, Джерри?

— Я пришел к одному весьма интересному выводу. Дело против Макги было довольно шатким. В своей основе оно опиралось на два момента: ранее отмечавшиеся нелады с женой и показания девочки. Некоторые судьи подобных вещей даже слушать бы не стали. Я подробно изучил ее показания, поскольку у меня, видимо, будет возможность опросить ее под пентоталом.

— Когда?

— Сегодня в восемь, в лечебнице. Доктор Годвин раньше не освободится.

— Я хочу присутствовать.

— Я не возражаю, но здесь все решает Годвин. Пока

это приглашение — все, чего я от него добился, а ведь я ее адвокат.

— По-моему, Годвин по каким-то своим причинам тянет резину. Ну ладно, до восьми часов нужно еще успеть кое-что сделать. Вообще то, о чем я тебя хочу попросить, — моя работа, но это твой город, и ты справишься быстрее. Выясни, действительно ли алиби Роя Брэдшоу в деле об убийстве Элен Хаггерти пылеводонепроницаемо и антимагнитно.

Джерри выпрямился на стуле и указательным пальцем измазал себе нос с другой стороны.

— А как мне это сделать?

— В пятницу вечером Брэдшоу произносил речь на встрече выпускников. Мне нужно знать, не мог ли он незаметно исчезнуть во время одного из других выступлений, или, может быть, он просто ушел оттуда достаточно рано, чтобы успеть убить ее. Как адвокат, ты имеешь право ознакомиться с любой информацией о времени ее смерти, которая имеется у людей шерифа или у патологоанатома.

— Я сделаю все, что в моих силах, — пообещал он, отодвигая стул.

— И еще одно, Джерри. Есть что-нибудь по результатам баллистической экспертизы?

— По слухам, она еще не закончена. «Слухи» не уточняют почему. Ты подозреваешь, они пытаются что-то подстроить?

— Нет, не это. Эксперты по баллистике подтасовками не занимаются.

Я оставил его собирать листы стенографического отчета, а сам отправился в центр, в отель «Пасифик». Мой новый приятель поговорил с шофером такси, отвозившим миссис Делони, и в обмен на вторые пять долларов сообщил, что обе женщины поселились в отеле «Сэрф Хаус». Я купил себе чистую рубашку, белье и носки и вернулся в мотель, чтобы принять душ и переодеться. Это было необходимо перед новой встречей с миссис Делони. Выходя из душа, я услышал стук в дверь. Стук был очень робкий, словно человек снаружи опасался, что дверь сделана из бьющегося стекла.

— Кто там?

— Мардж Герхарди. Впустите меня.

— Сейчас, только оденусь.

Эта процедура заняла некоторое время: пришлось вытаскивать булавки из новой рубашки, а руки от волнения плохо слушались и дрожали.

— Пожалуйста, впустите,— взмолилась женщина за дверь.— Я не хочу, чтобы меня увидели.

Я натянул брюки и как был босиком бросился к двери. Она влетела в комнату, будто в спину ей дул ураганный ветер. Ее яркие светлые волосы растрепались. Войдя, она тут же схватила и судорожно сжала мои руки.

— Полиция следит за моим домом. Не знаю, следовали они за мной сюда или нет. Я пробиралась вдоль пляжа.

— Садитесь,— сказал я, пододвигая ей стул.— Я уверен, что вы полиции не нужны. Их больше интересует ваш приятель Бегли — Макги.

— Не называйте его так, а то получается, будто вы над ним смеетесь.— Это было открытое признание в любви к несчастному Бегли.

— Как же вы хотите, чтобы я его называл?

— Я сама по-прежнему зову его Чаком. Человек имеет право изменить имя после того, что они с ним сделали и продолжают делать. К тому же он писатель, а писатели обычно пользуются псевдонимами.

— Хорошо, буду звать его Чак. Но вы сюда пришли, надеюсь, не для того, чтобы спорить о его имени.

Она неуверенно подергала полную нижнюю губку. Сегодня губы у нее не были накрашены, она вообще была без косметики и выглядела моложе и наивнее.

— Вы получили весточку от Чака? — спросил я.

Она кивнула почти незаметно, словно более определенный жест угрожал бы его свободе.

— Где он, Мардж?

— В безопасном месте. Я не должна говорить вам где, пока вы не пообещаете держать это в тайне от полиции.

— Я обещаю.

Ее светлые глаза вдруг засверкали.

— Он хочет поговорить с вами.

— Он не сказал о чем?

— Сама я его не видела. Послание мне передал по телефону его друг, работающий в гавани.

— Значит, он прячется где-то в том районе?

Она снова кивнула, и опять так же незаметно.

— Раз уж вы мне столько рассказали,— заметил я,— могли бы рассказать и остальное. Я дорого бы дал за возможность поговорить с Чаком.

— А полицию вы на него наводить не станете?

— Нет, по своей воле — нет. Где он, Мардж?

Она сморщила лицо и, зажмурив глаза, выпалила одним духом:

— Он на яхте мистера Стивенса «Ревенант».

— Как он на нее попал?

— Точно не могу сказать. Он знал, что мистер Стивенс в прошлый уик-энд ходил на ней в Бальбоа. По-моему, он просто отправился туда и сдался мистеру Стивенсу.

Я оставил Мардж в своей комнате. Она не хотела выходить одна и отказалась ехать со мной. Я покати по морскому бульвару в гавань.

В то время как буксиры и катера для лова тунцов стояли ближе к выходу из бухты, большинство судов, пришвартованных у слипов¹ или стоявших на якоре вдоль длинного плеча мола, были частными яхтами и прогулочными катерами, которыми их владельцы пользовались только в конце недели.

В понедельник лишь немногие из них вышли в море, хотя я и разглядел на горизонте несколько белых парусов. Паруса были развернуты к берегу и напоминали мачты, возвращающиеся к нам из далекого далека.

Человек, дежуривший в стеклянной кабине диспетчера, указал мне яхту Стивенса. Она стояла у самого конца дальнего слипа, но ее легко было найти из-за очень высокой мачты. Я прошел к ней по плавучему доку.

«Ревенант» был длинным, изящным, с низкой обтекаемой кабиной и рулевым отсеком судном. Лакировка нигде не потускнела, латунные части сверкали на солнце. Она покачивалась на мелкой волне, похожая на борзую, нетерпеливо рвущуюся с поводка.

Я поднялся на борт и постучал в дверь кабины. Ответа не последовало, но, толкнув дверь, я убедился, что она не заперта. Я скользнул вниз по короткой лесенке и прошел вдоль аппаратов коротковолновой связи и через крошечный камбуз, где пахло подгоревшим кофе, в спальный отсек. Овал солнечного света из иллюминатора прыгал вверх-вниз по перегородке в такт покачиваниям яхты, напоминая яркого живого зверька. Глядя на него, я тихо позвал:

— Макги?

Что-то шевельнулось на верхней койке. На уровне моих глаз появилось лицо. Это лицо как нельзя больше подходило матросу яхты с названием «Ревенант»². Макги сбрил бороду, и нижняя часть его лица и щеки светились матовой белизной. Он постарел, похудел и выглядел далеко не таким уверенным в себе.

¹ Приспособление для подъема на берег мелких судов.

² Revenant (англ.) — привидение, призрак.

— Вы пришли один? — прошептал он.

— Естественно, один.

— Стало быть, вы тоже не считаете меня виновным? — Теперь он был рад и таким мимолетным проблескам надежды.

— А кто еще не считает вас виновным?

— Мистер Стивенс.

— Это была его идея? — я показал жестом на него и на меня.

— Он не говорил, что я *не должен* этого делать.

— О'кей, Макги, что вы надумали?

Он лежал неподвижно и смотрел на меня. Рот его кривился, а в глазах металось что-то похожее на мольбу.

— Не знаю, с чего начать. Я жил одними мыслями десять лет; это так долго, что я почти утратил чувство реальности. Я знаю, что произошло со мной, но не знаю почему. Десять лет в тюрьме без надежды на досрочное освобождение, потому что я не желал признавать себя виновным. Как бы я мог? Меня наказали за чужое преступление. И вот сейчас они готовятся сделать со мной опять то же самое.

Он крепко сжал край койки из красного дерева.

— Я не могу вернуться в «Кью»¹, браток. Я отмотал там десять лет, и мне действительно пришлось тяжело. Никогда срок не кажется таким тяжелым, как тогда, когда ты отбываешь его за чужие грехи. О боже, как тянулись дни! Работы не хватало, так что половину этого времени я просто сидел и думал. Я скорее убью себя,— добавил он,— но назад им меня не отправить.

Он не шутил, и я ответил ему так же серьезно:

— Этого не случится, Макги. Я обещаю.

— Как бы я хотел вам верить. Со временем утрачиваешь привычку верить людям. Они не верят тебе, ты не веришь им.

— Кто убил вашу жену?

— Я не знаю.

— Кто, по-вашему, убил ее?

— Этого я не скажу.

— Вам пришлось изрядно потрудиться и многим рискнуть, чтобы вытащить меня сюда, и вот теперь вы вдруг заявляете, что ничего мне не скажете. Давайте вернемся к тому времени, когда все это началось, Макги. Почему жена ушла от вас?

¹ Разговорное название тюрьмы Сен-Квентин.

— Это я ушел от нее. Когда ее убили, мы не жили вместе уже несколько месяцев. В ту ночь я даже не был в Индиан Спрингс, я был здесь, в Пойнт.

— Почему вы ушли от нее?

— Потому что она меня об этом попросила. Мы не уживались вместе. С тех пор как я вернулся со службы, отношения между нами так и не наладились. Констанция с ребенком провели военные годы у сестры, и после этого она уже не смогла приспособиться к жизни со мной. Я признаю, что в то время слишком легко выходил из себя. Но разлад между нами подогревала в первую очередь ее сестра Алиса.

— Зачем?

— Она считала этот брак ошибкой. Мне кажется, она просто не хотела отпускать от себя Констанцию. Я ей мешал.

— А кто-нибудь еще ей мешал?

— Нет, если только Алиса могла этому воспрепятствовать.

Я сформулировал свой вопрос более прямо:

— В жизни Констанции был другой мужчина?

— Н-да-а. Был один.— Он выглядел смущенным, словно это он нарушил супружескую верность.— Я много над этим размышлял все эти годы и не вижу особого смысла в том, чтобы опять вытаскивать эту историю на свет божий. Тот парень никак не причастен к ее смерти, я уверен. Он был просто без ума от нее. Он не мог поднять на нее руку.

— Откуда вы знаете?

— Я разговаривал с ним незадолго до того, как ее убили. Девочка рассказывала мне о том, что происходило между ними.

— Вы имеете в виду вашу дочь Долли?

— Правильно. Констанция встречалась с ним каждую субботу, когда отводила Долли к врачу. В один из дней, когда я навещал девочку,— по сути, в последний день, когда мы с ней были вместе,— она рассказала мне про эти встречи. Ей тогда было всего лет одиннадцать-двенадцать, и она не понимала их подлинного значения, но догадалась, что происходит что-то неправильное.

Каждую субботу днем Констанция и этот человек отводили Долли в кинотеатр на двойной сеанс, а сами отправлялись куда-то вдвоем, скорее всего в мотель. Констанция просила девочку не выдавать ее, и та молчала. Мужчина даже давал ей деньги, чтобы она говорила Алисе, будто Констанция была в кино вместе с ней. Мне это тогда

показалось гнусным делом.— Макги попытался подогреть свою былую злость, но для этого он слишком много перестрадал и слишком много думал. Его лицо нависало над краем кровати, как полная, холодная луна.

— Мы могли бы называть его и по имени,— предложил я.— Это был Годвин?

— Нет. Это был Рой Брэдшоу. Профессор из колледжа. Теперь он там декан,— добавил Макги с печальной гордостью.

«Ему недолго осталось им быть,— подумал я,— он был для других столько ям, что ему уже некуда больше ступать».

— Брэдшоу был одним из пациентов доктора Годвина,— продолжал Макги.— Там они с Констанцией и познакомились, у него в приемной. Мне кажется, доктор как бы даже поощрял их к тому, что в конце концов и произошло.

— Почему вы так думаете?

— Брэдшоу сам мне так сказал. Доктор, мол, считал, что им обоим это пойдет на пользу, поправит их душевное здоровье. Забавная вещь, я отправился к Брэдшоу, чтобы заставить его отступить от Конни, даже если для этого придется его избить, но к тому времени, когда он закончил говорить, я уже был наполовину убежден, что они с Конни правы, а я неправ. Я так до сих пор и не разобрался, кто тут прав, кто виноват. Одно знаю: после первого года замужества подлинного счастья она со мной так и не испытала. Может быть, Брэдшоу сумел ей его дать.

— Вы именно поэтому не стали упоминать о нем на суде?

— И поэтому тоже. Да и какой смысл все это ворошить? Я бы только выглядел после этого еще хуже.— Он замолчал. В его голосе зазвучали горькие, отчаянные нотки, когда он сказал: — К тому же, я любил ее. Я любил Конни. Только так я и мог доказать, что любил ее.

— Вы знали, что Брэдшоу был женат на другой женщине?

— Когда?

— Последние двадцать лет. Он развелся с ней несколько недель назад.

Макги был потрясен. Он долгое время жил в мире иллюзий, и теперь я угрожал разрушить этот мир, выбить почву из-под ног. Он отпрянул к стенке, почти целиком скрывшись из вида.

— Ее звали Летиция Макреди — Летиция Макреди Брэдшоу. Вы когда-нибудь слышали о ней?

— Нет. Но как он мог быть женат? Он все время жил у себя дома со своей матерью.

— Браки бывают разные. Он мог не видеть свою жену годами, а мог встречаться с ней время от времени. Он мог поселить ее в этом городе втайне от матери и ото всех друзей. Я, кстати, подозреваю, что именно так и было, уж очень тщательно он постарался скрыть свой развод с ней.

— Не понимаю, какое отношение это имеет ко мне,— произнес Макги потеряннм голосом.

— Может быть, и имеет. И даже очень большое. Если эта Макреди жила в городе десять лет назад, у нее был мотив для убийства вашей жены — мотив такой же сильный, как и у вас.

Он упорно отказывался думать об этой женщине. Он слишком привык связывать это несчастье только со своим именем.

— У меня не было мотива. Я даже волоса на ее голове не посмел бы тронуть.

— Однако раз или два вы ударили ее.

Он замолчал. Я мог видеть только вьющиеся седые волосы, похожие на пыльный парик, и большие нечестные глаза, старающиеся быть честными.

— Да, было такое пару раз, я признаю. За это я претерпел потом все муки ада. Вы должны меня понять, я буквально выходил из себя, когда случалось перебрать лишнего. Поэтому Конни и отослала меня, и я ее за это не виню. Ее я не виню ни в чем. Я виню только себя.— Он глубоко вздохнул и медленно-медленно выдохнул.

Я предложил ему сигарету, от которой он отказался, закурил сам. Яркий подрагивающий солнечный зайчик на перегородке перебрался на самый верх. День клонился к вечеру.

— Значит, у Брэдшоу была жена,— произнес Макги. Он наконец смог переварить эту информацию.— А мне он сказал, что собирается жениться на Конни.

— Возможно, он и на самом деле собирался. Тем сильнее был бы мотив у этой женщины.

— Вы действительно думаете, что она убила Конни?

— На нее падает главное подозрение. Другое падает на Брэдшоу. Кстати, ваша дочь, должно быть, именно его и подозревала. Она поступила в колледж и нанялась на работу к нему в дом с единственной целью проверить свои подозрения. Вы подали ей эту мысль, Макги?

Он покачал головой.

— Я не понимаю, какую роль она играла во всем этом. Сама она тоже не смогла ничего внятно объяснить.

— Знаю,— ответил Макги.— Начиная с того времени, Долли много лгала. Но когда неправду говорит ребенок, вы смотрите на это по-другому, не так, как смотрели бы на взрослого.

— Вы, значит, склонны все прощать.

— О нет, совсем нет. В то воскресенье, увидев в газете ее фотографию вместе с мужем, я пошел к ней со злобой в сердце. Какое право имела она на счастливый брак после того, что сделала со мной? Только об этом я тогда и думал.

— И вы ей все это высказали?

— Так точно, выложил все как было. Только обиды моей надолго не хватило. Она так похожа на свою мать. Я словно вернулся на двадцать лет назад, к тем счастливым временам, когда мы с Конни только что поженились. Мы тогда прожили по-настоящему счастливый год. Я в то время служил на флоте, а Конни была беременна ею.

Его мысли постоянно уходили в сторону от нынешних событий.

Я едва ли мог упрекать Макги за это и все же постарался вернуть его к действительности.

— В то воскресенье вы здорово напустились на свою дочь, не так ли?

— Поначалу да. Я это признаю. Я спросил ее, почему она солгала на суде. Это был законный вопрос, не правда ли?

— Да, пожалуй. И что она ответила?

— Она ударилась в истерику. Заявила, что она не лгала, что видела меня с пистолетом и все такое и слышала, как я спорил с ее матерью. Это было неправдой — я ей так и сказал. Меня даже не было в Индиан Спрингс в тот вечер. Она тут же замолчала и уставилась на меня во все глаза.

— Что было дальше?

— Дальше я спросил ее, для чего она оговорила меня.— Он облизнул губы и продолжал, понизив голос: — Я спросил ее, может быть, она сама случайно убила свою мать, револьвер-то у Алисы валялся где попало. Это был ужасный вопрос, но я должен был его задать. Долгие годы он не выходил у меня из головы.

— Со времени суда?

— Да. Даже раньше.

— Поэтому вы и не позволили Стивенсу допрашивать ее?

— Да. Лучше бы мне было тогда не мешать ему. Теперь, десять лет спустя, я сам провел этот допрос.

— Что в результате?

— Истерика сильнее прежнего. Она смеялась и плакала одновременно. Мне никогда никого не было так жаль. Ее лицо побелело, как лист бумаги, из глаз катились слезы. Ее слезы казались такими чистыми.

— Что она сказала?

— Сказала, что не убивала, естественно.

— А это было возможно? Она умела обращаться с револьвером?

— Немного. Я давал ей несколько уроков, и Алиса тоже. Чтобы нажать на курок, тем более случайно, большого умения не требуется.

— Вы по-прежнему считаете, что так могло быть?

— Не знаю. Именно об этом я и хотел с вами поговорить.

Эти слова словно освободили его от каких-то невидимых пут. Он спустился с верхней койки и встал в узком проходе лицом к лицу со мной. На нем оказалась черная матросская майка, джинсы «левис» и матерчатые туфли на резиновой подошве.

— Вы можете пойти и поговорить с ней,— сказал он.— Я не могу. Мистер Стивенс не хочет. Но вы другое дело, вы можете пойти к ней и спросить, что же в действительности произошло.

— Она может и не знать.

— Я понимаю это. Тогда, в воскресенье, она совсем потеряла голову. Видит бог, я не пытался ее запутать. Я только задал ей несколько вопросов. Но она, похоже, не видела никакой разницы между тем, что случилось, и своими показаниями в суде.

— Кстати, об этих ее показаниях — она совершенно недвусмысленно признала, что сочинила их.

— Их сочинила за нее Алиса. Могу себе представить, как это было. «Так ведь все и случилось, не правда ли?..— говорила она.— Ты видела папу с револьвером в руке, ведь так?» Ну и через некоторое время девочка вызубрила все это наизусть.

— Как вы полагаете, Алиса стала бы сознательно подставлять вас?

— Сама она не считала, что подставляет меня. Для нее моя виновность была неоспоримым фактом. Она лишь заботилась о том, чтобы я не ушел от возмездия за свое преступление. Вероятно, она вкладывала свои слова в уста

девочки и не подозревая, что подделывает улики. Моя дорогая свояченица давно мечтала до меня добраться, так что...

— А до Конни ей тоже хотелось добраться?

— Конни? Да она в Конни души не чаяла. Алиса была для нее больше матерью, чем сестрой. Она и старше ее лет на четырнадцать-пятнадцать.

— Вы говорили, что она никуда не хотела отпускать от себя Конни. Ее чувства к ней могли измениться, узнай она о Брэдшоу.

— Но не настолько. Да и к тому же, от кого бы она это узнала?

— От вашей дочери, например. Если Долли рассказала обо всем вам, она рассказала бы о том же и Алисе.

— Ну это вы хватили,— покачал головой Макги.

— Приходится. Дело такое глубокое, что я до сих пор не вижу дна. Вы не знаете, Алиса когда-нибудь жила в Бостоне?

— По-моему, она всю жизнь прожила здесь. Она ведь, что называется, Уроженка Здешных Мест. Я тоже здешний уроженец, только почему-то меня забыли наградить за это медалью.

— Даже Здешные Уроженки, говорят, бывали в Бостоне. Алисе не случилось когда-нибудь выступать на сцене, выходить замуж за человека по фамилии Макреди или красить волосы в рыжий цвет?

— Все, что вы сейчас перечислили, совсем на нее не похоже.

Я вспомнил ее фантастический розовый альков и усомнился в справедливости его слов.

— Это больше похоже на...— договаривал тем временем Макги и вдруг остановился. Какое-то мгновение он молча смотрел на меня.— Я, пожалуй, возьму сигарету, которую вы мне предлагали.

Я протянул ему пачку и щелкнул зажигалкой.

— Что вы хотели сказать?

— Ничего. Я, должно быть, просто подумал вслух.

— О ком вы думали?

— Вы не знаете этого человека. Давайте забудем об этом.

— Ну же, мистер Макги, вы должны быть откровенны со мной.

— У меня еще осталось право на сокровенные мысли. Это помогло мне выжить в тюрьме.

— Сейчас вы на свободе. Разве вам не хочется оставаться на свободе и впредь?

— Нет, если вместо меня сядет кто-то другой.

— Размазня! — не удержался я. — Кого вы покрываете на этот раз?

— Никого.

— Мардж Герхарди?

— Вы что, спятили?

Больше мне ничего не удалось от него добиться. Долгие гнетущие годы тюрьмы порой проявляют в людях самые необычные свойства. Макги стал похож на свихнувшегося святого.

Его мучениям суждено было продлиться. Выбравшись наверх через рулевой отсек, я увидел трех человек, спешивших к яхте по плавучему доку. На фоне багровой вспышки заката их тела, головы в шляпах казались черными, словно вылитыми из чугуна.

Один из них сунул мне под нос значок помощника шерифа и пистолет; пистолет он не убрал, держа меня на прицеле, пока двое других спустились вниз. Я слышал, как Макги вскрикнул. Спотыкаясь, он вышел из кабины в отвсечивающих синим наручниках, такой же синий пистолет упирался ему в спину. Он бросил на меня один-единственный взгляд, и взгляд этот был полон страха и ненависти.

На меня наручников надевать не стали, но заставили прокатиться в суд в зашторенном отделении машины шерифа на одном сиденье с Макги. Я пытался заговорить с ним. Он упорно молчал и даже не смотрел в мою сторону. Он был уверен, что это я выдал его, и, возможно, так оно и получилось, хотя и помимо моей воли.

Меня усадили под присмотром полицейского на скамью снаружи комнаты для допросов. Через дверь я слышал, как Макги допрашивали: голоса повышались, падали, увещевали, орали, угрожали, обещали, запрещали и льстиво уговаривали. Прибыл шериф Крейн. Он выглядел усталым, но очень важным. Напротив меня он остановился и, выставив живот, улыбнулся сверху вниз.

— На этот раз ваш друг по-настоящему влип.

— Последние десять лет он и не вылезал из трясины. Вы должны бы это знать, вы ведь помогали топить его.

На щеках шерифа проступили багровые пятна.

Он наклонился вперед, выдыхая мне в лицо пахнущие картины слова:

— Я мог бы упрятать тебя за решетку за такую неосмотрительную болтовню. Знаешь, куда теперь отправится твой приятель? Прямоком в зеленую комнату.

— Он будет не первым невинным человеком, которого отравят в газовой камере.

— Невинным? Макги — убийца, на совести которого несколько жизней, и у нас есть улики, доказывающие это. Мои эксперты целый день потратили, чтобы установить с абсолютной точностью: пуля, найденная в трупe Хатгерти, была выпущена из того же револьвера, что и пуля, убившая жену Макги, — того самого револьвера, который он украл из дома Алисы Дженкс в Индиан Спрингс.

Мне удалось спровоцировать шерифа на разглашение секретной информации. Я постарался развить успех.

— У вас нет доказательств, что это он украл его. У вас нет доказательств, что именно Макги стрелял из него в обоих случаях. Где он мог хранить револьвер все эти десять лет?

— Спрятал где-нибудь. Может быть, на яхте Стивенса. А может быть, у него был сообщник, хранивший револьвер у себя.

— А в кровати дочери он спрятал его, чтобы подставить ее, так получается?

— Это как раз будет на него похоже.

— Чушь!

— Ты мне таких слов не говори. — Он угрожающе надвинулся на меня пушечным ядром своего живота.

— Ты не говори таких слов шерифу, — грозно повторил охранник.

— Я что-то не помню, чтобы закон запрещал употреблять слово «чушь». И кстати, я не нарушил ни одного пункта законодательства Калифорнии, отправившись на яхту для встречи с Макги. Я провожу это расследование в сотрудничестве с местным адвокатом и имею право добывать информацию везде, где это возможно, и сохранять ее в тайне.

— Как ты узнал, что он там?

— Мне подсказали.

— Кто подсказал? Стивенс?

— Нет, Стивенс здесь ни при чем. Мы могли бы обменяться информацией, шериф. Как вы-то узнали, что он там?

— Я не заключаю сделок с подозреваемыми.

— И в чем вы меня подозреваете? В незаконном употреблении слова «чушь»?

— Все не так смешно, как вам кажется. Вас взяли вместе с Макги. Я имею право задержать вас.

— А я имею право вызвать адвоката. Попробуйте наплевать на мои права и увидите, где окажетесь. У меня есть друзья в Сакраменто.

К этим друзьям не принадлежали ни Генеральный прокурор штата, ни кто-либо из его окружения, но мне понравилось, как звучит эта фраза. Зато она не понравилась шерифу Крейну. Он был наполовину политиком и, как большинство людей такого типа, опасался за свое положение. После секундного раздумья он проворчал:

— Можешь позвонить.

Шериф вошел в комнату для допросов — передо мной на миг мелькнуло посеревшее лицо Макги, сгорбившегося на стуле под яркой лампой, — и его голос присоединился к общему гулу.

Мой охранник отвел меня в маленькую комнатку по соседству и оставил наедине с телефоном. Я им воспользовался, чтобы позвонить Джерри Марксу. Он уже собрался ехать на встречу с доктором Годвином и Долли, но, услышав последние новости, пообещал немедленно прибыть в Суд и, если удастся, привезти с собой Джилла Стивенса.

Они появились вместе меньше чем через пятнадцать минут. Стивенс метнул на меня быстрый взгляд из-под поникших белых крыльев седой шевелюры. Взгляд был мимолетный и очень сложный по содержанию; видимо, он означал, что для протокола мы не знакомы. Я подозревал, что старый адвокат посоветовал Макги увидеться со мной и, вероятно, сам устроил эту встречу. Я мог использовать факты, сообщенные мне Макги, таким образом, который для него самого был недоступен.

С помощью завуалированных угроз возбудить дело о нарушении закона о неприкосновенности личности Джерри Маркс вытащил меня оттуда. Стивенс остался в суде вместе с шерифом и помощником окружного прокурора. Ему, без сомнения, понадобится гораздо больше времени, чтобы вытащить своего клиента.

Луна висела над самыми крышами домов, как перезревший плод, бросивший вызов закону земного тяготения. Она была огромной и слегка сплюснутой.

— Красиво, — заметил Джерри, когда мы вышли на стоянку.

— А мне напоминает гнилой апельсин.

— Уродство живет в глазах смотрящего. Я открыл эту истину, сидя на коленях у матери и на других столь же

невысоких местах, как говорил один известный государственный деятель.— Джерри всегда приходил в чудесное расположение духа, когда пытался применить на практике что-нибудь из того, что учил в юридическом колледже, и это срабатывало. Довольный, он, пританцовывая, подошел к машине и, сев за руль, включил зажигание.— Мы опаздываем к доктору Годвину.

— Вы успели проверить алиби Брэдшоу?

— Успел. Похоже, к нему не придерешься.— По дороге он сообщил мне детали: — Исходя из падения температуры тела, степени свернутой крови и так далее, помощник coronera определил, что смерть мисс Хаггерти наступила не позже половины девятого. Примерно с семи до половины десятого декан Брэдшоу сидел, стоял и говорил на глазах у доброй сотни свидетелей. Я побеседовал с тремя из них, тремя выпускниками, выбранными более-менее наугад, и все они сошлись во мнении, что он не покидал председательского стола в течение всего вечера. Значит, он чист.

— Да, очевидно.

— Ты как будто разочарован, Лью.

— Отчасти да, отчасти же я испытал облегчение. Брэдшоу мне, пожалуй, нравится. Но я был почти уверен, что он и есть тот, кого мы ищем.

За оставшиеся минуты пути до лечебницы я вкратце рассказал ему, что узнал от Макги и от шерифа. Джерри присвистнул, но больше никак не прокомментировал услышанного.

Дверь нам открыл доктор Годвин. Он был, как всегда, в чистом белом халате, выражение лица — недовольное.

— Вы опаздываете, мистер Маркс. Я уже собирался позвонить и отменить свидание.

— Возникла непредвиденная задержка. Сегодня около семи вечера полиция арестовала Томаса Макги. С ним вместе был мистер Арчер, его тоже арестовали.

Годвин повернулся ко мне.

— Вы были с Макги?

— Он послал за мной, и мы поговорили. Я бы очень хотел сравнить его рассказ с рассказом Долли.

— Боюсь, что вы не можете... э... принять участия в этой беседе,— сказал Годвин несколько смущенно.— Как я уже указывал вам раньше, вы не имеете профессиональных льгот.

— Имею, если действую по поручению мистера Маркса. А именно так и обстоит дело.

— Мистер Арчер прав в обоих случаях,— кивнул Джерри.

Годвин неохотно впустил нас. Мы были чужаками, вторгающимися в его сумеречное царство. Я уже частично утратил доверие к его благонамеренному деспотизму, но пока никак этого не показывал.

Он проводил Джерри и меня в смотровую комнату, где нас уже ожидала Долли. Она сидела на краю обитого войлоком стола в безрукавом белом больничном халате. Алекс был с ней. Он молча стоял рядом, держа обе ее руки в своих. Его глаза, устремленные на ее лицо, горели восторгом обожания, словно она была жрицей или божеством некоего необычного культа, имевшего только одного последователя.

Ее гладко причесанные волосы сияли. Лицо было спокойным. Только глаза смотрели утрумо и с беспокойством и были как бы обращены в глубину ее души. Они скользнули по мне, и в них не отразилось ничего, словно мы никогда не встречались.

Годвин коснулся ее плеча.

— Ты готова, Долли?

— Да, наверное.

Она легла на войлочный стол. Алекс продолжал держать ее за одну руку.

— Если хотите, можете остаться, мистер Кинкейд. Но, возможно, ей будет легче, если вы уйдете.

— Нет-нет, не надо,— проговорила девушка.— Когда он рядом, я чувствую себя спокойнее. Я хочу, чтобы Алекс знал о... обо всем.

— Да. Я останусь.

Годвин приготовил все для подкожной инъекции, ввел иглу в руку и закрепил ее на белой коже лейкопластырем. После этого он попросил Долли считать от ста в обратном порядке. При счете девяносто шесть ее тело обмякло, и светившееся изнутри лицо погасло. Когда доктор обратился к ней с вопросом, оно вновь загорелось, но свет уже был каким-то тусклым.

— Ты слышишь меня, Долли?

— Я слышу вас,— невнятно произнесла она.

— Говори громче. Я тебя не слышу.

— Я слышу вас,— повторила она. Голос ее слегка плыл.

— Кто я?

— Вы доктор Годвин.

— Ты помнишь, как маленькой девочкой ты ходила ко мне в кабинет на беседы?

— Помню.

— Кто обычно привозил тебя ко мне?

— Мамочка. Она привозила меня на машине тети Алисы.

— Где ты тогда жила?

— В Индиан Спрингс, в доме тети Алисы.

— И мама тоже жила там?

— Мамочка тоже жила там. Она тоже там жила.

Долли покраснелась и разговаривала, как пьяный ребенок. Доктор повернулся к Джерри Марксу и жестом предложил ему продолжать. Темные глаза Джерри смотрели печально.

— Ты помнишь тот вечер, когда убили твою маму?

— Помню. Кто вы?

— Я Джерри Маркс, твой адвокат. Ты можешь безбоязненно говорить со мной.

— Да, да, можно,— подтвердил Алекс.

Девушка сонно посмотрела на Джерри.

— Что вы хотите, чтобы я вам сказала?

— Только правду. Не важно, чего хочу я или чего хотят другие. Просто расскажи мне все, что ты помнишь.

— Я попытаюсь.

— Ты слышала пистолетный выстрел?

— Слышала.— Она сморщилась, словно он снова прозвучал у нее в ушах.— Я... он напугал меня.

— Ты видела кого-нибудь?

— Я не сразу спустилась вниз. Мне было страшно.

— Ты видела кого-нибудь за окном?

— Нет. Я слышала, как отъехала машина. Перед этим я слышала, как она бежала.

— Ты слышала, как кто бежал?

— Сначала, когда она говорила с мамочкой, я подумала, что это тетя Алиса. Но это не могла быть тетя Алиса. Она бы не стала стрелять в мамочку. К тому же, у нее пропал пистолет.

— Откуда ты знаешь?

— Она сказала, что это я взяла его из комнаты. Она отшлепала меня щеткой для волос за то, что я его украла.

— Когда она отшлепала тебя?

— В воскресенье вечером, когда вернулась домой из церкви. Мамочка сказала, что тетя Алиса не имеет права

шлепать меня. Тогда тетя Алиса спросила маму, не она ли его взяла.

— И что же?

— Она не ответила — по крайней мере пока я была с ними. Потом они отослали меня спать.

— Ты брала пистолет?

— Нет. Я до него даже не дотрагивалась. Я его боялась.

— Почему?

— Я боялась тети Алисы.

Долли раскраснелась, на лице ее выступили капельки пота. Она с усилием попыталась приподняться на локтях. Доктор мягко уложил ее обратно на стол, поправил иглу. Девушка вновь расслабилась, и Джерри продолжил:

— Это тетя Алиса разговаривала с твоей мамой в дверях?

— Мне так показалось поначалу. Голос был похож. У нее был низкий пугающий голос. Но это не могла быть тетя Алиса.

— Почему же не могла?

— Не могла, и все.

Она повернула голову, словно к чему-то прислушиваясь. На полузакрытые глаза упал темный локон. Алекс осторожным жестом убрал его со лба.

— Та леди у двери сказала, что, значит, это все правда — про маму и про мистера Брэдшоу. Она сказала, что узнала об этом прямо из папиных уст, а папа узнал от меня. А потом она выстрелила в мою мамочку и убежала.

В комнате стояла мертвая тишина, было слышно лишь тяжелое дыхание девушки. В уголке ее глаза показалась слеза и медленно, как капля меда, сползла по виску с набухшими голубыми венами. Алекс нежно промокнул висок носовым платком. Джерри нагнулся к ней с другого края стола.

— Почему ты сказала, что маму застрелил папа?

— Так хотела тетя Алиса. Она мне этого не говорила, но я видела сама. И я боялась, что она подумает, будто это я сделала. Она отшлепала меня за кражу пистолета, а я не брала его. Я сказала, что папа взял. Она заставляла меня повторять это снова и снова.

Слез стало больше. Долли плакала по той девочке, напуганной и готовой солгать, которой была, и по женщине, которой с таким трудом становилась. Алекс вытер ей глаза. Он сам едва сдерживал слезы.

— Почему,— спросил я,— ты пыталась нас уверить, что сама застрелила свою мать?

— Кто вы?

— Я друг Алекса Лью Арчер.

— Это правда,— кивнул Алекс.

Она попыталась приподнять голову и тут же бессильно уронила ее.

— Я забыла, о чем вы меня спросили.

— Почему ты сказала, что убила свою мать?

— Потому что это я во всем виновата. Я рассказала папе про нее и мистера Брэдшоу. С этого все и началось.

— Откуда ты знаешь?

— Леди у двери так сказала. Она пришла убить мамочку из-за того, что ей сказал папа.

— Ты знаешь, кто она?

— Нет.

— Это была тетя Алиса?

— Нет.

— Кто-то, кого ты знала?

— Нет.

— А твоя мать знала ее?

— Не знаю. Может быть, знала.

— Она разговаривала с ней как со знакомой?

— Она звала ее по имени.

— Что это было за имя?

— Тиш. Она звала ее Тиш. Правда, я слышала по голосу, что маме она не нравится. И она ее боялась.

— Почему ты никогда и никому не говорила этого раньше?

— Потому что я была одна во всем виновата.

— Нет, это не так,— вмешался Алекс.— Ты была всего лишь ребенком, ты не могла отвечать за то, что делали взрослые.

Годвин призвал его к молчанию поднеся палец к губам. Голова Долли раскачивалась из стороны в сторону.

— Я была одна во всем виновата!..

— Разговор продолжается уже достаточно,— прошептал Годвин Джерри.— В ее состоянии наметился некоторый прогресс, и я хочу иметь возможность закрепить достигнутое.

— Но мы не добрались еще до дела Хаггерти!

— Тогда поторопитесь.— Годвин повернулся к девушке.— Долли, ты хочешь поговорить о вечере прошлой пятницы?

— Только не о том, как я ее нашла.— Она сморщилась так сильно, что щеки почти закрыли глаза.

— Тебе не нужно вспоминать эти подробности,— сказал Джерри.— Скажи только, что ты там делала?

— Я хотела поговорить с Элен. Я часто поднималась к ней наверх, чтобы поговорить. Мы были друзьями.

— Как получилось, что ты с ней подружилась?

— Я вкралась к ней в доверие,— произнесла она со странной безучастной прямоотой.— Я сначала думала, что она могла быть той леди... той женщиной, которая стреляла в маму. В студенческом городке поговаривали, что она в близких отношениях с деканом Брэдшоу.

— Значит, ты решила, что эту женщину следует искать в студенческом городке?

— Да. Только Элен тут оказалась ни при чем. Я выяснила, что она совсем недавно появилась в городе, и она сама сказала мне, что между нею и деканом Брэдшоу ничего нет. Я не имела права втягивать ее во все это.

— А ты ее втянула? Каким образом?

— Я рассказала ей все: про маму и Брэдшоу, про убийство и про женщину у двери. Элен убили потому, что она слишком много знала.

— Это возможно,— согласился я.— Но узнала она все это не от тебя.

— От меня! Я все ей рассказала.

Годвин дернул меня за рукав:

— Не спорьте с ней, не теряйте времени. Она быстро выходит из этого состояния, но пока еще мозг работает на подсознательном уровне.

— Элен тебя спрашивала о чем-нибудь?

— Да, спрашивала.

— Значит, ты не сама навязывала ей эту информацию.

— Нет, ей самой хотелось знать.

— Что ей хотелось знать?

— Все про декана Брэдшоу и мою маму.

— Она говорила тебе, зачем ей это?

— Она хотела помочь мне в моих поисках. После того разговора с папой в отеле я отправилась в Крестовый поход. Крестовый поход детей.— Смешок превратился в рыдание еще до того, как вырвался у нее из горла.— Единственное, чего я этим достигла,— это смерть моей хорошей подруги Элен. А когда я увидела ее тело...

Глаза Долли широко раскрылись. Широко раскрылся рот. Тело напряглось, став похожим на окоченевший труп.

В таком состоянии она находилась секунд пятнадцать — двадцать.

— Как будто я опять увидела маму, — сказала она очень тихо и окончательно проснулась. — Получилось?

— Все в порядке, — кивнул Алекс.

Он помог ей сесть. Она привалилась к нему, и ее волосы рассыпались по его плечу. Через несколько минут, все так же прислонясь к нему, она прошла по коридору в свою комнату. Они шли, как ходят муж и жена.

Годвин закрыл дверь смотровой.

— Надеюсь, джентльмены, вы получили, что хотели, — произнес он с некоторым отворачиванием.

— Она высказывалась очень откровенно, — сказал Джерри. Беседа отняла у него все силы.

— Это не случайно. Я готовил ее к этому последние три дня. Пентотал, как я уже говорил, не гарантирует истины. Если больной намерен лгать, препарат ему не помешает.

— Вы даете нам понять, что то, что она здесь говорила, — неправда?

— Нет. Я думаю, она говорила правду — насколько сама считает это правдой. Моя задача сейчас состоит в том, чтобы расширить границы ее восприятия и сделать его сознательным. А теперь, я надеюсь, вы извините меня, джентльмены.

— Подождите минутку, — остановил его я. — Прошу вас уделить мне минуту времени, доктор. Я потратил три дня и немало денег Кинкейда, добывая факты, которые уже были у вас в руках.

— В самом деле? — холодно произнес он.

— В самом деле. Вы сэкономили бы мне немало трудов, посвятив в отношения между Брэдшоу и Констанцией Макги еще во время нашей первой встречи.

— Боюсь, я существую не для того, чтобы экономить время и силы частным детективам. Здесь затронут вопрос этики, чего вы, вероятно, не поймете. Мистер Маркс, вероятно, поймет.

— Не понимаю, из-за чего у вас спор, — сказал Джерри, но при этом вклинился между нами, словно ожидая неприятностей. Он тронул меня за плечо. — Пойдем-ка отсюда, Лю, дадим доктору возможность заниматься своим делом. Он очень помог, и ты это знаешь.

— Кому помог? Брэдшоу?

Годвин побледнел.

— Прежде всего я забочусь о своих пациентах.

— Даже если они убийцы?

— Даже в этом случае. Но я очень близко знаю Роя Брэдшоу и могу заверить вас, что он не в состоянии никого убить. И уж, конечно, он не убивал Констанцию Макги. Он был страстно влюблен в нее.

— Страсть имеет два выхода.

— Он ее не убивал.

— Пару дней назад вы уверяли меня, что это сделал Макги. Вы тоже можете ошибаться, доктор.

— Я знаю. Но не в отношении Роя Брэдшоу. Жизнь этого человека складывалась трагически.

— Расскажите мне об этом.

— Вам придется спросить у него самого. Я не джимен в младшем чине. Я врач.

— А как насчет женщины, с которой он недавно развелся, Летиции, или Тиш? Вы ее знаете?

Он молча посмотрел на меня. В его глазах опять появилось скорбное выражение, как у человека, от которого у жизни нет секретов.

— Вам придется спросить о ней у Роя,— упрямо повторил он.

По дороге в Суд, куда он направлялся для беседы с Макги, Джерри завез меня в гавань, где осталась моя машина. Луна поднялась выше и вернула себе нормальную форму и цвет. В ее зыбком свете яхты у слипов превратились в призрачный флот Летучего Голландца.

Я вернулся в мотель, чтобы поговорить с Мардж Герхарди. Она испарилась, и вместе с ней исчезли остатки виски в пинтовой бутылке. Присев на край кровати, я набрал ее номер и не получил ответа.

Следующим я набрал домашний номер Брэдшоу. Старая миссис Брэдшоу, похоже, не отходила от телефона весь день. Она сняла трубку после первого звонка и дрожащим голосом спросила:

— Да? Кто это?

— Это всего лишь Арчер. Рой, как я вижу, еще не появился?

— Нет, и я волнуюсь за него, очень волнуюсь. Я не видела его с самого утра субботы, и он не звонил. Я справилась по телефону у его друзей...

— Я бы не стал этого делать, миссис Брэдшоу.

— Но я должна что-то предпринять.

— Бывают случаи, когда лучше не предпринимать ничего. Будьте дома и ждите.

— Я не могу. Вы ведь говорите, что происходит нечто ужасное, не так ли?

— Думаю, вы сами это знаете.

— Это связано с той ужасной женщиной... с Макреди?

— Да. Нам нужно знать, где она. Я почти уверен, что ваш сын мог бы мне это сказать, но он предпочел исчезнуть. Вы точно не видели ее после Бостона?

— Совершенно точно. Я встречалась с ней лишь однажды, когда она приходила ко мне за деньгами.

— Вы можете мне ее описать?

— По-моему, я это уже сделала.

— Более подробно, пожалуйста. Это очень важно.

Она задумалась. Я слышал в трубке ее дыхание: легкие ровные похрипывания.

— Ну, она была довольно крупной женщиной, выше меня ростом, рыжеволосая. Стрижку носила короткую. Хорошая фигура, несколько пышная, и при этом весьма красивое лицо — знаете, такая яркая, кричащая красота. У нее были зеленые глаза, мерцающие зеленые глаза, которые мне совсем не понравились. На лице очень много косметики — так красятся перед выходом на сцену, а не на улицу... и она была одета с поразительной безвкусицей.

— В чем она тогда пришла к вам?

— Это едва ли вам пригодится, ведь прошло двадцать лет. Но, помнится, на ней было леопардовое — из искусственного меха — пальто и под ним что-то в полоску. Гладкие колготки, все в стрелках. До смешного высокие каблуки. Масса всякой бижутерии.

— Как она разговаривала?

— Как уличная женщина. Жадная, настырная, похотливая. — Негодование в ее голосе меня не удивило. Она чуть не потеряла Роя из-за этой женщины. И еще могла потерять.

— Вы бы узнали ее, увидев снова, в другой одежде, с волосами, скажем, другого цвета?

— Думаю, да, если бы у меня была возможность повнимательнее присмотреться.

— Когда мы найдем ее, такая возможность у вас будет.

Я подумал, что цвет глаз гораздо труднее изменить, чем цвет волос. Единственной зеленоглазой женщиной, фигурировавшей в деле, была Лора Сатерлэнд. У нее была подозрительно хорошая фигура и красивое лицо, но больше ничто как будто не указывало на ее сходство с Макреди.

И' однако она могла измениться. Я знал женщин, которые менялись до неузнаваемости за вдвое более короткий срок.

— Вы знакомы с Лорой Сатерлэнд, миссис Брэдшоу?

— Немного.

— Она похожа на Макреди?

— Почему вы об этом спрашиваете? — встрепелась она. — Вы подозреваете Лору?

— Ну нет, так далеко я бы не стал заходить. Но вы не ответили на мой вопрос.

— Она никак не могла быть той женщиной. Она относится к совершенно иному типу.

— А что вы скажете о ее основных физических данных?

— Полагаю, некоторое сходство есть, — с сомнением проговорила она. — Роя всегда привлекали женщины полнотелые.

«Ну, конечно, — материнская фигура», — подумал я.

— Я должен задать вам еще один вопрос. Весьма деликатный.

— Да? — Она словно приготовилась вынести удар.

— Я полагаю, вы знаете, что Рой был пациентом доктора Годвина?

— Пациентом доктора Годвина? Я в это не верю. Он не стал бы ходить к нему без моего ведома. — Несмотря на почти циничную уверенность, что видит собственного сына насквозь, на поверку она, кажется, очень мало знала его.

— Доктор Годвин утверждает, что ходил. И, судя по всему, не один год.

— Ну, должно быть, какая-то ошибка. С головой у Роя все в абсолютном порядке. — Последовало напряженное молчание. — Не так ли?

— Я хотел выяснить это у вас, а теперь сожалею, что заговорил об этом. Не переживайте, миссис Брэдшоу.

— Как же я могу не переживать, когда мой мальчик находится в опасности?

Она бы хотела продолжить разговор, я, видимо, должен был успокаивать ее проснувшиеся страхи, но я пожелал ей спокойной ночи и повесил трубку. Итак, одной подозреваемой стало меньше — Мардж Герхарди: описание Макги к ней не подходило и не могло подходить. Лора пока оставалась.

Конечно, Брэдшоу не имело смысла разводиться с ней и тут же жениться повторно. Но о том, что этот брак был заключен недавно, я знал только со слов самого Брэдшоу. Я понемногу приходил к выводу, что его слово имело

свойство растягиваться, как эластичный бинт, и было так же непрочно. Я отыскал адрес Лоры — она жила в Колледж Хайте — и переписывал его в записную книжку, когда зазвонил телефон.

Это был Джерри Маркс. Макги отрицал, что говорил женщине по имени Тиш или еще кому-нибудь о связи между Брэдшоу и его женой. Единственным человеком, с которым он это обсуждал, был Брэдшоу.

— Брэдшоу мог сам все рассказать этой женщине, — заметил я. — Или она могла подслушать его разговор с Макги.

— Это возможно, но маловероятно. Макги говорит, что разговаривал с Брэдшоу у него дома.

— Эта женщина могла находиться у Брэдшоу, пока его мать отсутствовала.

— Ты полагаешь, она живет где-то неподалеку?

— По крайней мере, где-то в Южной Калифорнии. Я полагаю, они с Брэдшоу жили раздельно, периодически встречаясь, и считаю ее виновной и в убийстве Макги, и в убийстве Хаггерти. Я только что получил ее более подробное описание от матери Брэдшоу. Наверное, стоит передать его полиции. У тебя есть под рукой на чем писать?

— Да. Я сижу за столом шерифа.

Я продиктовал ему описание Летиции Макреди, но ничего не сказал о Лоре Сатерленд. С ней я хотел поговорить лично.

Колледж Хайт представлял собой уединенный район на дальнем от города конце студенческого городка. Здесь теснились трактовые и общинные дома, дома на две семьи и многоквартирные. Между ними тянулись пустыри, пестреющие табличками «продается». Какой-то парень с гитарой в одном из общинных домов, где горел свет, пел о том, что эта страна принадлежит тебе и мне.

Лора снимала квартиру в одном из более приличных домов с открытым двором и бассейном. Человек в рубашке с короткими рукавами, шлепавший на себе комаров в шезлонге около бассейна, показал мне ее дверь и с некоторым самодовольством заметил, что он хозяин этого дома.

— У нее есть кто-нибудь?

— Нет, не думаю. Был у нее гость, но сейчас он ушел домой.

— Кто он?

Человек уставился мне в лицо.

— Это ее личное дело, мистер.

— Если не ошибаюсь, это был декан Брэдшоу, из колледжа?

— Раз знаете, зачем спрашивать?

Я прошел в глубь двора и постучал. Она открыла, оставив дверь на цепочке. Ее лицо в значительной степени утратило свою розовую прелесть. Она была в темном костюме, словно носила траур.

— Что вам нужно? Уже поздно.

— Слишком поздно, чтобы мы с вами могли поговорить, миссис Брэдшоу?

— Я не миссис Брэдшоу,— произнесла она не очень уверенно.— Я не замужем.

— А Рой вчера вечером сказал, что замужем. Так кто из вас лжет?

— Пожалуйста, тише, хозяин совсем рядом.— Она сняла цепочку и отступила назад перед расширившейся полосой света.— Входите, если уж вам так нужно.

Она заперла за мной дверь и закрыла ее на цепочку. Я смотрел на нее, а не на комнату, но у меня возникло впечатление, что жилище обставлено со вкусом, мягкий свет отражался от деревянных и керамических поверхностей, создавая атмосферу покоя и уюта. Я искал глазами в ее лице следы прошлого, столь отличного от ее настоящего. Никаких видимых примет я не обнаружил: ни жестоких складок у губ, ни одутловатости преждевременного старения. Но спокойствия я тоже не нашел. Она смотрела на меня так, словно я был грабителем.

— Чего вы боитесь?

— Я не боюсь,— сказала она испуганным голосом. Пытаясь справиться со своим смущением, она поднесла руки к горлу.— Я возмущена вашим вторжением и вашими словами о том, что вас не касается.

— Но вы тем не менее пригласили меня войти.

— Только потому, что вы были нескромны.

— Я назвал вас по фамилии вашего мужа. Какие у вас могут быть возражения на этот счет?

— У меня нет возражений,— ответила она с тусклой улыбкой.— Я очень горжусь этим. Но мой муж и я пока держим наш брак в секрете.

— В секрете от Летиции Макреди?

Она никак не прореагировала на это имя. Я уже выбросил из головы ту мысль, что оно могло когда-то принадлежать ей. Как бы хорошо ни сохранились ее тело и кожа, она явно была слишком молода. Когда Брэдшоу женился на Летиции, Лора, очевидно, еще бегала в школу.

— Какой Летиции?

— Летиции Макреди. Она известна также под именем Тиш.

— Не представляю, о ком вы говорите.

— Я скажу вам, если вы действительно хотите знать. Могу я присесть?

— Садитесь, пожалуйста,— пригласила она без особого радушия. Я был посланцем, прибывшим с плохими вестями. Таких в былые времена убивали.

Я сел на мягкую кожаную банкетку, прислонившись спиной к стене. Она осталась стоять.

— Вы любите Роя Брэдшоу, не так ли?

— Я бы не вышла за него замуж, если бы не любила.

— А когда, кстати, вы поженились?

— В субботу десятого сентября, две недели назад.— При воспоминании об этом дне ее щеки порозовели.— Он как раз только что вернулся из поездки по Европе. Мы решили поехать в Рино, ничего не откладывая и ни о чем не заботясь.

— А в начале лета вы не проводили где-нибудь время вместе?

Она озадаченно нахмурилась и покачала головой.

— Кто первый предложил поехать в Рино?

— Рой, конечно. Но и мне очень хотелось. Давно уже хотелось,— добавила она в порыве откровенности.

— Что же так долго мешало вашему браку?

— Ну, я бы не сказала, что нам что-то мешало. Мы откладывали его по разным причинам. Миссис Брэдшоу — очень властная мать, а у Роя нет других средств, кроме его деканского оклада. Это, наверное, звучит меркантильно...— Она смущенно замолчала, пытаясь найти более подходящее слово.

— Сколько лет его матери?

— По-моему, за шестьдесят. А почему вы спрашиваете?

— Она очень деятельная женщина, несмотря на свои годы. Ей, возможно, суждено еще долго прожить.

Ее глаза вспыхнули чистым и холодным, как айсберг, огнем.

— Мы не дожидаемся ее смерти, если вы к этому клоните. Мы просто ждем подходящего с психологической точки зрения момента. Рой надеется убедить ее более разумно отнестись к... ко мне. А тем временем...— Она замолчала и недоверчиво посмотрела на меня.— Однако вас все это не касается. Вы обещали рассказать мне об этой

особе, Макреди, — кто она такая? Тиш Макреди? Это имя звучит так, будто кто-то его нарочно придумал.

— Уверяю вас, эта женщина не выдумка. Ваш муж развелся с ней в Рино незадолго до того, как женился на вас.

Она шагнула к креслу и буквально рухнула в него, словно ноги вдруг отказались ей служить.

— Я вам не верю. Рой никогда не был женат.

— Был, поверьте. Даже его мать признала это — после долгой борьбы. Это был несчастный союз, заключенный еще в бытность его студентом Гарварда. Но он ждал до этого лета, чтобы разорвать его. Часть июля и весь август он провел в Неваде, зарегистрировавшись там на положенный срок.

— Нет, вы ошибаетесь. Все это время Рой был в Европе.

— Полагаю, в качестве доказательства вы предложите мне письма и почтовые открытки?

— Да, они у меня есть, — сказала она, облегченно улыбаясь.

Она вышла в другую комнату и вернулась с пачкой писем и открыток, перевязанных красной лентой. Я перебрал открытки, расположив их в хронологическом порядке: Лондонский Тауэр (отправлена из Лондона, 18 июля); Бодлеанская библиотека (Оксфорд, 21 июля); и так далее до Английских садов (Мюнхен, 25 августа). На обороте последней открытки Брэдшоу написал:

«Дорогая Лора,

Вчера я побывал в замке Гитлера в Берхтесгадене — очень красивый вид, но ассоциации с этим именем придают ему мрачный характер, — а сегодня, для контраста, поехал на автобусе в Оберамергау, где исполняют Страсти Господни. Меня поразила почти библейская простота деревенских жителей. Вся эта часть сельской Баварии буквально заставлена поразительной красоты церквушками. Как жаль, что ты не можешь на них полюбоваться вместе со мной! Я огорчился, узнав, что твое лето проходит очень одиноко. Что ж, лето скоро кончится, и я, по крайней мере, буду счастлив повернуться спиной к красотам Европы и возвратиться домой.

С любовью,
Рой».

Я перечитал это невероятное послание. Оно почти дословно совпадало с тем, которое мне показала миссис Брэдшоу. Я попытался поставить себя на место Брэдшоу и понять, что им руководило. Но не смог представить себе, какое безысходное раздвоение человеческой натуры, какая горькая самоирония, издевательство над самим собой могли заставить его послать одинаково лживые открытки своей матери и невесте.

— В чем дело? — спросила Лора.

— Так получается, что во всем.

Я вернул ей открытки. Она бережно собрала их в пачку.

— И не пытайтесь убедить меня в том, что Рой их не писал. Это его почерк и стиль.

— Он написал их в Рино и отправил их для пересылки в Америку своему другу или сообщнику, который путешествовал по Европе.

— Вы *знаете* это?

— Боюсь, что да. Вы не можете назвать кого-нибудь из его друзей, кто бы согласился ему в этом помочь?

Она закусила нижнюю губу.

— Доктор Годвин провел в Европе конец лета. Он и Рой большие друзья. Дело в том, что Рой долгое время был его пациентом.

— От чего Годвин лечил его?

— Вообще-то мы никогда этого не обсуждали, но, я полагаю, это как-то было связано с его чрезмерной зависимостью от матери. — Краска гнева стала медленно заливать ее шею и щеки. Она оставила эту тему. — Но зачем двум взрослым мужчинам затевать эту глупую игру в письма?

— Это пока не ясно. Здесь, вероятно, выходят на сцену профессиональные амбиции вашего мужа. Он явно не хотел, чтобы кто-то знал о его предыдущем, неудачном браке или о разводе, и не пожалел сил и времени, чтобы никто ничего не заподозрил. Он отправил точно такой же набор европейских открыток и писем своей матери. Возможно, он отправил и третий — Летиции.

— Кто же она? И *где* она сейчас?

— Я думаю, она здесь, в городе, или была здесь как минимум до вечера прошлой пятницы. Очень вероятно, что она жила здесь последние десять лет. Меня удивляет, что ваш муж не говорил об этом никому, даже такому близкому человеку, как вы.

Она все еще стояла с письмами передо мной, я поднял

голову и заглянул ей в лицо. Ее глаза тяжело смотрели на меня. Она покачала головой.

— А может быть, в этом и нет ничего удивительного, — продолжал я. — Он очень здорово научился обманывать людей, живя разными жизнями, возможно, до какой-то степени обманывая при этом и себя. Маменькины сыночки иногда приобретают такой навык. Им нужны эти маленькие потайные отдушины, чтобы жизнь в оранжерее не стала для них совсем невыносимой.

Она гордо выпрямилась.

— Рой не маменькин сынок. Может быть, в молодости у него и были проблемы, но теперь он полноценный мужчина, и я знаю, что он любит меня. Всему этому должно существовать какое-нибудь разумное объяснение. — Она опустила глаза на открытки и письма.

— Я убежден, что это так и есть. И подозреваю, что это объяснение прямо связано с нашими двумя убийствами. Тиш Макреди — подозреваемая номер один в каждом из них.

— Два убийства?

— Всего их было три за период в двадцать два года: Элен Хаггерти в пятницу вечером, Констанция Макги десять лет назад, Люк Делони в Иллинойсе до войны.

— Делони?

— Люк Делони. Вы о таком даже не слышали, но, думаю, Тиш Макреди его знала.

— Он имеет какое-нибудь отношение к миссис Делони в «Сэрф Хаусе»?

— Она его вдова. Вы ее знаете?

— Лично нет. Но Рой разговаривал с ней по телефону незадолго до того, как ушел отсюда.

— Что он говорил?

— Только то, что сейчас приедет к ней. Я спросила его, кто она, но он слишком торопился, чтобы что-то объяснить.

Я поднялся с банкетки.

— Извините меня, я хочу попробовать застать его в отеле. Я сегодня целый день пытаюсь его найти.

— Он был здесь, у меня. — Она слегка улыбнулась, против своей воли, но глаза ее смотрели встревоженно. — Пожалуйста, не говорите ему, что это я вам сказала про миссис Делони. Вообще не говорите ему, что узнали что-то от меня.

— Я постараюсь, но обещать ничего не могу.

Я подошел к двери, открыл замок и потянул ее на себя. Цепочка меня задержала.

— Погодите,— остановила она меня.— Я вспомнила одну вещь... он написал кое-что в книге стихов, которую дал мне почитать.

— Что именно?

— Ее имя.

Она торопливо прошла в другую комнату, ударившись бедром о дверной косяк. Письма и открытки Брэдшоу полетели на пол, но она не остановилась, чтобы их поднять.

Она вернулась с открытой книгой и сунула мне ее так, словно ничего не видела перед собой. Это оказался изрядно зачитанный томик «Избранных стихотворений» Йитса, открытый на стихотворении «Среди школьников». Первые четыре строки четвертой строфы были подчеркнуты карандашом, и рядом на полях Брэдшоу написал одно-единственное слово: «Тиш».

Я прочел про себя эти строки:

В душе тот образ вновь нашел приют —
Не Кватроченто ль вылепило смело
Ту впалость щек, что словно ветер пьют,
Собрав бесплотный вихрь теней для тела.

Я не вполне понял, что они означают, и сказал ей об этом.

— Это значит, что Рой все еще любит ее,— с горечью ответила Лора.— Йитс писал о Мод Тонн, женщине, которую он любил всю свою жизнь. Может быть, Рой даже специально дал мне Йитса, чтобы я узнала о Тиш. Он бывает очень тонок, когда хочет намекнуть на что-то.

— Вероятнее всего, он написал здесь ее имя давным-давно и забыл об этом. Люби он ее по-прежнему, он не развелся бы с ней и не женился бы на вас. Тем не менее я должен предупредить вас, что ваш брак с Роем может оказаться недействительным.

— Недействительным? — Она была женщиной с традиционными взглядами на жизнь, и такая возможность ошеломила ее.— Но мы поженились в Рино официально, перед судьей.

— Его развод с Тиш, вероятно, может быть опротестован. Насколько я знаю, она не была должным образом извещена о решении Брэдшоу. Это означает, что по калифорнийским законам он все еще считается ее мужем, если она будет настаивать на этом.

Качая головой, она забрала у меня томик стихов и

в сердцах швырнула его на стул. Из книги выпал лист, вложенный меж страницами. Я подобрал его с пола.

Это было еще одно стихотворение, написанное рукой Брэдшоу:

«ЛОРЕ»

Будь черен свет,
А тьма бела,
Будь круг луны,
Как дно котла,

Будь ворон бел,
Как майский сад,
Моя любовь —
Черней, чем ад.

За завтраком я прочел то же самое стихотворение Арни и Филлис. Двадцать с лишним лет назад оно было напечатано в «Бриджтонском Блейзере» под инициалами Дж. Р. Б. В одно мгновение Бриджтон и Пасифик Пойнт с ураганной скоростью устремились навстречу друг другу — гештальт¹, отдельные части сложились в целое. Дж. Р. Б. — Джордж Рой Брэдшоу.

— Когда он посвятил вам это стихотворение, Лора?

— Прошлой весной, когда дал мне Йитса.

Я оставил ее перечитывать эти строки вновь и вновь, как память о прошлой весне.

Проходя через холл «Сэрф Хауса», я заметил мать Элен, одиноко сидевшую в дальнем углу. Она была глубоко погружена в свои мысли и подняла глаза, только когда я заговорил:

— Поздновато вы засиделись, миссис Хоффман.

— У меня нет особого выбора, — возмущенно ответила она. — Я должна жить в одном коттедже с миссис Делони, и это была целиком ее идея. Но она беззастенчиво выдворила меня, чтобы поговорить со своим другом наедине.

— Вы имеете в виду Роя Брэдшоу?

— Да, именно так он себя теперь называет. Я знала

¹ В гештальтпсихологии этим понятием обозначается любая из целостных структур или форм, составляющая суть человеческого опыта и имеющая специфические свойства, которые не могут быть выведены из остальных элементов целого и не могут рассматриваться как механическая сумма этих элементов.

Джорджа Брэдшоу, когда он радовался горячему обеду, каковым я не раз угощала его в своей собственной кухне.

Я пододвинул стул и сел рядом.

— Все это служит дополнением к одному любопытному совпадению.

— Думаю, что да. Только я не должна говорить об этом.

— Это кто же так считает?

— Миссис Делони.

— Она что, вами командует?

— Нет, но это было так мило с ее стороны забрать меня из той нищей комнатенки в отеле «Пасифик» и...— она замолчала, нахмурившись.

— И посадить здесь в холле? — договорил я за нее.

— Это ненадолго.

— Жизнь и так коротка. Неужели вы и ваш муж собираетесь получать приказы от людей вроде Делони до самой своей смерти? Знаете, вы ведь ничего не имеете с этого, кроме сомнительной привилегии быть помыкаемыми.

— Эрлом никто не помыкает, — встрепенулась она. — Эрла вы сюда не впутывайте.

— Вы говорили с ним?

— Нет, и я беспокоюсь. Я пыталась дозвониться домой два вечера подряд, и мне никто не ответил. Боюсь, он опять начал пить.

— Он в больнице.

— Что с ним, он болен?

— Он заболел от слишком большого количества виски.

— Откуда вы это знаете?

— Я сам помог доставить его в больницу. Вчера утром я побывал в Бриджтоне. Ваш муж разговаривал со мной, и под конец уже совсем откровенно. Он признал, что Люка Делони убили и что ему приказали сверху представить это дело как несчастный случай.

Ее взгляд заметался по холлу, растерянный и смущенный. В холле не было видно никого, кроме дежурного портье и парочки, никак не похожей на мужа и жену. Он сдавал им комнату. Но миссис Хоффман нервничала, как сверчок, попавший на танцевальную площадку.

— Почему бы вам не поделиться со мной всем, что вы знаете, — предложил я. — Позвольте, я угощу вас чашкой кофе.

— Я не усну всю ночь.

— Тогда какао.

— Какао звучит заманчиво.

Мы прошли в кафетерий. Несколько человек из оркестра в розовато-лиловых пиджаках потягивали кофе у стойки и на языке своего племени жаловались на зарплату. Я сел в огороженной кабинке лицом к миссис Хоффман и к стеклянной двери, чтобы увидеть Брэдшоу, если он пойдет через холл.

— Как вы познакомились с Брэдшоу, миссис Хоффман?

— Элен привела его к нам домой из городского колледжа. Думаю, она была равнодушна к нему одно время, но я видела, что он-то к ней совершенно ничего не испытывает. Они больше были друзьями. У них было много общих интересов.

— Поэзия, например.

— Поэзия и театр. Элен говорила, что он очень талантлив для мальчика его лет, но кроме занятий ему приходилось еще много подрабатывать, чтобы платить за обучение в колледже. Мы нашли ему работу по обслуживанию лифта в нашем доме. Получал он за нее пять долларов в неделю, но был рад и этому. Тощий он был в то время, как грабли, а уж беден, как индюшка Иова. Он, правда, утверждал, что у него богатые родители в Бостоне и что, проучившись год в Гарварде, он сбежал, чтобы ни от кого не зависеть. Я тогда ему так и не поверила, подумала, что он стесняется своих родственников, вот и выдумывает бог знает что, но, похоже, он не врал. Я слышала, его мать буквально купается в деньгах.— Она вопросительно посмотрела на меня.

— Да. Я ее знаю.

— С чего бы это молодому парню убегать от такой кучи денег? Вот я всю жизнь прожила, стараясь, чтобы хоть немного прилипло к рукам.

— Ко всем деньгам обычно бывает привязана веревочка.

Я не стал объяснять подробнее, что имел в виду. Официантка принесла какао для миссис Хоффман и мой кофе. Когда она вернулась за стойку, я спросил:

— Вы когда-нибудь знали женщину по фамилии Макреди? Летицию Макреди?

Рука миссис Хоффман, державшая чашку, дрогнула, и немного коричневой жидкости пролилось на блюдец. На какое-то мгновение мне вдруг бросилось в глаза, что ее волосы выкрашены в неестественно рыжий цвет и что когда-то она, вероятно, была красивой женщиной, с хоро-

шей фигурой и склонностью ярко одеваться. Но она не могла быть Тиш Макреди. Она была женой Эллы Хоффмана уже сорок лет.

Миссис Хоффман положила под чашку сложенную бумажную салфетку, чтобы собрать расплескавшееся какао.

— Я знала ее, но не очень хорошо. Мы здоровались при встрече, не больше.

— В Бриджтоне?

— Я не должна говорить о Летиции, миссис Делони...

— Ваша дочь сейчас лежит в морозильном ящике, а вы не можете говорить ни о чем, кроме своей миссис Делони.

Она наклонилась над блестящим пластиковым столиком, потупив глаза.

— Я боюсь ее. Боюсь того, что она может сделать с Эрлом.

— Тогда бойтесь того, что она уже с ним сделала. Она и ее приятели наверху заставили его прикрыть дело Делони, и это не переставая грызет его изнутри с тех самых пор.

— Знаю. Это был единственный случай, когда Эрл пренебрег своим долгом.

— Вы признаете это?

— Видимо, приходится признать. Эрл никогда об этом не распространялся, но я знала, и Элен знала. Поэтому она и ушла от нас.

«И эта же причина, очевидно, помешала ей впоследствии остаться честной», — подумал я.

— Эрл очень уважал Люка Делони, — продолжала рассказывать миссис Хоффман, — несмотря на все его человеческие слабости. Именно Люк заботился обо всех нас, если можно так сказать. Его смерть была для Эрла страшным ударом, он ведь начал пить сразу после этого, серьезно пить, я имею в виду. Я так беспокоюсь за Эрла. — Она потянулась через столик и коснулась моей руки сухими кончиками пальцев. — Как вы думаете, с ним все будет в порядке?

— Если он будет продолжать пить, то нет. Этот приступ он переживет. Я уверен, сейчас о нем хорошо заботятся. А вот об Элен нет.

— Элен? Но что можно сделать для Элен?

— Для нее можно сделать кое-что, рассказав правду. Ее смерть заслуживает как минимум объяснения.

— Но я не знаю, кто убил ее. Если бы я знала, то кричала бы об этом на каждом перекрестке. Я думала,

полиция напала на след этого Макги, который убил свою жену.

— С Макги сняты все подозрения. Его жену, а возможно и вашу дочь, застрелила Тиш Макреди.

— Вы ошибаетесь, мистер. То, что вы говорите, просто невозможно. Тиш Макреди — то есть Тиш Осборн — умерла задолго до того, как случилось первое из этих несчастий. Я признаю, что ее имя упоминалось в связи со смертью Люка Делони, но, с другой стороны, у нее, бедняжки, жизнь и так сложилась трагически.

— Вы сказали — Тиш Осборн?

— Верно. Она была дочкой сенатора Осборна, сестрой миссис Делони. Я рассказывала вам о них в тот вечер, когда мы ехали сюда в город из аэропорта. Помните? Про то, как они ездили на охоту с гончими собаками. — Она мечтательно улыбнулась, охваченная ностальгией, словно перед ее взором промелькнули красные пальто юных охотниц — картина далекого детства.

— А что это за слухи, о которых вы упомянули, миссис Хоффман?

— Поговаривали, что она встречалась с Люком Делони некоторое время перед его смертью. Кое-кто даже утверждал, что она сама и застрелила его, но я в это никогда не верила.

— Она была любовницей Люка Делони?

— Она проводила немало времени в его квартире, это ни для кого не было секретом. Когда Люк и миссис Делони зажили порознь, она стала там неофициальной хозяйкой. Я не придавала этому особого значения. С Вэлом Макреди она к тому времени уже развелась. И в конце концов, она была свояченицей Люка и, как мне кажется, имела право жить в его доме на крыше.

— Волосы у нее были рыжие?

— Я бы сказала, скорее, золотистые. У нее были восхитительные золотистые волосы. — Миссис Хоффман с отсутствующим видом провела рукой по своим крашеным локонам. — Тиш Осборн так любила жизнь. Я очень огорчилась, узнав о ее смерти.

— Что с ней случилось?

— Я точно и не знаю. Она умерла в Европе, когда нацисты оккупировали Францию. Миссис Делони до сих пор переживает эту утрату. Как раз сегодня она говорила со мной о смерти сестры.

У меня появилось ощущение, будто что-то похожее на паука с мокрыми ножками поползло вверх по моей шее.

Волосы на затылке зашевелились и встали дыбом. Женщина (а может, это был мужчина?), для своих целей воспользовавшаяся ее именем, появилась у дверей дома в Индиан Спрингс десять лет назад, когда прошло больше десяти лет после того, как немцы захватили Францию.

— Вы уверены, что Тиш умерла, миссис Хоффман?

Она кивнула.

— По поводу ее смерти много писали в газетах, даже в чикагских. В свое время Тиш Осборн слыла первой красавицей Бриджтона. Я помню, в начале двадцатых ее приемы считались знаменитыми. Человек, за которого она вышла замуж, Вэл Макреди, унаследовал от матери крупные мясоперерабатывающие фабрики.

— Он еще жив?

— Последнее, что я о нем слышала, это слухи о его женитьбе на англичанке во время войны. Кажется, он остался в Англии. Родом он не из Бриджтона, поэтому особо хорошо я никогда его не знала. Мое знакомство с высшим светом ограничивалось проглядыванием в газетах колонок светских сплетен и извещений о смерти.

Она пригубила свое какао. Ее сжавшаяся фигура, быстрый взгляд исподлобья, казалось, говорили: а вот я-то как раз и выжила. Ее дочь Элен была ярче, Тиш Осборн — богаче, но она пережила их обеих. Она и Эрла переживет и, вероятно, превратит в святыню его кабинет с бюро, где он хранил виски.

Что ж, одну из старых леди я поймал. С другой будет сложнее.

— Зачем миссис Делони прилетела сюда?

— Думаю, это был просто каприз богатой женщины. Она сказала, что хотела помочь мне в час испытаний.

— Вы когда-нибудь были с ней близки?

— Я едва ее знала. Эрл знает ее лучше.

— А Элен часто с ней встречалась?

— Нет. Я бы удивилась, узнав, что они вообще знакомы.

— Миссис Делони проделала долгий путь, чтобы помочь в общем-то незнакомому человеку. Ну и как, помогла она вам чем-нибудь, кроме предложения сменить отель?

— Она угостила меня обедом и ужином. Я не хотела, чтобы она платила за меня, но она настояла.

— И что же от вас требовалось в обмен на бесплатное жилье и питание?

— Ничего.

— Разве она не просила вас не рассказывать никому о ее сестре Тиш?

— Это верно, просила. Я должна была держать в секрете ее отношения с Люком Делони и не упоминать о слухах, распространившихся после его смерти. Она очень чувствительно относится к сохранению доброго имени своей сестры.

— На удивление чувствительно, если та в самом деле умерла более двадцати лет назад. А кому вы не должны были рассказывать об этих вещах?

— Никому, особенно вам.

Она нервно захихикала и допила какао.

Я вышел из холла на территорию отеля. Высоко над головой плыла луна, отражаясь в декоративных бассейнах испанского сада. Из-под ставен коттеджа миссис Делони пробивался желтый свет; звуки голосов оказались слишком тихими, чтобы можно было что-либо подслушать.

Я постучал.

— Кто там? — спросила она.

— Служба отеля... Сыскная служба.

— Я ничего не заказывала.

Тем не менее, она открыла дверь. Я проскользнул внутрь мимо нее и встал спиной к стене. Брэдшоу сидел на английской софе рядом с камином у противоположной стены. В камине полыхал невысокий огонь, освечивая багровым на латунной решетке.

— Хеллоу,— сказал он.

— Хеллоу, Джордж.

Он явственно вздрогнул.

— Убирайтесь отсюда,— приказала мне миссис Делони. Ее голубые глаза казались совершенно круглыми на белом квадрате лица, сразу ставшего жестким и непреклонным.— Я вызову местного охранника.

— Вызывайте, если хотите, чтобы грязь расползлась во все стороны.

Она захлопнула дверь.

— С тем же успехом мы могли бы рассказать все и ему,— заметил Брэдшоу.— Кому-то же мы должны сказать.

Отрицательное качание головой было таким яростным, что она потеряла равновесие. Отступив на шаг-другой назад, она перегруппировала силы и смотрела то на меня, то на Брэдшоу так, словно мы оба были ее врагами.

— Я абсолютно и решительно запрещаю делать это,— сказала она ему.— Ты должен молчать.

— Это все равно выплывет наружу. Будет лучше, если мы расскажем сами.

— Ничего не выплывет. С какой стати?

— Отчасти с такой,— объяснил я,— что вы сделали ошибку, прилетев сюда. Это не ваш город, миссис Делони. Здесь вам не удастся накинуть крышку на это варево, как вы могли бы сделать в Бриджтоне.

Она повернулась ко мне своей прямой спиной.

— Не обращай на него внимания, Джордж.

— Меня зовут Рой.

— Рой,— поправилась она.— Вчера в Бриджтоне этот человек попробовал блефовать со мной, но он не знает ничего конкретного. Все, что от нас сейчас требуется, это сохранять спокойствие.

— Что нам это даст?

— Покой.

— Что означает этот покой, я уже знаю. Я прожил с ним долгие годы. Вы все это время были далеко. Вы даже не представляете, что мне пришлось пережить.— Он откинул голову на спинку софы и поднял глаза к потолку.

— Тебе придется пережить еще больше,— жестко сказала она,— если ты сейчас позволишь себе махнуть на все рукой.

— По крайней мере это будет что-то другое.

— Ты бесхребетный дурак. Но я не дам тебе отравить те годы, что еще отпущены мне на этом свете. Если ты все расскажешь, я немедленно прекращаю всякую финансовую помощь тебе.

— Даже без этого я смогу обойтись.

Но он был осторожен и не сказал пока ничего из того, что мне хотелось бы услышать. Он носил маску так долго, что она приклеилась к его лицу и управляла его речью, а возможно, и всем образом мыслей. Они все играли. Даже старая женщина, несмотря на повернутую спину, разыгрывала передо мной спектакль, словно я был зрительным залом.

— Ваш аргумент кажется мне слишком отвлеченным, и не в одном смысле,— сказал я.— Могила уже разрыта, и труп выкопан. Я знаю, что ваша сестра Летиция убила вашего мужа, миссис Делони. Я знаю, что позже она вышла замуж за Брэдшоу в Бостоне. Это подтверждается словами его матери.

— Его матери?

Брэдшоу сел прямо.

— В конце концов, у меня действительно есть мать. Я по-прежнему живу вместе с ней,— добавил он серьезным, поставленным голосом, пристально глядя в глаза миссис Делони,— и с ней тоже необходимо считаться в этом деле.

— Ты ведешь очень сложную жизнь,— заметила она.

— Такая уж у меня сложная натура.

— Что ж, очень хорошо, юный мистер Сложность, мяч у вас. Делайте с ним, что хотите.— Она прошла к большому креслу для двоих в нейтральном углу и села.

— А я-то думал, что мяч у меня,— выразил я свое удивление.— Однако, пожалуйста, Брэдшоу, ваш ход. Вы можете начать оттуда, откуда все и началось: с убийства Делони. Вы ведь и есть тот свидетель, о котором говорила Элен, не так ли?

Он наклонил голову.

— Мне не следовало тогда идти к Элен и делиться с ней душившей меня тяжестью. Но я был в ужасном состоянии, а она была моим единственным во всем мире другом.

— Не считая Летиции.

— Да. Не считая Летиции.

— Какую роль сыграли вы в том убийстве?

— Я просто был там. И это, строго говоря, не было убийством. Она застрелила Делони из самообороны, фактически случайно.

— «И тут я открываю дверь...» Вы об этом?

— Именно. Он застал нас в постели в своем пентхаузе.

— У вас с Летицией вошло в привычку ложиться вместе?

— Это было в первый раз. Я посвятил ей стихотворение, которое напечатал журнал колледжа, и показал ей его в лифте. Я наблюдал за ней, восхищался ею всю весну. Она была гораздо старше меня, но она была удивительная. До нее я вообще не знал женщин.— Он до сих пор говорил о ней с обожанием.

— Что произошло в спальне пентхауза, Брэдшоу?

— Как я уже сказал, он застал нас вместе. Он вынул пистолет из ящика комода и ударил меня рукояткой. Тиш попыталась остановить его. Он ударил ее пистолетом в лицо. Каким-то образом пистолет оказался в ее руках, раздался выстрел, пуля попала ему в голову.— Он коснулся века правого глаза и кивнул в сторону старой леди, внимательно наблюдающей за нами из угла, из неоглядной дали

своих лет. — Миссис Делони прикрыла дело или позаботилась, чтобы его прикрыли. Вряд ли можно строго судить ее при данных обстоятельствах. Или судить нас. Мы уехали в Бостон, где Тиш провела долгие месяцы, залечивая рану на лице, выписываясь ненадолго из больницы и возвращаясь туда вновь. Потом мы поженились. Я любил ее, несмотря на разницу в возрасте. Полагаю, мои сыновние чувства подготовили меня к этому.

Его глаза неожиданно засветились умом, который он никогда не выставлял напоказ. Их блеск был так ярок, что показался мне почти безумным.

— На медовый месяц мы отправились в Европу. Мать наняла французских детективов, чтобы следить за нами. Мне пришлось оставить Тиш в Париже и вернуться домой, чтобы помириться с матерью и начать второй учебный год в Гарварде. В тот же месяц в Европе разразилась война. Тиш я уже никогда больше не увидел. Она заболела и умерла, а я даже не знал об этом.

— Я не верю вам. Все это заняло бы больше времени.

— Нет, это произошло очень быстро, как обычно бывает с трагедиями.

— Но не с вашей, ваша тянется уже двадцать два года.

— Он говорит правду, — вмешалась миссис Делони, — и я могу вам это доказать.

Она прошла в другую комнату и вернулась с какой-то очень старой, истершейся на сгибах бумагой, которую протянула мне. Это оказалось свидетельство о смерти, выданное в Бордо 16 июля 1940 года. В нем говорилось на французском языке, что Летиция Осборн — Макреди, срока пяти лет, скончалась от воспаления легких.

Я вернул документ миссис Делони.

— Вы берете его с собой во все поездки?

— Я захватила его случайно.

— Зачем?

Ответа она придумать не смогла.

— Я скажу вам зачем. Затем, что ваша сестра жива и здорова и вы боитесь, что ее настигнет наказание за ее преступления.

— Моя сестра не совершила никакого преступления. Смерть моего мужа была либо убийством в целях самообороны, либо несчастным случаем. Комиссар полиции понял это, иначе он никогда не отдал бы распоряжения прекратить расследование.

— Это, возможно, и так. Но Констанция Макги и Элен Хаггерти были застрелены отнюдь не случайно.

— Моя сестра умерла гораздо раньше любой из этих женщин.

— Ваши собственные действия опровергают это, и они имеют больший вес, чем фальшивое свидетельство о смерти. Например, сегодня вы посетили Джилла Стивенса и постарались вытянуть из него подробности дела Макги.

— Значит, он нарушил конфиденциальность нашего разговора?

— Ему нечего было нарушать. Вы не являетесь клиентом Стивенса. Он по-прежнему представляет интересы Макги.

— Он не сказал мне об этом.

— А почему он обязан вам это говорить? Это не ваш город.

Она в смятении повернулась к Брэдшоу. Тот покачал головой. Я прошел через комнату и остановился перед ним.

— Если Тиш покоится во Франции, зачем вам понадобился весь этот спектакль с открытками из Европы, чтобы развестись с ней?

— Вы, стало быть, и о разводе знаете. Вы у нас очень здорово умеете откапывать факты, не так ли? Прямо индеец-копатель какой-то. Я начинаю всерьез думать, что в моей личной жизни для вас уже не осталось белых пятен.

Он сидел, устало глядя на меня своими яркими глазами. Меня немного ошеломила эта мгновенная сдача всех позиций, и я сказал:

— Ваша личная жизнь, вернее, ваши личные жизни, могут составить сюжет увлекательного романа. Вы действительно содержали два дома, деля время между матерью и женой?

— Полагаю, это очевидно.

— Тиш живет здесь, в городе?

— Она жила в районе Лос-Анджелеса. Я не собираюсь говорить вам, где именно, и могу вас заверить, что вы никогда не отыщете это место. Да и к тому же это теперь ничего вам не даст, потому что ее там больше нет.

— Где и как она умерла на этот раз?

— Она жива. Это французское свидетельство о ее смерти — подделка, как вы верно сообразили. Но Тиш вам не достать. В субботу я посадил ее на самолет до Рио-де-Жанейро, и сейчас она уже там.

— Ты не сказал мне об этом! — возмущенно воскликнула миссис Делони.

— А я и не собирался никому об этом говорить. Однако

мне необходимо убедить мистера Арчера в бессмысленности его дальнейших попыток найти ее. Моя жена — моя бывшая жена — старый, больной человек. Она не подлежит выдаче. Я обеспечил ей медицинский уход и консультации психиатра в одном южно-американском городе, которого я не назову.

— Вы признаете, что она убила Элен Хаггерти?

— Да. Она рассказала мне об этом, когда я встретился с ней в Лос-Анджелесе в субботу утром. Она застрелила Элен и спрятала револьвер в домике сторожа. Первым делом я повидался с Фоули в Рино и выяснил, что ему известно. Я не хотел, чтобы он потом шантажировал меня...

— А мне казалось, он этим уже занимался.

— Этим занималась Элен. Она узнала о моем предстоящем разводе в Рино и пришла к некоторым выводам, включавшим среди прочих и тот, что Тиш еще жива. Я передал ей солидную сумму денег и нашел здесь работу, чтобы защитить Тиш.

— И себя.

— И себя. Я должен заботиться о своей репутации, хотя и не совершил ничего противозаконного.

— Это верно. Вы очень умело заставляете других выполнять за вас грязную работу. Вы перевели сюда Элен в качестве прикрытия, не так ли?

— Боюсь, я не вполне понимаю вас,— проговорил он, неуютно поежившись.

— Вы провели с Элен несколько вечеров на людях и породили слухи, что собираетесь на ней жениться. Но, конечно, ни о какой женитьбе не могло быть и речи. Вы уже были женаты на Лоре и вы ненавидели Элен, для чего у вас были все основания.

— Это неправда. Наши отношения оставались вполне дружескими, несмотря на все ее требования. В конце концов, я знал ее целую вечность и не мог не относиться с пониманием к ее стремлению получить что-нибудь стоящее от жизни.

— Я знаю, что она получила — пулю в голову. То же самое, что получила Констанция Макги. То же самое, что получила бы и Лора, если бы вы не подставили Элен вместо нее.

— Боюсь, все это начинает выглядеть у вас слишком сложно.

— Даже для такой сложной натуры, как ваша?

Он огляделся, словно почувствовал себя запертым в этой комнате, а может, в лабиринте собственной души.

— Вы никогда не докажете моего соучастия в убийстве Элен. Ее смерть была для меня ужасным ударом. Признание Летиции стало еще одним.

— Почему? Вы же должны были знать, что это она убила Констанцию Макги.

— Я не знал об этом до субботы. Признаю, я подозревал ее. Тиш была ревнива до безумия. Я прожил десять лет с мыслями о такой ужасной возможности, надеясь и молясь, что мои подозрения беспочвенны...

— Почему вы прямо не спросили у нее?

— Наверное, я не смог бы этого вынести. У нас с ней и так все стало невероятно сложно. Подобный разговор означал бы с моей стороны признание в любви к Конни. — Он услышал собственные слова и какое-то мгновение сидел молча, опустив глаза, словно вглядываясь в черную пропасть внутри себя. — Знаете, я по-настоящему любил ее. Ее смерть почти доконала меня.

— Но вы пережили ее и полюбили снова.

— Так происходит со всеми мужчинами. Я не из тех, кто может прожить без любви. Даже Тиш я любил так долго и так преданно, как мог. Но она стала *старой* и больной.

Из угла миссис Делони донеслось явственное «тьфу». Он повернулся к ней:

— Мне была нужна жена такая, которая могла бы подарить мне детей.

— Сохрани, Господь, твое потомство — ты, вероятнее всего, бросил бы их. Ты нарушил все обещания, данные тобою моей сестре.

— Все нарушают обещания. Я не имел намерения влюбляться в Конни. Это просто случилось, и все. Я познакомился с ней в приемной врача. Но я не оставил вашу сестру, нет. Я сделал для нее больше, чем она когда-либо сделала для меня.

Миссис Делони усмехнулась с высокомерием аристократки во втором поколении.

— Моя сестра вытащила тебя из помойной ямы. Кто ты был — мальчишка-лифтер?

— Я был студентом колледжа и мальчишкой-лифтером стал по собственному выбору.

— Очень на тебя похоже.

Он подался вперед, вперив в нее сверкающий гневом взгляд.

— Если бы я захотел, я мог бы получать деньги из семьи.

— Ах да, твоя драгоценная матушка.

— Будьте осторожны, говоря о моей матери.

В его словах была слышна холодная угроза, и это заставило ее замолчать. Опять наступил один из тех моментов, когда я чувствовал, что эти двое разыгрывают еще и свою партию, столько же сложную, как партия в шахматы, партию власти на скрытой от меня доске. Мне следовало бы попытаться вытащить все это на белый свет. Но я прежде всего должен был распутать свое дело и, пока Брэдшоу имел желание говорить, побочные линии меня не интересовали.

— Мне не понятна история с револьвером, — сказал я. — Полиция установила, что Конни Макги и Элен были убиты из одного оружия — револьвера, когда-то принадлежавшего сестре Конни — Алисе. Как он попал к Тиш?

— Даже не знаю.

— Но вы должны иметь хоть какое-то представление. Алиса Дженкс дала его ей?

— Что ж, вполне вероятно.

— Чепуха, Брэдшоу, и вы это знаете. Револьвер был украден из дома Алисы. Кто его украл?

Он соединил кончики пальцев домиком и полюбовался его симметричностью.

— Я скажу вам, если миссис Делони выйдет из комнаты.

— Почему я должна уходить? — отозвалась она из своего угла. — Все, что моей сестре выпало пережить наяву, я надеюсь как-нибудь перенести, если просто услышу.

— Я не пытаюсь щадить ваши чувства, — ответил ей Брэдшоу. — Я пытаюсь спасти себя.

Она колебалась. Это был поединок его и ее воли. Брэдшоу встал и открыл дверь в другую комнату. Я увидел часть спальни, обставленной с унылой роскошью. На столике у кровати рядом с телефоном из слоновой кости я заметил оправленную в кожаную рамку фотографию джентльмена с белыми усами, который показался мне смутно знакомым.

Миссис Делони прошагала в спальню, как мятежно настроенный солдат, получивший приказ. Брэдшоу резко захлопнул за ней дверь.

— Я начинаю ненавидеть старых женщин, — сказал он.

— Вы собирались рассказать мне о револьвере.

— Собирался, правда? — Он вернулся на софу. — Рас-

сказ получится непривлекательный. Совсем непривлекательный. Я излагаю вам его только потому, что надеюсь окончательно удовлетворить ваше любопытство.

— И избежать участия в этом деле полиции.

— Неужели вы не видите, что привлечение полиции ничего не даст? Единственным результатом этого станет то, что будет взбаламучен весь город, колледж потеряет свой престиж, над созданием которого я так много трудился, и сразу столько жизней окажутся покалеченными.

— Особенно ваша и Лоры.

— Особенно моя и Лоры. Господь свидетель, она долго ждала меня. И даже сам я заслуживаю немного большего, чем выпало на мою долю. Вся моя взрослая жизнь была отравленна этой невротической связью, которую я повесил себе на шею, когда был еще глупым юнцом.

— По этому поводу Годвин и консультировал вас?

— Мне нужна была хоть чья-нибудь поддержка. С Тиш было очень нелегко. Иногда она доводила меня почти до сумасшествия своей животной жестокостью и требовательностью. Но теперь все это в прошлом. — Его глаза превратили утверждение в вопрос и мольбу.

— Обещать я ничего не могу. Сначала я должен услышать ваш рассказ целиком, потом мы подумаем, что делать дальше. Как револьвер Алисы попал к Тиш?

— Конни взяла его из комнаты сестры и дала мне. У нас тогда зародилась дикая фантазия одним ударом разрубить гордиев узел.

— Вы имеете в виду убийство Тиш?

— Это была чистейшая фантазия, — взмахнул он рукой, — *folie à deux*¹. Конни и я никогда бы ее не осуществили, в каком бы отчаянном положении мы ни оказались. Вам не дано понять, как это мучительно: делить жизнь между двумя женами, двумя возлюбленными: одна — старая и ненасытная, другая — юная и пылкая. Джим Годвин предупреждал меня, что я стоял на грани духовной смерти.

— От которой убийство, как известно, является верным лекарством.

— Я бы никогда не пошел на это. Просто не смог бы. Кстати, именно Джим открыл мне на это глаза. Я не жестокий человек.

Но я видел, что жестокость в нем была, это она подавляла сейчас все его мелкие страхи, которые, как

¹ Сумасшествие двоих (франц.)

планки корсета, сковывали его сущность, и заставляла держать себя передо мной невозмутимо, почти официально. Я чувствовал его убийственную ненависть ко мне. Как я и думал, мне удавалось вытаскивать наружу его секреты.

— Что произошло с револьвером, который Конни для вас украла?

— Я убрал его туда, где, как надеялся, до него никто не доберется. Но Тиш, должно быть, нашла его.

— В вашем доме?

— В доме моей матери. Я иногда привозил Тиш туда, когда мама отсутствовала.

— Она была там в тот день, когда к вам приезжал Макги?

— Да. — Он посмотрел мне в глаза. — Поразительно, что вы и об этом визите знаете. Вы очень добросовестный работник. Именно в тот день все дошло до точки. Тиш, очевидно, нашла револьвер в сейфе моего кабинета, где я его прятал. Перед этим она, видимо, слышала, как Макги жаловался, что я интересуюсь его женой. Она взяла револьвер и обратила его против Констанции. Полагаю, в этом была некая поэтическая справедливость.

Брэдшоу говорил так, словно рассказывал о событии из жизни совсем чужого человека, о смерти исторического персонажа или героини какого-нибудь романа. Наверное, это было как раз то, что Годвин называл духовной смертью.

— Вы по-прежнему утверждаете, что не знали имени убийцы до прошлой субботы, когда Тиш сама призналась в содеянном?

— Полагаю, я просто гнал от себя все эти мысли. Насколько мне было известно, револьвер бесследно исчез. Макги вполне мог взять его из моего кабинета, когда приезжал для разговора. Официальное обвинение против него выглядело очень убедительно.

— Оно было шито белыми нитками, и вы не можете этого не понимать. Сейчас меня больше всего беспокоит судьба Макги и его дочери, и я не успокоюсь, пока с них не будут сняты все подозрения.

— Но ведь для этого нет никакой необходимости возвращать Летицию из Бразилии.

— То, что она в Бразилии, я знаю только с ваших слов, — заметил я. — Даже миссис Делони была удивлена, услышав об этом.

— Боже милосердный, неужели вы все еще не верите мне? Да я в буквальном смысле вывернулся перед вами наизнанку.

— Вы бы не сделали этого, не будь у вас на то особых причин. Я считаю, что вы лжец, Брэдшоу. Один из тех виртуозов, которые используют реальные факты и чувства для придания достоверности своим рассказам. Но в этой вашей истории есть одна главная недостоверность. Если бы Тиш была в безопасности в Бразилии, я бы никогда этого от вас не узнал. Я думаю, она прячется где-нибудь здесь, в Калифорнии.

— Вы глубоко заблуждаетесь.

Его глаза прямо посмотрели в мои. Они были серьезны и искренни, как могут быть серьезны и искренни только глаза актера. Мурлыканье телефона у двери в спальню прервало нашу игру в гляделки. Брэдшоу двинулся туда, но я был на ногах и успел раньше, отеснив его плечом к дверной раме. Я взял трубку еще до того, как телефон зазвонил в третий раз.

— Алло.

— Это ты, дорогой? — Я узнал голос Лоры. — Рой, я боюсь! Она знает про нас. Она звонила сюда всего минуту назад и сказала, что сейчас приедет.

— Заприте дверь на замок и на цепочку. И вам лучше вызвать полицию.

— Это не Рой, да?

Рой был позади меня. Обернувшись, я успел заметить блеск начищенной латуни, прежде чем кочерга, которую он зажал в кулаке, обрушилась мне на голову.

Миссис Делони шлепала меня по лицу мокрым полотенцем. Я сказал ей, чтобы она прекратила. Первое, что я увидел, когда сумел подняться на ноги, была фотография в кожаной дорожной рамке рядом с телефоном. У меня все плыло перед глазами, и мне показалось, что с фотографии на меня смотрит тот самый черноглазый джентльмен преклонных лет, чей портрет я видел над камином в гостиной миссис Брэдшоу.

— Что здесь делает фотография отца Брэдшоу?

— Видите ли, это мой собственный отец, сенатор Осборн.

— Значит, миссис Брэдшоу тоже виртуоз.

Миссис Делони посмотрела на меня так, будто от удара кочергой я свихнулся. Но удар пришелся вскользь, и я пробыл без сознания не дольше нескольких секунд. Брэдшоу только выезжал со стоянки отеля, когда я туда добрался.

Его легкий автомобиль повернул в гору, оставив океан позади. Я последовал за ним до Футхилл Драйв и нагнал задолго до того, как он успел добраться до дома. Он сам помог мне в этом, неожиданно затормозив. Машину занесло. Визжа протекторами, она развернулась и встала поперек дороги.

Но не меня он пытался остановить таким образом. Сверху на большой скорости приближался другой автомобиль. Я видел, как под деревьями быстро вырастают огни его фар, похожие на огромные, тупо вытаращенные глаза сумасшедшего. Силуэт Брэдшоу четко вырисовывался на их фоне. Мне показалось, он возился с ремнем безопасности. Я узнал «роллс» миссис Брэдшоу за мгновение до того, как он, визжа тормозами, врезался в маленькую машину.

Я съехал на обочину, выставил красную «мигалку» и побежал вверх по дороге к месту аварии. Мои шаги громко раздавались в наступившей после столкновения тишине. Смятый радиатор «роллса» глубоко вдавился в борт машины Брэдшоу. Тот повис на ремне в сиденье водителя. Кровь струилась по его лицу из рассеченного лба, из носа и из уголков рта.

Я открыл дверцу с неповрежденной стороны и расстегнул застёжку. Он мягко повалился мне на руки. Я вытащил его из машины. Кривые дорожки, прочерченные кровью на его лице, напоминали трещины в маске, сквозь которые проглядывала живая плоть. Только он был мертв. Он лежал в серой тени деревьев бездыханный, сердце его не билось.

Старая миссис Брэдшоу спустилась со своего высокого безопасного сиденья. Она выглядела целой и невредимой. Я помню, как подумал в тот момент, что она была какой-то первородной злой силой, которую ничто не в состоянии уничтожить.

— Это Рой, правда? С ним все в порядке?

— В определенном смысле, да. Он хотел вырваться на свободу — он свободен.

— О чем вы говорите?

— Боюсь, что вы и его убили.

— Но я не хотела... Я не могу сделать больно собственному сыну, плоду чрева моего.

Ее голос задрожал от материнского горя. Думаю, она сама наполовину верила в то, что она его мать, — она так сжилась с этой ролью. Реальность стала расплывчатой и туманной, как залитый лунным светом пейзаж вокруг нее.

Она бросилась к мертвому, крепко обхватила его руками, словно ее старое тело могло каким-то чудом согреть

его, вернуть к жизни, вновь зажечь в нем любовь к ней. Нагнувшись, она ворковала что-то ему на ухо, называя плохим, непослушным мальчиком за то, что он хочет напугать ее.

— Просыпайся! — потрясла она его за плечо. — Это мамочка.

Как она однажды сказала мне, ночь для нее не лучшее время суток. Но в ней была двойственность, схожая с двойственностью Роя, и в ее отчаянии чувствовался элемент актерской игры.

— Оставьте его, — сказал я резко. — И давайте прекратим эту игру в материнство. Ситуация и без того достаточно уродлива.

Она медленно и как-то странно повернулась ко мне.

— Игру в материнство?

— Рой Брэдшоу не был вашим сыном. Вы вдвоем разыграли неплохой спектакль — Годвин бы, наверное, сказал, что это отвечало требованиям ваших невротических натур, — но теперь все кончено.

Она вскочила в порыве гнева и в мгновение оказалась передо мной. Я уловил запах лаванды и почувствовал ее силу.

— Я его мать. У меня есть доказательство, его свидетельство о рождении.

— Готов поспорить, что есть. Ваша сестра показывала мне свидетельство о смерти, доказывающее, что вы скончались во Франции в 1940 году. С вашими деньгами приобрести любой документ — пара пустяков. Но изменить факты в действительности, изменив их на бумаге, вам все же не под силу. Рой женился на вас в Бостоне после того, как вы убили Делони. Прошло время, и он влюбился в Констанцию Макги. Вы убили ее. Рой прожил с вами еще десять лет, если только это можно назвать жизнью, в ужасе от того, что вы готовы убить еще раз, если он посмеет вновь полюбить кого-то. Но он в конце концов осмелился. С Лорой Сатерленд. Ему удалось убедить вас, что его интересуется Элен Хаггерти. Поэтому в пятницу вечером вы прокрались по тропинке для верховой езды и убили ее. Все это факты, которые вы не можете изменить.

Между нами повисло молчание, чуткое и зыбкое, как лунный свет.

— Я только защищала свои права, — заговорила она. — Рой, по крайней мере, был обязан мне верностью. Я дала ему деньги и образование, я отправила его в Гарвард, превратила его мечту в реальность.

Мы оба опустили глаза на человека, лежавшего на дороге, человека без мечты.

— Вы готовы поехать со мной в город и сделать официальное заявление о том, как вы защищали свои права все эти годы? Бедный Том Макги опять в тюрьме, опять отбывает ваш срок.

Она выпрямилась.

— Я не позволю говорить со мной в таком тоне. Я не преступница.

— Вы ведь направляетесь к Лоре Сатерлэнд, не так ли? Что вы намеревались сделать с ней, моя старая леди?

Она прикрыла нижнюю часть лица ладонью. Я подумал, что ей стало дурно или нестерпимо стыдно, но она сказала:

— Вы не должны меня так называть. Я еще не стара. Не смотрите на мое лицо, смотрите в глаза. Вы видите, как я молода?

Она была по-своему права. В темноте я не мог хорошо видеть ее глаза, но знал, что они яркие, черные, полные огня. Она все еще жадно наслаждалась жизнью, как та воображаемая Летиция, — причудливое отображение ее самой в искусственной шубе под леопарда, за которым она спряталась от меня.

Она опустила руку к тяжелому подбородку и проговорила:

— Я дам вам денег.

— Рой взял ваши деньги. Смотрите, к чему это привело.

Круто повернувшись, она бросилась к машине. Я догадался, что у нее на уме, и оказался у открытой дверцы «роллс-ройса» раньше ее. Ее сумочка из черной кожи лежала на полу, там, куда упала во время столкновения. Внутри я обнаружил новый револьвер, который должен был принести смерть новой жене Роя.

— Дайте мне это.

Она произнесла эти слова с властностью дочери сенатора и еще большей, жуткой властностью женщины, убившей двух других женщин и двух мужчин.

— Отныне револьверы не для вас, — сказал я, покачав головой.

Теперь все не для тебя, Летиция.

ПОГРЕБЕННЫЙ

Еще не светало, когда меня разбудил шум листвы. В комнату ворвалась волна теплого воздуха. Я встал, закрыл окно и снова лег, прислушиваясь к порывам ветра.

Вскоре ветер стих. Поднявшись, я распахнул окно, и спальню наполнил свежий, пахнувший океаном воздух малонаселенной западной окраины Лос-Анджелеса. Я вернулся в постель и проспал до утра, пока, как обычно, меня не разбудили мои сойки.

Я давно считал их своими. Птиц было пять или шесть, они по очереди перелетали с моего подоконника на дерево магнолии у соседнего подъезда и обратно. Я пошел на кухню, открыл банку земляных орехов и бросил горсть за окно. Сойки устремились за добычей. Я оделся и, держа в руке банку с орехами, спустился вниз.

Меня встретило ясное сентябрьское утро. Небо у горизонта имело желтоватый оттенок, как выгоревшая на солнце дешевая бумага. Ветра не было, и в воздухе чувствовалось горячее дыхание пустыни.

Бросив сойкам еще одну горсть орехов, а наблюдал, как, вспорхнув, птицы рассыпались по траве. Дверь одной из квартир нижнего этажа — ее занимала чета Уоллеров — отворилась, и показался мальчик в голубом хлопковом костюмчике. На вид ему можно было дать лет пять или шесть. У него были темные коротко остриженные волосы, голубые глаза смотрели тревожно и неуверенно.

— Можно я подойду?

— Пожалуйста.

Оставив дверь открытой, мальчик осторожно, стараясь не спугнуть птиц, направился ко мне. Пронзительно крича,

сойки налетали друг на друга, стараясь перехватить добычу, и не обращали на него никакого внимания.

— Чем вы их кормите? Орехами?

— Да. Хочешь?

— Нет, спасибо. Мы с папой едем к бабушке, она всегда дает мне много вкусных вещей. Бабушка тоже кормит птиц.— Он немного помолчал и добавил.— Я хотел бы дать сойкам орехов.

Я протянул ему открытую банку. Он взял горсть орехов и швырнул их в траву. Сойки ринулись на еду, две из них затеяли ссору и с пронзительными криками яростно налетали друг на друга.

Мальчик побледнел.

— Они дерутся насмерть?

— Нет, просто что-то не поделили.

— А сойки убивают других птиц?

— Иногда.— Я попытался сменить тему.— Как тебя зовут?

— Ронни Бродхерст. А каких птиц они убивают?

— Птенцов других видов.

Мальчик вздернул плечи и, прижав к груди руки, как птенец крылья, спросил:

— А детей они могут убить?

— Нет. Они для этого слишком малы.

Мой ответ, казалось, приободрил его.

— Я, пожалуй, съем один орешек. Можно?

— Конечно.

Он повернулся ко мне лицом, сморщившись от солнца.

— Кидайте, а я поймаю ртом.

Я бросил орех, он поймал, потом еще один, и еще, и еще. Одни он поймал, другие упали на траву. Сойки бродили вокруг, похожие на лоскутки пасмурного неба.

Во двор вошел молодой человек в полосатой спортивного покроя рубашке. Он был точной копией мальчика, только старше, с таким же беспокойным взглядом голубых глаз. Попыхивая зажатой во рту тонкой коричневой сигарой, он направился в нашу сторону.

Из открытой двери квартиры Уоллеров, словно специально ожидая его прихода, показалась женщина с гладко зачесанными вверх темными волосами. Она была достаточно привлекательна, чтобы напомнить мне о том, что я сегодня еще не брился. Мужчина сделал вид, что не заметил ее, и строгим голосом обратился к мальчику:

— Здравствуй, Рональд.

Мальчик быстро глянул на него, но не двинулся с места.

Пока мужчина и женщина подходили к нему с разных концов двора, выражение беззаботного счастья исчезло с его лица. Маленькое тело съежилось, будто под давлением этой неминуемой встречи.

— Доброе утро, — едва слышно пробормотал он в ответ.

Мужчина резко повернулся к женщине.

— Он боится меня! Ради бога, что еще ты ему там наговорила?!

— Мы не разговаривали о тебе, Стен. Ради нас же самих.

Мужчина наклонил вперед голову, словно бросаясь в атаку.

— Что значит «ради нас самих»? Ты меня в чем-то обвиняешь?

— Нет, хотя могла бы.

— Я тоже. — Он бросил взгляд в мою сторону. — Что это за приятель у Ронни? Или, может быть, это твой приятель?

Он угрожающе взмахнул зажженной сигарой.

— Я даже не знаю имени этого джентльмена.

— Разве это так уж важно? — Он по-прежнему не смотрел в мою сторону.

Лицо женщины побледнело, как после пощечины.

— Зачем ты так, Стен? Я не хочу ссориться.

— Если ты не хочешь ссоры, то почему уехала?

— Ты знаешь почему. — Она понизила голос. — Эта девица все еще там?

— Не будем обсуждать это. — Он резко повернулся к мальчику. — Идем отсюда, Рон. Бабушка Нелл ждет нас в Санта-Тереза.

Мальчик стоял между ними, сжав кулачки и опустив голову.

— Но мне не хочется ехать в Санта-Тереза. Я что, должен?

— Должен, — подтвердила женщина.

Мальчик бросил взгляд в мою сторону.

— А я хочу остаться здесь... Мне хочется остаться с этим дядей.

Мужчина швырнул сигару на землю и замахнулся на сына. Я схватил мальчика подмышки и, не выпуская из рук, сделал шаг назад, чтобы мужчина не смог его ударить. Ребенок дрожал.

— Оставь его в покое, Стен, — вступилась женщина. — Видишь, что ты с ним сделал?

— Это сделала ты, я же приехал, чтобы забрать его в увлекательную поездку. Мать уже ждет нас. И что я застаю? — В его голосе зазвучали фальшивые ноты обиды. — Я застаю отвратительную семейную сцену: Рон развлекается с новоявленным папашей!

— Вы ошибаетесь, — заметил я. — Мы с Роном всего лишь соседи. И познакомились только что.

— Тогда отойдите от него. Это мой сын.

Я опустил мальчика на землю.

— И уберите свои грязные руки, — добавил он.

Мне очень захотелось вмазать ему, но это лишь повредило бы мальчику и женщине, и поэтому, стараясь говорить как можно спокойнее, я посоветовал:

— Убирайтесь-ка подобру-поздорову, мистер.

— Я имею полное право забрать с собой сына.

Мальчик поднял на меня глаза.

— Я должен пойти с ним?

— Он ведь твой отец? Тебе повезло, что у тебя есть отец, который любит путешествовать и берет тебя с собой.

— Да-да, — подхватила женщина. — Иди же, Ронни. Без меня вы с папой быстрее найдете общий язык. И бабушка Нелл расстроится, если ты не приедешь ее навестить.

Низко опустив голову, мальчик поплелся к отцу и нехотя подал ему руку. Они вышли на улицу.

— Я должна извиниться за его грубость, — сказала женщина.

— Не стоит. Мне нет до него никакого дела.

— Зато мне есть, вот в чем беда. Стен стал невыносимо груб. Раньше он не был таким.

— Пожалуй. Иначе он вряд ли дожил бы до этого дня.

Я не хотел, чтобы мои слова прозвучали как угроза, но получилось иначе. Разговор угас. Я попытался возобновить его.

— Уоллеры — ваши друзья, миссис Бродхерст?

— Да. Профессор Уоллер был моим наставником, когда я училась. — Она грустно усмехнулась. — Сказать по правде, он и сейчас мой наставник. Он и Лора. Оба. Я познакомилась с ними вчера вечером на озеро Тахо, когда... — Она не договорила. — Они и ваши друзья, да?

— Просто хорошие соседи. Кстати, меня зовут Арчер. Я живу наверху.

Она кивнула.

— Лора Уоллер говорила о вас вчера, когда предложила мне воспользоваться их квартирой. Она сказала, что,

если мне понадобится какая-либо помощь, то я могу обратиться к вам.— Женщина слабо улыбнулась.— Я, кажется, уже сделала это, да? Спасибо, что вы были так добры к моему сынишке.

— Мне это доставило удовольствие.

Однако мы оба по-прежнему чувствовали себя скованно. Как это обычно бывает с раздраженными людьми, ее муж оставил после себя ощущение неловкости, и оно все еще витало в воздухе. Словно пытаясь избавиться от этой неловкости, она предложила:

— Я только что нашла немного кофе... особого помола, как любит Лора Уоллер. Я думаю, такого вы не пили. Хотите чашечку?

— Благодарю, только сейчас не самое подходящее время. Ваш муж может вернуться. За воротами хлопнула дверца автомобиля, но мотор по-прежнему не работал.— Он может сорваться.

— Не думаю.— Ее слова звучали полувопросительно.

— Это вполне вероятно. На своем веку я достаточно повидал ему подобных и стараюсь, если могу, не раздражать их.

— Лора сказала, что вы частный детектив. Правда? — В ее голосе мне почудилось что-то похожее на вызов.

— Да, только сегодня у меня выходной. Во всяком случае я на это надеюсь.— Я поспешно улыбнулся, но было уже поздно. Она обиженно поджала губы и отвернулась. Я бросился исправлять свою оплошность.— Может быть, вы перенесете приглашение на другое время?

Она замотала головой, не столько отвечая мне, сколько своим мыслям.

— Не знаю... нет. Я не думаю, что задержусь здесь.

На улице послышался звук открываемой двери автомобиля, и Стенли Бродхерст — один — вошел во двор.

— Я не собирался вам мешать...

— Мешать нечему,— перебила его женщина.— Где Ронни?

— В машине. Общение с отцом пойдет ему на пользу.— Он говорил так, будто отцом мальчика был кто-то другой.— Ты не дала мне его вещи и игрушки. Он сказал, что ты их собрала.

— Да, конечно! — виновато всплеснув руками, она поспешила в дом и через минуту вынесла голубую нейлоновую сумку, какие бывают у авиапассажиров.— Передавай привет маме.

В ее голосе, как и в ответном «конечно», не было теплоты.

Они были похожи на людей, которым не суждено больше встретиться.

Меня вдруг охватило чувство страха — очень неясное, потому что я привык подавлять его. Я думаю, это был страх за мальчика. Как бы то ни было, мне вдруг захотелось остановить Бродхерста и вернуть мальчика назад. Но я не сделал этого.

Бродхерст вышел на улицу. Я бросился к лестнице черного хода, прыгая через две ступеньки, взобрался наверх и, пройдя по галерее на ту сторону дома, что выходила на улицу, выглянул вниз.

У бордюра стоял новенький черный «форд» с открытым верхом. На переднем сиденье расположилась белокурая девушка или женщина в желтом платье без рукавов. Левой рукой она обнимала за плечи застывшего в напряженной позе Ронни.

Стенли Бродхерст сел за руль, включил зажигание, и автомобиль сорвался с места. Я не разглядел лица девушки. Сверху были видны лишь обнаженные руки, пышный бюст и разметавшиеся по плечам волосы.

Ощущение тревоги за Ронни не покидало меня. Я отправился к себе, зашел в ванную и посмотрел в зеркало, словно пытаюсь прочесть в нем будущее мальчика. Увы! Я увидел лишь собственное прошлое — небритое лицо начинающего сидеть немолодого мужчины.

Побрившись, я надел чистую рубашку и стал спускаться вниз. На полпути я вдруг остановился и, облокотившись на перила, подумал, что, кажется, иду навстречу беде, которая подстерегает и эту красивую женщину с очень милым сыном, и ее циничного мужа...

В лицо мне дохнуло теплым ветром...

2

Пройдя мимо закрытой двери квартиры Уоллеров, я направился к ближайшему газетному киоску и купил воскресный номер «Лос-Анджелес Таймс». Вернувшись домой, я углубился в чтение. На это ушло почти все утро. Я прочел газету от первой до последней страницы, не пропуская рекламы, которая иногда может рассказать о Лос-Анджелесе больше, чем любой информационный выпуск.

Приняв холодный душ, я присел у столика в передней, чтобы проверить свои счета. Выписав чек за телефон и свет,

я с удовольствием отметил про себя, что ни один счет не просрочен. Это вселило в меня уверенность и душевный покой.

Вкладывая чеки в конверт, я услышал за дверью женские шаги.

— Мистер Арчер?

Я открыл дверь. Передо мной стояла моя новая знакомая. На ней было модное короткое пестрое платье, на ногах — ажурные белые чулки. Волосы по-прежнему гладко зачесаны наверх, синие тени вокруг глаз, карминовая помада... но все это не могло скрыть ее волнения и тревоги.

— Я не хочу беспокоить вас, если вы заняты...

— Я не занят. Входите.

Она вошла и огляделась, переводя взгляд с одной вещи на другую, словно высвечивая их лучом невидимого прожектора. Я вдруг заметил, что мебель моя уже изрядно обветшала. Закрыв за ней дверь, я пододвинул стул.

— Присаживайтесь.

— Спасибо. — Она осталась стоять. — В Санта-Тереза пожар. Лесной пожар. Вы знаете об этом?

— Да. Это, наверное, из-за жары.

— По радио передали, что горит совсем близко от дома бабушки Нелл — поместья моей свекрови. Я пыталась дозвониться туда, но никто не отвечает. Там должен быть Ронни. Я так волнуюсь...

— Отчего?

Она закусила нижнюю губу, и на зубах остался красный след от помады.

— Я не уверена, что Стенли будет хорошо присматривать за ним. Не надо было отпускать Ронни...

— Зачем же вы отпустили?

— Но я ведь не могу запретить Стенли видеться с сыном, да и мальчику нужен отец.

— Но не теперь, когда Стенли в таком состоянии.

Она умоляюще посмотрела мне в глаза и, подавшись вперед, коснулась моей руки.

— Помогите мне вернуть его, мистер Арчер.

— Ронни? — спросил я. — Или Стенли?

— Обоих. Но я, конечно, больше волнуюсь за Ронни. По радио сказали, что может возникнуть необходимость эвакуировать жителей прилежащих домов. Не представляю, что сейчас происходит в Санта-Тереза!

Я подвел ее к честерфилду¹ и почти силой заставил

¹ Честерфилд — большой мягкий диван с подлокотниками.

сесть, а сам пошел на кухню, ополоснул стакан и налил в него воды. Она выпила, судорожно глотая. Мне вдруг почудилось, что эти длинные как у танцовщицы, обтянутые белыми чулками ноги протянуты в мою убогую гостиную из другого измерения, другого — красивого и праздничного — мира.

Я присел у столика с телефоном и обернулся к ней.

— Номер телефона вашей свекрови?

Она назвала номер и код. Я позвонил. На том конце провода долго не отвечали. Неожиданно, после девяти или десяти гудков, раздался щелчок и женский голос произнес:

— Да?

— Это миссис Бродхерст?

— Да, — голос звучал холодно, но вежливо.

— Жена Стенли хочет поговорить с вами. Ответьте.

Я передал трубку молодой женщине, и она заняла мое место у столика. Я прошел в спальню, закрыл за собой дверь и снял трубку отводного аппарата, что стоял у кровати.

Пожилая женщина говорила:

— Нет, Джин, я не видела Стенли. Он прекрасно знает, что по субботам я дежурю в больнице... Я только что вернулась.

— Разве вы не ждете его?

— Может быть позже. Днем.

— Но он сказал, будто вы договорились, что он приедет сегодня утром и привезет с собой Ронни, чтобы он повидал вас...

— Что ж, вероятно, так оно и будет. — Голос миссис Бродхерст звучал настороженно. — Я вообще не понимаю, почему ты придаешь этому такое значение...

— Но они уехали несколько часов назад, — беспомощно проговорила Джин, — а в окрестностях пожар.

— Да, поэтому-то я и поспешила домой из больницы. Извини, Джин, я больше не могу говорить.

Она положила трубку, я сделал то же самое. Когда я вернулся в гостиную, Джин сидела, нахмутив брови, и недоуменно смотрела на телефонную трубку, которую все еще сжимала в руке, словно не знала, что с нею делать дальше.

— Стен солгал мне, — проговорила она. — Его мать провела все утро в больнице. Он повез эту девицу в пустой дом.

— Вы не ладите с мужем?

— Пожалуй... Я в этом не виновата.

— А кто эта блондинка?

Она приподняла трубку и почти бросила ее на рычаг. Мне показалось, что она швырнула ее в меня.

— Я не собираюсь говорить об этом.

Я немного сменил тему.

— Как давно началось ваше отчуждение?

— Только вчера. Собственно, ничего особенного не произошло. Думаю, если бы Стен поговорил со своей матерью...— она осеклась.

— То мать приняла бы вашу сторону? Я бы не стал на это рассчитывать.

Она взглянула на меня с удивлением.

— Вы разве знакомы с миссис Бродхерст?

— Нет. Но на вашем месте я все же не стал бы на это рассчитывать... Она что, богата?

— Я... это так очевидно?

— Да нет... Просто все должно иметь причину. Ваш муж использовал имя матери, чтобы заставить вас отпустить ребенка.

Мои слова прозвучали как обвинение, и она опустила глаза.

— Вам кто-то рассказывал о нас.

— Вы сами.

— Но я ни словом не обмолвилась о миссис Бродхерст. И о блондинке тоже.

— Значит, мне показалось.

Она глубоко задумалась. Задумчивость шла ей, смягчая тревожно-возбужденное выражение ее лица.

— Я поняла. Вчера вечером, после того, как я позвонила Уоллерам на Тахо, они связались с вами и рассказали обо мне. Что говорила вам Лора? Или это был Боб?

— Ничего. Они мне не звонили.

— Тогда как вы узнали о блондинке?

— Ну... всегда есть какая-то блондинка.

— Вы обманываете меня,— живо возразила она.— В данной ситуации это нехорошо с вашей стороны.

— Ладно. Я видел ее.— Сказав это, я понял, что сам напросился в свидетели, и теперь все мои надежды остаться в стороне рухнули.— Она сидела в машине, когда они уезжали отсюда,— пояснил я.

— Почему же вы не сказали мне. Я бы не допустила...

— Каким образом?

— Не знаю.— Она взглянула на свои руки, ее лицо исказила гримаса, похожая на горькую усмешку.— Предь-

явила бы свидетельство о браке, или уселась бы на капот машины... или написала бы жалобу инопланетянам...

Я не дал ей договорить, чтобы предупредить истерику.

— По крайней мере, они ничего не скрывают. И потом, пока рядом мальчик, они вряд ли решатся...

Женщина покачала головой.

— Не знаю, что они будут там делать, но то, что они, как вы сказали, ничего не скрывают, мне совсем не нравится. По-моему, они оба сумасшедшие. Честное слово! Он привез ее домой после работы и пригласил остаться обедать, даже не посоветовавшись со мной. Когда они приехали, она была очень возбуждена и на вопросы почти не отвечала.

— А где работает Стенли?

— В страховой компании, в Нортридже. Мы там живем. Она не его коллега, я уверена в этом. Вряд ли она смогла бы проработать там хотя бы день... Возможно, она студентка или еще учится в школе. Она ведь совсем молоденькая.

— Сколько ей?

— Не больше девятнадцати. Это-то и вызвало у меня подозрения. По словам Стенли, она его школьная подруга и разыскала его в офисе. Но он по меньшей мере лет на семь-восемь старше ее.

— Чем она была взволнована?

— Представления не имею. Но мне очень не понравилось то, что она рассказывала Ронни... Очень. Я попросила Стенли, чтобы он выпроводил ее, но он отказался. Тогда я позвонила Лоре Уоллер и... приехала сюда.

— Может быть, не стоило этого делать?

— Сейчас я тоже так думаю. Мне следовало остаться в собственном доме и разобраться во всем. Но, к сожалению, я и Стенли... мы уже давно далеки друг от друга. Он поглощен своими заботами и совсем не интересуется мною. А это лишает женщину почвы под ногами.

— Вы хотели бы развестись?

Она помолчала, раздумывая.

— Я никогда не задумывалась об этом. Может быть... Но мне нужно все взвесить. — Она встала и немного картинно, как манекенщица, облокотилась рукой на стол, положив другую на бедро. — Но не сейчас, мистер Арчер. Сейчас я должна ехать в Санта-Тереза. Вы не могли бы подвезти меня и помочь забрать Ронни?

— Я — частный детектив и занимаюсь такими вещами за деньги.

— Лора Уоллер сказала мне. Поэтому я и обращаюсь к вам. Разумеется, я заплачу.

Я открыл входную дверь и поставил замок на автоматическое блокирование.

— Что еще вам сказала обо мне Лора Уоллер?

Она широко и немного рассеянно улыбнулась.

— Что вы одиноки.

3

Я ждал ее в гостиной Уоллеров. Стеллажи на стенах были плотно заставлены книгами — большей частью на иностранных языках, и это как бы подчеркивало отрешенность обитателей квартиры от суетного настоящего. Она появилась, держа в руках большую сумку и два плаща — себе и пропавшему мальчику.

Я вывел машину из гаража, расположенного в подвале и поехал к автостраде. Яркое утреннее солнце ослепительно сверкало на хромированных поверхностях и лобовых стеклах встречных автомобилей. Я включил кондиционер.

— Та лучше, — согласилась она.

Ее присутствие по-прежнему создавало иллюзию, что где-то совсем рядом другое пространственно-временное измерение — мир, в котором больше будущего и не такое интенсивное уличное движение...

Я свернул на Сепулведи и, помолчав немного, сказал:

— По-моему, я уже не так одинок, миссис Бродхерст.

— Лучше Джин, а то мою свекровь тоже зовут миссис Бродхерст.

— Что же в этом плохого?

— Да ничего... Она хорошая женщина, настоящая леди и большая умница. Правда, ее постоянно что-то угнетает. Может быть, вся ее чопорность — лишь попытка скрыть это.

— Что же ее тревожит?

— Разное... — Краем глаза я заметил, что она внимательно взглянула на меня. — Вы очень любопытны, мистер Арчер.

— Профессиональная привычка.

— Вы и сейчас работаете?

— Но вы же сами попросили меня об этом. Кстати, на ваше решение приехать к Уоллерам не повлиял тот факт, что наверху живу я?

— То, что вы — частный детектив?

— Да.

— Возможно... Возможно, вы стали звеном в цепи. Это имеет какое-то значение?

— Для меня имеет. Я не верю в совпадения и всегда хочу точно знать, что происходит.

— Вы счастливчик, если вам это всегда удается.

— Это можно считать предостережением?

— Скорее признанием... Я подумала о себе — что происходит со мной...

— Ну раз уж вы стали признаваться, скажите, это вы послали ко мне Ронни кормить птиц?

— Нет, — твердо ответила она. — Он сам захотел. — Затем, помолчав немного, добавила. — Если вы не верите в совпадения, то значит, в вашем мире нет места и для спонтанных поступков?

— Это не мой мир. Просто меня интересуют все звенья упомянутой вами цепи. Расскажите мне все как есть.

Немного помедлив, она сказала:

— Я, право, не знаю, что вы хотите от меня услышать.

— Все, что предшествовало сегодняшнему дню.

— Вы считаете это важным? — В ее голосе я различил нотки удивления.

— Да.

— Для меня это тоже важно. Все-таки это моя жизнь, и она разбилась на мелкие кусочки... Даже не знаю, с чего начать.

— С одного из них. Вы уже начали рассказывать о миссис Бродхерст. Что же ее угнетает?

— Она стареет...

— Я тоже старею, но меня это не очень волнует.

— В самом деле? Хотя для женщины это имеет большее значение...

— А мистер Бродхерст не стареет?

— Никакого мистера Бродхерста нет. Несколько лет назад он уехал с другой женщиной. Похоже, Стенли пошел по его стопам.

— Сколько лет было Стенли, когда ушел его отец?

— Одиннадцать или двенадцать. Стенли не любит говорить о том времени, но это было, пожалуй, самое главное событие его детства. Я всегда вспоминаю это, когда начинаю размышлять о нем. По-моему, когда отец бросил их, Стенли переживал даже больше, чем мать.

— Откуда вам это известно, если он не любит вспоминать об этом?

— Вы задаете хорошие вопросы, — заметила она.

— Дайте мне хороший ответ, Джин.

Она помолчала. Ее лица не было видно, но боковым зрением я уловил, что она сидит, положив руки на колени и склонив голову так, будто пытается развязать тугой узел или разматывает клубок ниток.

— Мой муж какое-то время разыскивал отца, — наконец сказала она. — Но постепенно им овладело отчаяние. Впрочем, я могу ошибиться. Мне кажется, он занимался поисками отца в надежде снова обрести душевное равновесие...

— А что, у Стенли был нервный срыв?

— С точки зрения медицины — нет, хотя вся его жизнь — это серия взрывов. Он из разряда очень самоуверенных людей, которые на поверку оказываются совершенно беспомощными. Поэтому он выглядит смешным... Учеба в университете давалась ему нелегко. Мы были в одной группе по французскому, и он попросил меня помочь ему. Вот так мы и познакомились. — Помолчав, она добавила с иронической усмешкой. — Ученик женился на учительнице.

— Мужчине не просто быть женатым на женщине, которая умнее его.

— В такой ситуации и женщине не проще. Хотя я не сказала бы, что я умнее или способнее Стенли. Просто он не нашел себя.

— Он все еще ищет?

— Да. Все эти годы...

— И помнит об отце?

— Он никогда не забывал о нем. Стенли считает, что с уходом отца его жизнь потеряла смысл. Это похоже на бред, но это так. Он ненавидит отца за то, что тот бросил его, и в то же самое время скучает и любит его. Вот эти чувства и мешают ему найти себя.

Меня поразило, с каким глубоким сочувствием она сказала это. Муж не был ей так безразличен, как она хотела показать.

Мы свернули на шоссе, ведущее вниз, и начали спуск в долину. Над ней поднималась густая коричневая пыль, закрывая расположенные впереди горы. Эта картина напомнила мне кадр из старого кинофильма: бомбардировщик времен второй мировой войны с трудом взлетает с аэропорта Ван Найдс и берет курс на север. Он мог бы лететь на пожар в Санта-Тереза.

Я не стал делиться возникшими у меня ассоциациями с сидевшей рядом женщиной. Меня вдруг посетила другая мысль. Если Стенли последовал примеру отца и сбежал

с другой, то он вряд ли отправился бы в город, где жила его мать. Скорее он выбрал бы Лас-Вегас или Мехико.

Мы проехали указатель с надписью «Нортридж», и я взглянул на Джин. Она по-прежнему сидела, склонившись вперед, словно распутывала невидимый клубок.

— Ваш дом далеко от шоссе?

— Минут пять. А что?

— Нам нужно заехать туда. Мы ведь не знаем наверняка, куда Стенли повез мальчика.

— Вы думаете, они могут быть дома?

— Вряд ли, хотя все может быть. На всякий случай проверим.

Дом находился на улице Колледж-Сэркл, которая представляла собой длинную цепочку типовых домов с двухэтажными портиками на массивных деревянных колоннах. Дома были покрашены в разный цвет. Дом Бродхерстов оказался темно-синим с голубыми колоннами.

Джин направилась к парадному, а я — по аллее вокруг дома. За впечатляющим фасадом открылось весьма неожиданное продолжение, словно архитектор хотел слить воедино особняк южного плантатора и жилище раба. Изгородь из дикого винограда отделяла внутренний дворик от соседнего.

Дверь в гараж была заперта. Я заглянул в небольшое окошко. Гараж был рассчитан на два автомобиля, но сейчас в нем находился только один — «мерседес», седан зеленого цвета. Его трудно было спутать с хардтопом Стенли.

Дверь черного хода открылась изнутри, и на пороге показалась Джин. Она испуганно взглянула на меня и бросилась к окошку гаража.

— Там их нет?

— Нет.

— Слава богу! Я вдруг подумала, что они могли покончить жизнь самоубийством. — Она уже стояла рядом со мной у окна. — Это не наша машина.

— Чья же?

— Должно быть, ее. Ну, конечно! Теперь я вспомнила. Она и Стенли приехали вчера вечером на разных автомобилях. У нее с нервами все в порядке, если она оставляет свою машину в моем гараже... — Джин повернулась ко мне, на ее лице появилось выражение решимости. — Кроме того, она спала в кровати Ронни. Мне это не нравится!

— Покажите мне дом.

Мы прошли через дверь черного хода. Дом казался брошенным. Повсюду на кухне стояли немытые тарелки,

а в раковине их скопилась целая гора, на плите стояла сковорода с застывшим жиром и кастрюля с чем-то, по запаху напоминающим гороховый суп, а по виду — зеленую болотную жижу. Надо всем этим кружили мухи.

В комнате мальчика на втором этаже на стенах висели картинки с изображением животных. Постель была сильно смята, видно женщина, которая в ней спала, провела беспокойную ночь. На наволочке, будто автограф, остались следы помады. Из-под подушки торчала книга в выцветшем зеленом матерчатом переплете.

Я открыл книгу — роман «Зеленая обитель». На экслибрисе был изображен ангел или, может быть, муза, пишущая что-то на свитке павлиньим пером. Здесь же стояло имя владельца — Эллен Строум. Ниже карандашом было написано еще одно — Джерри Килпатрик.

Я захлопнул книгу и сунул ее в карман куртки.

4

В комнату вошла Джин Бродхерст.

— Хорошо хоть он с ней не спал.

— А где спал ваш муж?

— В кабинете.

Она провела меня в небольшую комнатку на первом этаже. Здесь было несколько полок с книгами, закрытое бюро с откидной крышкой, незаправленная кушетка и металлический шкаф для хранения документов, стоящий как надгробный камень в изголовье кровати.

— Стенли обычно спит здесь?

— Вы задаете весьма интимные вопросы.

— Скоро вы к ним привыкнете. Так он спит здесь?

Она покраснела.

— Он по ночам работает и не хочет мне мешать.

Я потянул за ручку верхнего ящика шкафа. Он был заперт на ключ.

— Что за документы он хранит здесь?

— Это бумаги его отца, — пояснила она.

— Отца?

— Точнее документы, связанные с его отцом... Все, что ему удалось разыскать. Их не так уж много. В основном здесь записи разговоров и письма к разным людям, у которых Стенли пытался выяснить местонахождение отца. Последние два года он только этим и занимался. — Криво усмехнувшись, она добавила. — По крайней мере я знала, где он проводит ночи.

— Что за человек был его отец?

— Ничего определенного я не могу сказать. Вся эта работа, — она постучала по металлической стенке шкафа, — выглядит весьма забавной. Стенли почти совсем не говорит об отце. Он предпочитает обходить эту тему молчанием. Его мать — тем более. Я знаю только, что он был пехотным капитаном и служил где-то на западном побережье. У Стенли есть его фотография в форме. Он привлекателен внешне, у него приятная улыбка...

Я окинул взглядом отделанные деревом стены. На них ничего не висело кроме отрывного календаря. На календаре был все еще июнь.

— Где он хранит фотографию отца?

— В пластиковой рамке, чтобы она не истерлась.

— А почему она должна истереться?

— Потому что он часто показывает ее разным людям. У Стенли есть и другие фотографии отца, где он играет в теннис, сидит верхом на пони. А на одной он снят за штурвалом своей яхты.

— Надо полагать, у его отца водились деньги?

— Да, немало. Во всяком случае у миссис Бродхерст их хватает.

— Выходит, муж бросил ее и деньги и ушел к другой?

— Во всяком случае, мне так сказали.

— Кто была та женщина, с которой он уехал?

— Представления не имею. Я ни разу не слышала, чтобы Стенли с матерью говорили о ней. Я знаю только, что она и мистер Бродхерст уехали в Сан-Франциско. В июне мы со Стенли провели две недели в Сан-Франциско, он исколесил весь город со своими фотографиями, прошел вдоль и поперек весь центр... Я потратила массу времени и усилий, чтобы уговорить его вернуться с нами. Он собирался бросить работу и продолжать поиски в районе, прилегающем к Бухте.

— Предположим, он найдет отца. Что потом?

— Не знаю. Думаю, что и Стенли не знает.

— Вы сказали, что Стенли было около одиннадцати или двенадцати лет, когда ушел отец. Как давно это было?

— Сейчас Стенли двадцать семь. Значит, пятнадцать лет назад.

— Он может себе позволить бросить работу?

— Нет. Мы уже задолжали солидную сумму его матери и другим людям. Но он становится совершенно безответственным. Все, что пока мне удастся, это удержать его на работе.

Она замолчала и, отвернувшись, стала разглядывать пустые стены кабинета и календарь, который не переворачивали уже несколько месяцев.

Я спросил:

— У вас есть ключи от шкафа?

— Нет. Ключ только один. Он у Стенли. Он и бюро всегда держит закрытым: не хочет, чтобы я видела его корреспонденцию.

— Вы думаете, он мог переписываться с любовницей?

— Не знаю. Он получает письма отовсюду. Я их не распечатываю.

— Вы знаете имя блондинки?

— Она сказала, что ее зовут Сью. Во всяком случае так она представилась Ронни.

— Я бы хотел взглянуть на номер «мерседеса». Ключ от гаража у вас есть?

— Этот есть. Я храню его на кухне.

Я пошел за ней на кухню. Там она открыла шкаф и сняла с гвоздя ключ. Я отпер гараж. Ключ от «мерседеса» торчал в замке зажигания. Номерных знаков не было. Зато в ящике приборной панели я обнаружил смятый листок автомобильной страховки, выписанный на имя мистера Роджера Армстеда, проживающего на Крессент-Драйв 10, в Санта-Тереза. Записав имя и адрес в свою книжку, я вылез из машины.

— Нашли что-нибудь? — поинтересовалась Джин.

Я показал ей открытую записную книжку.

— Вы знаете Роджера Армстеда?

— Боюсь, что нет. Могу лишь сказать, что Крессент-Драйв — район престижный.

— Кстати, и этот «мерседес» стоит больших денег. Похоже, что у школьной подруги Стенли они есть... Впрочем, может быть, она угнала его.

Джин сделала предупреждающий жест рукой.

— Пожалуйста, тише! — Затем, понизив голос, чтобы не услышали из-за забора соседи, продолжила. — То, что он сказал, — просто смешно. Она никак не может быть его школьной подругой. Я же вам уже говорила, что она минимум на шесть или на семь лет моложе его.

И потом, он ходил в частную школу для мальчиков в Санта-Тереза.

Я снова открыл записную книжку.

— Опишите ее.

— Красивая блондинка, примерно моего роста — пять

футов¹ шесть дюймов². Хорошая фигура. Весит, наверное фунтов³ сто пятнадцать или около этого. Светло-голубые глаза... Они — самое привлекательное в ее лице, и самое странное.

— Странное? Почему?

— По ним ничего нельзя прочесть, — пояснила она. — Я так и не поняла, то ли она невинна, как ангел, то ли холодна и аморальна. Кстати, эта мысль пришла мне в голову тогда, а не сейчас. Это было мое первое впечатление о ней.

— Стенли как-то объяснил, почему он привез ее с собой в дом?

— Он сказал, что ей нужно поесть и отдохнуть и попросил меня приготовить ей обед. Но она почти ни к чему не притронулась, только поела чуть-чуть горохового супа.

— Она была разговорчива?

— Со мной она не говорила, больше с Ронни.

— О чем?

— Да так, о разных пустяках... Она рассказала ему страшную историю о маленькой девочке, которая осталась одна ночью в доме в горах. Ее родителей убили чудовища, а девочку унесла большая птица, похожая на кондора. Она сказала, что эта история приключилась с нею самой, когда ей было столько лет, сколько Ронни сейчас. Она спросила Ронни, хочет ли он, чтобы с ним произошло что-нибудь подобное. Конечно, это все ее выдумки, но в этой истории было что-то нехорошее... будто она пыталась накликать беду на Ронни.

— И какова была его реакция? Он испугался?

— Я бы не сказала... Мне показалось, что она ему понравилась. А мне нет. Я прервала их разговор и отправила Ронни в свою комнату.

— Она что-нибудь сказала на это?

— Прямо — нет... Все это было, как дурное предзнаменование, я очень испугалась тогда. Мне нужно было что-то предпринять чтобы избавиться от нее.

— Что же вас испугало?

Она подняла глаза на небо, по которому тянулся коричневый шлейф пыли.

— Я поняла, что она чем-то напугана, и это состояние

¹ Фут — 30,48 см.

² Дюйм — 2,54 см.

³ Фунт — около 450 граммов.

передалось мне. Я и без того была расстроена. То, что Стенли привез ее в дом, так несвойственно для него... Да еще в качестве своей детской пассии!.. Я вдруг поняла, что моя жизнь начала круто меняться, а я не могу ничего изменить.

— Ваша жизнь начала меняться намного раньше, не так ли? С июня.

Она взглянула на меня помутневшими глазами.

— В июне мы ездили в Сан-Франциско. Почему вы сказали «с июня»?

— Потому что именно в этом месяце ваш муж последний раз оторвал листок календаря в своем кабинете.

У дома с шумом остановился автомобиль, и вскоре из-за угла появился мужчина. Было видно, что он неловко чувствует себя в своем помятом черном костюме. На длинном бледном лице выше глаз виднелись рубцы шрамов. Он направился к нам по подъездной аллее.

— Стенли Бродхерст дома?

— Его нет, — волнуясь ответила Джин.

— А вы случайно не миссис Бродхерст? — Мужчина старался говорить вежливо, но в голосе его прорывались агрессивные нотки.

— Да, я миссис Бродхерст.

— Когда вернется ваш муж?

— Не знаю... Трудно сказать.

— Скажите, хотя бы приблизительно.

— Боюсь, что не смогу.

— Если вы не знаете, тогда кто знает?

Он был похож на человека, попавшего в беду. Я встал между ним и Джин.

— Бродхерст уехал из города на уикэнд. Кто вы и что вы хотите?

Мужчина не удостоил меня ответом. В приступе тихой ярости он хлопнул себя рукой по лицу. Удар был сильным, на щеке остались красноватые следы от пальцев.

— Я знаю, кто я такой, — рявкнул он. — Я хочу забрать свои деньги. Вы бы лучше связались с ним и передали ему это. Или я сегодня вечером разнесу этот городишко, и сам заберу деньги.

— О каких деньгах идет речь?

— Это касается его и меня. Так и передайте ему. Если он не вернет мне к вечеру тысячу, то пусть пеняет на себя. Так ему и скажите.

Пока он говорил все это, его глаза оставались совершенно холодными. Я подумал, что он, должно быть, опыт-

ный мошенник. Его землистая бледность была, очевидно, результатом долгого тюремного заключения, и при дневном свете он еще чувствовал себя неуверенно. Во время нашего разговора он прижимался к стене, словно ища опоры.

— У моего мужа нет таких денег.

— Зато они есть у его матери.

— А что вам известно о его матери? — спросила слабым голосом Джин.

— Я знаю, что у нее имеются деньги. Он сказал, что сегодня утром заберет их, а мне отдаст вечером.

— Не кажется ли вам тогда, что вы приехали рановато? — заметил я.

— Я-то приехал вовремя; а вот его нет в городе и вообще...

— Что он у вас покупает?

— Если я вам скажу, то не смогу продать, а? — Он бросил на меня хитроватый взгляд, как это делают недалекие люди, считающие себя очень умными. — Передайте ему, что я приеду еще раз, вечером. И если он не заплатит, то пожалеет об этом.

— Здесь может никого не оказаться, — сказал я. — Почему вы не хотите сообщить нам ваше имя и адрес? Мы бы связались с вами.

Он обдумал мое предложение и наконец произнес:

— Можете найти меня в мотеле «Звезда». Это за каньоном Топанга, по дороге вдоль побережья. Спросите Эла.

Я записал адрес.

— Телефон есть?

— Вы же не сможете передать деньги по телефону? — Он криво усмехнулся и повернулся чтобы уйти. Я проводил его до угла и проследил, как он отъехал в старом черном «фольксвагене». У машины не было переднего бампера, а номерные знаки были так сильно заляпаны грязью, что я не смог разглядеть ни одной цифры.

— Вы думаете, он говорит правду? — спросила Джин, когда я вернулся.

— Думаю, что он и сам этого не знает. Чтобы это выяснить, его надо проверить на детекторе лжи. Может быть, там он попался бы.

— Какие могут быть у Стенли дела с подобными типами?

— Вы знаете Стенли лучше меня.

— Я начинаю сомневаться в этом.

Мы вошли в дом, и я попросил разрешения воспользо-

ваться телефоном в кабинете. Я хотел связаться с владельцем «мерседеса». Выяснив в справочном номер Армстеда, я набрал его.

— Да? — сразу ответил женский голос.

— Могу я поговорить с мистером Армстедом?

— Его нет.

— А где я могу его найти?

— Это зависит от того, для чего он вам нужен, — ответила она.

— Вы миссис Армстед?

— Да. — Судя по ее тону, она собиралась повесить трубку.

— Я пытаюсь найти молодую женщину. С очень светлыми волосами.

— Ту, что ночевала в четверг на яхте у причала в Санта-Тереза? — перебила она уже более заинтересованным голосом.

— Не знаю.

— Что же тогда вам известно о ней?

— Она была за рулем зеленого «мерседеса». Очевидно, это автомобиль вашего мужа.

— Машина моя. И яхта тоже моя, если на то пошло. Она разбила «мерседес»?

— Нет.

— Тогда я хочу его забрать. Где он?

— Я скажу, если вы позволите приехать к вам и поговорить.

— Похоже, вы занимаетесь вымогательством? Это вас Роджер надоумил? — В голосе ее звучал гнев и раздражение.

— Я никогда в жизни с ним не встречался.

— Считайте, что вам повезло. Как вас зовут?

— Арчер.

— Чем вы занимаетесь, мистер Арчер?

— Я — частный детектив.

— Понятно. О чем же вы хотели поговорить со мной?

— О блондинке. Я не знаю, как ее зовут. А вы?

— Я тоже не знаю. С ней что-нибудь случилось?

— Похоже на то.

— Сколько ей лет?

— Восемнадцать или девятнадцать.

— Понятно, — сказала она уже более спокойно. — Машину ей дал Роджер, или она ее украла?

— Это вам лучше спросить у Роджера. Пригнать вам машину?

— Откуда вы звоните?

— Из Нортриджа. Но я собираюсь в Санта-Тереза. Может быть, мы все-таки поговорим?

Наступило молчание, и я спросил миссис Армстед, слышит ли она меня.

— Да, я слушаю только не уверена, хочу ли с вами разговаривать. Хотя,— добавила она более решительно,— автомобиль мой, и я хочу, чтобы мне его вернули. Я готова вам заплатить разумную сумму.

— Мы обсудим это при встрече.

Я вывел «мерседес» из гаража и поставил на его место свою машину. Когда я вернулся в кабинет, Джин снова разговаривала по телефону со своей свекровью.

Положив трубку, она сообщила мне, что Стенли, Ронни и девушка были на ранчо миссис Бродхерст утром в ее отсутствие. Садовник дал им ключи от домика в горах.

— Что это за домик?

— Домик для гостей, расположенный в горах на окраине поместья. Там, где сейчас бушует пожар.

5

Я почувствовал запах дыма еще до того, как мы въехали в Санта-Тереза. Потом стало видно, как он медленно поднимается вверх, словно занавесом закрывая возвышающуюся над городом гору.

Сквозь густую пелену то тут, то там, прорывались языки пламени, похожие на вспышки выстрелов тяжелых орудий, стоящих слишком далеко, чтобы можно было что-то услышать. Впечатление, что мы внезапно попали в зону боевых действий, усиливал круживший на фоне горы на малой высоте старый двухмоторный бомбардировщик. Он вдруг пропал из видимости на довольно продолжительное время, затем появился снова; за ним тянулось пастельно-красное облако вещества, замедляющего распространение пожара.

На шоссе перед нами движение стало интенсивнее, и нам пришлось остановиться. Я было потянулся к радиоприемнику, но потом решил не включать его. Моя спутница и без того была слишком взволнована.

Стоящий в гуще автомобильного потока регулировщик пропускал на шоссе автомобили с второстепенной дороги. Таких машин было немного, в основном с эмблемой колледжа Санта-Тереза. Здесь же я заметил несколько грузовиков с мебелью и матрасами, детьми и собаками.

Когда регулировщик позволил нам двигаться, я свернул

на дорогу, ведущую в горы. Она все время шла вверх, меж лимонных деревьев, к каньону миссис Бродхерст, как называла его Джин.

У въезда в каньон наш «мерседес» остановил человек в форменной куртке лесничества и желтой шляпе. Выйдя из машины, Джин представилась как сноха миссис Бродхерст.

— Надеюсь, вы ненадолго, мэм. Возможно, нам придется эвакуировать людей из этого района.

— Вам не встречался мой муж с мальчиком? — Она принялась описывать Ронни. — Шесть лет, глаза голубые, волосы темные, одет в светло-синий костюм...

Он покачал головой.

— Через мой пост проехало много людей с детишками. И они правильно поступили. Если пожар перекинется на один из таких каньонов, то из него можно и не выбраться.

— Какая сейчас обстановка? — поинтересовался я.

— Все зависит от ветра. Если ветра не будет, то к ночи нам, возможно, удастся локализовать пожар. Для этого на горе достаточно средств. А при сильном ветре... — Он безнадежно махнул рукой.

Мы въехали в каньон меж каменных столбов, украшенных гербами расположенных в нем поместий. Вдоль склона расположились новые роскошные особняки в окружении дубов и валунов. Мужчины и женщины поливали из шлангов дома, дворы и кустарник вокруг. Дети наблюдали за тем, что делают родители или тихонько сидели в машинах, готовых к отъезду. Дым, столбом, поднимающийся с горы, завис над каньоном, застывая солнце, словно предупреждая о близкой опасности.

Ранчо миссис Бродхерст находилось на полпути между этими домами и пожаром. Мы свернули с окружной дороги у почтового ящика миссис Бродхерст. Ведущая к дому частная асфальтированная дорога петляла среди высоких деревьев авокадо. Широкие листья трепетали, словно огонь уже коснулся их. Зреющие плоды свисали с веток, как зеленые ручные гранаты.

Перед большим белым особняком с лепными украшениями подъездная дорожка, расширяясь, образовывала кольцо. Перед парадным стояли две большие корзины красного дерева со свисающими вниз алыми фуксиями. Между ними была подвешена кормушка из красного стекла, в которой сидела — тоже, казалось, подвешенная — птичка колибри. Она неторопливо пила воду из желобка и громко щелкала.

Птичка не шелохнулась, когда отворилась обтянутая

сеткой дверь, и из дома вышла женщина в белой рубашке и широких черных брюках, подчеркивавших ее тонкую талию. Стремительной походкой, стуча каблуками ботинок для верховой езды, она прошла к нам по веранде.

— Джин, дорогая!

— Мама!

Они пожали друг другу руки, словно соперники перед матчем.

Аккуратно уложенные темные волосы миссис Бродхерст были тронуты сединой, но она выглядела моложе, чем я предполагал. На вид ей никак нельзя было дать больше пятидесяти. Только глаза выдавали ее возраст. Она не отрываясь смотрела на Джин, отрицательно качая головой.

— Нет, они не вернулись. И никто не видел их в окрестностях. Кто эта блондинка?

— Я не знаю.

— У Стенли с ней роман?

— Не знаю, мама.— Джин повернулась ко мне.— Это мистер Арчер.

Миссис Бродхерст слегка кивнула.

— Джин сказала мне по телефону, что вы детектив. Это действительно так?

— Частный детектив.

Она оглядела меня с головы до ног и обратно.

— По правде говоря, я невысокого мнения о частных детективах. Но при сложившихся обстоятельствах вы можете быть полезны. Если верить тому, что передали по радио, пожар миновал горный домик, не причинив ему вреда. Вы не хотите подняться туда со мной?

— Хочу, но после того, как поговорю с садовником.

— Это не обязательно.

— Насколько мне известно, он дал вашему сыну ключи от домика. Может быть, он знает, зачем им понадобилось забираться туда.

— Нет, не знает. Я спрашивала Фрица. Мы теряем время, а его у нас не так уж много. Пока вы с Джин добирались сюда, я не отходила от телефона.

— Где Фриц?

— Вы настойчивы... Скорее всего он в теплице.

Джин осталась стоять в тени веранды в плену своих страхов.

В лице ее не было ни кровинки. Теплица была в саду, который начинался сразу за домом. Миссис Бродхерст шагнула туда следом за мной. Застекленная крыша отбрасывала на пол теплицы полосатую тень.

— Фриц! Мистер Арчер хочет с вами поговорить.

Добродушный с виду малый, одетый в рабочие брюки из саржи, поднялся от рассады, с которой возился в углу. У него были выразительные зеленые глаза и очень странная осанка, будто он пытался уклониться от удара. От носа ко рту шел сиреневый шрам, говорящий о том, что садовник родился с заячьей губой.

— Ну, что там? — спросил он.

— Я хочу выяснить планы Стенли Бродхерста. Как вы думаете, зачем ему понадобились ключи от горного домика.

— Не знаю. — Фриц пожал рыхлыми, обвислыми плечами. — Я не умею читать чужие мысли.

— Но вы, должно быть, что-то подумали?

Он вопросительно взглянул на миссис Бродхерст.

— Мне можно все говорить?

— Говори, пожалуйста, правду, — внятно произнесла она.

— Ну я, конечно, подумал, что у него с этой крошкой шуры-муры... Иначе, зачем им туда лезть?

— Но ведь они были с моим внуком, — резонно заметила миссис Бродхерст.

— Они хотели оставить мальчика со мной, но зачем мне это... Так и до беды недалеко, — простодушно сказал он.

— Ты не сказал мне об этом раньше, Фриц. Ты должен был все рассказать.

— Так разве все упомянешь...

— Как вел себя мальчик? — осведомился я.

— Хорошо... Он больше молчал.

— Надо сказать, вы тоже не слишком разговорчивы.

— А что вы хотите, чтобы я вам сказал? Вы что же, думаете, что я что-нибудь сделал с мальчиком? — вдруг запальчиво произнес он, и зеленые глаза его увлажнились.

— Никто так не думает.

— Тогда чего вы все спрашиваете? Мальчик был здесь с отцом. Отец забрал его с собой. Неужели я должен отвечать за это?

— Успокойтесь.

Миссис Бродхерст коснулась моей руки.

— Здесь мы ничего не узнаем.

Мы оставили бормочущего жалобы на судьбу садовника посреди своих растений. Прямо на него падала тень от крыши, похожая на тюремную решетку. Выйдя из теплицы, мы направились к навесу для автомобилей. Навес был пристроен к старому сараю во дворе дома, а сарай стоял

у склона неглубокого, заросшего дубами и эвкалиптами оврага, по дну которого проходило высохшее русло реки. Под деревьями вокруг кормушки бродили голуби с распущенными хвостами и певчие дрозды. Я ступал на опавшие листья эвкалипта, похожие на бронзовые цляпки забитых прямо в пыль гвоздей.

Под навесом стояли выдавший виды «кадиллак» и старый пикап. Миссис Бродхерст села за руль пикапа. На поворотах петлявшей между деревьев авокадо дороги машину бросало из стороны в сторону. Наконец мы свернули влево, на дорогу, ведущую в горы. Вдоль нее за деревьями авокадо росли оливковые пальмы. За ними до видневшихся вдаль зарослей кустарника простиралось пастбище.

Мы подъезжали к концу каньона. Сильный запах дыма стал разъедать ноздри. Мой организм воспротивился этому, но я не сказал миссис Бродхерст о подступившем приступе тошноты. Она была не из тех женщин, которым можно признаваться в собственных слабостях.

По мере того, как мы поднимались в горы, дорога становилась хуже и хуже, пока не превратилась в узкую каменистую тропу. Миссис Бродхерст ожесточенно крутила руль автомобиля, словно это было животное, которое не слушается хозяина. Это почему-то напомнило мне о том, как разговаривала со мной по телефону миссис Роджер Армстед, и я спросил у миссис Бродхерст, не знает ли она эту женщину.

Не задумываясь, она ответила:

— Я встречала ее в клубе. Почему вы о ней спросили?

— Фамилия Армстед всплыла в связи со знакомой вашего сына — блондинкой.

— Каким образом?

— Она воспользовалась их «мерседесом».

— Меня это не удивляет. Армстеды — нувориши, приехавшие с юга... люди не моего круга. — Немного отклонившись от темы разговора, она продолжала. — Наша семья давно живет в этих краях. Ранчо моего деда Фалконера занимало большую часть прибрежной равнины и весь склон, все, что лежит до ближайшего горного перевала. У меня осталось лишь несколько сот акров. — Пока я обдумывал ответ, она вдруг сказала: — Стенли звонил мне вчера вечером и просил дать ему сегодня полторы тысячи долларов наличными.

— Для чего?

— Он что-то говорил о необходимости заплатить за информацию...

— Вы, наверное, уже знаете, что мой сын помешался на поисках исчезнувшего отца.— Она говорила сухо, тщательно подыскивая слова.

— Его жена рассказала мне об этом.

— Это она вам рассказала? Я подумала, что эти полторы тысячи как-то связаны с вами...

— Никоим образом.— Я вспомнил о бледном мужчине в черном костюме, но решил пока не упоминать его.

— Кто вам платит? — довольно резко спросила она.

— Пока еще мне никто не заплатил.

— Понятно.— Она произнесла это так, будто не поверила сказанному.— Вы хорошо знакомы с моей невесткой?

— Впервые встретился с ней сегодня утром. У нас есть общие знакомые.

— Тогда вы, наверное, знаете, что они со Стенли близки к разводу. Я с самого начала знала, что их брак будет непрочным.

— Почему?

— Джин — умная женщина, но она принадлежит совершенно к другому кругу. Я думаю, она никогда не понимала моего сына, хотя я и пыталась объяснить ей традиции нашей семьи.— Она оторвала взгляд от дороги и посмотрела на меня.— А что, Стенли и впрямь интересуется эта блондинка?

— Видимо, да, но не в том смысле, в каком вы подумали. Он бы не стал брать с собой вашего внука...

— Да, это полагаться не стоит. Он взял Ронни, потому что знает, что я люблю мальчика, и потому, что ему нужны были деньги. Помните, когда он узнал, что меня нет, то пытался оставить Ронни с Фрицем. Я бы много дала, чтобы узнать, что они затеяли.

6

Дорога заканчивалась у подножия утеса. Миссис Бродхерст остановила пикап, и мы вышли.

— Отсюда пойдем пешком,— сказала она.— Обычно мы добираемся туда вкруговую по Раттлснейк-Роуд, но это как раз там, где сейчас борются с пожаром.

Неподалеку я увидел деревянный столбик с надписью «Тропа Фалконера». Это оказалась пыльная дорожка, проложенная бульдозером по крутому склону каньона. Поднимаясь по ней впереди меня, миссис Бродхерст пояснила, что ее отец разрешил лесничему проложить эту тропу по

своей земле. Мне показалось, что она поддерживала разговор, чтобы приободрить себя.

Я шел за ней, глотая пыль, пока не увидел, что верхушки высоченных яворов, что росли на дне каньона, остались далеко внизу. Хотя был еще день, над утесом висела луна, и мы продолжали свое восхождение к ней. Когда мы наконец достигли цели, я был весь мокрый от пота. Ярдах в ста от вершины стоял домик из красного дерева, не тронутый пожаром, хотя деревья неподалеку обуглились. Там, где огонь был особенно силен, он оставил после себя замысловатую выгоревшую просеку. Сам домик был в каких-то красных пятнах и казался забрызганным кровью.

За деревьями чернел склон, на котором огонь пожрал все живое. Чуть выше была проложена дорога; за ней склон снова тянулся вверх. Вот там-то и бушевал сейчас огонь. Казалось, он обходит вершину горы по склонам. Языки пламени, издавlekа напоминавшие мне вспышки выстрелов артиллерийских орудий, с треском пробивались сквозь густой кустарник.

Дорога находилась где-то на полпути между местом, где стояли мы, и центром пожара. На востоке, где подножье горы плавно переходило в плоскогорье, она, петляя, шла вниз к группе зданий, которые, очевидно, были небольшим колледжем. Препраждая путь пожару, по горе сновали бульдозеры, срезая густой кустарник, чтобы проложить заградительные рвы.

Дорога была забита автоцистернами и другой тяжелой техникой. Возле машин замерли в ожидании люди, точно своим благоразумием и спокойствием могли заставить разбушевавшийся огонь остановиться на горе и умереть там, как забытое божество.

Когда мы с миссис Бродхерст приблизились к домику, я увидел, что красные пятна на стеклах и крыше — это вещество, которое распыляли с воздуха, чтобы остановить огонь. Там, куда оно не попало, стены и ставни были серыми.

Дверь в домик была приоткрыта, в замке торчал ключ. Миссис Бродхерст медленно, словно опасаясь того, что может там увидеть, приблизилась к дому. В просторной, просто обставленной гостиной не было ничего необычного. Зола в камине была холодной. Похоже, его не топили уже несколько лет. Старомодная, покрытая чехлами мебель, стояла у стен, как туманные образы прошлого.

Миссис Бродхерст тяжело опустилась в кресло, подняв

облако пыли. Она чихнула и совершенно другим, тихим и извиняющимся, голосом проговорила:

— Кажется, я поднималась слишком быстро...

Я вышел на кухню, чтобы принести ей стакан воды. В шкафу стояли чашки, однако воды в кране не оказалось. Газовая печь тоже была отключена.

Я заглянул в две другие комнаты — спальни, затем поднялся по крутым ступенькам на приспособленный под спальню чердак. Свет попадал сюда через небольшое слуховое окно. У стен стояли три кровати, тоже укрытые чехлами. Одна из них показалась мне смятой. Я откинул чехол. На внутренней поверхности грубого серого одеяла было кровавое пятно причудливой формы, вроде теста Роршаха¹. Пятно появилось недавно, но кровь уже успела засохнуть.

Я спустился вниз. Миссис Бродхерст сидела, откинув голову на спинку кресла. Ее обычно строгое и замкнутое лицо было спокойным и умиротворенным. Она тихонько посапывала. Услышав нарастающий гул идущего на небольшой высоте самолета, я вышел через черный ход на улицу как раз в тот момент, когда выпущенное им красное облако уже оседало на огонь. Самолет удалялся, становился все меньше, и вскоре гул затих.

Два оленя — самец и самка — спускались по руслу сухого ручья к деревьям. Увидев меня, они стремительно перепрыгнули через ствол упавшего дерева и скрылись.

От домика к дороге тянулась извилистая, посыпанная гравием, заросшая травой тропинка. Шагая по ней, я заметил след протектора, ведущий к небольшой конюшне. След был свежий и шел только в одну сторону.

Я заглянул в конюшню. Там стоял знакомый черный хардтоп. Я проверил регистрационный номер. Автомобиль принадлежал Стенли.

Захлопнув дверцу машины, я услышал звук, похожий на треск сломанной ветки. Он шел со стороны леса. Выйдя из конюшни, я направился туда. Теперь мне был слышен лишь звук собственных шагов да негромкий шелест ветра в кронах деревьев.

Немного погодя, я услышал какой-то непонятный шум, напоминающий хлопанье крыльев. Меня обдало волной горячего воздуха, и я взглянул вверх.

Облако дыма, зависшее над пожарищем, сползало вниз.

¹ Роршах Герман — немецкий психотерапевт и психолог. Создал психодиагностический тест для исследования личности (тест Роршаха).

Направление пожара изменилось, и пламя разгорелось ярче. Огненные языки облизывали зеленый склон. Пожарники двинулись по дороге навстречу огню.

Направление ветра менялось. Шум листвы напомнил мне звук, разбудивший меня на рассвете. Я различил чьи-то шаги и громко окликнул:

— Стенли?

Из-за обгоревшего ствола дерева показался человек в синей куртке и красной шляпе. Несмотря на высокий рост и могучее телосложение, он двигался очень легко и быстро.

— Ищете кого-нибудь? — спросил он меня спокойным и, казалось, нарочито сдержанным тоном.

— Да. Несколько человек.

— Тут поблизости только один, — сообщил он.

Форменная одежда туго обтягивала мускулистое тело незнакомца. С лица тек пот, сапоги были выпачканы землей. Он снял шляпу и вытер лицо пестрым носовым платком. Седые жесткие волосы были коротко пострижены, и голова напоминала пушечное ядро.

Я направился к нему, ступая по корявой, похожей на скелет, тени обгоревшего явора.

Быстро, как фокусник, человек достал из нагрудного кармана пачку сигарет и протянул мне.

— Курите?

— Нет, спасибо. Я не курю.

— Не курите сигареты?

— Бросил.

— А сигары?

— Мне они никогда не нравились, — сказал я. — Вы что, проводите опрос?

— Можете считать, что да. — Он широко улыбнулся, обнажив ряд ровных белых зубов. — А как насчет тонких сигар? Некоторые предпочитают их сигаретам.

— Да. Я заметил.

— Те, кого вы ищите... Среди них никто не курит тонкие сигары?

— Не думаю... — Я вдруг вспомнил, что именно их курил Стенли Бродхерст. — А почему вы спросили?

— Просто так. Из любопытства... — Он бросил быстрый взгляд на склон. — Огонь идет сюда. Не нравится мне этот ветер... Похоже, он дует с Санта-Ана.

— Сегодня утром он дул с юга.

— Мне говорили. Вы из Лос-Анджелеса?

— Да. — Очевидно, ему нужно было идти, но я продол-

жал тянуть время.— Меня зовут Арчер. Я частный детектив, меня наняли Бродхерсты...

— То-то я удивился, увидев, как вы выходите из их конюшни.

— Там стоит машина Стенли Бродхерста.

— Я знаю... Стенли Бродхерст — один из тех, кого вы разыскиваете?

— Да.

— Ваше удостоверение?

Я протянул ему удостоверение.

— Что ж, возможно, я смогу вам помочь.

Он резко повернулся и зашагал по изрытой колеями тропе. Я последовал за ним. Листья под ногами были настолько сухими, что казалось, будто мы идем по кукурузным хлопьям. Мы вышли на небольшую поляну. Стоявшие вокруг яворы почти полностью сгорели. Едкий дым все еще курился над обгоревшими ветками и травой.

Посередине поляны была вырыта яма диаметром три-четыре фута. Около нее в куче земли торчала лопата, рядом валялась кирка. Острый конец ее будто окунули в красную краску. Я нехотя заглянул в яму. Она была неглубокой. На дне лицом вверх в неестественной скрюченной позе, точно эмбрион, лежал мужчина. На нем была полосатая спортивная рубашка — весьма неподходящая одежда для погребения. Хотя рот и глаза лежащего в яме человека были забиты землей, я сразу узнал в нем Стенли Бродхерста и сказал об этом своему спутнику. Он воспринял это известие спокойно.

— Что он, по-вашему, мог здесь делать?

— Не знаю. Эта земля — часть фамильного ранчо... Вы еще не сказали мне, чем сами здесь занимаетесь?

— Я из лесничества. Меня зовут Джо Келси. Пытаюсь выяснить причину пожара, и, кажется,— добавил он осторожно,— мне это удалось. Здесь,— он кивнул в сторону желтого пластмассового указателя, воткнутого в землю в нескольких футах от того самого места, где мы стояли,— я нашел вот это.— Он вынул из кармана небольшую алюминиевую коробочку, в каких обычно хранят вещественные доказательства. В ней лежала наполовину выкуренная тонкая сигара.— У Бродхерста были такие?

— Я видел, как он курил одну сегодня утром. Наверное, в его одежде можно найти всю пачку.

— Пожалуй, но я не хотел трогать его до приезда коронера¹. Хотя, видно, мне придется это сделать.

Он бросил беглый взгляд в сторону пожара. Огонь неистовствовал и сквозь черные стволы деревьев слепил глаза, как яркое заходящее солнце. Темные фигурки борющихся с ним людей казались маленькими и бессильными, несмотря на множество автоцистерн и бульдозеров. Левее эпицентра огонь перебрался через гребень горы, пожирая сухой кустарник, устремился вниз, словно разлитая кислота. Обгоняя огонь, дым тянулся над городом к морю.

Келси взял в руки лопату и принялся заваливать яму землей.

— Не нравится мне это — закапывать человека во второй раз, но иначе он изжарится. Огонь возвращается и, скорее всего, пройдет здесь.

— Когда вы его нашли, он был закопан?

— Да. Но тот, кто сделал это, не очень-то старался. Я нашел лопату и испачканную в крови кирку, а рядом увидел яму, заполненную рыхлым грунтом. Поэтому я и начал копать... Я не знал, что ищу, но у меня было предчувствие, что здесь лежит человек с проломленным черепом.

Келси работал быстро. Скоро земля скрыла полосатую рубашку Стенли и запрокинутую голову с обиженным лицом. Продолжая работу, Келси спросил меня через плечо:

— Вы сказали, что ищете несколько человек. Кто остальные?

— Один из них — сын убитого. С ними была еще девушка — блондинка.

— Можете описать ее?

— Голубые глаза. Рост пять футов шесть дюймов. Весит сто пятнадцать фунтов, возраст — около восемнадцати... Вдова Бродхерста может рассказать подробнее. Она осталась на ранчо.

— Где вы оставили машину? Я приехал на пожарной.

Я сказал ему, что приехал на пикапе вместе с матерью Стенли, и что она сейчас в домике. Келси перестал махать лопатой, по лицу его струился пот. Он был слегка озадачен.

— Что она там делает?

— Отдыхает.

— Нам придется прервать ее отдых.

¹ Коронер — следователь, производящий дознание в случаях насильственной или скоропостижной смерти.

Огонь за деревьями разгорался все сильнее. Пламя было высотой с кустарник. Волны горячего воздуха обжигали нас, словно дыхание гигантского зверя.

Мы побежали прочь. Келси нес лопату, я — кирку. Пока мы бежали до домика, она здорово оттянула мне руку.

Я стремительно вошел внутрь, предварительно постучав. От неожиданности миссис Бродхерст вздрогнула. Она еще не совсем пришла в себя: лицо ее было розовым ото сна, глаза затуманились, голос звучал непривычно мягко.

— Я, кажется, задремала? Простите... Я видела такой чудесный сон. Я... мы провели здесь медовый месяц — здесь, в этом доме. Это было во время войны, в самом начале... Не до путешествий было. Мне снилось, что у нас медовый месяц, и никаких бед...

Ее глаза остановились на моем лице, увидев то, что я не мог скрыть. Ей стало ясно, что пришла новая беда. Потом она увидела Келси. Он стоял в дверном проеме, как громадный могильщик, закрывая свет.

Безмятежное выражение исчезло с ее лица, уступив место обычной высокомерной сдержанности. Она вскочила на ноги, едва не потеряв равновесие.

— Мистер Келси? Вы ведь мистер Келси? Что случилось?

— Мы нашли вашего сына, мэм.

— Где он? Я хочу с ним поговорить.

Целовко переминаясь с ноги на ногу, Келси медленно проговорил:

— Боюсь, что это невозможно, мэм.

— Почему? Он что, куда-нибудь уехал?

Келси бросил на меня умоляющий взгляд. Миссис Бродхерст шагнула к нему.

— Что вы делаете с этой лопатой? Это ведь моя лопата?

— Не знаю, мэм.

Она взяла из его рук лопату.

— Конечно, моя. Я купила ее специально для себя прошлой весной. Где вы ее взяли? У моего садовника?

— Я нашел ее там. — Келси махнул рукой в сторону деревьев.

— Господи, как она там оказалась?!

Келси открыл было рот и снова закрыл его. Он не хотел или боялся сообщить ей, что Стенли мертв. Сделав шаг вперед, я рассказал ей, что ее сына убили.

— Возможно, вот этой киркой. — Я указал на кирку. — Это тоже ваша?

Оглушенная страшным известием, миссис Бродхерст медленно кивнула.

— Да... По-моему, да.

Голос ее стал тихим и безжизненным. Она вдруг повернулась и бросилась к горящим деревьям, спотыкаясь на высоких каблуках. Келси кинулся за ней, передвигаясь тяжело, но быстро, как медведь. Он схватил ее за талию и, оторвав от земли, понес прочь от огня.

— Пустите меня! — Вырываясь, кричала она. — Пустите! Я хочу к сыну!

— Мы закопали его, мэм. Вам нельзя туда сейчас. И никому нельзя. Тело не сгорит. Под землей оно в безопасности.

Продолжая вырываться, она сильно ударила его по лицу. Келси разжал руки, и миссис Бродхерст упала на землю. Молотя кулаками по траве, она продолжала кричать, что хочет к сыну.

Я опустился рядом на колени и уговорил ее пойти с нами. Друг за другом мы двинулись вниз по тропе. Келси шел впереди, за ним — миссис Бродхерст. Я замыкал процессию, стараясь держаться поближе, чтобы успеть помешать, если ей вдруг взбредет в голову броситься с обрыва или что-нибудь в этом роде. Она шла покорно, низко опустив голову, словно пленник между двумя стражами.

7

Когда мы дошли до пикапа, Келси, державший в одной руке лопату, а в другой — кирку, воткнул их в землю и помог миссис Бродхерст забраться в машину. Я сел за руль, и мы тронулись в обратный путь.

Миссис Бродхерст сидела между нами и по-прежнему молчала, не сводя глаз с каменистой дороги. Она так и не произнесла ни одного слова, пока, миновав почтовый ящик, мы не свернули на аллею авокадо. Здесь она вдруг тяжело вздохнула, словно на протяжении всего пути была вынуждена сдерживать дыхание, и глухо промолвила:

— Где мой внук?

— Мы не знаем, — ответил Келси.

— Вы хотите сказать, что он тоже мертв? Вы это хотите сказать?

По-южному растягивая гласные, будто это могло смягчить его ответ, Келси произнес:

— Я хочу сказать, что о нем ничего пока не известно, мэм.

— А что с блондинкой? Где она?

— Я тоже хотел бы знать.

— Это она убила моего сына?

— Похоже на то, мадам. Очевидно, она ударила его по голове вот этой киркой.

— И закопала его?

— Когда я нашел его, он был в земле.

— Разве девушке это под силу?

— Яма была неглубокая, мэм. Девушкам под силу все, что могут парни, если уж они решатся на это.

Голос Келси звучал совсем жалобно под натиском ее вопросов и испытываемого им сострадания.

— Мистер Арчер, мой внук Ронни мертв? — обратилась она ко мне.

— Нет, — сказал я как можно увереннее, стараясь отогнать мысль о другой возможности.

— Значит, эта девушка его похитила?

— Такое предположение стоит проверить, но они могли и просто убежать от пожара.

— Вы сами прекрасно знаете, что это не так, — сказала она голосом человека, уже переставшего надеяться на лучшее.

Я остановил пикап на подъездной дорожке рядом со своей машиной. Келси первым выбрался из автомобиля и подал руку миссис Бродхерст. Она отстранила ее и вышла сама, двигаясь тяжело, словно в одночасье состарилась.

— Можете запарковать машину под навесом, — обратилась она ко мне. — Я не люблю оставлять ее на солнце.

— Извините, — произнес Келси, — но я думаю, ее можно оставить здесь. Огонь спускается в каньон и скоро достигнет вашего дома. Если позволите, я помогу вам вынести вещи и поведу одну из ваших машин.

Миссис Бродхерст медленно обвела взглядом дом и окрестности.

— За всю свою жизнь я не припомню ни одного пожара в этом каньоне.

— Сейчас как раз такой случай, — сказал Келси. — Наверху полосой в пятнадцать-двадцать футов растет кустарник. Он сухой, как хворост. Подобные пожары случаются раз в пятьдесят лет. Если не переменится ветер, ваш дом может сгореть.

— Пусть горит.

Навстречу нам из дверей дома медленно, будто боясь

услышать плохие новости, вышла Джин. Я передал ей известие о том, что ее муж погиб, а сын исчез. Женщины обменялись красноречивым взглядом, будто спрашивали друг друга о причине постигшего их несчастья. Потом они обнялись и застыли в дверях. Поднявшись следом за мной на веранду, Келси коснулся рукой шляпы и обратился к молодой женщине, которая настойчиво смотрела на него через плечо свекрови.

— Миссис Джин Бродхерст?

— Да.

— Мне сказали, что вы можете описать девушку, которая была с вашим мужем.

— Попробую.

Она освободилась из объятий миссис Бродхерст, и та прошла в дом. Джин шагнула нам навстречу, прислонилась к перилам рядом с кормушкой колибри, но птичка тревожно заверещала. Она перешла на другой конец веранды, села в глубокое, покрытое чехлом кресло и, склонившись вперед в напряженной позе, повторила описание блондинки со странными голубыми глазами.

— Вы говорите, ей восемнадцать или около того?

Джин кивнула. Она вела себя так, словно мысли ее были заняты чем-то другим.

— Ваш муж интересуется... интересовался этой девушкой?

— Вероятно, да,— горько сказала она.— Но мне показалось, что ее больше интересовал мой сын.

— Почему вы так решили?

— Не знаю.

Келси не стал больше касаться этой болезненной темы.

— А как она была одета?

— Вчера вечером на ней было желтое платье без рукавов. Сегодня утром я ее не видела.

— Я видел,— уточнил я.— Она была в том же желтом платье. Полагаю, вы сообщили эти сведения в полицию?

— Да, сэр, конечно. А сейчас я бы хотел поговорить с садовником. Может быть, он объяснит нам, как лопата и кирка попали в горы. Как его зовут?

— Фредерик Сноу,— сказала Джин.— Мы зовем его просто Фриц. Но его сейчас нет.

— А где он?

— Полчаса наза, когда сменился ветер, он взял старый велосипед Стенли и уехал по дороге, которая ведет из каньона. Он хотел взять «кадиллак», но я не позволила ему.

— У него разве нет своей машины?

— Кажется, есть какая-то развалюха.

— Где же она?

Джин едва заметно пожала плечами.

— Не знаю.

— Вы случайно не знаете, где был Фриц сегодня утром?

— Не могу сказать... По-моему, он был единственным, кто оставался в доме все утро.

Лицо Келси помрачнело.

— Как он относится к вашему мальчику?

— Хорошо.— По потемневшим глазам Джин стало ясно, что до нее дошел скрытый смысл вопроса. Она замотала головой, словно отгоняя эту мысль.— Фриц не причинит вреда Ронни. Он всегда был очень добр к нему.

— Почему же он тогда сбежал?

— Он сказал, что боится за свою мать, но я думаю, что он просто испугался пожара. Он чуть не плакал.

— Я тоже боюсь пожара,— возразил Келси.— Именно поэтому я выбрал эту работу.

— Вы полицейский? — спросила Джин.— Поэтому вы задаете столько вопросов?

— Я работаю в лесничестве и занимаюсь расследованием причин возникновения пожаров.— Он сунул руку в карман и вытащил уже знакомую алюминиевую коробочку. Достав из нее окурки, он показал его Джин.— Ваш муж курил такие сигары?

— Да. Но вы же не собираетесь доказывать, что из-за этого начался пожар? Зачем, если он все равно мертв?

— Дело вот в чем. Возможно, ваш муж выронил сигару, когда кто-то нанес ему смертельный удар по голове. Если так, то убийца несет юридическую и материальную ответственность за возникновение пожара. Я должен проверить все факты. Где живет этот Сноу?

— Он живет со своей матерью. Кажется, их дом недалеко отсюда. Моя свекровь может сообщить вам точный адрес. Миссис Сноу выполняет для нее кое-какую работу...

Мы застали миссис Бродхерст в гостиной, у окна, выходящего на каньон. Одна в просторной комнате, она казалась маленькой и беззащитной. Она не обернулась, когда мы вошли, и продолжала наблюдать за движением огня. Он был уже в дальнем конце каньона и скользил вниз, как вулканическая лава. Над верхушками деревьев клубился дым, в разные стороны разлетались искры. Под сильным порывом ветра вмиг облетели все листья с растущих за домами эвкалиптов. Голуби и дрозды куда-то исчезли.

Мы с Келси переглянулись. Пора было уезжать и нам. Я уступил ему право сказать об этом, ведь он находился на своей территории при исполнении служебных обязанностей. Он осторожно обратился к женщине, все еще стоявшей неподвижно спиной к нам:

— Миссис Бродхерст... Нам лучше бы уехать отсюда.

— Уезжайте. Пожалуйста, уезжайте. Я пока останусь.

— Вам нельзя оставаться. Огонь приближается...

Наконец она повернулась к нам. Лицо ее заострилось, стало старым и некрасивым.

— Позвольте мне самой решать, что мне делать. Я родилась в этом доме и никогда нигде больше не жила. Если дом сгорит, то и я вместе с ним. Все кончено.

— Вы говорите серьезно, мэм?

— А вы полагаете, что нет?

— Но вы же не хотите сгореть заживо?

— Я даже рада, что сюда идет огонь. Мне очень холодно, мистер Келси.

Голос ее звучал тихо и скорбно, было ясно, что она близка к истерике или даже к худшему. Такое упрямство свидетельствовало о том, что она близка к психическому срыву, который, если не вывести ее из критического состояния, может привести к помешательству.

Келси в отчаянии обвел взглядом обставленную старинной мебелью комнату. На стенах висели портреты времен королевы Виктории. Стояло несколько стеклянных шкафчиков с чучелами птиц, обитающих в этих краях...

— Мадам, вы не хотите спасти свои вещи? Серебро, птиц, картины?.. Может быть, есть что-то особенно памятное для вас?

Она безразлично махнула рукой, словно все это уже давно перестало ее интересовать. Поняв безнадежность попыток вернуть ее к жизни с помощью прошлого, я шагнул вперед.

— Миссис Бродхерст, нам нужна ваша помощь.

— Моя помощь? — Она посмотрела на меня с некоторым удивлением.

— Пропал ваш внук. Пропал в такое время и в таком месте...

— Это мне наказание свыше...

— Не говорите ерунды!

— По-вашему, я говорю ерунду?

Я сделал вид, что не обратил внимания на сердитый тон ее вопроса.

— Возможно, Фриц знает, где он. Вы действительно знакомы с его матерью?

— Эдна Сноу была моей экономкой,— медленно произнесла она.— Но вы же не можете серьезно считать, что Фриц...— Она не закончила своего вопроса.

— Вы окажете неоценимую помощь, если поедете с нами и поговорите с Фрицем и его матерью.

— Хорошо. Я поеду.

Мы тронулись по дороге, как похоронный кортеж. Впереди на «кадиллаке» ехала миссис Бродхерст, за ней Джин и я на зеленом «мерседесе». Келси замыкал процессию на пикапе.

Когда мы доехали до почтового ящика, я оглянулся. В воздухе разлетались искры и горящие головешки. Они спускались на деревья за домом, будто экзотические птицы садились на место улетевших.

8

Почти все жители района Каньон-Истейтс были эвакуированы. Только некоторые все еще оставались на крышах своих домов, продолжая поливать их из шлангов, и не собирались сдаваться.

Из каньона вели две дороги. Миссис Бродхерст свернула на правую. Вид быстро менялся. Стоявшие вдоль дороги дети чернокожих и чиканос взирали на нас, как на процессию иностранных дипломатов.

Миссис Сноу жила в старом оштукатуренном коттедже на улице, почти сплошь состоящей из таких же коттеджей, утонувших среди цветущих деревьев джакаранды. Миссис Бродхерст, Келси и я направились к дверям, а Джин осталась в «мерседесе».

— Я не ручаюсь за себя,— сказала она.

Миссис Сноу оказалась седой подвижной женщиной в старомодном, немного вычурном черном платье. Она словно специально нарядилась по случаю нашего приезда. Из-под пенсне на нас беспокойно смотрели черные глаза.

— Миссис Бродхерст! Что привело вас к нам? — затараторила она так, будто ее совсем не интересовала цель нашего визита.— Я так рада вас видеть! Вы зайдете?

Перешагнув порог, мы очутились в бедно обставленной гостиной. Миссис Бродхерст представила меня и Келси, однако испуганные глаза хозяйки даже не взглянули в нашу сторону, и миссис Бродхерст пришлось самой вести разговор.

— Вы что-нибудь выпьете, миссис Бродхерст? Чашку крепкого чая?

— Нет, спасибо. Где Фриц?

— Наверное, в своей комнате. Бедный мальчик не очень хорошо себя чувствует.

— Он не мальчик,— сказала миссис Бродхерст.

Но миссис Сноу возразила ей:

— Он дитя в эмоциональном плане. Доктор сказал, что у него не развиты чувства.

Она бросила быстрый взгляд на нас с Келси, ожидая реакции на свои слова. Я понял, что сейчас начнутся отговорки и ссылки на психическую неуравновешенность сына.

— Приведите его сюда,— потребовала миссис Бродхерст.

— Он сейчас не в состоянии говорить... Он сам не свой.

— Почему?

— Из-за пожара. Он всегда боялся огня.— Она испытывающе посмотрела на меня и Келси.— Эти джентльмены из полиции?

— Вы почти угадали,— ответил я.— Я детектив, а мистер Келси из лесничества, он выясняет причину пожара.

— Ясно.— Маленькая женщина, казалось, еще больше съежилась и закаменела.— Я не знаю, в какую беду попал Фредерик, но могу заверить вас, что он ни в чем не виноват.

— А в какую беду он попал? — осведомился Келси.

— Вероятно, это вам известно, раз вы приехали сюда. Я ничего не знаю.

— Тогда почему вы решили, что он попал в беду?

— Я ухаживаю за ним тридцать пять лет...— Она замолчала, словно вспоминая эти долгие годы, приносившие ее сыну одни несчастья.

Миссис Бродхерст встала.

— Мы теряем время. Если вы не позовете его, мы войдем туда сами и будем говорить там. Я хочу знать, где мой внук.

— Ваш внук? — миссис Сноу явно испугалась.— Что-нибудь случилось с Ронни?

— Он исчез, а Стенли убит. Его закопали моей лопатой.

Миссис Сноу в ужасе прижала руку ко рту. На одном из пальцев, словно шрам, сверкнуло глубоко врезавшееся в кожу обручальное кольцо.

— Его закопали в саду?

— Нет, на горе.

— И вы думаете, что это сделал Фредерик?

— Я не знаю.

— Мы надеялись, что ваш сын поможет нам,— сказал я.

— Понятно.— Лицо хозяйки неожиданно посветлело, как вспыхивает лампочка перед тем, как окончательно погаснуть.— Может быть, я сама его спрошу? Меня он не боится. Я смогу больше узнать у него...

Решительно покачав головой, миссис Бродхерст встала и шагнула к двери, ведущей вглубь дома. Миссис Сноу легко вскочила со своего кресла и, загородив ей дорогу, торопливо заговорила:

— Пожалуйста, не входите в его комнату. Там не убрано... И Фредерик не в себе... Он в очень плохом состоянии...

— И Стенли тоже,— хрипло выдавила миссис Бродхерст.— И все мы.

Третий или четвертый раз за день она оступилась, потеряла равновесие и покачнулась. Рот ее был перекошен, словно она криво усмехалась какой-то одной ей известной злой шутке.

В следующее мгновение миссис Сноу, подвижная как ртуть, уже была рядом с ней и держала ее за руку, помогая сесть в старое кресло-качалку.

— У вас закружилась голова,— быстро говорила она.— Неудивительно, если все, что вы говорите, правда. Я принесу вам стакан воды или, может быть, вы все-таки выпьете чаю?

Возможно, она была искренне обеспокоена, но мне показалось, что она в совершенстве владеет искусством тянуть резину. Она могла бы задержать нас на неделю, пойдя мы у нее на поводу.

Я стремительно поднялся и, открыв дверь на кухню, окликнул ее сына по имени. Его приглушенный голос донесся из-за второй двери, ведущей из кухни в дом. Я постучал и заглянул внутрь. В комнате пахло какой-то сладкой гнилью.

Сначала я смог разглядеть лишь тонкие полоски света, проникающего внутрь сквозь закрытые жалюзи. Они пронизывали комнату, точно мечи фокусника, протыкающего сундук, чтобы показать, что там никого нет. В углу железной кровати, поджав под себя ноги и съевшись, словно хотел исчезнуть, сидел садовник.

— Простите за вторжение, Фриц.

— Ничего,— упавшим голосом проговорил он.

Присев на край кровати,— я в упор посмотрел на него.

— Это вы принесли на гору лопату и кирку?

— На гору?

— В горный домик. Вы отнесли их туда, Фриц?

Он подумал над ответом и наконец произнес:

— Нет.

— А вы знаете, кто это сделал?

— Нет.— Он отвел глаза в сторону. Он не умел лгать.

Бесшумно, как тень, в дверях появился Келси. На его широко лице застыло ожидание.

— Лопатой и киркой,— продолжал я, обращаясь к Фрицу,— воспользовались утром для того, чтобы закопать труп Стенли Бродхерста. Если вы знаете, кто взял лопату и кирку, то, возможно, вы знаете, и кто убил Стенли Бродхерста.

Садовник отрицательно затряс головой.

— Он сам их взял, когда приходил за ключом. Он положил их в багажник своей машины.

— Это правда, Фриц?

— Провалиться мне на этом месте,— он перекрестился.

— Почему вы сразу не сказали нам о лопате и кирке?

— Он велел никому не говорить.

— Стенли Бродхерст велел вам никому не говорить об этом?

— Да, сэр,— садовник часто закивал головой.— Он дал мне доллар и взял обещание молчать.

— Он не сказал, почему?

— А чего ж говорить-то... Он боялся своей матери. Она не любит, когда кто-нибудь берет ее инструменты.

— Он не сказал вам, зачем они ему нужны?

— Нет,— Фриц отвел глаза. Он явно не умел лгать.

— Он сказал, что собирается рыть ямки для указателей.

— И вы поверили?

— Да, сэр.

— А потом он уехал в горы на своей машине?

— Да, сэр.

— Девушка тоже говорила с вами?

— Нет, сэр. Тогда нет.

— Что значит «тогда нет»?

— Она говорила с вами еще когда-нибудь?

— Нет, сэр. Никогда.

Он отвел глаза, тупо уставившись на солнечные лучи, которые с трудом пробивались сквозь плотные жалюзи, точно проблески разума в его затемненном сознании.

— Когда вы видели ее еще раз, Фриц?

Он сидел, не двигаясь, лишь беспокойно переводя глаза с предмета на предмет. Внезапно за спиной Келси возникла миссис Сноу.

— Вы не имеете права,— заявила она.— Вы нарушаете его законные права, и ничего из того, что он сказал, не может быть использовано против него. Кроме того, он невменяем, я легко могу вам доказать это. У меня есть медицинское заключение.

— Значит, вы все-таки считаете, что он совершил что-то плохое, миссис Сноу? — спросил я.

— А вы разве так не считаете?

— По крайней мере я об этом ничего не знаю. Пожалуйста, уходите и дайте мне поговорить с ним. Он очень важный свидетель.

9

Обменявшись с сыном беспокойным грустным взглядом, она все-таки ушла на кухню. Я услышал, как потекла вода в кастрюлю и с шумом зажглась горелка.

— Так девушка вернулась, Фриц?

Он кивнул.

— Во сколько это было?

— Около полудня или чуть позднее.

— Что она сказала?

— Что Ронни голоден... Я дал ему половину сэндвича с арахисовым маслом, а вторую половину — ей.

— Она упоминала Стенли Бродхерста?

— Нет, она не говорила о нем, но была очень напугана.

— Она сама это сказала?

— По ней и так было видно. Уж поверьте... И мальчик был сильно испуган, ей богу!

— А что было потом?

— Ничего. Она ушла из каньона.

— Пешком?

— Да,— его глаза снова забегали, стараясь не встречаться с моими.

— А может быть, она воспользовалась вашей машиной?

Фриц еще ниже опустил голову. Он сидел совершенно неподвижно, будто прислушивался, что происходит у него внутри.

— Да... Она взяла мою машину. Они уехали в моей машине.

- Почему вы не сказали об этом раньше?
- Я позабыл. Я опылял растения, было много работы...
- Бросьте, Фриц! Пропал мальчик, его отец убит...
- Я не убивал его!
- Предположим, я вам верю, но поверят ли другие?

Он поднял голову и посмотрел на дверь, куда-то мимо Келси. Было слышно, как его мать возится на кухне. Он прислушивался к этим звукам, точно они могли подсказать ему, как вести себя дальше.

— Забудьте о матери, Фриц. Этот разговор останется между нами.

— Тогда закройте дверь. Я не хочу, чтобы она меня слышала. И он тоже.

Келси сделал шаг назад и закрыл за собой дверь. Я обратился к Фрицу:

- Вы сами разрешили ей взять машину?
- Да. Она сказала, что так велел мистер Бродхерст.
- Фриц, по-моему, вы что-то не договариваете, а?

Краска стыда залила его лицо.

— Не говорите ей. — Он махнул рукой в сторону кухни.

— Чего не говорить?

— Она позволила мне потрогать ее. — При этом воспоминании по его телу прошла благоговейная дрожь. — Она похожа на девушку, которую я знал.

— И поэтому вы разрешили ей взять вашу машину?

— Она сказала, что вернет ее, но... — он замолчал и после недолгой паузы закончил упавшим голосом, — но до сих пор не вернула.

— Она не сказала, куда собирается ехать?

— Нет. — Он замер, словно ожидая услышать следующий вопрос, затем добавил: — По звуку мне показалось, что они поехали к выезду из каньона.

— Мальчик был с ней?

— Да, сэр. Она силой забрала его с собой.

— Разве он не хотел с ней ехать?

— Нет. — Он отчаянно дернул головой, словно сам был на месте мальчика. — Она его заставила.

— Каким образом?

— Она сказала, что иначе его заберет домовая. Взяла его на руки, усадила в машину и уехала.

Я приготовил записную книжку и ручку.

— Какая у вас машина?

— «Шевроле», седан пятьдесят третьего года. Он еще хорошо бегают.

— Цвет?

— Кое-где осталась старая синяя краска, местами проглядывает красная грунтовка. Я было начал красить ее, да потом мне стало некогда...

— Номер?

— Об этом лучше спросите у матери. Все, что связано с машиной, хранится у нее. Но не говорите ей...— Он приложил палец к губам.

Я вышел на кухню. Миссис Сноу стояла у газовой плиты и наливала кипятка в коричневый заварочный чайник; ее пенсене запотело от пара. Она испуганно обернулась ко мне, точно слепая.

— Девушка забрала машину вашего сына.

Миссис Сноу с шумом поставила чайник.

— Я так и знала, что он что-нибудь натворил!

— В этом как раз нет ничего страшного. Если вы назовете номер, мы объявим розыск.

— Как они накажут Фредерика?

— Никак. Так какой же номер?

Она открыла ящик кухонного стола, нашла там старую, в пожелтевших корках записную книжку и, открыв нужное место, прочитала вслух:

— ИКТ 447.

Я записал номер и, вернувшись в гостиную, кратко рассказал Келси, что удалось выяснить. Миссис Бродхерст полулежала в кресле. Лицо ее покраснело, глаза были полуприкрыты.

— Она что-нибудь пила?

Миссис Бродхерст глубоко вздохнула и попыталась встать. Ей это не удалось, и она снова упала в скрипнувшее под ее тяжестью кресло.

Из кухни показалась миссис Сноу с подносом, на котором стояли коричневый чайник, вазочки с молоком и сахаром, и чашка с блюдечком из английского фарфора, который, казалось, истончился от долгого употребления. Поставив поднос на столик у кресла-качалки, миссис Сноу стала разливать чай. Сквозь тонкие стенки мне было видно, как чашка наполняется темной жидкостью. С деланной бодростью миссис Сноу обратилась к сидящей женщине:

— Чашка чая взбодрит вас, придаст силы и ясность мысли. Я знаю, как вы любите... с молоком и сахаром, верно?

— Вы очень добры,— глухо промолвила миссис Бродхерст. Она потянулась к чашке, но рука ее неожиданно дернулась и все, что было на подносе, полетело на пол.

Опустившись на колени, миссис Сноу принялась соби-

рать осколки чашки, словно это была какая-то святыня. Затем она быстро сбегала на кухню за полотенцем и стала промокать пролитый чай.

Келси поддерживал миссис Бродхерст под мышки, чтобы не дать ей выпасть из кресла.

— Кто ее доктор? — спросил он миссис Сноу.

— Доктор Джером. Вы хотите, чтобы я нашла номер его телефона?

— Вы сами могли бы ему позвонить.

— Что я должна ему сказать?

— Ну, не знаю... Может быть, у нее сердечный приступ?.. Наверное, лучше вызвать еще и скорую помощь.

Какое-то мгновение миссис Сноу стояла без движения, словно не понимая, что от нее хотят. Потом она прошла на кухню, и я услышал, как она набирает номер. Я начинал волноваться за мальчика. Прошло уже слишком много времени с момента его исчезновения. Я сообщил Келси номер машины садовника и попросил заняться этим. Он стал звонить в офис шерифа.

Я вышел из дома и увидел Джин, которая ходила туда-сюда по тротуару. Короткое пестрое платье и длинные ноги в белых чулках делали ее похожей на печального арлекина, неизвестно откуда взявшегося на этой убогой улочке под дымным небом.

— Скажите, что происходит? — нетерпеливо спросила она.

Я пересказал ей все, что узнал от садовника, и под конец сообщил, что ее свекрови плохо.

— Она не болела никогда в жизни.

— Всякое случается. Мы вызвали скорую... — Пока я говорил, издали послышалась сирена.

— Что мне делать? — спросила Джин, будто скорая помощь ехала за ней.

— Поезжайте с миссис Бродхерст в больницу.

— А вы куда?

— Пока не знаю.

— Я лучше поеду с вами.

Я не понял, что она хотела этим сказать, да, думаю, она и сама не знала. Я протянул ей визитную карточку с телефоном и сказал:

— Мы будем поддерживать связь. Сообщите, где вы будете находиться.

Она непонимающе смотрела на карточку, словно на ней были иероглифы.

— Вы избавляетесь от меня?

— Нет.

— Значит, вам нужны деньги? В этом все дело?

— С этим можно подождать.

— Тогда чего вы хотите?

— Ничего.

Она взглянула на меня так, будто не поверила. Люди всегда чего-то хотят, казалось, говорил этот взгляд.

Из-за угла показалась машина скорой помощи. Пронзительный звук сирены стал нестерпимым. Наконец машина остановилась.

— Это дом Сноу? — спросил водитель.

Я кивнул. Вдвоем с напарником они взяли носилки и вынесли из дома миссис Бродхерст. Когда ее вносили в машину через заднюю дверь, она попыталась встать.

— Кто меня толкнул?

— Никто, милочка, — мягко удержал ее водитель. — Сейчас глотнете кислороду, и вам станет легче.

— Я поеду в больницу на ее машине. Не могу оставить ее одну, — сказала Джин.

Я решил, что сейчас самое время доставить миссис Роджер Армстед ее зеленый «мерседес». Келси указал мне дорогу на Крессент-Драйв вдоль ближайшего горного кряжа, возвышавшегося над городом. Над ним поднимался дым, окутавший почти все небо. Затем, повернувшись ко мне и все еще продолжая щуриться от долгого взгляда на огонь, он предупредил:

— Будьте осторожны, если поедете туда. Огонь по-прежнему продвигается.

Пообещав ему быть осторожным, я предложил:

— Может, вас подвести куда-нибудь?

— Нет, спасибо. До центра города я смогу добраться на пикапе. Только сначала я хочу еще раз побеседовать с Фрицем.

— Вы ему не верите?

— Верю до определенной степени... Но с первого раза никогда не удастся все выяснить.

Он двинулся назад, к дому. В дверном проеме, словно увядшая старая дева, охраняющая свою обитель, стояла миссис Сноу.

10

Выезжая на Крессент-Драйв, я включил радиоприемник. Он был настроен на местную радиостанцию, которая постоянно передавала сводки о пожаре. Раттлснейкский

пожар — как назвал его доктор — угрожал северо-восточной окраине города. Из сотен домов жителей уже эвакуировали. Был сброшен парашютный десант из пожарного отряда лесной охраны. Ожидали прибытия дополнительной противопожарной техники. Но, как сказал доктор, если ветер с Санта-Ана не прекратится, то пожар пройдет через город к морю.

Дом Армстедов, как и дом Бродхерстов, находился на предполагаемом пути пожара. Я припарковался во дворе рядом с черным «континенталем». Огонь подошел уже так близко, что я услышал его гудение, когда заглушил мотор. Пепел серым снегопадом опускался на землю. Было слышно, как где-то за домом течет вода.

Дом Армстедов был одноэтажным, белого цвета. К нему, точно к храму, вела аллея кипарисов. Здание было настолько пропорционально, что я осознал его истинные размеры, лишь когда обошел вокруг. Я миновал плавательный бассейн длиной футов пятьдесят. В нем, прижатая ко дну предметом, напоминающим шкатулку с драгоценностями, словно одежда невидимки, лежала шуба из голубой норки.

Загорелая женщина с короткими седыми волосами обрызгивала кипарисы из шланга. Неподалеку, за деревьями, в сухом кустарнике темноволосый мужчина в рабочих брюках прокладывал борозду и присыпал землей падавшие сверху тлеющие угольки.

Женщина вела разговор с огнем, точно с безумцем или взбесившейся собакой:

— Убирайся прочь, паршивый ублюдок...

Она почти весело обернулась ко мне, когда я окликнул ее по имени.

— Миссис Армстед?

Как только она повернулась, я сразу понял, что она поседела до срока. Разгоряченное, смуглое от загара лицо остужали раскосые зеленые глаза. Она хорошо смотрелась в белом рабочем костюме.

— Кто вы?

— Арчер. Я пригнал ваш «мерседес».

— Хорошо. Я пришлю вам чек, если машина в нормальном состоянии.

— В нормальном. Я пришлю вам счет.

— Договорились. А вы не могли бы помочь еще и здесь? — Она невесело улыбнулась, обнажив белые зубы, и указала на лопату, лежавшую на свернувшихся от жары

коричневых листьях кипарисов. — Помогите Карлосу выкопать эту канаву.

Эта идея пришлась мне не слишком по душе, так как я был в костюме. Но я все-таки стащил с себя пиджак, взял лопату и пошел через деревья на помощь Карлосу.

Карлос — низкорослый чикано средних лет — не выразил ни малейшего интереса при моем появлении. Я двинулся следом за ним, расширяя и углубляя проложенную им борозду. Наша работа почти наверняка была бесполезной — всего лишь жалкая царапина в густом кустарнике у подножия горы. Я явственно слышал рев огня, хотя горело еще довольно далеко. За моей спиной шелестели листьями кипарисы.

— А где мистер Армстед? — спросил я Карлоса.

— Наверное, перебрался на яхту.

— Где это?

— На эспланаде.

Он махнул рукой в сторону моря. Взмахнув еще несколько раз лопатой, он добавил. — Ее зовут «Ариадна». — Он произнес имя медленно, тщательно выговаривая звуки.

— Кого зовут, девушку?

— Яхту. Миссис Армстед говорила, что это греческое имя. Она помешалась на всем греческом.

— Она и сама немного похожа на гречанку.

— Пожалуй, похожа, — согласился он, задумчиво улыбаясь.

Рев огня усилился, и выражение лица Карлоса изменилось. Мы поработали еще немного. Я чувствовал в спине усталость, болели натертые ладони, рубашка прилипла к телу.

— Мистер Армстед один на яхте?

— Нет, с ним есть парень. Один за всю команду... Но я что-то не видел, чтобы он делал какую-нибудь работу. Он из тех, кого зовут длинноволосыми. — Карлос поднял к голове свою грязную руку, указав на воображаемые волосы.

— Мистер Армстед любит девочек?

— Да. Обожает... — Он помолчал и серьезно добавил. — Прошлой ночью на яхте была девушка.

— Блондинка?

— Да.

— Вы ее видели?

— Ее видел мой друг Педро, когда выходил из гавани вчера утром. Педро — рыбак, он встает еще до рассвета. Девушка была на мачте и кричала, что сейчас прыгнет в воду. Парень пытался ее уговорить...

— Что сделал Педро?

Карлос пожал плечами.

— Педро... Ему надо детей кормить. У него нет времени возиться с глупыми девчонками.

С удвоенной энергией он возобновил работу, точно готовил себе убежище, в котором можно скрыться от бестолкового мира. Я по-прежнему шел за ним, но стало ясно, что наши усилия напрасны.

На вершине горы показался огонь. Он неумолимо разрастался, расплываясь огроомным ослепительным пятном на фоне голубого безоблачного неба. Часовой-перепел на склоне подал сигнал тревоги.

Карлос поднял глаза вверх и перекрестился. Затем, развернувшись и сделав мне знак следовать за ним, он быстро двинулся между деревьями к дому. Вершина одного из кипарисов задымилась. Вода из шланга не поднималась так высоко, и миссис Армстед велела Карлосу залезть на одно из соседних деревьев. Карлос мотнул головой.

— Не поможет это... Пропали деревья и дом, наверное, тоже.

Огонь, расплзаясь вширь, стремительно спускался вниз по склону. Деревья закачались. Из густой травы под ними выпорхнула стайка короткокрылых перепелок, с трудом набирая высоту, чтобы перелететь через дом. Дым, словно сгущающиеся сумерки, преследовал их.

Миссис Армстед продолжала поливать деревья из совершенно бесполезного шланга. Карлос прошел мимо нее к крану и перекрыл воду. Держа в руках шланг, из которого капала вода, женщина застыла, повернувшись лицом к огню.

Он бушевал, как шторм. Точно исполинский дикий зверь двигался по лесу неуклюжими прыжками, сметая все на своем пути. Дымящиеся кипарисы вдруг разом вспыхнули, на ними загорелись другие деревья, образовав длинный ряд огромных факелов.

Я взял миссис Армстед за руку и потащил прочь. Она сопротивлялась, рвалась то в одну, то в другую сторону, точно внезапно потеряла ориентацию, и все пыталась удерживать в руке шланг, пока наконец не выронила его на землю.

Карлос с нетерпением поджидал нас у бассейна. Вокруг него падали горящие головешки, шипя и мгновенно чернея в воде.

— Нужно убираться отсюда, — сказал он. — Нас может

отрезать, если огонь выйдет на дорогу. Что мне сделать с шубой?

— Оставь ее там, — сказала миссис Армстед. — Слишком жарко для норки.

Мне не нравились ее манеры, но я начал испытывать к ней уважение. Отдав Карлосу ключи от «мерседеса», мы направились к «линкольн-континенталь».

— Садитесь за руль, если хотите, — предложила она. — Я немного устала.

Она поморщилась. Было видно, что такое признание далось ей непросто. Позже, когда мы уже ехали по шоссе вслед за «мерседесом», она попыталась объяснить свои чувства.

— Я люблю этих перепелок. Мне нравилось кормить их, наблюдать за ними. Они жили там с тех самых пор, как мы построили этот дом. У нас они чувствовали себя в безопасности... Весной даже вывели птенцов прямо во дворе.

— Перепела вернутся.

— Может быть... Но вот вернусь ли я...

Доехав до поворота в город, Карлос остановил «мерседес» на обочине. Я сделал то же самое. Над городом висел дым, придавая ему сепийный оттенок, как на старой фотографии. Мы вышли из машин и посмотрели назад, на покинутый дом. Языки пламени охватили его со всех сторон, словно пальцы руки, выдавливая из окон дым и огонь. Вернувшись в машины, мы продолжили спуск. Для меня это была уже вторая эвакуация за день. Почувствовав некоторую подавленность, я стал размышлять о ее причинах.

Да, люди, с которыми я встретился сегодня, могли позволить себе жить за городом, на лоне природы. Только этот разрушительный пожар заставил их вспомнить о простых человеческих чувствах. Я спросил миссис Армстед, сколько лет она прожила в своем доме.

— Всего четыре года. Мы с Роджером построили его, когда приехали из Ньюпорта. Так мы пытались упрочить наш союз. Некоторые с этой целью заводят детей...

— А у вас есть дети?

— Нет, нас только двое, — сухо ответила она, затем добавила. — Я бы хотела иметь дочь. Я была бы готова согласиться даже на то, чтобы у моего мужа была дочь...

— Вы имеете в виду девушку-блондинку?

Она резко повернулась ко мне и, едва сдерживая гнев, спросила:

— Что вам, собственно, известно о ней?

— Очень немного. Я видел ее лишь один раз, и то на расстоянии.

— Я ее вообще не видела, — сказала миссис Армстед. — Она, насколько я знаю, со странностями... Впрочем, в наше время трудно судить о молодежи.

— Так было всегда.

Она продолжала смотреть мне в лицо.

— Вы сказали, что вы — детектив. Что сделала эта девушка?

— Это я и пытаюсь выяснить.

— Ну не просто же так вы ею заинтересовались? Она, должно быть, еще что-нибудь натворила, помимо того, что угнала мой «мерседес». Что она сделала?

— Спросите Роджера.

— Непременно, но вы не ответили, почему она вас заинтересовала?

— Она скрылась с шестилетним мальчиком. Это похоже на похищение. — Я не стал вдаваться в подробности.

— Зачем ей понадобилось это делать? — Увидев, что я оставил без внимания этот вопрос, она задала другой. — Она употребляет ЛСД или другие наркотики?

— Возможно.

— Так я и думала. Верите ли, прошлой ночью она прыгнула с мачты, и Джерри пришлось лезть за ней.

— Кто этот Джерри?

— Парень, который живет на яхте. Роджер зовет его своей командой.

— А вы как его называете?

— Его фамилия Килпатрик.

Я вспомнил о лежащей у меня в кармане книге с карандашной надписью «Джерри Килпатрик» на корке и спросил:

— Вы знаете, кто он такой?

— Он — сын Брайана Килпатрика, человека, известного в городе. Кстати, это он продал нам участок земли в горах.

— Значит, ваш муж познакомился с Джерри через его отца?

— Наверное. Спросите Роджера.

— А когда мы увидим Роджера?

— Если он в пляжном домике, то очень скоро.

Мы ехали через центр города. Главная магистраль, как и прилегающие улицы, была забита транспортом. Казалось немного странным видеть спешащих по своим делам людей,

которые будто ничего не подозревали о пожаре, уже подкравшемся к окраинам города. Правда, люди двигались быстрее обычного, словно жизнь вдруг ускорила и скоро должна закончиться.

Следуя за «мерседесом» Карлоса, я свернул на Мери-тайм-Драйв, которая шла вдоль побережья к цепочке пляжных домиков, растянувшихся по берегу бухты. Карлос зарулил на стоянку, расположенную за домами. Я встал рядом с «мерседесом».

— Пожалуй, — неожиданно произнесла миссис Армстед, — я заплачу вам сейчас. Сколько?

— Ста долларов хватит.

Она достала золотой зажим для денег в форме долларового знака и положила мне на колено стодолларовую бумажку. Затем сверху еще пятьдесят долларов.

— Это «на чай».

Я взял деньги, так как знал, что предстоят расходы. Но в душе остался неприятный осадок, словно я вдруг опустился до уровня сборщика податей. У меня даже появилось чувство симпатии к Роджеру, которого я еще не видел.

Пляжный домик Армстедов был выстроен из серого плавника. Мы вошли внутрь через заднюю дверь, расположенную на уровне второго этажа. Перешагнув через лестничный колодец, мы попали в центральную комнату. Она напоминала морскую каюту — множество предметов из меди, барометр на стене, капитанские кресла... Через раздвижное окно я увидел сидящего на балконе довольно молодого мужчину. Одетый по-спортивному в голубую футболку и кепку, он издали наблюдал за людьми на пляже, словно зритель из театральной ложи.

— Привет, Роджер! — Голос миссис Армстед звучал совершенно по-другому — нежно и мелодично, точно она сама себя слушала, тщательно выбирая тональность.

Мужчина встал и снял свою кепку, не выразив ни удивления, ни радости.

— Я не ждал тебя, Френ.

— Дом на Крессент-Драйв только что сгорел дотла.

У него вытянулось лицо.

— Со всем моим гардеробом?

— Ты всегда сможешь себе купить другую одежду, — сказала она полушутя-полусерьезно, предоставляя ему решать, каким будет продолжение этого разговора.

Немного помолчав, он медленно произнес:

— Жаль, что дом сгорел. Он ведь тебе нравился?

— Мне он нравился до тех пор, пока он нравился тебе.

— Ты собираешься отстраивать его заново?

— Не знаю, Роджер. А ты как считаешь?

Он повел широкими плечами, словно снимая с себя груз ответственности.

— Ну, это сама решай.

— Знаешь, — сказала она с деланной решимостью, — мне бы хотелось попутешествовать. — Казалось, она выдыхает на ходу. — Хорошо бы отправиться в Югославию.

Обернувшись, мужчина уставился на меня так, будто только сейчас обнаружил мое присутствие. У него была приятная внешность. Выглядел он лет на десять моложе своей жены. Крупное сильное тело было по-юношески подвижным. Однако я заметил, что его темная шевелюра уже начала редеть. Он понял, о чем я подумал, и взлохматил рукой волосы.

— Это мистер Арчер, — представила меня его жена. — Детектив. Он ищет девушку, которая была у тебя на борту.

— Какая еще девушка? — он взглянул на меня с неприязнью и покраснел.

— Та, которая пыталась забраться поближе к Солнцу. Или может быть, то была луна?

— Вот уж не знаю. У меня с ней нет никаких дел.

— Вам не известно ее имя? — осведомился я.

— Кажется, Сьюзан. Сью Крэндэлл.

— Я не ослышалась? — вскинулась его супруга. — Ты же сказал, что у тебя с ней нет никаких дел.

— Нет, не ослышалась. Я устроил Джерри разнос за то, что он притащил ее на борт. Он и сказал мне, как ее зовут. Чтобы узнать это, мне пришлось хорошенько надавить на него.

— Мне рассказывали другое, — начала она. — Мне рассказывали, что в четверг она провела всю ночь у тебя на «Ариадне». Гавань — слишком людное место для таких дел, не правда ли?

— Я не связываюсь с молоденькими свистушками, — угрюмо буркнул он. — Всю ночь в четверг я был здесь. Пил. Девушку привели на борт, не сказав мне ни слова и не спросив моего разрешения.

— Откуда она? — задал я еще один вопрос.

— Точно не знаю. Откуда-то с юга, если верить Джерри...

— И давно ты с нею знаком? — спросила его жена.

Он бросил на нее тяжелый взгляд.

— Френ, смени пластинку, а?.. Никогда в жизни не

видел девушку по фамилии Крэндэлл. Если ты мне не веришь, спроси Джерри Килпатрика. Она его подружка.

— А кто дал ей «мерседес», если не ты?

— Это все Джерри... Мне не хочется все валить на него, но это правда. За это я и устроил ему разнос.

— Я не верю тебе. Больше ты не получишь «мерседес».

— Тогда убирайся к черту!

Он прошел мимо нас к лестничному колодцу и спустился вниз. Оттуда послышался шум выдвигаемых ящиков и хлопанье дверок стенных шкафов. Дом был каркасным с открытыми балками, без звукоизоляции, поэтому в нем гулко отдавался каждый звук. Френ Армстед вздрагивала от этих звуков, как от ударов. Я подумал, что она, должно быть, боится своего мужа и наверняка любит его.

Она последовала за ним, напряженно-сосредоточенная, как человек, добровольно спускающийся в ад. Их голоса были отчетливо слышны, когда стихал шум набегающих волн.

— Не сердись,— попросила она.

— Я и не сержусь.

— Можешь брать «мерседес».

— Нужна же мне машина,— резонно заметил он.— Хотя я никуда не собираюсь...

— И не надо. Оставайся со мной. Мне стало так плохо, когда сгорел дом. Я подумала, что с ним сгорела и моя жизнь. Но ведь это не так, да?

— Не знаю. А что это за идея насчет Югославии?

— Тебе не хочется ехать?

— А что там делать, в Югославии?

— Ну хорошо, останемся здесь. Это тебя устраивает?

— Пока да,— ответил он.— Можно и в этом городе остаться.

— Из-за этой девушки? Как ее зовут? Сьюзан?

— Послушай, ну сколько можно говорить о ней. Я даже не видел ее.

Они закрыли дверь, и голоса стали глуше. Затем послышались звуки более интимного характера, и я решил выйти на улицу.

Был субботний день, и на пляже камню некуда было упасть, как на картинке из будущего, когда каждый квадратный метр земли будет заселен. Я с трудом отыскал свободное местечко и опустился на песок рядом с юнцом, голова которого покоилась на животе его спутницы. До меня доносился запах ее крема для загара, и я вдруг остро

ощущал, что здесь все, кроме меня, спарены, как животные в загоне.

Я встал и огляделся. Под слоем висевшего над городом дыма воздух был необычайно прозрачен. Заходящее солнце напоминало желтую тарелку, до которой можно дотянуться рукой. На фоне предзакатного неба мачты на эспланаде казались черными и обугленными. Я снял носки, ботинки, перекинув их через плечо, пошел по пляжу к гавани.

11

Железобетонный волнорез, поверх которого был насыпан песок, огибал гавань и эспланаду, словно обнимая их рукой. Несколько моторных и парусных лодок возвращались с моря по размеченному буйками каналу. Большинство же судов — от гоночных яхт до старых десантных кораблей — стояло в слипах.

Я двинулся вдоль забора из проволоочной сетки, отделяющего эспланаду от автомобильной стоянки. В заборе было несколько калиток, все с автоматическими замками. У самого начала волнореза я увидел пункт проката лодок и спросил у служителя, как попасть на «Ариадну».

Он подозрительно покосился на мои босые ноги и переброшенные через плечо ботинки.

— Если вы ищите мистера Армстеда, то его на яхте нет.

— А Джерри Килпатрика?

— Не знаю. Идите к третьей калитке и попробуйте его покричать. Оттуда видно яхту. Она стоит слева, на полпути до буйка.

Я обулся и пошел искать нужную мне калитку и яхту. Яхта была белоснежной. Она мерно покачивалась в спокойной воде. От этой картины у меня учащенно забилося сердце. Стройный молодой человек с развевающимися на ветру волосами и небольшой бородкой возился на корме с мотором. Я окликнул его.

— Джерри?

Он поднял голову, и я махнул рукой, подзывая его к себе. Он прыгнул на слип и пошел ко мне неуклюжей походкой, выставив вперед бороду, словно пытался скрыть за ней свои мальчишеские плечи и узкую голую грудь. Он был раздет до пояса, руки сильно испачканы машинным маслом, словно в перчатках.

Он хмуро взглянул на меня через калитку.

— Что вы хотели?

— Вы потеряли книгу.— Я показал томик «Зеленой обители» с его именем на корке.— Это ведь ваша, не так ли?

— Можно взглянуть? — Он приоткрыл калитку и тут же резко захлопнул ее.— Если вас послал мой отец, то я его убью. Можете отправляться назад и передать ему это.

— Я не знаю вашего отца.

— Я тоже. Никогда не знал. И не хочу знать.

— Ну, это касается вашего отца, а как быть со мной?

— Это ваша забота.

— Вам не нужна книга?

— Оставьте ее себе, если умеете читать. Она поможет развить интеллект, если он у вас имеется.

Молодой человек был настроен очень враждебно. Но я помнил о том, что он является важным свидетелем, и старался говорить с ним через забор как можно спокойнее.

— Всегда найдется кто-нибудь, кто почитает мне вслух,— сказал я.

В его всклокоченной бороде промелькнула улыбка. Я продолжал:

— Исчез маленький мальчик. Его отца убили сегодня утром...

— Вы думаете, что я его убил?

— А вы не убивали?

— Я не признаю насилия.— Его взгляд говорил о том, что я, по его мнению, признаю.

— Тогда вы могли бы помочь мне найти убийцу. Почему вы не впустите меня или не выйдете сами, чтобы поговорить нормально?

— Я предпочитаю разговаривать так.— Он облокотился рукой на калитку.— Мне кажется, вы способны на насилие.

— Дело очень серьезное,— заметил я.— Пропавшему мальчику шесть лет. Его зовут Ронни Бродхерст. Вы ничего не слышали о нем?

Он наклонил лохматую голову. Рот его совсем затерялся в бороде, закрывавшей всю нижнюю часть лица, и казалось, он мог говорить только глазами. Они были карими и блестели как разбитое стекло.

— С ним была девушка,— продолжал я.— Вчера на ночь она читала вашу книгу. Ее зовут Сью Крэндэлл.

— Я не знаю ее.

— А мне сказали, что знаете. Она была здесь позавчера вечером.

— Мне об этом ничего не известно.

По его лицу пробежала тень страха. Чтобы скрыть страх, он снова начал злиться. В его карих глазах зажглись гневные огоньки.

— Я так и думал, что вы фараон! — Он употребил жаргонное словечко. — Почему вы не уберетесь отсюда?

— Я хочу серьезно с вами поговорить. Вы оказались замешанным в неприятную историю.

— Да идите вы...!

Он быстро зашагал прочь. Его волосатая голова казалась неестественно огромной для худого мальчишеского тела, как голова чучела из папье-маше на палке. Я остался на месте и видел, как он нырнул в кубрик, а затем снова занялся мотором.

Солнце почти зашло. Когда его огненный диск коснулся воды, то и море и небо словно вспыхнули, и это зрелище было похоже на пожар посильнее, чем в Раттлснейке.

Пока еще не стемнело, я решил заняться поисками старого «шевроле» Фрица Сноу. Я осмотрел автостоянку. Машины там не оказалось, но меня не покидало чувство, что она должна быть где-то поблизости. Я двинулся по бульвару, тянувшемуся вдоль берега.

Небо на западе поблекло, как бледнеет лицо человека. Сгущались сумерки. Темнота окутывала гладь воды, которая тускло отсвечивала, словно туда опустилось само небо.

Я прошел несколько кварталов, но безрезультатно. На улицах зажигались фонари, фасады выходящих на набережную домов вспыхнули неоновыми огнями реклам мотелей и закусочных. Я зашел в одну из них и взял двойной гамбургер, пакетик французского жареного картофеля и кофе. Я вспомнил вдруг, что ничего не ел с самого утра, и жадно принялся за еду.

Когда я вышел на улицу, уже почти совсем стемнело. Я бросил взгляд на гору и поразился. Огонь разрастался, пожирая темноту. Он охватывал город, словно замыкал кольцо осады вокруг вражеского лагеря.

Я возобновил поиски «шевроле», тщательно обследовал все стоянки у мотелей и прилегающие боковые улочки. Миновав бульвар, я очутился в гетто. Дети чернокожих и мулатов спокойно играли, не обращая внимания на сгустившуюся темноту. Их матери и бабушки, стоя у дверей обветшалых домишек, наблюдали за ними и за мной.

Я нашел недокрашенный «шевроле» Фрица Сноу на изрытой колеями улочке за пыльной живой изгородью из

олеандра. Из кабины доносилась тихая музыка. За рулем сидел маленький мужчина в бейсбольной кепке. Я обратился к нему:

— Что ты здесь делаешь, приятель?

— Играю на гармонике.

Он приложил ко рту губную гармошку и сыграл несколько тактов протяжной грустной мелодии. «Я виноват,— казалось, говорилось в ней,— но я уже достаточно страдал, и ты — тоже».

— Ты хорошо играешь.

— Это от бога.— Он ткнул пальцем в крышу автомобиля, указывая на небо. Потом сыграл еще несколько тактов и смачно сплюнул. От него сильно пахло спиртным.

— Это твоя машина? — спросил я его.

— Приятель попросил присмотреть за ней.

Я открыл дверцу и сел рядом с ним. Ключ торчал в замке зажигания, я вынул его. Мужчина опасливо покосился в мою сторону.

— Меня зовут Арчер. А тебя?

— Амос Джонстоун. Вы не имеете права меня трогать. Я действительно присматриваю за машиной по просьбе приятеля.

— Я не полицейский. Этот приятель — молодая девушка с маленьким мальчиком?

— Да. Она дала мне доллар и велела сидеть в машине до ее возвращения.

— Как давно это было?

— Не знаю... У меня нет часов. Могу только сказать, что это было сегодня.

— До наступления темноты?

Он уставился на небо, словно удивившись тому, что уже вечер.

— Должно быть, так... Я купил немного вина, и доллара как не бывало. Я бы не отказался еще от одного...— Он выжидательно посмотрел на меня.

— Всеу свое время. Куда ушла девушка?

— Вниз по улице.— Он махнул рукой в сторону эспланады.

— Она взяла мальчика с собой?

— Да, сэр.

— Как он выглядел?

— Он был здорово перепуган.

— Он говорил что-нибудь?

— При мне он не проронил ни слова. Только дрожал, как щенок.

Я дал ему доллар и пошел к эспланаде. А он снова принялся наигрывать какую-то мелодию, которая по мере того, как я удалялся, сливалась с голосами играющих в темноте мальчишек.

Когда я подошел к гавани, на некоторых яхтах светились огни. Знакомую калитку в заборе освещал фонарь. Быстро оглядевшись, я перемахнул через забор, но при этом умудрился зацепиться ногой за колючую проволоку, протянутую поверху, и сильно ударился спиной о наклонные сходни. С минуту я приходил в себя.

Когда я приблизился к яхте, у меня стучало в висках. В каюте горел свет, но на палубе никого не было видно. Несмотря на охватившее меня волнение, я все же отметил про себя, что от темной воды исходила таинственная притягивающая сила, а красивый силуэт яхты делал ее чем-то похожей на стоящую ночью в стойле лошадь.

Я забрался по мостику в кубрик. На фоне темного неба мрачно возвышалась мачта. Из каюты слышалось шарканье ног.

— Кто там? — раздался голос Джерри.

Он открыл люк и высунул голову. Некоторое время он всматривался в темноту широко открытыми глазами. Рот у него тоже был открыт и зиял черной дырой в лохматой бороде. Он был похож на Лазаря, вылезающего из гробницы.

Я вплотную приблизился к нему, обхватил руками за пояс и, чуть приподняв, с силой швырнул на пол. Вероятно, сильно ударившись головой, он остался лежать неподвижно. Мне вдруг стало совестно, за то, что я причинил боль мальчишке.

Я спустился в каюту. Здесь стояла радиостанция для связи с берегом и штурманский столик. На одной из двух коек кто-то лежал под красным одеялом. Были видны лишь светлые волосы, словно золотой песок рассыпанные по подушке.

Я поднял одеяло с ее лица. Меня удивило, что оно осталось совершенно безучастным. Ее глаза смотрели на меня неподвижно, точно она умирала или уже умерла.

Рядом с ней под одеялом что-то шевельнулось. Откинув его, я увидел, что рукой она прижимала к себе голову мальчика, ладонью зажимая ему рот. Он замер. Даже круглые голубые глаза его застыли. Они смотрели мимо меня. Я обернулся.

На лестнице, согнув ноги в коленях и держа в обеих руках револьвер, стоял Джерри.

— Убирайся с яхты, грязная свинья!

— Спрячь пушку. Еще убьешь кого-нибудь.

— Тебя, — отрезал он. — Если ты сейчас же не уберешься отсюда. Я отвечаю за яхту, а ты вламываешься...

Мне трудно было воспринять его всерьез, но револьвер помог. Держа меня на прицеле, он махнул дулом, указывая куда идти, а сам отступил на шаг в сторону. Поднимаясь по лестнице мимо него, я все никак не мог решить, как поступить: нападать на него или нет.

Моя нерешительность замедлила реакцию. Краем глаза я заметил, как он, перехватив револьвер за ствол, замахнулся, но не успел увернуться от удара. Пол ушел у меня из-под ног.

12

Я видел, как крутятся колеса мироздания. Это было похоже на какой-то передаточный механизм — только гораздо больше размером — с которым любят возиться в свободное время механики. Казалось, я мог представить всю систему целиком, и даже сознавал, что передаточное число шестерен — один к одному.

Постепенно я стал приходить в себя. Щекой я ощутил плоскую шероховатую поверхность, которая как будто поднималась и опускалась. Воздух стал прохладнее, и я было подумал, что лежу в лодке. Потом мне удалось подняться на четвереньки, и я понял, что нахожусь на слипе. В том месте, где раньше стояла «Ариадна», чернел прямоугольник воды.

Зачерпнув пригоршню, я плеснул воду себе в лицо. Голова кружилась и гудела. Недооценив бородача-мальчишку, я упустил его и потерял контроль над ситуацией. Я проверил содержимое кошелька — деньги были на месте — и пошел по сходням вверх к автостоянке. В комнате отдыха я еще раз умылся, стараясь не слишком разглядывать свое лицо, и решил не обращать внимания на ссадину на голове, поскольку она прекратила кровоточить. На стене я обнаружил платный телефон с привязанным к нему справочником и позвонил в офис шерифа. Дежурный сказал мне, что шериф и большинство служащих находятся в зоне пожара. Чувствовалось, что дежурный уже устал от звонков и у него не было людей, чтобы прислать кого-нибудь мне.

Я набрал номер местного отделения лесничества. Женщина из справочной службы сказала мне, что после рабоче-

но дня звонки не принимаются, но все же согласилась передать информацию для Келси. Я продиктовал в телефонном стиле все, что произошло за последние несколько часов, и стал слушать, как она измученным голосом повторяла то, что записала за мной.

Затем в разделе «Недвижимость» я отыскал имя Брайана Килпатрика. Старый с пожелтевшими страницами справочник давал два номера: домашний и служебный. Я позвонил ему домой. Он почти сразу снял трубку, и я попросил о встрече. Килпатрик вздохнул.

— Я только собрался отдохнуть, налил себе выпить... А что у вас за дело?

— Оно касается вашего сына Джерри.

— Ясно.— Благодушные интонации исчезли, и его голос стал сух и официален.— Вы из полиции?

— Частный детектив.

— Вероятно, это связано с ночным происшествием в гавани?

— В общем, да, но все значительно серьезнее. Вы позволите мне приехать и поговорить с вами?

— Но вы мне не сказали, о чем. В этом деле замешана девушка?

— Да. Юная блондинка по имени Сюзан Крэндэлл. Сюзан, ваш сын и мальчик, Рон Бродхерст, ушли...

— Мальчик — внук миссис Бродхерст?

— Да.

— Господи! Куда же они ушли?

— В море. На яхте Армстедов.

— Роджер Армстед знает об этом?

— Пока нет. Вам я позвонил первому.

— Спасибо. Пожалуй, лучше вам действительно приехать. Вы знаете, гдя я живу? — Он дважды повторил адрес.

Я взял такси и сказал водителю, куда ехать. Шофер оказался на редкость словоохотливым. Он всю дорогу разглагольствовал о пожарах и наводнениях, землетрясениях и утечках нефти. И почему, продолжал удивляться он, люди так стремятся жить в Калифорнии? Если дела пойдут хуже, он перевезет семью назад в Мотаун. Мотаун — город что надо. Он привез меня в фешенебельную часть города, которой еще не угрожал пожар. Новый особняк Килпатрика стоял на хорошо освещенной дороге у поросшего кустарником склона горы. Когда я вышел из такси, в лицо мне дунул горячий ветер. Прохлада осталась внизу. Я попросил водителя подождать.

Килпатрик вышел навстречу. Это был крупный мужчина, одетый в свободного покроя спортивную рубашку без воротника. На голове и груди в рыжих волосах мелькала седина. Хотя в руках он держал бокал со спиртным, а глаза казались стеклянными от уже выпитого, его большое приятное лицо выглядело трезвым и почти печальным.

Он протянул мне руку и, разглядев рану на голове, спросил:

— Что с вами случилось?

— Я встречался с вашим сыном Джерри. Он ударил меня рукояткой револьвера.

— Приношу вам глубокие извинения.— На его лице появилось сочувственное выражение.— Но,— продолжал он,— я не отвечаю за то, что делает мой сын Джерри. Он совершенно отбился от рук.

— Я так и думал. Может быть, мы войдем в дом?

— Конечно, конечно. Вам необходимо выпить.

Он провел меня в игровую комнату с баром, окна которой выходили на изумительно подсвеченный бассейн. У бассейна в высоком кресле, скрывающем большую часть тела, сидела черноволосая женщина с загорелыми ногами. Рядом на столике вещал, как домашний дух, переносной радиоприемник. По соседству с радиоприемником стоял серебристый шейкер для коктейлей.

Килпатрик закрыл жалюзи и включил свет. Он пил мартини. Я попросил налить мне виски с водой. Мы сидели друг напротив друга за круглым столом, в центре которого была инкрустирована шахматная доска с черными и белыми квадратами.

— Полагаю,— тщательно подбирая слова начал он,— что я должен сказать вам, что я сегодня узнал от отца этой девушки. Он нашел имя моего сына в записной книжке своей дочери.

— Давно она убежала из дома? Крэндэлл сказал об этом?

Килпатрик кивнул.

— Пару дней назад. Она ушла от родителей в четверг.

— Крэндэлл не сказал вам, почему?

— Он знает не больше, чем я...— Он помолчал и меланхолично добавил, как старик:— Мы теряем целое поколение... Они наказывают нас за то, что мы заставили их жить в этом мире.

— Крэндэллы живут здесь, в городе?

— Нет.

— Вы знаете, как познакомился ваш сын с их дочерью?

— Представления не имею. Я знаю только то, что рассказал мне Крэндэлл.

— Назовите его полное имя и где он живет.

Килпатрик поднял вверх руку, точно регулировщик, останавливающий движение.

— Сначала мне бы хотелось услышать от вас кое-какие подробности. Как здесь оказался замешанным мальчик Бродхерстов? Что с ним собираются сделать?

— Очень может быть, что у них нет планов на этот счет. Похоже, они действуют наобум. Хотя, с другой стороны, не исключено, что это спланированное похищение. Даже сейчас с точки зрения закона их действия можно квалифицировать так.

— Ради денег? Джерри утверждает, что презирует их.

— Деньги — не единственно возможный мотив для похищения.

— Что же тогда?

— Месть. Власть. Наркотики.

— Все это не похоже на Джерри.

— А девушка?

— Насколько я могу судить, она воспитанная девушка из очень благополучной семьи. Может быть, как сказал ее отец, не во всем счастливая, но на нее можно положиться.

— То же самое мог бы сказать отец Лиззи Борден.

Килпатрик укоризненно посмотрел на меня.

— Это не самое подходящее сравнение.

— Хотелось бы надеяться. Мужчина, с которым она уехала сегоня утром, — отец мальчика — убит киркой.

Килпатрик вздрогнул, кровь отхлынула от его лица. Он допил martini и было слышно, как он посасывает пустой бокал.

— Вы хотите сказать, что Стенли Бродхерст убит?

— Да.

— Вы полагаете, она его убила?

— Пока не знаю. Но если это так, то мальчик Бродхерстов, по всей видимости, — свидетель.

— Джерри был там?

— Не знаю.

— Где произошло убийство?

— В дальнем конце каньона, где живет миссис Бродхерст, рядом с так называемым горным домиком. Судя по всему, пожар начался в это же время.

Килпатрик принялся выстукивать бокалом по столу. Он встал и подошел к бару, якобы затем, чтобы взглянуть на

полки с бутылками, на самом же деле для того, чтобы успокоиться и прийти в себя.

Он вернулся за стол без бокала и выглядел абсолютно трезвым.

— С этого и надо было начинать, когда вы позвонили. Я бы никогда...— Он замолчал, с недоверием глядя на меня.

— Не пустили бы меня в дом или не стали бы со мной разговаривать? — закончил за него я.— Где живет Крэндэлл?

— Не могу вам этого сказать.

— Зря. Вам все равно не удастся это долго держать в секрете. Единственное, что мы могли бы сделать сейчас, это опередить Джерри и девушку, пока они не натворили больших бед.

— А что они могут натворить?

— Потерять мальчика. Или убить его.

Он взглянул на меня прищурившись.

— А почему вы так интересуетесь мальчиком?

— Миссис Стенли Бродхерст обратилась ко мне с просьбой найти его.

— Значит вы работаете в интересах другой стороны?

— В интересах мальчика.

— Вы его знаете?

— Немного.

— И питаете к нему привязанность?

— Да.

— Тогда вы можете понять, что я чувствую по отношению к сыну.

— Было бы лучше, если бы мы стали действовать сообща. Я пытаюсь отвести беду от вас и вашего сына.

— Своим появлением вы принесли беду.

Его слова заставили меня на какое-то время замолчать. Как опытный торговец, хорошо разбирающийся в человеческих слабостях, он невзначай задел во мне то, в чем я и сам себе не всегда признавался: часто сам того не желая, я становился катализатором какой-нибудь беды.

Чтобы немного сменить тему разговора, я достал книгу в зеленой обложке, на корке которой стояло имя его сына.

— Каким образом эта книга могла попасть в руки Сью Крэндэлл?

После некоторого раздумья он ответил:

— Наверное, Джерри унес ее с собой, когда уходил от меня. Я не обращаю внимания на книги. В нашей семье интеллектуалом была жена. Она закончила Стэнфорд.

— Миссис Килпатрик дома?

Он покачал головой.

— Эллиен покинула меня много лет назад. Там у бассейна — моя невеста.

— Давно Джерри не живет дома?

— Несколько месяцев. Он перебрался на яхту в июне. Хотя в действительности все началось уже около года назад, когда между нами прекратились нормальные взаимоотношения. Это произошло, когда он уехал в колледж.

— Он учится в колледже?

— Нет. Бросил, — расстроенно произнес Килпатрик. — Учеба давалась ему легко. Я был готов сразу дать ему свое дело, но он не захотел. И не спрашивайте меня, почему. Я не знаю.

Он взял со стола книгу и закрыл ее.

— Джерри употребляет наркотики?

— Этого я не знаю.

По тому, как он отвел глаза в сторону, я понял, что он чего-то не договаривает. Разговор начал иссякать, и нетрудно было догадаться, почему. Он боялся навлечь на сына подозрения в совершении убийства.

— Вы слышали о происшествии на яхте? — спросил я. — Что девушка выпрыгнула за борт?

— Да, мне рассказали об этом люди, работающие в гавани. Но о наркотиках мне ничего не известно. Резко наклонившись ко мне, Килпатрик забрал бокал виски с водой, к которому я не притронулся.

— Если вы не пьете, то я выпью, — сказал он и опустошил бокал.

Мы сидели друг против друга и молчали. Он уставился на инкрустированную доску, точно на ней стояли шахматные фигуры и у меня их было больше. Наконец он поднял голову и встретился со мной глазами.

— Вы считаете, что Джерри давал ей наркотики? — спросил он.

— Вы лучше знаете Джерри.

— Раньше да, сейчас нет, — сказал он. — Правда, я подозревал, что он употребляет наркотики. Это и была одна из основных причин нашего раздора.

— Что это были за наркотики?

— Этого я не знаю. Но он разговаривал и вел себя так, будто у него мозги набекрень. — Было странно слышать в его устах такое выражение сочувствия потерянному для него сыну. Он нервно заметил. — Я рассказал вам больше, чем следовало.

— Было бы лучше, если бы вы рассказали мне все.

— Мне нечего больше добавить. У меня был хороший, способный мальчик, и вдруг в один день он решил бросить все и стать бродягой.

— А что у него общего с Роджером Армстедом?

— Я продал им участок земли. Армстед всегда хорошо относился к Джерри. Он научил его ходить под парусом. В прошлом году Джерри участвовал с ним в гонке Эпсенада.

— Джерри, должно быть, хорошо знает морское дело?

— Да. Он мог бы дойти на этой яхте до Гавайев, если потребуется... И если,— добавил он изменившимся голосом,— еще не забыл судовождение и все остальное.

Он поднялся и подошел к зашторенному окну. Раздвинув пальцами жалюзи, он выглянул на улицу, как человек, за которым следят.

— Черт возьми,— выругался он.— Я собирался с невестой пообедать где-нибудь.— Он сердито обернулся ко мне.— Надеюсь, вы понимаете, что портите мне вечер?

Вопрос был чисто риторическим, и он сам это прекрасно понимал. Он двинулся к бару, словно там стоял невидимый бармен, которому можно было пожаловаться на судьбу.

На стойке стоял телефон, а возле него лежала небольшая синяя книжечка. Он открыл ее, будто искал какой-то номер. Затем, закрыв, положил на место, взял чистый бокал, налил в него виски и поставил передо мной.

Я поблагодарил, хотя пить не собирался. Впереди был долгий и трудный вечер. Килпатрик тоже понимал это. Он стоял рядом со мной, опершись на стол широко расставленными руками. Лицо его выражало отчаяние.

— Послушайте,— произнес он,— я не такой законченный ублюдок, каким вы меня представляете. Когда Джерри был совсем еще малышом, меня оставила жена. Я никогда не мог понять причины ее ухода — разве что то, что жизнь со мной не была романтической... Но Джерри в нашем разрыве винил меня. Всегда и во всем винил только меня...— Он глубоко вздохнул.— А я так люблю его. Я был готов на все, чтобы сделать его счастливым, я положил на это всю свою жизнь. Только такие вещи теперь не проходят, да? Время хэппи-эндов ушло...

Он наклонился ко мне и прислушался, словно ожидая подтверждения своих слов. Помолчав немного, я спросил:

— Что мы можем предпринять, чтобы вернуть его и Сьюзан?

— Не знаю.

— Я предполагал обратиться в ФБР...

— Не делайте этого. Это будет концом для Джерри.— Тяжелая ладонь Килпатрика опустилась мне на плечо. Он убрал ее и снова направился к бару, точно большой дикий зверь, который меряет шагами тесную клетку. Налив себе стакан, он снова вернулся к столу.— Дайте ему шанс самому привести яхту назад. Дело вряд ли стоит того, чтобы обращаться к федеральным властям.

— Но нужно по крайней мере сообщить об этом в местную полицию.

— Позвольте мне это сделать,— попросил он.— Я говорю с шерифом Трейном. Он — мой друг.

— Когда? Сегодня же вечером?

— Конечно, сегодня. Я заинтересован в этом больше чем вы. Джерри — мой сын. Его проблемы — мои проблемы.— Он говорил так, словно сам пытался убедить себя в этом.

— Тогда скажите, где я могу найти родителей Сьюзан Крэндэлл. Мне хотелось бы поговорить с ее отцом.

— Простите, но... Я думаю, что этого делать не нужно. Я бросил ему в лицо самые жестокие слова, которые могли прийти мне в голову:

— Вам скоро вообще ничего не будет нужно. Все летит в тартарары, а вы и пальцем не хотите шевельнуть, чтобы этому помешать! Все надеетесь на хэппи-энд?

— Не надеюсь... Я уже говорил об этом.— Он провел ладонями по лицу и сложил их у подбородка, точно в молитве.— Вы должны дать мне время все обдумать.

— Хорошо. У вас есть несколько часов. А я буду сидеть здесь и гадать, что происходит сейчас с маленьким Бродхерстом.

Килпатрик мрачно посмотрел на меня сквозь растопыренные пальцы. В этом взгляде я прочел подавленность, живущую в его душе, как отступник в изгнании.

Раздался звонок, и Килпатрик вышел, затворив за собой дверь. Я взял лежавшую у телефона голубую книжку. В ней от руки были записаны номера телефонов. Под буквой «К» я нашел номер Лестера Крэндэлла с Пасифик-Пэлисейдз. Запись была сделана довольно давно. Внизу под ней добавилось еще несколько фамилий.

Я делал пометку в своей записной книжке, когда дверь за моей спиной распахнулась. Это вошла темноволосая женщина, которую я видел у бассейна. Она была довольно красива, но несколько старовата для бикини, что было на ней, и совершенно пьяна.

— Что делаем? — громко спросила она.

— Ничего.

Она поджала губы, как обиженный ребенок.

— Брайан обещал, что мы будем танцевать.

Она, пританцовывая, сделала несколько шагов и чуть не упала. Я подвел ее к одному из кресел, но она не желала сидеть. Ей хотелось танцевать.

Вернулся Килпатрик. Не обратив никакого внимания на женщину и двигаясь как заранее запрограммированный робот, он прошел к стойке бара, открыл ящик и достал из него большой револьвер.

— Что происходит? — спросил я.

Он не ответил. Мне не понравилось холодное и злое выражение его лица, и я пошел за ним к входной двери, давая ему понять, что он не один.

У двери стоял еще довольно молодой мужчина с рассерженным лицом. Лоб у него был выпачкан в саже.

Килпатрик навел на него оружие.

— Убирайтесь отсюда! И не лезьте ко мне со всякой ерундой.

— Вы называете это ерундой?! — возмутился молодой человек. — Моя семья лишилась дома, мебели, одежды... У нас ничего нет! И в этом повинны вы!

— Каким образом?

— Я говорил с пожарными после того, как сгорел мой дом. Жаль, что их там не было, когда он горел.. Но их не было. Так вот, мне сказали, что этот каньон вообще нельзя было застраивать из-за высокой вероятности пожара... Вы и словом об этом не обмолвились, когда продавали мне дом!

— Мы все рискуем, — сказал Килпатрик. — Мой дом тоже может сгореть сегодня или завтра.

— Как бы я этого хотел! Как я хотел бы, чтобы ваш дом сгорел!

— Вы пришли сюда для того, чтобы сказать мне это?

— Не совсем так, — чувствовалось, что ему стало немного стыдно. — Мне негде ночевать...

— Вы что, собираетесь ночевать у меня?

— Нет, конечно. Я еще не сошел с ума.

Он выговорился. Бросив взгляд на револьвер, который держал в руке Килпатрик, он быстро пошел к стоящему рядом с моим такси микроавтобусу. Выглядывавшие через заднее стекло ребяташки были похожи на узников, которым любопытно, куда их повезут. На переднем сиденье,

глядя прямо перед собой, сидела женщина. Я обратился к Килпатрику:

— Хорошо, что вы не застрелили его.

— Я не собирался его убивать. Но вы бы слышали, какими словами он обзывал меня. Я не обязан...

— А где он живет? — перебил я.

— В Каньон-Истейтс. Я — застройщик.

— Выгорел весь жилой массив?

— Нет. Но несколько домов сгорело. И его в том числе. — Килпатрик сердито кивнул в сторону удалявшегося микроавтобуса — Он не единственный, кому не повезло. Мне ведь тоже не безразлично, что стало с теми домами... Теперь я их никогда не продам.

— Вы ничего не знаете о доме Элизабет Бродхерст?

— Последнее, что я слышал, — он пока уцелел. Эти старые испанские дома были выстроены с учетом опасности пожара.

Сзади подошла темноволосая женщина. Поверх бикини она накинула легкое пальто. Сейчас она выглядела почти трезвой, но очень уставшей.

— Ради бога, — обратилась она к нему, — убери эту штуковину. Я замираю от страха, когда ты ею размахиваешь.

— Я не размахиваю, — ответил он, но все же спрятал револьвер в карман.

Втроем мы вышли на асфальтовую дорожку. Водитель такси наблюдал за нами, точно за пришельцами с Марса.

Килпатрик послунывил большой палец и поднял его вверх. Ветер дул вверх по каньону.

— С моря, — сказал он. — Если направление не изменится, у нас все будет о'кэй.

Я подумал, как хорошо было бы, если бы он оказался прав. А пока небо на востоке по-прежнему озарялось красными всполохами пожара.

13

Мне пришлось заплатить пятьдесят долларов вперед, чтобы меня довезли до Нортриджа, где в гараже Стенли Бродхерста я оставил свою машину. В пути водитель не прочь был поболтать, но я попросил его помолчать и часок поспал.

Проснулся я с тяжелой головой, когда мы уже проехали Вентура-Фриуз, и попросил таксиста остановиться у теле-

фона-автомата. Доехав до ближайшего, он разменял мне доллар, и я позвонил Лестеру Крэндэллу.

Трубку взяла женщина. Ее тихий голос выдавал плохо сдерживаемое волнение.

— Дом Крэндэллов.

— Мистер Крэндэлл дома?

— Увы, нет. И я не знаю, когда он будет.

— А где он?

— На Стрипе.

— Ищет Сьюзан?

Голос ее стал мягче.

— Да. Вы друг Лестера?

— Нет. Но я видел вашу дочь. Она не в Лос-Анджелесе... Вы позволите приехать к вам поговорить, миссис Крэндэлл?

— Право не знаю... Вы из полиции?

Я сообщил ей, кто я такой и как меня зовут. После этого она дала мне свой адрес. Это место — бульвар Сансет — было мне знакомо.

Наконец мы съехали с автострады и въехали в Нортридж. Ключ от гаража Бродхерстов был у меня. Попросив водителя подождать, я открыл гараж и убедился, что моя машина там. Она стояла на том же месте и даже сразу завелась. Тогда я вышел на улицу и отпустил такси. Когда я шел назад, то посмотрел вокруг более внимательно. Из окон соседнего дома сквозь живую изгородь проникал свет. Я заметил, что дверь черного хода в дом Бродхерстов слегка приоткрыта. Я распахнул ее и, пройдя в кухню, включил свет.

Следы на двери говорили о том, что замок был взломан. Я подумал, что человек, который сделал это, может еще находиться внутри. Мне совсем не хотелось пугать его. Воры редко идут на убийство и решаются на это, только когда их застают за их грязными делишками врасплох. Выключив свет на кухне, я подождал немного. В доме было тихо, лишь с улицы доносился шум оживленного бульвара, откуда я только что пришел.

Соседи смотрели по телевизору последние известия. Несмотря на привычные звуки, я вдруг почувствовал, как внутри у меня нарастает физическое напряжение, близкое к состоянию тошноты. Когда я двинулся по коридору, мне стало еще хуже. Я словно нутром почувствовал человека в кабинете. Как бы то ни было, когда я включил свет, он лежал там перед взломанным бюро, ухмыляясь мне снизу, как фокусник, показавший заключительный трюк.

Я не сразу узнал кто это. У него была черная борода, усы и длинные черные волосы, которые росли слишком низко на лбу. Приглядевшись, я понял, что это был немно-го великоватый парик. Борода и усы тоже были приклеены.

Грим закрывал лицо человека, который назвался Элом и, вероятно, пришел в дом, чтобы получить обещанную тысячу долларов. Он был слишком настойчив. На груди рубашка намочена от крови, под ней виднелись колотые раны. Пахло виски.

На внутреннем нагрудном кармане его дешевого черного костюма я увидел этикетку универмага Сан-Франциско. Карман был пустой, как и все остальные. Приподняв тело, я ощупал задние карманы брюк в поисках бумажника, но и там ничего не оказалось.

Я открыл свою записную книжку и нашел адрес, который он мне дал: мотель «Звезда», шоссе Пасифик — Коуст, за каньоном Топанга. Затем я осмотрел бюро. Дерево вокруг замка было изрезано, а крышка застряла в полуоткрытом положении. Даже приложив силу, я не смог сдвинуть ее, чтобы освободить ящики. Правда, на одной из полочек для бумаг я нашел две фотографии — молодого мужчины и молодой женщины, которые на первый взгляд казались похожими. На фотографии были наклеены полоски бумаги с отпечатанной на машинке надписью: «Фотография из бюро Стенли Бродхерста».

Кто-то, скорее всего сам Стенли Бродхерст, старательно вывел внизу: «Вы не встречали этих мужчину и женщину? Имеются сведения, что в первой половине июля 1955 года они уехали из Санта-Тереза в Сан-Франциско на автомобиле (красный «порше», номерной знак ХUI 251, штат Калифорния). В Сан-Франциско они находились один или два дня, а затем 6 июля отправились морем через Ванкувер до Гонолулу на английском грузовом судне «Свонси Касл». Вознаграждение в тысячу долларов будет выплачено тому, кто сообщит об их нынешнем местопребывании».

Я снова взглянул на фотографии. У женщины были темные волосы и большие темные глаза, которые потухшим взором смотрели на меня со старой фотографии. Черты ее лица были тонкими и изящными за исключением большого чувственного рта.

Лицо мужчины, которого я принял за капитана Бродхерста, было правильным, но менее открытым. Немного раскосые глаза смотрели решительно и твердо. При более внимательном рассмотрении сходство между мужчиной

и женщиной стало кажущимся. Его смелый взгляд заслонял собой все остальное. Я подумал, что он привык брать, а она — отдавать.

Я повернулся к металлическому шкафу. Вывороченный верхний ящик не задвигался до конца. Он целиком был заполнен письмами, аккуратно рассортированными и разделенными прокладками из оберточной бумаги. Судя по маркам и почтовым штемпелям, все письма были старые — шестилетней давности.

Я вытащил одно из последних с обратным адресом «Агентство путешествий Санта-Тереза, Мейн-Стрит 920». Письмо было отпечатано на машинке. В нем говорилось:

«Уважаемый мистер Бродхерст!

Проверив по Вашей просьбе наши архивные документы, мы подтверждаем, что Ваш отец, мистер Лео Бродхерст, купил два билета на «Сwonси Касл», который отплыл через Ванкувер на Гонолулу 6 июля 1955 года. Проезд был оплачен, но мы не беремся утверждать, что он действительно совершал этот переезд. Судно «Сwonси Касл» плавало под либерийским флагом, и сейчас трудно установить имена владельцев и капитана в 1955 году. Сообщите дополнительно, если Вы хотите, чтобы мы продолжили поиски.

*С уважением
Харви Нобл, управляющий».*

Я взял в руки другое, написанное от руки. Оно было от пастора церкви Санта-Тереза, преподобного Лоузла Райсмана.

«Дорогой Стенли!

Ваш отец, Лео Бродхерст, действительно был одним из моих прихожан. Он иногда посещал воскресную службу, как Вы, возможно, помните, но я должен признаться, что никогда не был с ним близко знаком. Думаю, в этом есть как моя, так и его вина. Он производил впечатление человека сильного духом и телом, который живет полной жизнью. Полагаю, что таким он оставался и в Вашей памяти.

От всего сердца желая Вам добра, я прошу Вас не предпринимать дальнейших шагов в поисках, которые Вы начали вопреки моим настояниям. Ваш отец покинул Вашу мамушку и Вас по причинам, о которых ни мне, ни Вам знать не дано. Сердцу не прикажешь. Я думаю, что сыну не

следует так пристально интересоваться жизнью отца. Безгрешных людей нет.

Подумайте о своей жизни, Стенли. Вы возложили на себя бремя супружеских обязанностей, о чем я, осуществив обряд венчания, не могу не помнить. Ваша супруга — красивый и чистый человек. Она больше нуждается в Ваших заботах и внимании, чем те события далекого прошлого, о которых Вы написали мне.

Прошлое может дать нам очень мало. Не больше того, что уже дано — будь то добро или зло. Мы должны искупать свои грехи и прощать чужие.

Что же касается превратностей супружеской жизни, о которых Вы мне писали, поверьте, они не так уж редки. Я предпочел бы поговорить об этом с Вами лично, а не доверять свои бранные мысли бумаге.

До встречи.

Я посмотрел на мертвеца, лежащего на полу, и вспомнил другого мертвеца, который остался в горах. Преподобный Райсмен дал Стенли Бродхерсту хороший совет, которому он, увы, не последовал. Меня вдруг охватило чувство тревоги и сожаления. Это было не только сочувствие Стенли Бродхерсту, хотя и оно тоже. Я понял, что должен сообщить в полицию. Не притронувшись к телефону в кабинете, я прошел на кухню. Как только я зажег свет, мне сразу бросилась в глаза коричневая бутылка из-под виски, стоявшая в раковине среди груды грязной посуды. Я позвонил в ближайшее отделение полиции Лос-Анджелеса и сообщил об убийстве. Ожидая прибытия патрульной машины, я прошелся по улице и обнаружил неподалеку «фольксваген» Эла. Автомобиль был заперт. Буквально за минуту до того, как раздался звук сирены, я вспомнил, что мотор моей машины работает. Войдя в гараж, я выключил его. В багажнике у меня лежала летняя шляпа. Я надел ее так, чтобы закрыть ссадину на голове, и вышел встречать полицейскую машину, остановившуюся перед домом. На пороге соседнего особняка появился человек. Он молча оглядел нас и, не сказав ни слова, убрался.

Я проводил полицейских к двери черного хода и указал на следы взлома, потом провел их в кабинет и кратко сообщил, как обнаружил тело. Они сделали несколько записей и вызвали специальную бригаду, которая занималась расследованием убийств, вежливо попросив меня никуда не отлучаться.

Все, что случилось за день, я подробно изложил капита-

ну Арни Шипстеду, с которым был знаком еще с тех времен, когда он служил сержантом в уголовной полиции Голливуда. Арни — румяный швед с умными быстрыми глазами — окинул внимательным взглядом кабинет, фиксируя в памяти, как полицейский фотограф камерой, все до мельчайших деталей. Убитого сняли в гриме и без него, потом, осторожно завернув в покрывало, вынесли из дома.

Немного помедлив, Арни обратился ко мне:

— Думаете, он приходил за деньгами?

— Вне всякого сомнения.

— А получил кое-что другое... И тот, кто обещал ему деньги, тоже мертв. — Он поднял объявление Стенли, которое я ему показал, и прочел вслух:

— «Вы не встречали этих мужчину и женщину?»... Выходит, в этом все дело?

— Возможно, и так.

— Как вы считаете, почему он пришел в парике?

— Могут быть несколько причин. Может быть, он разыскивается полицией. Я даже готов побиться об заклад, что так оно и есть.

Арни согласно кивнул.

— Я проверю это. Но причина может быть и в другом.

— В чем?

— Он мог так нарядиться потому, что намеревался поразвлечься. Сейчас многие гуляки надевают длинные парики, когда собираются к девочкам. Возможно, и этот хотел забрать свои деньги и хорошенько погулять ночью в городе.

Я согласился, что такое тоже вполне вероятно.

14

Я свернул с Сепулведи на Сансет и направился в район Пасифик-Пэлисейдз. Крэндэллы жили на улице, обсаженной пальмами, в роскошном особняке эпохи Тюдоров с островерхой крышей и коричневыми эркерами.

Все средневековые окна особняка светились, словно был субботний вечер и в доме собрались гости. Перед тем, как позвонить, я прислушался, но изнутри не доносилось никаких звуков, только шуршали на ветру сухие листья пальм.

Дверь с вырезанным на ней витиеватым узором открыла светловолосая женщина, одетая в черное платье. При ярком электрическом свете ее фигура показалась мне настолько изящной, что на мгновение я подумал, что передо мной стоит девушка. Немного наклонив голову, она на

мгновение замерла, и я заметил, что время уже коснулось ее лица и принялось за шею. Прищурившись и взглянув мимо меня в темноту, она спросила:

— Вы мистер Арчер?

— Да. Можно войти?

— Конечно. Пожалуйста... Мой муж сейчас дома, но он отдыхает. — Ее речь была неестественно правильной, словно она специально брала уроки. Я подумал, что в домашней обстановке она говорит намного проще и свободнее. Она провела меня в гостиную, с ослепительно сиявшей люстрой, от которой мне пришлось зажмуриться, и холодным камином. Мы сели в кресла, стоящие друг против друга. Ее тело замерло в красивой позе, а на лице появилась легкая гримаска неудовольствия и обиды.

— С Сьюзан все было в порядке, когда вы ее видели?

— Ей не причинили вреда, если вы это имеете в виду.

— Где она сейчас?

— Не знаю.

— Вы что-то сказали о большой беде... — Она говорила тихо и вкрадчиво, словно пытаясь таким образом уменьшить беду. — Пожалуйста, расскажите мне все, что вам известно. И ради бога, будьте откровенны. Я уже третью ночь сижу у телефона.

— Я понимаю, как вам тяжело.

Она порывисто наклонилась в мою сторону, и пышная грудь ее всколыхнулась.

— У вас есть дети?

— У меня нет, но есть у моих клиентов. Один из них — мальчик по имени Рональд Бродхерст — как раз находится сейчас вместе со Сьюзан. Вы знаете его?

Она задумалась, вспоминая, потом покачала головой.

— Боюсь, что нет.

— Отец Рональда был убит сегодня утром... Стенди Бродхерст.

На это имя тоже не последовало никакой реакции. Она внимательно, точно ребенок сказку, слушала мой рассказ о событиях дня. Когда я закончил, она всплеснула маленькими руками, до этого лежавшими у нее на коленях, и прижала их к груди.

— Сьюзан не способна на то, что сделали с мистером Бродхерстом. Она добрая девушка и любит детей. Уверю вас, она не могла обидеть мальчика.

— Зачем ей тогда понадобилось похищать его?

Ее передернуло от этого слова, и она взглянула на меня с неприязнью, точно я собирался разрушить привычный

и спокойный мир, в котором она жила. Бессильно опустив руки, она устало произнесла:

— Наверное, есть какая-то причина.

— Скажите, почему она ушла из дома?

— Я... Лестер и я, мы не можем этого понять. Все было прекрасно. Ее приняли в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе. У нее были планы на лето — теннис, прыжки в воду, уроки разговорного французского... И вдруг в четверг утром, когда мы отправились по магазинам, она ушла... не предупредив... даже не сказав нам «до свидания».

— Вы заявляли в полицию?

— Это сделал Лестер. Однако они сказали, что не могут многого обещать. Каждую неделю пропадают десятки молодых людей... Вот уж не думала, что моя дочь станет одной из них. Сьюзан жила очень хорошо. Мы создавали ей все условия...

Своим следующим вопросом я вернул ее к действительности.

— Вы не замечали каких-нибудь больших изменений в Сьюзан за последнее время?

— Что вы имеете в виду?

— Ну, может быть, у нее изменились привычки... Стала больше спать — или наоборот? Легко возбуждается и долго не может успокоиться... Или равнодушна ко всему, перестала обращать внимания на свою внешность...

— Ничего подобного с ней не происходило. Она не употребляет наркотики, если вы к этому ведете.

— Не торопитесь с выводами. В четверг ночью в Санта-Тереза у нее, похоже, были галлюцинации под влиянием наркотиков, и она прыгнула с мачты в океан.

— С ней был Джерри Килпатрик?

— Да. Вы знаете его, миссис Крэндэлл?

— Он бывал у нас в доме. Мы встретились с ним в Ньюпорте. На меня этот юноша произвел неплохое впечатление.

— Когда он у вас был?

— Два месяца назад. Они с мужем поспорили и больше он к нам не приходил. К сожалению... — добавила она.

— О чем был спор?

— Вам лучше спросить об этом Лестера. Они просто не понравились друг другу.

— Я хотел бы поговорить с вашим мужем.

— Он прилег. В последние дни ему приходилось нелегко...

— Прошу меня извинить, но, может быть, вы все-таки разбудите его?

— Мне кажется, этого делать не стоит. Вы знаете, Лестер уже не молод...

Она не двинулась с места. Даже не подумала подняться. Вероятно, она была из числа мечтательных блондинок, которые не приемлют жизненных перемен, и относилась к категории ожидающих матерей, готовых сколь угодно долго сидеть у телефона и не знающих, что сказать, когда он наконец зазвонит.

— Ваша дочь сейчас в море с несовершеннолетним недоучкой, который подозревается в похищении ребенка и в убийстве. А вы не желаете потревожить ее отца.— Я поднялся и распахнул дверь гостиной.— Если вы не хотите позвать своего мужа, тогда, наверное, это лучше сделать мне самому.

— Я позову, если вы так настаиваете.

Когда она проходила мимо, меня обдало холодом, который жил в ее совершенном теле, как капризный ребенок. Холод витал и во всей комнате.

Несмотря на свой яркий свет, люстра была похожа на струи замерзших слез. Беломраморная облицовка камина напоминала надгробие. Цветы в вазах были из пластмассы, без запаха, и это еще больше подчеркивало искусственность всего вокруг.

Лестер Крэндэлл вошел в комнату так, точно гостем здесь был он, а не я. Это был грузный мужчина невысокого роста со стального оттенка волосами и баками, которые словно сжимали его немного помятое лицо в тисках, удерживая его в одном положении для более пристального рассмотрения. На тонких губах играла улыбка человека, который хочет понравиться.

Мы поздоровались. Я обратил внимание на его большие руки. По ним было видно, что в молодости этому человеку пришлось выполнять тяжелую работу — суставы увеличены, кожа загрубела. Я подумал, что он потратил всю свою жизнь на то, чтобы поселиться в этом богатом доме на вершине горы, доме, который его дочь в одночасье покинула.

Поверх нижней рубашки и брюк на нем был халат из красного травчатого шелка. Немного одутловатое лицо выглядело усталым.

— Волосы еще не высохли после душа. Я извинился за беспокойство.

Он жестом успокоил меня.

— Поверьте, я был бы рад встать в любой час ночи. Насколько я понял, вы располагаете сведениями о моей дочери?

Я коротко рассказал ему все, что знал. После этого рассказа лицо его сжалось и словно высохло. Он тщетно пытался скрыть навернувшиеся на глаза слезы.

— Должно быть, есть причина, раз она так поступает. Сьюзан — разумная девушка. Я не верю, что она принимает наркотики.

— Верите вы этому или нет, факты остаются, — заметил я.

— Но вы же ее совсем не знаете. Я весь вечер бродил по Сансет-Стрип и, кажется, начал понимать, что происходит с нашей молодежью сегодня. Но Сьюзен совсем не такая. Она всегда была очень дисциплинированной.

Он тяжело опустил в стоявшее рядом кресло, словно эта короткая речь в конце длинного вечера полностью истощила запас его сил. Я сел в кресло напротив.

— Не будем спорить. Один реальный факт стоит всех теорий на земле.

— Вы абсолютно правы.

— Могу я взглянуть на записную книжку Сьюзан? Полагаю, она у вас?

Он поднял глаза на стоящую рядом жену.

— Принеси, пожалуйста, мама. Она лежит на столике в библиотеке.

Как только за ней закрылась дверь, я обратился к Крэнделлу:

— Когда в семье случается нечто подобное, этому, как правило, предшествует что-нибудь еще. В последнее время у Сьюзан не было неприятностей?

— Никаких. И никогда не было, если вы хотите знать правду.

— Как она относилась к спиртному?

— Ей оно совсем не нравилось. Я иногда предлагал ей выпить со мной за компанию. Она всегда потом морщилась. — Он показал, как она это делала. При этом по лицу его промелькнуло нечто, похожее на испуг. Мне стало интересно, что он вспомнил или, может быть, наоборот, пытался забыть?

— Чем она любила заниматься?

— У нас очень дружная семья, — издали начал он. — Мы проводим много времени вместе. Мне принадлежат несколько мотелей на побережье, и мы часто втроем совершаем небольшие путешествия, совмещая бизнес и удоволь-

ствие. Само собой, у Сьюзан есть свои дела и развлечения — теннис, прыжки в воду, французский.

Он вдруг напомнил мне человека, пытающегося с закрытыми глазами дотронуться рукой до девушки, которой нет в комнате. Я начал смутно понимать, отчего происходят такие трагедии. Все дело в том, что окружающий мир часто представляется подросткам слишком приветливым и добрым. Когда же они сталкиваются с реальностью, то набивают себе шишки, разочаровываются или пытаются воссоздать утраченные иллюзии с помощью наркотиков.

— Она много времени проводит на Стрипе?

— Нет, сэр. Она туда вообще не ходит. По крайней мере я об этом ничего не знаю.

— Почему же вы тогда пошли именно туда?

— Мне посоветовали в полиции. Они сказали, что на этой улице собираются девушки, которые сбежали из дома, и что, возможно, я найду ее там.

— С какими молодыми людьми она общалась?

— У нее не много знакомых среди парней. Конечно, она бывала на вечеринках и несколько лет мы водили ее в танцевальную школу — она занималась балльными танцами и балетом... Что же касается мальчиков, то, честно говоря, я не поощрял такие знакомства. Вот так у нас обстояли с этим дела... Почти все ее друзья и знакомые — девушки.

— А что вы можете сказать о Джерри Килпатрике? Насколько я знаю, он бывал у вашей дочери.

Крэндэлл вспыхнул.

— Да. Он был у нас в июне. Они со Сью, видимо, долго говорили о чем-то, но замолчали, когда я вошел в комнату. Мне это не понравилось.

— И вы поссорились с ним?

Он бросил на меня пристальный взгляд.

— Кто вам это сказал?

— Ваша жена.

— Женщины всегда говорят лишнее, — буркнул он. —

Да, мы поспорили. Я попробовал выяснить у парня его жизненное кредо, спросил по-дружески, кем он собирается стать. А он заявил, что хочет просто жить. Такой ответ мне показался неудовлетворительным, и я попросил его объяснить, что станет со страной, если все будут думать так же, как он. Он ответил, что хуже уже не будет. Я так и не понял, что он имел в виду, но тон его мне не понравился. Я так ему прямо и сказал, что с такими взглядами на жизнь ему лучше покинуть мой дом и никогда больше не

приходить к нам. А этот юный грубиян заявил, что будет только рад. Он ушел и больше не появлялся. И слава богу! — заключил Крэндэлл.

Лицо его густо покраснело, жилка на виске часто пульсировала. В моей больной голове что-то ритмично отстукивало, словно в знак сострадания.

— Миссис Крэндэлл сочла тогда, что я совершенно ошибался, — продолжил он. — Вы ведь знаете, каковы женщины. Если девушка в восемнадцать не замужем или, по крайней мере, не помолвлена, они начинают думать, что она обязательно останется старой девой. — Крэндэлл поднял голову, словно услышал нечто, не дошедшее до моих ушей. — Что это мама так долго делает в библиотеке?

Он открыл дверь и вышел из комнаты. Я последовал за ним в холл. Он шел тяжело, точно под гнетом неожиданно обрушившегося горя, глубину которого сам еще не осознал.

Из-за двери библиотеки доносился женский плач. Миссис Крэндэлл стояла у стены с пустыми полками и рыдала. Крэндэлл подошел к ней и ласково погладил вздрагивающую спину.

— Не плачь, мама. Мы вернем ее.

— Нет, — она замотала головой. — Сьюзан уже никогда сюда не вернется. Мы с самого начала не должны были привозить ее сюда.

— Что ты имеешь в виду?

— Мы здесь чужие. Это понимают все, кроме тебя.

— Это не так, мама. Я богаче любого в этом квартале. Я могу их всех купить и продать.

— Что толку в деньгах. Мы здесь как рыба без воды. Ни у меня, ни у Сьюзан нет ни одного друга на этой улице.

Он обнял ее за плечи своими большими руками и повернул к себе лицом.

— Это все твоё воображение, мамочка. Соседи всегда приветливо здороваются, когда я проезжаю мимо. Они знают, кто я такой и чего я стою.

— Возможно, они и знают, кто ты такой. Только это не помогает ни мне, ни Сьюзан.

— В чем не помогает?

— В жизни. Я пыталась жить так, словно все в порядке. Но теперь-то мы понимаем, что это далеко не так.

— Все наладится, я ручаюсь, мама. Мы снова заживем замечательно.

— Мы никогда не жили замечательно.

— Это неправда, и ты сама знаешь об этом.

Она покачала головой. Он остановил это движение,

мягко взял ее лицо в свои руки и откинул светлые волосы со лба — чистого и спокойного, в отличие от ее опухшего от слез лица. Она прильнула к нему, будто ища опоры. Лицо ее, лежащее на его плече, было безучастным и инертным. Она, казалось, совсем не замечала моего присутствия.

Не разнимая объятий, словно танцующая пара, они вышли в холл, оставив меня одного. На столике в углу я заметил маленькую книжку в красных кожаных корках. Я сел к столу и взял ее в руки. На ней было вытеснено золотом: «Адреса». На первой странице совсем еще детским почерком выведено: «Сьюзан Крэндэлл». В книжке я обнаружил имена и адреса трех девушек и одного юноши — Джерри Килпатрика. Мне стало вдруг ясно, о чем плакала мать Сьюзан. Их семейство — сиротливое трио — жило в этом богатом доме на престижной улице, точно актеры на голливудской съемочной площадке. Теперь им предстояло существовать в этом мифическом мире вдвоем.

Мои размышления прервала миссис Крэндэлл, внезапно вошедшая в комнату. Она умылась, причесалась и привела в порядок лицо — все это было сделано быстро и умело.

— Простите меня, мистер Арчер. Я не хотела этого срыва.

— Такого мало кто хочет. Но иногда это бывает полезно.

— Не для меня. И не для Лестера. Он очень эмоционален, хотя по нему этого не скажешь... и любит Сьюзан. — Она приблизилась к столу. Я ощущал ее горе, точно запах духов. Она была из тех женщин, которые не теряют женственности в любых, даже самых трудных ситуациях. — Вас кто-то ударил по голове? — спросила она.

— Джерри Килпатрик.

— Кажется, мое первое впечатление о нем было ошибочным.

— Как и мое. Что мы будем делать со Сьюзан, миссис Крэндэлл?

— Я не знаю, что делать. — С глубоким вздохом она машинально перелистала книжку с адресами. — Я уже говорила с ее знакомыми девушками, включая и этих, из записной книжки. Но ни с одной из них Сьюзан не была по-настоящему близка. Они просто ходили вместе в школу, играли в теннис...

— Не слишком увлекательная жизнь для восемнадцатилетней девушки.

— Да, я понимаю... Я не раз предлагала ей заняться чем-нибудь еще, но из этого ничего не вышло. Она боялась.

— Боялась чего?

— Не знаю. Я все время будто чувствовала, что она сбежит. Так и случилось.

Я попросил у миссис Крэндэлл разрешения осмотреть комнату дочери.

— Пожалуйста, я не возражаю. Только не говорите Лестеру. Он этого не одобрит.

Она проводила меня в большую комнату со скользящей стеклянной дверью, которая выходила во внутренний дворик. Несмотря на внушительные размеры, комната казалась до отказа забитой вещами. Кровать и туалетный столик, предметы из слоновой кости с золотой инкрустацией соседствовали со стереоустановкой и телевизором. Здесь же стоял рабочий стол. На нем — белый телефонный аппарат. Вся обстановка напоминала жилище избалованного пленника, которому предстояло провести на этом пятачке всю жизнь.

Стены были увешаны расхожими психоделическими афишами и плакатами с изображением поющих юнгов, что еще больше подчеркивало царившее в комнате молчание. Не было ни фотографий, ни каких-либо других следов людей, с которыми девушка дружила или просто была знакома.

— Видите, — обратилась ко мне мать. — Мы дали ей все. Но оказалось, что это не то, чего она хотела.

Она распахнула дверцу шкафа. В нем висело множество пальто и платьев, словно маленькая армия девушек устроила в квартире вещевой склад. Сильно пахло саше. Выдвижные ящики шкафа были доверху заполнены свитерами, футболками, другой одеждой. Ящик туалетного столика забит косметикой.

На рабочем столе лежал открытый телефонный справочник. Я сел в стоявшее рядом мягкое кресло и включил настольную лампу. Справочник был открыт на разделе «Мотели». В самом низу правой страницы значился мотель «Звезда».

Я решил, что это не могло быть простым совпадением, и спросил миссис Крэндэлл, известно ли ей что-нибудь об этом мотеле. Но ни название мотеля, ни мое описание Эла ничего не говорили ей.

Я попросил дать мне одну из последних фотографий

¹ Психоделия — ощущение мира через наркотический транс.

Сьюзан. Миссис Крэндэлл пригласила меня в другую комнату, которую она назвала швейной, и протянула мне небольшую фотографию выпускного класса. Милая белокурая девушка взглянула на меня чистыми голубыми глазами, казалось, ей не было суждено ни состариться, ни умереть.

— Я тоже когда-то была такой.

— Вы и сейчас мало изменились.

— Ну, вам бы посмотреть на меня, когда я была выпускницей...

В ее словах не было бахвальства. Уловил в них скрытую озабоченность и тревогу, и сказал:

— Не отказался бы взглянуть. А где вы учились?

— В Санта-Тереза.

— Значит, поэтому Сьюзан поехала туда?

— Не думаю.

— У вас есть родственники в Санта-Тереза?

— Уже нет.— Она заговорила о другом.— Если вам удастся узнать что-то о Сьюзан, обещайте, что сразу же сообщите нам.

Я пообещал, и она протянула мне фотографию дочери, словно скрепляя договор. Я сунул фото в карман, где уже лежала книга в зеленом переплете, и вышел из дома. Тени от пальм чернели на тротуаре и на крыше моей машины, словно разбрызганная кем-то темная жидкость.

15

Мотель «Звезда» был выстроен на узком шумном пяточке между автострадой и морем. Задняя часть здания опиралась на сваи. Его желтые оштукатуренные стены и висевшую над входом старенькую табличку с надписью «Места есть» освещали яркие огни расположенной рядом круглосуточной станции обслуживания.

Я вошел в вестибюль и нажал на кнопку звонка у конторки дежурного. Из задней комнаты, шаркая ногами и зевая, вышел мужчина с заспанным лицом. Щурясь от света, он обратился ко мне:

— На одного или на двоих?

Я объяснил ему, что ищу знакомого и начал описывать Эла. Не дав мне закончить, он возмущенно затряс головой и, чуть не задыхаясь от гнева, заявил:

— Вы не имеете права будить меня по такому поводу. Здесь не бордель!..— Я молча положил на стойку двухдолларовую бумажку. Он проглотил свой гнев и взял деньги.— Благодарю. Ваш друг и его жена в седьмом номере.

Я показал ему фото Сьюзан.

— Она была здесь?

— Возможно.

— Вы ее видели или нет?

— А что она натворила?

— Ничего не натворила. Просто сбежала из дома.

— Вы ее отец?

— Знакомый, — отрезал я. — Так она была здесь?

— По-моему, да. Дня два назад. После этого я ее не видел... Но, — он криво усмехнулся, — за два доллара вы и так узнали достаточно.

Я попрощался и пошел по огражденной перилами галерее. Внизу безутешно бились о сваи волны. Свет неоновых ламп станции обслуживания плыл по воде, точно пятна разлитого бензина.

Я постучал в дверь. Металлическая табличка с номером «7» задребезжала. Узкая полоска света, идущего из комнаты, расширилась, и показалось лицо женщины. Увидев меня, она попыталась захлопнуть дверь, но я, быстро просунув в щель руку и плечо, вошел внутрь.

— Убирайтесь отсюда, — потребовала она.

— Я только хотел задать вам пару вопросов.

— Сожалею, но ничем не могу помочь, — она говорила совершенно серьезно. — Бывают дни, когда я не могу вспомнить даже, как меня зовут. — Голос ее звучал глухо, лицо казалось безжизненным и пустым, несмотря на огромные глаза и чувственный рот.

Ее возраст не поддавался оценке. Она куталась в широкий розовый стеганный халат, и я никак не мог решить, кто передо мной — хорошо сохранившаяся пожилая женщина или не первой свежести девушка. В ее темных глазах, как в дальних углах комнаты, куда не доходит свет, ничего нельзя было разглядеть.

— Как вас зовут?

— Элиджент.

— Какое удивительное имя.

— Спасибо. Я сама его выбрала однажды, когда чувствовала себя соответственно. С тех пор я уже давно так себя не чувствую...

Она обвела взглядом комнату, словно винила в этом окружающие ее предметы. С кровати свисало мягкое покрывало. На столе стояли пустые бутылки и тарелка с надкусанными бутербродами. На спинках стульев в беспорядке висела и лежала одежда.

— Где Эл? — спросил я.

— Он должен был уже прийти, но еще не пришел.
— Как его фамилия?
— Эл Нестер — так он себя называет.
— Откуда он?
— Мне не разрешают болтать об этом.
— Почему?
— Она досадливо поморщилась.
— Вы задаете слишком много всяких вопросов. С чего бы это, а?

Вместо ответа я снова спросил.
— Как давно Эл ушел отсюда?
— Давно... Я точно не помню. Я не обращаю внимания на время.

— Когда он уходил, он был в парике и с бородой?
Она изумленно уставилась на меня.
— Он не носит ничего такого...
— Вы точно знаете?

В ее глазах мелькнул интерес и даже нечто, похожее на гнев.

— Что? В чем дело?! Вы намекаете, на то, что он изменяет мне?

— Возможно. Когда я видел его сегодня вечером, на нем был черный парик и такого же цвета борода.

— Где это вы его видели?

— В Нортридже.

— Вы тот человек, который обещал ему деньги?

— Я представляю его интересы.

Это было почти правдой. Я действовал в интересах жены Стенли Бродхерста. Но этот ответ вызвал во мне странное чувство, точно я стал посредником между двумя покойниками.

Ее глаза снова вспыхнули.

— Вы принесли ему тысячу?

— Не так много.

— Можете оставить мне то, что принесли.

— Думаю, этого делать не стоит.

— Тогда дайте мне хотя бы на выпивку.

— Сколько?

— На двадцать долларов я смогу протянуть весь сегодняшний вечер и целый день завтра.

— Я подумаю. Я не уверен, выполнил ли Эл свою часть уговора.

— Если вы в курсе дела, то должны знать, что да. Он уже несколько дней мотается здесь: ждет, чтобы ему заплатили. Сколько еще по-вашему, он должен ждать?

Я не стал говорить ей, что теперь Эл уже ничего не ждет, вместо этого решил потянуть время еще немного.

— Но я не уверен, что его товар стоит таких денег.

— Не темните. Сумма была оговорена заранее.— Она сощурила глаза.— А вы точно от этого человека? Как его зовут?.. Бродмэн?

— Бродхерст. Стенли Бродхерст.

Она с облегчением опустилаcь на край кровати. Не дожидаясь, пока она опять что-нибудь заподозрит, я протянул ей фото Сьюзан, которое мне дала миссис Крэндэлл. Она взглянула на него с выражением благоговейного почтения и вернула мне.

— Почти такой же красоткой я была когда-то.

— Не сомневаюсь в этом, Элиджент.

Звук собственного имени понравился ей, лицо расплылось в улыбке.

— Это было не так давно, как вы думаете.

— Охотно верю. Вам знакома эта девушка?

— Я видела ее один или два раза.

— Давно?

— Кажется, недавно. Я не обращаю внимания на время, у меня и так забот хватает. По-моему, она была здесь дня два или три назад.

— Что она здесь делала?

— Об этом спросите у Эла. Он выставил меня за дверь. Но я не ревнива. Это, пожалуй, мое единственное достоинство.

— Эл переспал с ней?

— Может, и так. Это на него похоже. Но в основном он пытался у нее что-то выведать. Он велел мне добавить ЛСД в кока-колу, чтобы у нее развязался язык.

— О чем она рассказывала?

— Не знаю. Он ее куда-то увел, и больше я ее не видела. Но мне сдается, что это как-то связано с делом Бродхерста... Эл только об этом и думал всю последнюю неделю.

— В какой день она была здесь? В четверг?

— Так сразу я не вспомню. Подождите, сейчас прикину...— Она беззвучно задвигала губами, словно подсчитывая, сколько времени прошло между тем и сегодняшним днем. Я прислушался к ее несвязному бормотанию.— В воскресенье мы уехали из Сака, это я помню точно...— рассуждала она сама с собой.— Потом он потащил меня в Сан-Франциско по этому объявлению... Ночь мы провели

там, а утром в понедельник приехали сюда... Или это было в четверг? Какой у нас сегодня день?

— Суббота. Точнее, уже воскресное утро.

Она растопырила пальцы и, словно держа перед глазами тени прошедших дней и ночей, принялась считать снова.

— Я думаю, это было в среду,— наконец заключила она.— Он пришел сюда и сказал, что мы сможем выехать за границу еще до субботы. Это был крайний срок.— Она снова с подозрением покосилась на меня.— Где деньги? Куда вы их дели?

— Их еще не заплатили.

— Когда мы их получим?

— Не знаю. Я даже не знаю, за что Эл должен был их получить.

— Ну, тут все просто,— сказала она.— Это касалось того парня и его девицы. Эл должен был установить их местонахождение. Вы сами должны все знать, если работаете на Бродхерста.

— Бродхерст не все мне доверяет.

— Но вы же видели объявление в «Кроникл»?

— Еще нет. У вас не сохранился экземпляр?

Такой поворот разговора показался ей неожиданным. Лицо ее замкнулось.

— Может, да, а может, и нет. Что я получу за это?

— Обещаю, что сколько-нибудь обязательно получите. Но если объявление было в «Сан-Франциско Кроникл», его ведь могли прочесть тысячи людей. Нет ничего страшного в том, что вы покажете его еще и мне.

Она долго обдумывала мое предложение. Потом достала из-под кровати потертый чемодан и протянула мне затертую газетную вырезку. На двух колонках высотой шесть дюймов было напечатано объявление с фотографиями, которые я нашел в бюро Стенли Бродхерста. Текст под фотографиями был несколько изменен.

«Вы знаете эту пару? Под именем мистера и миссис Ральф Смит они прибыли в Сан-Франциско на автомобиле, предположительно 5 июля 1955 года. По некоторым данным, они купили билет до Гонолулу и отбыли через Ванкувер на борту «Свонси Касл». Однако не исключено, что они и по сей день находятся в районе Бухты. Тому, кто сообщит об их местонахождении, будет выплачено вознаграждение в 1000 долларов».

Я повернулся к женщине, назвавшейся Элиджент.

— Так где они?

— Не спрашивайте. — Она передернулась, как от озноба, и розовый халат свалился с плеч. Она натянула его на себя и закуталась поплотнее. — По-моему, женщину я видела.

— Когда?

— Вот это я и пытаюсь вспомнить.

— Как ее зовут?

— Этого Эл мне не говорил. Он мне вообще ничего не говорил. Просто по пути сюда мы останавливались в ее доме, и я видела ее лицо, когда она открывала дверь. Конечно, она постарела, но я уверена, что это та самая женщина. — Немного подумав, она добавила, — а может, и не та. Вроде бы, это у нее Эл прихватил эту вырезку.

— Вы имеете в виду объявление?

— Ну да. Этого ведь быть не могло? Или он обманул меня?.. А может быть, я сама что-нибудь путаю...

— Вы можете сказать мне, где ее дом?

— Это стоит денег, — вдруг заупрямилась она.

— Сколько вы хотите?

— В объявлении сказано — тысяча. Если я возьму меньше, Эл убьет меня.

— Эл больше никогда не вернется сюда.

Поймав мой взгляд и не сводя настороженных глаз, она быстро спросила:

— Вы хотите сказать, что он мертв?

— Да.

Она зябко поежилась, словно весть о смерти Эла обдала ее холодом.

— Я всегда знала, что нам не добраться до Мексики, — обреченно вымолвила она. Потом, бросив в мою сторону ледяной взгляд, точно змея, которая уже не может ужалить, спросила. — Это вы его убили?

— Нет.

— Полицейские?

— Почему вы так решили?

— Он был в бегах. — Она обвела глазами комнату. — Мне надо убираться отсюда, — добавила она, но не пошевелилась.

— Откуда он сбежал?

— Из тюрьмы. Он проговорился об этом однажды, когда обалдел от наркотиков. Я бы его бросила при первом же удобном случае. — Она поднялась, махнув рукой в бессильной злобе. — Где мой «фольксваген»?

— Скорее всего, в полиции.

— Мне надо выбраться отсюда. Возьмите меня с собой?

— Нет. Вы можете уехать на автобусе.

Она обозвала меня несколькими словами, но меня это мало задело. Увидев, что я направляюсь к выходу, она двинулась следом.

— Сколько вы мне дадите?

— Ну уж не тысячу.

— Сто? Этого мне хватит, чтобы вернуться в Сак.

— Вы из Сакраменто?

— Там живут мои родители, но они не хотят иметь со мной дела.

— А где родители Эла?

— У него нет родителей. Он вырос в приюте.

— Где?

— В каком-то городке, к северу отсюда. Мы еще там останавливались по пути сюда. Он мне показывал этот приют.

— Вы останавливались, чтобы посмотреть приют?

— Вы все перепутали, — она снисходительно махнула рукой. — Он показал мне приют, когда мы проезжали мимо по автостраде... Там мы не останавливались. Мы останавливались в городе, чтобы достать денег на бензин и еду.

— В каком городе?

— Ну в одном из этих... Санта... Кажется, в Санта-Тереза.

— И где вам удалось достать денег на бензин?

— Эл занял их у одной старушонки. Она дала ему двадцать долларов. Эл знает, как подъехать к старушкам.

— Вы можете ее описать?

— Вряд ли... Обыкновенная старуха, живет в маленьком старом домишке, на тихой улице... Там еще были деревья с лиловыми цветами.

— Джакаранды?

— Да, — она кивнула. — Цветущие джакаранды.

— А звали ее случайно не миссис Сноу?

— Вроде так.

— А где живет та женщина, о которой было объявление в газете?

На лице ее снова появилось то же глуповатое выражение, словно она говорила: «Меня не проведешь!»

— Это стоит денег. Так-то вот!

— Даю пятьдесят долларов.

— Хотелось бы сначала получить их.

Я достал бумажник и протянул ей чаевые, полученные

от Френ Армстед. Я был рад избавиться от этих денег, но внутри, как и в прошлый раз, возникло чувство неловкости, словно я платил наличными за эту комнату, и за ее обительницу.

Женщина поцеловала деньги.

— Я знаю, как их потратить. Это мой билет отсюда. — Она оглянулась вокруг словно окружавшие ее вещи были частью привидевшегося ей ночного кошмара.

— Вы собирались сказать мне, где живет та женщина.

— Разве? — Она неуклюже попыталась уйти от прямого ответа. — Она живет в большом старом доме, в лесу.

— Вы это только что выдумали.

— Нет.

— О каком лесе идет речь?

— Где-то на полуострове. Я точно не запомнила. Я не смотрела на дорогу, а представляла, что путешествую по Эйнштейну.

— По Эйнштейну?

— Это когда летишь все вперед и вперед, до самой последней звезды, а земное пространство петляет сзади...

— Где именно на полуострове?

Она мотнула головой, как встряхивают часы, которые остановились.

— Не могу вспомнить. Эти маленькие городишки шли один за другим... Нет, не помню, в каком.

— Как выглядел дом?

— Очень старый, двухэтажный... Или трех?.. С круглыми башенками с каждой стороны. — Она выставила вперед руки с поднятыми вверх для наглядности большими пальцами.

— Какого цвета?

— Кажется, серого. Сквозь деревья он показался мне серо-зеленым.

— Что за деревья?

— Дубы, — ответила она. — И несколько сосен. Но больше дубов.

Я сделал паузу.

— Что-нибудь еще вам запомнилось?

— Вроде больше ничего. Меня, можно сказать, там и не было. Я летала рядом с Арктуром и смотрела оттуда. Хотя постойте... Ну да! Там еще под деревьями бегала собака. Датский дог... Она изумительно лаяла. — Она гавкнула несколько раз, подражая собаке.

— Собака была из этого дома?

— Не знаю. Не уверена. Тогда я подумала, что она ведет себя так, будто потерялась. То, что я говорю, вам поможет?

— Возможно. Когда это было?

— Наверное, в воскресенье. Я ведь сказала, что было воскресенье, когда мы уехали из Сака?

— Не много же я узнал за свои пятьдесят.

Она опешила, испугавшись, что я заберу деньги назад.

— Если хотите, можете переспать со мной.

Не дожидаясь ответа, она встала и сбросила на пол розовый халат. Ее юное тело с высокой грудью и тонкой талией казалось даже чересчур стройным. Правда, на руках и бедрах темнели синяки, как нашивки за тяжелую службу. Она оказалась не первой свежести девушкой. Она смотрела мне прямо в лицо. Не знаю, догадалась она, о чем я подумал или нет.

— Эл помал меня немного, — словно извиняясь, произнесла она. — Он совсем одичал в тюрьме. Я вижу, вы меня не хотите?

— Спасибо. У меня был тяжелый день.

— И с собой вы меня не возьмете?

— Нет. — Я протянул ей свою служебную визитную карточку. — Можете позвонить мне, если вспомните еще что-нибудь.

— Вряд ли. У меня голова, как решето.

— Или если вам понадобится помощь.

— Помощь мне всегда нужна. Только не думаю, что вы станете со мной разговаривать.

— Попытаюсь.

Положив руки мне на плечи, она приподнялась на цыпочки и скользнула по моим губам своим большим мягким ртом.

Я вышел на улицу, вложил объявление Стенли Бродхерста в книгу с зеленой обложкой и запер ее в багажнике. После этого я сел в машину и отправился домой.

Прежде чем лечь в постель, я позвонил в справочное своего агентства. Арни Шипстед оставил для меня информацию. Убитого, которого я обнаружил в доме Стенли Бродхерста, звали Элберт Суитнер. Он недавно сбежал из тюрьмы Фолсом. За ним числилось около десятка арестов. Впервые он был арестован в Санта-Тереза, штат Калифорния.

Только глубокой ночью мне удалось сломить себя ударной дозой виски, и я заснул.

Мне снилось, что я срочно должен куда-то ехать, но у моей машины почему-то не было колес и даже руля. Я сидел в ней, как улитка в своем домике, и смотрел на проносающуюся мимо ночную жизнь.

Проснулся я оттого, что в спальне стало светло. Лежа в постели, я прислушивался к шуму ранних машин. Защебетали птицы. Когда совсем рассвело, на мое окно стали с громким писком пикировать сойки. Я совсем забыл про них. От их необычно резкого писка я даже поежился под простыней, как от холода. Потом, отбросив ее, я встал и оделся.

В кухонном шкафу у меня осталась последняя банка орехов. Я бросил горсть через окно и стал наблюдать за тем, как сойки устремились вниз. Это было похоже на голубой взрыв — наоборот, который вмиг соединил воедино мир, разбитый на мелкие кусочки недавними событиями.

Правда, не хватало главного. Я побрился и вышел из дома, намереваясь позавтракать и снова отправиться по своим делам.

Я не ожидал, что так скоро увижу огонь над автострадой. Горело всего лишь в нескольких милях от Санта-Тереза. Огонь опустошил южные и восточные склоны гор, там все было черным, и только границу пожара высвечивали яркие языки пламени. Ветер, что дул всю ночь с моря, казалось, приостановил наступление огня на прибрежную равнину и город. Направление ветра пока не менялось. Там, где дорога подходила близко к воде, я увидел белую пену и уловил шум прибоя.

Я остановил машину у пляжного домика Армстедов. Прилив был высокий, а набегающие на берег волны тихо плескались у основания свай, поддерживающих дом. Я постучал в знакомую дверь.

Открыла мне Френ Армстед. Она была в пижаме. Лицо казалось заспанным, а прическа напоминала всклоченные перья.

— Мы с вами, кажется, знакомы? — Голос звучал приветливо.

— Я — Арчер, — подсказал я. — Пригнал вам машину, а потом мы вместе бежали от пожара.

— Точно. Забавно быть беженцем, да?

— Может быть, только первый раз. Ваш муж здесь?

— Нет, его нет. Он ушел очень рано.

— Вы не знаете, куда?

— Наверное, он на эспланаде. Роджер ужасно переживает из-за яхты. Когда утром ему позвонил мистер Килпатрик, Роджер еще не знал, что она исчезла.

— Значит, до этого ему никто не говорил?

— Нет. Пока он был дома, ничего не было известно. Роджер страшно сердит на сына Килпатрика. Я не знаю, что он с ним сделает, когда поймает.

— Роджер и Джерри Килпатрик были близки?

Она выразительно взглянула на меня.

— Не в том смысле, как вы думаете. Роджер — настоящий мужчина.

Она зябко поежилась и обхватила себя руками за плечи. Доехав до эспланады, я оставил машину на полупустой стоянке. Было раннее утро. Через проволоочный забор было видно, что слип «Ариадны» пустует. Там, как изваяние, стоял Роджер Армстед и смотрел в море. Чуть поодаль стоял Брайан Килпатрик. Похоже было, что они поссорились.

Наконец, заметив меня, Килпатрик поднялся по сходням и открыл калитку. На нем был вчерашний костюм. Я подумал, что, он, возможно, спал прямо в одежде или не спал вовсе.

— Хочу предупредить, Армстед в ужасном настроении, — негромко сказал Килпатрик. — В том, что произошло, он обвиняет меня. Но черт возьми, я почти не видел Джерри последние месяцы! Он совсем меня не слушает. Армстед, можно сказать, усыновил его. Так что, я тут ни при чем. — Он повел могучими плечами, словно пытался освободиться от груза ответственности за сына.

— Как вы полагаете, куда Джерри повел яхту?

— Представления не имею. Я — не яхтсмен. Это и стало одной из причин того, что Джерри увлекся этим делом. Если бы меня интересовало море, он стал бы играть в гольф.

Килпатрик сильно сдал за ночь. Голос его звучал почти жалобно.

— И все же: на север или на юг? — продолжал настаивать я.

— Скорее на юг. Эти воды он не знает. Может быть, пошел к островам? — Он махнул рукой в сторону моря, где на горизонте, похожие на голубых китов, виднелись острова. Между ними и берегом было расстояние миль двадцать.

— Вы сообщили шерифу?

Он недоуменно взглянул на меня.

— Нет.

— Вчера вечером вы сказали, что позвоните ему.

— Я пытался, честное слово. Но он был на пожаре. Он и сейчас там.

— Но должны же были быть дежурные.

— Вы правы, но они все сейчас озабочены только пожаром. Они предотвращают большую беду...

— И Джерри тоже в беде.

— Нет нужды напоминать мне об этом. Он — мой сын. — Килпатрик поднял на меня испытующий взгляд. — Сегодня утром мне то же самое говорил Крэнделл. Насколько я понял, вы ездили к нему после нашего разговора.

— И что же ему понадобилось вам сказать?

— Он, разумеется, валит всю вину на Джерри. Если в деле замешана девушка, всегда и во всем винят парней. Крэнделл говорит, что до этого случая у них не было причин волноваться из-за дочери. В это трудно поверить.

— Пусть верит, если может. Мне показалось, они с женой не очень-то понимали дочь. — В моем сознании, как в стереокадре, возникли две картинки: Сьюзан одна в своей комнате и в мотеле «Звезда» с Элом Суитнером.

— Лучше бы вы не ездили к Крэнделлу, — обиженно сказал Килпатрик. — Это все усложняет. Если он захочет, то может доставить мне много неприятностей.

— Прошу прощения, но я занимаюсь своим делом.

— Вашим?

— Ну хорошо, давайте заниматься им вместе. Если вы подождете меня несколько минут, то мы разыщем вашего друга шерифа. Так как?

— Едем, раз вы предлагаете.

Оставив Килпатрика у калитки, я приблизился к стоящему ко мне спиной Армстеду и обратился к нему. Он не спеша обернулся. Лицо его было расстроенным и злым, но он держал чувства в кулаке. На нем была кепка яхтсмена и блейзер. На шее — завязанный галстуком платок.

— Почему вы не сказали мне об этом вчера вечером? Может случиться так, что нам не удастся ее вернуть. — Армстед говорил о пропавшей яхте, словно потерял любимую женщину или мечту о ней. — Она может сейчас находиться за сотни миль отсюда или даже на дне моря.

— Вы сообщили в береговую охрану?

— Да. Они будут иметь ее в виду. Но в их обязанности не входит искать украденные лодки.

— Это не просто кража, — уточнил я. — Полагаю, вам

известно, что на борту находятся девушка и маленький мальчик.

— Килпатрик сказал мне об этом.— Армстед зажмурился, словно увидел что-то безобразное. Потом потер кулаками глаза и снова повернулся ко мне спиной.

Волны шумным зеленым потоком перехлестывали через волнорез. Даже здесь, на эспланаде море было беспокойным. Вода поднимала и опускала плавающие мостки под нашими ногами. Все вокруг ходило ходуном, точно вытаскивали какую-то важную деталь и мир пришел в движение, ускоряясь все сильнее.

Армстед двинулся в дальний конец мостка, уходящий в море. Я пошел за ним. Он явно был молчуном. Но я надеялся, что он все же заговорит.

— Насколько я могу судить, Джерри — ваш хороший приятель.

— Был. Мне не хотелось бы говорить об этом.

Не обращая внимания на его слова, я продолжал:

— Я вовсе не упрекаю вас в том, что вы позволили себя обмануть. Я сам в таком же положении. Вчера вечером он ударил меня револьвером по голове. Скорее всего, это был револьвер 38 калибра.¹

После недолгого молчания он отозвался.

— У меня был такой на борту.

— Значит, он его забрал.

— Выходит так. Я тут не при чем.

— Вот и Килпатрик говорит, что он не при чем. Все не при чем... Я пытаюсь выяснить мотивы, которые движут Джерри. Как вы думаете, что он задумал?

— Он, видно, решил крушить все подряд.

— Лучше бы вы ошибались.

— Он нарушил данное мне слово! — Армстед негодовал от обиды на это предательство.— Я доверил ему свою яхту. Разрешил ему жить на борту все лето...

— Почему?

— Ему негде было... Я имею в виду не просто угол, где можно ночевать, а место, которое помогло бы ему найти себя. Я полагал, что таким местом может стать для него море.— Он помолчал, потом заговорил снова.— Когда мне было столько же лет, сколько Джерри сейчас, я бредил яхтами. Я жил ими, если хотите знать. Мне, точно так же, как и Джерри, была противна сухопутная жизнь. Больше всего на свете мне хотелось быть там,— он махнул рукой

¹ 38 калибр — ок. 9,65 мм.

в сторону моря,— с ветром и водой. Чтобы было только море и небо. Понимаете?

Как и многие неразговорчивые люди, Армстед был склонен выражаться высокопарно. Чтобы он снова не замолчал, я задал ему наводящий вопрос:

— Где вы тогда жили?

— Недалеко от Ньюпорта. Там я встретил свою жену. Я был в команде яхты ее покойного мужа.

— Кажется, Джерри тоже познакомился со Сьюзан в Ньюпорте.

— Возможно. Мы ходили туда на яхте. В июне.

Я протянул ему фотографию девушки, но он отрицательно покачал головой.

— Насколько мне известно, он не приводил девушек на борт. Ни эту, ни какую-нибудь другую.

— До этого четверга? Вы это имеете в виду?

— Да.

— Что же все-таки произошло в четверг ночью? Я хотел бы это выяснить.

— Я тоже. Рассказывали, что она одурела от наркотиков, влезла на мачту и прыгнула в воду. При этом едва не ударилась об одну из опор. Это было перед самым рассветом в пятницу.

— Как я понял, Джерри — наркоман?

Его лицо стало замкнутым.

— Мне об этом ничего не известно.

— Его отец не отрицает, что сын употреблял наркотики.

Армстед взглянул в сторону калитки. Килпатрик все еще стоял там.

— Тысячи людей употребляют наркотики,— сказал он.

— Это может оказаться важным.

— Ну хорошо,— сдался он.— Я пытался этому воспрепятствовать, но... Он принимает стимулирующие пилюли и еще какие-то сильные наркотики. Отчасти поэтому я и позволил ему жить на яхте.

— Не понимаю...

— На борту у него было меньше шансов попасть в беду. По крайней мере, мне так казалось.— Лицо моего собеседника снова помрачнело.

— Вы очень привязаны к этому юноше?

— Я старался быть ему отцом... или старшим братом. Я знаю, что это звучит сентиментально. Но он казался мне хорошим парнем, несмотря на наркотики. В конце концов, какое это имеет значение?

— Я думаю, у этой девушки, Сьюзан, было что-то вроде нервного срыва. Она могла вчера убить человека. Вы ведь слышали об убийстве?

— Нет. Не слышал.

— Жертвой стал мужчина по имени Стенли Бродхерст.

— Я знаю некую миссис Бродхерст, которая живет здесь недалеко.

— Это его мать. Вы с ней хорошо знакомы?

— Мы практически ни с кем из живущих здесь хорошо не знакомы. Я больше общаюсь с теми, кто работает в гавани. У Френ свои друзья...

Он окинул пристальным взглядом гавань, словно моряк, который ушел в юности в море и никогда больше не возвращался на берег. Затем он посмотрел на город, и на его лице появилось выражение неприятия и непонимания. Дома, будто сделанные из дыма и тумана, висели, словно мираж, между беспокойной водной гладью и выгоревшими дочерна горами.

— Меня ничто не связывает с этим. Армстед махнул рукой в сторону городских кварталов.

— Только Джерри,— напомнил я.

Он нахмурился.

— С Джерри все кончено.

Мне хотелось сказать ему, что все не так просто. Настоящий отец Джерри, кажется, уже понял это.

17

Килпатрик по-прежнему стоял у калитки. Он походил на подозреваемого, которого вот-вот выпустят на волю из-под ареста.

— Ну что, Армстед вне себя? Он подаст в суд на Джерри?

— Вряд ли. Он больше расстроен, чем разгневан.

— Уж если кто-то расстроен, так это я,— возразил Килпатрик.

Я решил сменить тему.

— Вы не знаете, где должен быть сейчас шериф Три-мейн?

— Я знаю, где он был час назад. В главном штабе по тушению пожара. Он расположен на территории колледжа.

Килпатрик вызвался показать туда дорогу. Он ехал впереди на новом черном «кадиллаке», за ним — я на издавшем виды «форде». Мы двинулись к восточной окраине города, чтобы потом выехать на окружную дорогу,

которая вела по уже выгоревшей местности к подножию гор. Проехав мимо здания Лесничества, где за высоким забором ремонтировали автоцистерны и трактора, мы, наконец, добрались до места.

У двустворчатых железных ворот нас остановили, хотя ворота были открыты. На одном из железных столбов висела табличка: «Колледж Санта-Тереза». Остановивший нас лесник узнал Килпатрика и разрешил нам проехать, сообщив, что шериф находится на стадионе с начальником пожарной службы. Я спросил его о Джо Келси. Оказалось, что он уехал незадолго до нашего приезда на грузовике заместителя коронера.

Мы с Килпатриком припарковались за трибунами стадиона. Я достал из багажника книгу в зеленой обложке, положил ее в карман куртки, и мы пошли, лавируя между автомобилями официальных лиц и грузовыми машинами, прибывшими из разных концов Южной Калифорнии и из Тегачаписа, лежащего близ мексиканской границы.

Стадион напоминал место сосредоточения войск перед переброской в район боевых действий. На овальном зеленом поле, опоясанном гаревой дорожкой, сидились и взлетали пузатые вертолеты. словно не слыша их оглушительного рева, на траве, закрыв глаза, лежали парашютисты-пожарники с перепачканными сажей лицами. Среди них были индейцы, чернокожие и побывавшие в переделках белые — несгибаемые работяги, которым нечего терять кроме своих спальных мешков и жизней.

Мы нашли шерифа Тримейна у серого трейлера, служившего командным пунктом. Шериф-коронер оказался полным мужчиной, в стетсоновской шляпе и форме бежевого цвета, туго обтянувшей изрядный живот. Кожа на его лице висела складками, как подгрудок ищейки, и это делало его улыбку немного странной. Он поприветствовал Килпатрика традиционным рукопожатием политиков, левой рукой придерживая его за локоть.

— Чем могу быть полезен, Брайан?

Прокашлявшись, Килпатрик деревянным голосом неуверенно начал:

— Мой сын, Джерри, попал в беду. Он взял яхту Роджера Армстеда и ушел в открытое море с девушкой.

На лице шерифа вновь появилась его странная улыбка.

— Ну, это не беда. Вернется!

— Я думал, что ты мог бы оповестить людей вдоль побережья.

— Наверное, мог бы, если бы разорвался надвое. По-

слушай, Брайан, свяжись сам с соответствующими службами в округе. Нам предстоит за двадцать четыре часа перенести отсюда базу, да кроме этого я слышал, что у нас убили человека.

— Стенли Бродхерста? — спросил я.

— Да, сэр. Вы его знаете?

— Я был с Джо Келси, когда нашли его тело. Девушка, которую упомянул мистер Килпатрик, может быть важным свидетелем по этому делу. Вместе с нею и Джерри на яхте находится сын Стенли Бродхерста.

Тримейн попытался собраться с мыслями, но было видно, что он слишком утомлен и уже не способен на это.

— Что вы хотите, чтобы я сделал?

— Чтобы вы объявили розыск, как предлагает Килпатрик, особенно во всех прибрежных городах и портах. Угнанная яхта называется «Ариадна», — я произнес название по буквам. — У вас есть авиаразведка?

— Да, но летчики-добровольцы загружены до предела.

— Вы могли бы послать один самолет на облет острова. Возможно, они бросили якорь там. — С того места, где я стоял, острова хорошо просматривались на фоне безбрежной водной глади.

— Ладно, я подумаю, — согласился шериф. — Если вам еще что-нибудь понадобится, обращайтесь к Джо Келси. Он имеет все полномочия.

— Шериф, и еще одно дело...

Превозмогая усталость, он терпеливо склонил голову. Я вынул из кармана книгу и достал из нее объявление Стенли Бродхерста, помещенное в «Сан-Франциско Кроникл». Шериф взял вырезку в руки и стал читать. Килпатрик, придвинувшись к нему, тоже взглянул на нее через плечо. Они оба прочли объявление одновременно и взглянули друг на друга.

— Ну, конечно, — сказал шериф. — Это Лео Бродхерст. А кто эта женщина, Брайан? У тебя зрение лучше.

Килпатрик слотнул слюну.

— Моя жена, — произнес он. — Это моя бывшая жена.

— Я так и подумал, что это Эллен. Где она сейчас?

— Не знаю.

Шериф вернул мне вырезку.

— Это как-то связано со смертью Стенли Бродхерста?

— Думаю, что да.

Я начал было рассказывать Тримейну об убийстве Эла, но он жестом прервал меня.

— Займитесь этим с кем-нибудь другим. С Келси,

например. Сделайте мне это одолжение, вы оба, хорошо? Начальник пожарной охраны рассчитывает закончить переброску до обеда завтра, и я помогаю ему составить план передвижения.

— Куда вы перемещаетесь? — спросил Килпатрик.

— На Бакгорн-Мэдоу, в шестнадцать миль к востоку отсюда.

— Значит, городу больше ничего не грозит?

— Полагаю, что в любом случае к завтрашнему дню он будет в безопасности. Ну худшее еще впереди. — Шериф посмотрел на выгоревший склон горы. — С первым же настоящим дождем на нас обрушится поток грязи.

Шериф открыл узкую дверь трейлера, чтобы войти внутрь. В этот момент я успел разглядеть высокого человека в форменной куртке, склонившегося над картой. У него были светлые волосы скандинава, и вообще он был похож на викинга, который прокладывает будущий маршрут, только не по морю, а по суше.

Я повернулся к Килпатрику.

— Вы не сказали мне, что ваша жена ушла к Лео Бродхерсту.

— Вчера я признался вам, что от меня ушла жена, хотя обычно я не исповедуюсь перед незнакомыми людьми.

— Она и сейчас с Бродхерстом?

— Это мне не известно. Она мне не докладывает.

— Вы развелись с ней?

— Она развелась со мной вскоре после своего ухода.

— И вышла за него?

— Наверное. Мне они не присылали приглашения на свадьбу.

— Где вы оформили развод?

— В Неваде.

— А где она живет сейчас?.. В районе Бухты?

— Не имею об этом ни малейшего представления.

Давайте поговорим о чем-нибудь другом. — Он никак не мог успокоиться. Я чувствовал, что внутри у него все клокочет от гнева и чего-то еще... У него даже голос дрожал. — Вы поступили не очень красиво, показав фотографию шерифу Тримейну.

— Что же в этом плохого?

— Вы поставили меня перед ним в неловкое положение. По крайней мере, показали бы мне ее без свидетелей. Зачем же афишировать мою личную жизнь?

— Простите. Я не знал, что это ваша жена.

Он бросил на меня красноречивый взгляд, словно гово-

ривший, что он не верит ни единому моему слову. Я даже сам засомневался в том, что говорил искренне. Мне начало казаться, что подсознательно я догадывался, кем была эта женщина.

— Позвольте мне еще раз взглянуть на фотографию, — попросил он.

Я протянул ему вырезку. Он стоял и смотрел на нее, не замечая происходящего вокруг, не слыша шума проносящихся над ним вертолетов, словно человек, которому вдруг представилась редкая возможность заглянуть из настоящего в далекое прошлое.

— Где вы ее взяли? — С этими словами он вернул мне вырезку. — У Джерри?

— Нет.

— Стенли Бродхерст подал это объявление в «Кроникл»?

— Возможно, — ответил я. — Вы читали его?

— Не уверен. Что-то не припомню.

— Тогда откуда вам известно, что оно было напечатано в «Кроникл»?

Он спокойно объяснил.

— Очень просто. Я знаю стиль «Кроникл». — Он на мгновение задумался и добавил. — Кроме того, в тексте упомянут Сан-Франциско.

Ответ звучал убедительно, но я все же задал еще один вопрос:

— Почему вы спросили, не Джерри ли дал это объявление?

— Просто у меня возникло такое предположение, — сказал он, криво усмехнувшись. — Мои мысли заняты Джерри, а я знаю, что он читает «Кроникл». Для него Сан-Франциско — это центр вселенной.

— Джерри видел это объявление?

— Может быть. Откуда мне знать?

— А мне кажется, вы знаете, Килпатрик.

Он сжал кулаки, словно хотел меня ударить. Я приготовился отразить удар. Он поднял кулак к своему лицу и принялся пристально разглядывать его, точно маленькое животное, вышедшее из повиновения. В следующее мгновение он резко повернулся и пошел за трибуны торопливой и неуверенной походкой человека, которого вдруг затошнило.

Я двинулся за ним, соблюдая дистанцию. Он прислонился к столбу и опустил голову. Меня поразило выражение его лица — бессилие, граничащее с отчаянием.

Наконец он поднял голову и взглянул на меня. Теперь он выглядел просто усталым.

— Вы задаете трудные вопросы. Почему?

— У вас не так-то просто узнать что-нибудь.

— Неужели? Я рассказал вам почти всю свою жизнь. Ничего интересного в ней нет.

— А по-моему, есть... Вы почти признали, что Джерри видел это объявление. Это могло бы многое объяснить.

— Ничего я не признавал... И что-же, по-вашему, это может объяснить?

— Он мог встретиться со Стенли Бродхерстом и таким образом ускорить события.

— Стенли не нужно было подгонять. Он много лет только этим и занимался. Он так и не смог простить отца за то, что тот бросил их с матерью.

— Вы говорили об этом со Стенли?

— Да.

— А вы говорили ему, что ваша жена ушла с его отцом?

— В этом не было необходимости. Он и так это прекрасно знал. Это всем было известно.

— Кого вы подразумеваете под всеми?

— Да любого. Наша история не была для города тайной. Но я надеюсь, что большинство ее уже забыли.— На лицо Килпатрика снова набежала тень.— Давайте и мы забудем. Я не люблю говорить на эту тему.

— Как ко всему этому относится Джерри?

— Он винит меня... Я уже говорил вам. Ему хочется думать, что мать бросила меня потому, что я этого заслуживал.

— Он когда-нибудь ездил к ней?

— Не знаю. Мне кажется, вы не совсем понимаете... Эллен ушла от меня пятнадцать лет назад и оборвала все связи. Последнее, что я от нее получил, было уведомление о разводе. Да и оно было отправлено ее адвокатом из Рино.

— Как звали адвоката?

— Не могу вам сказать. Прошло столько времени...

Я снова достал книгу, открыл ее на первой странице с изображением павлина и показал Килпатрику.

— Вашу жену в девичестве звали Эллен Строум?

— Да.

— Если Джерри с ней не встречался, тогда откуда у него эта книга?

— Она оставила ее в доме. После нее осталось много вещей.

— Почему она ушла так поспешно?

— Никакой спешки не было. Я чувствовал, что к этому идет. Я вообще никогда не нравился ей. Ей не нравился мой бизнес — в то время я был обыкновенным продавцом домов — не нравилось, что я работаю семь дней в неделю, что постоянно звонит телефон, что нужно быть приветливой со старушками из Дюбука... Эллиен хотелось чего-то возвышенного... романтического. — В его голосе слышался сарказм и горечь.

— Значит ли это, что Лео Бродхерст был... романтиком?

— Не знаю, я не женщина. Хотя, наверное, взгляды Бродхерста отличались от моих.

— Как все началось?

— Бродхерст набрасывался на женщин, как охотник на оленя, выставляя все свои достоинства. Эллиен не стоило воспринимать его слишком серьезно. И его сыну, Стенли, тоже не стоило этого делать. Хотя сейчас я думаю, что Стенли пытался убедить себя в том, что у его отца были веские причины для подобного шага. Он хотел разыскать отца и потребовать объяснений.

— Кто убил Стенли?

Килпатрик выразительно пожал могучими плечами.

— Кто знает? Однако сомневаюсь, что это убийство как-то связано с тем старым делом.

— Почти наверняка связано, — заметил я.

Килпатрик пристально взглянул на меня. Между нами возникло что-то вроде чувства сурового братства. Оно основывалось на том, что от меня тоже ушла жена и так же послала документы о разводе через адвоката. Нас отчасти объединяло то, что мы оба были средних лет, и то, что трое молодых людей вдруг удрали на край света.

— О'кэй, — сдался он. — Джерри читал объявление в «Кроникл». Это было в конце июня. Он узнал свою мать по фотографии и почему-то решил, что я должен что-то предпринять. Я сказал ему, что не надо бередить свои раны, что его мать сама захотела уйти от нас и что нам остается только постараться забыть обо всем.

— Какова была его реакция?

— Он тоже бросил меня. Остальное вы уже знаете.

Килпатрик походил на человека, потерявшего всякий интерес к жизни. Он сел в машину и поехал в сторону ворот. Я пошел в противоположном направлении — в западную часть колледжа.

У края холма брала начало тропинка, которая, извиваясь, вела вниз к обгоревшей рощице, где начался пожар. Там стоял грузовой фургон. Около него возились два человека, на расстоянии они казались совсем крошечными. В одном из них — в том, что двигался очень проворно и быстро, — я узнал Келси.

Я зашагал по тропинке через выгоревший кустарник. Параллельно, но несколько ниже, тянулась проложенная бульдозером противопожарная полоса. Кое-где огню удалось перекинуться через полосу, но его потушили: по эту сторону холма располагался город. Оглянувшись назад, я увидел, что центр пожара уже находится высоко на склоне горы и удаляется в восточном направлении.

Вокруг тропинки валялись обуглившиеся сучья, на земле лежал пепел. Я осторожно обходил места, где еще догорал огонь, прокладывая себе путь вниз, на широкую площадку, где стоял домик Бродхерстов. Домик был деревянный, и от него практически ничего не осталось за исключением нескольких остовов кроватей с торчащими пружинами, плиты и почерневшей желязой раковины.

Я прошел то место, где раньше была конюшня. Обгоревший кузов машины Стенли Бродхерста стоял под открытым небом на дисках колес, глубоко ушедших ободами в пепел оставшийся от сгоревшего дома. Он был похож на реликт древней цивилизации, за многие века пришедший в негодность, уменьшившийся в размерах и уже наполовину похороненный в собственных обломках.

На борту фургона я увидел эмблему шерифа-коронера. Фургон стоял на тропе, ведущей вверх, на основную дорогу. В кабине кто-то сидел, но из-за солнечных бликов я не смог его разглядеть.

Неподалеку за деревьями я заметил копающегося человека в форме. Рядом стоял, наблюдая, Джо Келси. Между ними росла куча земли. Меня уколола неприятная мысль, что процедура погребения и откапывания может повторяться бесконечно.

Из кабины грузовика выбралась Джин Бродхерст и подняла руку, приветствуя меня. Она была все в том же ультрамодном наряде, что и вчера. На сюрреалистическом

фоне сгоревшего леса она напоминала мне овдовевшую Коломбину. На ней совсем не было косметики, бледными казались даже губы.

— Не ожидал увидеть вас здесь,— сказал я.

— Меня попросили поехать, чтобы опознать тело Стенли.

— Кажется, они несколько запоздали с этим.

— Мистеру Келси удалось привезти заместителя коро-
нера только сейчас. Стенли, правда, все равно. Да и мне
тоже.

Она казалась одновременно и возбужденной и собран-
ной, и хладнокровной и готовой сорваться. Мне хотелось
сообщить ей, что я видел ее сына, но я не мог придумать,
как сказать об этом, чтобы не испугать. Вместо этого
я спросил, как дела у ее свекрови.

— Она сильно истощена, но доктор Джером говорит,
что организм у нее сильный.

— Она помнит об этом? — Я кивнул в сторону ко-
павших.

— Сказать по правде, не знаю. Доктор просил меня не
говорить с ней о том, что может взволновать ее.

Джин очень старалась казаться спокойной, но получа-
лось так, будто она хотела успокоить меня. Мы стояли
и смотрели друг на друга, испытывая чувство неловкости,
словно оба знали и скрывали друг от друга какое-то
неприятное известие.

— Я видел Ронни вчера... мельком,— наконец произ-
нес я.

— Что вы хотите этим сказать? Что он мертв? — По ее
потемневшим глазам было видно, что она готова услышать
самую страшную весть.

— Он был цел и невредим.— Я рассказал ей, как это
было.

— Почему вы не сообщили мне об этом вчера?

— Я надеялся принести вам лучшие новости.

— Значит, пока ничего обнадеживающего?

— По крайней мере он жив, и я не заметил следов
плохого обращения.

— Зачем он им понадобился? Что они собираются
с ним делать?

— Это еще предстоит выяснить. Дело оказалось слож-
ным; в нем замешано много людей, и по меньшей мере один
из них — преступник. Вы помните человека, который при-
ходил вчера к вам в дом в Норттридже?

— За деньгами? Разве можно его забыть?

— Он приезжал еще раз, позднее, и проник в ваш дом. Вчера вечером я обнаружил его убитым в кабинете вашего мужа.

— Убитым?

— Его закололи ножом. Кроме членов вашей семьи, у кого-нибудь есть ключи от дома?

— Нет, ни у кого.— Она пыталась прийти в себя после известия о второй смерти.— И труп все еще в доме?

— Нет, его забрали. Я вызвал полицию. Но в кабинете полный разгром.

— Это не имеет значения,— сказала она.— Я решила никогда не возвращаться в этот дом.

— Не лучшее время для такого решения.

— Мне выбирать не приходится.

Равномерный звук вонзавшейся в землю лопаты, доносившийся из рощицы, стих. От неожиданно наступившей тишины Джин вздрогнула и повернулась в ту сторону. Мужчину, что откапывал Стенли, почти не было видно в яме. Когда он стал подниматься наверх с телом на руках, то казалось, что он вырастает прямо из-под земли. Вдвоем с Келси они положили труп на носилки и понесли к нам.

Джин напряженно следила за ними, словно боялась этой встречи. Но когда они поставили носилки на задний откидной борт грузовика, она решительно направилась туда и, не дрогнув, посмотрела в засыпанные землей глаза. Она откинула со лба убитого волосы, нагнулась и поцеловала его. Этот жест показался мне неестественным, будто передо мной была актриса, играющая трагическую роль.

Она немного постояла у тела своего мужа. Келси не беспокоил ее вопросами. Он представил меня заместителю coronера — молодому человеку с серьезным лицом. Его звали Воэн Пэрвис.

— Отчего он скончался, мистер Пэрвис? От ран, нанесенных киркой?

— Я полагаю, что они были нанесены уже потом. Его ударили в бок острым предметом. Скорее всего ножом.

— Нож найден?

— Нет, но я собираюсь продолжать поиски.

— Сомневаюсь, что вы найдете его здесь.

Я рассказал Пэрвису и Келси об убитом, которого я обнаружил в доме Стенли в Нортридже. Келси пообещал, что будет поддерживать контакт с Арни Шипстэдом. Пэрвис, который до этого слушал молча, вдруг взволнованно воскликнул:

— Похоже, тут все хорошо продумано. Наверное, это работа мафии!

Я выразил сомнение, что в этом деле замешана мафия. Келси деликатно сделал вид, что не слышал его слов.

— А что вы думаете об этом убийстве? — обратился ко мне Пэрвис. — Кто пырнул его ножом, а затем размозжил киркой затылок? Кто выкопал эту могилу?

— Главные подозрения, по-моему, падают на девушку, — предположил я.

— Я в это не верю, — заявил Пэрвис. — Земля в этом месте — сплошной известковый суглинок, и вдобавок она засохла, стала твердая, как кирпич. Эта яма по меньшей мере четыре фута в глубину. Не поверю, что ее под силу вырыть какой-то девушке.

— У нее мог быть сообщник. Или Стенли Бродхерст вырыл яму сам. Это он взял инструменты у садовника.

— Зачем человеку могло понадобиться самому рыть себе могилу? — недоуменно спросил Пэрвис.

— Возможно, он не предполагал, что она станет его могилой...

— Не думаете же вы, что он собирался убить своего сына, — сказал Пэрвис, — как библейский Авраам Исаака.

У Келси вырвался презрительный смешок. Пэрвис, смутившись, покраснел и, повернувшись, пошел к яме за своей лопатой. Когда он отошел достаточно далеко, Келси сказал:

— Садовник мог солгать об инструментах. Он сам мог прийти сюда и воспользоваться ими. Не будем забывать, что он дал девушке машину и сначала не сознался в этом.

— Значит, вы по-прежнему подозреваете Фрица?

Келси провел рукой по коротким седым волосам.

— Его нельзя сбрасывать со счетов. Я заглянул в материалы его судебного дела.

— У него есть судимость?

— Вряд ли можно это назвать судимостью... Однако для меня эта информация представляет интерес. Когда Фриц был еще юношей, его признали виновным в совершении сексуального преступления. У него это было первое преступление, — по крайней мере известное — и судья счел возможным определить ему наказание, как несовершеннолетнему. Его послали в окружной лагерь лесничества.

— Какое он совершил преступление?

— Изнасилование. Меня это заинтересовало потому, что такие преступления частенько всплывают при расследовании дел о поджогах. Я не говорю, что Фриц — поджига-

тель, для этого у меня нет оснований. Но в лагере он серьезно занимался противопожарной подготовкой и даже участвовал пару раз в тушении пожаров где-то в глубинке.

— Что же в этом плохого?

— Это наводит на мысли,— серьезно произнес Келси.— Прошу вас не повторять в присутствии пожарников то, что я вам сейчас скажу... Я собственно когда-то сам был пожарным... Так вот, у пожарных и поджигателей общая страсть. И тех и других восхищает огонь. По всей видимости, Фриц был так восхищен, что освободившись из лагеря, пошел работать в лесничество.

— Меня удивляет, что его взяли на эту работу.

— У него были хорошие рекомендации: капитан Бродхерст с женой ходатайствовали за него. В лесничестве из него не стали делать пожарного. Он получил кое-какую подготовку и стал работать на бульдозере. Кстати, это он помогал проложить этот след.— Келси указал в сторону тропинки, ведущей вниз по склону горы в каньон.— Фриц с товарищами неплохо потрудились. Даже через пятнадцать лет она все еще в хорошем состоянии. Однако в лесничестве он проработал недолго. Как это помягче выразиться... У него был неподходящий характер.

— Его уволили из-за характера?

— Я не знаю, почему его уволили. В деле ничего не сказано об этом. Все произошло еще до того, как я начал здесь работать.

— Фриц мог вам рассказать.

— Мог, но это не так просто. Вчера, когда я хотел поговорить с ним еще разок, его мать непустила меня в дом. Она защищает своего непутевого сына, как кошка котенка.

— Может быть, она впустит меня. Во всяком случае я хотел бы поговорить с ней. Эл Суитнер — тот, кого убили в Нортридже,— занимал у миссис Сноу деньги на прошлой неделе.

— Сколько?

— Это ее надо спросить.— Я взглянул на часы.— Сейчас четверть одиннадцатого. Вы могли бы подъехать к ее дому в одиннадцать?

— Боюсь, что нет,— сказал Келси.— Я хочу присутствовать при вскрытии. Поезжайте сами и попробуйте поговорить с Фрицем. Попытайтесь выяснить причину страха, который сидит в нем.

Голос Келси звучал холодно и сурово. Он говорил о страхе так, словно сам никогда не испытывал этого

чувства. Мне подумалось, что он занялся расследованием причин возникновения пожаров из-за желания понять, что движет такими неуравновешенными людьми, как Фриц, когда они совершают глупые необдуманные поступки.

— А кто та девушка, которую он изнасиловал?

— Я не знаю, кто она. Дело было передано в суд для несовершеннолетних, и доступа к нему нет. Мне удалось кое-что узнать, расспросив старых служащих суда.

19

Джин смотрела в лицо мужа так, словно хотела сама почувствовать, что значит быть мертвым. Заметив возвращающегося Пэрвиса с лопатой на плече, она вздрогнула и отвернулась. Пэрвис осторожно опустил лопату на землю. Он расстегнул нагрудный карман и достал из него черный бумажник, на внутренней стороне которого золотыми буквами было вытиснено имя Стенли. В бумажнике лежало водительское удостоверение, другие документы, несколько кредитных карточек и членских билетов и три долларовых бумажки.

— Не много же у него было,— медленно произнес молодой человек.

Меня поразили тон, которым он это сказал.

— Вы знали Стенли Бродхерста?

— Я знал его почти всю свою жизнь, с начальной школы.

— Я был уверен, что он ходил в частную школу.

— Да, ходил, но уже после того, как он закончил начальную школу. В то лето с ним что-то произошло, и мать отдала его в специальную школу.

— В то лето у них ушел отец?

— Да. У Стенли было мало радостей в жизни,— взволнованно продолжал Пэрвис.— Я всегда ему завидовал, когда мы учились в начальной школе. Его родители были богатыми, а мы — бедными, как индюшки Иова. Теперь уж больше я не буду завидовать.

Я оглянулся в поисках Джин. Она отошла к конюшне, словно искала что-то, на чем можно уехать отсюда, исчезнуть раз и навсегда. Сейчас она напомнила мне важенку, которую я видел здесь вчера. Только с ней не было самца.

Я подошел к ней. Она стояла около сгоревшей машины.

— Это ваша?

— Боюсь, что да.

— У вас есть машина, мистер Арчер? Мне надо уехать отсюда.

— Куда вы хотите ехать?

— В дом Элизабет. Я провела ночь в госпитале.

Я сказал Келси, куда мы направляемся, и пообещал, что попытаюсь разыскать его в патологоанатомическом отделении больницы. Мы с Джин пошли по горной тропинке. Она шагала впереди так быстро, словно пыталась убежать от себя и всего происходящего. Около трибун, где стояла моя машина, было поставлено множество фанерных столов. За ними сидело около ста мужчин, которые ели тушеное мясо с луком и картофелем, приготовленное походной кухней.

Когда мы проходили мимо, большинство из них оторвались от еды, послышался свист и улюлюканье. Опустив голову, Джин зашагала быстро и юркнула в машину, будто за ней гнались.

— Сама виновата,— сказала она, ругая себя.— Не нужно было одевать на себя это.

Мы долго петляли в окрестностях города. Я было попробовал расспрашивать ее о муже, но она не отвечала; сидела низко склонив голову, погруженная в свои мысли.

Когда мы добрались до каньона миссис Бродхерст, Джин выпрямилась и стала смотреть вокруг. Огонь достиг почти самого въезда в каньон, и оставил свои черные отметины на кустах и деревьях.

Большинство домов в Каньон-Истейтс уцелели. Сгорели единицы, словно выхваченные случайно. От одного такого дома не осталось ничего кроме каменного камина, статуи Венеры, возвышающейся над грудой камней, и обгоревших труб. Мужчина и женщина что-то искали на пепелище.

По мере движения вглубь каньона мы убеждались в том, как непредсказуемо шел огонь. Деревья авокадо по краям дороги, ведущей к дому миссис Бродхерст, остались нетронутыми, а росшие за ними оливковые пальмы почернели и обуглились. У эвкалиптов, возвышавшихся над черепичной крышей, почти не осталось ни листьев, ни веток. Навес для машин сгорел. Сам дом почернел, но остался невредим. Джин открыла дверь своим ключом, и мы вошли. Внутри сильно пахло гарью. Дом казался нежилым. Старая викторианская мебель готова была рассыпаться. Чучела птиц в стеклянных шкафах выглядели плачевно: у дятла остался только один глаз, грудки малиновок потускнели. Казалось, что кто-то специально принес сюда этих птиц, чтобы хоть как-то оживить этот мертвый, отживший мир.

— Прошу меня извинить, — сказала Джин. — Я должна переодеться в черное.

Она скрылась в другой половине дома, а я решил позвонить Уилли Макки, детективу из Сан-Франциско, с которым мы раньше иногда работали вместе. В поисках телефона я заглянул в небольшую уютную комнатку, примыкавшую к гостиной. Здесь на стенах висели ферротипии предков. Из черной рамы на меня смотрел мужчина с пышными бакенбардами и высоким стоячим воротником. Он словно просил меня по достоинству оценить его бакенбарды. Я отметил, что у миссис Бродхерст похожий взгляд, но это нисколько не приблизило меня к пониманию ее натуры. Я помнил, какой она была в начале — полная сил и энергии, и потом — ослабевшая и беспомощная. Я хотел понять, почему от нее ушел муж, и отчего этого не смог сделать сын.

Помимо других вещей в комнате стояла черная кожаная кушетка, на которую мне захотелось прилечь, и стол из обожженного вишневого дерева. Телефон был на столе, стоял на потертой кожаной папке.

Я сел за стол и набрал номер офиса Уилли Макки на улице Джиари в Сан-Франциско. Секретарша соединила меня с его квартирой, находившейся на последнем этаже здания. Другой женский голос ответил мне уже более любезно, и наконец к телефону подошел сам Уилли.

— Лью, перезвони мне. Ты вытащил меня из постели на самом интимном месте.

— Лучше ты позвони мне. — Я назвал ему номер телефона миссис Бродхерст.

Кончив говорить, я отодвинул телефон в сторону и открыл кожаную папку. В ней лежало несколько листов стандартной писчей бумаги и старая карта, вычерченная чернилами. На карте была изображена половина прибрежной равнины Санта-Тереза. Чернила промочили бумагу насквозь, и на обратной стороне листа горы и холмы походили на отпечатки пальцев и следы лап.

В правом верхнем углу карты кто-то написал:

«Земельная комиссия США

Роберт Дрисколл Фалконер

Экс Миссия Санта-Тереза.

Сдано на хранение: июнь 14, 1866

Верхний лист писчей бумаги был исписан мелким почерком. Под заголовком «воспоминания Элизабет Фалконер Бродхерст» я прочел:

«Историческое общество округа Санта-Тереза обратилось ко мне с просьбой рассказать о моей семье. Мой дед по отцовской линии, Роберт Дрисколл Фалконер, был сыном ученого и бизнесмена из Массачусетса, ученика и последователя Луи Агасси. Роберт Дрисколл Фалконер сражался в юнионистской армии и 3 мая 1863 года был смертельно ранен в битве при Часнелловсвилле. Однако он выжил и рассказал мне об этом, уже будучи в почтенном возрасте.

Он приехал на побережье Тихого океана, чтобы укрепить после ранения. Здесь он получил во владение — частично купив, а в основном за счет женитьбы — несколько тысяч акров земли, которая стала именоваться Ранчо Фалконера. Большая часть этих земель принадлежала ранее Миссии, но в 1834 году была секуляризована и пожалована моим предкам. С тех пор она передавалась от моей бабушки к деду, а от него — моему отцу, Роберту Фалконе-ру-младшему.

Мне трудно писать объективно о своем отце. Он был третьим Фалконе-ром по мужской линии, который учился в Гарвардском университете. Он был скорее натуралистом и ученым, нежели фермером и бизнесменом. Моего отца упрекали за то, что при нем семейные владения уменьшились. Он отвечал на это, что у него в жизни есть более важные занятия. Он стал известным орнитологом-любителем, автором первого каталога птиц, обитающих в Санта-Тереза. Его богатейшая коллекция стала основным экспонатом в коллекции пернатых музея Санта-Тереза».

С этого места мелкий каллиграфический почерк стал менее ровным и разборчивым.

«До меня доходили нелепые слухи о том, что мой отец бесцельно убивал певчих птиц только потому, что любил убивать. Это абсолютно не соответствует действительности. Если он и лишал жизни птиц, то только в научных целях, чтобы сохранить неповторимую красоту их оперения. Он очень любил птиц с разноцветным оперением, и лишь высшие цели науки вынуждали его браться за ружье.

В этом я могу поклясться. Я сопровождала отца во многих экспедициях, как по стране, так и за границей. И очень часто я заставляла его плачущим над простреленным тельцем певчей птицы или дрозда, которое он держал в своей доброй и мужественной руке. Иногда мы плакали вместе, он и я, укрывшись в каком-нибудь лесистом уголке нашего родного каньона. Он был достойным человеком и отличным стрелком. Когда он даровал смерть, он делал

это мгновенно, без промаха, не причиняя боли. Роберт Дрисколл Фалконер был божеством, опустившимся на землю в облике человека.»

К концу страницы почерк стал совсем ужасным — строчки на пожелтевшей бумаге прыгали и нелезали одна на другую, как цепи солдат разгромленной армии.

Я стал проверять ящики стола. Верхний правый был забит счетами. Некоторые из них месяцами не оплачивались. Поперек таких счетов стояла короткая надпись: «Оплатить немедленно. В случае дальнейшей неуплаты, дело будет передано в суд.»

Во втором ящике я нашел старый деревянный футляр и, открыв его, увидел пару немецких пистолетов для стрельбы по мишеням. Пистолеты были старого образца, но хорошо смазаны. Они поблескивали, точно загадочные голубые сокровища.

Я вынул один пистолет из футляра и подержал в руке. Он был легким и как-то само собой получилось, что я поднял его на уровень глаз и стал целиться. Я прицелился в портрет человека с бакенбардами, но поймав себя на том, что совершаю глупость, навел пистолет на окно, чтобы найти другую мишень.

Птиц поблизости не было, зато была видна кормушка, подвешенная на металлическом столбе. Крыса доедала оставшееся в ней зерно. Я навел на нее незаряженный пистолет. Крыса сбежала по столбу вниз и исчезла в черном овраге.

20

— Что вы делаете? — раздался за моей спиной голос Джин.

— Играю в игрушки.

— Пожалуйста, положите на место. Элизабет не понравилось бы, что вы взяли ее пистолеты.

Я уложил пистолет в ящик.

— Отличные пистолеты.

— Мне так не кажется. Я вообще не люблю оружие.

Она замолчала, но было видно, что она хочет еще что-то сказать. Она сменила свое короткое яркое платье на черное, закрывающее колени. Платье плохо сидело на ней, и она снова показалась мне похожей на актрису, на этот раз играющую старуху.

— Я нормально выгляжу? — голос Джин звучал неуве-

ренно, словно после смерти мужа и исчезновения сына она вдруг совсем позабыла о своих женских достоинствах.

— Вы всегда хорошо выглядите.

Она отмахнулась от комплимента и села на кушетку, поджав под себя ноги так, что они целиком скрылись под черной юбкой.

Закрыв футляр с пистолетами, я положил его на место.

— Это пистолеты ее отца?

— Да. Они принадлежали отцу Элизабет.

— Она стреляет из них?

— Если вы имеете в виду, стреляет ли она сейчас птиц, то нет, не стреляет. Пистолеты для нее дорогая память. В этом доме все предметы до некоторой степени реликвии. Я и сама себя чувствую одной из них.

— На вас платье Элизабет?

— Да.

— Вы собираетесь жить в этом доме?

— Может быть. Меня он устраивает.

Она склонила голову, приготовилась к разговору, словно ее платье было космическим скафандром, к которому звук шел по проводам.

— Одно время Элизабет пристрастилась убивать птиц. Она и Стенли пыталась научить стрелять, но ему, вероятно, это не понравилось, иначе он не рассказал бы мне об этом. Видимо, мать тоже это поняла и перестала заниматься стрельбой еще задолго до нашего знакомства... А мой отец не перестал,— вдруг неожиданно после недолгой паузы добавила она.— По крайней мере тогда, когда с ним жила моя мать, отец любил стрелять по всему, что движется, а нам с матерью приходилось ощипывать убитых им перепелок и голубей. После того, как мать ушла от отца, я его больше не видела.

Она вдруг безо всякого перехода начала говорить о своей семье. Мне стало интересно, почему, и я спросил:

— А вы не думаете вернуться к своим родителям?

— Наша семья развалилась. Мать снова вышла замуж и живет в Нью-Джерси. Последнее, что я слышала об отце, это то, что он плавает на спортивно-рыболовецком судне на Багамах. В любом случае, мне не хочется видеть ни отца, ни мать. Они все равно скажут, что я сама виновата в том, что произошло.

— Почему?

— Да просто скажут так, и все. Дело в том, что я когда-то сама ушла от них, чтобы пойти учиться в колледж. Они не одобрили моего решения. Почему-то

считается, что девушка должна делать только то, что ей велят.— Ее голос звенел от негодования.

— Кого вы вините в том, что случилось?

— Себя, конечно. Но и Стенли тоже.— Она опустила глаза.— Я понимаю, что говорить так ужасно плохо, но я не могу простить ему эту девушку и его глупое занятие, связанное с его отцом. Только зачем ему понадобилось... брать с собой Ронни?

— Он хотел получить у матери деньги, и Ронни должен был помочь ему в этом.

— Откуда вам это известно?

— Мне сказала об этом Элизабет.

— Она может... Очень практичная женщина.— Джин вдруг смутилась и, словно извиняясь, добавила.— Мне не следовало так говорить. Она достаточно натерпелась в жизни. И мы со Стенли доставляли ей одно беспокойство. Мы больше брали, чем отдавали.

— Что вы брали?

— Деньги,— сердито ответила Джин.

— У Элизабет много денег?

— Да... Она довольно состоятельна. Должно быть, она неплохо заработала при застройке Каньон-Истейтс. У нее и после этого осталось еще несколько акров земли.

— Это приносит ей не так уж много доходов, ну может быть, за исключением нескольких акров под авокадо. И у нее, кажется, довольно много неоплаченных счетов.

— Это потому, что она богата. Богатые никогда не платят в срок. У моего отца был маленький спортивный магазинчик в Рино, так вот те, у кого водились деньги, как раз и были самыми злостными неплательщиками. Ему приходилось угрожать им судом. Элизабет получает с поместья деда несколько тысяч в год.

— Сколько тысяч?

— Я точно не знаю. Она не распространяется о своих доходах, но деньги у нее есть.

— Кто их наследует в случае ее смерти?

— Не говорите так! — воскликнула Джин с суеверным страхом.— Потом более спокойным голосом она добавила: — Доктор Джером говорит, что она поправится. Приступ произошел на почве нервного стресса и утомления.

— Она в состоянии говорить?

— Конечно, только на вашем месте я бы не стала беспокоить ее сегодня.

— Я посоветуюсь об этом с доктором Джеромом,— за-

верил я.— Но вы не ответили на мой вопрос. Кто получит деньги, если она умрет?

— Ронни,— тихо произнесла Джин, но было видно, что она вся напряглась.— Вы беспокоитесь, кто вам заплатит? Поэтому вы здесь вместо того, чтобы искать его?

Я не стал отвечать ей, просто сидел молча, опустив голову. Гнев и горе душили ее. Она обратила гнев на себя, сжав пальцами край юбки, словно хотела порвать ее.

— Оставьте подол в покое, Джин.

— Почему? Мне ненавистно это платье!

— Тогда снимите его и наденьте другое. Вам нельзя терять голову.

— Не выношу ожидания.

— Видимо, придется подождать, и нужно держать себя в руках.

— Разве ничего нельзя сделать? Вы не можете поехать и найти его?

— Так сразу — не могу. Еще многое предстоит выяснить. Очень многое мне неясно.— Она в унынии опустила глаза, поэтому я добавил.— Но у меня есть кое-какие зацепки.— Я достал объявление с фотографией отца Стенли и жены Килпатрика.— Вы видели это?

Она склонилась над газетной вырезкой.

— Я увидела это объявление спустя несколько дней после выхода газеты. Стенли поместил его в «Кроникл», не сказав мне об этом, когда мы были в Сан-Франциско в июне. Он и матери не говорил. Когда она увидела, то пришла в ярость.

— Почему?

— Она сказала, что он воскрешает давно забытый скандал. Однако, сомневаюсь, чтобы это касалось кого-нибудь кроме нее и Стенли.

«А также Джерри Килпатрика,— подумал я,— и его отца, и, возможно, еще вот этой женщины».

— Вы знаете, кто эта женщина?

— Элизабет говорила, что ее фамилия Килпатрик. Она была замужем за местным домовладельцем, Брайаном Килпатриком.

— В каких он отношениях с Элизабет?

— Полагаю, в дружеских. Они деловые партнеры — совместно вложили капиталы в Каньон-Истэйтс.

— Что вы можете сказать о Джерри, сыне Килпатрика?

— Не уверена, что знаю его. Как он выглядит.

— Долговязый парень девятнадцати лет, с длинными

рыжими волосами и бородой. Очень вспыльчивый. Вчера вечером он ударил меня револьвером по голове.

— Это он увез Ронни на яхте?

— Он самый.

— Мне кажется, что я все-таки его видела. — Она задумалась на некоторое время, словно производя в уме арифметические действия. — У него тогда не было бороды. Однажды вечером он приходил к нам в дом... в июне. Я видела его только мельком. Стенли провел его в кабинет и закрыл дверь. Наверное, он приходил с этим объявлением. — Она подняла голову. — Вы думаете, он пытается нанести нам ответный удар за то, что его мать сбежала с отцом Стенли?

— Может быть. Мне кажется, этот юноша очень привязан к своей матери. Возможно, что сейчас он направляется к ней.

— Тогда мы должны отыскать ее, — решительно сказала Джин.

— Согласен. Если верить одному из моих информаторов, бывшая миссис Килпатрик проживает где-то на полуострове южнее Сан-Франциско.

Она сразу же ухватила за эту ниточку.

— Вы съездите туда? Сегодня?

Лицо ее немного оживилось. Мне не хотелось ее огорчать.

— Пока мне лучше остаться здесь... Пока мы не узнаем что-нибудь более определенное. Прошлым летом на яхте Роджера Армстеда Джерри участвовал в гонке Эспенада. Возможно, он просто пошел тем же путем.

— В Мексику?

— Туда бегут многие. Но следует проверить и версию с полуостровом.

Она решительно встала.

— Я поеду сама.

— Нет. Вы останетесь здесь.

— Здесь? В доме?

— По крайней мере — в городе. Не думаю, что это похищение с целью вымогательства, но если так, то вы — единственный человек, с которым они могут связаться.

Она опасливо взглянула на телефон, словно такой разговор только что закончился.

— У меня нет денег.

— Вы только что говорили мне о деньгах миссис Бродхерст. В случае необходимости вы можете взять у нее. Кстати, я даже рад, что вы заговорили о деньгах.

— Потому что я все еще не заплатила вам?

— Я не спешу, но очень скоро нам может понадобиться крупная сумма наличными.

Лицо Джин снова стало озабоченным. Она тревожно и сердито заходила по комнате в своем неуклюжем черном платье.

— Я не стану брать денег у Элизабет. Конечно, я могу найти работу...

— Сейчас это вряд ли реально.

Она остановилась прямо передо мной. Мы обменялись быстрым пронзающим взглядом. Мы оба понимали, что эта минута решит, кем мы станем — заклятыми врагами или друзьями. Не сдерживаемый более ни узами брака, ни вдовства гнев, клокотал в ней, точно струя бьющегося из-под земли горячего источника.

Внезапно она спросила более спокойно, словно взяв себя в руки:

— Кстати о реализме. Что вы собираетесь предпринять, чтобы вернуть мне сына?

— Я позвонил одному знакомому. Его зовут Уилли Макки. Он владелец частного сыскного агентства в Сан-Франциско и прекрасно знаком с окрестностями Бухты. Я надеюсь на его помощь.

— Сделайте это. Я найду денег.— Она говорила так, словно приняла решение, касающееся не только денег.— Что собираетесь делать вы лично?

— Ждать. И задавать вопросы.

— Вы только и делаете, что задаете вопросы.— Она нетерпеливо поморщилась и опустила на кушетку.

— Я тоже порядком устал это делать. Правда, иногда люди многое мне рассказывают и без вопросов, но вы не из их числа.

Она бросила на меня настороженный взгляд.

— Это очередной вопрос, да?

— Не совсем. Я просто подумал о том, что у вас был странный брак.

— И вы решили сообщить мне об этом?

— Если хотите, я готов послушать вас.

— Почему я должна хотеть?

— Вы сами навели меня на эти мысли.

Готовая взорваться, она резко бросила мне в лицо:

— Я всегда знала, что есть люди, которые любят заниматься сексом, а вы, видно, из тех, кто предпочитает слушать рассказы о нем, да?

— Чего вы стыдитесь?

— Я не стыжусь,— запальчиво произнесла она.— И оставьте меня в покое. Я не желаю говорить об этом.

Мы помолчали немного. Мне начало казаться, что я почти влюблен в нее. Отчасти потому, что она была матерью Ронни, а еще — потому что она была молода и красива. Ее обтянутое узким черным платьем тело было загадочным и соблазнительным, но ореол вдовства окутывал ее, словно густая тень, куда я не решался ступить. Кроме этого, я постоянно помнил о том, что почти вдвое старше ее.

Она смотрела на меня так, будто читала мои мысли.

— Мне горько признавать это,— произнесла она,— и до сегодняшнего дня я сама себе в этом не признавалась... Мой брак оказался неудачным. Стенли остался жить в своем мире, в который я так и не смогла проникнуть. Возможно, если бы он был сейчас жив, то сказал бы то же самое, хотя мы никогда не говорили об этом... Просто жили каждый своей жизнью в одном доме. Я растила Ронни, а Стенли все глубже и глубже уходил в поиски своего отца. Иногда я ждала его по ночам, но он продолжал работать в своем кабинете. Часто просто сидел там, перебирая письма и фотографии. Он был похож на скупца, который считает свои деньги.— Она грустно улыбнулась своей широкой немного рассеянной улыбкой.

— Мне не следовало смеяться над ним,— продолжала она.— Я должна была отнестись к этому как можно серьезнее. Преподобный Райсмен советовал мне то же. Он говорил, что поиски отца стали для Стенли поисками самого себя, своего места в жизни. И я начинаю понимать теперь, что именно так оно и было.

— Я хотел бы побеседовать с Райсменом.

— Я тоже. Но, к несчастью, он умер.

— Отчего он умер?

— От старости. Мне очень не хватает его. Он был добрым человеком... и очень понимающим, участливым. Я не послушала его. Я сердилась и ревновала.

— Ревновали?

— Да. Стенли к его родителям, к их неудавшемуся супружеству... Мне казалось, что этот давний брак соперничает с нашим и постепенно оттесняет его на второй план. Стенли все больше уходил в прошлое и становился все более нетерпимым по отношению ко мне. Может быть, если бы я приложила больше усилий, то смогла бы остановить его. Но вдруг наступил момент, когда стало уже поздно.

Это объявление, которое он поместил в «Кроникл»... С него ведь и начались все несчастья, да?

Я не ответил. Зазвонил телефон.

Это был Уилли Макки.

— Привет, Лью. Я закончил свои дела. Чем могу быть тебе полезен?

— Я ищу женщину, ей лет сорок или около этого. Когда она уехала из Санта-Тереза пятнадцать лет назад, ее звали Эллен Строум Килпатрик. Она уехала с человеком по имени Лео Бродхерст. Возможно, он и сейчас живет с ней. А может быть, и нет. Судя по словам одной моей немного помешанной информантки, она живет на полуострове, в старом двух- или трехэтажном доме с двумя башенками. Вокруг дома растут деревья — дубы и сосны.

— А ты не мог бы указать место поточнее? На полуострове полно всяких деревьев — дубы и сосны.

— Неделью назад там бегала собака — датский дог. Похоже, прилудная.

— Что еще известно об этой женщине?

— Она разведенная жена одного здешнего домовладельца — Брайана Килпатрика из Санта-Тереза. Он говорил мне, что она закончила Стэнфорд.

Уилли удовлетворенно причмокнул языком.

— Значит, начнем с Поло-Альто. Выпускники Стэнфорда слетаются туда, как голуби в голубятню. У тебя есть фотография Эллен Строум Килпатрик?

— Есть одна. Из объявления, которое было напечатано в «Кроникл» в конце июня. В нем говорилось о том, что она и Лео Бродхерст пятнадцать лет назад прибыли в Сан-Франциско под именем мистера и мисс Ральф Смит.

— Это объявление есть в моей картотеке, — вспомнил Уилли. — Кажется, там обещали вознаграждение в тысячу долларов?

— У тебя хорошая память на деньги.

— Что есть, то есть. Я ведь снова женился. Так я могу претендовать на вознаграждение?

— К сожалению человек, обещавший его, умер. — Я рассказал ему об убийстве Стенли и обо всем остальном.

— А почему тебя заинтересовала Эллен?

— Я хочу расспросить ее кое о чем. Но ты не говори с ней. Когда найдешь ее, дай мне знать, и я это сделаю сам.

Я попрощался с Уилли, а затем и с Джин. Настроение у нее изменилось, и теперь она не хотела, чтобы я уезжал и оставлял ее одну. Когда я закрывал входную дверь, то услышал, как она сердито расплакалась.

На улице, где жила миссис Сноу, цветы джакаранды напоминали маленькие лиловые облака, запутавшиеся в ветвях деревьев. Я немного посидел в машине, любуясь ими. В соседнем дворе весело играли темнокожие ребята.

Занавеска в окне гостиной миссис Сноу дрогнула, словно веко во время тика. Через минуту она сама показалась на пороге дома и направилась к машине. На ней было платье из шелка, жесткого, как броня, лицо густо напудрено, будто она ждала важного гостя.

Но явно не меня. Едва сдерживая ярость, она отчеканила, обращаясь ко мне:

— Вы не имеете права! Вы преследуете нас!

— Не по своей воле, миссис Сноу. Ваш сын — важный свидетель.

— Он может отказаться говорить без адвоката. Уж это я знаю точно. У него однажды уже были неприятности. Но на этот раз он так же невинен, как новорожденный ребенок!

— Так же?

Она сурово стояла передо мной, загораживая вход в дом. Взрослые из соседнего дома, предчувствуя возможный скандал, неторопливо вышли на улицу и степенно поплыли в нашу сторону, как зрители, направляющиеся в зал.

Миссис Сноу бросила на них взгляд, в котором гнев мешался со страхом, потом снова повернулась ко мне.

— Если вы настаиваете на разговоре, входите.

Она провела меня в свою маленькую гостиную. От чая, который пролила миссис Бродхерст, на ковре осталось темное пятно, точно след давнего преступления.

Миссис Сноу не предложила мне сесть, и сама тоже осталась стоять.

— Где Фриц?

— Мой сын у себя в комнате.

— Он может выйти?

— Нет, не может. Я вызвала к нему доктора. Я не хочу, чтобы вы разволновали его, как вчера.

— Он был взволнован еще до нашего разговора.

— Я знаю. Но после вас ему стало хуже. Фредерик очень чувствителен. Он стал таким после того, как перенес нервное потрясение. И я сделаю все, что в моих силах, чтобы не дать вам снова запрятать его в лечебницу.

Я почувствовал что-то вроде стыда, просто потому, что она была такой маленькой, слабой, и неукротимой. Но она стояла на моем пути, и где-то за ней ждал меня маленький мальчик.

— Вы знаете Элла Суитнера, миссис Сноу?

Она поджала губы и покачала головой.

— Я никогда не слыхала о нем.— Однако глаза ее из-за стекол очков взглянули на меня настороженно.

— Разве Эл не побывал в вашем доме на прошлой неделе?

— Может быть. Я не всегда бываю дома. Как вы сказали его зовут?

— Эл Суитнер. Его убили прошлой ночью. В полиции Лос-Анджелеса мне сообщили, что он сбежал из Фолсомской тюрьмы.

Ее глаза сверкнули, как у ночного животного, ослепленного внезапно блеснувшей молнией.

— Понятно.

— Вы давали ему денег, миссис Сноу?

— Немного. Я дала пять долларов. Я же не знала, что он сбежал из тюрьмы.

— Почему вы дали ему денег?

— Я пожалела его,— был ответ.

— Разве он был вашим другом?

— Этого я не сказала. Но ему нужно было заправить машину, чтобы выехать из города, и я дала ему пять долларов.

— Я слышал, вы дали двадцать.

Лицо ее осталось невозмутимым.

— А если даже и так? У меня не было мелочи, и я не хотела, чтобы он отирался здесь, когда Фриц вернется с работы.

— Он друг Фрица?

— Я не стала бы называть это дружбой. Эл никого не любил, кроме себя самого.

— Но вы все же были знакомы?

Она опустила на краешек кресла-качалки и замерла в неестественно прямой позе. Я сел на стул, стоявший напротив. Лицо ее было напряжено, она походила на человека, который глубоко вздохнул и задержал дыхание.

— Я не отрицаю, что знала его. Он некоторое время жил в этом доме, когда был еще мальчиком. У него уже тогда были нелады с законом, и власти округа подыскивали семью, которая согласилась бы взять его на воспитание. В противном случае его отправили бы в исправительный

дом в Пренстоне. Мистер Сноу был тогда еще жив, и мы согласились взять Элберта в свою семью.

— Вы поступили великодушно.

Она резко вскинула голову.

— На это я не претендую. Нам нужны были деньги. Мы хотели сохранить этот дом для Фредерика, а мистер Сноу все болел, и цены тогда подпрыгнули до небес. Как бы то ни было, мы взяли Элберта к себе и делали для него все, что было в наших силах. Но он был уже порядком запущен, и нам мало что удалось сделать, чтобы исправить его. Он плохо влиял на Фредерика. Мы уже начали было подумывать, как быть, но он сам решил эту задачу. Он украл машину и сбежал на ней с девушкой.

— Фредерик имел к этому отношение?

Она глубоко вздохнула, словно пловец, вынырнувший из глубины.

— Значит, вы слышали об этом деле?

— Немного.

— Тогда вы могли все неправильно понять. Многие винили во всем Фредерика, так как он был старшим в этой компании. Но Элберт Суитнер был, хоть и не годами, значительно взрослее его. И девушка тоже.

— Вы знали эту девушку?

— Да.

— Как ее звали?

— Марта Никерсон. Ее отец был строителем — пока работал. Они жили в мотеле, в конце улицы. Я познакомилась с Мартой потому, что она обычно помогала на кухне, когда мистер и миссис Бродхерст принимали гостей. Я была тогда у Бродхерстов экономкой. Марта в то время была хорошенькой, еще совсем молоденькой девушкой, но очень крепкой. Если хотите знать мое мнение, она была настоящей заводилой. И, разумеется, ей удалось отделаться легче всех.

— Что же все-таки случилось?

— Я уже сказала, что они украли машину. Идея, наверняка, принадлежала Марте, так как они украли ее у человека, которого она знала. Он был владельцем мотеля, в котором она жила. Потом они втроем поехали в Лос-Анджелес. Это тоже была ее идея — она до смерти хотела стать кинозвездой и жить в Лос-Анджелесе. Они пробыли там три дня, ночуя в машине и воруя еду. Потом всех троих поймали, когда они пытались стащить что-то из булочной.

Миссис Сноу говорила с таким увлечением, словно сама принимала участие в этих приключениях вместе с сыном.

Поняв это, она стала более сдержанна, и в ее голосе зазвучал холодок осуждения.

— Самое плохое заключалось в том, что Марта Никерсон оказалась беременной. Она была несовершеннолетней, и Фриц признался, что вступил с ней в половую связь. Судья поставил его перед выбором: предстать перед судом, как взрослый, и может быть, попасть в тюрьму или самому признать свою вину в суде для несовершеннолетних и получить три года условно с отработкой в лагере лесничества. Адвокат сказал, что возражать не стоит: в суде для несовершеннолетних не любят, когда оспаривают приговор. И Фредерик поехал в лагерь.

— Что стало с остальными?

— Марта Никерсон вышла замуж. За того человека, у которого они украли машину. Поэтому ее даже не вызывали в суд. Я слышала, что она по-прежнему живет с ним где-то в северной части округа. У него было там свое дело.

— Ее имя после замужества?

Миссис Сноу подумала.

— Не помню. Но я могу узнать, если это важно. Она прислала Фредерику поздравительную открытку к Рождеству через год, после того, как все это случилось. По-моему, он все еще хранит ее у себя.

— А Эл?

— С Элом своя история. У него был первый проступок. Он уже был осужден условно, и поэтому его отправили в Пренстон до совершеннолетия. Я помню, когда он вышел оттуда. Это было пятнадцать лет назад, летом... Зацветали джакаранды... Он приехал сюда за своими вещами. Я хранила их в картонной коробке — несколько учебников и синий костюм, который ему купили на казенные деньги, чтобы ходить в церковь. Но костюм стал ему уже мал, а книгами он не интересовался никогда. Я накормила его как следует и дала немного денег. — Она снова замотала головой, словно заранее возражая мне. — Нет, это было не великодушие. Я просто хотела побыстрее избавиться от него, пока он не втянул Фредерика еще в какую-нибудь историю. Фредерик уже начал тогда работать в лесничестве, и я не хотела, чтобы Элберт ему мешал. Но все равно это случилось...

— Что случилось?

— Из-за Элберта Фриц лишился работы и пережил нервный срыв. Я не хочу вдаваться в подробности; что

было, то прошло. Но с тех пор нōгā Эла не переступала порога моего дома. А теперь вы говорите, что он мертв.

— Его убили в Нортридже вчера вечером. Мы не знаем, кто и почему сделал это. Но ваш рассказ о том, что произошло пятнадцать лет назад мог бы помочь это выяснить. Что за нервный срыв был у Фрица, и какое отношение к этому имел Элберт?

— Он опять втянул его в неприятности. Все та же старая история...

— Какие неприятности?

— Он взял бульдозер, на котором работал Фриц, и стал кататься по горам. Но ведь бульдозер принадлежал не Фредерику... Он был собственностью федерального правительства, и Фрица могли послать в тюрьму заодно с Элом. Его выгнали с работы... И все из-за Эла.

У меня кончилось терпение.

— Могу я поговорить с Фредериком, миссис Сноу?

— Не вижу в этом необходимости. Я рассказала вам все, что вы просили. Он не сможет рассказать вам больше, чем я.

— Но, возможно, есть вещи, о которых он знает, а вы нет.

— Вы, кажется, не вполне понимаете, — смерив меня высокомерным взглядом, произнесла она. — Мы с Фредериком очень близки. — Но, помолчав немного, она все же спросила. — Какие вещи вы имеете в виду?

— Я предпочел бы поговорить об этом с ним самим. Я понимаю, вы — мать и, естественно, хотите защитить его...

— Конечно. Фредерик не может постоять за себя. С тех пор, как у него был этот срыв и он потерял работу, он во всем винит прежде всего себя. Вам бы послушать, как он рыдал у себя в комнате, после того, как вчера вы устроили ему этот допрос.

— Он меня ни в чем не упрекал.

Миссис Сноу недоверчиво посмотрел мне в глаза.

— Что же он в таком случае говорил?

— Не думаю, что мне следует пересказывать это вам. Фредерик взрослый человек.

— Вы ошибаетесь. В теле мужчины живет душа ребенка. Он очень изменился после того потрясения.

— Которое произошло пятнадцать лет назад?

— Да. В то лето, когда исчез капитан Бродхерст.

— Фредерик был привязан к капитану?

— Он готов был целовать землю, по которой тот ходил.

Капитан Бродхерст был ему, как отец. Фредерик боготворил все семейство Бродхерстов, и отъезд капитана разбил его сердце. Он как будто заново пережил смерть отца. Я не преувеличиваю. Доктор Джером тоже сказал бы так.

— Это тот самый доктор, который должен прийти к Фредерику?

Она кивнула.

— Да. Я жду его с минуты на минуту.

— Он психиатр?

— Мы не доверяем психиатрам, — категорически заявила она. — Доктор Джером — просто хороший доктор. Он лечит миссис Бродхерст, а значит должен быть хорошим. Когда у Фредерика случился припадок, она вызвала к нему доктора Джерома, потом оплатила счет, и за пребывание в лечебнице тоже... А когда он вышел оттуда, сама предложила ему работу в своем саду. — Миссис Сноу слегка улыбнулась, будто вспомнив что-то приятное. — Однако, боюсь, что теперь он потеряет и эту работу.

— Не понимаю, почему, если он не делал ничего плохого. Кстати я так и не понял, почему он потерял работу в лесничестве.

— Я тоже. Элберт без разрешения взял ключ от его бульдозера. Но лесник округа не поверил моему сыну. И все из-за того, что произошло в суде для несовершеннолетних три года назад. Уж если юноша раз попадет в беду, он навсегда теряет свое доброе имя.

22

Миссис Сноу поднялась и направилась к двери, словно собиралась проводить меня. Хотя атмосфера ее дома и угнетала, я все же, хотел довести дело до конца и остался сидеть на месте. Проиграв этот молчаливый поединок, она снова села в кресло-качалку.

— Вы хотите еще что-то спросить? — осведомилась она.

— Вы могли бы мне помочь. То, о чем я хочу спросить, напрямую не связано ни с вами, ни с Фредериком. Вы ведь работали у Бродхерстов, когда мистер Бродхерст уехал?

— Да.

— А вы случайно не знали ту женщину?

— Эллиен Килпатрик? Конечно, знала. Она преподавала живопись в средней школе. Она была замужем за домовладельцем Килпатриком. Только это было еще до того, как он

разбогатеет за счет продажи домов в Каньон-Истейтс. Тогда он, как и все мы, перебивался кое-как.

Я думаю, миссис Килпатрик решала использовать свой шанс на лучшую долю и расставила сети на капитана Бродхерста. Все происходило на моих глазах. Когда миссис Бродхерст уезжала, они оставляли Стенли со мной и вдвоем забирались в горный домик. Считалось, что миссис Килпатрик учит капитана живописи, а она там его обучала не только этому. Они считали себя умнее всех, но ошиблись... Я видела, какими взглядами они иногда обменивались, как будто в мире их только двое и больше никого не существует.

— Миссис Бродхерст догадывалась об их романе?

— Должно быть, догадывалась. Видно было, что она страдает. Но она никогда и словом не обмолвилась об этом, по крайней мере я не слышала. Мне думается, она хотела избежать разрыва. Ее семья — это символ города... Во всяком случае они так считают. И потом, надо было думать о бедном маленьком Стенли. Иногда, вспоминая прошлое, я думаю, что открытый разрыв был бы лучше для Стенли. Он все время спрашивал меня, что его отец и эта женщина делают в горном домике. Мне пришлось сочинить целую историю, но он так и не поверил до конца. Дети никогда не верят...

— И долго это продолжалось?

— Около года. Даже для меня этот год был нелегким. Миссис Бродхерст нанимала меня, чтобы я присматривала за домом, и, естественно, я находилась в доме, а не где-нибудь. Прошло какое-то время, и они перестали обращать на меня внимание, словно я была вещью или мебелью. А к концу они даже не утруждали себя ходить в горный домик... Правда, тут была еще одна причина: Фриц работал в лесничестве и прокладывал тропу в самом конце каньона. Поэтому они оставались в доме, когда там не было миссис Бродхерст. Они закрывались в маленькой комнате и выходили оттуда с разгоряченными лицами, а мне приходилось выдумывать для Стенли разные небылицы, чтобы объяснить, почему это вдруг скрипнула кушетка. — Даже под толстым слоем пудры было заметно, как вспыхнуло ее лицо. — Сама не знаю, зачем я все это вам рассказываю. Я уж хотела унести с собой в могилу все, что знаю.

— Вам известно, почему они сбежали?

— Наверное, не смогли больше жить в таком напряжении. Даже мне было тяжело. Я уже решила отказаться от своей работы, но они, наконец, исчезли.

— Куда они отправились?

— Я слышала, в Сан-Франциско. Ни один из них назад больше не возвращался. Трудно сказать, на что они жили. У него не было ни профессии, ни денег. Впрочем, зная их обоих, могу предположить, что она нашла работу где-нибудь в окрестностях Бухты и, скорее всего, содержит его по сей день. Он из тех мужчин, у которых нет практической жилки.

— А что вы могли бы сказать о ней?

— Она — тонкая натура, но намного практичнее, чем можно о ней думать. Она только притворялась, что витает в облаках, а на самом деле твердо стояла на земле. Иногда я ее искренне жалела: она глядела на него, как собака на хозяина. Я все думала — и как это женщина, имеющая собственного мужа и маленького ребенка, может желать еще мужа другой женщины?

— Судя по фотографии, он был очень привлекательным мужчиной?

— Вы правы. А где вы видели его фотографию?

Я показал ей объявление Стенли. По выражению ее лица стало ясно, что она его уже видела.

— Такая же вырезка была у Эла Суитнера, когда он приходил ко мне. Он хотел убедиться, что это капитан Бродхерст. Я подтвердила.

— А он не спрашивал о женщине?

— Зачем? Элберт и сам давно знал миссис Килпатрик. Она занималась с ним, когда он ходил в среднюю школу и жил в нашем доме. — Она протерла очки и снова склонилась над газетой. — Кто подал это объявление в газету?

— Стенли Бродхерст.

— Где бы он нашел денег, чтобы заплатить тысячу долларов? У него ведь ни гроша в кармане не было.

— У матери. По крайней мере, он рассчитывал на это.

— Ясно. — Она подняла глаза, в которых еще светилось воспоминание о прошлом. — Бедный маленький Стенли. Он все еще пытался узнать, что происходило в горном домике.

Проницательность этой женщины поражала меня. Несчастье и годы постоянной тревоги за Фрица развили в ней способность обостренно и чутко воспринимать все, что хоть как-то связано с сыном. Я сознавал, что сейчас она не просто так разговаривала со мной, а уводила своими рассказами в сторону, словно постаревшая Шахерезада, возводящая между мной и своим сыном баррикаду из слов.

Я взглянул на часы. Было без четверти час.

— Вам надо идти? — живо спросила миссис Сноу.

— Сначала мне бы хотелось пару минут поговорить с Фредериком.

— Нельзя! Я не позволю. Он всегда наговаривает на себя.

— Я буду иметь это в виду.

Она покачала головой.

— С вашей стороны нечестно настаивать на этом. Я рассказала вам значительно больше, чем это бы сделал Фредерик.— Затем сердито добавила.— Спрашивайте меня, если еще что-нибудь хотите узнать.

— Дело вот в чем. Вы упомянули о поздравительной открытке, которую Марта послала Фредерику...

— Ну, это была не совсем поздравительная открытка, просто небольшое послание на открытке.— Она поднялась.— Думаю, я смогу найти ее, если хотите.

Она вышла на кухню. Я слышал, как открылась и закрылась еще одна дверь, потом через тонкие стены до меня донесся неясный шум. Я различил, как Фредерик истерически возвысил голос и как мать успокаивала его.

Наконец она вернулась с открыткой и вручила ее мне. На цветной фотографии был изображен двухэтажный motel, внизу имелась надпись «Юкка Три Мотор Инн». На открытке стоял почтовый штамп города Петролиум-Сити от 22 декабря 1952 года. Выцветшими зелеными чернилами было написано:

«Дорогой Фриц,

Я тебя так долго не видела. Как дела в старой доброй Санта-Тереза? У меня маленькая девочка, родилась 15 декабря, можно сказать, рождественский ребенок. Весит семь фунтов шесть унций. Она просто куколка. Мы решили назвать ее Сьюзан. Я очень счастлива. Надеюсь, и ты тоже. Поздравляю тебя и твою маму с рождением.

Марта (Никерсон) Крэндэлл.»

На кухне зазвонил телефон. Миссис Сноу вскочила, как по тревоге, и бросилась на кухню, закрыв за собой дверь, прежде чем начала говорить.

В следующее мгновение она снова стояла на пороге.

— Это мистер Келси,— сказала она, сморщившись при звуке этого имени, точно съела что-нибудь горькое.— Он хочет поговорить с вами.

Она отступила в сторону, давая мне пройти, а сама осталась стоять в дверях.

В голосе Келси звучала озабоченность.

— «Ариадну» обнаружил летчик из воздушной разведки шерифа. Она села на мель в бухте Дьюн-Бэй.

— Что с ребятами на борту?

— Пока не известно. Но хорошего ждать не приходится. Мне сообщили, что яхту сильно бьет волной.

— Где именно она находится?

— Ниже национального парка. Знаете, где это?

— Да. Где вы сейчас? Я могу заехать за вами.

— Боюсь, что не смогу уехать из города сейчас. Кое-что стало известно по делу об убийстве Стенли Бродхерста. И главное, мне нельзя покидать район пожара.

— Что вам удалось узнать?

— Того мужчину в длинном черном парике видели в районе пожара вчера. Он ехал на старом белом автомобиле по Раттлснейк-Роуд. Там прогуливалась студентка из колледжа. Она и встретила его незадолго до пожара.

— Вы уверены в том, что это был он?

— Пока нет. Но я собираюсь поговорить с ней сейчас.

Келси повесил трубку. Поворачиваясь от телефона, я заметил, что дверь в комнату Фрица приоткрыта. В щели был виден его влажно поблескивающий глаз, похожий на глаз рыбы, высунувшейся из воды. Его мать стояла у другой двери и наблюдала за ним, как акула.

— Как вы себя чувствуете, Фриц? — спросил я.

— Ужасно...

Он шире открыл дверь. В своей мягкой пижаме он больше походил на больного мальчика, чем на мужчину.

— Пойди назад в свою комнату и успокойся, — приказала ему мать.

Он покачал непричесанной головой.

— Мне там не нравится. Мне там мерещится всякая всячина...

— Что вам мерещится, Фриц? — спросил я.

— У меня все время перед глазами стоит мистер Бродхерст, как он лежит в могиле.

— Это вы его закопали?

Он утвердительно мотнул головой и заплакал. Он кивал и из глаз его ручьем текли слезы, точно передо мной стоял работающий человеко-насос. Миссис Сноу встала между нами и, тесня своим маленьким телом обмякшего сына, затолкала его обратно в комнату.

Она захлопнула за ним дверь, закрыла ее на ключ и повернулась ко мне, держа его в руке, как оружие.

— Уходите отсюда, ради бога! Вы его совсем расстроили.

— Если это он закопал вчера Стенли Бродхерста, вам вряд ли удастся скрыть это. Будьте же благоразумны.

У нее вырвался смешок, похожий на ворчание собаки.

— Я еще не сошла с ума. Он принимал не большее участие в погребении мистера Бродхерста, чем я. Вы его так запутали, что он сам не помнит, что делал и что видел. В чем я совершенно уверена, так это в том, что он не сделал ничего плохого. Я знаю своего сына.

Она говорила с такой убежденностью, что я почти поверил ей.

— И все-таки я по-прежнему считаю, что он рассказал не все, что знает.

— Он знает намного меньше, вы это имеете в виду? Да он сам не знает, что он знает... А вам должно быть стыдно мучать вдову и ее единственного сына. Если доктор застанет его в таком состоянии, он, наверняка, поместит его в муниципальную лечебницу.

— Фриц лечился там раньше?

— Однажды его почти отправили туда. Это было много лет назад. Но миссис Бродхерст сказала, что заплатит за частную больницу.

— Это было в 1955 году?

— Да. А теперь, будьте любезны, покиньте мою кухню. Я не звала вас к себе в дом и прошу вас уйти.

Я поблагодарил ее и вышел. Напротив дверей ее дома я увидел человека, одетого по-спортивному. Он выходил из желтого спортивного автомобиля. Достав с заднего сидения докторский саквояж, он направился ко мне. Седые волосы и светло-голубые глаза сильно контрастировали с его загорелым лицом.

— Доктор Джером?

— Да.— Он вопросительно вскинул глаза.

Я назвал себя и сказал ему, чем занимаюсь.

— Я представляю интересы миссис Стенли Бродхерст. Кстати, как чувствует себя Элизабет Бродхерст?

— У нее сильное нервное потрясение, в результате которого произошел небольшой сердечный приступ.

— Ей можно говорить?

— Не сегодня. Может быть, завтра. Но я бы посоветовал воздержаться от разговора о ее сыне... и о внуке.— Доктор тяжело вздохнул.— Я только что видел в морге тело Стенли. Не люблю, когда умирают молодые...

— Он умер от удара ножом?

— Да, вероятнее всего так.

— Его доктором были вы?

— Большую часть его жизни — пока он жил дома. Да и потом я навещал его время от времени. Он часто консультировался со мной, когда его что-то беспокоило.

— А что его беспокоило?

— Душевные переживания. Супружеские отношения... Извините, я не могу обсуждать это с третьим лицом.

— Этим вы не повредите Стенли. Он мертв.

— Я помню об этом, — сухо заметил доктор. — Меня интересует другое: кто его убил и закопал.

— Ваш пациент, Фриц Сноу, говорит, что это он похоронил его.

Я следил за реакцией доктора на мои слова. Его добрые глаза смотрели не мигая, лицо осталось совершенно спокойным. Он даже слегка улыбнулся.

— Не верьте. Фриц всегда в чем-нибудь признается.

— Почему вы уверены, что это не так?

— Я наблюдаю за ним уже более двадцати лет...

— Он что, ненормальный?

— Я бы выразился по-другому. Он гиперчувствителен и всегда вину за все берет на себя. Когда он волнуется, то теряет чувство реальности. Бедный Фриц, он с детских лет всего боится.

— Чего же он боится?

— Свою мать, помимо многого другого.

— И я ее побаиваюсь.

— Да и все мы, — сказал доктор, развеселившись. — Это очень сильная маленькая женщина. Она, вероятно, стала такой, потому что жизнь заставила. Ее покойный муж был таким же, как Фриц. Ему тоже нелегко было удержаться на любой работе. Полагаю, это у них наследственное, тут вряд ли можно что-то поделать.

Мы одновременно взглянули в сторону дома. Миссис Сноу наблюдала за нами из окна. Увидев, что мы ее заметили, она опустила занавеску.

— Прошу меня извинить. Мне пора туда, к своему пациенту, — сказал доктор Джером.

— Может быть, мы могли бы поговорить в другой раз, когда вы будете свободны. Виновен Фриц или нет, как вы говорите, он был связан с главным подозреваемым в убийстве Стенли. — Я рассказал ему об Эле Суитнере и о том, что только что узнал от Келси. — Нам известно, что Фриц имел доступ к инструменту, которым вырыли могилу для

Стенли. И наконец, он сказал мне, что сам похоронил его.

Доктор медленно покачал головой.

— Если небо упадет на землю, Фриц и тогда скажет, что это он виноват. Вполне вероятно, что Стенли сам вырыл эту могилу.

— Мы рассматривали такую возможность с заместителем коронара.

— Ну, с моей стороны это не просто предположение, — заметил Джером. — Когда я только что осматривал труп Стенли, то обратил внимание на мозоли.

— Какие мозоли?

— Обыкновенные водяные мозоли на внутренней стороне ладоней. — Он коснулся ладони левой руки пальцами правой. — Такие мозоли появляются у человека, не привыкшего долго копать. Конечно, трудно понять, зачем может кому-то понадобиться рыть себе могилу...

— Возможно, его заставили сделать это, — предположил я. — С Элом Суитнером, человеком в парике, было общаться не так-то просто. Может быть, он угрожал Стенли оружием, а может быть, у Стенли была другая причина...

— Какая?

— Не знаю... Возможно, он сам хотел похоронить кого-нибудь. С ним была молодая девушка и его сын.

— Что стало с ними?

— Это мне еще предстоит выяснить.

23

С автострады I к Дьюн-Бэй вела извилистая окружная дорога. Над песчаными дюнами, протянувшимися вдоль побережья на север, ползли похожие на разорванные штандарты облака. Судя по всему, надвигался шторм.

В киоске у въезда в национальный парк никого не было, висел замок. Я проехал прямо на стоянку, с которой открывался вид на океан. Футах в трехстах от берега, там, где бились и пенились волны, лежала на боку белоснежная яхта. Чуть дальше от нее кружила стая пеликанов, которые ныряли за рыбой.

Три человека стояли на пляже и смотрели на «Ариадну». Но это были не те трое, которых я искал. Один из них был в форме служащего национального парка. Двое других — молодые парни с выгоревшими на солнце длинными

светлыми волосами — опирались на свои доски для серфинга.

Я достал из багажника бинокль и навел его на яхту. Мачты на ней не было, паруса свешивались на борт, как порванная сеть. Видимо, в корпусе имелась пробоина, и он был заполнен водой. Яхта тяжело поднималась на большой волне и снова неуклюже опускалась на бок. Мое сердце учащенно забилося, как от жалости к чему-то живому.

По деревянной дорожке, наполовину занесенной песком, я прошел на пляж. Когда человек в форме обернулся ко мне, я спросил его, удалось ли спасти тех, кто находился на борту.

— Да, сэр. Их благополучно доставили на берег.

— Всех троих?

— Да, сэр. Вот эти мальчики здорово помогли. — Он махнул рукой в сторону молодых парней.

Я повернулся к ним. Они смотрели со сдержанной гордостью, словно похвала взрослых для них ничего не значила.

— С ними все в порядке, — немного важничая, сказал старший, подтверждая свои слова кивком головы.

— Где они сейчас?

Парень пожал плечами.

— За ними приехали на микроавтобусе и забрали их.

— А вы не запомнили, как выглядел микроавтобус?

Он указал на служащего парка.

— Спросите его.

Я посмотрел на мужчину. Он стоял, неловко потупившись.

— Микроавтобус был синего цвета, одна из последних моделей. Номер я не запомнил. Я не подумал об этом. Мне тогда и в голову не пришло, что они беглецы.

— Маленький мальчик — не беглец. Скорее он — жертва похищения.

— По нему этого нельзя было сказать.

— А как он выглядел?

— Напуганным... Но боялся он явно не их. Он шел с ними спокойно.

— Куда они его повели?

— В микроавтобус.

— Это я уже знаю. Кто сидел за рулем?

— Крупная женщина в шляпе с широкими полями.

— Как она узнала, что они здесь?

— Я позволил девушке позвонить с моего телефона. Я не думал, что она...

— Вы можете установить, куда она звонила?

— Сомневаюсь, если только это был не междугородный звонок. Хотя, надо попробовать.

Тяжело ступая и закрывая лицо рукой от летящего песка, он направился к дорожке. Я дошел с ним до киоска и подождал снаружи, пока он куда-то звонил. Он вышел, отрицательно покачал головой и развел руками.

— Звонок не зарегистрирован.

— Вы заявили в полицию?

— Она уже была здесь. Приезжал капитан из службы шерифа Петролиум-Сити. Но это было уже после того, как они уехали.

Я снова вернулся на берег, спустился к пляжу и еще раз посмотрел на «Ариадну». Яхта билась в воде беспомощно, как птица, испачкавшая крылья нефтью. Оторвав наконец от нее взгляд, я заметил, что старший из мальчиков тихо стоит за моей спиной.

— Не люблю, когда такое случается с кораблями, на меня это плохо действует, — признался он.

— А как это случилось?

— Парень сказал, что заглох движок. Он не успел поставить паруса, яхту закружил ветер и посадил на мель. Это произошло у нас с братом на глазах. Мы сплавали за ними на своих досках.

— Никто не пострадал?

— Парню не повезло. Он повредил руку, когда сорвало такелаж.

— А мальчик?

— С ним все о'кэй. Только он сильно замерз, и мой брат дал ему свое одеяло. Бедный парнишка, он так дрожал... никак не мог согреться. — Юноша и сам дрожал от холода, но на его лице было стоическое выражение дикаря-подростка, над которым совершают обряд посвящения.

— Куда они поехали?

Он посмотрел на меня подозрительно.

— Вы сыщик, или кто?

— Я — частный детектив, хочу вернуть парня назад.

— Большого с бакенбардами?

— Нет, маленького.

— Вы сказали, что это похищение. Вы что, и вправду так считаете?

— Да.

— Разве они не брат и сестра? Она так сказала.

— Что еще они говорили?

— Тот с бакенбардами говорил, что вы... что за ним гонятся за превышение скорости. Это правда?

— Нет. Мне необходимо вернуть мальчика. Вчера был убит его отец.

— А кто его убил? Тот с бакенбардами?

— Все может быть. Пока не знаю.

Мальчик отошел поговорить о чем-то со своим братом, затем снова направился ко мне. Не дождавшись, пока он подойдет, я спросил:

— Есть секреты?

— Я просто посоветовался с братом. Девушка сказала, что он может забрать свое одеяло в Петролиум-Сити. Она сказала, что оставит его в офисе гостиницы «Юкка Три Инн».

Я отправился туда. Дорога шла меж пастбищ и полей, на которых тут и там возвышались нефтяные насосы и буровые вышки. Далеко на горизонте виднелись антенны базы ВВС Ванденберг. Петролиум-Сити был провинциальным городком, который вырос совершенно неожиданно. Он давно на много миль вышел за пределы старых границ из-за быстрого строительства однотипных, похожих друг на друга домов.

Гостиница «Юкка Три Инн» тоже выросла по сравнению с тем, что было изображено на открытке пятнадцатилетней давности. С трех сторон к невысокому зданию, расположенному на южной окраине города, были пристроены новые корпуса. С четвертой стороны к нему примыкал конференц-зал. По фасаду здания бегущая строка рекламы предлагала «Бифштексы, омары и нескончаемые развлечения». Припарковавшись перед офисом гостиницы, я услышал мелодии Дикого Запада. Музыка словно предупреждала, что дальше начинается другая территория.

Женщина за стойкой выглядела довольно странно в своем ковбойском наряде. На ней была яркая полосатая юбка и шляпа с завязками под сыромятную кожу. Ее крупному телу, казалось, было неловко за свои размеры, и оно не знало куда себя деть.

— Вам кто-нибудь оставлял одеяло? — спросил я. — Мокрое одеяло?

Она смерила меня настороженным взглядом.

— Вы не похожи на того, кто давал Сьюзи одеяло.

— Я и не говорил, что давал его. Сьюзи здесь?

— Нет. Они опять уехали. — Женщина замолчала на полуслове, точно ее вдруг охватило сомнение. — Хотя мне нельзя распространяться об этом.

— Кто это сказал?
— Мистер Крэндэлл.
— Лестер Крэндэлл?
— Да, сэр. Эта гостиница принадлежала ему.
— А где он? Я хотел бы поговорить с ним.
— О чем?
— О его дочери. Я — детектив... частный детектив.
Я был вчера вечером у него в доме на Пасифик-Пэлисейдз.
Мы с ним действуем заодно.

— Его здесь нет.
— Вы сказали, что он дал вам указание помалкивать.
— По телефону. Я разговаривала с ним по телефону.
— Когда это было?
— Часа два назад. Сразу после того, как Сьюзи позвонила мне из Дьон-Бэй. Мистер Крэндэлл велел мне задерживать ее здесь до его приезда. Однако это легко сказать, а вот сделать... Как только я повернулась к ним спиной, они тут же вскочили в микроавтобус и снова удрали.

— Куда?
— В Сан-Франциско. — Она взмахнула рукой, как это делают те, кто просит подвезти.

Я спросил у нее номерной знак микроавтобуса.
— Вы звонили в полицию?
— Зачем бы я стала это делать? Это машина ее отца.
Да и мистер Крэндэлл просил не вмешивать в это дело полицию.

— Когда вы ждете мистера Крэнделла?
— Да в любую минуту. — По женщине было видно, что ей не очень-то хочется с ним встречаться. — Если вы с ним в нормальных отношениях, окажите мне услугу, а? Скажите ему, что я сделала все, что могла, но им все-таки удалось ускользнуть.

— Хорошо. Как вас зовут? Меня — Лью Арчер.
— Джой Ролинз. — И добавила, очевидно, повторяя дежурную шутку. — Я серьезно подумываю, не сменить ли имя на Сорроу¹.

— Не делайте этого. Хотите выпить?
— Извините. Не могу уйти с рабочего места. А за предложение спасибо. — Она наградила меня улыбкой, которая постепенно угасла на ее лице. — А что происходит со Сьюзи? Она всегда была такой тихой милой девушкой, даже слишком тихой.

— Ну, это уже в прошлом. Сейчас она в бегах.

¹ Joy (англ.) — радость, Sorrow (англ.) — печаль.

— Зачем же она звонила сюда?

— Наверное, потому, что ей нужна была машина. Что она сказала, когда звонила с пляжа?

— Сказала, что плавала на яхте, но яхта потерпела крушение, и она со своими друзьями насквозь промокла. Она просила меня не звонить ее отцу, но я, конечно, не могла. Он сказал, что я должна делать. Я привезла их сюда, они переоделись в сухое, перекусили...

— А где они взяли сухую одежду?

— В номере хозяина. Я открыла его для них. Я думала, что они останутся... Дело в том, что парень с бородой попросил меня вызвать доктора: он повредил руку. Похоже, он ее сломал, она висела вот так... Но потом он передумал и сказал, что сначала встретится с матерью. Я спросила, где живет его мать, но ответа не получила.

— А что вы можете сказать о мальчике?

— У меня свой такой есть, поэтому я нашла ему одежду.

— Он что-нибудь говорил?

— По-моему, он не проронил ни слова.— Она подумала и добавила.— Нет, при мне он не говорил.

— Он не плакал?

Она покачала головой.

— Нет. Не плакал.

— А он ел?

— Я дала ему супа и половину гамбургера. Но он больше просто сидел, точно маленькое привидение.— Она ненадолго замолчала и неожиданно выпалила.— А вы видели пеликанов в Дьюн-Бэй? Знаете, что у них не может больше быть птенцов? Они отравлены ДДТ, поэтому у них яйца трескаются.

Я ответил, что знаю историю с пеликанами.

— А что Сьюзан, она что-нибудь говорила?

— Совсем немного. Я просто не знаю, что с ней случилось. Она так изменилась.

— Что вы имеете в виду?

— Мы со Сьюзи были хорошими приятельницами, до того, как они переехали на юг. По крайней мере, я так считала.

— Когда они переехали?

— Года два назад. Лес... Мистер Крэндэлл открыл мотель в Океано, так Лос-Анджелес оказался как раз посередине. Вот он и выбрал его. Во всяком случае так он объяснял причину переезда.

— А что, были и другие причины?

Женщина взглянула на меня пристально, но вполне дружелюбно.

— Выжимаете из меня все, да? А я и рада, разболталась... Но мне совсем не хочется, чтобы Сьюзи испортила себе жизнь. Она всегда была такой хорошей девушкой... Нет, правда... Упрямая, как отец, но в душе очень добрая.

Моя собеседница глубоко задумалась. Она словно совсем забыла о моем присутствии и целиком ушла в себя, как женщина, кормящая грудью ребенка. Своим вопросом я вывел ее из этого состояния.

— Из-за чего она так изменилась?

— Мне показалось, она в отчаянии. Не знаю отчего.— Женщина поморщилась.— Хотя, конечно, знаю. Они переехали в Лос-Анджелес, чтобы у нее было больше возможностей — высшее общество и все такое... Это была идея ее матери, она всегда мечтала жить в Лос-Анджелесе. Однако из этой затеи ничего хорошего не вышло ни для Сьюзи, ни для них самих. Они, наверняка, ругают ее за то, что она стала угрюмой, а ей даже поговорить не с кем. Она совсем одна, это все равно что убить ее.

Я даже вздрогнул от этого слова, но все же постарался ответить более оптимистично.

— Но ведь обратилась же она к вам.

— Обратилась, а потом отвратилась.

— Вы любите Сьюзан?

— Да. У меня никогда не было дочки.

24

Я не ел уже семь или восемь часов, поэтому решил зайти в бар-ресторан, из которого доносилась музыка. Войдя внутрь, я повесил шляпу на медный крюк стоячей вешалки.

Пока жарилось мое мясо, я уединился в телефонной кабинке и еще раз позвонил Уилли Макки.

Уилли сам подошел к телефону.

— Служба Макки.

— Это Арчер. Ты узнал что-нибудь об Эллен?

— Пока нет. Но я кое-что узнал о собаке.

— О собаке?

— Ну, о датском доге, — нетерпеливо пояснил Уилли. — Ее действительно потеряли. Я связался с хозяином, который живет за Милл-Вэлли. На прошлой неделе он подал объявление о продаже собаки, и кто-то нашел ее в Саусалито. А это довольно далеко от полуострова, Лью.

— Моя информантка, кажется, грешит наркотиками...
— А... понятно,— сказал Уилли.— Так вот, у меня сейчас человек в Саусалито. Ты ведь знаешь Гэрольда?
— Ты можешь связаться с ним?
— Думаю, да. У него в машине есть рация.
— Передай ему, что разыскивается синий микроавтобус с тремя молодыми людьми.— Я назвал их имена и дал описание внешности и номер машины.
— Что должен делать Гэрольд, если найдет их?
— Пусть остается с ними. Или заберет мальчика, не подвергая его опасности.

— Лучше я сам поеду в Марин-Каунти,— сказал Ул-ли.— Ты не говорил мне, что это похищение.

— Это не совсем похищение.

— В таком случае, чего хотят эти люди?

Я не нашелся сразу, что ответить. После секундного замешательства, я пояснил:

— Вчера был убит отец мальчика. Сам он, вероятно, был свидетелем убийства.

— Убили те двое?

— Не знаю.— У меня было противоречивое отношение к Сьюзан и Джерри. Мне хотелось прервать их безрассудный полет не только ради спасения мальчика, но и ради них самих.— Не следует, вероятно, исходить из этого предположения.

Я вернулся за столик. Мое мясо было готово, и я начал есть, запивая его пивом. За полукруглой стойкой бара четыре ковбоя, которые и близко-то к корове никогда не стояли, распевали песенки дикого Запада и делали это так, словно сами происходили с Дальнего Востока.

Я заказал еще пива и осмотрелся. В этом шумном заведении собралась довольно пестрая публика. Здесь были настоящие ковбои и одетые под ковбоев, служащие, пришедшие после работы с женами и подружками, туристы, нефтяники в ковбойских же ботинках на высоких каблуках, несколько человек в деловых костюмах с широкими галстуками и узкими от привычки щуриться на солнце глазами.

Когда в зал вошел Лестер Крэндэлл в глазах присутствующих вспыхнули огоньки, точно лампочки датчиков, реагирующих на деньги.

Остановившись в дверях, он обвел взглядом зал. Я поднял руку. Он заметил меня и подошел. Мы поздоровались.

— Так, вы уже здесь, Арчер. Как вам удалось добраться так быстро?

Я стал рассказывать, наблюдая за выражением его лица. Казалось, что до него с трудом доходит смысл моих слов, он был каким-то вялым, словно не спал ночь. И все же здесь, в мотеле, он чувствовал себя проще и свободнее, чем в своем большом доме на Пэлисейдз.

С момента его появления все официанты стояли наготове. Наконец один из них подошел к нашему столику.

— Вам что-нибудь принести, мистер Крэндэлл?

— Бурбонского. Вы знаете, какую марку я люблю. И не надо предъявлять счет мистеру Арчеру.

— Это лишнее, — заметил я. — Но спасибо.

— Сделайте одолжение... — Он наклонился вперед и посмотрел мне в глаза. Я обратил внимание на то, что у него припухли веки. — Если вы что-то говорили, а я не расслышал, извините. Я сегодня какой-то заторможенный. Мне все-таки не совсем ясно, почему вы проявляете такой интерес к этом делу.

— Я работаю для миссис Стенли Бродхерст. Мне хотелось бы вернуть ей мальчика до того, как с ним что-нибудь случится... и пока еще она не сошла с ума.

— Я сам скоро сойду с ума. — Неожиданно в порыве откровенности он взял меня за запястье своей шершавой рукой и так же неожиданно отпустил. — Позволю себе немного успокоить вас. Моя Сьюзан не та девушка, которая может обидеть маленького мальчика.

— Может быть, неумышленно, но она подвергает его жизнь опасности. Он чуть не утонул сегодня.

— Миссис Ролинз сказала то же самое. Жаль, что ей не удалось задержать их здесь. По телефону она обещала это сделать.

— Это не ее вина. Вы же сказали, чтобы она не сообщала в полицию?

Крэндэлл бросил на меня сердитый взгляд.

— Я знаю здешнюю полицию. Я родился и вырос тут. Они сначала стреляют, а потом спрашивают. Мне вовсе не хочется, чтобы они занялись моей маленькой девочкой.

Мне пришлось согласиться.

— Не будем спорить. Как бы то ни было, сейчас они следуют в район Бухты.

— Куда именно?

— Вероятно, в Саусалито.

Он сжал кулаки и потрянул ими так, будто у него в обеих руках были игральные кости.

— Почему вы сразу не бросились за ними?

— Я рассчитывал, что вы сможете сообщить мне еще что-нибудь важное.

— Вы шутите? — Он все еще гневно смотрел на меня.

— Нет, я серьезно. Не волнуйтесь. Мой друг из Сан-Франциско займется их поисками.

— Ваш друг?

— Частный детектив Уилли Макки.

— Как он поступит с ними, если найдет?

— Будет действовать по обстановке. Если сможет, заберет у них мальчика.

— Это меня пугает. Что будет с моей дочерью?

— Она встала на опасный путь...

— Не говорите мне этого. Я хочу, чтобы ее защитили, понимаете?

— Защищайте.

Он хмуро взглянул на меня. К столу спешила официантка с его вином. Она пыталась улыбаться, чтобы угодить своему боссу. Что не удалось сделать ее улыбке, удалось вину. Лицо Крэндэлла порозовело, глаза увлажнились. Казалось, даже его баки повеселели и распушились.

— Моей вины в этом нет, — заявил он. — Я дал ей все, что только можно желать. Во всем виноват Джерри Килпатрик. Это он сбил невинную девушку с пути истинного.

— Да. Кому-то это удалось.

— Вы полагаете, что это не он?

— Во всяком случае не он один. На прошлой неделе — очевидно, в четверг, — она побывала в мотеле «Звезда».

— В том, что расположен на автостраде на побережье? Сьюзи никогда бы не поехала туда.

— Ее видели там. Некоторое время она находилась в обществе сбежавшего из тюрьмы преступника, Элберта Суитнера. Вам это имя что-нибудь говорит?

— Нет. Мне весь ваш рассказ ничего не говорит. Я не могу этому верить. — Однако по его лицу было видно, что он переживает услышанное, как старый солдат, которого уже здорово наказали, но он ожидает, что добавят еще. — Зачем вы мне все это рассказываете?

— Вам следует хорошенько все обдумать. А как можно размышлять, не зная фактов? Этого Суитнера убили в субботу вечером.

— Вы подозреваете Сьюзан?

— Нет. Когда это случилось, она, по всей вероятности, была в море. Я просто хочу, чтобы вы поняли, в какую она попала беду.

— Я знаю, что она в большой беде.— Он оперся на стол согнутыми в локтях руками и смотрел на меня через них, как через баррикаду.— Что я должен сделать, чтобы спасти ее? С тех пор, как она ушла из дома, я сбился с ног. Но ей все время удается ускользнуть от меня.

Он помолчал минуту. Его взгляд был устремлен куда-то вдаль, мимо меня, словно он видел там свою дочь, убегающую от него за далекий горизонт.

У меня не было детей, и теперь, я кажется, перестал завидовать тем, у кого они есть.

— Как вы думаете, от чего она бежит?

Он покачал головой.

— Мы дали ей все. Я считал, что у нее все в порядке. Но что-то произошло... Я не знаю что.

Он медленно, как слепой, повел головой из стороны в сторону, словно надеялся увидеть дочь. Этот взгляд вселил в меня тоску. Возможно, он чувствовал то же самое.

Я отодвинул кресло и поднялся из-за стола.

— Благодарю за угощение.

Крэндэлл тоже встал, не сводя с меня глаз. Сейчас он казался мне ниже, шире, старше, печальнее и богаче.

— Куда вы направляетесь, мистер Арчер?

— В Саусалито.

— Возьмите маму и меня с собой.

— Какую маму?

— Миссис Крэндэлл.— Он относился к тем мужьям, которые редко называют своих жен по имени.

— Я не знал, что она с вами.

— Она пошла отдохнуть в мой номер. Но мы могли бы отправиться немедленно. Беру на себя все издержки. И да-вайте,— добавил он,— не будем ходить вокруг да около. Я хочу нанять вас.

— У меня уже есть клиент. Вы позволите поговорить с миссис Крэндэлл?

— Конечно. Пожалуйста.

Я положил на стол долларовую бумажку. Крэндэлл взял банкноту, свернул ее тщательно в трубочку и, поднявшись на цыпочки, сунул мне в нагрудный карман.

— Не тратьтесь в моем заведении.

— Это официантке.

Я развернул долларовую бумажку и снова положил ее на стол. Крэндэлл хотел было рассердиться, но сдержался. Ему очень хотелось, чтобы я взял его и маму с собой.

Мы вместе вышли из вестибюля, и я подождал, пока он поднимется к себе в номер.

За стойкой дежурного Джой Ролинз вытаскивала вещи из ящика и укладывала их в чемодан из искусственной кожи. У нее были заплаканные глаза, а лицо такое бледное, словно она потеряла много крови.

— Он выгнал меня,— спокойно сообщила она.— И дал пятнадцать минут на сборы. А я проработала здесь больше пятнадцати лет. Я построила ему эту гостиницу.

— Я уверен, он передумает.

— Вы не знаете Леса. Он стал ужасно заносчивым с тех пор, как начал делать большие деньги. Он чувствует себя таким богом, и эта черта проявляется в нем все сильнее. Ему просто повезло, что ранчо его отца оказалось между Петро-Сити и Базой ВВС Ванденберг, но Лес думает, что сам всего в жизни добился. А теперь он считает, что ему позволено вот так обращаться с людьми.— Она махнула дрожащей рукой.— Мне нужна эта работа. У меня сын ходит в школу.

— Как он объяснил причину увольнения?

— Он ничего не объяснял. Но вы же знаете, и я тоже... Мне, видно, нужно было связать Сьюзи по рукам и ногам или что-нибудь в этом роде. Валит всю вину на меня, а у самого не хватает мужества признать, что виноваты он и его жена. Это они воспитывали Сьюзи. Я могла бы рассказать вам о ее матери такое...— Она замолчала. На лице ее застыло выражение удивления, точно она внезапно услышала сама себя. Я сделал попытку снова разговорить ее.

— Кстати, а каково происхождение миссис Крэндэлл?

— Ничего особенного. Ее отец занимался строительством — делал кладку без раствора, и они кочевали по всему штату, пока она была ребенком. А она им и была, когда выходила замуж за Лестера. Он едва дал ей закончить среднюю школу. Сам-то он был уже в возрасте...

— Я заметил разницу в годах. Интересно, почему она вышла за него замуж?

— Ей некуда было деваться.

— Вы хотите сказать, что она была беременна? По этой причине обычно женятся.

— Нет, здесь причина серьезнее... гораздо серьезнее. Она сбежала с группой хулиганов из Санта-Тереза, и они

украли машину Леса. Она могла бы угодить в тюрьму, если бы он возбудил уголовное дело. Один из них сел.

— Элберт Суитнер?

Она насторожилась.

— Выходит, вы меня проверяли? А сами и так все знаете?

— Не все. А с Суитнером мне просто пришлось столкнуться вчера. Откуда вы его знаете?

— Ну, вряд ли можно это назвать знакомством. Он заходил в гостиницу на прошлой неделе. У меня хорошая память на лица, и я вспомнила, что когда-то встречалась с ним. Он хотел узнать, как ее найти.

— Миссис Крэндэлл?

— Обоих Крэндэллов.

— И вы сказали ему?

— Нет. Но их адрес легко узнать. Он есть в телефонном справочнике Лос-Анджелеса. — Она с достоинством добавила. — Но я и этого ему не сказала.

— Вы упомянули, что он бывал здесь и раньше?

Глаза ее сузились.

— Это было очень давно, когда он был еще молодым перекатиполем. Да и я тогда была еще не старой.

— Когда это было?

— Сейчас скажу... я только начинала работать здесь. Сьюзан было около трех лет. Значит, по крайней мере лет пятнадцать назад. — Она скорчила недовольную гримасу. — Лучше бы я не ходила на работу на этой неделе. Где бы ни появился этот человек, он всегда приносит беду.

— А что произошло из-за него пятнадцать лет назад?

— Всего я не знаю. Он хотел поговорить с Лесом... Я потом догадалась, что он просил у него денег. После того, как он уехал, здесь разразился страшный скандал. Лес разругался с женой в пух и прах.

— Из-за чего?

— Не могу сказать. Я слышала только крики. Спросите у них об этом сами. Только, пожалуйста, не ссылайтесь на меня. Мне еще придется просить у этого самодура рекомендацию.

С лестницы меня окликнул Крэндэлл. Я взбежал наверх, испытывая что-то вроде нервного возбуждения. Мне хотелось еще раз взглянуть на Марту Крэндэлл, зная о ее прошлом.

Номер был обставлен хорошо, но без роскоши. Она сидела в широком низком кресле, закинув ногу за ногу.

Было заметно, что она только что нанесла на лицо толстый слой косметики.

Меня, как и в первый раз, поразили красота и совершенство линий ее тела. Куда бы она ни села в этой комнате, она все равно бы притягивала взоры, как яркий огонь. Но глаза ее смотрели на меня холодно и выжидательно. Этот взгляд нельзя было спрятать под слоем косметики. Он словно говорил, что она плохо спала, и что в этом виноват я.

Она протянула мне руку и, задержав ее в моей, сказала:

— Вы должны вернуть мне Сьюзан. Ее нет дома уже три дня, я не вынесу этого.

— Я делаю все, что в моих силах.

— Лестер говорит, что она на пути в Саусалито. Это действительно так?

— Скорее всего, так. Но в любом случае, я принял необходимые меры. Вы можете помочь мне.

— Каким образом? — Она с готовностью подалась в мою сторону, но взгляд ее глаз не изменился. В нем сквозила усталость и раздражение оттого, что история, пережитая ею в молодости, повторяется снова. — Я сделаю все, что могу, поверьте. — Голос ее звучал грубее, в нем проскользнули интонации, от которых она так тщательно стремилась избавиться.

— Вы знакомы с Эллен Килпатрик?

Она обменялась взглядом с мужем, потом снова посмотрела на меня.

— Странно, что вы спрашиваете меня об этом. Я собиралась позвонить ей.

— Зачем?

— Она живет в Саусалито.

— Под каким именем?

— Эллен Сорм. Она — художник, это ее псевдоним.

— Это она называет себя художником, — вставил Крэндэлл. — На самом деле она мазилка. Она даже мало-мальски рисовать не умеет.

У него перехватило в горле, и он покраснел. Я подумал, есть ли у него причина сердиться на Эллен, или таким образом он просто выплеснул накопившиеся раздражение и гнев.

— Вы видели ее работы?

— Да уж, видел один образчик. Она прислала нам летом письмо с предложением продать картину. Я отправил ей деньги, и она прислала картину.

— Картина здесь?

— Я ее выбросил. Это была не картина, а мазня, предлог, чтобы выпросить у меня деньги.

— Неправда,— возразила его жена.— Она сказала, что нам первым предлагает.

— Ну, очередь была невелика,— недовольно буркнул он.

Я повернулся к ней.

— Вы видели Эллен в последнее время?

Она с беспокойством взглянула на мужа.

— Она была моей учительницей. Правда, Лес?

— Она — мать Джерри Килпатрика,— продолжал я.— Вы знали об этом?

— Нет.— Она снова посмотрела на мужа, который, казалось, был полностью погружен в свои невеселые мысли.— Нет,— добавила она после секундного замешательства,— пока сама не догадалась об этом.

Крэнделл встал между мной и женой, возвышаясь над ней, как прокурор.

— Это ты пригласила Джерри Килпатрика в дом?

— Если и я, то что? Что в этом было плохого?

— Это было очень плохо... Посмотри, что из этого вышло. Кто надоумил тебя? Она?

— А вот уж это не твое дело. И не стой так надо мной.

Занятые перепалкой, они почти забыли о моем присутствии. Отчасти, чтобы прекратить ее, отчасти потому, что все равно об этом надо было спросить, я сказал, обращаясь к Марте:

— Элберт Суитнер бывал у вас дома, когда вы учились в школе?

Некоторое время она сидела, не шелохнувшись. Молчал и ее муж. У него на лице было выражение человека, оглушенного прошлым.

— У нас был большой класс,— наконец произнесла она.— Повторите еще раз имя.

— Элберт Суитнер.

Она опустила ногу на пол, затем снова скрестила их. Это было похоже на движение мягких элегантных ножниц. Потом она подняла глаза на мужа.

— Что ты на меня так уставился? Разве можно сосредоточиться, если ты так смотришь?

— Я не уставился.— Он хотел отвести от нее взгляд и не смог.

— Почему бы тебе не пойти выпить,— предложила она.— На меня нашло затмение от твоего пронзительного взгляда.

Он примирительно протянул руку и провел ею, почти не касаясь, по голове жены.

— Успокойся, мама. Мы с тобой должны держаться вместе — ты и я.

— Конечно. Только дай мне возможность вспомнить, ладно? Пойди, выпей чего-нибудь.

Тяжело ступая, он медленно вышел из комнаты и закрыл за собой дверь. Я молчал. Послышались его неторопливые шаги вниз по лестнице.

— Какую вы преследуете цель? — спросила она. — Разрушить мой брак?

— По-моему, он уже дал трещину.

— Неправда. Я была хорошей женой Лестеру, и он знает это. Я изо всех сил старалась, чтобы он забыл зло, которое я ему причинила давным-давно.

— Кражу его автомобиля?

— Это было почти двадцать лет назад. А вы позволяете себе копать в прошлом, корите меня Элбертом Суттнером...

— Я снова столкнулся с ним вчера вечером. Помните, вы сказали, что не знаете его.

— Тогда вы мне только называли имя, без фамилии. А я не видела его с тех пор, как закончила школу.

— Вы уверены в этом, миссис Крэндэлл? Он приезжал сюда, в ваш мотель пятнадцать лет назад.

— Здесь много людей бывает.

— А на этой неделе он возил вашу дочь в другой мотель.

Она отмахнулась.

— Сюзан никогда бы не поехала с таким человеком.

— Увы, она ездила.

Марта в смятении встала.

— Что ему надо было? Отомстить мне за то, что я выдала его?

— А вы его выдали?

— Мне ничего другого не оставалось. Либо выдать, либо — сесть на скамью подсудимых. Но это было еще до того, как родилась Сьюзи.

— Однако Эл не забыл этого?

— Нет. Не забыл. Он приехал сюда пятнадцать лет назад, чтобы расстроить мой брак. Это было как раз после того, как он вышел из Пренстонской тюрьмы.

— Каким образом он пытался это сделать?

— Он наговорил моему мужу всяких небылиц. Мне не

хотелось бы повторять, что он говорил. Сама не знаю, зачем я с вами вообще разговариваю.

— Эл Суитнер был убит вчера вечером.

Она смотрела на меня молча. В глазах появился страх, но тело по-прежнему сохраняло кошачью грацию.

— Вон оно что... Вы думаете, что я убила?

Я не стал ни подтверждать, ни опровергать ее слова. Взгляд ее стал совсем ледяным.

— Сьюзан? Вы полагаете, что это сделала Сьюзан?

— Я ее не подозреваю. Пока я вообще никого не подозреваю.

— Тогда зачем вы мне сказали об этом?

— Я подумал, что вы должны знать.

— Большое спасибо,— зло бросила она.— Кстати, что делал Эл с моей дочерью?

— Я думаю, что в основном он стремился вывести у нее побольше информации. Эл был в бегах и приехал на юг в поисках денег. Ему надо было раздобыть денег, чтобы поехать в Мексику.

— Вы сказали, приехал на юг. Откуда?

— Из Сакраменто. А по пути он остановился в Саусалито.

Она стояла и слушала очень внимательно, как человек, прислушивающийся к шагам на кладбище.

— Это Эллен направил его в нашу сторону?

— Я не знаю, как она поступила, но я уверен, что он виделся с ней до того, как отправился на юг. Он предполагал получить вознаграждение, обещанное Стенли Бродхерстом за информацию об Эллен и его отце.

— Какое вознаграждение?

— Тысячу долларов наличными. Эл, возможно, надеялся получить и больше.— Я достал вырезку с объявлением. Она заметно обветшала.— Это Эллен, не так ли?

— Да. Так она выглядела, когда преподавала в средней школе в Санта-Тереза.

— С тех пор вы ее не видели?

Она помедлила с ответом.

— Я ездила к ней в прошлом месяце, после того, как мы купили у нее картину. Только, пожалуйста, не говорите Лесу. Он не знает об этом. Мы были с ним в Сан-Франциско на уикэнде. Мне удалось улизнуть от него ненадолго. Я переехала через мост и отправилась в Саусалито.— Немного помешкав, она добавила.— Я возила с собой Сьюзи.

— Зачем?

— Не знаю... Тогда мне это показалось хорошей идеей.

Я почему-то подумала, что Эллен хочет со мной встретиться. Она столько для меня сделала, когда я была еще молоденькой девушкой... Если бы не она, то не знаю, где бы я закончила дни своей юности. И у Сьюзан стали появляться те же симптомы. Она никогда не чувствовала себя счастливой, но постепенно ею начало овладевать отчаяние. Вы понимаете меня?

Я не понимал и прямо сказал ей об этом. Она впервые признала, что в жизни дочери было что-то не так.

— Она боялась людей, по-настоящему боялась, точно так же, как и я, когда была ребенком. А они сторонились ее... другие дети не могли понять, почему она не такая, как все. Я знала, или мне казалось, что знала... Но я не могла говорить с ней об этом.

— А сейчас могли бы?

— Да. Все равно все летит к чертям.— Она окинула взглядом хорошо обставленную комнату, будто стены ее должны вот-вот рухнуть от неминуемых подземных толчков.— Лес — не отец Сьюзан. Он очень старался быть ей хорошим отцом, но ее что-то не устраивало. Мне казалось это странным... и приводило в замешательство, понимаете? В своем собственном доме мы чувствовали себя круглыми идиотами, когда собирались все вместе.

— Кто отец Сьюзан?

— Это не ваше дело.— Она смерила меня невозмутимым взглядом.— Чем бы все это закончилось, даже предположить трудно. Одно время я вела суматошную жизнь. Я была тогда моложе, чем Сьюзан сейчас.

— Ее отец — Фриц Сноу?

Глаза Марты сузились.

— Я не стану отвечать на подобные вопросы, так что не нужно об этом. Вы перебили меня... Так вот, как я сказала, я беспокоилась за Сьюзан, и мне подумалось, что, может быть, Эллен поможет советом.

— Она помогла?

— Пожалуй, что нет. Она много говорила. Сьюзан много слушала. Я не могла согласиться с тем, что она предлагала. Она считала, что мы должны отпустить Сьюзан из дому, и что за ней должен присматривать кто-нибудь другой. Или наоборот — дать ей полную свободу и предоставить возможность самой заботиться о себе. Но это же невозможно! Молодые в этом мире нуждаются в защите.

— А что думала по этому поводу сама Сьюзан?

— Она захотела остаться у Эллен. Но это уж была совсем никудышная затея. Эллен сильно изменилась по

сравнению с тем, какой была в молодости. Она живет в старом ветхом доме в лесу, как отшельник.

— Без мужчины?

— Я по крайней мере не видела. Однако, если вы Лео Бродхерста имеет в виду, то он давно ушел от нее. Они не подходили друг другу. Это была одна из тех любовных историй, которые длятся до тех пор, пока рядом жена.— Она испытывала некоторую неловкость оттого, что приходится говорить об этом.

— Куда же он отправился?

— По ее словам, уехал из страны.

— Вы ведь были знакомы с Лео до его отъезда из Санта-Тереза?

— Я работала в его доме, если это вы называете знакомством с ним.

— Что он был за человек?

— Мужчина, который не пропустит ни одну женщину.— Она сказала это с нескрываемой злостью.

— Он и к вам пытался приставать?

— Однажды. Я дала ему хорошенько по его красивому лицу.— Она смотрела на меня вызывающе, точно это я приставал к ней.— После этого он больше не распускал свои похотливые ручонки.

Забывшее чувство гнева шевельнулось в ней, и лицо ее порозовело. Впрочем, возможно, это было вызвано каким-то другим воспоминанием. Миссис Крэндэлл оказалась более сложной натурой, чем мне показалось при первой встрече.

Я ни на минуту не забывал о своих делах. Спустившись вниз, я еще раз позвонил Уилли Макки. Пока он искал в справочнике адрес Эллен Сорм, я ждал у телефона. Она жила на Хэйвен Роуд в предместье Саусалито. Уилли пообещал, что установит за ее домом наблюдение, пока я не приеду туда сам.

Я незаметно выскользнул из мотеля и сел в машину, не попрощавшись с четой Крэндэллов. Я решил не брать их с собой. Слишком тяжел был груз прошлого, которое никак не хотело отпускать их.

26

Когда я добрался до Сан-Франциско, было уже темно и шел дождь. За Золотыми воротами по небу ползли свинцовые тучи. На мосту меня обдало холодным морским ветром.

Прямоугольная желтая табличка у въезда на Хэйвен Роуд предупреждала «Проезда нет». Я развернулся, припарковал машину и продолжил путь пешком по выбитому асфальту. Стоящие поодаль друг от друга дома были не видны с дороги. Однако через стволы деревьев сочился свет из окон.

Из темноты меня тихо окликнули:

— Лью?

На дороге появился Уилли Макки. На нем был темный плащ. От этого его бледное усатое лицо казалось почти бесплотным, как на спиритическом сеансе. Мы зашли в тень деревьев, и я пожал ему руку. Она была в перчатке.

— Никто не появлялся, — сообщил он. — Насколько точна твоя информация?

— Полной уверенности у меня нет. — Надежда, с которой я ехал сюда, болью отозвалась в груди и скользнула куда-то вниз. — Сторм дома?

— Она там, но одна.

— Ты уверен в этом?

— Конечно. Гэрольду видно ее в боковое окно.

— Что она делает?

— Ничего особенного. Последний раз, когда я спрашивал у Гэрольда, он ответил, что она, по всей видимости, чего-то ждет.

— Пожалуй, пойду поговорю с ней.

Уилли взял меня за руку выше локтя.

— Ты хорошо подумал, Лью?

— Может быть, они ей звонили. Она — мать старшего парня.

— Ладно, иди. — Уилли отпустил мою руку и отошел в сторону.

Я направился к дому по подъездной дорожке, посыпанной галькой. Две одинаковых конических башенки, возвышающихся над крышей на фоне ночного неба, придавали дому какой-то романтический средневековый вид.

Но как только я подошел ближе, это впечатление исчезло. Над входной дверью я увидел веерообразный витраж. Некоторых стекол не было, поэтому окошко напоминало улыбку беззубого старика. Ступеньки, ведущие на веранду, расшатались и жалобно скрипели под ногами. Дверь распахнулась с резким скрипом, едва я в нее постучал.

В освещенную прихожую вышла Эллен. Ее глаза и губы мало изменились со времени, когда была сделана фотография, поэтому седина, появившаяся в ее волосах, казалась

случайной. На ней было шерстяное платье с длинными рукавами, на подоле длинной юбки остались пятна краски всех трех основных цветов. Движения ее были полны природной грации.

Она с любопытством и опаской приблизилась ко мне.

— Кто вы?

— Меня зовут Лью Арчер. Дверь сама открылась, когда я постучал.

— Надо отремонтировать замок.— Она прищелкнула языком.— Вы детектив, не так ли?

— А вы хорошо осведомлены.

— Мне звонила Марта Крэндэлл. Она сказала, что вы ищите ее дочь.

— Сюзан была здесь?

— Пока нет, но Марта говорила, что она собирается приехать сюда.— Женщина взглянула мимо меня в темноту.— Еще она сказала, что с ней находится мой сын Джерри.

— Правильно. И с ними внук Лео Бродхерста.

Ее лицо выразило изумление.

— Откуда у Лео взялся внук?

— Вы забыли, что у него был сын. И у сына есть сын. Ронни сейчас шесть лет. Из-за него я и нахожусь у вас.

— Зачем им понадобился шестилетний мальчик?

— Я могу только догадываться. Надеюсь спросить у них самих.

— Понятно. Входите, пожалуйста.— Приглашая меня войти, она сделала неловкий жест рукой, и грудь ее всколыхнулась.— Мы можем подождать вместе.

— Вы очень добры, миссис Килпатрик.

Звук этого имени не понравился ей, словно заставил вспомнить о неприятном прошлом. Она поправила меня:

— Мисс Сторм. Сначала это был мой псевдоним, но потом я привыкла к нему, и вот уже много лет меня зовут только так.

— Я понимаю. Вы ведь художник?

— Не очень хороший, но я работаю, пытаюсь совершенствоваться.

Она провела меня в просторную комнату с высоким потолком. На стенах висели картины. Большинство из них было без рам, поэтому создавалось впечатление какой-то незаконченности. Казалось, полотнам не хватает последнего мазка. Все окна за исключением одного, трехстворчатого в проеме стены, были закрыты тяжелыми шторами. Сквозь

стволы деревьев виднелись освещенные окна домов, разбросанных по всему склону.

— Прекрасный вид, — отметил я. — Вы не станете возражать, если я закрою окно?

— Пожалуйста. Вы полагаете, они следят за мной?

Я посмотрел на нее и понял, что она говорит совершенно серьезно.

— Кого вы имеете в виду?

— Джерри, Сьюзан и маленького мальчика.

— Сомневаюсь.

— Я тоже. Но у меня сегодня такое чувство, что за мной наблюдают. Можно, конечно, задернуть шторы, но вряд ли это поможет. Кто бы это ни был, он — всевидящий. Бог это или дьявол, не имеет значения.

Я отвернулся от окна и снова взглянул ей в лицо. Оно казалось открытым и незащищенным, уязвимым для посторонних глаз.

— Я заставляю вас стоять, мистер Арчер. Садитесь, пожалуйста, — она указала на массивное старое кресло.

— Я предпочел бы расположиться в другой комнате, где нас не так будет видно.

— Я тоже.

Мы перешли через коридор в комнату под лестницей, видимо служащую кабинетом. Она была такой крохотной, что вызвала ощущение, близкое к клаустрофобии. Я едва не задевал головой потолок в его наивысшей точке.

Кнопками к стене была приклеена репродукция картины Гарри Снайдера «Четыре превращения». Рядом, резко контрастируя, висела старая гравюра с изображением китобойного судна, прокладывающего себе путь в бурном море вокруг черного мыса Горн. В углу стоял металлический сейф с надписью на дверке «Уилльям Строум Милл и Ламбер К^о».

Эллен села за стол, на котором стоял телефон, а я опустился на винтовой стул. В этой тесной комнате до меня донесся запах ее духов, слабый и приятный. Так пахнет древесная зола или сухие листья. Я вдруг подумал, способна ли она еще на такую страсть, которая уносила ее в горы с Лео Бродхерстом.

Она перехватила мой взгляд, но истолковала его по-своему, хотя в чем-то и угадала.

— Если вы считаете, что я не от мира сего, то ошибаетесь. Правда, со мной происходили раз или два странные вещи... Я, например, знаю, что каждая ночь — это начало вечности.

— А что же днем?

— Мне лучше работается ночью,— коротко ответила она.

— Да, мне говорили об этом.

Она резко повернулась ко мне и быстро спросила:

— Вам Марта обо мне рассказывала?

— Она говорила о вас только хорошее. Она призналась, что вы спасли ей жизнь, когда она была еще совсем ребенком.

Я чувствовал, что ей приятно услышать это, но не настолько, чтобы она могла позволить себе расслабиться.

— Вы, конечно, знаете о моем романе с Лео Бродхерстом, иначе вы не упомянули бы его имя.

— Я произнес его, чтобы назвать его внука.

— У меня что, по-вашему, уже начинается паранойя?

— Возможно, чуть-чуть. Вы ведь живете одна.

— Откуда вам это известно, доктор?

— Я не доктор, я — пациент. Я тоже живу один.

— Сами захотели?

— Не я. Моя жена не смогла жить со мной. А теперь я привык.

— И я тоже. Мне нравится мое одиночество,— сказала она не очень убедительно.— Иногда я рисую всю ночь напролет. Для моей работы мне не нужно солнца. Я пишу вещи, в которых нет света, они отражают мое душевное состояние.

Я вспомнил картины, развешанные на стенах большой комнаты. Они похожи на большие синяки и открытые раны. Я спросил:

— Марта говорила вам, что с Джерри случилось несчастье? По-видимому, он сломал руку.

На ее выразительном лице появилось сострадание.

— Где он может быть?

— Направляется сюда, если не передумал и не поехал в какое-нибудь другое место.

— От чего он бежит?

— Вам это должно быть известно лучше, чем мне.

Она покачала головой.

— Я не видела его пятнадцать лет.

— Почему?

Она отмахнулась, словно хотела сказать, что мне и так о ней все известно. Это был жест женщины, витающей в облаках и потерявшей всякую связь с реальностью.

— Мой муж... мой бывший муж не простил мне Лео.

— Интересно, а что стало с Лео?

— Мне это тоже интересно. Я уехала в Рино оформлять развод. Мы договорились, что он приедет ко мне туда. Но он не приехал. Он обманул меня,— в голосе зазвучала обида.— С тех пор, как я уехала из Санта-Тереза, я больше не видела его.

— Куда же он уехал?

— Не знаю. Я не получала от него известий.

— Мне говорили, что он уехал из страны.

— Кто вам это сказал?

— Марта Крэндэлл. Она сказала, что узнала это от вас.

Эллен немного смутилась.

— Возможно, я и сболтнула что-нибудь в этом роде. Лео часто говорил о том, что увезет меня на Гавайи или на Таити.

— Наверное, не только говорил. Насколько мне известно, он купил два билета на английское грузовое судно, идущее в Гонолулу через Ванкувер. Это судно — «Свонси Касл» — отплыло из Сан-Франциско приблизительно 6 июля 1955 года.

— И что, Лео уплыл на нем?

— По крайней мере он купил билеты. Разве вы были не вместе?

— Нет. Тогда я уже торчала в Рино неделю, не меньше. Видимо, он уехал с какой-то другой женщиной.

— Или один,— предположил я.

— Только не Лео. Он не выносил одиночества. Ему обязательно нужно было, чтобы кто-то находился рядом, иначе он чувствовал себя несчастным. Главным образом поэтому я и вернулась в этот дом, после того, как он меня бросил. Я хотела доказать, что могу прожить и одна, что он мне не нужен.

— Я родилась в этом доме.— Она сказала это так, словно пятнадцать лет ждала человека, который ее выслушает.— Это дом моего деда. После смерти матери меня растила бабушка. Приятно вернуться в дом своего детства, и в то же время страшно... как будто становишься моложе и стареешь одновременно. Вот такие мысли пробуждает во мне этот дом...

Я подумал, что именно так она и выглядит в своей старомодной длинной юбке. Очень юной и очень старой, бабушкой и внучкой в одном лице. Все-таки она была немного странной.

Нервным жестом она оборвала себя, словно спохватившись.

— Я не утомила вас?

— Нет, что вы... Но мне хотелось бы поговорить о Лео. Мне так мало известно о нем.

— И я знаю немного... Два года я засыпала с мыслью о нем и просыпалась, надеясь его увидеть. Но потом я поняла, что совсем не знала его. У него все было на поверхности, понимаете?

— Не совсем.

— Я хотела сказать, что у него совсем не было внутреннего мира... Он хорошо делал то, за что брался. И это все. Он был тем, что он делал.

— А чем он занимался?

— Участвовал раз девять или десять в высадке десанта на Тихом океане, а после войны — в гонках, на своей яхте... Кроме этого, принимал участие в соревнованиях по теннису и играл в поло.

— Тогда у него не должно было оставаться много времени на женщин.

— А ему и не надо было много времени, — ответила она, скривив губы. — Мужчины, не способные на чувство, обычно не тратят на это много времени. Понимаю, это звучит грубо, но ведь так оно и есть. Я по-настоящему любила Лео и, возможно, до сих пор люблю... Не знаю, что я почувствовала бы, если бы он вошел сейчас. — Она посмотрела на дверь.

— А что, он может прийти?

Она покачала головой.

— Я даже не знаю, жив ли он.

— У вас есть основания полагать, что он умер?

— Нет. Но я всегда убеждала себя в этом. Так было легче жить. Он даже не соизволил позвонить мне в Рино.

— Я понимаю, как вам было тяжело.

— Я много плакала первую зиму. Потом забралась сюда и переборола себя. Теперь все, что я чувствую, находит выражение на полотне.

— И вам не бывает одиноко?

Она бросила на меня настороженный взгляд, словно проверяя, не собираюсь ли я навязывать ей свое общество. Убедясь, что нет, она призналась:

— Да, я все время чувствовала себя одинокой... по крайней мере до тех пор, пока не научилась жить одна. Вам, должно быть, знакомо это чувство, если вы живете один, — когда испытываешь унижение и жалость к себе, а винить кроме себя некого.

— Да, я понимаю... — Я перевел разговор на другую

тому, решив спросить о ее замужестве, так как это многое могло прояснить.

— Почему вы ушли от мужа?

— Между нами все было кончено.

— И вы никогда не скучали по нему и по маленькому сыну?

— По Брайану нет... Он стал очень груб со мной. Такое невозможно простить мужчине... Он грозил убить меня, если я попытаюсь забрать с собой Джерри или хотя бы увидеться с ним... Конечно, я очень скучала по сыну, но потом я научилась жить без него. Мне не нужен никто, буквально никто.

— А фигурально?

Она широко и открыто улыбнулась. Эта улыбка была похожа на вспышку света, на мгновение озарившую ход ее мыслей. — Ну, если фигурально, тогда другое дело. Конечно, я чувствовала себя изгоем. Больше всего мне не доставало детей. Не только собственного ребенка, но всех детей, которых я учила в школе. У меня перед глазами до сих пор стоят их лица, и мне кажется, я слышу их голоса...

— И Марту Крэндэлл?

— Она была одной из них...

— Как Элберт Суитнер и Фриц Сноу.

Она посмотрела на меня с укоризной.

— Вы много узнали обо мне... Поверьте, не стоило. Я не представляю для вас интереса.

— Может быть, но Элберт, Фриц и Марта друг с другом знакомы. Они вместе учились в вашем классе?

— Да, к сожалению.

— Почему к сожалению?

— Когда они собирались втроем, от них можно было ждать чего угодно. Вы, наверное, слышали об их нашумевшем путешествии в Лос-Анджелес?

— Мне не удалось выяснить, кто был в этом деле заводилой. Элберт?

— И в суде так же решили. Только у него из троих были до этого приводы в полицию. Но я думаю, что идея принадлежала Марте. — Она помолчала и задумчиво добавила. — И Марте удалось легче всех выпутаться из той истории, если так можно сказать о вынужденном замужестве... к тому же с человеком много старше ее по возрасту.

— Кто отец ее ребенка? Элберт Суитнер?

— Вам лучше спросить об этом Марту. — Она помолча-

ла и спросила о другом.— Элберт действительно умер? Так мне сказала по телефону Марта.

— Его зарезали вчера вечером. Не спрашивайте кто, я не знаю.

Она скорбно опустила глаза, словно убитый лежал у ее ног.

— Бедный Элберт, ему так и не удалось пожить по-человечески. Большую часть своей взрослой жизни он провел в тюрьме.

— Откуда вам это известно, мисс Сторм?

— Я старалась не терять его из виду...— После небольшой паузы она добавила.— И потом, он приезжал сюда на прошлой неделе.

— Вы знали, что он сбежал из тюрьмы?

— Если да, то что?

— Вы не пытались повлиять на него, чтобы он вернулся?

— Наверное, я не очень хороший гражданин,— сказала она с некоторой долей иронии.— Это была его третья судимость, и он должен был провести в тюрьме почти всю оставшуюся жизнь.

— За что его посадили?

— За вооруженное ограбление.

— Вам не было страшно, когда он пришел к вам в дом?

— Нет. Я была удивлена, увидев его, но не испугалась.

— Что ему нужно было у вас? Деньги?

Она кивнула.

— Я не смогла дать ему много. Мне уже давно не удавалось продать ни одной картины.

— Что еще вы дали ему?

— Немного хлеба и сыра.

Я вынул из кармана книгу в зеленой обложке, которую все еще носил с собой.

— Мне кажется, эта книга когда-то была моей,— сказала Элен.

— Да, это ваша.— Я показал ей экслибрис с ее именем.

— Где вы ее взяли? Надеюсь, не у Эла Суитнера?

— У вашего сына Джерри.

— Он хранил ее? — Было видно, что ее интересует каждая мелочь из той жизни, с которой она рассталась.

— Очевидно, да.— Я указал на его подпись, сделанную карандашом на корке.— Но то, что я хочу вам показать, находится внутри.— Я открыл книгу и вытащил лежащую в ней газетную вырезку.— Вы показали это Элу Суитнеру?

Она взяла вырезку и прочла ее.

— Да.

— С какой целью?

— Я думала, что, возможно, ему удастся заработать на этом денег.

— Хороша благотворительность... Трудно поверить, что вы не преследовали каких-то своих целей.

Она вспыхнула, правда, не очень сильно, словно у нее не было достаточно веских причин, чтобы стыдиться.

— Что вам известно о моих намерениях?

— Только то, что вы сами сказали.

Она помолчала немного.

— Мне стало интересно. Это объявление пролежало у меня все лето, и я не знала, как с ним поступить. Я не знала, кто поместил его в газету... И что стало с Лео, я не знала. Я подумала, что, может быть, Элберт сможет что-нибудь узнать для меня.

— Поэтому вы и отправили его в Санта-Тереза? Это было неосмотрительно.

— Что же в этом неосмотрительного?

— Элберт убит и Стенли Бродхерст тоже...— Я рассказал ей подробности.

— Так значит, это Стенли подал объявление в «Кроникл»,— произнесла она.— Я связалась бы с ним, если бы знала. Но я думала, что, наверное, это Элизабет.

— Почему вы так решили?

— Я помню, когда была сделана эта фотография.— Она разгладила ее на колене, как перышко, которое только что нашла.— Этот кадр сделала Элизабет еще до того, как узнала, что мы с Лео любовники. Смотрю на фотографию, и кажется, все вернулось... Все, что я имела и потеряла.

Ее глаза наполнились сентиментальными слезами. Но мои остались сухими. Я думал о том, что потеряла Элизабет Бродхерст.

27

За окном под колесами тяжелой машины зашуршал гравий. Эллен подняла голову. Я направился к входной двери. Она последовала за мной.

На веранде стояла Марта Крэндэлл. Выражение ее лица изменилось, как только она увидела меня.

— Они не появились?

— Они никогда не появятся, если вы будете стоять на виду. За домом наблюдают.

Эллен взглянула на меня подозрительно. Я попросил ее зайти в дом и забрать с собой Марту, а сам спустился по ступенькам и приблизился к громоздкому новому автомобилю Лестера Крэндэлла. Он все еще сидел за рулем.

— Я говорил маме, что все это пустая трата времени и сил, но она настояла на поездке.— Он с интересом разглядывал дом.— Так вот где живет знаменитая Эллен. Да ведь он же разваливается...

Я перебил его:

— Надо бы убрать машину с этого места. Вы сами это сделаете или доверите мне?

— Лучше вы. Я что-то немного устал.

Из-за внушительных размеров ему было не так-то просто перебраться на другое сиденье с места водителя. Когда он наконец закончил этот сложный маневр, я сел за руль и поставил машину позади дома. Мысль о том, что в доме стали собираться люди, замешанные в этом деле, немного будоражила меня, но подсознательно я, кажется, все же отметил, что к дому подъехала еще одна машина.

Когда мы с Лестером Крэндэллом вышли из-за угла дома, то увидели на подъездной дорожке фигуру человека с пышной копной волос и бородой. Все вместе это напоминало треугольник, похожий на дорожный знак, запрещающий проезд. Незнакомца осветили фары подъезжающей по дорожке машины, и мы увидели, что это был Джерри Килпатрик. Одна рука у него была в пращевидной повязке.

Видимо, узнав и меня и Крэндэлла одновременно, он резко обернулся к подъезжающей машине и крикнул:

— Сьюзи! Удирай!

Микроавтобус на мгновение остановился — она включила заднюю передачу — и с ревом попятился на основную дорогу. Джерри как-то неуверенно оглянулся вокруг и, прихрамывая, бросился бежать с подъездной дорожки в сторону деревьев, но угодил прямо в руки Уилли Макки и его здоровяка-помощника Гэрольда.

Когда я подбежал к ним, микроавтобус уже поворачивал на Хэйвен-Роуд; пучки света от фар, точно длинные кисти, выхватывали из темноты стволы деревьев. Микроавтобус удалялся в сторону Сан-Франциско.

— Я позвоню на мост,— сказал Уилли.

Я бросился по дороге к своей машине, чтобы пуститься в погоню. Когда я подъехал к мосту, то в правом ряду уже образовалась пробка. В голове остановившегося потока автомашин стоял пустой микроавтобус.

На мосту я увидел Сюзан. Она бежала, держа за руку

мальчика, по направлению к мостовой опоре. За ними, немного отстав, вприпрыжку бежал огромный детина в форме охранника.

Я тоже бросился к ним изо всех сил, на которые был способен. Оглянувшись, Сьюзи выпустила руку Ронни из своей, подбежала к перилам и перемахнула через них. У меня похолодело внутри при мысли, что она бросилась вниз, но в следующее мгновение ее голова с развевающимися по ветру светлыми волосами показалась над перилами.

Охранник остановился, не добежав до нее. Мальчик топтался у него за спиной. Когда я подошел, он повернулся ко мне. С черным от грязи лицом и в чересчур больших для него шортах и свитере, он походил на оборванца.

Он виновато улыбнулся, словно я поймал его за нехорошим занятием, за которое его накажут, как школьного прогульщика.

— Привет, Ронни.

— Привет. Смотри, что Сьюзи делает.

На фоне темнеющего неба она стояла, держась двумя руками за перила. За ней, точно стена фантастического здания, громоздились плотные облака. Вспыхнула молния, будто кто-то пытался поджечь здание огромной спичкой.

Крепко сжав холодную ручонку мальчика, я начал приближаться к ней. Она смотрела на меня пустым взглядом, не проявляя ни малейшего интереса, точно я принадлежал к другой расе — тех, кто старше двадцати.

— Вы знаете ее? — обратился ко мне охранник.

— Я знаю, кто она. Ее зовут Сюзан Крэндэлл.

— Я слышу! Вы говорите обо мне. Прекратите, иначе я прыгну!

Охранник отпрянул на несколько шагов назад.

— Скажите ему, пусть отойдет еще дальше, — приказала она мне.

Я передал ее слова, и он выполнил это требование.

Она взглянула на нас с интересом, как на марионеток, подчиняющихся ее воле. Лицо ее по-прежнему оставалось застывшим, только широко распахнутые глаза беспокойно блуждали. Она обратилась ко мне совершенно спокойно:

— Что вы собираетесь делать с Ронни?

— Отвезти его к матери.

— Как вы можете доказать это?

— Спросите Ронни. Он меня знает.

Мальчик подал голос:

— Он давал мне кормить своих птиц земляными орехами.

— Значит, это вы,— произнесла она.— Он говорил об этом весь день.

Она улыбулась мальчику устало-снисходительной улыбкой, словно говоря, что сама уже вышла из того возраста, когда играют в детские игры. Хотя глядя на ее тонкие белые пальчики, вцепившиеся в перила, и развевающиеся по ветру волосы, я подумал, что сейчас она очень похожа на ребенка, точнее на птенца, усевшегося на высокой жердочке.

— Что вы сделаете со мной, если я перелезу к вам?

— Ничего.

Словно не слыша, что я сказал, она продолжала:

— Пристрелите? Или, может быть, отправите в тюрьму?

— Ни то, ни другое.

— Что же вы сделаете? — повторила она свой вопрос.

— Отвезу вас в более безопасное место.

Она покачала головой.

— В этом мире нет безопасного места.

— Я сказал, более безопасное.

— А там что вы будете со мной делать?

— Ничего.

— Вы жалкий грязный лжец!

Она наклонила голову и посмотрела через плечо вниз, словно измеряя глубину моей лжи и своего отчаянного гнева.

Со стороны Сан-Франциско к мосту приближался грузовик с патрулем охранников. Я подал им рукой сигнал остановиться. На грузовике повторили мой сигнал, он замедлил ход и остановился.

— Идите сюда, Сьюзан,— сказал я.

— Ага,— попросил Ронни.— Иди сюда. Я боюсь, что ты упадешь.

— Я уже упала,— с горечью сказала она.— Мне некуда идти.

— Я отвезу вас к вашей матери.

— Я не хочу ее видеть. Я не хочу снова жить с этими людьми.

— Вот и скажите им об этом,— посоветовал я.— Вы достаточно взрослая, чтобы жить с другими людьми. И вам не нужно стоять там, где вы стоите сейчас, чтобы доказывать это.

— Мне нравится здесь стоять,— ответила она. И тут же спросила: — С какими другими людьми?

— На свете много разных людей.

— Но я боюсь.

— После всего того, что вы пережили, вы все еще боитесь?

Она кивнула и снова посмотрела вниз. Я со страхом подумал, что сейчас она все-таки прыгнет.

Однако она поступила по-другому. Она перелезла через перила и, опершись на них, перевела дух. Мальчик подошел к ней, таща меня за собой, и взял ее за руку.

Все вместе мы двинулись к тому месту, где Уилли Макки и его помощник беседовали с местными полицейскими. Судя по всему, Уилли с ними крепко повздорил. Они записали наши имена, задали несколько вопросов и отпустили.

28

Ронни поехал в микроавтобусе с Уилли. Мне очень не хотелось отпускать его от себя, но я не мог упустить возможность поговорить со Сьюзан до того, как она встретится с родителями.

Пока мы выбирались из автомобильного затора, она сидела безучастно. Охранник, который бежал за ней по мосту, остановил поток встречных машин, видимо, ему не терпелось побыстрее от нас отделаться.

С тревогой в голосе она спросила:

— Куда вы меня везете?

— К Эллен Сторм. Кажется, вы направлялись к ней?

— Да. Мои мать и отец там?

— Они немного опередили вас.

— Не говорите им, что я хотела прыгнуть с моста, ладно? — тихо попросила она.

— Вам вряд ли удастся это скрыть. Да и все остальное тоже. — Я выдержал паузу, чтобы до нее дошел смысл моих слов. — Я до сих пор не понимаю, зачем вам понадобилось убегать.

— Они остановили меня у моста и не разрешали мне проехать. Они стали кричать на меня и задавать всякие вопросы. И вы тоже задаете вопросы, — сказала она, взглянув на меня с опаской. — Я не обязана отвечать.

— Конечно, вы не обязаны. Но если вы не расскажете, что произошло, тогда кто это сделает?

— О чем вы говорите? О том, что произошло на мосту?

— Вчера в горах, когда вы отправились туда со Стенли Бродхерстом и Ронни. Зачем вы поехали туда?

— Меня попросил мистер Бродхерст. Этот Суитнер

рассказал ему... о том, что я наболтала тогда... под действием наркотиков.

— Что именно?

— Я не хочу об этом говорить. Мне даже думать об этом не хочется. И вам не удастся заставить меня.

В ее голосе послышалась такая непреклонность, что я даже сбавил скорость и стал краем глаза наблюдать за ней.

— Ну, хорошо. А зачем вы поехали к мистеру Бродхерсту в пятницу? Вас послал Элберт Суитнер?

— Нет. Это была идея Джерри. Он сказал, что я должна съездить и поговорить с мистером Бродхерстом, что я и сделала. А потом в субботу утром мы пошли в горы.

— С какой целью?

— Мы хотели выяснить, не зарыта ли там одна вещь.

— Какая?

— Небольшая красная машина. Мы заехали туда на небольшой красной машине.

Она говорила уже совершенно другим голосом. Он звучал так, будто у нее затуманились мозги или она перенеслась в другое измерение. Я спросил:

— Кто это «мы»?

— Мама и я. Но я не могу говорить о том, что произошло потом. Это было давно, и у меня было что-то с головой...

— Мы говорим о вчерашнем дне, — напомнил я. — Так Стенли Бродхерст откапывал машину?

— Да... маленькую красную спортивную машину. Но он не успел докопать до конца.

— Что же произошло?

— Я точно не знаю. Ронни попросился в туалет. Я взяла у мистера Бродхерста ключ и повела мальчика в горный домик. Потом я услышала, как мистер Бродхерст закричал. Я подумала, что он зовет меня и вышла из дома. Я увидела, что мистер Бродхерст лежит на земле... А над ним стоит мужчина... с черной бородой и длинными, как у хиппи, волосами. Он ударил мистера Бродхерста киркой... И я увидела на затылке мистера Бродхерста кровь... Красную-красную. А потом под деревьями вспыхнул огонь... ярко-оранжевый... Человек сбросил его в яму и закидал землей.

— Что вы сделали потом, Сьюзан?

— Я вернулась в дом, забрала Ронни, и мы убежали.

Мы спустились по тропинке в каньон. Тот человек нас не видел.

— Вы можете описать его? Он молодой или старый?

— Не знаю, он был далеко от меня. На нем были большие черные очки, закрывающие все лицо, поэтому я его не разглядела. Наверное, все-таки молодой... раз у него такие волосы.

— Это не мог быть Элберт Суитнер?

— Нет. У него короткие волосы.

— А что, если на нем был парик?

Она задумалась.

— Нет, не думаю, что это был он. И вообще, я не хочу говорить о нем. Он сказал, что, если я кому-нибудь расскажу о нем, он убьет меня.

— Когда он вам это сказал?

— Я повторяю, что не хочу говорить о нем. И не заставляйте меня!

Ее лицо побелело в свете фар идущей навстречу машины. Она отвернулась, словно испугавшись, что свет раскроет ее секреты.

Мы подъехали к Хэйвен-Роуд. Я свернул с дороги и остановился под деревьями. Девушка прижалась к дверке машины.

— Не прикасайтесь ко мне,— со страхом пролепетала она.— Не делайте мне ничего плохого.

— Почему вы решили, что я хочу сделать вам что-то плохое, Сьюзан?

— Вы такой же, как Суитнер. Он тоже говорил, что все, что ему от меня нужно, это, чтобы я рассказала ему, что помню. А потом повалил меня на эту грязную кровать...

— На чердаке горного домика?

— Да. Он сделал мне больно. У меня потекла кровь.— Она смотрела сквозь меня, в темноту, словно я был облаком.— Потом что-то треснуло, и я увидела кровь на его голове. И опять все было красное-красное. Мама выбежала в дверь и пропала. Ее не было всю ночь.

— О какой ночи вы говорите?

— О той, когда они похоронили его возле явора.

— Но ведь это произошло днем?

— Нет. Это было темной ночью. Я видела, как за деревьями мелькал свет. Это была какая-то большая машина. Она редела, как чудовище. Я тогда испугалась, что она придет и закопает меня. Но она не знала, где я спряталась,— закончила Сьюзан изменившимся до неузнаваемости голосом.

— А где вы были?

— Я пряталась на чердаке, пока не вернулась мама. Ее не было всю ночь. Она велела мне никогда никому об этом не рассказывать.

— Значит, вы видели ее после того, как это произошло?

— Конечно, видела.

— Когда?

— Всю свою жизнь, — ответила она.

— Я говорю о последних тридцати шести часах. Мистера Бродхерста закопали вчера.

— Вы хотите запутать меня, точно также, как Суитнер. — Она засунула руки между коленей и содрогнулась. — Не говорите маме, что он со мной сделал. Мне не велят оставаться одной с мужчинами. И я больше не буду.

Она смотрела на меня с недоверием и страхом. Меня переполняли жалость к ней и злость на себя. Расспрашивать Сьюзан в таком состоянии, снова напоминая ей о пережитом страхе, который едва не довел ее до самоубийства, было жестоко.

Я не стал больше задавать ей вопросов и сидел молча, обдумывая то, что она мне уже рассказала. То, что она сообщила, казалось, основывалось на фактах, но никак не вязалось с действительностью. Чем больше я думал над этим, тем больше склонялся к мысли, что она говорила о разных, но связанных между собой событиях, которые неразрывно переплелись в ее сознании.

— Сколько раз вы были в горном домике, Сьюзи?

Она молча шевелила губами, подсчитывая.

— Трижды, если не ошибаюсь. Вчера, когда водила Ронни в туалет. Пару дней назад, когда этот Суитнер повалил меня на чердаке. И еще один раз с мамой, когда я была еще маленькой, меньше, чем Ронни сейчас. Раздался выстрел, и она убежала, а я просидела всю ночь на чердаке. — Девушка начала судорожно всхлипывать без слез. — Я хочу к маме.

29

Ее родители ждали перед старым домом с двумя башенками. Сьюзан выбралась из машины и медленно побрела к ним, понуриив голову. Мать прижала ее к себе и принялась ворковать над ней, называя ее ласковыми именами. Их теплая встреча вселяла надежду, что все у них будет хорошо.

Лестер Крэндэлл стоял немного в стороне, словно оглу-

шенный. Он как-то рассеянно посмотрел на меня и двинулся навстречу нетвердой походкой, точно земля уходила у него из-под ног, а я ее раскручивал.

— Ваш напарник,— он махнул рукой в сторону дома, и я догадался, что он имеет в виду Уилли Макки,— ваш напарник сказал мне, что это вы отговорили ее прыгать с моста. Я вам очень признателен.

— Хорошо, что я успел вовремя. Почему вы ничего не скажете ей, мистер Крэндэлл?

Он бросил косой взгляд на Сьюзан.

— Я не знаю, что говорить.

— Скажите ей, что рады, что она не покончила с собой.

Он покачал головой.

— Не будем преувеличивать. Она всего лишь угрожала.

— Нет. За последние четыре дня она дважды пыталась покончить с собой. Вам не следует везти ее домой без соответствующей медицинской помощи.

Он повернулся и посмотрел на обеих женщин. Они поднимались на веранду.

— Разве с ней что-нибудь случилось?

— Да. Над ней надругались, физически и морально. Ее накачали наркотиками и изнасиловали. Кроме того, она была свидетелем минимум одного убийства, а возможно, и двух. Без помощи психиатра от нее трудно добиться разумных объяснений.

— Боже мой, кто ее изнасиловал?

— Элберт Суитнер.

Крэндэлл замер. Я почувствовал, как в его уже немолодом теле растет огромная сила.

— Я убью этого подонка.

— Он уже мертв. Может быть, вы знали об этом?

— Нет.

— Вы не встречались с ним в последние дни?

— Я встречал его только раз в жизни. Это было восемнадцать лет назад, когда его приговорили к тюремному заключению за кражу моей машины. Я был свидетелем в суде.

— Мне говорили, что он приезжал в мотель «Юкка Три Инн» в то лето, когда освободился из тюрьмы. Вы забыли об этом?

— Хорошо, я видел его дважды. Что из этого?

— Вы можете рассказать мне о том, что тогда произошло?

— Вы сами знаете, что произошло,— сказал он.— Иначе вы бы не стали вспоминать об этом. Он хотел расстро-

ить наш брак. Наверное, он все три года, пока сидел в Пренстоне только и думал, как это сделать. Он заявил, что он отец Сьюзи и что собирается официально заявить о своих правах. Я избил его.— Он несколько раз с ненавистью ударил кулаком правой руки по раскрытой левой ладони.— И Марте досталось. В ответ она забрала Сьюзи и ушла от меня. Я не виню ее. После этого она долго не возвращалась...

— Она уехала с Элбертом Суитнером?

— Я не знаю. Она никогда не говорила об этом. Я уже думал, что больше не увижу ни ее, ни Сьюзи. Мне казалось тогда, что жизнь кончена. Теперь-то уж, наверняка, все кончено.

— У вас есть шанс вернуть все на свои места. Только вы можете сделать это.

По его глазам было видно, что он понял меня.

— Сомневаюсь, Арчер. Я старею... В свой следующий день рождения я буду отмечать шестидесятилетие. Просто мне не надо было связывать с ними свою жизнь.

— Но ведь кто-то должен был это сделать?

Он взволнованно произнес:

— Да, на Марте многие захотели бы жениться. Она была ослепительной красавицей. Она и сейчас красива...

— Не будем об этом... Вы уже думали, где будете ночевать?

— Я рассчитывал вернуться назад в «Юкка Три». Я ужасно устал, это у Марты всегда открывается второе дыхание.

— А завтра?

— Вернемся в Пэлисейдз. Только заедем в медицинский центр. Свожу туда Сьюзи.— Он сказал об этом так, словно это была его собственная мысль.

— Обязательно сделайте это, Лестер. И хорошенько присматривайте за ней. Вчера на ее глазах было совершено убийство, убийца может попытаться уничтожить и ее.— Я рассказал ему о мужчине в парике, который потом был найден на мертвом Суитнере.

— Значит ли это, что Суитнер убил Стенли Бродхерста?

— Тот, кто убил, хочет, чтобы мы думали именно так. Но это вряд ли возможно. Я видел Суитнера в Нортридже приблизительно в то же время, когда было совершено убийство Стенли.— Я помолчал немного, потом спросил.— Кстати, а где вы были в это время?

— Бродил по Лос-Анджелесу в поисках Сьюзи.

Я не стал спрашивать его, может ли он подтвердить свои слова. Словно прочтя мои мысли, он достал бумажник и протянул мне несколько сотенных банкнот. Мне не хотелось брать у него деньги и быть ему чем-то обязанным до того, как дело будет окончено, поэтому я сказал:

— Уберите деньги.

— Вам не нужны деньги?

— Когда мы раскроем убийство, я пришлю вам счет.

Я вошел в дом. В гостиной сидел Уилли Макки с Ронни на коленях. Он рассказывал мальчику о своем знакомом воришке, который пытался сбежать из тюрьмы на острове Алкатраз.

В одной из комнат я нашел Марту Крэндэлл с дочерью. Они сидели в нише у окна, склонив друг к другу светловолосые головы.

Еще час назад в этом большом старом доме царила тишина. Теперь же он напоминал агентство, которое организует встречи родственников. Я надеялся, что меня не станут сильно бранить за эту перемену.

Рискнув навлечь на себя ее неудовольствие, я поймал взгляд Марты Крэндэлл и подал ей знак подойти ко мне.

— Что случилось? — нетерпеливо спросила она, оглядываясь на дочь. — Мне не хотелось бы оставлять ее одну.

— Боюсь, что придется.

Она взглянула на меня с испугом.

— Вы хотите сказать, что увезете ее с собой?

— Ну, это вам решать. У Сьюзан сейчас в голове хаос, она способна на самоубийство.

Марта резко пожала плечами.

— Это была просто игра на публику. Она сама так говорит.

— Многие самоубийства начинались именно как игра. Только трудно определить черту, где кончается игра и начинается смерть. Любой человек, говорящий о самоубийстве, нуждается в помощи.

— Я как раз этим и занимаюсь.

— Я имею в виду профессиональную помощь психиатра. Я уже говорил об этом с вашим мужем, и он обещал, что повезет ее завтра в медицинский центр. Было бы хорошо, если бы вы находились рядом с ней во время бесед с психиатром.

— Неужели я кажусь такой плохой матерью? — сказала она немного обиженно.

— Я этого не говорил. Но мне кажется, что вы никогда не беседовали с ней откровенно.

— О чем?
— О вашей бурной молодости.
— Но я не могла! — горячо возразила она.
— Почему?
— Мне было стыдно.
— Пусть бы она знала, что вы тоже способны чувствовать.

— Хорошо, — медленно проговорила она. — Я поговорю с ней.

— Обещаете?

— Да. Я ведь люблю ее, свою маленькую девочку... Впрочем, теперь не такую уж и маленькую.

Она повернулась, чтобы идти к дочери, но я остановил ее и отвел в самый дальний угол комнаты. Картины Эллен, развешанные на стенах, напоминали когда-то виденные галлюцинации.

Она нетерпеливо спросила:

— Что вы еще от меня хотите?

— Несколько слов правды. Я хочу узнать, что произошло пятнадцать лет назад, когда Элберт Суитнер посетил «Юкка Три».

Она взглянула на меня так, словно я дал ей пощечину.

— Сейчас не время копаться в прошлом.

— Боюсь, что другой возможности поговорить у нас не будет. Итак, вы уехали от мужа. Что было потом?

Она сжала губы и прищурилась.

— Вам Лестер рассказывал?

— Кое-что, но не много. Он сказал, что вы забрали с собой Сьюзан, а потом вдруг снова вернулись. Но он не знает, что с вами случилось, пока вас не было.

— Ничего не случилось. Просто я все взвесила и передумала, вот и все. В любом случае это сугубо мое личное дело.

— Так оно, вероятно, и было бы, если бы об этом никто не знал. Но тут замешаны разные люди. Одна из них — Сьюзан. Она тогда была уже достаточно большой и все помнит.

Марта бросила на дочь виноватый взгляд. Девушка спросила:

— Вы обо мне говорите? Это нехорошо.

Голос ее звучал тихо и отрешенно. Она сидела в нише стены, точно актриса, которой не разрешают сойти со сцены в бушующий страстями реальный мир. Мать покачала головой, глядя на нее, а потом повернулась ко мне.

— Ну хватит. Я не обязана это выслушивать,— сказала она.

— Что вы можете предложить? Или вы считаете, что Сьюзан сама должна справляться со своими переживаниями, не надеясь на вашу помощь?

Марта склонила голову, как капризный ребенок.

— Мне никто никогда не помогал.

— Может быть, я смогу вам помочь, миссис Крэндэлл? Эл Суитнер сказал вашему мужу, что он — отец Сьюзан. Лично я этому не верю, как и не верю тому, что Эл Суитнер стал бы насиловать собственную дочь.

— Кто вам сказал, что он ее изнасиловал?

— Сьюзан.

— А стоит ли вообще говорить о таких вещах? — Она укоризненно посмотрела на меня, как будто, если бы я не сказал об этом вслух, то ничего бы не было.

— Если сама Сьюзан сочла возможным говорить об этом, то, вероятно, можно и нам.

— Когда вы успели поговорить с ней?

— По дороге сюда.

— Вы не имели права...

— Да, не имел. Но она устала от того груза, который постоянно давил на нее. Она должна была сбросить его со своих плеч.

— Какой груз?

— Слишком много убийств,— ответил я.— Слишком много тяжелых воспоминаний.

Ее глаза расширились, будто к ним поднесли увеличительное стекло, через которое она пыталась рассмотреть что-то в далеком прошлом. Все, что удалось разглядеть мне, это собственное отражение в ее темных зрачках.

— Что вы узнали от Сьюзан?

— Совсем немного. Она вообще-то не собиралась ничего рассказывать, но воспоминания сами просились наружу. Она ведь была с вами в горном домике однажды ночью летом 1955 года?

— Не понимаю, о какой ночи вы говорите?

— О той, когда был застрелен Лео Броджерст.

Марта опустила глаза. Из-под длинных пушистых ресниц их совсем не стало видно. Ее шатнуло, будто воспоминание о том выстреле ранило ее саму. Я поддержал ее, ощутив тепло ее тела.

— Так Сьюзан помнит? Разве она может помнить? Ей было всего три года.

— Она помнит многое. Даже слишком многое. Так значит, Лео Бродхерста убили?

— Я не знаю. Я убежала, а он остался. Я была пьяна и не смогла завести его машину. А утром ее уже не было.. как и его самого.

— Что это была за машина?

— «Порше». Маленький красный «порше». Она не завелась, поэтому я ушла пешком. Я совершенно забыла о Сьюзан. Я даже не помню, куда я бежала. — Она высвободилась из моих рук, будто это они заставляли ее вспоминать о событиях той ночи.

— Что же произошло со Сьюзи?

— Разве вы не вернулись за ней?

— Вернулась, утром. Я нашла ее спящей на чердаке. Не понимаю, как она могла слышать выстрел, если спала там?

— Она не спала, а находилась в комнате, когда это случилось.

— Лео умер?

— Думаю, что да.

Марта взглянула на дочь. Я тоже повернулся к ней. Девушка внимательно наблюдала за нами. Теперь она больше походила на зрителя, чем на актрису. Она не могла слышать нас, мы говорили очень тихо. Но она, казалось, догадывалась, о чем идет разговор.

— Она помнит, кто застрелил его? — спросила Марта.

— Нет. А вы?

— Я не видела, кто стрелял. Мы с Лео занимались любовью, к тому же я была навеселе..

— А выстрел вы слышали?

— Наверное, да. Только я не поняла, что это был выстрел, понимаете?.. До меня только тогда дошло, что что-то случилось, когда я почувствовала кровь на его лице. — Она провела языком по губам. — Господи, в чем вы заставляете меня признаваться! Я думала, что мне удалось вычеркнуть эту ночь из своей жизни. Это была самая ужасная ночь, которую мне довелось пережить, а я надеялась, что она будет лучшей. Мы собирались уехать, все троим, и начать новую жизнь на Гавайях. Как раз в тот день Лео купил билеты.

— Это он отец Сьюзан?

— Да. По крайней мере я так всегда считала. Поэтому-то я и поехала к нему, когда Лестер вышвырнул меня из дома. Он был первым мужчиной, которому я позволила до себя дотронуться.

— Значит, не Эл Суитнер? Не Фриц Сноу?

Она отрицательно качнула головой.

— Я была уже беременна, когда поехала с ними в Лос-Анджелес. Собственно, поэтому и поехала.

— И вы сподвигли их на это воровство?

— Вот Лео было что терять, а им что?

— Свои жизни.

Она поднесла к лицу ладони и принялась их разглядывать, словно выискивая грязь или шрамы. Глаза ее потемнели и наполнились тоской. Она втянула голову в плечи и закрыла лицо руками.

Сьюзан вышла из ниши и приблизилась к нам. С ней произошла чудесная перемена. Казалось, ее лицо светилось откуда-то изнутри неестественно ярким светом, точно радиоактивное вещество с коротким периодом полураспада.

— Вы заставили мою маму плакать...

— Ничего страшного. Она такой же человек, как и все мы.

Девушка продолжала смотреть на мать с легким изумлением.

30

Я оставил их вдвоем и прошел в гостиную. От усталости мальчик почти полулежал на коленях Уилли.

— Готов,— прокомментировал Уилли.— А в Сан-Франциско меня ждет не дождется молодая жена.

— Дай мне еще несколько минут,— попросил я.— Где мисс Сторм?

— Там, вместе с сыном.— Он указал большим пальцем на закрытую дверь комнаты под лестницей.— А парень-то упрямый. Я поэтому и сижу здесь.

— Что он сделал?

— Пытался оказать сопротивление Гэрольду, одной рукой. Представляешь? А тот играет в футбол за «Фортейнерз».

— Где сейчас Гэрольд?

— На улице. Ведет наблюдение за домом, на случай, если еще кто-нибудь заявится.— Уилли посуровел и слегка пощекотал мальчику ребра.— Не дай бог... Эй, соня!

Я постучал в дверь маленькой комнаты. Эллен позволила войти.

Она сидела на вращающемся стуле, а ее сын — на полу, прислонившись к сейфу, словно это была печка, которая, правда, не грела. Он выглядел бледным и измученным,

рыжие волосы и борода казались приклеенными. Губы его нервно подергивались, будто он что-то покусывал или покусывали его.

— Это мистер Арчер,— представила меня Эллен.

Чтобы показать, что не держу на него зла, я поинтересовался, что у него с рукой. Вместо ответа он плюнул мне под ноги.

— Она сломана,— сказала Эллен.— Он показал ее в клинике в Хэйт-Эйсберри. Они просили его приехать еще раз завтра.

Парень не дал ей закончить, перебив взмахом здоровой руки.

— Не рассказывай ему ничего. Это из-за него я потерял «Ариадну».

— Конечно, из-за меня. И, наверное, это я сломал твою руку рукояткой револьвера, который держал головой.

— Лучше бы я застрелил тебя!

Уилли оказался прав, парень действительно был упрямым. Мне трудно было понять, то ли он упрям от природы, то ли это поведение его обусловлено недавним потрясением.

— Да... Натворил он дел,— произнес я, обращаясь к Эллен.— Полагаю, вы уже знаете?

— Вы хотите сказать, что арестуете его?

— Это не входит в мои обязанности. И не мне решать, что делать с ним дальше. Я ему не отец.

— Но работаете на него,— вставил Джерри.— Если вы думаете, что заставите меня вернуться в Слобвилль...

Я повернулся к нему.

— В Слобвилле и без тебя обойдутся. Ты ошибаешься, если считаешь, что тебя ждут не дождутся на пристани.

Мои слова заставили его замолчать, и я почувствовал себя неловко, так как немного лукавил. Я вспомнил Роджера Армстеда, стоящего на берегу и вглядывающегося в море.

— Он не вернется к отцу,— сказала Эллен.— Пусть он останется у меня. Я обеспечу за ним необходимый уход.

— Вы уверены, что сможете с ним поладить?

— По крайней мере я смогу предоставить ему убежище. Я уже делала это для других людей, попавших в беду.— Она говорила вполне искренне.

— Не знаю, позволит ли это закон...

— А в каких он отношениях с законом?

— Это зависит от его послужного списка, если он имеется.

Мы оба взглянули на Джерри. Он сидел в углу, не шевелясь, только губы его по-прежнему дергались, как у преждевременно состарившегося человека.

— Тебя когда-нибудь арестовывали? — спросил я.

— Нет. И я не собираюсь этого дожидаться.

— Сейчас шутить не время. Если власти захотят привлечь тебя к ответственности, то обвинение может быть серьезным. Угон яхты — крупная кража. То, что ты забрал мальчика, могут расценить как похищение. Тебе в лучшем случае сделают скидку как несовершеннолетнему.

На лице Джерри появилось выражение испуга.

— Что я ему сделал? Я спасал ему жизнь.

— Ты едва не угробил его.

Подтянув под себя ноги, Джерри неуклюже поднялся, поморщившись от боли.

— Все было не так, как вы говорите. Да, я виноват в том, что яхта разбилась, но я не крал ее. Мистер Армстед доверил ее мне. Спросите его сами, если не верите.

— Лучше ты поговори с ним. Только не сегодня. — Я повернулся к его матери. — Почему вы не уложите его спать?

Джерри не стал спорить. Обняв сына за плечи, Эллен вывела его из комнаты. По ее лицу нетрудно было понять, что она рада этим неожиданно свалившимся хлопотам — она устала от монотонной спокойной жизни. Я понимал: то, что предложила Эллен, не решит проблемы. Она привыкла жить одна, а Джерри уже вышел из того возраста, когда нужна мать. Он должен был сам справиться со своей бедой, как в свое время сделала она. Правда, у меня не было уверенности, что это ему удастся. Он принадлежал к поколению молодых людей, чьи родители, как те пеликаны, были отравлены чем-то вроде морального ДДТ, и это калечило жизни их детей.

У меня больше не было времени заниматься Джерри. Я повернулся на вращающемся стуле к телефону и набрал номер ранчо миссис Бродхерст в Санта Тереза. Джин сразу же взяла трубку и, замирая от ожидания и страха, произнесла:

— Дом Бродхерстов.

— Говорит Арчер. Я нашел Ронни. С ним все в порядке.

Она молчала. Сквозь слабые помехи я слышал ее дыхание, словно она была единственной живой душой во всей электронной вселенной.

— Где вы находитесь, мистер Арчер?

— В Саусалито. Ронни цел и невредим.

— Спасибо. Я поняла вас.— Она снова замолчала, затем холодно спросила.— Что с девушкой?

— Она тоже здесь. Но ее состояние оставляет желать лучшего.

— Трудно в это поверить.

— У нее не было намерения похищать вашего сына. Она просто бежала от человека, убившего вашего мужа.

— До самого Саусалито? — недоверчиво произнесла Джин.

— Да.

— Кто этот человек?

— Бородатый мужчина с волосами до плеч. Носит большие черные очки. Он вам никого не напоминает?

— В Нортридже полно длинноволосых. Да и здесь их хватает. Мне не приходилось с ними сталкиваться уже несколько лет. Представления не имею, кто бы это мог быть.

— Возможно, какой-нибудь маньяк, совершивший убийство случайно. Я прошу вас сделать следующее: как только я положу трубку, позвоните шерифу и попросите прислать к вам кого-нибудь. Настаивайте на том, чтобы кто-то остался с вами в доме. Если ничего не получится, то поезжайте на такси в центр города и снимите номер в приличной гостинице.

— Но раньше вы говорили мне, чтобы я оставалась в доме.

— Теперь в этом нет необходимости. Я нашел вашего сына. Завтра я привезу его к вам.

— Можно мне поговорить с ним. Хоть голос его услышать...

Я открыл дверь и позвал мальчика. Он соскользнул с коленей Уилли и, подбежав ко мне, взял трубку обеими руками.

— Мамочка, это ты?.. Яхта затонула, но я спасся... на доске для серфинга... Мне не холодно. Миссис Ролинз дала мне одежду своего сына и гамбургер. А в Сан-Франциско Сьюзи купила мне еще один гамбургер... Сьюзи?.. С ней все в порядке. Она хотела прыгнуть с моста Золотые ворота, но мы ее отговорили.— Некоторое время он слушал молча. Лицо его стало очень серьезным. Потом он отдал мне трубку, отдернув от нее руки, словно она была горячей.— Маме плохо.

— С вами все в порядке? — обратился я к Джин.

— Да,— раздался в трубке взволнованный голос.—

Да... Я вам очень-очень признательна. Когда вы с Ронни приедете?

— Думаю, завтра к полудню. Нам с ним надо немного отдохнуть перед дорогой.

После того, как все уехали, мы с Эллен повели Ронни спать в комнату, которая, по ее словам, принадлежала ей, когда она сама была ребенком. На столе, рядом с детской кроваткой стоял игрушечный телефон. Чтобы доказать нам, что совсем не устал, Ронни взял трубку и четко произнес в нее:

— Вызывается центр управления космическими полетами. Вызывается центр управления космическими полетами. Вы слышите меня? Вы слышите меня?

Мы закрыли дверь в комнату, предоставив ему возможность пофантазировать, и остались в коридоре вдвоем. При тусклом свете электрической лампочки на стенах и потолке виднелись дождевые подтеки. Лежащие повсюду длинные тени словно увеличивали их размеры, будя мое воображение. Я чувствовал себя так, будто потерпел кораблекрушение и отрезан от всего мира на туманных островах прошлого.

— Как Джерри?

— Он боится встречи с Армстедом. Но сейчас он успокоился. Я сделала ему массаж и дала таблетку снотворного.

— Я поговорю с Армстедом, как только представится возможность.

— Я очень надеялась на это. Джерри сильно переживает, он сознает, что виноват.

— А где вы оставили снотворное?

— Оно у меня.— Она коснулась рукой выреза платья на груди.

Должно быть, она заметила мой взгляд, задержавшийся там, а затем скользнувший вниз. Мы одновременно шагнули навстречу друг другу. Я чувствовал ее тело, едва касавшееся моего. Ее рука легко гладила меня по спине, словно массируя.

— Я не приготовила вам постель. Можете спать со мной, если хотите.

— Вряд ли стоит это делать... Помните, вы говорили, что все ваши чувства отражаются на полотнах.

— У меня как раз есть одно большое и чистое. Я его берегу,— сказала она.— Чего вы боитесь, Арчер?

Мне трудно было ответить. В общем-то она мне нравилась, я даже почти верил ей. Но я уже и так достаточно глубоко вторгся в ее жизнь. Мне не хотелось быть связан-

ным или обязанным ей до тех пор, пока я не разобрался в этом деле.

Вместо ответа я поцеловал ее и отстранился. Она обиделась, решив, что ею пренебрегают.

— Я не сплю со всеми подряд, если вас это смущает, Лео был единственным человеком, которого я любила.

Она немного помолчала, затем заговорила снова.

— Все было не так, как я вам говорила раньше. Просто я уже стала забывать... и обманывать себя. Мое чувство к Лео было настоящим и, пожалуй, самым главным в моей жизни.— Глаза ее засветились при воспоминании о нем. Когда она предлагала себя мне, они оставались безразличными.— Я любила его. И он любил меня, пока мы были вместе. Я не допускала мысли, что он сможет разлюбить. Но все совершенно неожиданно кончилось.

Она закрыла глаза. Когда она открыла их снова, в них было выражение невосполнимой утраты. Она устало прислонилась к стене с водяными разводами... Ночь дышала тяжело, словно пересаженное сердце.

— Я хочу вам кое-что сказать,— начал я.— Хотя, может быть, и не надо...

— Что-нибудь плохое?

— Да.

— Это связано с Лео?

— Я думаю, его нет в живых.

Она смотрела на меня, не мигая, лишь по лицу ее пробежала легкая тень, будто лампа качнулась у нее над головой.

— Давно?

— Все пятнадцать лет.

— Значит, поэтому он не приехал ко мне?

— Возможно.— Это была лишь часть правды, и я обдумывал, как рассказать ей о Марте Крэндэлл.— Если моим свидетелям не померещилось, кто-то застрелил Лео и закопал его.

— Где?

— Недалеко от горного домика. Как вы думаете, кто мог убить его?

— Не знаю,— ответила она и, помолчав с минуту, добавила.— Не я.

Я ждал, что она еще что-нибудь скажет. Наконец, она подняла глаза.

— Вы упомянули свидетелей. Кто они?

— Марта Крэндэлл и ее дочь.

— Так он вернулся к Марте?

Она закрыла рот рукой, словно спохватившись. Стараясь не упустить момент, я выложил напрямую:

— Они были в постели, когда его убили. Вероятно, это она к нему вернулась. Ее выгнал из дома муж.— Я помолчал немного.— Вы знали, что между ней и Лео был роман?

— Неужели же нет, конечно, знала. Я и с Лео познакомилась из-за этого. Когда у Марты начались неприятности, она приехала ко мне.— Она замолчала, потом сказала с иронией.— И я легла между ними.

Было сказано почти все. Но нас продолжало удерживать чувство, не вполне осознанное, но такое же сильное, как любовь или страсть, что-то осталось все-таки недосказанным.

— А что вы можете сказать об Элизабет Бродхерст? — спросил я.— Как могло случиться, что Лео женился на Элизабет? Они же такие разные.

— Их связала война. Он служил на военной базе около Санта-Тереза, а она активно сотрудничала в службе по организации отдыха и развлечений. Она была привлекательной, когда была помоложе... Знатного происхождения. Состоятельная... У нее было все, о чем можно только мечтать.— Впервые на лице Эллен промелькнула злая усмешка.— Вот только жена из нее получилась никудышная.

— Откуда вам это известно?

— Лео мне все рассказал об их браке, все, как было. Она оказалась холодной женщиной. Как была, так и осталась папенькиной дочкой.

— Такие иногда взрываются...

— Мне это известно.

Я осторожно спросил:

— Вы полагаете, это она застрелила Лео?

— Вполне допускаю. Она грозила, что сделает это. Поэтому я уехала из Санта-Тереза и хотела увезти с собой Лео. Я боялась Элизабет.

— Это еще не доказательство того, что она убийца.

— Конечно, нет, но это не просто мои ощущения. Мне кое-что рассказал Джерри, когда мы с ним сегодня разговаривали.— Голос ее стал глуше, взгляд рассеянным, словно она прислушивалась к самой себе.

— Что же вам рассказал Джерри?

— Он сказал, почему не может вернуться к Брайану... к отцу. Однажды вечером этим летом к ним в дом приехала Элизабет Бродхерст, чтобы поговорить с Брайаном. Это была не простая беседа. Она кричала и плакала. Джерри было все слышно. Брайан вымогал у нее деньги. Он навязал

ей деловое партнерство по застройке каньона. Она предоставляла землю, его же доля в этом деле была очень маленькой или ее не было совсем.

— Как он мог ее заставить?

— Не знаю, — сказала она.

Эллен легла спать одна. Я принес из машины спальный мешок и улегся у дверей комнаты Ронни. Старый дом скрипел, точно корабль, прокладывающий себе путь в этом опасном мире. Мне снилось, что я плыву вокруг мыса Горн.

31

В Поло-Альто, где мы с Ронни остановились позавтракать, шел дождь. Дождь шел и в Джил Сити и в Кинг Сити, а в Петролиум Сити, когда мы приехали туда, он только собирался.

Я заехал в «Юкка Три Инн» проверить, не здесь ли Крэндэллы. Джой Ролинз снова сидела за стойкой. Она сообщила мне, что Лестер Крэндэлл восстановил ее на работе перед тем, как уехал с семьей в Лос-Анджелес.

— Вы видели Сьюзен? — спросил я.

— Да. Она немного успокоилась. Кажется, всем троим эта встряска пошла на пользу.

Перед отъездом из мотеля я позвонил в офис лесничества Санта-Тереза. Келси на месте не оказалось, и я попросил передать ему, чтобы он встретился со мной завтра в полдень в доме миссис Бродхерст, если сможет. После этого мы с Ронни отправились дальше. Нам оставалось преодолеть последнюю часть пути.

Держа в руке, словно микрофон, замок ремней безопасности, мальчик информировал центр управления полетами о нашем продвижении. Неожиданно он произнес в воображаемый микрофон:

— Папа, это Ронни. Ты слышишь меня?

Мы находились всего в нескольких милях к северу от Санта-Тереза. Должно быть, эта местность была ему знакома. Он выпустил из руки замок и повернулся на сиденье лицом ко мне.

— Папа вернется?

— Нет.

— Ты хочешь сказать, он умер, да?

— Да.

— Его убил тот человек?

— Да. — Это было первое реальное показание еще одного свидетеля, которое подтверждало правдивость слов

Сьюзан о мужчине и убийстве.— Ты его хорошо рассмотрел, Ронни?

— Очень хорошо.

— Как он выглядел?

— Как домовой,— с серьезным видом сообщил Ронни.— У него были длинные черные волосы и длинная черная борода.

— Во что он был одет?

— Во все черное... Широкие черные брюки и черный верх, а еще большие черные очки,— торопливо выпалил он, заставив меня немного усомниться в правдивости его слов.

— А ты встречал его раньше?

Он даже испугался.

— Нет, не встречал. У него рост не такой.

— Что значит не такой?

— Такого роста нет ни у кого из тех, кого я знаю...

— А у кого же такой рост?

— Ни у кого,— неопределенно ответил мальчик.

— Он был большой или маленький?

— Маленький. Я бы его запомнил, если бы видел раньше.

По лицу Ронни я понял, что ему надоело говорить об этом, и не стал расспрашивать. Он сам обратился ко мне:

— С мамой все в порядке?

— Да. Ты разве забыл, что разговаривал с ней вчера по телефону.

— Не забыл. Но я подумал, что ее, может быть, записали на магнитофон.

— Нет. Все было без обмана.

— Тогда ладно.

Он прислонился ко мне и заснул. Он спал все время, пока мы ехали по каньону к дому его бабушки. На ступеньках веранды нас уже поджидала его мать. Она подбежала к машине, открыла дверцу и вытащила его оттуда. Крепко прижав сына к груди, она держала его так до тех пор, пока он не начал отбиваться. Тогда она поставила его на землю и протянула мне обе руки.

— Я никогда не смогу отблагодарить вас.

— И не надо. Все кончилось хорошо для вас. Кроме Стенли.

— Да. Бедный Стенли.— На лбу ее появилась глубокая складка, похожая на ножевой разрез, только без крови.— А что стало с той светловолосой девушкой?

— Сьюзан сейчас с родителями. Они собираются показать ее психиатру.

- А Джерри Килпатрик? Мне звонил его отец.
- Он пока у матери в Саусалито.
- То есть вы хотите сказать, что их не арестовали?
- Нет.
- Я думала, что они похитители...

— Одно время я тоже так думал. Но я ошибся. Они всего лишь одинокие подростки. Наверное, им казалось, что они спасают Ронни от жестокого мира взрослых. И в какой-то степени они правы. Девушка видела, как вчера убили вашего мужа. А пятнадцать лет назад, когда она была меньше Ронни, она случайно оказалась свидетелем другого убийства. Так что трудно ее в чем-то винить.

Прямая складка на лбу Джин стала еще глубже.

— Так было еще одно убийство?

— Видимо, да. Как оказалось, отец вашего мужа — Лео — никуда не уезжал. Вероятнее всего он был убит в горном домике и похоронен недалеко от него. Ваш муж и эта девушка хотели выяснить, так ли это, поэтому они и стали вчера копать эту яму.

Джин смотрела на меня в замешательстве. Вероятно, до нее дошел смысл моих слов, но они легли слишком тяжким грузом на ее измученную переживаниями за сына душу. Она оглянулась, и, не увидев рядом Ронни, стала отчаянно кричать его по имени. Он показался на пороге дома.

— А где бабушка Нелл?

— Ее нет, — ответила Джин. — Она в больнице.

— Она тоже умерла?

— Ну что ты говоришь. Замолчи! Конечно, нет. Доктор Джером говорит, что ее выпишут завтра или послезавтра.

— Как самочувствие вашей свекрови? — обратился я к ней.

— Она выздоравливает. Сегодня утром у нее снимали кардиограмму. Все было в норме, речь восстановилась. А известие о возвращении Ронни придало ей новых сил. Я уверена, ей было бы очень приятно, если бы вы нашли время заехать к ней.

— Ее разрешили навещать?

— Да.

— Тогда, я возможно, заеду.

Мы вошли в дом втроем. Пока Ронни обследовал лекцию птиц, его мать рассказывала, что произошло с ней за прошедшие сутки. Она провела их в тревожном ожидании. Выполняя мое указание, она позвонила вчера в офис шерифа, но там не смогли никого ей прислать. Брайан

Килпатрик выразил готовность приехать к ней, но она сказала ему, что этого не нужно.

— Ладно, забудем о Килпатрике.

Она выразительно взглянула на меня.

— Вы, наверное, не то подумали. Он хотел приехать вместе со своей невестой.

— И о ней тоже забудьте. Вам нужен телохранитель.

— У меня есть вы.

— Но я не могу оставаться с вами. Я очень прошу вас уехать из города.

— Я не могу. Бабушке Нелл нужна моя поддержка.

— И Ронни она тоже нужна. Боюсь, что вам придется сделать выбор.

— Вы серьезно полагаете, что ему все еще грозит опасность?

— У меня есть для этого основания. Он видел человека, убившего вашего мужа.

— Он может его описать?

— По всей видимости, это сделать очень непросто. На нем был парик и приклеенная борода. У меня предчувствие, что этот человек знает Ронни. Я не советую вам специально его расспрашивать, но если он сам заговорит, запомните его слова по возможности точно.

— Хорошо.

Она посмотрела на сына, стоявшего в другом конце комнаты, так, словно в его маленькой головке хранился секрет, от которого зависела ее жизнь. На лице мальчика было удивление.

— Здесь что-то горело? Повсюду следы огня и запах... А кто поджег?

— Мы тоже хотим это выяснить.— Я повернулся к его матери.— Я все же думаю, что вам нужно уехать до наступления темноты.

— Но ведь вчера ночью ничего не случилось?

— Вчера здесь не было вашего сына. Вам обоим будет безопаснее на квартире Уоллеров в Лос-Анджелесе. Только скажите, и я отвезу вас...

Она не дала мне закончить.

— Хорошо, я подумаю.— И уже мягче добавила: — Честное слово, я вам очень благодарна за это предложение. Просто мне трудно сейчас сосредоточиться... Я знаю только, что не хочу возвращаться в Нортридж.

Я услышал шум приближающейся машины и вышел на улицу. Это был Келси на микроавтобусе лесничества. Он вышел из него и как-то полуофициально пожал мне руку.

Одежда его была смята. Несмотря на усталый вид, глаза по-прежнему живо поблескивали.

— Мне передали вашу просьбу, Арчер. Что вы хотели?

— Я должен кое-что сообщить вам. Но сначала мне хотелось бы знать, что рассказала вам свидетельница... Та студентка, которая видела бородатого мужчину, проезжавшего в машине.

— Собственно, это все, что она видела.— В голосе Келси звучало разочарование.— Она смогла дать лишь самое общее описание.

— А машину она не запомнила?

— Машина была старая. Марку она не запомнила. Ей показалось, что номер был калифорнийский, но она не уверена. Я собираюсь еще раз поговорить с ней сегодня. Меня просил об этом Арни из полицейского управления Лос-Анджелеса.

— Вы связались с Арни?

— Я звонил ему сегодня утром. Он утверждает, что парик и борода не могли принадлежать Элберту Суитнеру. Они ему совсем не подходят. Шипстед пытается выяснить через магазины и косметические кабинеты, кому они были проданы. Но это длинная история, много времени уйдет. Вот если бы нам удалось получить более полное описание человека, которого видела моя свидетельница, это ускорило бы дело.

— Он был невысокого роста,— сказал я.— На нем были черные брюки, рубашка или свитер и черные очки. В том, что именно он убил Стенли Бродхерста, сомнений нет.— Я рассказал ему все, что узнал за последние двадцать четыре часа.— Нам потребуется бульдозер и человек, умеющий на нем работать.

— Мы оставили в лагере один, на случай, если огонь вернется. Если он еще там, то я и сам бы мог им управлять.

— А вы думаете, что огонь может вернуться?

— Нет, если ветер не сыграет с нами злую шутку. Мы хорошо поработали у Бэкгорн-Мэдоу сегодня утром. Полагаю, в ближайшие сутки мы овладеем ситуацией... а, может быть, и раньше, если пройдет дождь, как обещали синоптики.

Он взглянул вверх на быстро плывущие по небу тучи.

— Хорошо, если бы дождь потушил пожар, но был бы не слишком сильным. Иначе на нас смоев всю грязь с гор.

Келси предложил мне поехать в город с ним на микро-

автобусе, но чтобы не лишать себя свободы передвижения, я сказал, что поеду на своей машине.

Мы выехали через обгоревшее устье каньона и свернули в сторону горы. Футбольное поле, на котором располагался лагерь, еще вчера кишевший машинами и людьми, было почти пустым. Два человека из обслуживающего персонала собирали пустые бутылки, рваную бумагу, меняли дерн.

На площадке за трибунами стоял бульдозер. Пока Келси заводил его, я залез на самый верх трибуны и посмотрел вокруг.

Вода в океана была в белых барашках. Над юго-восточным побережьем висел дым, будто там наступили преждевременные сумерки. С северо-запада шли штормовые тучи, за которыми с прибрежных гор тянулся темный след дождя. Было похоже, что погода скоро сменится.

Келси на тракторе двинулся вниз по склону горы. Я шел, купаясь в поднятой им пыли, и нес на плече лопату, которую попросил на время у работника стадиона.

Пока трактор, равномерно двигаясь взад-вперед, срезал слой за слоем землю, я стоял прислонившись к стволу явора и наблюдал за ним. Когда он углубился на рост человека, его нож чиркнул о металл, и Келси кивнул мне.

Он отвел трактор немного в сторону от ямы, и я спустился туда. Через несколько минут я обнаружил металлическую крышу машины темно-красного цвета, она была уже слегка тронута бурым налетом ржавчины. Судя по форме крыши, это был «Порше».

Я освободил от земли левое переднее окно и разбил его лопатой. Вокруг распространился отвратительный гнилостный запах. Внутри на переднем сиденье машины что-то лежало. Я сунул голову в окно, чтобы взглянуть на мертвеца. Первым всегда истлевают тело, потом волосы, потом кости и самыми последними зубы. От Лео Бродхерста остались уже одни кости и зубы.

Пока Келси продолжал откапывать погребенную машину, я дошел до колледжа и позвонил оттуда в офис шерифа-коронера, затем сел в машину и поехал к дому Фрица Сноу. К моему удивлению, Фриц сам открыл дверь. На нем был старый коричневый джемпер на пуговицах, мятые брюки, на ногах — стоптанные тапочки. Плечи как-то странно обвисли, глаза слезились, будто выходные длились бесконечно долго и он успел за это время состариться.

Он загородил вход своим слабым телом.

— Мне сказали, никого в дом не пускать.

— Вчера вы хотели поговорить со мной.

— В самом деле? — Фриц напрягся, вспоминая. — Мне достанется от матери, если я расскажу.

— Не думаю, Фриц. Тайное стало явным. Мы только что откопали Лео Бродхерста.

Он тупо усталился на меня.

Казалось, он хотел прочесть в моих глазах свое будущее, хотя оно было написано в его собственных. Его ждало будущее, наполненное страхом, сомнениями и горем, такое же безрадостное, каким было его прошлое.

— Может быть, вы меня все-таки впустите на минутку?

— Ладно, входите.

Он пропустил меня внутрь и закрыл за мной дверь. Он дышал шумно и тяжело. Казалось, на это уходили все его силы.

— Вы сказали вчера, что похоронили мистера Бродхерста. Я думал, вы имеете в виду Стенли, а оказывается, вы говорили о его отце, Лео?

— Да, сэр. — Фриц обвел взглядом пустую комнату, точно опасался, что его мать могла подслушивать. — То, что я сделал, ужасно. Сейчас я раскаиваюсь в этом.

— Вы убили Лео Бродхерста?

— Нет, сэр. Все, что я сделал, это закопал его своим бульдозером, когда он был уже мертвым.

— Кто велел вам сделать это?

— Элберт Суитнер. — Он сильно кивнул головой, словно подтверждая свои слова, затем посмотрел на меня, проверяя, поверил я ему или нет. Я молчал. — Элберт Суитнер заставил меня, — повторил он.

— Как он мог вас заставить?

— Я его боялся.

— Думаю, у вас была более веская причина, чем страх.

Фриц замотал головой.

— Я не захотел его закапывать. Я так испугался, что не смог управлять бульдозером. Элберт пытался сам отогнать его на стоянку, но слетел в кювет на Раттлснейк-Род. Там его поймали и отправили назад в тюрьму.

— Как вам удалось избежать ответственности?

— Меня в это время как раз уволили и отправили в лечебницу. Никто ничего не узнал о Лео Бродхерсте.

— Ваша мать знает о том, что сделали вы с Элбертом?

— Знает. Я рассказал ей.

— Когда вы ей рассказали?

Подумав немного, он ответил:

— Кажется, вчера.

— До того, как я был у вас в доме или после?

— Я не помню.— Фриц проявлял признаки умственного утомления.— Вы все приезжаете и приезжаете. У меня в голове все перепуталось. Я помню, когда могильщик забрал моего отца...

— Когда он забрал его?

— Когда его закапывали на кладбище. У меня до сих пор в ушах звук падающей на гроб земли.— На лице Фрица выступили слезы, как капли на запотевшем стекле.

— Так когда вы все-таки рассказали своей матери? До того, как я был здесь или после?

— Наверное, после. Точно. После того, как вы приезжали... Она еще мне сказала, что если я расскажу еще кому-нибудь, меня сразу отправят в тюрьму.— Он наклонил набок голову и исподлобья взглянул на меня.— Теперь меня отправят в тюрьму, да?

— Не знаю, Фриц. А вы правду говорите, что ни вы, ни Суитнер не убивали его?

Мой вопрос ошеломил Фрица.

— Зачем же нам было его убивать?

Я мог бы назвать ему несколько причин. Лео Бродхерст был удачлив, а они нет. Он женился на самой богатой девушке в округе. Он обольстил самую красивую девушку и сделал ей ребенка, а Элберта и Фрица за это посадили.

Фрица испугало мое молчание.

— Клянусь, я не убивал его. Клянусь на библии! — На столе лежала библия, и он положил ладонь на черную обложку.— Видите, я клянусь на библии. Я никого в своей жизни не убивал. Я не люблю даже на сусликов капканы ставить. Я на улитку не наступлю... Они же все чувствуют!

Он начал часто всхлипывать, возможно, представив, как гибнут в предсмертных судорогах улитки и суслики. Сквозь его всхлипывания я различил шум подъехавшей к дому машины и выглянул в окно. Позади моего автомобиля у тротуара остановился старый белый «Рэмблер». Из него вышла миссис Сноу с тяжелым бумажным пакетом в руках. На ней был плащ, одетый поверх брюк.

Я вышел на улицу, закрыв перед Фрицем дверь. Увидев меня, она остановилась от неожиданности.

— Что вы тут делаете?

— Я говорил с вашим сыном.

— Стоит мне только выйти из дома, и вы сразу начинаете его преследовать.

— Ну, это вы преувеличиваете. Фриц рассказал мне, что он закопал тело Лео Бродхерста. Я знаю, что он и вам это сказал, так что давайте говорить спокойно.

— Какая чепуха! Что за чепуху он опять болтает!

— Не согласен с вами, — возразил я. — Сегодня после полудня мы откопали останки Лео Бродхерста. Официального заявления еще нет, но то, что он был мертв все эти пятнадцать лет, не подлежит сомнению.

— Вы полагаете, что Фредерик знал это и не сказал мне?

— Он рассказал вам вчера, разве не так?

Она закусила губу.

— Он рассказывал мне какую-то историю... Я подумала, что он все придумал. — Ее лицо неожиданно просветлело. — А, может быть, он действительно выдумывает? У него в голове полно всяких небылиц.

— Но ведь мертвец-то настоящий, миссис Сноу.

— А вы уверены, что это капитан Бродхерст?

— Конечно, уверен. Тело было найдено в его красном «порше».

— Где вы нашли его?

— Почти под тем местом, где был похоронен Стенли. Стенли откапывал своего отца, когда был убит. Возможно, что тот, кто убил его, застрелил и его отца.

— И вы обвиняете Фредерика?

— Я не утверждаю, что убил он. Но если, как он сам говорит, он закопал капитана, то он — соучастник.

— Означает ли это, что его посадят в тюрьму?

— Все может быть.

Она испугалась, и черты ее худого лица еще больше заострились, словно ее обдало дыханием смерти. Я понял, как глубоко она переживает за судьбу сына.

Она стояла молча, бросая взгляды то в один, то в другой конец улицы, точно выискивала прохожих, которые пожалели бы ее. Однако улица была пустынна, если не считать нескольких резвившихся неподалеку цветных ребятишек.

Вечер еще не наступил, но уже начало темнеть. Я взглянул на небо. Сплошной черной массой, словно закрывая его выдвижной крышкой, напоздали тучи. Город под ними казался игрушечным. Начал накрапывать дождь, капли падали на тротуар и на нас с миссис Сноу.

Тяжелый коричневый пакет с овощами выскользнул из ее рук. Я подхватил его и вошел вслед за ней в дом. Фриц скрылся в своей комнате, но мы ощущали его безмолвное присутствие.

Миссис Сноу отнесла овощи на кухню. Вернувшись в гостиную, она обнаружила, что библия на столе лежит не так, как всегда. Она подвинула ее на самый центр и повернулась ко мне.

— Фредерик плачет в своей комнате. Его нельзя сажать в тюрьму. Он не протянет там и полгода. Вы же знаете, как там обращаются с беззащитными мальчиками. Там правит жестокость и насилие.

Я, разумеется, был в курсе того, что происходит в тюрьмах, но мне не хотелось говорить об этом.

— Он не мальчик.— Произнеся это, я вспомнил, что те же самые слова сказала миссис Бродхерст два дня назад.

— Ну как же,— возразила миссис Сноу,— для меня Фредерик всегда оставался мальчиком. Я, как могла, оберегала его, но он все-таки оступился. Он сначала сделает все, что ему скажут, а потом переживает. Он очень переживает. Он чуть не умер тогда, в лагере лесничества.

Ее хрупкое тело дрожало от возбуждения. Глядя на ее плоскую бесформенную фигуру, трудно было поверить, что она родила и вырастила того большого мягкотелого мальчика-мужчину, который сидел сейчас у себя в комнате.

— Миссис Сноу, как бы вы хотели, чтобы я с ним поступил?

— Оставьте его со мной. Позвольте мне заботиться о нем, как я это делала всегда.

— Ну, это решать властям.

— А вам известно, что он сделал?

— Пока нет.

— Вы обязаны сообщить об этом полиции?

— Боюсь, что да. Совершено убийство.

— Вы говорите об убийстве капитана Бродхерста?

— Да. Хочется надеяться, что это единственное убийство, в котором замешан ваш сын.

— Я уверена, что это так.— Она пылливо взглянула на меня.— Я хочу вам кое-что рассказать. Этого я еще никому не говорила. Так вы сказали, что капитана Бродхерста застрелили?

— Видимо, да.

— Из пистолета 22¹ калибра?

— Пока мы не знаем. Так что вы хотели сообщить мне?

— Мне кажется, я знаю, кто убил его. Я не могу в этом

¹ — 22 калибр — около 5,5 мм.

поклониться, но, кажется, я знаю. Если я скажу вам, и это окажется правдой, вы сможете помочь Фредерiku?

— Попробую.

— Они вас послушают.— Она уверенно кивнула головой.— Обещаете, что сделаете все, что сможете?

— Обещаю. Что же вам известно?

— Я поделюсь с вами своими наблюдениями. Дело в том, что Стенли убили в субботу, а у меня с этим днем многое связано. Я будто пережила все заново... В тот вечер я присматривала за Стенли в доме Бродхерстов. В тот же день Фредерик взял без разрешения трактор и потерял из-за этого работу. Все сходится.

— Что же произошло?

— Не перебивайте меня! — Она почти упала в кресло-качалку, словно воспоминания отняли у нее последние силы.— За ужином капитан Бродхерст с женой сильно поссорились. Я прислуживала за столом и поэтому кое-что слышала. Правда, в моем присутствии они не очень распространялись, но было понятно, что речь шла о женщине, с которой он развлекался в горном домике. Сначала я подумала, что они говорят о жене Килпатрика, потому что услышала его фамилию. Но потом оказалось, что это была Марта — дочь Никерсона. С ней была ее маленькая дочка. Капитан Бродхерст собирался уехать с Мартой и ее дочерью. Он даже билеты на пароход успел купить... на Гавайи. Но миссис Бродхерст узнала об этом.

— Как она могла узнать?

— Я так поняла, что ей сообщил Килпатрик. У него был друг в туристическом агентстве.

Словно пелена спала с моих глаз. Показания свидетелей стали дополнять друг друга. Миссис Сноу продолжала:

— Ну так вот... Как я уже сказала, это был настоящий скандал. Миссис Бродхерст упрекала его за то, что он таскается за каждой юбкой. А он говорил, что она сама во всем виновата. Я не стану пересказывать, как он ее при этом называл. Потом он заявил, что она и женой-то ему не была все эти десять лет, вскочил из-за стола и убежал.

Бедный маленький Стенли весь дрожал от страха. Он ужинал со мной на кухне, но было все слышно. А он ведь был уже достаточно взрослый и понимал, что происходит. Он бросился вслед за отцом и попытался его остановить. Но тот умчался куда-то на своей спортивной машине... А потом и мать собралась идти... Стенли хотел пойти с нею, но она его не взяла. Она попросила уложить его

в постель; я так и сделала. Но пока я возилась на кухне, он ускользнул. Помню, как я напугалась, когда зашла в спальню проведать его и увидела пустую подушку.

— Я еще больше испугалась, когда, обходя комнаты в поисках Стенли, наткнулась на футляр для пистолетов — тот, который достался миссис Бродхерст от отца. Он лежал на столе в кабинете. Коробка с патронами была открыта и одного пистолета не было. — Миссис Сноу подняла глаза вверх, словно вспоминая. — Я не знала, что мне делать... Ну и не стала ничего делать. Я просто села и стала ждать, когда они со Стенли вернутся в дом.

Миссис Сноу затихла в кресле, будто приготовилась ждать, как много лет назад, когда же кончится эта беспокойная ночь.

— Их не было где-то около часа. Вернулись они вместе — мать и сын. Оба были бледными и напуганными. Их ноги были мокрыми от росы... Миссис Бродхерст сразу же отправила Стенли спать, а меня отпустила. Когда я добралась домой, то обнаружила, что и моего сына нет в кровати... Тяжелая это была ночь для матерей.

— И для сыновей тоже, — заметил я. — Вы думаете, Стенли видел, как убили его отца?

— Я не знаю. Но он слышал выстрел, это точно. Он мне сказал потом, что мать убила сову. Видно, так она объяснила ему выстрел. Но мне кажется, он стал подозревать, что она застрелила отца. Его уверенность росла и росла, но он никак не решался признаться себе в этом. До самой своей смерти он пытался убедить себя в том, что отец жив.

— А в разговорах с вами он никогда не допускал мысли, что его отец умер?

— Нет. Мы об этом не говорили. Правда, иногда он спрашивал меня, куда делся отец. В ответ я выдумывала самые невероятные вещи — что его отец уехал жить в другую страну, например, в Австралию, и что, может, он когда-нибудь вернется... — Она взглянула мне прямо в глаза. — А что еще оставалось делать. Не могла же я сказать ему то, что думала?.. Что его мать застрелила отца.

— А ваш сын похоронил его.

— Тогда я не знала этого, — ответила она и поспешила добавить. — А если бы знала, то все равно не сказала бы ни Стенли, ни кому-то еще. Мать должна беречь своего ребенка.

От миссис Сноу я поехал в больницу. Шел дождь. Четырехэтажное здание из железобетона, где лежала миссис Бродхерст, располагалось в медицинском городке, занимавшем целый квартал. Дежурная в приемной разрешила мне пройти к миссис Бродхерст и сообщила номер ее палаты на четвертом этаже.

Перед тем, как пойти туда, я заглянул в патологоанатомическое отделение. Лаборатория находилась на первом этаже, в конце длинного коридора, стены которого были выкрашены в неприятный зеленый цвет. Вдоль стен тянулись трубы центрального отопления. На двери я прочел надпись: «Посторонним вход воспрещен».

Внутри сидел мужчина в белом халате с невозмутимым лицом. На его столе стояла табличка «У. Силкоккс. Доктор медицины». Равнодушно взглянув на меня, он вежливо поздоровался. В ответ на мой вопрос он сообщил, что останки Лео Бродхерста еще не привезли, но вот-вот должны доставить. При этом в ледяных глазах доктора, за толстыми роговыми очками, сверкнула искра профессионального интереса.

— Полагаю, от него еще кое-что осталось? — осведомился он.

— Осталось. Вам следует искать следы огнестрельных ранений. Особое внимание обратите на голову. У меня есть показания двух свидетелей, которые считают, что он был убит выстрелом в голову. Но на моих свидетелей нельзя полностью положиться. Необходимы точные данные.

— Для этого я здесь и сижу. Я больше узнаю от покойников, чем от живых.

— Тело Стенли Бродхерста все еще у вас?

— Оно в морге. Вы хотели взглянуть?

— Мне нужно уточнить у вас причину смерти.

— Многочисленные колотые раны, нанесенные длинным ножом.

— Спереди или сзади?

— Спереди в живот. Его также ударили киркой по голове.

Поднимаясь на лифте на четвертый этаж, я почти завидовал Силкокксу, что ему приходится иметь дело с неживыми свидетелями. Они уже не лгали, не причиняли никому зла и ничего не боялись.

Я постучал в дверь палаты миссис Бродхерст и услышал

разрешение войти. В ее комнате было много цветов — розы, гвоздики, сирень — свежие и уже увядшие.

На туалетном столике рядом с вазой, в которой стояли желтые нарциссы, я увидел визитную карточку Брайана Килпатрика.

В кресле у открытого окна сидела миссис Бродхерст. На ней было цветастое платье, гармонировавшее с расставленными всюду цветами. Выглядела она хорошо, но в глазах читалась полная безнадежность, поэтому я не сразу нашелся, что сказать.

Она заговорила первой.

— Кажется, вас зовут мистер Арчер? Я рада, что смогла увидеть вас... и поблагодарить.

— За что? — удивился я.

— За благополучное возвращение моего внука. Мне только что звонила его мать. Моего сына... моего сына больше нет... У меня остался только Ронни.

— Он хороший мальчик... С ним все в порядке.

— Где вы нашли его? Джин ничего определенного не могла сказать.

Я кратко сообщил ей, чем занимался в субботу и воскресенье и в заключение попросил:

— Не судите строго эту девушку. Она видела, как убивали вашего сына, и это сломило ее. Она думала только о том, как спасти Ронни.

Сказав это, я вспомнил, что Сьюзан была свидетелем двух убийств, происшедших с интервалом в пятнадцать лет. Я вдруг подумал, что если миссис Бродхерст убила своего мужа, могло ли быть так, что она же убила и своего сына, или по крайней мере сделала так, что его убили. Глядя на нее, я понял, что не смогу задать ей эти вопросы. У меня язык не поворачивался говорить об этом здесь — в комнате, где еще витал дух ее мимолетной признательности и стояли вазы с принесенными ей цветами.

К счастью, как это часто делают свидетели, миссис Бродхерст начала рассказывать сама.

— Боюсь, что я все-таки смогу понять эту девушку. Как вы сказали ее зовут?

— Сьюзан Крэндэлл.

— Что она делала с моим сыном и внуком в горах?

— Я думаю, она пыталась осмыслить прошлое.

— Что-то не вполне понимаю, о чем вы говорите...

Видно, я сегодня поглупела, — сказала миссис Бродхерст с нетерпением, глазами и голосом давая понять, что ждет от меня разъяснений.

— Сюзан бывала там раньше,— пояснил я.— Еще совсем ребенком. Она была там однажды ночью вместе с матерью. Возможно, вы помните ее мать. В девичестве ее звали Марта Никерсон, и, насколько мне известно, она некоторое время работала у вас.

Недовольство миссис Бродхерст усилилось.

— С кем вы говорили?

— Со многими... Вы — последняя в моем списке. Я надеялся, что вы поможете мне восстановить события, которые произошли в горном домике пятнадцать лет назад.

Она покачала головой и осталась сидеть, отвернувшись от меня. На фоне окна, через которое были видны городские кварталы, ее профиль казался чеканным изображением на медальоне или монете.

— Боюсь, что я ничем не смогу вам помочь,— сказала она.— Меня там не было.

— Зато там был ваш муж, миссис Бродхерст.

Она повернула ко мне голову.

— Откуда вам это известно?

— Он никуда не уезжал. Он был застрелен и погребен там же. Мы откопали его сегодня.

— Ясно.— Она не сказала, что ей ясно, но глаза ее потемнели и уменьшились, а на лице, как у покойника, сильнее обозначились скулы.— Значит, все кончено.

— Не совсем.

— Для меня кончено. Вы говорите, что моих близких нет в живых — ни мужа ни сына. Значит, я потеряла все, что было дорогого в жизни...

Она пыталась играть трагическую роль, но делала это как-то неестественно, и трудно было поверить в ее искренность. Ее слова казались высокопарными и пустыми. Я вспомнил, как странно она писала о своем отце в самом конце желтого листа бумаги, где строчки наползали друг на друга, словно выдавая ее волнение.

— Я полагал, что вы знали о том, что ваш муж уже пятнадцать лет лежит в земле.

— Это не так.— Ее голос звучал, словно она слушала себя со стороны, читая по бумажке.— Предупреждаю вас, что если вы предъявите мне это обвинение публично...

— Миссис Бродхерст, мы говорим наедине. Не будем спорить. Я знаю, что в тот вечер вы поссорились с мужем, а затем последовали за ним в горы.

— Как вы это можете знать, если этого не было? — Она отвечала вопросом на вопрос, как это делают те, кто чувствует за собой вину и пытается сделать неопровержи-

мые факты предметом бесконечных споров, в ходе которых теряется истина.— Кстати, от кого вы получили эту информацию? От Сьюзан Крэндэлл?

— Частично.

— Вряд ли ей можно доверять. С ваших слов я поняла, что она психически неустойчива. К тому же ей тогда было не больше трех-четырёх лет. Скорее всего, она это выдумала.

— У детей тоже есть память. Они все видят и слышат. У меня есть доказательства, что она была в горном домике и видела, кто стрелял, или по крайней мере, слышала это. Ее рассказ подтверждается другими фактами и помогает понять причину ее психического расстройства.

— Значит, вы признаете, что она не в себе?

— Да, она не без странностей. Но коли уж речь зашла об этом, мне хотелось бы спросить вас, а Стенли не мог видеть, кто стрелял?

— Нет, не мог.— Она с шумом вдохнула воздух, словно хотела вобрать в себя нечаянно вырвавшиеся слова.

— Как вы можете утверждать это, если вас там не было?

— Я была дома со Стенли.

— Я не верю вам. Мне точно известно, что он пошел за вами в горы и слышал, как стреляли в его отца. Всю оставшуюся жизнь он пытался забыть об этом и доказать себе, что это был дурной сон.

До этой минуты она говорила как адвокат, который сомневается в невинности своего подзащитного. Сейчас же ее прорвало.

— Что вам нужно от меня? Денег? Из меня уже все высосали.— Она бросила на меня полный отчаяния взгляд.— Не говорите Джин, что у меня ничего нет. Иначе я больше никогда не увижу Ронни.

Я подумал, что она не права, но не стал спорить.

— Кто их у вас высосал, миссис Бродхерст?

— Я не хочу обсуждать эту тему.

Я демонстративно взял в руки визитную карточку Брайана Килпатрика с туалетного столика.

— Если у вас вымогают деньги, то сейчас у вас есть возможность положить этому конец.

— Я же сказала, у меня нет желания говорить об этом. Я никому не верю... И не верила с тех пор, как умер мой отец.

— Вы предпочитаете, чтобы все осталось как есть?

Она устало посмотрела на меня.

— Мне ничего не нужно. Мне и жить-то не хочется, а уж тем более продолжать этот разговор. Это пытка.

— Мне он тоже не доставляет удовольствия.

— Тогда уходите. Я больше не могу это выносить.

Она сжала подлокотники кресла так сильно, что пальцы ее побелели, и встала, давая понять, что разговор окончен.

Я еще не был морально готов идти осматривать трупы, поэтому отыскал дверь, ведущую на лестницу запасного выхода, и стал медленно спускаться вниз, настраивая себя на то, что мне предстояло увидеть. Бетонные лестничные пролеты со стальными перилами образовывали мрачный темный колодец, точно в тюрьме, и вызывали тягостное чувство своей несокрушимостью. На полпути я остановился и попытался представить себе миссис Бродхерст в тюрьме.

Вернув Ронни матери, я в сущности выполнил то, что от меня требовалось. А предстоящая работа обещала быть неприятной и неблагодарной. У меня не было никакого желания доказывать вину миссис Бродхерст в убийстве мужа.

С годами во мне притупилось чувство необходимости возмездия и окрепло убеждение в том, что нужно всеми силами сохранять для жизни то, что рождено жить. Это относилось и к Лео Бродхерсту, и к любому другому человеку... Но Лео был убит давным-давно, в порыве безудержного гнева. Я был уверен, что присяжные в лучшем случае обвинят вдову в непредумышленном убийстве.

Что же касается двух других убийств, то маловероятно, чтобы у миссис Бродхерст была причина убивать собственного сына или возможность устранить Элберта Суитнера. Я пытался убедить себя в том, что мне безразлично, кто их убил, но это было не так.

В этом деле все было взаимосвязано, и каждый последующий шаг, как ступеньки лестницы, вел меня в отвратительный зеленый коридор, где доктор Силкокк разбирался со своими мертвыми свидетелями.

Я прошел через его кабинет и открыл дверь морга. То, что было когда-то Лео Бродхерстом, лежало под яркой лампой на столе из нержавеющей стали. Доктор Силкокк склонился над ним. Правильной формы череп — вот все, что указывало на то, что в свое время Лео Бродхерст был красивым мужчиной.

Келси и заместитель coronера Пэрвис стояли в полумраке у стены. Я шагнул мимо них к столу.

— В него стреляли?

Силкокк оторвался от своего занятия.

— Да. Я обнаружил вот это.— Он показал мне кусочек свинца неправильной формы. Похоже, это была деформированная пуля 22 калибра.

— В каком месте пуля вошла в голову?

— Точно сказать не могу. Все, что мне удалось найти, это незначительное внешнее повреждение, которое вряд ли могло быть смертельным.— Блестящим концом какого-то медицинского инструмента он указал мне на небольшое продольное отверстие от пули в лицевой части черепа.

— От чего же тогда он умер?

— Вот от этого.— Он показал неопределенного цвета треугольник и бросил его на стол. Сталь звякнула о сталь. Сначала он показался мне наконечником стрелы, но взяв треугольник в руки, догадался, что это лишь отломанный кончик кухонного ножа.

— Это застряло в ребрах,— пояснил доктор.— Видимо, конец обломился, когда вытаскивали нож.

— Его ударили спереди или сзади?

— Спереди.

— А могла это сделать женщина?

— Почему бы и нет. Что вы скажете, Пэрвис?

Молодой человек вышел из тени и встал между мной и доктором Силкоксом.

— Мы поговорим с вами наедине.— Он обернулся ко мне.— Не хочется вас обижать, Арчер, но у вас нет права присутствовать здесь. Вы видели надпись на двери «Посторонним вход воспрещен»? Вы ведь не официальное лицо.

Я подумал, что он, по молодости и неопытности, решил перестраховаться.

— Я не буду считаться посторонним, если вы разрешите мне присутствовать.

— Не имею права.

— Кто вам это сказал?

— Я получаю приказы от шерифа-коронера.

— А кто ему приказывает?

Молодой человек вспыхнул. При ярком свете было хорошо видно, как побагровело его лицо с широкими порами.

— Вам лучше уйти отсюда, мистер.

Я взглянул мимо него на Келси, который, казалось, испытывал некоторую неловкость от происходящего, и произнес, обращаясь к ним обоим:

— Но, черт возьми, это я нашел труп.

— Но вы не являетесь официальным лицом.

Пэрвис положил руку на рукоятку своего револьвера.

Я не знал, что можно от него ждать — еще пристрелит ненароком — и вышел, kloкоча от гнева и обиды.

Следом за мной в коридор вышел Келси.

— Приношу вам свои извинения, Арчер.

— Что же вы там промолчали?

Взгляд его серых глаз стал жестче, хотя губы еще улыбались.

— Относительно вас пришло указание сверху. Что же касается меня, то в лесничестве мне посоветовали руководствоваться инструкцией.

— И что же говорится в инструкции?

— Вам это не хуже известно, чем мне. Если приходится сталкиваться с деятельностью местных правоохранительных органов, то я обязан им подчиняться.

— Какие у них планы? Похоронить это дело еще лет на пятнадцать?

— Я сделаю все, что смогу. Но моя основная работа — заниматься пожарами.

— Убийство связано с пожаром. Вам это известно.

— Не надо напоминать мне о том, что мне известно.

Он повернулся и вошел в покойническую, захлопнув за собой дверь.

34

Когда я вышел на улицу, дождь усилился. Вода бежала по тротуару, смывая весь накопившийся за лето мусор и унося его вниз, в море.

Чем ближе я подъезжал к горам, тем больше становилось воды. Дорога, ведущая по каньону к дому миссис Бродхерст, превратилась в неглубокую речку. Еще издали я услышал шум бурного потока, протекавшего за домом.

Перед входом стояла черная машина Брайана Килпатрика. На переднем сиденье я увидел яркую блондинку, которую не сразу узнал. Лишь приблизившись, я разглядел, что это была его невеста.

— Как вы себя сегодня чувствуете? — спросил я.

Она опустила стекло и посмотрела на меня.

— Разве мы знакомы?

— Мы встречались в субботу вечером в доме Килпатрика.

— Да? Должно быть, я тогда изрядно выпила. — Она натянуто улыбнулась, стараясь скрыть неловкость.

— Пожалуй. Кстати, тогда вы были брюнеткой.

— На мне был парик. Я их меняю в зависимости от настроения. Говорят, я очень непостоянна.

— Это заметно. А какое у вас сейчас настроение?

— Если честно, то я боюсь,— призналась она.— Боюсь этой воды. Дом Брайана захлестывают потоки грязи. Во дворе ее уже тонны. Потому я и сижу в этой машине. Хотя, честно говоря, мне и здесь не очень нравится.

— А что делает в доме Брайан?

— Он сказал, что ему здесь что-то нужно, у него какое-то дело.

— С Джин Бродхерст?

— Да, кажется, так ее зовут. Ему позвонила какая-то женщина, и он помчался сюда.— Увидев, что я направился в дом, она попросила.— Поторопите его, ладно?

Я вошел в дом без стука и закрыл за собой дверь. Рев бегущей за домом воды заглушал звук моих шагов.

В гостиной было пусто. Из кабинета через открытую дверь виднелся свет. Подойдя ближе, я услышал голос Джин Бродхерст.

— Мне это не нравится,— сказала она.— Если миссис Бродхерст нужны эти вещи, она могла бы попросить меня.

Килпатрик ответил непринужденным тоном:

— Вероятно, она не хотела вас беспокоить.

— При чем здесь беспокойство. Зачем ей могли понадобиться в больнице деловые бумаги и пистолеты?

— Наверное, она хочет, чтобы все было в порядке, на случай, если с ней что-то произойдет.

— Не собирается ли она покончить с собой? — чуть слышно спросила Джин.

— Надеюсь, что нет.

— Зачем ей тогда понадобились пистолеты?

— Она не сказала. Я просто хотел оказать ей услугу. Ведь кроме всего прочего, она — мой деловой партнер.

— И все-таки не уверена, что мне следует...

— Но она вот только что звонила мне.

— Лучше я ей перезвоню.

— На вашем месте я бы не стал этого делать.— В его голосе прозвучала угроза. Раздался звук шагов и женский вскрик. Я вошел внутрь. Джин в неестественной позе лежала на черной кожаной кушетке. Лицо ее было бледно. Она прерывисто дышала. Над ней с телефонной трубкой в руке стоял Брайан Килпатрик.

— Зачем обижать слабых? Попробуйте лучше со мной,— сказал я.

Он сделал резкое движение, словно собирался ударить

меня. Я был готов к нападению, и он, видимо, понял это. Он побледнел, и капилляры, лежащие неглубоко под кожей на его лице, стали похожи на царапины.

Он укоризненно улыбнулся мне, но взгляд остался недобрый.

— Мы с Джин не поняли друг друга. Ничего серьезного.

Она поднялась, одергивая юбку.

— А мне кажется, это очень серьезно. Он толкнул меня. Он хочет забрать вещи, принадлежащие моей свекрови.— Она указала на черный портфель, стоящий у стола. Я взял его в руки.

— Портфель мой,— заявил Килпатрик.— Он принадлежит мне.

— Если это действительно так, вы его получите потом.

Он хотел выхватить портфель, но я отдернул его и одновременно, сделав шаг вперед, сильно толкнул Килпатрика плечом. Он отлетел к стене да так и остался там стоять. Тело его обмякло, словно повиснув на невидимом гвозде.

Я подошел к нему, проверил, нет ли у него оружия, и, ничего не найдя, отошел. На лице его появилось выражение крайнего отчаяния и разочарования, которое уже поразило меня однажды. Он словно терял все, что имел, и это происходило у меня на глазах.

— Я расскажу об этом шерифу Тримейну,— пообещал он.

— Пожалуй, вам стоит это сделать. Ему будет небезынтересно узнать, как вы обходились с миссис Бродхерст.

— Если хотите знать, я ее лучший друг. Вот уж несколько лет я отстаиваю ее интересы.

— Вы из нее кровь сосете, как она сказала.

Похоже мои слова озадачили его.

— Она так сказала?

— Да. Она употребила именно эти слова. Вам они не нравятся?

Он все еще стоял у стены. Его рыжие волосы потемнели от пота и прилипли к веснушчатому лбу. Он отбросил их рукой, словно считая, что, если будет выглядеть опрятнее, то все происходящее станет смотреться по-другому.

— Элизабет разочаровывает меня,— произнес он.— Я думал, у нее больше здравого смысла... и признательности. Но видно, все женщины таковы.

Он пылливо взглянул на меня, словно проверяя, не

можем ли мы с ним консолидироваться на антифеминистской платформе.

— Она не испытывает признательности,— подтвердил я.— Никакой признательности за то, что вы ее шантажировали и выживали с ее собственной земли. Женщины ужасно неблагодарны.

Он не мог перенести моей иронии. Глаза его потемнели, а на лице появилась злая гримаса.

— Все, что я делал, было абсолютно законным. О ней этого не скажешь. Когда она наговаривала вам на меня, то не сказала ли случайно, что сделала сама?

— А что она сделала?

Мне не следовало задавать этот вопрос напрямик. Это напомнило ему об осторожности.

— Не уверен, что должен отвечать на ваш вопрос.

— Тогда я отвечу. Миссис Бродхерст застрелила своего мужа. Может быть, это вы толкнули ее на этот шаг? Во всяком случае, нет сомнения, что вы приложили к этому руку.

— Ложь.

— Не вы ли сообщили ей, что Лео купил билеты на Гавайи? Не это ли стало той искрой, из-за которой разгорелась их последняя ссора?

Встретив мой взгляд, он отвел глаза в сторону.

— Я думаю, что он собирается забрать с собой мою жену.

— Но ведь к тому времени ваша жена уже ушла от вас?

— Я надеялся, что она вернется...

— Если вы найдете кого-нибудь, кто поможет вам избавиться от Лео?

— У меня не было таких намерений,— возразил он.

— Не было? Вы спровоцировали ссору Бродхерстов. Ночью вы наблюдали за горным домиком, горя желанием узнать, что из всего этого получится. Вы видели, как в него стреляли или, по крайней мере, слышали выстрел. И когда обнаружили, что Лео остался жив, прикончили его ножом.

— Я этого не делал.

— Но кто-то это сделал. А вы были там. Вы же не отрицали этот факт.

— А теперь отрицаю. Я не стрелял в него и не убивал его ножом.

— Тогда расскажите, что вы делали?

— Я просто наблюдал. Вот и все.

Я рассмеялся ему в лицо. Меня начало раздражать, что

даже такой солидный человек, как Килпатрик, не мог не юлить.

— Ладно, допустим, вы наблюдали. Что произошло потом?

— Полагаю, вам известно, что произошло. Я не собираюсь об этом рассказывать. Даже если вы такой умный, каким себя считаете, я вам не по зубам. Отдайте мой портфель.

— Вам придется забрать его у меня силой.

Он взглянул на меня так, словно действительно обдумывал, как это лучше сделать. Но, видно, у него уже не было ни желания, ни надежды на успех. Фортуна отвернулась от него, и он все больше и больше становился похожим на неудачника.

Он повернулся и пошел к двери. Перед тем, как закрыть ее за собой, он пригрозил:

— Выживу вас из этого города.

Джин медленно двинулась ко мне, вытянув одну руку вперед, словно шла в темной комнате.

— Это правда? То, что вы сказали...

— Что именно?

— То, что вы сказали об Элизабет?

— Боюсь, что да.

Она почти повисла на моей руке.

— Я больше не могу этого выносить. Сколько еще это может продолжаться?

— Думаю, недолго. Где Ронни?

— Спит. Ему захотелось отдохнуть.

— Разбудите его и оденьте. Я отвезу вас в Лос-Анджелес.

— Прямо сейчас?

— Чем раньше, тем лучше.

— Но почему?

Я мог бы назвать много причин. Мне не хотелось объяснять ей главную, которая заключалась в том, что я не знал, как поступит дальше Брайан Килпатрик. Я помнил о револьвере, хранившемся в его доме, и о том, с какой легкостью он был готов применить оружие. Подведя Джин к угловому окну, я показал ей, каким стал ручей. Он превратился в бурлящую горную реку, по которой плыли поваленные деревья. Несколько стволов образовали естественную дамбу, запрудившую воду во дворе. Был слышен грохот валунов, катящихся по дну каньона, точно шары в кегельбане.

— На этот раз дом может не устоять,— сказал я.

— Вы не поэтому хотите увезти нас.

— Это одна из причин. Вы с Ронни будете там в безопасности, а мне нужно еще кое-что сделать. Я должен сообщить обо всем капитану Шипстеду из полицейского управления Лос-Анджелеса. С ним сотрудничать удобнее, чем с местными властями.

Полезность такого сотрудничества стала для меня очевидной именно в последний час, и я решил позвонить Арни немедленно. Я прошел в кабинет и набрал его номер.

Он ответил сразу. Голос его звучал довольно холодно.

— Я ожидал, что вы свяжетесь со мной раньше.

— Прошу извинить. Мне пришлось съездить в Сау-салито.

— Надеюсь, вы хорошо провели уикэнд? — невозмутимо осведомился он.

— Не очень. Я раскопал еще одно убийство. Довольно давнее.— Я сообщил ему факты о смерти Лео Бродхерста.

— Давайте начистоту,— предложил он.— Вы хотите сказать, что Бродхерста убила жена?

— Она стреляла в него, но не убила. У него в ребрах обнаружен отломанный конец ножа. Конечно, может быть, она ударила его еще и ножом...

— А она не могла убить Элберта Суитнера?

— Вряд ли. В субботу вечером миссис Бродхерст находилась в больнице Санта-Тереза. Убийство в Норттридже совершил кто-то другой.

— Кого вы подозреваете?

Я на мгновение замолчал, собираясь с мыслями. Арни нетерпеливо спросил:

— Вы слышите меня, Лью?

— Слышу. Подозреваемых трое. Первый — местный торговец домами Брайан Килпатрик. Он знал, что Элизабет Бродхерст стреляла в своего мужа, и я думаю, что она с самого начала платила Килпатрику за молчание. Это и могло послужить причиной убийства Стенли Бродхерста и Элберта Суитнера.

— Каким образом?

— Килпатрик кровно заинтересован в том, чтобы держать в тайне правду о первом убийстве. От этого зависит его финансовое благополучие.

— Шантаж?

— Возможно. Но я не исключаю и того, что он сам мог прикончить Лео Бродхерста. Если так, то у него имелись еще более веские причины для того, чтобы заставить

замолчать тех двоих. Суитнер знал, где зарыт Лео, а Стенли Бродхерст пытался его откопать.

— Но для чего Килпатрику понадобилось убивать Лео Бродхерста?

— Бродхерст разбил его семью. И, как я уже говорил, здесь замешаны деньги...

— Как он выглядит, Лью?

— Килпатрику около сорока пяти, рост около шести футов, вес — фунтов двести. У него голубые глаза, рыжие курчавые волосы. На макушке залысина. Лицо и нос красные из-за расположенных близко к поверхности кожи капилляров. — Я сделал паузу. — Его видели в Нортридже в субботу?

— Пока вопросы задаю я. У него есть шрамы?

— Видимых нет.

— Кто другие подозреваемые?

— Второй — владелец мотелей Лестер Крэндэлл. Он невысокого роста... Ну, может быть, пять футов семь дюймов... Грузный. У него темные с сединой волосы и большие бакенбарды. Речь, как у парня из провинции... Впрочем, он таков и есть, но очень проницателен и далеко не глуп.

— Какого он возраста?

— Он говорил, что скоро ему исполнится шестьдесят. У него, как и у Килпатрика, были серьезные основания для убийства Лео Бродхерста.

— Шестьдесят — это многовато, — произнес Арни.

— Чтобы ускорить дело, скажите, что вам известно? У вас есть описание, с которым вы сравниваете, да?

— Да, кое-что есть. Но моему свидетелю нельзя полностью доверять. Мне хотелось бы получить независимое подтверждение. Кто последний подозреваемый?

— Это могла сделать бывшая жена Килпатрика — Эллен... Лео соблазнил ее, а потом бросил.

— Там был мужчина. Если допустить, что это была женщина, то вся моя версия летит к черту. А нет другого мужчины, у которого были основания для убийства?

Медленно подбирая слова, я неохотно произнес:

— Садовник Фриц Сноу. Он закопал тогда Лео своим бульдозером. Не похоже, что он способен на убийство, хотя Лео мог спровоцировать его, и Элберт Суитнер тоже.

— Сколько ему лет?

— Около тридцати пяти или тридцати шести.

— Как он выглядит?

— Рост — пять футов десять дюймов, вес — около ста

шестидесяти фунтов. Волосы каштановые, лицо вытянутое, зеленые глаза, часто плачет и вообще психически неустойчив. Есть и физические недостатки...

— Какие?

— Ну, например, заячья губа...

— Почему вы сразу об этом не сказали?! — почти прокричал Арни.

Я отстранил трубку от уха. Прижавшись к дверному косяку, Джин наблюдал за мной. Ее лицо было смертельно бледным, а глаза — такими черными, какими я их никогда еще не видел.

— Где живет этот Фриц Сноу? — спросил Арни.

— В полутора милях оттуда, где я сейчас нахожусь. Хотите, чтобы я забрал его?

— Я сделаю это по своим каналам.

— Арни, позвольте мне сначала самому поговорить с ним. Я не верю, что он мог убить троих, или хотя бы одного...

— А я могу, — отрезал Арни. — Парик, усы и борода, которые были на Элберте Суитнере, не принадлежали ему. Они ему явно не подходили. По моей версии, они принадлежат убийце, который надел их на Суитнера, чтобы запутать дело. Мы побывали во всех магазинах, везде, где можно купить парики... Короче, ваш подозреваемый купил парик и бороду в магазине «Уик Галор» на Уэйн-Стрит.

Я не мог поверить этому.

— Но, возможно, он купил их для Элберта Суитнера?

— Нет. Он купил их месяц назад, когда Суитнер был еще в Фолсомской тюрьме. И потом, нам точно известно, что он покупал их для себя. Он просил продавца подобрать ему такие усы, которые скроют шрам на верхней губе.

Когда я опустил трубку на рычаг, Джин выдохнула лишь одно слово:

— Фриц?

— Похоже на то, — ответил я и рассказал ей о парике и бороде, которые он купил.

Джин закусила губу.

— Мне следовало прислушаться к Ронни.

— Он узнал Фрица тогда в горах в субботу?

— Я не знаю, что было в субботу, а вот несколько недель назад он говорил мне, что видел Фрица с длинными черными волосами и с усами. Правда, когда я попыталась его расспрашивать, он сказал, что все придумал.

Мы пошли к мальчику в спальню. Вздрыгнув от прикосновения матери, он проснулся и сел, сжимая руками

подушку. Глаза его были широко раскрыты. Он дрожал всем телом. Я впервые видел его таким напуганным.

Преодолевая страх, он пролепетал:

— Я испугался, что меня убьет домовой.

— Я спасу тебя,— я пытался успокоить его.

— Он убил папу.

— До тебя он не доберется.

Мать обняла мальчика за плечи, и он, казалось, успокоился. Однако уже в следующее мгновение он начал отбиваться и, освободившись из материнских объятий, встал на кровати во весь рост. Его глаза были почти на одном уровне с моими. Он подпрыгнул и на какое-то мгновение оказался даже выше меня.

— Домовой — это Фриц? — спросил я.

Ронни непонимающе уставился на меня.

— Я не знаю.

— Ты видел его когда-нибудь в парике с длинными волосами?

Мальчик кивнул.

— И с бородой,— добавил он, немного волнуясь.— И с этими, как их...— Он дотронулся пальцем до верхней губы.

— Когда это было, Ронни?

— Когда я последний раз ездил к бабушке Нелл. Я зашел в сарай и увидел там Фрица с длинными черными волосами и с бородой. Он смотрел на фотографию женщины.

— Ты узнал ее?

— Нет... На ней не было одежды.— Ронни снова испугался. Не говорите ему, что я вам все рассказал. Он сказал, что если я проболтаюсь кому-нибудь, будет плохо...

— Ничего плохого не случится, не бойся. А ты видел Фрица в парике в субботу?

— Где?

— В горах.

Ронни посмотрел на меня в замешательстве.

— Я видел человека с длинными черными волосами... Он был очень далеко, я не смог различить, был это Фриц или кто-то другой.

— Но ты подумал, что это он?

— Я не знаю...

Последние слова он произнес устало, словно его детская память запечатлела больше, чем он мог осмыслить. Он повернулся к матери и сказал, что хочет есть.

Я высадил Джин и Ронни у одного из ресторанов в центре города, а сам поехал назад, к дому миссис Сноу. Вдоль ее улицы текли потоки грязной воды. Я поставил машину за ее старым белым «рэмблером», в том месте, где еще просматривался асфальт, и запер ее.

Дверь в дом распахнулась еще до того, как я успел постучать. Миссис Сноу смотрела мимо меня на улицу, словно за мной могли быть еще люди.

— Где Фриц? — спросил я.

— Он в своей комнате. Но я могу ответить на ваши вопросы. Я всегда вам все рассказывала... и дальше, видно, буду.

— Ему придется это сделать самому, миссис Сноу.

Я прошел мимо нее на кухню и открыл дверь комнаты ее сына. Он полулежал на железной кровати, закрыв лицо руками.

Передо мной был слабый, беспомощный человек, и мне очень не нравилась работа, которую предстояло выполнить. Суд над ним, без сомнения, превратится в театральное представление. В тюрьме он будет одним из самых забытых существ, чего справедливо боялась его мать. Я чувствовал, как она стоит за моей спиной, с тревогой ожидая, что будет дальше.

Я сказал, обращаясь к нему:

— Вы покупали парик около месяца назад? Парик, бороду и усы.

Он отнял руки от лица.

— Может, и покупал.

— Мне стало известно, что покупали.

— Тогда зачем вы меня спрашиваете?

— Я хочу выяснить, зачем вы покупали эти вещи?

— Чтобы все думали, что у меня длинные волосы, и чтобы скрыть вот это. — Он коснулся указательным пальцем шрама на верхней губе. — Из-за этого девушки не хотят со мной целоваться. В своей жизни я только один раз поцеловал девушку.

— Марту?

— Да. Она мне разрешила, но это было очень давно, лет шестнадцать или восемнадцать назад. Я прочитал о париках и других таких штуках в журнале про кино, а однажды поехал в Голливуд и купил себе комплект. Я хотел поухаживать за девочками на Сансет-Стрит. Я хотел быть как все.

— Ну и что, удалось кого-нибудь снять?

Он уныло покачал головой.

— Мне удалось сходить туда только один раз. Она не хочет, чтобы у меня была подружка.— Фриц перевел взгляд на мать.

— Я твоя подружка,— стараясь казаться как можно веселее, сказала она.— А ты — мой дружок.— Она улыбнулась ему и подмигнула. В глазах ее стояли слезы.

— Где ваш парик, Фриц? — спросил я.

— Не знаю. Я спрятал его под матрац, а его кто-то взял.

— Его, должно быть, взял Элберт Суитнер,— вставила миссис Сноу.— Он был у нас в доме на прошлой неделе.

— Он исчез задолго до этого. Он пропал месяц назад,— возразил Фриц.— Мне только раз удалось сходить к девочкам.

— Вы не обманываете меня? — спросил я, глядя на него.

— Нет, сэр.

— А вы случайно не ездили в субботу вечером в Нортридж и не надевали парик на голову Элберта Суитнера!

— Нет, сэр.

— А может быть, он был на вас в субботу утром, в горах... когда вы убили Стенли Бродхерста?

— Я любил Стенли. Зачем мне надо было его убивать?

— Потому что он начал откапывать тело своего отца. Разве не вы убили его отца?

Он сильно затряс лохматой головой. Его мать заволновалась.

— Молчи, молчи, Фриц! Не наговаривай на себя.

Голова его бессильно повисла, точно у него была сломана шея. После недолгой паузы он заговорил снова:

— Я закопал мистера Бродхерста... Я уже вам говорил. Но я не убивал его. Я никогда не убивал кого-либо из них...

— «Никого из них»,— поправила миссис Сноу.— Ты не убивал никого из них.

— Я никогда не убивал никого из них,— послушно повторил Фриц.— Ни мистера Бродхерста, ни Стенли, ни... Кто там был еще?

— Элберт Суитнер.

— Ни его я тоже не убивал.

— «И его»,— снова поправила миссис Сноу.

Я повернулся к ней.

— Прошу вас, пусть он говорит, как умеет.

Твердость в моем голосе, казалось, придала уверенности ее сыну.

— Да. Дай мне самому говорить.

— Я только хотела помочь,— сказала она.

— Да уж, конечно,— в голосе его звучало сомнение. Он по-прежнему не поднимался с кровати.— Куда девался мой парик и все остальное?

— Наверное, его кто-то забрал,— ответила она.

— Элберт Суитнер?

— Может быть, и Элберт.

— Я не верю. Это ты забрала,— неожиданно выпалил он.

— Ты сам не знаешь, что говоришь.

Он медленно поднял на нее глаза и, ударив ладонью по спинке кровати, воскликнул:

— Это ты... ты вытащила из-под матраца! И я не сумасшедший!

— Ты говоришь как сумасшедший,— сказала она.— Зачем бы я стала забирать твой парик?

— Потому что ты не хотела, чтобы я ходил к девочкам. Ты ревновала.

Она тонко хихикнула, хотя видно было, что ей не до смеха. Ее лицо посерело и окаменело.

— Мой сын не в себе,— сказала она, обращаясь ко мне.

Я повернулся к Фрицу.

— Почему вы думаете, что это ваша мать забрала парик?

— Сюда больше никто не заходит. Мы живем вдвоем. А раз он пропал, то я точно знаю, кто его взял.

— Вы спрашивали ее об этом?

— Я боялся.

— Мой сын никогда не боялся меня,— запротестовала она.— И он знает, что я не брала этот парик. Его мог взять Элберт Суитнер. Сейчас я припоминаю, что он был здесь месяц назад.

— Месяц назад он был в тюрьме, миссис Сноу. Вы хотите свалить на Элберта чересчур много.

Я снова повернулся к Фрицу.

— Раньше вы говорили мне, что это Элберт заставил вас закопать Лео Бродхерста. Вы не отказываетесь от своих слов?

— Элберт был там,— проговорил он, запинаясь.— Он спал в конюшне около горного домика. Он мне говорил, что проснулся от выстрела и пошел посмотреть, что случилось.

Когда я привел бульдозер со стоянки лесничества, он стал мне помогать закапывать.

Миссис Сноу обошла меня и остановилась у самой кровати.

— Элберт приказал тебе сделать это?

— Нет,— упрямо произнес он.— Это ты мне велела. Ты мне сказала, что этого хочет Марта.

— Мистера Бродхерста убила Марта? — спросил я.

— Этого я не знаю. Меня там не было, когда все случилось. Мать разбудила меня среди ночи и сказала, что я должен закопать его поглубже, иначе Марту отправят в газовую камеру.— Он посмотрел на стены узкой комнаты так, словно это была газовая камера, в которую вот-вот начнет поступать газ.— Она мне говорила, чтобы я все валил на Элберта, если кто-нибудь начнет меня распрашивать.

— Ты ненормальный,— зло бросила сыну миссис Сноу.— Если ты не перестанешь врать, я уйду от тебя, и ты останешься один. Они посадят тебя в тюрьму или в сумасшедший дом.

— Не бойтесь, Фриц. Вас не посадят в тюрьму только за то, что вы выполняли ее приказы.

— Я не потерплю этого! — взорвалась она.— Вы настраиваете его против меня.

— По-моему, давно пора сделать это, миссис Сноу. Ваш сын всегда был для вас козлом отпущения, а вы пытались убедить себя, что заботитесь о нем.

— Кто же еще позаботится о нем? — спросила она голосом, в котором вызов и грубость переплелись с обреченностью и печалью.

— Пожалуй, чужой человек сделал бы это даже лучше.— Я снова обратился к Фрицу.— Что произошло в субботу утром, когда Стенли взял у вас кирку и лопату?

— Взял у меня кирку и лопату,— повторил он мои слова.— А скоро мне стало не по себе. Я пошел за ними, чтобы посмотреть, что они будут там делать. Стенли начал копать прямо в том месте, где был зарыт его отец.

— Что же вы сделали?

— Я вернулся в дом и позвонил ей.— Взгляд его зеленых глаз остановился на матери. Она издала странный шипящий звук, похожий на свист. Не обращая на это внимания, я спросил:

— А что вы делали в субботу вечером, Фриц? Ездили в Нортридж?

— Нет, сэр. Я весь вечер спал дома.

— А где была ваша мать?

— Я не знаю. Она дала мне снотворного, после того, как позвонил Элберт. Она всегда дает мне снотворного, когда оставляет меня ночью одного.

— Элберт звонил сюда в субботу вечером?

— Да, сэр. Трубку снял я, но он хотел разговаривать с ней.

— О чем они говорили?

— О деньгах. Она сказала, что у нее нет денег.

— Заткнись! — Он отпрянул и с плачем забился в угол кровати.

— Вы убили Лео Бродхерста?

Она не ответила. — Вы не остались в доме в тот вечер, когда миссис Бродхерст и Стенли пошли в горы. Вы пошли за ними и, обнаружив Лео, лежащего без сознания, добились его ножом. Затем вы вернулись домой и приказали Фрицу зарыть и Лео и его машину.

К несчастью, Элберт Суитнер знал место захоронения и в конце концов он вернулся сюда с надеждой обратить это в деньги. У него ничего не вышло со Стенли, который не принес ему денег в субботу вечером, тогда Элберт позвонил вам и попытался вытянуть их у вас. Вы поехали в Нортридж и убили его.

— Как я могла убить его?.. Такого большого и сильного мужчину, как Элберт?

— Вероятно, когда вы встретились, он был сильно пьян. Да ему и в голову не могло прийти, что от вас может исходить опасность. То же самое было и со Стенли.

Она не говорила ни слова, хотя губы ее шевелились.

— Я понимаю, почему вы убили Элберта и Стенли, — сказал я. — Вы хотели скрыть то, что совершили в прошлом. Но зачем вам понадобилось убивать Лео Бродхерста?

Ее глаза встретились с моими и затуманились, как холодное стекло, на которое кто-то подул.

— Он лежал там полуживой, истекая кровью. Все, что я сделала, это прекратила его страдания. — Ее сжатая в кулак правая рука дернулась, точно воспроизводя тот давний удар. — Я сделала бы то же самое с умирающим животным.

— Вы убили его не из сострадания.

— Это нельзя назвать убийством. Он заслуживал смерти. Он был обманщиком и ловеласом. Он сделал Марту Никерсон беременной, а вину за это свалили на моего сына. Фредерик сильно изменился после этого.

Я подошел к телефону и стал звонить в полицию. Телефонная трубка все еще была в моей руке, когда я увидел, как миссис Сноу достала из ящика кухонный нож и мгновенно, словно в каком-то диком танце, под аккомпанемент только ей слышной музыки, оказалась возле меня.

Я схватил ее за руку. Она с безумной яростью сопротивлялась, однако скоро силы оставили ее. Нож звякнул об пол. Я крепко держал ее за руки до тех пор, пока не приехала полиция.

Когда я писал отчет, раздался телефонный звонок. Звонила невеста Брайана Килпатрика. Килпатрик ушел в игровую и застрелился.

Портфель с пистолетами и документами Элизабет Бродхерст, который я забрал у него, все еще лежал в багажнике моей машины. Я еще не заявлял о его существовании, хотя понимал, что все факты, связанные со смертью Лео Бродхерста, станут известны на суде над Эдной Сноу.

Еще до наступления темноты Джин, я и Ронни выехали из города.

— Ну вот все и кончилось, — сказал я.

— Хорошо, — сказал Ронни, а его мать вздохнула.

Я надеялся на то, что все действительно кончилось, и жизнь Ронни не замкнется на прошлом, на смерти отца, как это произошло со Стенли. Я от всей души пожелал мальчику стереть недавние события из своей памяти.

СОДЕРЖАНИЕ

ДРОЖЬ	3
ПОГРЕБЕННЫЙ	255

Росс Макдональд

Том 4

Сдано в набор 18.05.92. Подписано к печати 10.10.92. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага типогр. № 2. Гарнитура Тип Таймс. Печать офсетная с ФПФ. Усл. печ. л.
24,78. Усл. кр.-отт. 26,25. Зак. № 47. 2 — 1525.

Концерн «Олимп». 370000. Баку, ул. Ази Асланова, 78.

Диапозитивы текста изготовлены на Головном предприятии РПО «Полиграф-
книга».

Отпечатано с готовых диапозитивов
в издательстве «Самарский Дом печати».
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Уважаемый читатель!

Часть средств от реализации книг концерн «Олимп» перечисляет в фонд помощи беженцам из Армении и Нагорного Карабаха, которых за четыре года не-объявленной войны на территории Азербайджана уже насчитывается более 400 тыс. человек.

Концерн «Олимп» взял на свое обеспечение все детские дома и интернаты г. Баку.

Заранее Вам благодарны, если в наше тяжелое время, когда сострадание и милосердие забыто, Вы сочтете нужным оказать посильную помощь этим людям.

**Просим Ваши пожертвования перечислять на р/с 161404 в банке «Азжелдорбанк» г. Баку
МФО 501736.**

COSY PALACE

Концерт «Олимп» предоставляет уникальную серию «БП-333» — (Библиотека приключений, которая состоит из 333 томов), куда входят полные собрания сочинений А. Кристи, Д. Чейза, Э. Гарднера, Р. Стаута, К. Брауна, Э. Макбейна, А. Маклина и многих других мастеров детективного жанра.

КОНЦЕРН «ОЛИМП» ПОЗДРАВЛЯЕТ ВАС С ПРИОБРЕТЕНИЕМ ЭТОЙ ВЕЛИКОЛЕПНОЙ СЕРИИ.

Р. МАКДОНАЛЬД

4